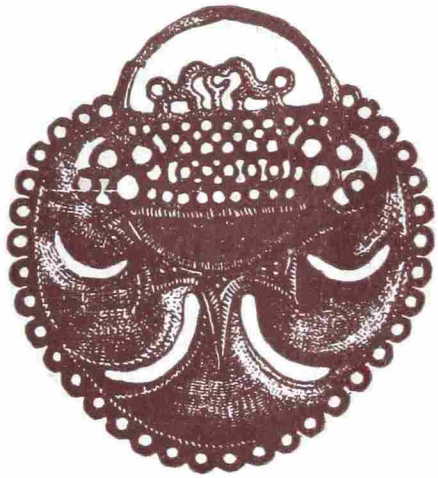
АКАДЕМИЯ НАУК СССР

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



2
1974

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО НАУКА МОСКВА

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 2
1974

Журнал основан в 1957 году

Выходит четыре раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

А. А. Формозов (Москва). Археология в Академии наук 3
Е. В. Антонова (Москва). Антропоморфные статуэтки халафской культуры . 14
А. Л. Никитин (Москва). Существовала ли «волосовская культура»? 27
Г. Н. Курочкин (Ленинград). К интерпретации некоторых изображений раннего железного века с территории Северного Ирана 34
И. А. Бабаев (Баку). Античная черепица Кавказской Албании 48
Б. Ю. Михлин (Донецк). Амфоры «коричневой» глины из Северо-Западного Крыма 60
В. А. Могильников (Москва). К вопросу о дифференциации этнической общности обских угров в I тысячелетии н. э. 68
П. Н. Третьяков (Ленинград). Некоторые данные об общественных отношениях в восточнославянской среде в I тысячелетии н. э. 73
М. А. Сабурова (Москва). Женский головной убор у славян (по материалам Вологодской экспедиции) 85
Е. В. Воробьева, А. А. Тиц (Харьков). О датировке Успенского и Борисоглебского соборов в Чернигове 98
В. И. Федоров (Москва). Благовещенский собор Московского Кремля в свете исследований 1960—1972 гг. 112
Р. Г. Фахрутдинов (Казань). О столице домонгольской Булгарии 131

Публикации

В. И. Неприна, А. С. Беляев (Киев). Поселение и могильник новой неолитической культуры на Северной Украине 144
И. Г. Розенфельдт (Москва). Стоянки близ села Неготино Брянской области 157
Н. Н. Терехова (Москва). Металлообработка на энеолитическом поселении Геоксюр 167
С. Г. Деведжян (Ереван). Лори-Бердский могильник 180
М. П. Абрамова (Москва). Погребения скифского времени Центрального Предкавказья 195
В. П. Даркевич, Б. И. Маршак (Москва, Ленинград). О так называемом сирийском блюде из Пермской области 213
Р. А. Даутова, Х. М. Мамаев (Грозный). Археологические памятники средневековья у селения Али-Юрт (Чечено-Ингушетия) 223
Т. Б. Палимпсестова, А. П. Рунич (Ессентуки, Пятигорск). О ессентукийских мавзолеях и ставке Узбек-хана 229
Р. Б. Ахмеров (Уфа). Археологические находки в Башкирии 240

Заметки

А. А. Формозов (Москва). Об изображении на костяном топорике из Дударкова 249
А. А. Моруженко (Донецк). Скифский меч из коллекции археологического музея Донецкого государственного университета 252

© «Советская археология» 1974

К. К. Марченко (Ленинград). Оборонительные сооружения Елисаветовского городища на Дону 253
Х. М. Мамаев, В. А. Петренко (Грозный). Стеклянный сосуд из окрестностей Алхан-Калинского городища 257
Ю. Ф. Буряков, М. Г. Крамаровский (Самарканд). Поясной набор XIII в. из Самарканда 258
Ф. Г. Мамедов (Баку). Неизвестный памятник зодчества средневекового Азербайджана 263

Критика и библиография

Д. Я. Телегин (Киев). Р. К. Римантене. Палеолит и мезолит Литвы. Вильнюс, 1971 269
А. В. Виноградов, С. А. Оленич (Москва). Гандж Даре — новый неолитический памятник в Западном Иране (обзор) 271
Е. Н. Черных (Москва). Н. В. Рындина. Древнейшее металлообрабатывающее производство Восточной Европы, М., 1971 276
В. И. Козенкова (Москва). В. Б. Виноградов. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный, 1972 280
В. Б. Ковалевская (Москва). Les méthodes mathématiques de l'Archéologie. Paris, 1972 290
Литература по археологии Средней Азии и Казахстана в 1971 году 295

Хроника

Г. В. Григорьева, У. И. Исламов (Ленинград, Самарканд). Совещание по каменному веку Средней Азии и Казахстана, 1972 г. 318
А. П. Смирнов Ответ А. Х. Халикову, П. Н. Старостину, Е. А. Халиковой, А. Г. Петренко и др. 320

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А. В. Арциховский (главный редактор),
О. Н. Бадер, С. Н. Бибиков, В. Д. Блаватский, И. С. Каменецкий, М. К. Каргер, В. М. Массон, Р. М. Мунчаев, Б. Б. Пиотровский, С. А. Плетнева, Б. А. Рыбаков, А. П. Смирнов (зам. главного редактора),
В. С. Титов (отв. секретарь)

Зав. редакцией *Л. М. Бушкина*

Адрес редакции:

117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19

Тел. 126-94-45

А. А. ФОРМОЗОВ

АРХЕОЛОГИЯ В АКАДЕМИИ НАУК

17 октября 1973 г. опубликовано постановление ЦК КПСС о праздновании 250-летия Академии наук СССР. К этой памятной дате предлагаем для юбилейного номера «Советской археологии» обзор работ, проведенных Академией наук в нашей области знания. Поскольку достижения советских археологов всем знакомы и неоднократно характеризовались в печати (в частности, в «Советской археологии», № 3 и 4 за 1967 г., посвященных 50-летию Октябрьской революции), данный обзор охватывает первый, менее освещенный, дореволюционный период истории Академии наук.

Центральное археологическое учреждение нашей страны — ордена Трудового Красного Знамени Институт археологии Академии наук СССР, как известно, вошло в систему Академии только в 1937 г. Его непосредственная предшественница — Академия истории материальной культуры (сперва Российская — РАИМК, затем Государственная — ГАИМК) была самостоятельным учреждением, а созданная в 1859 г. императорская Археологическая комиссия, на базе которой после Октябрьской революции возникла РАИМК, подчинялась министерству двора. Таким образом, почти 80 лет — с 1859 до 1937 г. — центр археологии в России находился вне стен Академии. Если мы вспомним, что в XIX — начале XX в. в области археологии активно работали Одесское общество истории и древностей (с 1839 г.), Русское археологическое общество (с 1846 г.), Московское археологическое общество (с 1864 г.), десятки музеев во главе с Эрмитажем и Историческим, провинциальные отделы Географического общества, университеты, архивные комиссии и т. д., может создаться впечатление, что роль Академии наук в развитии отечественной археологии была незначительной. Но такой вывод был бы ошибочным. На протяжении всей своей деятельности — и не только до 1859 и после 1937 г. — Академия вносила очень важный вклад как в исследование памятников древности в поле, так и в их осмысление и интерпретацию.

Главные направления в развитии русской археологии XVIII в. были намечены Петром I еще до организации Академии. В основанную в 1714 г. Кунсткамеру со всех концов страны по указу Петра присылалось «все, что зело старо и необыкновенно»: «старые надписи на каменьях, железе или меди», «старое необыкновенное ружье» (оружие), посуда и т. д.[1] В 1719 г. из Петербурга отправилась в Сибирь научная экспедиция во главе с приглашенным из Данцига доктором Д. Г. Мессершмидтом, буду-

[1] Полное собрание законов Российской империи (1 собр.), V, № 3159.

щим членом-корреспондентом Академии наук. Ему было поручено «приискивать... могильных всяких древних вещей, шейтаны, медные и железные, и литые образцы человеческие и звериные и калмыцкие глухие зеркала под писмом» [2]. Тогда же делались попытки получить объяснение собранным коллекциям. В 1721 г. библиотекарь Петра, будущий академик И. Д. Шумахер, привез в Париж на консультацию с французскими учеными девять идолов «из земель калмыков». В 1724 г. эти вещи были изданы в своде Бернара Монфокона «Древности, объясненные и представленные в картинах», охватившем около 40 тысяч памятников искусства и быта из Греции и Италии, классического Востока и Западной Европы. То была первая научная публикация археологических коллекций из русских музеев [3].

В проекте Петербургской Академии наук, составленном Л. Блюментростом и утвержденном Петром I 22 января 1724 г., наряду с математическим и физическим классами предусматривался «третий класс... из тех членов, которые в гуманиорах и протчем упражняются. И сие свободно бы трем персонам отправлять можно: первая б элоквенцию и студиум антиквитатис обучала, вторая — гисторию древнюю и нынешнюю, а третья — право натуры и публичное купно с политикою и этикою (ндравоучением)» [4]. Как видим, темы, связанные с древностями, занимали в проекте весьма заметное место.

Уже после смерти Петра I в Академии продолжались начатое им собирание археологических коллекций, полевое обследование памятников прошлого и попытки их интерпретации. В Кунсткамере, вошедшей в состав Академии и в 1728 г. обосновавшейся на Васильевском острове в том доме, где и сейчас находится Музей антропологии и этнографии АН СССР, накапливались новые и новые коллекции. В Ленинградском отделении Архива АН СССР хранятся десятки зарисовок вещей из первого собрания Музея. Рисунки были выполнены художниками И. Соколовым, Г. Качаловым, И. Махаевым и др. для подготовлявшегося в 1732—1735 гг. иллюстрированного каталога Кунсткамеры. В пожаре 1747 г. коллекции погибли, и издание не состоялось. Но изображения погибших вещей уцелели. Тут мы увидим керамику, украшения и оружие из сибирских курганов и бронзовый алтарь семиреченского типа, финские шумящие привески и каменные скульптуры Кондуйского городка в Забайкалье, изразцы из золотоордынских городов в Поволжье и серию античных светильников, богатейшую коллекцию китайских зеркал и произведения западноевропейских средневековых ремесленников и многое другое [5].

После пожара Кунсткамера вновь пополнила свои археологические фонды. В трех изданных в XVIII в. каталогах музея нашли свое место и археологические материалы. Главным образом это вещи из Сибири, но упоминаются и эпиграфические памятники из Болгара, и золотые и серебряные предметы из могилы, открытой под Новгородом в 1764 г., и каменные орудия с Ладожского канала [6].

На протяжении всего XVIII в. Академия наук отправляла экспедиции «для изучения разных провинций Российской империи». Экспедиции имели комплексный характер. В ходе их собирались материалы по географии,

---

[2] В. В. Радлов. Сибирские древности. МАР, 15, 1894, приложение, стр. 138.

[3] А. А. Формозов. Из истории Кунсткамеры. ВИ, 1968, 5, стр. 124—126.

[4] История Академии наук СССР, т. I, М.— Л., 1958, стр. 431.

[5] Ленинградское отделение Архива АН СССР, р. IX, оп. 4. Т. К. Шафрановская. О сокровищах Петровской кунсткамеры (по рисункам XVIII в.). СЭ, 1965, 2, стр. 147—156.

[6] Musei Imperialis Petropolitani. vol. I. Pars tertia, qua conti nentur res naturales ex regno minerali. Petropólitanae, 1745, стр. 196, vol. II. Pars prima, qua continentur res artifaciales, 1746, стр. 104, 105, 133—137. Опыт о библиотеке и кабинете редкостей и истории натуральный Санкт-Петербургской Академии наук, изданный на французском языке Иоганном Бакмейстером. СПб., 1779, стр. 180, 181; Осип Беляев. Кабинет Петра Великого. СПб., 1800, отд. 2, стр. 11.

геологии, зоологии, ботанике, но археология никогда не была забыта. В книгах академиков И. И. Лепехина, Н. Я. Озерецковского, И. Г. Гмелина, Г. Ф. Миллера, В. Ф. Зуева, П. С. Палласа, И. Г. Георги, адъюнкта Н. П. Рычкова и других участников «ученых путешествий» описано множество археологических памятников Сибири, Урала, Среднего и Нижнего Поволжья, Кавказа, Карелии, Северного Причерноморья и Крыма [7]. Экспедиции вели раскопки. В 1734 г. Миллер изучал курганы близ Усть-каменогорска, желая «усмотреть внутреннее их состояние и положение костей» [8]. В 1772 г. погребальными сооружениями Сибири занялся П. С. Паллас, дабы «иметь некоторое понятие о внутреннем их состоянии» [9]. Художники, участвовавшие в экспедициях, снимали копии с древних писаниц, зарисовывали каменные изваяния, составляли планы городищ. Часть этих материалов опубликована уже в изданиях Академии XVIII в., часть хранится в архивах. Все, кто обращался к ним, убеждались, как много было сделано нашими предшественниками, какой неисчерпаемый запас сведений они нам оставили [10]. На первом месте здесь должны быть поставлены знаменитые «портфели Миллера», содержащие тысячи записей и зарисовок [11].

Десятилетняя Сибирская экспедиция Г. Ф. Миллера и И. Г. Гмелина 1733—1743 гг. заложила основы сибирской археологии. Сколько удалось узнать тогда об археологических памятниках, показывает обширная — из 100 пунктов — инструкция Г. Ф. Миллера для адъюнкта И. Фишера, написанная в 1740 г. Собираясь покинуть Сибирь, Г. Ф. Миллер делился опытом со своим преемником, чтобы работа не начиналась заново, а развивала достигнутое в предшествующие годы. Инструкция раскрывает и то, что знал руководитель Сибирской экспедиции, и то, в чем он видел ее задачи на будущее. Перечислив основные типы могильников, по крайней мере десяток, Г. Ф. Миллер ставит перед И. Фишером самые разные вопросы. Надо выяснить и количество захоронений, и глубину их, и ориентацию, и есть ли при погребениях костяки овец и коней. Существенно, где лежат вещи — в ногах или в головах. Не нужно увлекаться одними курганами: не менее любопытны городища, писаницы, развалины, изваяния, каменные орудия. Блеск сибирского золота не затмил для Миллера значение рядовых находок: «Глиняные сосуды не следует при этом оставлять без внимания» [12]. Прогресс в изучении древностей за короткое двадцатилетие после петровских распоряжений поистине колоссален.

Полевыми наблюдениями дело не ограничивалось. В XVIII в. старались понять характер и происхождение остатков старины. Появились первые исследования по археологии. Г. Байер опубликовал свои комментарии к плану Дербентской стены, снятому во время Персидского похода Дмитрием Кантемиром и переданному академику его учеником поэтом Антиохом Кантемиром [13]. Г. Ф. Миллер охарактеризовал находки в Литой могиле под Елисаветградом, раскопанной А. П. Мельгуновым в 1763 г. [14] П. С. Паллас издал «Рассуждение о старинных рудных копях в Сибири и их подобии с венгерскими, различествующими от копей римских» [15].

---

[7] Библиографию см.: А. А. Формозов. Очерки по истории русской археологии. М., 1961, стр. 31—33; В. Ф. Гнучева. Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX вв. М.— Л., 1940.

[8] Изъяснение о некоторых древностях, в могилах найденных. «Ежемесячные сочинения и известия об ученых делах», декабрь 1764, стр. 494.

[9] П. С. Паллас. Путешествие по разным провинциям Российского государства. III. Первая половина. СПб., 1788, стр. 504.

[10] См., например: В. Н. Чернецов. Наскальные изображения Урала. САИ, В — 4—12(2). М., 1971, стр. 9—12.

[11] Н. В. Голицын. Портфели Миллера. М., 1899.

[12] В. В. Радлов. Сибирские древности... приложение, стр. 114.

[13] Г. Байер. О стене кавказской. «Краткие описания комментариев Академии наук», СПб., 1728, стр. 167—207.

[14] Изъяснение о некоторых древностях...

[15] Академические известия на 1780 год, часть V, стр. 312—337.

Через 200 лет нам трудно оценить эти сочинения. Многое кажется в них наивным, но вспомним, что археология как наука тогда только зарождалась, причем первой рождалась археология античная. В Сибири, в Поволжье, в Приуралье русские ученые шли по целине. Помня об этом, мы отдадим должное их проницательности.

В отличие от французских академиков, осудивших в 1730 г. Магюделя, предположившего, что острия из кремня — это орудия первобытных людей, русские ученые писали в статье «О перунах или громовых стрелах», что «они у наших предков вместо военного оружия были» [16]. То же говорил и Г. Ф. Миллер: «Вне могил встречаются в земле... секиры древних или так называемые громовые стрелы» [17]. В другой работе Г. Ф. Миллер отметил, что в енисейских курганах находят вещи только из меди, и сделал вывод: «Народ, похоронивший там своих покойников, может быть, не знал употребления железа. Следовательно, сии могилы гораздо старее прочих» [18]. Так накапливались факты, позволившие создать систему трех веков К. Томсена. В этой же статье, используя этнографические параллели, Г. Ф. Миллер разъяснил, зачем зарывали вещи в курганы: якуты и индусы убеждены, что на том свете покойнику пригодится его имущество; так же думали и древние обитатели России [19].

Нельзя не сказать и о роли Академии как просветительного учреждения, особенно важной в период до основания Московского университета. Обязанностью первых академиков было чтение лекций. Уже в январе 1726 г. Академия сообщала о начале этих лекций. Вслед за знаменитым математиком Д. Бернулли должен был выступить «антиквитетов профессор» Г. Байер. Согласно объявлению, он «древностеи греческие, манеты и достопамятные вещи ветхого Рима изъяснит» [20]. Выходившие на русском языке «Краткие описания комментариев Академии наук», «Ежемесячные сочинения об ученых делах», «Академические известия» и другие издания знакомили широкую публику с трудами русских и зарубежных ученых, публиковавшимися обычно на латинском или немецком языке. Как видим, XVIII в. оставил нам достаточно богатое наследство, и главную долю в него внесла Академия наук.

Новый период в истории русской археологии начался в последней четверти XVIII в., когда в состав России вошли Крым и Северное Причерноморье. Ученые сразу же забросили Сибирь и устремились на юг. Уже в 1781 г. В. Ф. Зуев при поездке в Херсон осмотрел и описал прославившийся впоследствии Чертомлыцкий курган [21], а в 1793—1794 гг. П. С. Паллас познакомился со многими достопримечательностями Крыма и Тамани [22]. Все чаще путешественники предпочитали Тавриду просторам Азии. Это понятно. Загадочные «чудские изделия» могли интриговать узкий кружок сотрудников Академии. Древности греков и римлян воспринимались как что-то свое, почти родственное, всем просвещенным обществом, воспитанным на искусстве и литературе классицизма. Исследования в Причерноморье с каждым годом расширяются, а в Сибири постепенно замирают. Больших экспедиций после П. С. Палласа здесь не было чуть ли не 100 лет. Массовые раскопки курганов возобновил только В. В. Радлов в 60-х годах XIX в. Традиции XVIII в. некоторое время поддерживал член-корреспондент Академии Г. И. Спасский, издававший в 1818—1825 гг. «Сибирский вестник», а в 1825—1827 гг. —

---

[16] «Исторические генеалогические и географические примечания к Санкт-Петербургским ведомостям», ч. CXXXIX, СПб., 8 — XI — 1731, стр. 363—366.

[17] В. В. Радлов. Ук. соч., стр. 113.

[18] Изъяснение о некоторых древностях..., стр. 484.

[19] Там же, стр. 486.

[20] История Академии наук СССР, т. I, стр. 146, 147.

[21] Путешественные записки Василья Зуева от Санкт-Петербурга до Херсона в 1781 и 1782 гг. СПб., 1787, стр. 246, 264—267.

[22] П. С. Паллас. Поездка во внутренность Крыма вдоль Керченского полуострова и на остров Тамань. ЗООИД, XII, 1881, стр. 62—208, XIII, 1883, стр. 35—92.

«Азиатский вестник». Он печатал тут статьи о рисунках на скалах, горных разработках и погребальных сооружениях, но это по преимуществу компиляции из материалов Г. Ф. Миллера и П. С. Палласа. А потом и Г. И. Спасский перебрался в Одессу и погрузился в занятия археологией Причерноморья.

Новые люди принялись за исследование древностей Боспора, Херсонеса, Ольвии: сперва военные (генералы П. К. Сухтелен, Г. Фан-дер Вейде, С. Г. Гангеблов, полковник Я. Л. Парокия), моряки (начальник транспортной флотилии Н. Ю. Патиниоти, капитан М. Б. Берх), потом просвещенные представители местной администрации (С. М. Броневский, И. А. Стемковский, П. Дюбрюкс, И. П. Бларамберг). Возникают музеи в Николаеве, Феодосии, Одессе, Керчи, Одесское общество истории и древностей.

Роль Академии в исследовании античных памятников Причерноморья оказывается второстепенной, но в той или иной мере она всегда принимала участие в этой работе. Поездка П. С. Палласа позволила определить место расположения ряда греческих городов, в частности Ольвии. В 1821 г. академик Е. Келер вместе с архитектором Е. Паскалем объехал памятники древности в Крыму, чтобы дать рекомендации, как их сохранить в будущем [23]. Указом Александра I для реставрации античных зданий было выделено 10 тысяч рублей [24]. Это был первый случай в истории России, когда государственные средства были отпущены специально на нужды охраны памятников.

Е. Келер опубликовал множество заметок по античной нумизматике, эпиграфике, глиптике. После его смерти они были переизданы Академией в пятитомном собрании его сочинений [25]. Будущий академик П. И. Кеппен издал два ценных обзора памятников древности в Северном Причерноморье [26]. Среди введенных им в научный оборот материалов был знаменитый ольвийский декрет в честь Протогена. Значительный вклад в археологию внес член-корреспондент Академии наук профессор Московского университета П. М. Леонтьев. Он, в частности, начал раскопки древнего города Танаиса [27].

И в дальнейшем, когда уже была создана Археологическая комиссия, Академия не стояла в стороне от ее работ по античности. Академик Л. Э. Стефани был автором большинства описаний древностей, присылавшихся в Петербург из Керчи и других мест раскопок в Причерноморье. Эти описания вошли в «Отчеты Археологической комиссии» и в публикации коллекций Эрмитажа [28]. Стефани готовил эпиграфические материалы и для издания «Древности Боспора Киммерийского». Академик А. С. Лаппо-Данилевский издал совместно с В. К. Мальмбергом описание находок в кургане IV в. до н. э. Карагодеуашх близ ст. Крымской в Прикубанье [29].

И хотя основные исследователи античных памятников, даже такие, как Б. В. Фармаковский, не входили в состав Академии, все же мы можем с гордостью назвать имена двух академиков, чьи труды во многом определили пути не только русского, но и мирового антиковедения. Это — В. В. Латышев и М. И. Ростовцев. Первый создал классические труды по эпиграфике Северного Причерноморья [30], второй оставил обобщающие исследования по истории, археологии, истории искусства Боспорского царства,

---

[23] О сохранении и возобновлении в Крыму памятников древности и об издании описания и рисунков оных. ЗООИД, VIII, 1872, стр. 363—403.

[24] Полное собрание законов Российской Империи (1 собр.), т. XXXVIII, № 29105.

[25] H. Köhler. Gesammelte Schriften. I—V, S-Pt., 1850—1853.

[26] П. Кеппен. Древности Северного берега Понта. М., 1828; его же. Крымский сборник. О древностях южного берега Крыма и гор Таврических. СПб., 1837.

[27] П. М. Леонтьев. Археологические разыскания на месте древнего Танаиса и в его окрестностях. «Пропилеи», IV, М., 1854, стр. 397—524.

[28] Л. Стефани. Путеводитель по античному отделению Эрмитажа. М., 1856. L. Stephani. Die Vasen Sammlung der Kaiserliche Ermitage, I—II, S.-Pt, 1869.

[29] А. Лаппо-Данилевский, В. Мальмберг. Курган Карагодеуашх. МАР, 13, 1894.

[30] См. статьи, посвященные В. В. Латышеву. СА, XXVIII, 1958.

скифов, сармат, всего юга нашей страны в целом [31]. Значение работ и того и другого ученого настолько хорошо известно, что на этом можно подробнее не останавливаться. Упомянем лишь, что оба они были тесно связаны с Археологической комиссией, а В. В. Латышев постоянно редактировал тома ее «Известий» и «Отчетов». В предреволюционные годы членами-корреспондентами Академии стали крупный эпиграфист Н. И. Новосадский и знаток истории, искусства и археологии древней Греции и Причерноморья, будущий академик С. А. Жебелев.

Наряду с античными памятниками, ученые Академии наук много занимались византийскими и вообще раннехристианскими древностями. Академики Ф. И. Успенский и Н. П. Кондаков предприняли для их обследования специальные экспедиции в Сирию и Палестину и посвятили им фундаментальные труды [32].

20—30-е годы XIX в. были тем периодом, когда археология в России формировалась как особая наука со своими задачами и методами. Сложилась плеяда исследователей античных памятников в Причерноморье. З. Ходаковский и К. Ф. Калайдович (он был членом-корреспондентом Академии) начали изучение древнерусских городищ. В декабристской «Полярной звезде» А. А. Бестужев писал: «К чести нашего века надобно сказать, что русские стали ревностно заниматься археологиею и критикой исторической — сими основными камнями истории» [33]. По всей стране возникали новые научные объединения, посвятившие себя археологии. Не осталась в стороне от изучения древнейшего прошлого своего отечества и Академия наук.

Этому способствовали два обстоятельства. Во-первых, в академические музеи продолжали поступать археологические коллекции, и их надо было классифицировать и интерпретировать. Во-вторых, в состав Академии выбирали виднейших ученых, среди которых были и ведущие специалисты в области археологии (правда, и в нашей сфере не обошлось без таких постыдных конфузов, каким было забаллотирование Д. И. Менделеева при выборах в академики. Академиками не были ни Татищев, ни Болтин, ни Щербатов, а С. М. Соловьева удалось провести в академики только по отделению языка и словесности. Приходится пожалеть о том, что многие выдающиеся археологи не были избраны в Академию. Номинальным было участие в работах Академии выбранных в ее почетные члены А. Н. Оленина, И. Е. Забелина, А. С. Уварова, П. С. Уваровой).

Старейший русский музей — Кунсткамера,— и в начале XIX в. остававшийся собранием всевозможных редкостей, где крыловский Любопытный разглядывал букашек и не заметил слона, не отвечал уже требованиям дифференцировавшихся наук. И Академия произвела реорганизацию своей музейной части. На базе Кунсткамеры был создан ряд самостоятельных музеев. Среди них вызванные вкусами эпохи особый Египетский музеум и Музей классической археологии и искусства, Азиятский музей (к нему отошли тогда сибирские археологические коллекции, туда же поступили вещи из раскопок Царева городища в 1843—1844 гг.), Этнографический музей, Анатомический музей, включавший и коллекции по антропологии, и т. д. Некоторые музеи были недолговечны. Собрания Египетского музея и Музея классической археологии вскоре влились в фонды

---

[31] М. И. Ростовцев. Античная декоративная живопись на Юге России. СПб., 1914; его же. Эллинство и иранство на Юге России. П., 1918; его же. Курганные находки Оренбургской губернии эпохи раннего и позднего эллинизма. МАР, 37, 1918; его же. Скифия и Боспор. Л., 1925.

[32] Ф. И. Успенский. Археологические памятники Сирии. «Изв. Русского археологического института в Константинополе», VII, вып. I, София, 1902, стр. 53—207; Н. П. Кондаков. Археологическое путешествие по Сирии и Палестине. СПб., 1904.

[33] А. Бестужев. Взгляд на русскую словесность в течение 1825 года. Сб. «Полярная звезда». М.— Л., 1960, стр. 493, 494.

Эрмитажа. Другим музеям суждено было сыграть большую роль в развитии нашей науки.

Интерес к древностям проявляли не только историки, филологи, искусствоведы, но и представители точных наук. Так, непременный секретарь Академии, математик П. Н. Фусс (с ним с лицейских времен был дружен А. С. Пушкин) [34], подал в 1843 г. записку министру внутренних дел Л. А. Перовскому о необходимости охраны каменных баб на курганах в южнорусских степях [35]. Хранитель минералогических коллекций Академии К. И. Гревингк в 50-х годах XIX в. открыл и описал неолитические изображения, выбитые на скальных берегах Онежского озера [36]. Но особенно важная роль в развитии археологии принадлежит знаменитому биологу академику К. М. Бэру. Еще в 1844 г. он опубликовал статью о загадочных лабиринтах русского Севера — выкладках из камней по берегам Белого и Баренцева морей [37]. Внимательно следя за успехами первобытной археологии за рубежом, К. М. Бэр с конца 50-х годов начал собирать каменные и бронзовые орудия в возглавлявшемся им Анатомическом музее Академии. В 1862 г. вместе с академиком А. А. Шифнером он выпустил инструкцию для собирания доисторических древностей для этнографического музея [38].

Автор нескольких статей о каменном веке П. И. Лерх отмечал, что в 50-х годах Археологическому обществу в Петербурге присылали иногда кремневые орудия из Вильны и Гельсингфорса, но «издавать в рисунках знакомые нашему крестьянскому населению под названием громовых стрел невзрачные памятники древности считалось, кажется, роскошью» [39]. Таким образом, решающий шаг в создании первобытной археологии в России сделали не Археологическая комиссия и не Петербургское археологическое общество, увлеченные античным искусством Причерноморья, а именно академические учреждения, занятые прежде всего естественными науками. По инициативе К. М. Бэра в Музей этнографии поступила самая большая в ту пору коллекция каменных орудий из России, собранная горным инженером Н. Ф. Бутеневым в Карелии. В 1863 г. в академических изданиях появились описания этой коллекции на французском и немецком языках, составленные академиком А. А. Шифнером [40].

И в дальнейшем Академия сделала очень много для изучения каменного века. Хранитель Зоологического музея И. С. Поляков обследовал неолитические стоянки на Севере Европейской России, в Верхнем Поволжье, в бассейне Оки, в Сибири, на Сахалине. Особое значение имело открытие им палеолита в Костенках на Дону. Туда он отправился по следам академика С. Г. Гмелина, еще в XVIII в. описавшего находки костей мамонта у этого села. Поляков установил, что кости залегают в одном слое с каменными орудиями, так что здесь налицо стоянка охотников на мамонта. Книга, в которой сделан этот важный вывод, издана Академией наук [41].

---

[34] М. П. Алексеев. Пушкин. Л., 1972, стр. 14, 15.

[35] Н. И. Веселовский. Современное состояние вопроса о «каменных бабах» или «балбалах». ЗООИД, XXXII, 1915, стр. 418, 419.

[36] K. Grewingk. Über die in Granit geritzten Bildergruppen am Ostufer des Onegasees. «Bulletin de la classe des sciences historiques, philologiques et polithiques de l'Académie Impériale des sciences de Saint-Petersbourg», 1854. No 271—272, p. 98—103.

[37] K. Baer. Über labyrynthformige Steinsetzungen in Russischen Norden. «Bulletin de la classe historico-philologique de l'Académie Impériale des sciences de Saint-Petersbourg», t. I, No 5, 1844, p. 70—79.

[38] К. Бер, А. Шифнер. О собирании доисторических древностей в России для этнографического музея. «Записки Академии наук», т. I, кн. 1. СПб., 1862, стр. 115—123.

[39] П. И. Лерх. Рец. на работу: N. Butenew. Einige Bemerkungen über die Ureinwohner der nordlichen Russlands. Изв. АО, VI, 1868, стр. 154.

[40] А. А. Формозов. Первый собиратель каменный орудий в России. ВИ, 1972, 1, стр. 213—216.

[41] И. С. Поляков. Антропологическая поездка в Центральную и Восточную Россию. Приложение к XXXVII тому «Записок Академии наук», СПб., 1880.

Позднее Академией был опубликован труд Н. Ф. Кащенко об одной из первых палеолитических стоянок в Сибири — в г. Томске [42]. Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого, сложившийся на базе Кунсткамеры и получивший это название в 1878 г., на долгие годы стал центром изучения каменного века России [43]. Тут работал И. Т. Савенков, открывший Афонтовскую палеолитическую стоянку на Енисее. Тут начинал свою деятельность профессор Б. Э. Петри, еще до революции исследовавший стоянку Улан-хада на Байкале, давшую ценные материалы для периодизации сибирского неолита [44]. Напомним, наконец, что в состав Академии в качестве почетного члена входил профессор Московского университета Д. Н. Анучин, чьи заслуги перед первобытной археологией широко известны. Он оставил работы, и сейчас служащие образцом синтеза археологических, антропологических и этнографических данных [45]. Членом-корреспондентом Академии был геолог А. А. Иностранцев — автор замечательной монографии «Доисторический человек каменного века побережья Ладожского озера» (СПб, 1882).

Второе направление в археологии, в котором успешно действовали члены Академии наук,— это восточная археология. В середине XIX в. окончилась эпоха «деспотизма античного мира» в духовной жизни общества, о чем говорил некогда В. Г. Белинский, подчеркивая, что это «власть законная, почесть заслуженная» [46]. В 1829 г. в первом томе «Истории русского народа» известный писатель и журналист член-корреспондент Академии наук Н. А. Полевой писал: «Развалины Самарканды столь же значительны в глазах наблюдателя, как и развалины Коринфа и Афин» [47]. Русская наука, и раньше пристально интересовавшаяся Востоком, с удвоенной силой принялась за изучение Кавказа, Сибири, Центральной и Средней Азии.

Академик М. И. Броссе при поездках в Закавказье исследовал не только христианские храмы, грузинские и армянские рукописи (это была его основная специальность), но и археологические памятники. В частности, он издал монографию о развалинах средневекового армянского города Ани, описав 46 построек на городище [48]. Академик В. Ф. Миллер — выдающийся лингвист, знаток русских былин — очень много сделал и для кавказоведения. Его труды об осетинах и других народах Северного Кавказа содержат удачные сопоставления археологических, этнографических, лингвистических и фольклорных материалов, позволяющие раскрыть многие важные страницы в истории иранского мира, как на Кавказе, так и за его пределами. Во время экспедиций на Кавказ В. Ф. Миллер обследовал древние храмы, захоронения в склепах и другие археологические памятники в Чечне, Ингушетии, Осетии и Балкарии [49]. Академик Н. Я. Марр провел в 1903—1911 гг. ряд археологических исследований в Закавказье — начал раскопки города Ани, античного храма в Гарни, собрал материал о вишапах — каменных статуях в горах Армении, относящихся, как теперь

---

[42] Н. Ф. Кащенко. Скелет мамонта со следами употребления некоторых частей тела этого животного в пищу современным ему человеком. «Записки Академии наук по физико-математическому отделению», VIII сер., т. XI, 7, СПб., 1901.

[43] Т. В. Станюкович. Музей антропологии и этнографии за 250 лет. «Сборник МАЭ», XXII, 1964, стр. 65—103.

[44] Б. Э. Петри. Неолитические находки на берегу Байкала. «Сборник МАЭ», III, 1916, стр. 113—132.

[45] С. В. Киселев, Д. Н. Анучин — археолог. «Труды Института этнографии АН СССР», т. I, 1947, стр. 22—24.

[46] В. Г. Белинский. Сочинения Державина. «Полное собрание сочинений», т. VI, 1955, стр. 612.

[47] Н. А. Полевой. История русского народа, т. I, М., 1829, стр. XXVI.

[48] M. Brosset. Les ruines d'Ani capitale de l'Armenie sous les rois Bagratides aus X s. Histoire et descriptions, I, II. S-Pt., 1860—1861. О нем см.: Ш. А. Хантадзе. Академик Мари Броссе и европейское и русское грузиноведение. Тбилиси, 1970.

[49] В. Ф. Миллер. Терская область. Археологическая экскурсия. МАК, I, М., 1888. О нем см.: Б. А. Калоев. В. Ф. Миллер — кавказовед. Орджоникидзе, 1963, стр. 93—101.

выясняется, минимум к началу бронзового века [50]. Книга о вишапах, написанная академиками Н. Я. Марром и Я. И. Смирновым, увидела свет уже после революции [51].

С именем академика В. В. Радлова связан важный этап в развитии тюркской археологии. Еще в молодости, во время своего пребывания на Алтае, в 1859—1871 гг., он вел археологические раскопки, исследовав среди прочих и богатейший Катандинский курган II—I вв. до н. э. Копал он и в Хакасии, и в Туве, и в Семиречье. В 1891 г., уже академиком, он организовал Орхонскую экспедицию, увенчавшуюся открытием многих памятников тюркской рунической письменности, расшифрованной В. В. Радловым, выявлением развалин древнеуйгурской столицы Карабалгасуна и другими интересными находками. Опубликованные В. В. Радловым «Атлас древностей Монголии», три выпуска «Сибирских древностей» и сейчас часто используются археологами, настолько они богаты материалом и ценнейшими наблюдениями [52]. Радлов оставил аккуратные отчеты о своих раскопках и создал уникальный фонд эстампажей с памятников рунической письменности. Эти эстампажи на коленкоре до сего дня хранятся в Институте востоковедения АН СССР. Очевидно, способ изготовления эстампажей, разработанный Радловым, оправдал себя и может и сейчас применяться при копировании наскальных гравировок и надписей [53].

В глубины Азии была направлена Академией наук и Туркестанская экспедиция. Первым побывал в Турфане по заданию Академии в 1898 г. Д. А. Клеменц — бывший народоволец, потом сотрудник Минусинского музея и, наконец, сотрудник Музея антропологии и этнографии. Позже, по следам и при участии Д. А. Клеменца, в Восточный Туркестан двинулась экспедиция во главе с академиком С. Ф. Ольденбургом. В 1909—1910 гг. она посетила Кучар, Карашар, Турфан. Продолжались ее работы и в 1914—1915 гг. Экспедиция собрала богатейший материал по истории буддизма, его культуры и искусства [54].

Тесно связан с археологией был и академик В. В. Бартольд. Собственные его раскопки 1893 и 1904 гг. в Семиречье, Тарбагатае и Восточном Туркестане были кратковременны и не очень удачны. Зато он был постоянным консультантом местных работников из Туркестанского кружка любителей археологии в Ташкенте, помогая им в расшифровке надписей, монет, ставя задания проверить в поле сообщения письменных источников, критикуя фантазии дилетантов и поддерживая все ценные начинания первых исследователей среднеазиатских древностей [55]. Бартольду принадлежат и сейчас не утратившие своей ценности статьи о памятниках Бухары и Самарканда, в частности о самаркандских оссуариях [56].

Назовем, наконец, такого видного искусствоведа-ориенталиста, как академик Я. И. Смирнов, оставившего нам много солидных трудов по истории культуры Востока, и прежде всего великолепный альбом «Восточное серебро», посвященный находкам произведений сасанидской и среднеазиатской торевтики в пределах России [57]. Членами-корреспондентами Академии были и археологи-востоковеды Н. И. Веселовский, В. А. Жуковский, В. Г. Тизенгаузен.

---

[50] В. А. Миханкова. Николай Яковлевич Марр. М.— Л., 1949, стр. 177—192.

[51] Н. Я. Марр, Я. И. Смирнов. Вишапы. Л., 1931.

[52] В. В. Радлов. Сибирские древности. МАР, 3, 1888; 5, 1891; 15, 1894. Атлас древностей Монголии. СПб., 1892—1899. О нем см.: С. И. Вайнштейн, С. Г. Кляшторный. В. В. Радлов и историко-этнографическое изучение тюркских народов. «Тюркологический сборник за 1971 г.» Л., 1972, стр. 20—31.

[53] В. В. Радлов. О новом способе изготовления эстампажей с надписей на камнях. Зап. ВО РАО, VII, 1893, стр. 169—181.

[54] С. Ф. Ольденбург. Русская Туркестанская экспедиция 1909—1910 гг. СПб., 1914.

[55] См.: Б. В. Лунин. Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане. Ташкент, 1958, стр. 206—239.

[56] В. В. Бартольд. Сочинения, т. IV, М., 1966.

[57] Я. И. Смирнов. Восточное серебро. СПб., 1903.

В заключение остановимся на том, что было сделано в дореволюционные годы Академией наук в области славяно-русской археологии. Работы З. Ходаковского, Д. Я. Самаквасова, В. В. Хвойки не были связаны с Академией, но все же некоторые из академиков внесли определенный вклад в русскую археологию. Упоминавшийся выше П. И. Кеппен помимо обзоров античных памятников в Причерноморье опубликовал несколько статей и о русских древностях [58]. Археограф академик П. М. Строев проводил археологические раскопки в Старой Рязани [59]. Известный языковед и специалист по древнерусской литературе академик И. И. Срезневский развивал идеи З. Ходаковского о городищах в славянских землях [60].

В Академию избирались признанные знатоки русской старины. Почетными членами были — К. М. Бороздин и Ф. П. Аделунг, членами-корреспондентами — А. Д. Чертков, И. П. Сахаров, И. М. Снегирев, позднее — А. А. Котляревский и В. Б. Антонович.

Но особенно интересовался археологией академик М. П. Погодин. В его частном музее — «древлехранилище» кроме рукописей накапливались и археологические находки, например из курганов под Жиздрой, раскопанных Ф. П. Стрелковым [61]. Погодин издал в «Русском историческом сборнике» неопубликованные труды Ходаковского, в том числе его отчеты о раскопках сопок и жальников под Новгородом и Ладогой [62]. Внимательно следя за литературой о русских древностях, Погодин предчувствовал, какие богатые возможности таят они для восстановления прошлого. В книге П. С. Савельева «Мухаммедданская нумизматика» он обратил внимание на беглое упоминание о находках в котловане, вырытом при постройке храма Христа-спасителя в Москве: в песке на глубине 10 аршин там встретились кости мамонта, выше — арабские монеты X в., еще выше, на глубине 3 аршин — надгробия XIV в., еще выше — копейки XV—XVII вв. и на самом верху — современные могилы. Погодин с восхищением записал в свой дневник, что таким образом археология дает в руки ученым новую летопись, которую даже легче разобрать, чем рукописную. Точно так же, читая книгу В. Доброхотова об Успенском соборе во Владимире, он понял, что бывают фрески-палимпсесты, и призывал расчистить от поздних записей живопись Андрея Рублева [63]. И не удивительно, что именно М. П. Погодин выступил на I Археологическом съезде в 1869 г. с обобщающим докладом «Судьбы археологии в России» [64].

В конце XIX — начале XX в. в составе Академии наук работал другой ученый, сыгравший еще большую роль в сложении русской археологии. Академик Н. П. Кондаков был прежде всего искусствоведом, крупнейшим знатоком византийского, южнославянского и древнерусского искусства, но он был и археологом, сам вел раскопки, читал археологические курсы в Петербургском университете, публиковал археологические труды. Среди них выделяются монография «Русские клады» [65] и шеститомное популярное издание «Русские древности в памятниках искусства», написанное сов-

---

[58] П. И. Кеппен. Список русским памятникам, служащим к составлению истории художеств и отечественной палеографии. СПб., 1822; его же. О Рогволдовом камне и Двинских надписях. «Уч. зап. Академии наук по 1 и 3 отделениям», т. 3, 1855, стр. 59—70.

[59] Н. П. Барсуков. Жизнь и труды П. М. Строева. СПб., 1878, стр. 249—253.

[60] И. И. Срезневский. О городищах в землях славянских, преимущественно западных. ЗООИД, II, 1850, стр. 532—549.

[61] Н. П. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. IX, СПб., 1895, стр. 195.

[62] Историческая система Ходаковского. «Русский исторический сборник», I, кн. 3, М., 1838, стр. 3—109. Отрывок из путешествия Ходаковского по России. Лагода— Новгород; там же, т. II, 1839, стр. 131—200. Донесение о первых успехах путешествия по России Ходаковского; там же, т. VII, 1844, стр. 1—378.

[63] Н. П. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. X, 1896, стр. 56, 416, 417.

[64] Труды I Археологического съезда, т. I, М., 1869, стр. 1—44.

[65] Н. П. Кондаков. Русские клады. Исследование древностей великокняжеского периода. СПб., 1896.

местно с И. И. Толстым [66]. Это издание подвело итог целому периоду в развитии отечественной археологии. Здесь характеризуются древности греческих колоний Причерноморья и находки в скифских курганах, чудские изображения Приуралья и Сибири и Амударьинский клад, статуэтки из Самарканда и средневековые храмы Грузии и Армении, русские курганные древности, клады ювелирных изделий эпохи Киевской Руси и архитектура Владимира и Новгорода. Благодаря этому изданию широкие круги русских читателей узнали, какие сокровища культуры хранит их земля, какие этапы истории прошло древнее население России. Большое значение имело это издание и для заграницы. Саломон Рейнак перевел на французский язык и выпустил в Париже том, посвященный Северному Причерноморью [67].

В кратком обзоре трудно охарактеризовать все работы в области археологии, проведенные Академией наук в дореволюционные годы. Как мы убедились, эти работы охватили все основные периоды истории — от палеолита до средневековья, все районы страны — от Карелии до Закавказья, от Крыма до Сахалина, вышли и за пределы России. Вклад, внесенный Академией наук в развитие археологии, очень значителен. И вполне закономерно, что в годы Советской власти центральное археологическое учреждение страны вошло в состав Академии наук СССР.

A. A. Formozov

ARCHÉOLOGIE EN ACADÉMIE DES SCIENCES

Résumé

L'article fait une revue, rédigée pour l'anniversaire de 250 ans de l'Académie des Sciences, des recherches en archéologie effectuées par l'Académie depuis son fondement en 1724 jusqu'à la Révolution d'Octobre en 1917.

---

[66] И. И. Толстой, Н. П. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, вып. I—VI, СПб., 1889—1899.

[67] Antiquites de la Russie meridionale (Ed. française des «Russkia drewnosti»). Par prof. N. Kondakof, I. Tolstoi et S. Reinach. Paris, 1891.

Е. В. АНТОНОВА

АНТРОПОМОРФНЫЕ СТАТУЭТКИ ХАЛАФСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Халафская культура (конец VI—первая половина V тысячелетия до н. э.) представляет важный этап в развитии древнеземледельческой цивилизации Месопотамии и более западных областей. Ее памятники охватывают широкую дугу между Евфратом и Большим Забом. Открытие произведений высокоразвитой материальной культуры, в первую очередь великолепной расписной керамики, привлекало и продолжает привлекать внимание исследователей[1]. Однако до сих пор ряд ключевых моментов истории халафской культуры, в частности ее происхождение, остаются недостаточно выясненными. Не вполне ясна и роль, которую сыграла эта культура в развитии более поздних и более южных культур Месопотамии. Естественно, для изучения таких сюжетов обращаются преимущественно к массовому материалу — керамике, которая относительно легко формализуется и дает возможность проводить широкие сопоставления. Материал антропоморфной пластики используется еще в малой степени. Сейчас, когда обнаружены значительные комплексы статуэток практически для всех этапов развития раннеземледельческой цивилизации Месопотамии, представляется целесообразным привлекать их для выяснения отдельных сторон указанной проблемы.

Для исследования такого рода материал должен быть обработан так, чтобы его можно было сравнивать. Как все образцы древнего и современного традиционного искусства [2], антропоморфные изображения строятся из некоторого количества установленных и освященных традиций элементов — частей тела, причесок, декора, деталей одежды и т. д., различные сочетания которых и придают статуэткам их неповторимое даже в пределах синхронного комплекса своеобразие. Образы антропоморфных существ рассматриваются с точки зрения, характеризованной М. М. Бахтиным как «гротескная концепция тела» [3]. Такому подходу, как представляется, будет соответствовать метод разложения статуэток на составные элементы. Комплекс в таком случае может рассматриваться как набор элементов, а отдельные типы — как более или менее устойчивые распределения или реализации этих элементов. Сравнение комплексов можно проводить на основании вычисления процентов встречаемости элементов.

В табл. 1 каждый признак принимается за единицу. В случае, сомнительном из-за фрагментарного состояния, но предполагаемом, дается значение 0,5, при этом в графу «неясно» также заносится 0,5.

---

[1] Литература по этому вопросу приводится в статье: Н. Ф. Богословская. К проблеме сложения халафской культуры. СА, 1971, 2.

[2] См. об этом: Е. В. Антонова. Антропоморфная пластика древней Месопотамии. Культуры Джармо и Хассуна. СА, 1972, 2, стр. 19. В методическом отношении представляет интерес работа Л. А. Чвырь. Ювелиры-ремесленники и местная художественная традиция в Таджикистане. СЭ, 1971, 1.

[3] М. Бахтин. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1965.

Статуэтки халафской культуры известны на ряде памятников Сирии и Северного Ирака. Наибольшее количество происходит из Телль-Халафа на Хабуре, располагающегося выше его по течению Чагар Базара и Телль-Арпачии неподалеку от берега Тигра в районе Мосула. Отдельные экземпляры найдены на Тепе Гавре (к северо-востоку от Арпачии), Ярым-Тепе 2 и Телул-ат-Талатате (к северу от Мосула).

Таблица 1

Памятник	Тип	Пол				Поза				
		женский	мужской	не указано	не прослежено	сидячая	сидячая на стуле	стоячая	не выражено	не прослежено
Арпачия	1	10	—	1	—	2	—	—	7	2
		90,9%	—	9,9%	—	18,2%	—	—	63,7%	18,2%
	2	3	2	15	—	10	—	—	9	1
		15%	10%	75%	—	50%	—	—	45%	5%
	3	2	—	—	1	—	—	3	—	—
		66,6%	—	—	33,3%	—	—	100%	—	—
Телль-Халаф		11,5	—	—	4,5	12	—	—	—	4
Чагар-Базар		11	—	—	2	9,5	3	—	—	0,5

		Положение ног					Положение рук		
		Колени подняты	вытянуты (сидячая)	вытянуты (стоячая)	не показано	не прослежено	под грудью	не показано	не прослежено
Арпачия	1	2	—	—	7	2	—	9	2
		18,2%	—	—	63,7%	18,2%	—	81,9%	18,2%
	2	—	8	—	11	1	3	16	1
		—	40%	—	55%	5%	15%	80%	5%
	3	—	—	3	—	—	—	—	3
		—	—	100%	—	—	—	—	100%
Телль-Халаф		10	—	—	—	6	10,5	1	4,5
Чагар-Базар		11,5	—	—	—	1,5	11	1	1

		Форма головы				Головной убор			
		стержневидная	коническая	натуралистич.	не ясна	вытянутый	цилиндрический	нет	не прослежено
Арпачия	1	1	4	2	4	1	—	6	4
		9,1%	36,4%	18,2%	36,4%	9,1%	—	54,6%	36,4%
	2	6	1	—	13	—	—	7	13
		30%	5%	—	65%	—	—	35%	65%
	3	—	—	—	3	—	—	—	3
		—	—	—	100%	—	—	—	100%
Телль-Халаф		—	3	1	12	1	—	—	15
Чагар-Базар		—	—	5	8	—	4	—	9

Таблица 1 (*продолжение*)

Памятник	Тип	Черты лица			Анатомические детали						
						признак пола					
		глаза	не показаны	не ясно	грудь	женский	мужской	преувеличенный живот	пуп	не показаны	не прослежены
Арпачия	1	—	7	4	8	—	—	3	—	1	—
		—	63,7%	36,4%	66,4%	—	—	24,9%	—	8,3%	—
	2	—	5	15	3	1	2	—	1	15	—
		—	25%	75%	13,5%	4,5%	9%	—	4,5%	67,5%	—
	3	—	—	3	—	2	—	—	—	—	1
		—	—	100%	—	66,6%	—	—	—	—	33,3%
Телль-Халаф		1	5	10	10	—	—	—	—	1,5	4,5
Чагар-Базар		1	4	8	10	—	—	—	—	1	2

		Элементы декора								
		полосы горизонтальные				горизонтальные, перечеркнутые вертикальными	полосы вертикальные		ожерелье круглое	ожерелье угообразное
		руки	грудь	ноги	торс		грудь	торс		
Арпачия	1	—	—	—	1	—	—	1	1	—
		—	—	—	8,3%	—	—	8,3%	8,3%	—
	2	—	—	—	1	—	—	1	—	—
		—	—	—	4,4%	—	—	4,4%	—	—
	3	—	—	1	—	—	—	—	—	—
		—	—	33,3%	—	—	—	—	—	—
Телль-Халаф		9	—	6	—	—	5	—	—	5
Чагар-Базар		4	2	3	2	2	2	—	1	1

		ленты на груди	пояс	бесформенное пятно на торсе	круглые пятна		нет	не прослежено
					руки	торс		
Арпачия	1	1	—	—	—	—	5	3
		8,3%	—	—	—	—	41,5%	24,9%
	2	1	1	1	—	1	17	—
		4,4%	4,4%	4,4%	—	4,4%	74,8%	—
	3	—	—	—	—	—	—	2
		—	—	—	—	—	—	66,6%
Телль-Халаф		—	1	—	1	—	2	4
Чагар-Базар		—	2	—	—	1	5	—

Статуэтки Арпачии (рис. 1) относятся к средней фазе халафской культуры [4]. Как и большая часть статуэток, происходящих из довоенных раскопок, они стратифицированы недостаточно точно. В публикации Мэллоуэна и Роуза они располагаются под тремя рубриками: «в слое», «в верхнем слое» и «в халафском слое».

Мэллоуэн выделяет в арпачийских статуэтках четыре типа: 1. Стоящие или сидящие на корточках экземпляры. Имеются стеатопигические. Неко-

[4] M. E. L. Mallowan, C. Rose. Prehistoric Assyria. The Excavations at Tall Arpachiyah, 1933. Oxford, 1935. Классификация: p. 81—82.

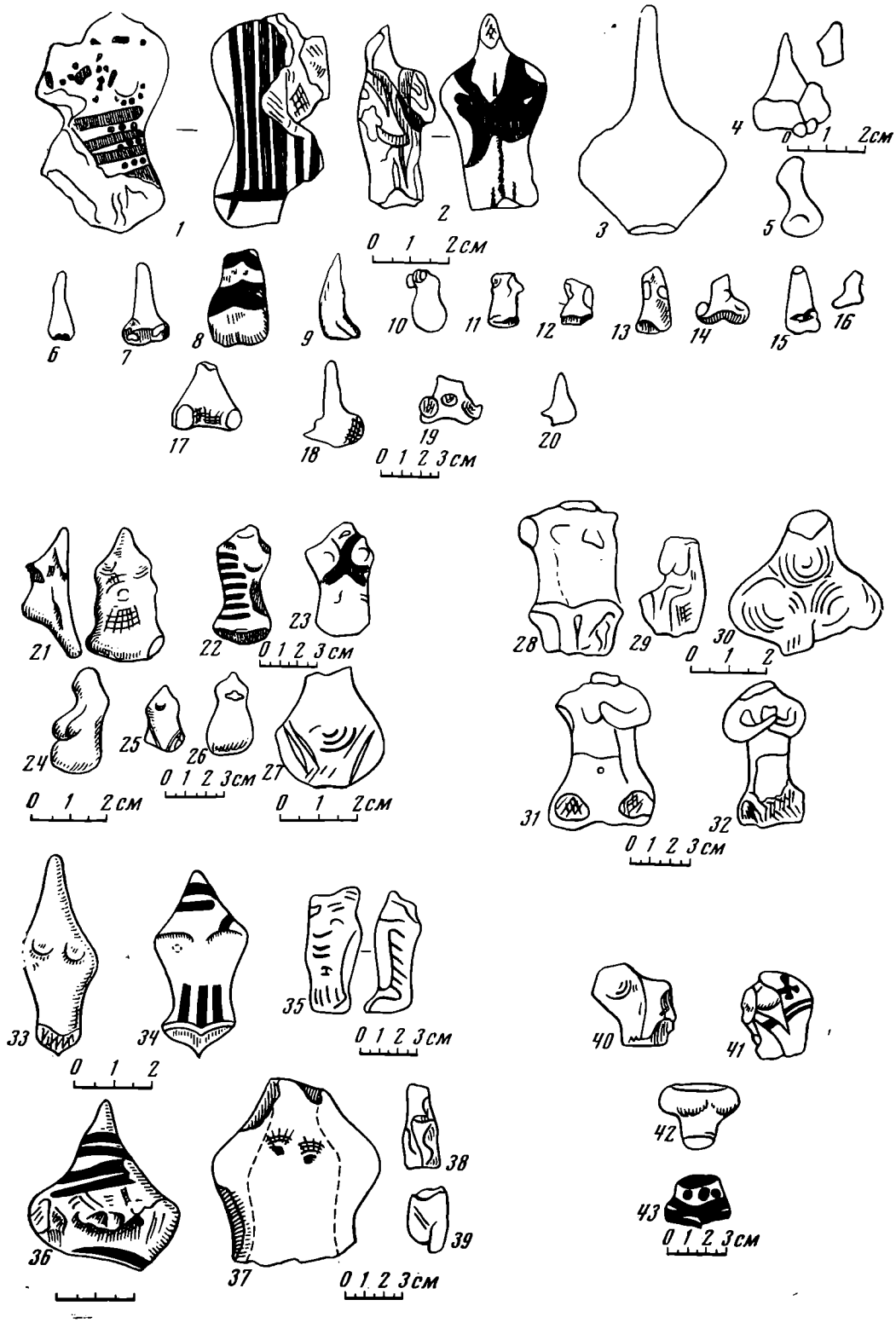


Рис. 1. Статуэтки Телль-Арпачии

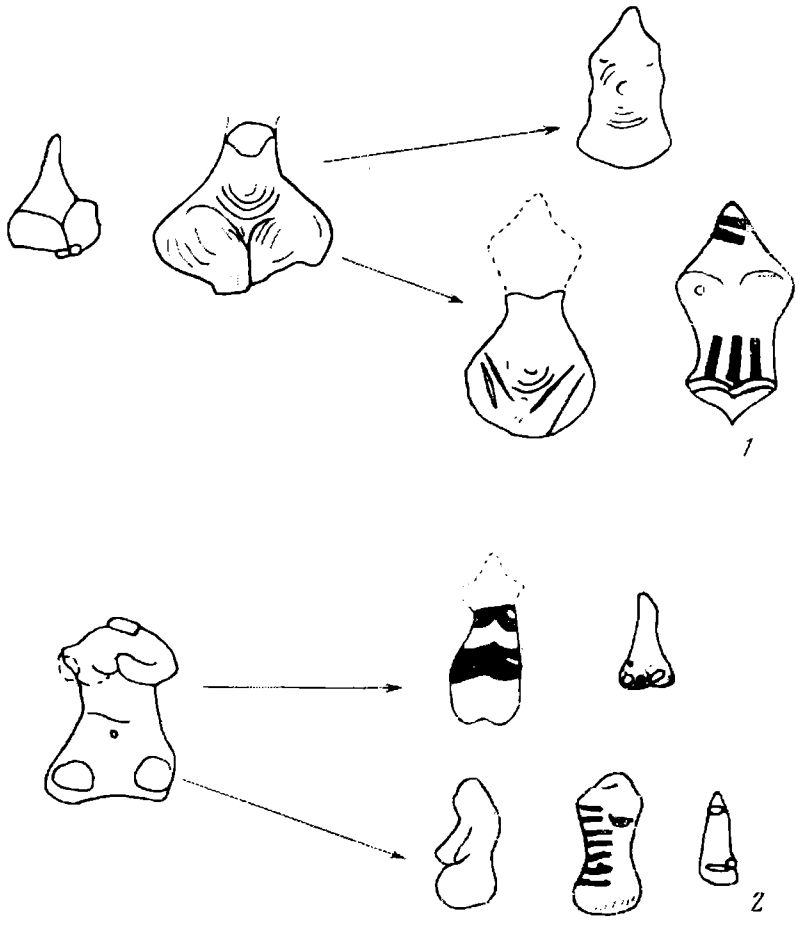


Рис. 2. Генезис 1- и 2-го типов Арпачии

торые — с красной раскраской, которую автор считает одеждой (в публикации рис. 45, *1—8*; 47, *21—24*). 2. Полнофигурные статуэтки (рис. 45, *10—12*). 3. Плоские скрипкообразные или скрипкообразные со срезанной верхушкой (рис. 45, *5—6*; 47, *4, 18—20*). 4. Стеатопигичные скорченные статуэтки из необожженной глины и простые варианты, происходящие от них (рис. 45, *13, 15—16*; 47, *2—3, 5—14*).

Типология Мэллоуэна не может быть признана удовлетворительной потому, что в ней отсутствуют четкие критерии для выделения типов. Одни и те же признаки встречаются у статуэток, принадлежащих к разным типам. Наконец, признаки не одного порядка: так, фигурирует понятие «реминисценции палеолитических фигурок». В результате нечеткости выделения признаков сходные статуэтки оказываются отнесенными к разным типам. Некоторые экземпляры классификацией вовсе не охватываются.

Мы предлагаем деление статуэток Арпачии на три типа в соответствии с позой и предполагаемыми типологическими предшественниками.

Тип. 1. К нему относятся статуэтки сидящие, восходящие к образцам со сдвинутыми коленями (рис. 1, *4, 21—27, 30, 33—34*). Нижняя часть повторяет абрис основания статуэток-предшественников. В некоторых случаях на уплощенной нижней части изображались две пары косых врезов, видимо, имитирующих прежнее расположение ног. От того же прототипа ведут происхождение статуэтки (рис. 1, *33—34*), низ которых имеет подтреугольную форму, повторяющую очертания нижней части прототипа, но без ног. Относящиеся к этому типу фигурки преимущественно жен-

ские (см. табл. 1), количество экземпляров неопределенного пола невелико. Небольшое количество изображается в сидячей позе, большинство — в невыраженной; сидящие имеют поднятые колени. Руки не изображаются совершенно, голова имеет форму стержня или конуса, возможно, предпринимается попытка изобразить высокий головной убор.

Черты лица отсутствуют. Среди признаков пола изображается грудь и преувеличенный живот.

Тип. 2. Предшественниками статуэток этого типа были также сидящие фигурки, но с ногами, вытянутыми вперед (рис. 1, *1*, *2*?, *6—20*, *28*, *31*, *32*). Сюда относятся статуэтки с раздвоенным основанием и разные виды статуэток с коническим основанием (рис. 2). Среди этих изображений есть мужские (см. табл. 1), женских мало, преобладают экземпляры неопределенного пола. Небольшое количество их сидящие, остальные не имеют ног. Руки также, как правило, отсутствуют, но у нескольких фигурок они изображаются под грудью. Голова имеет вид стержня или конуса, головной убор не показан. Черты лица отсутствуют. Признаки пола в большинстве случаев не изображались: несколько фигурок, наиболее натуралистичных, имеют грудь, женский и мужской признаки пола.

Тип. 3. Стоящие статуэтки, всего три экземпляра (рис. 1, *35*, *38*, *39*). Они дошли в сильно поврежденном состоянии. Несколько фигурок из-за

Таблица 2

Памятник	Пол				Поза				Положение ног				
	женский	мужской	не указан	не ясно	сидячая	сидячая на стуле	стоячая	не выражена	не прослежено	согнуты (сидячая)	вытянуты (стоячая)	отсутствуют	не прослежено
Арпачия	43	3,5	42,9	5,8	25,7	4,6	9,3	39,5	20,9	29,9	6,9	36,8	25,3
Халаф	68,7	—	—	31,3	75	—	—	—	25	50	—	—	50
Чагар-Базар	84,6	—	—	15,4	63,1	23,1	—	—	4,8	92,4	—	—	7,6
Ярым-Тепе 1	93	—	—	7	18	—	82	—	—	—	—	100	—
Чога-Мами	100	—	—	—	28,6	—	—	—	71,4	28,6	—	—	71,4
Джармо	43,4	7,3	51,3	—	64,8	—	20,8	—	14,4	?	?	?	?
Урук	49	19	2,6	29,4	0,8	—	93,6	—	37	—	36,7	26,9	38,6

Памятник	Положение рук				Форма головы			
	под грудью	на животе	не показано	не прослежено	стержневидная	коническая	натуралистич.	не прослежено
Арпачия	13,6	—	61,6	24,5	21,3	21,3	4,3	51,2
Халаф	65,6	—	6,2	28,2	—	31,3	—	62,5
Чагар-Базар	84,6	—	7,7	7,7	—	—	38,5	61,5
Ярым-Тепе 1	—	—	100	—	—	—	13,1	86,9
Чога-Мами	—	14,3	—	71,4	—	—	28,6	71,4
Джармо	?	—	48,6	?	?	?	?	?
Урук	—	5,4	—	67,5	—	—	77,2	22,7

Памятник	Головной убор				Черты лица					Анатомические детали		
											признак пола	
	вытянутый	цилиндрический	нет	не прослежено	глаза	нос	рот	не показано	не прослежено	грудь	женский	мужской
Арпачия	9,3	—	39,5	51,2	—	—	—	47,8	52,2	35,5	10,4	4,2
Халаф	6,2	—	31,3	62,5	6,2	—	—	31,3	62,5	62,5	—	—
Чагар-Базар	—	38,5	—	61,5	7,7	—	—	38,5	53,5	76,9	—	—
Ярым-Тепе 1	13,1	—	—	86,9	13,1	—	—	—	86,9	22,2	42,2	—
Чога-Мами	28,6	—	—	71,4	23,1	23,1	23,1	—	30,6	42,6	—	—
Джармо	?	?	?	?	?	?	?	53,1	?	32,2	—	?
Урук	7,1	6,2	0,8	83,5	11,5	5,2	0,8	2,6	77,3	29,4	12,9	0,8

Продолжение табл. 2

Памятник	Анатомические детали				Элементы декора					
					Полосы горизонтальные				полосы вертикальные	
	преувеличенный живот	пуп	не показано	не прослежено	руки	грудь	ноги	торс	грудь	торс
Арпачия	8,3	2	32,1	5,3	—	—	2	10	—	4
Халаф	—	1	9,4	28,1	25,2	—	16,8	—	14	—
Чагар-Базар	—	—	7,7	15,3	8,6	8,6	13,1	8,6	8,6	—
Ярым-Тепе 1	—	—	10,7	18,9	—	—	—	59,2	—	—
Чога-Мами	—	—	—	57,1	9,6	8	4,8	—	—	—
Джармо	22,4	—	29,8	?	—	—	—	—	—	—
Урук	—	—	17,5	27,8	—	—	—	1,3	5,3	13,2

	Элементы декора												
	ожерелье круглое		ожерелье углообразное	ленты на груди	пояс	бесформенное пятно на торсе	рисованые пятна, налепы		волны шеврон	браслеты	крест	нет	не прослежено
	рисованое	налепное					руки	торс					
Арпачия	4	—	—	2	4	2	—	4	—	2	2	60	4
Халаф	—	—	16,8	—	5,6	—	2,8	—	—	—	—	5,6	11,2
Чагар-Базар	4,1	—	4,1	—	8,6	—	—	4,1	—	—	—	22,1	—
Ярым-Тепе-1	14,7	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	26,1
Чога-Мами	—	12,8	—	—	—	—	9,6		—	—	—	33,6	21,6
Джармо	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	100	—
Урук	13,2	—	—	—	17,1	—	10,6		5,3 11,9	7,9	—	2,7	17,1

* Данные в %

фрагментарности не могут быть классифицированы (рис. 1, *3, 36—37, 40—43*).

Пластика Арпачии при всем внешнем разнообразии объединяется общей чертой — преобладанием элементов схематизма. Эта особенность проходит через все принимавшиеся во вниманием параметры: почти половина фигурок не имеет признаков пола и определенной позы, часто не изображаются и руки, ноги, голова, черты лица (табл. 2). Несмотря на преобладание схематизирующих черт, в пластике Арпачии почти невозможно отыскать чисто схематичное, так же как и чисто натуралистичное изображение, те и другие признаки смешаны. Такое смешение и неустойчивость — характерная черта произведений первобытного и традиционного искусства, в которых отсутствует четкая кодификация правил, и в пределах традиции господствует свобода фантазии.

Статуэтки, за исключением экземпляров на коническом основании, сделаны из обожженной глины и иногда имеют красную роспись (см. табл. 1).

Предполагаемая картина развития фигурок от натуралистичных к схематичным подтверждается стратиграфическими наблюдениями, сделанными во время раскопок. Отмечается, что схематические изображения найдены в верхней зоне слоев средней фазы [5].

Кроме глиняных, в Телль-Арпачии были найдены две каменные статуэтки в так называемом сгоревшем доме в слое ТТ 6 [6]. Одна из них плоская

[5] M. E. L. Mallowan, C. Rose. Ук. соч., p. 81 сл.
[6] Ibid., pp. 99—100.

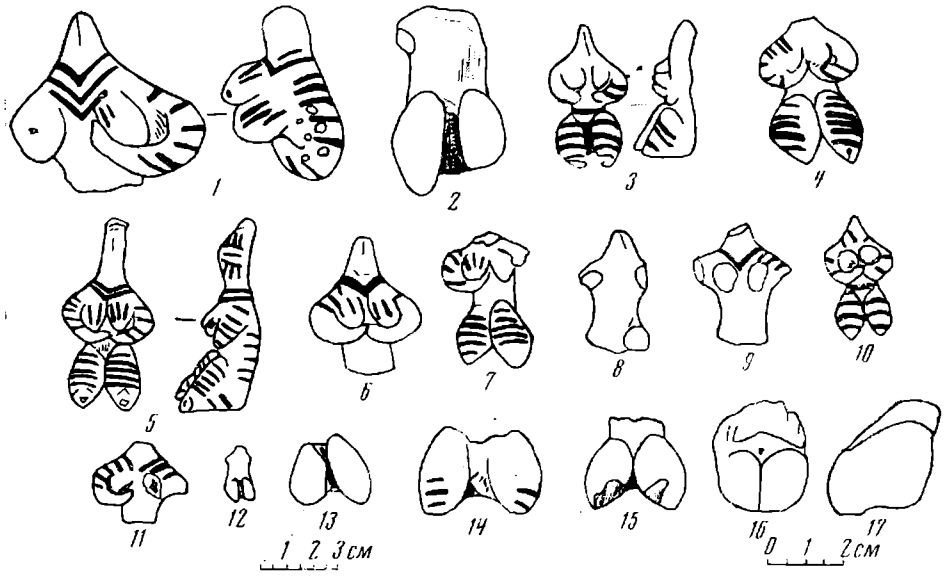


Рис. 3. Статуэтки Телль-Халафа

известняковая [7], без рук и ног, с круглой головой и крупным признаком женского пола. Вторая миниатюрная (17 *мм*). Руки ее находятся на уровне талии и в правой, возможно, был какой-то предмет. Авторы раскопок полагают, что это шумерское по характеру исполнения изображение [8]. В таком случае остается открытым вопрос, как оно попало в халафский слой.

От арпачийской пластики отличается большим однообразием и «натуралистичностью» комплекс эпонимного памятника халафской культуры (см. табл. 1). К сожалению, последние не стратифицированы, но близость их арпачийским позволяет предполагать происхождение из хронологически близких слоев (рис. 3—4) [9].

Для статуэток Телль-Халафа характерны натуралистичные женские сидящие изображения. Типично изображение со сдвинутыми или разведенными ногами, с руками под грудью и сплющенной с боков головой, иногда в шапочке. Декор в виде полос покрывает всю поверхность. На некоторых изображены пояса и углообразные ожерелья. Известна фигурка с нарисованными глазами.

В Телль-Халафе были обнаружены две каменные статуэтки: диоритовая (рис. 3, *16*) и известняковая. Первая подобна глиняным, вторая [10] представляет изображение до талии с круглой головой, ушами, глазами, носом, ртом и, возможно, бородой. Эта статуэтка уникальна.

Стратифицированный комплекс статуэток происходит с недалекого от Телль-Халафа памятника Чагар-Базар (рис. 5) [11]. Они похожи на описанные из Телль-Халафа. Наибольшее количество экземпляров относится к слою 8 (10 фигурок); слой 5—1 экз., слои 7—8—1 экз., слой 11—1 экз., т. е. к началу поздней фазы культуры [12]. На основании сходства с чагарбазарскими, статуэтки из Телль-Халафа, видимо, можно относить к тому же времени.

---

[7] Ibidem.
[8] Ibidem.
[9] M. von Oppenheim. Tell Halaf, v. 1. Berlin, 1943.
[10] Ibid., CVIII, 1—4.
[11] M. E. L. Mallowan. Excavations at Brak and Chagar Bazar. Iraq, 1947, 9.
[12] Ibidem.

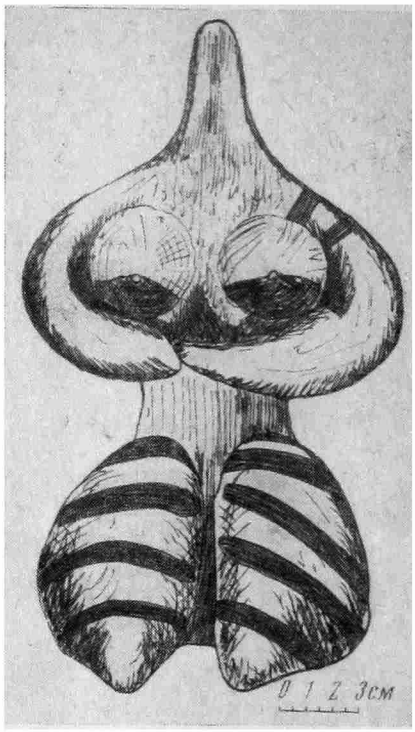


Рис. 4. Статуэтка из Телль-Халафа

Схематичные элементы отмечены у статуэток Чагар-Базара только в изображении черт лица, редко — признаков пола.

В этом памятнике впервые были найдены фигурки, сидящие на толстых глиняных дисках — «стульях» (рис. 5, *1*, *3—4*).

Остальные памятники халафской культуры не дают серий статуэток. Несколько экземпляров, напоминающих халафские фигурки из Арпачии (рис. 1, *26, 29, 30*), были обнаружены японской экспедицией в Телул-ат-Талатате (телль 2) к западу от Мосула (рис. 6, *6—8*) [13]. Авторы раскопок сообщают, что они происходят из убейдского слоя — факт, говорящий о возможности переживания халафских традиций в этом районе в более позднее время.

Некоторое количество статуэток обнаружено на ряде памятников как западной, так и восточной групп поселений (Телль-Брак, рис. 8, Тепе Гавра, рис. 5, *1—5*) [14]. На них мы не останавливаемся подробно, поскольку они являются разрозненными. В последние годы халафские статуэтки найдены на исследуемом советской экспедицией памятнике Ярым-Тепе 2. Они натуралистичны и сходны с фигурками западной группы.

Генезис пластики халафской культуры в настоящее время еще не ясен, поскольку памятники недостаточно исследованы и отсутствуют необходимые по численности серии. Две выделяющиеся группы пластики — западная (хабурские поселения) и восточная (окрестности Мосула) совпадают с намеченными А. Перкинс [15] районами халафской культуры. Напомним, что восточная группа характеризуется схематичными статуэтками, а западная — натуралистичными. Распространенным и, как правило, подтверждающимся практикой является представление о развитии антропоморфной пластики от реалистических или натуралистических образцов к схематичным. Недавно оно прозвучало в статье Н. Ф. Богословской, делающей, в частности, на этом основании вывод о хронологическом приоритете западной группы халафских памятников перед восточной [16]. К сожалению, картина развития пластики представляется более сложной: арпачийский комплекс не выводится из халифского или шагарбазарского (табл. 2). Арпачийские статуэтки, судя по всему, явно происходят от более сложного по составу комплекса, включающего изображения не только женские, но мужские и необозначенного пола, не только сидящие, но и стоящие, с различным положением ног и разнообразными анатомическими деталями. Декор арпачийских статуэток не имеет почти ничего общего с декором статуэток западной группы.

---

[13] Namio Egami, Toshihiko Sono, Riyoharu Horiuchi. Brief Report of the Third season's excavations at Tell II of Telul eth — Thalathat and some Observations. «Sumer», 1966, XXII, 1—2.

[14] E. A. Speiser. Excavations at Tepe Gawra. Levels I — VIII. Philadelphia, 1935.

[15] A. Perkins. The Comparative Archaeology of Early Mesopotamia. Chicago, 1957, p. 43.

[16] Н. Ф. Богословская. Ук. соч., стр. 9.

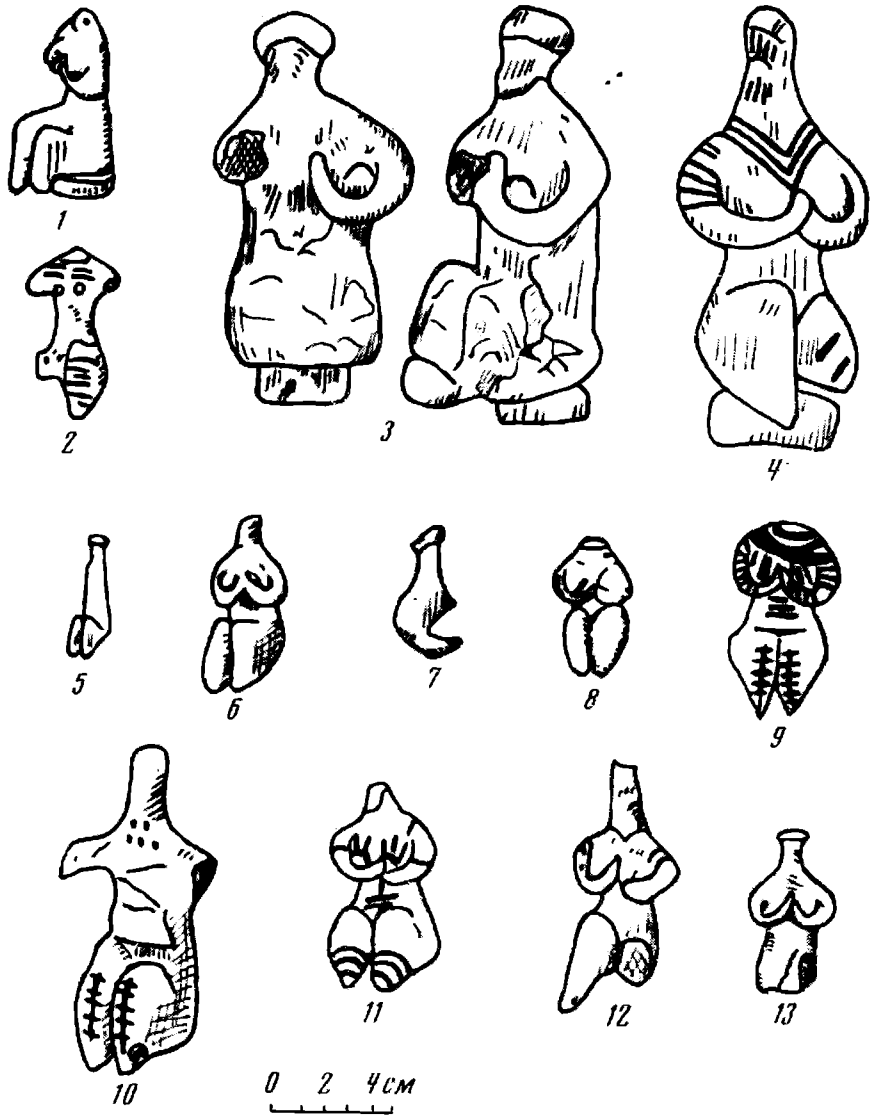


Рис. 5. Фигурки из Чагар-Базара

На территории северной и средней Месопотамии обнаружены статуэтки культур Джармо, Хассуны и Самарры, которые, по существующим данным, предшествуют (последняя отчасти сосуществует) халафской культуре. К сожалению, пластика Джармо полностью до сих пор не опубликована, но существующая работа В. Л. Броумен нашла отражение в некоторых исследованиях [17], что дает возможность хотя бы частично использовать и ее (см. табл. 2). В приводимой таблице отражены те данные, указания на которые удалось обнаружить; остальные случаи обозначаются «?». Сравнение статуэток Арпачии, которые в указанной таблице представлены уже не по типам, а суммарно, показывает, что они сходны с комплексом Джармо по таким важным признакам, как пол, поза, анатомические детали. Такую близость дает еще только комплекс убейдского Урука, но хронологический и стилистический разрыв между последними слишком велик,

[17] V. L. Broman. Jarmo Figurines. Radcliff College, 1958; P. J. Ucko. Anthropomorphic figurines of Predynastic Egypt and Neolithic Crete with Comparative Material from the Prehistoire Near East and Mainland Greece. London, 1968.

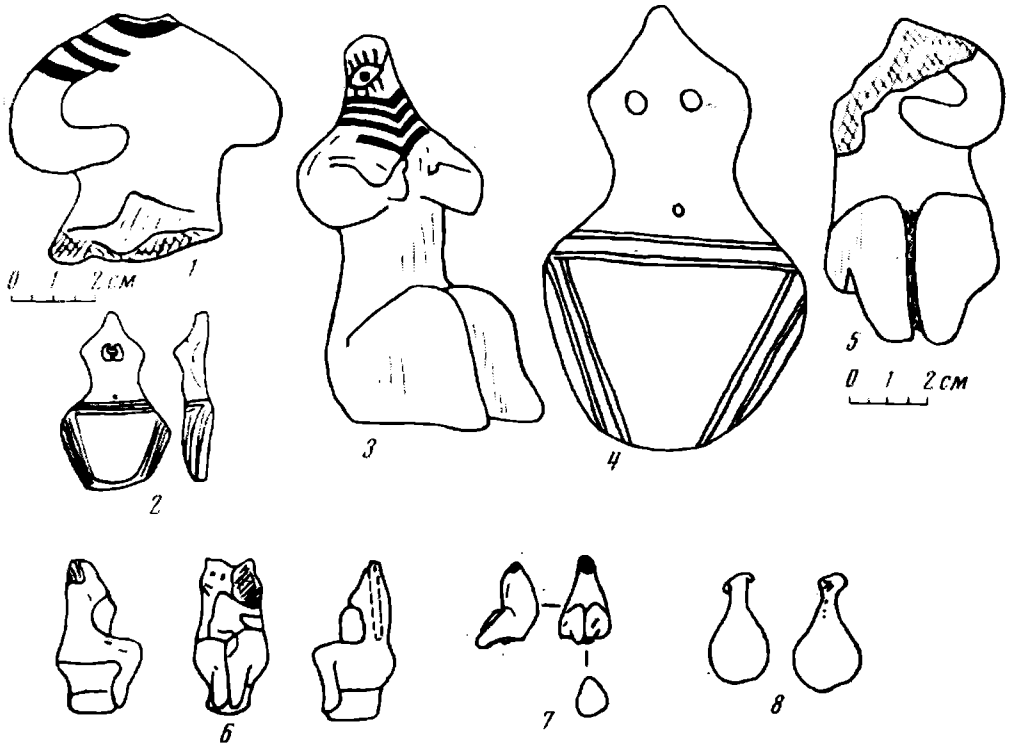


Рис. 6. Фигурки из памятников халафской культуры: *1—5* — Тепе Гавра, *6—8* — Телл-ул-ат-Талатат

чтобы это сходство можно было принимать во внимание. Кроме указанных первостепенно важных признаков, сходных в пластике Джармо и Арпачии, следует отметить еще процент встречаемости статуэток без рук, фигурок, лишенных черт лица, существование статуэток с такой редкой деталью, как преувеличенный живот. Исходя из этого сходства можно предполагать, что в восточном районе халафской культуры в энеолитическую эпоху продолжали бытовать традиции пластики неолитического Джармо, типологическим завершением которых явились статуэтки Арпачии.

Итак, есть основания полагать, что в западном и восточном районах бытовали различные традиции. Возможно, в этом нашли выражение влияния других культур. Не исключено также, что дальнейшее накопление материала будет способствовать выявлению связей районов халафской культуры с Анатолией, что может пролить свет не только на генезис халафской пластики, но и культуры в целом. Дж. Меллаарт высказал предположение [18], что расцвет халафской культуры непосредственно связан с упадком культур Хаджилара и Чатал-Гуюка (Западный холм), подтверждения чему он видит в керамических орнаментах, культе быка, свойственном обеим областям, в ряде других нововведений, появившихся в халафской культуре.

Сходство некоторых черт хассунской скульптуры (Телль-эс-Савван) и пластики Хаджилара уже обсуждалось [19]. Видимо, традиции связей Анатолии и севера Месопотамии имеют длительную историю. Возможно, свидетельством обратного влияния — из области халафской культуры (восток) в Анатолию — являются энеолитические статуэтки Хаджилара, генетическая связь которых с неолитическими на этом памятнике не прослеживает-

[18] J. Mellaart. Earliest Civilizations of the Ancient Near East. London, 1965, pp. 123—124.

[19] Е. В. Антонова. Ук. соч., стр. 29.

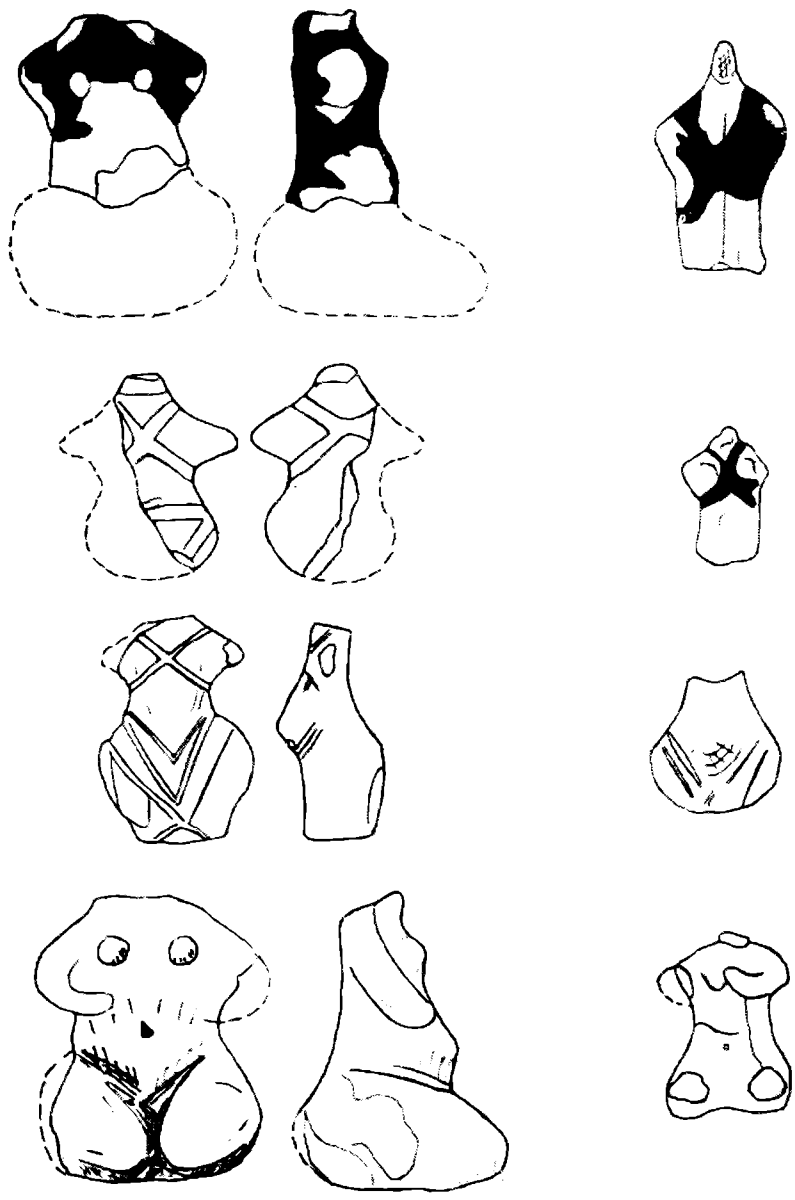


Рис. 7. Сопоставление статуэток из верхних слоев Хаджилара (слева) с фигурками из Арпачии

ся (рис. 7). К сожалению, статуэтки верхних слоев Хаджилара настолько немногочисленны, что не представляется возможным рассматривать их как комплекс элементов.

Что касается статуэток западной группы, то они, возможно, сложились под влиянием натуралистических статуэток Анатолии, имеющих устойчивую традицию. Необходимо все же отметить, что почти никаких более конкретных указаний на такие связи материал халколитического Хаджилара (а опираться приходится почти исключительно на него) не дает. Исключениями являются лишь две статуэтки [20]. Они сидящие с поднятыми коленями и руками под грудью. Сохранившаяся у одной из них голова посажена на такую толстую шею, что от этого уже недалеко до напоминающих колышки головок статуэток западных халафских памятников.

[20] U. B. A l k i m. Anatolia. Genève, 1968, ill 13; J. M e l l a a r t. Excavations at Hacilar. Edinbourgh, 1970, pl. 223, *1*.

Рис. 8. Статуэтка из Телль-Брака

Таким образом, статуэтки халафской культуры указывают, как можно предполагать, на двойственное происхождение ее: местное и анатолийское, что соответствует сложившимся в советской науке представлениям об устойчивости земледельческих культур и их традиционных черт.

Халафская пластика в целом стоит особняком в линии развития скульптуры дописьменной Месопотамии. Схематические экземпляры Арпачии обнаруживают некоторые соответствия в хассунском Ярым-Тепе 1 (отсутствие ног и рук, вытянутый головной убор, формы декора, черты лица — изображаются только глаза). Статуэтки западной группы имеют аналогии в самарских статуэтках Чога-Мами (преобладание женских фигурок, сидячая поза, изображение среди женских признаков только груди, некоторые элементы декора — полосы и т. д.). Но отличия халафских статуэток от хассунских и самарских превышают сходство. Генеральная линия развития, видимо, шла от статуэток типа Телль-эс-Саввана и Ярым-Тепе 1, а также Чога-Мами к изображениям убейдской культуры. Анатолийский импульс, можно думать, сыграл в этом процессе важную роль. Складывается тип натуралистичного стоящего изображения с руками на животе, головой с налепными глазами в виде «кофейных зерен», губами, носом и высокой, часто сложной прической. Из элементов декора отбираются шевроны, волнистые линии и круглые пятна. Традиции халафской пластики на севере Месопотамии продолжали бытовать и в убейдскую эпоху, что свидетельствует об их глубоких корнях.

E. V. Antonova

FIGURINES ANTHROPOMORPHES DE LA CIVILISATION HALAFIENNE

Résumé

L'article est consacré aux problèmes de la classification, des relations et de la place de la plastique halafienne dans le développement de la sculpture antique de Mésopotamie. Les ensembles sont analysés au moyen de la décomposition des figurines en éléments constituants.

La plastique d'Arpachiya se divise en trois types dont deux sont présentés par des figurines en position assise et le troisième par celles en position debout. Les statuettes de Telle Halaf et de Tchagar-Bazar constituent les ensembles plus homogènes.

La plastique de la civilisation halafienne se décompose en deux variétés: les spécimens schématiques trouvés dans la région orientale et ceux naturalistiques — dans la région occidentale. L'auteur présume que la plastique de la région orientale est la suite des traditions écloses au sein de la civilisation de Jarmo tandis que les ensembles de la région occidentale se sont formés sous l'influence anatolienne.

Les figurines de la civilisation halafienne sont comparées dans l'articles avec les complexes de Jarmo, de Yarym — Tépé I, de Tchoga-Mami et d'Ourouk de l'époque d'Obeid. La conséquence tirée de cette comparaison est que la plastique de cette civilisation se trouvait à l'écart des téndances générales dans le développement de la sculpture en Mésopotamie pré-écrite.

А. Л. НИКИТИН

СУЩЕСТВОВАЛА ЛИ «ВОЛОСОВСКАЯ КУЛЬТУРА»?

Начиная с графа А. С. Уварова [1], все исследователи согласно выделяли в сравнительно однообразном массиве лесного неолита яркую и богатую «волосовскую» культуру, открытую одной из первых. Было похоже, что она возникает в своем законченном виде внезапно «из ничего», на окских дюнах под Муромом, ширится, захватывает огромное пространство [2] и исчезает столь же бесследно, как появилась. Волосовскую стоянку, давшую название всей культуре и до сих пор рассматриваемую как некий эталон, передвигали по всей хронологической шкале лесного неолита. Ю. Айлио [3] вслед за П. Кудрявцевым [4] помещал ее даже у самых истоков керамического производства, хотя впоследствии решающей для датировки была признана находка маленького медного слитка [5] и четырехгранного бронзового шила [6]. С тех пор «волосовская культура» стала представителем особой, энеолитической эпохи в истории Волго-Окского междуречья [7].

По мере того, как развивалась археологическая наука, а дюны, террасы и останцы речных долин заполнялись на археологических картах могильниками и стоянками, проблема «волосовцев» становилась все более важной и неотложной. Сходные, но не тождественные памятники, оказывались в Казанском Поволжье, на Севере, в Прибалтике, Карелии и других местах. Все это требовало как можно скорее решить — как, когда и почему появились сходные памятники, в каком отношении друг к другу они находятся, и откуда пришли их создатели. Сделано в этом направлении уже очень много.

Много сил и времени отдала изучению «волосовской культуры» И. К. Цветкова. В основополагающей работе «Волосовские неолитические племена» [8] она разделила девять известных к тому времени на Оке и Клязьме памятников [9] на три группы, соответствующие трем этапам развития этой культуры, помещаемой хронологически a priori в поздний неолит, из которого, уже минуя стадию энеолита, она выходит прямо в эпоху бронзы. Все девять памятников помещались во второй и третьей четверти II тысячелетия до н. э. По мысли И. К. Цветковой, волосовская культура

---

[1] А. С. Уваров. Археология России. М., 1882.

[2] K. Grewingk. Die neolithischer Bewohner von Kunda in Estland. 1884.

[3] J. Ailio. Fragen der russischen Steinzeit. SMYA, 29, Helsinki, 1922, S. 68.

[4] P. P. Coudrjavcew. Les vestiges de l'homme préhistorique de l'age de pierre prés du village de Volosovo. «Congrés internationale d'archeologie et d'anthropologie», 2-e session à Moscou, t. II., M., 1893.

[5] Раскопки В. А. Городцова (ГИМ).

[6] Раскопки И. С. Абрамова в 1908 г. (Гос. Эрмитаж).

[7] O. Bahder. Zur Erforschung der neolithischen Wohnplätze im Okatale. ESA, IV, Helsinki, 1929, S. 99; О. Н. Бадер, Бассейн Оки в эпоху бронзы. М., 1970, стр. 28, 33 и далее.

[8] И. К. Цветкова. Волосовские неолитические племена. «Археологический сборник», Тр. ГИМ, 22, М., 1953.

[9] Стоянки: Волосовская, Панфиловская, Владычино, Володары, Садовый Бор, Коренец, Холомониха, Гавриловка I, Волосовская дюна «А».

возникла на реках Пре и Велетьме (дер. Волосово), чтобы впоследствии распространиться до р. Клязьмы и Костромы [10]. Отказываясь следовать в своих построениях за А. Я. Брюсовым, который в работе 1952 г. настаивал на автохтонности всех неолитических культур Восточной Европы [11], И. К. Цветкова указывала на отсутствие местных истоков «волосовской культуры», а в дальнейшем допускала «расселение части населения» и саму культуру ставила в связь с «катакомбной или полтавкинской» [12]. Через семь лет И. К. Цветкова несколько изменила свой взгляд на район первоначального расселения и указала движение «волосовской культуры» на север, к Верхней Волге [13]. В недавно вышедшей работе этот исследователь уже совершенно иначе смотрит на хронологию и историю «волосовцев», выводя эту культуру из местной культуры ямочно-гребенчатой керамики (т. е. повторяя точку зрения А. Я. Брюсова), разделяя памятники на два этапа (вместо трех), и, без дополнительных аргументов, удревняя начальный этап до «второй половины III тысячелетия до н. э. [14].

С середины 50-х годов с иной точкой зрения неоднократно выступал О. Н. Бадер. Истоки «волосовской культуры» он видел в камском неолите и последующих местных культурах медно-бронзового периода [15]. Именно с Нижнего Прикамья, по мысли О. Н. Бадера, начинается движение «волосовцев» на Оку, под Муром, на Клязьму, на Верхнюю Волгу и дальше до Валдая, что привело к «смене поздненеолитических племен с ямочно-гребенчатой керамикой чуждыми им волосовскими племенами в восточной части Верхнего Поволжья, а на севере — близкими племенами, просочившимися еще дальше на запад, до самой Карелии» [16]. Общность «волосовской» и прикамских культур, по его мнению, явствовала из следующих общих признаков: 1 — органическая примесь в глине сосудов, 2 — орнамент — крупный зубчатый штамп и «шагающая гребенка», 3 — орудия из кремня на отщепах «с пуговкой» и кремневая «скульптура» (фигурный камень), 4 — прямоугольные, соединенные переходами жилища [17].

Наиболее последовательно гипотезу О. Н. Бадера развил за последние полтора десятилетия А. Х. Халиков. Подробный разбор этой проблемы с указанием библиографии он проводит в своей книге «Древняя история Среднего Поволжья» [18].

Точку зрения А. Х. Халикова и его аргументы стоит рассмотреть внимательно. Он считает, что «волосовская культура» вырастает на базе культуры «племен позднего волго-камского неолита», образцом чего может служить Майданская стоянка [19]. Стоянку эту А. Х. Халиков датирует с

[10] Н. К. Цветкова. Ук. соч., стр. 38.

[11] А. Я. Брюсов. Очерки из истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952.

[12] И. К. Цветкова. Ук. соч., стр. 51.

[13] И. К. Цветкова. Новый памятник волосовской культуры близ г. Переславля-Залесского. «Археологический сборник», Тр. ГИМ, 37, М., 1960.

[14] И. К. Цветкова. Племена рязанской культуры. Сб. «Окский бассейн в эпоху камня и бронзы», Тр. ГИМ, 44, М., 1970, стр. 132—138.

[15] О. Н. Бадер. Очерк шестилетних работ Камской археологической экспедиции. Уч. зап. МУ, т. 9, вып. 3. Харьков, 1953; O. Bahder. Kulturen der Bronzezeit in Zentralrussland, SMYA, 59, Helsinki, 1957; О. Н. Бадер. Древнейшая история Прикамья. М., 1963.

[16] О. Н. Бадер. Очерки шестилетних работ..., стр. 57.

[17] В новой работе О. Н. Бадер (О. Н. Бадер. Бассейн Оки в эпоху бронзы. М., 1970) фактически подтверждает свою прежнюю точку зрения на волосовскую культуру следующим образом: «В волосовских поселениях мы вправе видеть следы мощной уральской, древнефинской миграционной волны в Окском Поволжье, а в их обитателях — древнейших предков волжских и окских финнов, живущих в этих местах во времена начальной русской летописи, позднее ассимилированных, а частью и до наших дней сохранивших свое этническое лицо» (стр. 39—41). Новым является, однако, указание на сходство этой культуры с «нарвской» стр. 39.

[18] А. Х. Халиков. Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969, стр. 127—181.

[19] Там же, стр. 130—141.

помощью янтарной подвески второй половиной III тысячелетия до н. э. Так получает у него дату и весь первый этап «волосовской культуры» (всего их три — от конца III тысячелетия до середины II тысячелетия до н. э.).[20] К первому этапу относит он и все «волосовские» памятники за пределами Среднего Поволжья, что вызывает некоторое недоумение. Однако будучи последовательным, А. Х. Халиков, в отличие от И. К. Цветковой, включает в число этих памятников не только стоянки Верхней Волги и Костромского левобережья, но и Валдая (Бологое, Кончанское), Приильменья (Репище, раскопки М. П. Зиминой) и практически весь Север лесной полосы Европейской части СССР. «Собственно волосовские племена,— пишет А. Х. Халиков,— еще в самом начале формирования своей культуры продвинулись далеко на Запад, вплоть до Валдая и Приильменья. Очевидно... в первой половине II тысячелетия до н. э. волосовскими племенами были заселены более северные области Прионежья. Вероятно, по этому же пути волосовцы дошли до берегов Белого моря, о чем свидетельствует близкая к волосовской керамика, найденная Ю. А. Савватеевым на стоянках Золотец и Залавруга. Западные группы волосовских племен оказали решающее воздействие на культуру племен эпохи раннего металла Карелии, Северной Прибалтики и Финляндии...» [21]

И практически, и теоретически трудно представить возможность столь мощного и густого человеческого потока, ринувшегося в конце III тысячелетия до н. э. из слабонаселенной области Волго-Камья на север и северо-запад. Важно другое. Будучи честным и последовательным защитником этой гипотезы, А. Х. Халиков вынужден был создать фантастическую картину, потому что не видел иного объяснения объективных и вполне реальных фактов.

Естественно задать вопрос: как это могло произойти? И существует ли на самом деле «волосовская культура»? Теперь, после краткого исторического экскурса, можно взглянуть на действительное положение вещей.

Достоверно одно: к настоящему времени существует много археологических памятников (поселений, стоянок, слоев на инокультурных памятниках), схожих по формам, орнаменту, технике изготовления сосудов, кремневому инвентарю и прочим находкам. Сходство проявляется как в совокупности этих признаков, так и между одним-двумя наиболее яркими. По последним сводкам можно видеть (И. К. Цветкова, А. Х. Халиков и др.), что памятники эти действительно встречаются на территории от Прибалтики на западе до Приуралья на востоке, и от Белого моря на севере до Средней Волги и лесостепи на юге, если не считать известный Ракушечный Яр (раскопки Т. Д. Белановской). Современные исследователи согласны видеть в этом проявление некоего культурно-этнического единства населения, ограниченного определенным отрезком времени, и возникшего первоначально в одном небольшом районе. Последний определяется каждым автором в зависимости от места его собственных раскопок. Наибольшее согласие проявляют исследователи в вопросе датировок. Не имея реальных данных для определения места памятников этой проблематичной культуры в системе абсолютной хронологии, большинство согласно теперь оценивать ранний этап, как вторую половину III тысячелетия до н. э., доводя последующий (или последующие) до середины II тысячелетия до н. э. Последняя дата определяется находками медных и бронзовых вещей в смешанном слое стоянок или в погребениях на их территории.

Сложнее обстоит дело с гипотетическими путями расселения «волосовских» племен, так как три исходных пункта (Муром — И. К. Цветкова, Кама — О. Н. Бадер, Приказанье — А. Х. Халиков), равно трудно согласовать не только друг с другом, но и с теми районами, где находятся ана-

[20] Там же, стр. 155.
[21] Там же, стр. 169.

логичные памятники (Карелия, Белое море, Вологодская область) [22]. Загадка усложняется, если вспомнить, что указанные отдаленные памятники сопоставимы лишь с памятниками раннего этапа, в то время, когда памятников позднего этапа, естественно указывающих направление движения (если оно есть), мы здесь не находим. Получается следующая картина: большинство ранних памятников расположено на северо-западной «периферии» культуры, а все поздние — на ее «родине». Естественно, напрашивается вывод, что движение происходило не с юго-востока на север и северо-запад, а в обратном направлении.

В пользу подобного вывода свидетельствует и чисто географический аргумент. «Ось» Среднее Поволжье — Приильменье является единственным путем, по которому возможно быстрое и интенсивное движение человеческих коллективов. Это водный путь системы Ока — Клязьма — Нерль — Плещеево озеро — Нерль Волжская — Верхняя Волга. Действительно, на этом пути уже известны такие ранние памятники «волосовской культуры», как Языково [23], слой в 1-м раскопе на Польце [24], Николо-Перевоз, Бологое, далее Шерегодро (Кончанское), оз. Пирос и т. п., а чуть в стороне, в Волго-Клязьменском междуречье — слой Ивановского III [25], стоянка Уница на оз. Неро [26], и, возможно, Сахтышская стоянка [27]. Теоретически вероятен отсюда и путь на север — через Шексну, Белое озеро и дальше, к Онеге и к Модлоне.

Однако, чтобы согласиться с подобной трактовкой, гипотеза еще должна ответить на три вопроса. 1. Чем было вызвано такое широкое движение на север и северо-запад в середине и в конце III тысячелетия до н. э.? 2. Почему в более позднее время движение по старым путям не достигло даже Верхней Волги? 3. Как сочетать естественный «янтарный путь» с северо-запада на юго-восток по указанной речной системе (что можно считать уже доказанным) со встречным движением «волосовцев»?

Ответа на эти вопросы нет, и ни один исследователь, насколько мне известно, их не ставил. Последний из трех особенно важен, так как отсутствие ответа является фактическим аргументом в пользу северо-западного происхождения «волосовцев» и их связи с ареалом прибалтийских неолитических культур.

Сложность заключается и в полном отсутствии какого-либо достоверного критерия, с помощью которого можно говорить вообще о «волосовской культуре», не имея в виду только собственно Волосовскую стоянку. Из прежних исследователей лишь А. Я. Брюсов попытался выделить и описать своего рода «эталон-комплекс», характеризующий «волосовскую культуру», но сделал это неудачно [28]. Что касается прочих, то каждый раз вместо конкретных документированных аргументов, приведенных в систему, фактически создавалась произвольная комбинация памятников, выстраивавшихся в ряд или собиравшихся в группы. Этим исключалась сама возможность дальнейшего обсуждения, так как ни один из этих па-

---

[22] С. В. Ошибкина. Стоянка Модлона, ее происхождение и отношение к кargопольской культуре. СА, 1966, 4.

[23] О. Н. Бадер. Неолитические погребения на Верхней Волге. СА, III, 1937. Коллекция из раскопок языковской стоянки имеется в Музее антропологии МГУ.

[24] А. Л. Никитин. Отчет о работе Переславского отряда ВВАЭ в 1960 году. Архив ИА АН СССР, Р — 1,2215.

[25] М. И. Нейштадт, Ф. С. Завельский, А. М. Микляев, Н. А. Хотинский. Комплексы стоянок мезолита и неолита на болотах Берендеево и Ивановское в Ярославской области. В сб. «Голоцен». М., 1969.

[26] Коллекция Ростовского историко-художественного музея-заповедника.

[27] О. С. Гадзяцкая, Д. А. Крайнов. Новые исследования неолитических памятников Верхнего Поволжья. КСИА АН СССР, 100, 1965. К сожалению, по этой публикации нельзя судить ни о действительной стратиграфии памятника, ни о его комплексах.

[28] А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен..., стр. 82.

мятников не может служить эталоном и не датирован перекрестным методом естественных наук [29].

Именно поэтому, изучив коллекции основных памятников «волосовской культуры», я предлагаю для обсуждения следующий эталонный комплекс признаков, суммирующий наиболее характерные признаки «раннего» и «позднего» этапов, обозначенных как «волосово I» и «волосово II» (см. таблицу).

		«волосово I»	«волосово II»
Керамика	Форма сосудов	«Мешковидная» с округлым дном	Горшковидная, с плоским дном
	Примеси к глине	Раковина, растительная примесь	Шамот, песок, иногда раковина
	Прием изготовления	Выколачивание	Кольцевой налеп
	Элементы орнамента	Зубчатый и «рамчатый» штамп	Зубчатый штамп, нарезки, вдавления
	Система орнамента	Сплошное густое покрытие	Только верхняя часть, иногда у дна и дно
Сегментовидные и листовидные ножи		Есть	Нет
Кремневая скульптура		»	»
Украшения из сланца		»	»
Янтарь		»	»
Предметы из меди и бронзы		Нет	Есть
Форма жилища		Овальное, наземное слегка углублено	Прямоугольная глубокая землянка с выходами и переходами

Эти два эталон-комплекса объединяют лишь самые главные признаки и, на мой взгляд, лучше всего объясняют не только то, почему В. А. Городцов отказывался видеть в Панфиловской стоянке последующее развитие собственно «волосовской» культуры [30], но и причину споров современных археологов, пытающихся вместить в прокрустово ложе единой системы два разновременных — и вряд ли связанных между собой — этнокультурных образования.

Как видно из таблицы, общими признаками комплексов оказываются только: элементы орнамента и наличие примеси раковины. Первый признак не является определяющим. Второй, наиболее существенный, равным образом характерен и для Среднего Поволжья, и для Прибалтики. Вся совокупность остальных признаков четко указывает на хронологическую и территориальную разницу в происхождении этих двух комплексов: пер-

[29] Этому мешает отсутствие геоморфологического, почвенного, палинологического и радиоуглеродного анализов.

[30] В. А. Городцов. Панфиловская палеометаллическая стоянка. Тр. ВГОМ, 2, Владимир, 1926, стр. 18—20.

вый — с балтийским янтарем, фигурным кремнем и сегментовидными или листовидными широкими плоскими ножами связан с северо-западом (верховья Днепра, Прибалтика?); второй — определяемый шамотом в глине, медными и бронзовыми орудиями, системой южной орнаментации — с Поволжьем.

Между тем и другим комплексом лежит почти тысячелетие — срок более чем долгий для существования единой «культуры», столь отличающейся в своих «этапах» предметами быта и особенно технологической рецептурой, что является наиболее четким индикатором этноса. Именно поэтому я не вижу ни смысла, ни возможности рассматривать эти комплексы как одну культуру на разных этапах ее развития. Это две культуры, разницу между которыми понял еще В. А. Городцов. Первая, имеющая своим истоком северо-запад, является целиком неолитической; вторая связана с производительными формами хозяйства, с земледелием и животноводством, и принадлежит целиком эпохе бронзы. Сейчас можно более определенно говорить о времени первого комплекса. Оно определяется, с одной стороны, янтарными подвесками, с другой — уточненной датой поселения Берендеево I в Ярославской области (ГИН —112б 4300±240, ГИН — 197б 4340±40, как terminus ante quem, так как подобный «берендеевский» комплекс перекрывает «волосово I» в 1-м раскопе Польца[31]. Эти расчеты, увязанные с палеогеографией Волго-Клязьминского междуречья, согласно указывают на первую половину и середину III тысячелетия до н. э. как конечную фазу продвижения представителей этой культуры по гидросистеме Волга — Нерль — Клязьма с северо-запада на юго-восток, а по системам Волга — Шексна и Волхов — Ладога — Свирь — Онего — на север и северо-восток[32]. Если обратиться к схеме, предложенной А. Х. Халиковым, можно видеть, что этот исследователь почти так же интерпретировал эту часть процесса[33], но верные выводы оказались уничтоженными системой ошибочных посылок.

«Волосово II» возникает, вероятно, во второй четверти II тысячелетия до н. э. на иной основе, прослеженной частично О. Н. Бадером, А. Х. Халиковым и И. К. Цветковой.

Предлагаемая точка зрения на проблему «волосовской культуры», мне кажется, решает многие спорные вопросы археологической периодизации и систематизации, внося необходимую динамику в исследование древней истории Восточной Европы. Это могло произойти давно, если бы не самогипноз автохтонизма, возникший и укрепившийся в археологической науке 30—40-х годов нашего века.

Первые богатые и яркие неолитические памятники в России волей случая были открыты в долине Оки. Предметы из раскопок и сборов с них концентрировались в собрании ГИМ и с тех пор по традиции именно оттуда — ab ovo — выводятся все культуры лесного неолита. Этой же «муромской прародиной» объясняется отчасти и финно-угорская «точка зрения» на племена лесного неолита[34], упорно сохраняющаяся до наших дней

---

[31] Примером памятников первой культуры («волосово I») может служить слой на стоянке Языково; стоянки Кончанское, Модлона, Волосово; погребения с янтарем на стоянке Сахтыш и т. п. Наиболее яркие памятники второй («волосово II») — стоянки Панфилово, Владычино, Подборица-Щербинская и некоторые другие стоянки сходного типа долины Оки.

[32] Интересное объяснение именно этому направлению движения находит сейчас А. М. Микляев, увязывая расселение с северной границей древних водоемов, существовавших до последнего оледенения и соответственно более богатых флорой и фауной, чем водоемы в зоне последних моренных гряд. Этому не противоречит дата поселения Плещеево I (ГИН — 115 4720 ± 50), относящаяся не к верхнему волосовскому слою («волосово I»), а к нижнему с ямочно-гребенчатой керамикой (см. А. Л. Никитин. Отчет о работах... в 1964 г. р — 1, № 4178. Архив ИА АН СССР).

[33] А. Х. Халиков. Ук. соч.

[34] Уже В. А. Городцов сомневался в «финской» принадлежности неолитических обитателей Волго-Очья (В. А. Городцов. Древнее население Рязанской области. ИОРЯС ИАН, XIII, 1908, 4, стр. 137), соглашаясь датировать древнейшие из финских

вопреки работам лингвистов [35]. Столь же ослепляюще действовало на исследователей и взаимоналожение ареалов этих двух комплексов на пространстве Волго-Окского междуречья, хотя именно здесь можно наблюдать северную границу эталон-комплекса «волосово II» (стоянка на Вашутинском озере [36], Рождественская стоянка [37], стоянки Станок и Борань [38]).

Что же касается обозначения этих двух культурных процессов, то оставив за «истинно волосовским» кругом памятников его первоначальное наименование, может быть вторую группу, позднейшую, следует назвать «панфиловской культурой», возвратив ей имя, данное первооткрывателем. Мне кажется, это явится данью уважения к заслугам В. А. Городцова — одного из первых и самых серьезных исследователей этих двух культур.

A. L. Nikitine

LA CULTURE «VOLOSSOVIENNE» EXISTAIT-ELLE BIEN?

Résumé

L'article résume les résultats des études et les points de vue des chercheurs concernant la civilisation dite «de Volossovo». L'auteur démontre l'insuffisance de chacune de ces hypothèses et soumet à la considération la sienne. De l'avis de l'auteur, il n'existe pas une mais deux cultures de Volossovo, d'origine différente et séparées l'une de l'autre de presque un millénaire. La première civilisation, nommée par convention «de Volossovo I», est néolithique et date le la première moitié et du milieu du III millénaire av n. è. Elle est caractérisée par les objets de l'ambre jaune, la sculpture en silex et, probablement, trouve ses origines dans les cultures néolithiques des littoraux baltiques. La deuxième civilisation dite «de Volossovo II», rapportable au énéolithique et à la bronze, est accompagnée des trouvailles d'objets en cuivre. Elle apparaît dans le cours moyen de Volga et date du milieu du II millénaire av. n. è. Il est fort probable que les descendants des «premiers Volossoviens» ont pris part dans sa formation.

поселений в этом крае только временем «близкому к началу христианской эры» (там же, стр. 139). Что касается А. А. Спицына, то последний прямо утверждал, что «каменный век России принадлежал арийцам» (выступление А. А. Спицына на утреннем заседании 28 мая 1926 г. на I Совещании палеоэтнологов Центрально-промышленной области. «Материалы к доистории ЦПО». М., 1927, стр. 80).

[35] Например, Б. А. Серебренников. Волго-Окская топонимика Европейской части СССР. ВЯ, 1955, 6; Г. С. Кнабе. Словарные заимствования и этногенез. ВЯ, 1962, 1, и др.

[36] И. К. Цветкова. Новый памятник волосовской культуры...

[37] А. Л. Никитин. Рождественская стоянка на озере Неро. СА, 1965, 1.

[38] Н. Н. Гурина. Неолитическое поселение Борань. МИА, 79, 1960.

Г. Н. КУРОЧКИН

К ИНТЕРПРЕТАЦИИ НЕКОТОРЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА С ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРНОГО ИРАНА

Эпоха раннего железа (последняя треть II — первая треть I тысячелетия до н. э.) чрезвычайно важный для истории Ирана период. Это время появления и расселения здесь ираноязычных племен, сложения крупных племенных объединений (Мидия, Манна), вовлечения Северного Ирана в сферу военно-политического соперничества Ассирии и Урарту, наконец, период, непосредственно предшествующий становлению могущественной державы Ахеменидов. Однако «темные века» древней истории Ирана до недавнего времени почти не были документированы археологическим материалом. И лишь открытия последних 25 лет на территории Северного Ирана дали целый ряд первоклассных памятников раннего железного века (Саккызский «клад», комплекс вещей из Амлаша, Калар-дашт, Марлик, Хасанлу и др.), создав тем самым возможность для широких исторических обобщений с привлечением вещественных источников.

Значение публикаций открытых комплексов, правда, во многом обесценивается тем, что, как правило, в них не отражены массовые категории материала и прежде всего керамика. Широко обнародованы лишь эффектные находки, дающие общее представление о незаурядном характере исследованных памятников. Невозможность до поры до времени ознакомиться с массовым материалом вызывает обостренное внимание исследователей к уникальным вещам, представляющим в основном предметы искусства из драгоценных металлов с сюжетными изображениями, расшифровка смысла которых позволила бы пролить свет на многие проблемы, связанные с определением идеологии общества.

Одной из самых впечатляющих находок последнего времени в Иране является золотой сосуд, получивший в специальной литературе название «чаши из Хасанлу». «Одного взгляда на золотую чашу из Хасанлу,— писала известный искусствовед Э. Порада,— с ее различными сценами богов, героев, монстров и людей достаточно, чтобы поставить ее в ряд с наиболее выразительными произведениями искусства» [1].

Прежде чем перейти к рассмотрению многофигурной композиции на этой чаше, охарактеризуем в нескольких словах поселение, где она найдена. Хасанлу, центральный памятник долины Солдуз, расположенной к югу от оз. Урмия (Резайе), с 1956—1957 гг. исследовался экспедицией Пенсильванского университета под руководством Р. Дайсона. Эти работы имели большое значение для выяснения стратиграфической колонки Северо-Западного Ирана и решения некоторых других вопросов, а также во многом прояснили этническую историю этого региона.

К интересующему нас времени (конец II — начало I тысячелетия до н. э.) относятся три периода поселения: VI—IV [2].

---

[1] E. Porada. The Hasanlu Bowl. Expedition, I (3), 1959, p. 19.

[2] Некоторые категории инвентаря (керамика, наконечники стрел) следующего, III периода Хасанлу близки соответствующим материалам раннеахеменидского слоя

Керамика VI слоя представляет собой разновидность хабурской керамики, распространенной во II тысячелетии до н. э. в Северной Месопотамии, Сирии и Малой Азии [3]. Появление этой керамики в районе к югу от оз. Урмия связывалось Р. Дайсоном с первой экспансией сюда ассирийцев под водительством Ададнирари I (1307—1275 гг.), Салманасара I (1274—1245 гг.) и Тукульти-Нинурты I (1243—1206 гг.) [4], однако три образца C_{14} из слоя этого времени в Динка-тепе поблизости от Хасанлу дали даты 1612±61 (Р—1233); 1555±52 (Р—1232) и 1434±52 (Р—1231) гг. до н. э. [5] Эти даты противоречат выводам Дайсона, но находятся в полном соответствии с датировкой хабурской керамики, которую, судя по времени (XVII—XIV вв. до н. э.) и месту распространения (Малая Азия, Северная Месопотамия, Северная Сирия), мы можем связывать с хурритами. И в долине Солдуз, следовательно, эта керамика характеризует хурритский этнический пласт.

Материальная культура следующих двух периодов Хасанлу — V—IV уже определенно связывалась различными исследователями с хурритоязычными маннейцами [6]. Однако материальная культура Хасанлу V и IV резко отлична по своему облику от материальной культуры Хасанлу VI.

Серая керамика, типичная для V—IV слоев Хасанлу, в ее специфических формах («чайники» и т. д.), по мнению многих исследователей (Э. Шмидт, Т. Арне, Л. Ван ден Берг, Р. Гиршман и др.), характеризует в Иране индоиранский, точнее, уже собственно иранский этнический элемент [7]. Сам автор раскопок и гипотезы маннейской принадлежности жителей Хасанлу V—IV периодов допускал возможность проникновения в долину Солдуз иранских групп населения [8].

Упомянутая выше чаша была обнаружена в одном из сожженных строений IV слоя, которое отождествлялось Дайсоном (по комнате с подиумом и остаткам жертвоприношений, заполнявшим соседнее помещение) с храмом [9]. Чашу, очевидно, пытались вынести из горевшего здания три человека, скелеты которых обнаружены рядом. Один лежал ничком с вытянутыми вперед руками, под его грудной клеткой находился железный меч с рукоятью, обложенной золотой фольгой. Второй человек, в бронзовом шлеме, лежал на боку и правой рукой прижимал к себе чашу. Тут же лежал третий, одетый в тунику, скрепленную на шее медной булавкой, и державший в руках меч и булаву.

Чаше и анализу изображений на ней посвящена обширная литература [10]. Высота чаши 20 *см*, таков же ее диаметр, вес около 600 *г*. Поверхность чаши покрыта изображениями, расположенными в два ряда (рис. 1).

Суз и могут быть определены как мидо-персидские (R. H. Dyson. Hasanlu Project. New Roads to Yesterday. N. Y., 1966). Этническая принадлежность населения долины более ранних, чем Хасанлу VI, периодов остается неопределенной.

[3] B. Hrouda. Die bemalte Keramik des zweiten Jahrtausends in Nordmesopotamien und Nordsyrien. Istanbuler Forschungen. Bd. 19. 1957.

[4] R. H. Dyson. Problems of Protohistoric Iran as Seen from Hasanlu. JNES, XXIV, № 3. July 1965, p. 195.

[5] O. W. Muscarella. Excavations at Dinkha Tepe, 1966. BMMA, nov. 1968, p. 194.

[6] R. H. Dyson. Hasanlu and Early Iran. Archaeology, 13, 1960, p. 119 f.; С. Кашкай. О городах-крепостях Манны. Тезисы докладов Всесоюзного симпозиума «Города и торговля Древнего Востока III—I тысячелетия до н. э.» Ереван, 19—23 мая 1969 г., стр. 17—19 и др.

[7] Некоторые исследователи употребляют термин «индоевропейцы», (M. N. Van Loon. Gray Ware and Problem of Indoeuropeans in Iran. Iranian Arf and Archaeology. A Report of the International Congress, 1968. Archaeology, 22 (1), 1969, p. 58 f.) и хотя этот термин вполне приемлем, поскольку индоиранцы те же индоевропейцы, правильнее говорить уже об иранской ветви арьев.

[8] R. H. Dyson. Ninth Century Men in Western Iran. Archaeology, 17 (1), 1964 и др.

[9] R. H. Dyson. Digging in Iran: Hasanlu, 1958. Expedition, 1959, 1 (3), p. 12, 14.

[10] E. Porada. The Hasanlu Bowl. Expedition I (b), 1959; Idem. The Gold Bowl and Silver Beaker from Hasanlu. Proceedings of the Fourth International Congress of Persian Art and Archaeology. N. Y., 1960; W. Culican. The Hasanlu Bowl. Milla-wa

В верхнем изображена процессия, состоящая из трех мужчин на колесницах. Двое мужчин стоят на колесницах, запряженных мулами или ослами; человек, возглавляющий процессию,— на колеснице, запряженной быком. Изо рта быка изливается струя воды, окруженная множеством кружков. Судя по атрибутам (крылья за спиной первого человека, диск с крылышками и «рога» на головах соответственно у второго и третьего) перед нами божества. Об этом свидетельствует и встречная процессия пеших людей. Первый из них держит в руках сосуд, двое других ведут каждый по барану. По-видимому, это жрецы, приносящие жертву богам возлиянием и мясом жертвенных животных.

В нижнем ряду дана основная серия изображений: обнаженная женщина с повернутой вправо головой и раскинутыми в стороны руками, в которых она держит кусок материи, стоящая на баране с двумя головами; справа от нее мужчина со стрелой в одной руке и большим луком, который опирается на выставленную вперед ногу,— в другой; за спиной лучника колчан со стрелами. Одежду его составляет короткая юбочка, украшенная шевронами в елочку, узорчатой оторочкой и длинной бахромой с кистями (хвостами животных?); на голове перевязь со змеиной головкой впереди. Перед лицом стрелка парит хищная (с изогнутым клювом) птица, на спине которой находится женщина. О том, что перед нами женщина говорит отсутствие бороды, характерной для всех 14 мужских фигур, изображенных на чаше, и своеобразная прическа. Если мужские персонажи имеют длинные распущенные волосы, то у женщин (четыре изображения) волосы уложены в прическу и, кажется, покрыты сеткой.

Далее за птицей изображена женщина, восседающая верхом на льве, держащая в руках зеркало и жезл и одетая в тунику той же фактуры, что держит женщина, стоящая на баране. На крупе льва — свастика. Передо львом изображены три кинжала, распространенных в Иране в конце II — начале I тысячелетия до н. э. типов. Далее изображен коленопреклоненный мужчина в длинном одеянии, держащий сосуд с возлиянием перед столиком-жертвенником.

Фриз завершается сценой битвы героя с человекообразным чудищем с тремя собачьими или волчьими головами; одежда героя та же, что и у стрелка из лука. Своеобразие этой одежды и ее резкое отличие от одеяний других персонажей, изображенных на чаше, заставляет предположить, что и лучник, и герой, сражающийся с монстром, одно и то же лицо. Те же особенности, которые отличают эти два схожих изображения друг от друга (лук и стрелы, змея — у первого, кастеты на руках — у второго) объясняются, видимо, различными функциями этого лица.

Под женщиной, летящей на орле, и женщиной, едущей на льве, изображены двое мужчин, очень похожих друг на друга и держащих за руки третьего. Под человеком, приносящим возлияния, женщина, подносящая ребенка мужчине, восседающему на банкетке и держащему в руке топор-тесло (?).

Позади сидящего человека лежит лев. Трудно сказать, к какому сюжету (женщина с ребенком и мужчина на троне или битва героя) этот лев может быть отнесен. Вряд ли на одной чаше изображены два различных льва. Скорее всего лев, лежащий за креслом, на котором сидит мужчина, и лев, на котором сидит женщина,— одно и то же животное. Правда, у лежащего льва отсутствует свастика на бедре, имеющаяся на бедре у другого льва. Однако это различие можно объяснить. В пределах Ирана нам

Milla, I, 1962, p. 60—72; P. D i b a. L'Orfevrerie en Iran au début du premier millenaire aven J. C., d'apres le Vase de Hasanlu. Memoire Soutenu à l'Ecole du Louvre. P., 1963, Fevrier; I d e m. Le Vase en Or de Hasanlu. Iran, 3, 1965, p. 127—132; I d e m. Les Tresors de L'Iran et le Vase en Or des Manneens. P., 1965; M. J. M e l l i n k. The Hasanlu Bowl in Anatolian Perspective. Iranica Antiqua, VI, 1966.

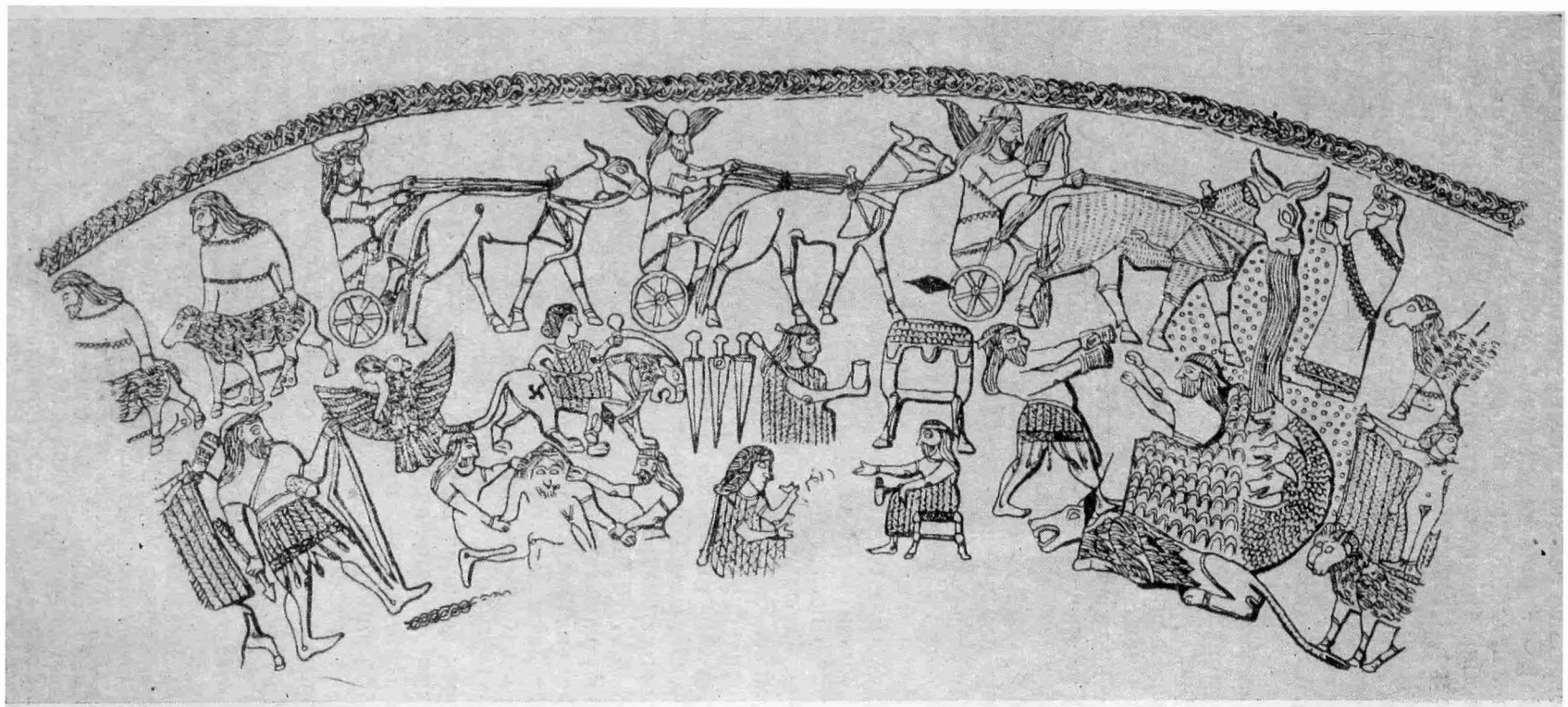


Рис. 1. Прорисовка изображений на золотой чаше из Хасанлу: эпизоды мифа об Анахите

известно еще три относящихся к концу II — началу I тысячелетия до н. э. изображения львов со свастикой на крупе (на сосудах из Марлика, Калар Дашта, Гиляна) [11]. У всех четырех львов, считая льва на чаше из Хасанлу, свастика на правом бедре. Изображений львов со свастикой на левом бедре не известно. По-видимому, мы имеем дело с тавром, ставившемся на правом бедре. Отсутствие свастики на левом бедре лежащего льва понятно.

Четыре женщины, изображенные на чаше, имеют очень схожие прически и одинаковое одеяние, так что не исключена вероятность того, что перед нами одна и та же женщина (простая смертная или богиня). На дне чаши в круге изображены четыре барана, стоящих по внешним сторонам квадрата.

Божества верхнего фриза истолковывались по-разному: одни (П. Диба) видели в них триаду ведущих представителей ассирийского пантеона — Адада, Шамаша, Сина; другие (Меллинк) сопоставляли трех богов с божествами хурри-хеттского происхождения Тешубом, Симети и Кушухом, но функции их трактовались одинаково: первый — бог бури или погоды, второй — бог солнца и третий — луны.

В нижнем ряду, по мнению Порады, мы не находим ни одной связной сцены [12]. Все же одну группу изображений Порада связала с мифом хурритского происхождения, дошедшим до нас в хеттском переводе. Суть этого мифа сводится к следующему: бог-старец Кумарби, желая избавиться от соперника — бога погоды, приживает от диоритовой скалы сына (женщина, кладущая ребенка на колени сидящему мужчине толкуется Порадой как богиня, подносящая сына Кумарби); сын Кумарби и скалы на время подрастания был помещен на плечи сказочного существа Убеллуриса, затем диоритовый человек несколько раз бился с богом погоды, но в конце концов последний победил (так Порадой осмысливается изображенная сцена битвы героя с монстром; льва под «скалой» она принимает за Убеллуриса).

Этот миф, однако, даже упомянутые фигуры, составляющие лишь часть изображений на чаше, объясняет не полностью: непонятно, почему герой, бьющийся с чудовищем (бог погоды или бури), не похож на того бога погоды с верхнего фриза; почему монстр имеет три головы и т. п. Остальные фигуры из этого мифа объяснить трудно, поэтому человека на орле Э. Порада сопоставляла с мифом о царе Этане (хотя там изображена женщина, а не мужчина), женщина же на льве с зеркалом в руках, по мнению Порады, может быть связана с типом западноазиатской богини Кубабы, покровительницы Кархемиша.

В более поздней своей работе Э. Порада, не отказываясь от сопоставления некоторых сюжетов на чаше с мифом о Кумарби и даже приводя некоторые новые аргументы в пользу такого сопоставления, все же сочла должным отметить сходство некоторых сюжетов чаши с древнеиранским искусством [13]. Например, искусство сасанидской эпохи знает сюжет, в котором связываются женщина (богиня Анахита) и орел или коршун; положение лучника, опирающего лук на ногу, является типичным для мидийского и персидского искусства, прически женских фигур и жреца находят близкие аналогии в материалах Суз и Луристана и т. п. [14].

---

[11] Archeologie Vivante, № 1. P., 1968, fig. XXVI; E. Negahban. A preliminary report on Marlik excavation. Tegeran, 1964; L. Vanden Berghe. Archeologie de l'Iran ancien. Leiden, 1959, p. 258, pl. 2a.

[12] E. Porada. The Hasanlu Bowl..., p. 20.

[13] E. Porada. Iran ancien. P., 1963, p. 87, 89.

[14] К сожалению, нам осталась недоступной работа Ванден Берга, где он сопоставляет сражающегося героя с Траэтаоной (L. Vanden Berghe. Thema's uit de oud — Iraanse mythologie op de goulden vaas von Hasanlu. Jentse Budragen tot de Kunstgeschidenis en de Oudheidkunde, XVIII, 1959—1960, p. 11—13).

Если учесть, что имеются некоторые аргументы в пользу иранской принадлежности IV слоя Хасанлу, то не покажется странной мысль использовать для объяснения изображений на чаше из Хасанлу Авесту, вобравшую в себя многие сюжеты древнеиранской мифологии.

Как мы уже отмечали, Порада мимоходом упоминала о связи Анахиты с хищной птицей в сасанидском искусстве, высказав догадку, что этот сюжет, возможно, восходит к «доперсидским» сказаниям. В Абан-Яште, посвященном Ардвисуре Анахите, мы действительно находим сюжет, связывающий Анахиту с хищной птицей. В этом Яште, в частности, рассказывается о том, как Анахите приносил жертву Паурво, «бывалый лодочник», когда благодаря победоносному богатырю Траэтаоне он взлетел на воздух в образе коршуна [15].

«Он парил после этого в течение трех дней и трех ночей по направлению к своему жилищу, но не смог вернуться к себе. К концу третьей ночи поспел он к утренней заре к восходу Ардвисуры и воззвал к ней: «О Ардви-Сура Анахита! Поспеши ко мне на помощь...» И стекла к нему Ардви-Сура Анахита в образе девушки прекрасной. От лодыжки и ниже была она обута в блестящие сандалии, стянутые золотыми лентами.

Она крепко схватила его за плечи. И тут же он очутился на созданной Ахурою земле, в своем доме, живой и здоровый» [16]. Изображение на чаше женщины, держащей за крылья парящую птицу, вполне может служить иллюстрацией к этому отрывку.

В благодарность за свое спасение Паурво обещает принести ей жертву Хаомой. И действительно, мы видим на чаше преклонившего колени человека с чашей в руках перед жертвенником-столиком с перекладиной и ножками, заканчивающимися копытцами [17]. То, что жертва предназначена именно Анахите подчеркивается одеянием человека, отличающегося от одежд всех мужчин, изображенных на чаше, но аналогичного одеянию предполагаемой Анахиты.

Женщина верхом на льве между парящим коршуном и человеком с возлиянием также, по-видимому, Анахита, направляющаяся за получением предназначенной ей жертвы Хаомой.

Нам известны изображения западноазиатской богини, едущей на льве (Кубаба-Кибела), но в таком виде изображалась и Анахита. Так, центральное изображение (богиня на льве) на раннесасанидском блюде, найденном у дер. Нижнешахаровки Пермской области, К. В. Тревер отождествляла с Анахитой [18].

С Наной-Анахитой отождествлялось также божество, восседающее на льве на росписях Пенджикента, на серебряных чашах, истолкованных С. П. Толстовым как хорезмские, на кушанских монетах [19].

Все эти аналогии являются, правда, довольно поздними. Но у нас есть другие сведения, говорящие о том, что лев был животным, сопутствующим Анахите. К. В. Тревер уже приводила в своей работе слова Элиана, часто использовавшего более древние источники, о том, что в ограде храма Анахиты в Сузах содержались посвященные ей ручные львы. В связи

---

[15] mərəγahe... kahrkasahe (букв. «птица-пожиратель кур»).

[16] Яшт, V, 61—65. Тексты из Авесты цитируются в основном по переводу Дармстетера (серия «Sacred Books of Near East»). Терминология приводится по древнеиранскому словарю Бартоломэ. Нашим консультантом в этом вопросе являлся С. Н. Соколов, которому автор выражает свою глубокую признательность.

[17] Ближайшую аналогию столик-жертвенник находит на печати Датамеса из Персеполя, где изображены два жреца по сторонам алтаря огня и столика со ступкой и пестиком для Хаомы. Две ножки этого столика также связаны перекладиной, а нижние концы ножек утолщены, напоминая копыто или лапу животного (см. E. F. Schmidt. Persepolis, II. Chicago, 1957, p. 20, PT7, PT384, PT363).

[18] К. В. Тревер. Памятники греко-бактрийского искусства. М.— Л., 1940, стр. 96 сл., табл. 28.

[19] Н. В. Дьяконова, О. И. Смирнова. К вопросу о культе Наны (Анахиты) в Согде. СА, 1967, 1.

с этим заметим, что самое раннее (середина III тысячелетия до н. э.) известное нам изображение богини на льве происходит из Суз [20]. Конечно, об иранцах в Сузах этого времени говорить не приходится. Богиня Суз III тысячелетия до н. э. — это скорее всего местная (эламская?) богиня, под воздействием культовых изображений которой мог сложиться иконографический тип древнеиранской Анахиты, восседающей на льве, вновь возрожденный в сасанидское время.

Человек с луком, стоящий рядом с коршуном и есть, по-видимому, «победоносный богатырь» Траэтаона, благодаря которому Паурво взлетел в воздух в образе коршуна. Змея на голове Траэтаоны должна была, вероятно, означать колдовскую его силу, с помощью которой он обратил Паурво в коршуна [21]. Мы уже отмечали, что этот герой изображен на чаше дважды: первый раз рядом с коршуном, второй раз — бьющимся с трехглавым драконом. Траэтаона также дважды упомянут в Абан-Яште.

Первый раз, как мы уже упоминали, он помогает Паурво взлететь в небо коршуном. Второй раз он просит Анахиту даровать ему победу над трехглавым, трехпастным, шестиглазым Ажи Дахакой [22].

Женщина, стоящая с распахнутой мантией рядом с лучником-Траэтаоной, по логике вещей, также Анахита. В Абан-Яште дается детальное описание Анахиты: «...Стоит Ардвисура Анахита в облике девы прекрасной, в драгоценную мантию одетой, тонкотканную золотую.

...(Держит она) в руках барсман, похваляется серьгами, четырехгранными, золотыми. Ожерелье носит благородная Ардвисура Анахита на прекрасной шее.

Сверху на голову повязала Ардвисура Анахита диадему с сотней драгоценных камней, золотую, и т. д.» [23].

Целый ряд исследователей (Аккерман, Бертельс, Тревер и др.) уже отмечали, что это описание статуарного изображения богини, возможно даже более позднее [24], чем остальной текст Яшта.

В Абан-Яште дается еще несколько описаний Ардвисуры и одно из них очень напоминает фигуру обнаженной женщины с распахнутой накидкой: «Она стоит, прекрасная Ардвисура Анахита, одетая в золотую накидку [25], ожидая мужа, который принесет ей жертву возлияниями и молитвами и думая так в сердце:

Кто будет славить меня? Кто хочет принести мне жертву возлияниями, чисто приготовленными и хорошо процеженными, вместе с Хаомой и мясом? Кому я останусь верна, кто верен мне» [26].

Изображение кинжалов рядом со сценой приношения Хаомы явно несут смысловую нагрузку. Возможно, они связаны с обрядом жертвоприношения. В Абан-Яште неоднократно упомянуты жертвы мясом, приносимые Ардвисуре Анахите («сотня жеребцов, тысяца тельцов, десять тысяч агнцев») [27]. Три различных кинжала, должно быть, символизируют три различных типа жертвенных животных.

В нижнем фризе имеются еще две сцены, которые трудно объяснимы (человек, восседающий на троне, и женщина — Анахита, подносящая ему ребенка, и два человека, держащие третьего). Сидящий человек отождествлялся Э. Порадой с Кумарби, богом-старцем хурритского мифа. Бог-

---

[20] E. Porada. Iran ancien. P., 1963, p. 30, fig. 13.

[21] О змее как символе мудрости и магической силы см. «Serpent — Worship» in «Encyclopaedia Britannica», vol. 24, p. 676 f. Там же приводится некоторая литература.

[22] Яшт V, 33—34.

[23] Там же, 126—129 (пер. Е. Э. Бертельса).

[24] C. de Harlez. The Age of the Avesta. JRAS, N. S. XVII, part III, 347—348.

[25] Paitidana – «накидка, покрывало, кусок материи». Помимо одеяния Анахиты, одежда жреца (Вендидад, XIV, 8) и воина, которую он надевает под латы (Вендидат, XIV, 9).

[26] Яшт, V, 123, 124.

[27] Там же, 21, 25, 29 и др.

старец, рождающий сына, претендующего на мировое господство, известен во многих религиях, в том числе в греческой (Хронос) и в римской (Сатурн). Встречается такой бог и в зороастризме. Это Зрван, от которого рождаются благой дух Ахура Мазда и злой дух Ангхра Майнью; он, также как Хронос и Сатурн, связан со временем (Зрван акарана — «бесконечное время»). Восседающее божество с двухлезвийным топориком, похожее на сидящего бога чаши Хасанлу, изображено на одном фрагменте оссуариев из Бия-Наймана и также отождествлялось там со Зрваном [28]. Если это действительно Зрван, то понятна почтительная поза Анахиты, поднося-щей ему младенца Ахура Мазду (злой сын Ангхра Майнью, естественно, в этой сцене не показан). Двумя молодцами, похожими друг на друга и держащими под руки третьего человека, могут быть братья Ашавазда и Трита, молящие у Ардвисуры Анахиты победы над «сильнейшим Дураекаетой» и другими противниками [29].

Что касается верхнего фриза, то для исследователя, знакомого с Авестой, сразу же напрашивается сопоставление изображений на нем с XXI фаргардом Вендидада.

«1) Приветствую щедрого быка! Приветствую благодетельного быка!...

2) Придите, придите, о тучи, с небес на землю тысячами капель, мириадами капель — так сказал святой Заратуштра!

3) ...И ливнем льется вниз новая вода, новая земля, новые растения».

Этот отрывок перекликается с изображенным на чаше быком, изо рта которого изливается струя воды, «ливнем льющаяся вниз».

«Взойди! Поднимись и двигайся, ты, быстроконное солнце, над Хара Березаити и произведи на свет для мира...»

Следующим за колесницей, запряженной быком, показано божество на колеснице с солнечным диском на голове.

«9) ...Взойди! Поднимись, месяц, поднимись выше Хара Березаити и произведи свет для мира...»

Вслед за солнечным богом изображено божество, которое по рогатому головному убору отождествлялось всеми предыдущими исследователями с божеством луны.

«13) Поднимитесь! Взойдите, глубокие звезды, несущие в себе семя вод, поднимитесь выше Хара Березаити и произведите свет для мира...»

Россыпь звезд на чаше изображена не в конце процессии, а в начале, перед мордой быка, откуда изливается на землю вода. Но если вспомнить, что большинство основных изображений на чаше связано с Анахитой, все встает на свои места. Анахита пребывает на небе в районе звезд [30]; и в виде источника из района звезд спускается [31]. Понятно, почему звезды, откуда изливается источник Анахиты, изображены впереди быка, с которым, кстати, они тоже связаны [32].

На наш взгляд, такое истолкование многофигурной композиции на чаше представляется более обоснованным, чем интерпретация, предложенная Э. Порадой.

Вообще следует отметить, что до сих пор, к сожалению, лишь немногие из памятников искусства эпохи первобытности на территории Ирана рассматривались исследователями под углом зрения древнеиранской мифологии. Для объяснения сюжетов подавляющего большинства произведений искусства этого периода исследователи обычно обращаются к месопотамской, хеттской, хурритской и любой другой мифологии, за исключением иранской. Вместе с тем в Северо-Западном Иране, как это в ча-

---

[28] А. Я. Борисов. К истолкованию изображений на Биянайманских оссуариях. ТОВЭ, т. II, 1940, стр. 43—45, рис. II.

[29] Яшт, V, 72, 73.

[30] Ясна VI, 1.

[31] Яшт V, 85, 88, 1326, стр. 3.

[32] Ср. Бундахишн IV, X (пер. Юсти).

стности, было показано Э. А. Грантовским [33], с конца II — начала I тысячелетия до н. э. появляется и начинает преобладать над всяким другим иранский этнический элемент. Отражение его идеологии мы вполне оправданно можем искать в североиранских памятниках искусства протоисторического периода, опираясь при этом на зороастрийскую религиозную литературу, впитавшую в себя многие мифологические и культовые воззрения древних иранцев.

В связи с этим заслуживает внимания обращение некоторых специалистов к так называемым Луристанским бронзам, в которых запечатлен, по мнению этих исследователей, целый ряд образов древнеиранской мифологии [34]. Приоритет в этом вопросе принадлежит Р. Дюссо [35]. Сюжет на одной из булавок, где изображена корова, кормящая теленка, и человек с пальмовой ветвью в руках, Дюссо принимал за сцену жертвоприношения, а ветвь — за барсму (пучок священных прутьев). Голову льва (?) на другой булавке Дюссо трактовал как символ Митры, а людей по сторонам головы, держащих в одной руке змею, а в другой — барсму, он считал жрецами.

Исследования Дюссо были продолжены Гиршманом. К примеру, в чудище, изображенном на одной из Луристанских булавок, Гиршман видел Сраошу, на другой — богиню Аши. Он же по-новому интерпретировал некоторые из тех сюжетов, которые впервые были охарактеризованы Дюссо как иранские. Человека с барсмой и корову с теленком на дисковидном навершии булавки он истолковывал уже не как жертвоприношение, подобно Дюссо, а как моление богине Аши о плодородии стад [36].

В изображениях на серебряной пластинке из Луристана Гиршман видел бога Зрвана и двух его противоборствующих сыновей-близнецов — Ахура Мазду и Ангхра-Майнью, вручающих барсму каждый своему войску. В том же духе им истолковывались и некоторые другие изображения [37]. Бога Зрвана с его сыновьями Гиршман находил и на обкладке колчана, найденной в Луристане, обосновывая такую точку зрения тем, что образы, отождествляемые им со Зрваном, «несут женское лицо на животе», как и другие предполагаемые изображения Зрвана [38]. Существуют и другие попытки интерпретации изображений на колчане. Дюссо рассматривал фигуры на обкладке колчана как изображения дозороастрийских божеств. Дюмезиль видел в них изображения индоиранских богов Сурью и Марутов (2-й ряд), Митру и Варуну (3-й ряд), Индру, Рудру или Парьянья (4-й ряд); богов-близнецов Насатья, задача которых «омолаживать дряхлого старца Кьявану» (5-й ряд) [39].

Мы не будем за неимением места вдаваться в разбор приведенных сопоставлений, но в целом работы Дюссо и Гиршмана являются интересной попыткой, открывающей путь к использованию сюжетов древнеиранской мифологии для интерпретации археологических материалов с территории Ирана, с одной лишь оговоркой: делать это более строго и с максимально детальным обоснованием.

Одним из центральных, наиболее характерных и, бесспорно, ранних моментов древнеиранской религии является культ Хаомы, зарождение которого, судя по Соме индийских Вед, можно возвести еще к неразделен-

[33] Э. А. Грантовский. Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 1970.

[34] См. упоминание об этом В. А. Алекшин, Г. Н. Курочкин. Новая литература по Луристанским бронзам СА, 1972, 1.

[35] R. Dussaud. Ancient Bronzes du Luristan et cultes iraniennes. Syria, XXVI, 1949; Idem. Le dieu mithraique leontocefale. Syria, XXVII, 1950.

[36] R. Ghirshman. Iran (Protoiraner, Meder, Achämeniden) Munchen, 1964, S. 43 u. a.

[37] R. Ghirshman. Notes iraniennes, VIII. Le dieu Zurvan sur les bronzes du Luristan. Artibus Asiae, XXI, 1958, p. 37—42.

[38] R. Ghirshman. Iran..., S. 70.

[39] L. Dumezil. Dieux Cassites et dieux Vediques. A propos d'un Bronze du Luristan. Revue nittite et asianique, X, 52. 1950, p. 18—37.

ной индоиранской общности. Герцфельд, например, относил приготовление опьяняющего напитка на культ Хаомы к середине II-го тысячелетия до н. э.[40]. Хаома в Авесте выступает в трех качествах: Хаома-божество, Хаома-растение, Хаома-напиток.

До сих пор неясно, какое именно растение можно отождествлять с Хаомой, но в Авесте это неизвестное растение отличается следующими внешними признаками: оно называется высоким, желтым (желтоцветным). «Мы поклоняемся желтому высокому Хаоме»[41].

Наряду с желтым или золотоцветным Хаомой различали еще молочно-белую его разновидность[42], поэтому Хаома назывался «многосортовым»[43]. Хаома имеет гибкие побеги[44]; он называется также сладкопахнущим и быстрорастущим[45].

Растение Хаома произрастает в диких условиях: «Быстро и мудро на высокой Хараити умелый бог посадил тебя»[46]; «О Хаома, ты растешь на горах в стороне от дорог, где ты можешь спокойно цвести»[47]. «....Все растения Хаомы славлю я на высоких горах, в долинах, в ущельях, срезающихся для связок женщинами»[48].

После срезания стебли Хаомы измельчаются и выжимаются, затем тщательно процеживаются. В перечне жреческих инструментов в XIV фаргарде Вендидата упомянут и набор предметов, использовавшихся для приготовления напитка Хаомы (ступка и чаши).

Каменные ступки различных типов широко представлены в археологических памятниках Ирана и Средней Азии, но использовались они преимущественно для толчения зерна; ступки, которые можно определить как специально предназначенные для выжимания сока из растений, встречаются крайне редко; в пределах Средней Азии и Ирана нам известна всего одна каменная ступка (Марлик, Северный Иран), служившая, судя по сливу, для выжимания сока из растений[49] (рис. 2). Обычно каменные ступки встречаются на земледельческих поселениях. Находка марликской ступки в богатом могильнике указывает, как нам кажется, на ритуальный ее характер. Помимо «правильной» ступки с пестиком, для приготовления и потребления Хаомы использовались также чаши: «Заратуштра говорит: «Ступка, чаша, Хаома и слова, изреченные Маздой — вот мое несокрушимое оружие»[50]. Причем, судя по всему, посуда для Хаомы употреблялась большей частью золотая и серебряная[51]. После размалывания и процеживания Хаома смешивался с молоком[52] и растениями[53]. После приготовления защитные свойства Хаомы усиливаются[54].

Некоторые исследователи полагали, что Хаома перед употреблением выдерживался[55]. Намек на это, действительно, можно усмотреть в Ясне XI, 3: «Хаома говорит пьющему его: «Бездетным ты будешь... держащий

---

[40] E. Herzfeld. Zoroaster and his World. Prinston, 1949, p. 544.
[41] Ясна, X, 21; Haomәm zairim bәrәzantәm.
[42] Ясна, X, 12: haoma gaoma zairi — gaono.
[43] Pouru sarәδa.
[44] Ясна, IX, 16: namyasush.
[45] Там же, X, 4: staomi zәmo yatha raoδahe hubaoidish aurvo čaranәm uta mazda huruthma.
[46] Там же, X, 10: aurvantәm thwa damiδatәm... bayō mida thәt... haraithyo paiti barәzaya.
[47] Там же, 4: haoma raose gara paiti uta fra aesha vishpatha hai thimča ashaka xā ahi.
[48] Там же, 17: vīspe haoma upastaomi yatcit barshnusmahva gairinam yatcit jafnushva raonam yaēčit azahu dәrәtaŋ ho...
[49] E. Negahban. A preliminary report on Marlik excavation. Teheran, 1964, p. 42, fig. 33.
[50] Вендидат XIX, 9: havanača tashtača haomača.
[51] Ясна, X, 17; әrәzaena hača tashta zaranaenem aoi taxshe.
[52] Там же, 13.
[53] Ясна, XXII, 1.
[54] Вендидат, VI, 42—43.
[55] А. О. Маковельский. Авеста. Баку, 1960, стр. 76.

меня в заключении, как грабителя, пробивающего череп», — однако об этом «заключении» явно говорится в осуждающем тоне.

Вполне естественно предположить, что разработанный в течение столетий до мелочей культ Хаомы должен был отразиться в памятниках искусства еще доахеменидского времени. И действительно, при обращении к археологическим материалам Северного Ирана конца II — начала I тысячелетия до н. э. обилие изображений, посвященных церемонии возлияния, просто поражает [56]. Из этих изображений особого внимания заслуживают два.

В районе Амлаша-Марлика,— откуда происходит ступка со сливом для выжимания сока растений, найден также золотой сосуд с двумя ярусами изображений на нем (рис. 3) [57]. В верхнем ярусе четырежды повторено изображение льва, задирающего оленя; в нижнем ярусе изображены четыре коленопреклоненных человека с головными уборами в виде тиары, держащие в руках сосуды, из которых высовываются стебли растений. В промежутках между фигурами жрецов (?) на стыках стеблей растений изображен плод или корень, из которого капает сок. Особый интерес представляют одеяния людей. В зороастрийском богослужении одеждой жрецов служила именно такая «расписанная звездами» рубашка [58].

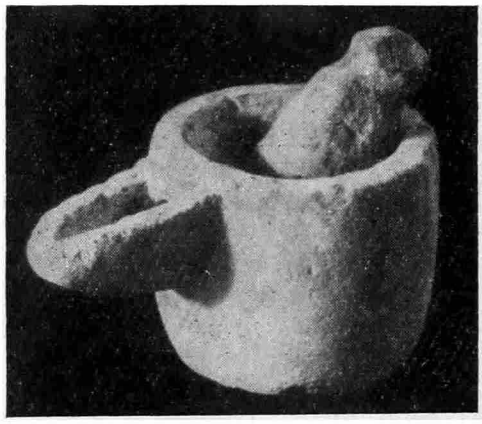


Рис. 2. Ступка со сливом для выжимания сока из растений (Марликский могильник, Гилян)

Рис. 3. Изображение на золотой чаше: жрец, держащий сосуд, из которого высовываются стебли Хаомы (Гилян)

Жрец с сосудом, из которого торчат гибкие стебли растения, изображен также на кокарде золотого шлема из Амлаша (случайная находка). Уилкинсон, опубликовавший шлем, правда, принимал изображение на шлеме за бога вод, а побеги растения за струи воды [59], однако, при внимательном

[56] См. например: E. Negahban. A preliminary report..., pl. XI; R. A. Dyson. Ninth Century Men..., p. 4, fig. I; L. Vanden Berghe. Archeologie de l'Iran ancien. 26, p. 147 b. etc.

[57] Archeologie vivante, I. P., 1968, pl. XXIX.

[58] Stahr paisaђha — см. С. Н. Соколов. История таджикского народа, т. 1, стр. 185.

[59] Ch. K. Wilkinson. Art of the Marlik Culture. BMMA, 1965, XXIX, N 3, p. 107—108, fig. 9.

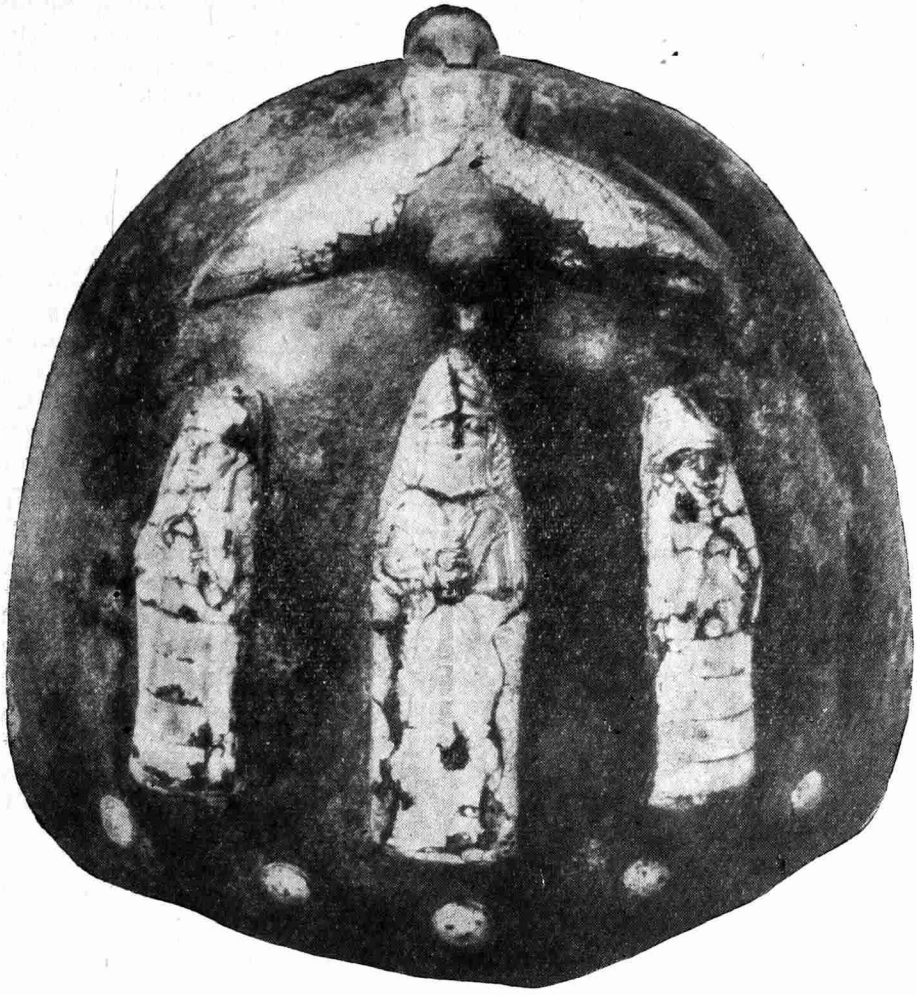


Рис. 4. Золотой шлем с изображением жизненного цикла Хаомы (Гилян)

рассмотрении четко прослеживается фактура листа с прожилками (рис. 4). Над жрецом, изображенном на шлеме,— летящая птица; по обеим его сторонам стоят женщины. На наш взгляд, вся композиция изображает жизненный путь священного растения от посева до сбора и использования в жертвоприношении.

Птица в полете символизировала посев Хаомы: «И наученные инстинктом, с каждого склона Хараити щедрые птицы [60] разносят тебя к горам выше орлов [61], к крайней горной вершине, к ущельям и пропастям, в высоте многих дорог, ко всегда белым пикам» [62]. Женщины, изображенные по бокам жреца,— по всей вероятности, сборщицы Хаомы: «Все растения Хаомы славлю я, на высоких горах, в долинах, в ущельях, срезающихся для связок женщинами...» [63]. И наконец, жрец с чашей Хаомы олицетворяет собой славословие Хаоме, принесение его в жертву. Остается выяснить, почему Хаома изображен на воинском шлеме.

Сок Хаомы в первую очередь употреблялся как целебный очистительный напиток: «Отбросы, и с ними грязь исчезают из дома, куда тебя приносят, и где тебя восхваляют, напиток Хаома, славный, несущий здоровье» [64]. Хаома прогоняет прочь смерть, обеспечивает долгую жизнь жен-

[60] marəγa.
[61] upairi — zaena.
[62] Ясна, X, 11.
[63] Там же, 17.
[64] Там же, 7.

Рис. 5. Культовая фигурка бычка с золотыми рогами — бог Тиштрья (Марлик)

щинам, носящим плод, Хаома дарует прекрасное потомство и праведное поведение, а старым девам — хороших мужей.

«Хаома дарует людям, просиживающим за книгами, больше знаний и больше мудрости» [65]. Но Хаома дает не только здоровье и мудрость. Это вообще универсальное средство: «О Хаома... ты годишься и для того, чтобы сражаться с победой, и для спасения моего тела и для увеличения наслаждения» [66]. Хаома дарует бдительность; быстроту колесницам [67], поражает плохих людей и демонов [68].

В одном из своих качеств Хаома выступает как носитель победы: «Этой пятой молитвой, О Хаома, я прошу тебя, отгоняющего смерть! Чтобы я мог стоять победоносно на земле, победить в битвах, преодолеть атаки ненависти и победить ложь» [69]. По-видимому, именно этим свойствам Хаомы объясняется помещение жреца с Хаомой на парадном воинском шлеме [70] и весь смысл ритуальной сцены на шлеме может быть выражен следующими словами Авесты: «Победу дающему, поражающему Хаоме мы поклоняемся» [71]. «Хаома растет тогда, когда его восхваляют и человек, восхваляющий его, является наиболее победоносным» [72].

Одним из популярнейших и древнейших образов иранской мифологии является бог Тиштрья. По зороастрийской литературе известны различные его ипостаси.

В течение месяца, названного его именем (первый месяц лета: 21 июня — 21 июля), Тиштрья появляется в образе человека, златорогого быка и коня [73]. В Вендидате (XIX, 37), где приводятся призывы к различным божествам, Тиштрья упоминается исключительно в виде златорогого быка: «Я взываю к Тиштрье сверкающей и славной звезде в образе златорогого быка». В пехлевийском комментарии к Авесте говорится: «В образе быка он (Тиштрья) наиболее почитаем».

В уже упоминавшемся несколько раз Марлике, являющемся одним из выдающихся археологических памятников раннего железного века Ирана [74], обнаружена культовая каменная статуэтка быка с золотыми рогами, которую можно сопоставить со златорогим бычком — Тиштрьей (рис. 5) [75].

[65] Ясна, IX.
[66] Там же, 27.
[67] Там же, 21, 22.
[68] Ясна, IV, 28—32.
[69] Ясна, IX, 21.
[70] Изображение жреца с чашей Хаомы в руках на упоминавшемся уже сосуде из Гиляна, возможно, также говорит о победоносных качествах Хаомы, так как вторая сцена на сосуде изображает льва, атакующего оленя.
[71] Ясна, X, 19.
[72] Там же, 6.
[73] Бундахишн, VII; пер. Юсти, Яшт, VIII, 13—18.
[74] См. И. Л. Станкевич, Раскопки Марлык-Тепе. СА, 1970, 2, стр. 261—263
[75] Archeologie Vivante, Nl, P., 1968. fig. 102.

Правда, фигурка златорогого бычка из Марлика может олицетворять и Веретрагну. Гений победы Веретрагна является Ахуре в различных видах: в образе ветра, коня; верблюда, юноши, птицы Варган (совы или вороны), дикого барана, козла, мужчины с золотым мечом и в образе прекрасного быка с желтыми ушами и золотыми рогами [76]. Определенные соответствия в археологических материалах Северного Ирана находят также «золотой меч Веретрагны, украшенный различного рода орнаментами», «стозубчатая» палица Митры, однорогий осел Хара, стоящий посреди оз. Ворукаша и некоторые другие.

Однако даже приведенных в этой статье примеров достаточно, чтобы уяснить всю значительность проблем, которые могут быть разрешены при условии успешной расшифровки многочисленных изображений доахеменидского периода с территории Северного Ирана.

G. N. KOUROTCHKINE

A PROPOS DE L'INTERPRÉTATION DE CERTAINES FIGURATIONS DE L'AGE DE FER INITIAL PROVENANT DU TERRITOIRE DE L'IRAN SEPTENTRIONAL

Résumé

Partant de la prémisse de la propagation dans l'Iran septentrional, dès la deuxième moitié du II millénaire av. n. è., d'un nouveau élément éthnique — des tribus iranophones — l'auteur interprète certaines figurations dans l'esprit de la mythologie ancienne d'Iran. De cette façon, selon lui, le bol en or provenant de Hassanlou (IV et V niveaux de ce site, d'après la poterie «grise», très caractéristique, l'auteur rattache aux Iraniens) porte les sujets principaux du mythe de Ardviçoure Anahite (Avesta, Yašt V): Anahite en pélerine d'or appelant le héros — Traétaona — à l'aide duquel Paurvo s'envola dans le ciel; Paurvo sous forme de milan auquel Anahite aide à revenir sur la terre; Anahite sur le dos du lion; Paurvo apportant les sacrifices de Haoma à Anahite (trois poignards symbolisent le sacrifice de trois espèces d'animaux); Traétaona combattant avec Aji-Dahaka tricéphal. En bas — les frères Ašavazda et Trita en lutte contre «Dourakeata, le plus fort» et Anahite tendant Ahouramazdâ nouveau né à Zwan. Dans la rangée supérieure des figurations on peut voir une illustration du XXI Fargard de Vendidad: taureau sacré portant le cavalier rappelant Ahouramazdâ de l'époque achéménide, le Soleil (Hvaršed) sur le deuxième char, sur le troisième — la Lune (Mah). Près du mufle de taureau, un éparpillement d'étoiles d'où jailli la source d'Anahite.

L'auteur rattache à l'adoration de Haoma un nombre d'objets provenant de l'Iran dont un mortier pour l'extraction du jus de plantes, figurations des pontifs tenant les récipients desquels sortent les tiges de plantes, sur la coupe et la casque en or (toutes les trouvailles proviennent de Ghilan).

La figurine du taurillon aux cornes d'or (Marlik) est interprétée comme une figuration cultuelle du dieu de Tichtra qui était surtout vénéré sous forme de taureau à cornes d'or.

---

[76] Яшт, XIV, 7.

И. А. БАБАЕВ

АНТИЧНАЯ ЧЕРЕПИЦА КАВКАЗСКОЙ АЛБАНИИ

Строительная керамика, представленная главным образом кровельной черепицей, архитектурной терракотой, кирпичами и водопроводными трубами, применяемая очень широко в античную эпоху, является одним из показателей высокой строительной техники и городской культуры. Производство строительной керамики распространяется особенно широко, начиная с эпохи эллинизма. Об этом свидетельствуют многочисленные находки этого типа изделий при раскопках античных городов и поселений на всем широком пространстве распространения эллинистической культуры, в том числе и в странах Закавказья.

Античная строительная керамика из раскопок городищ и селищ Колхиды и Иберии неоднократно служила темой публикаций и исследований. Что же касается Албании, то до недавнего времени нам было известно о широком применении черепиц, кирпичей, водопроводных труб и других видов строительной керамики лишь в средневековых городах, а о применении этой категории материалов в Албании в античную эпоху известно не было, поскольку планомерное археологическое исследование античных слоев албанских городов по существу еще не производилось. Слабая изученность археологических памятников античного времени на территории Азербайджана отразилась и на исследовании истории древней Албании: высказывались предположения о сравнительно более позднем, чем в соседней Иберии сложении классовых отношений и о возникновении албанского государства лишь незадолго до похода в Закавказье Помпея. Теперь же результаты археологических раскопок, развернувшихся за последнее десятилетие на территории исторической Албании, сопоставление их данных со сведениями античных письменных источников, дают основание для несколько иной интерпретации этих текстов и приводят к заключению, что в наиболее развитых в экономическом отношении районах древней Албании в III в. до н. э. существовали уже сложившиеся классовые отношения, поскольку в то время уже существовали города и городская жизнь [1].

Судя по нарративным источникам, в начале нашей эры в Албании было много городов. Так, например, согласно Плинию Старшему, главным городом Албании является Кабала [2], а Клавдий Птоломей упоминает уже 29 городов и других населенных пунктов этой страны [3]. В некоторых из этих городов проведены археологические раскопки, давшие большое число различных материалов, среди которых имеется и строительная керамика, представленная главным образом кровельной черепицей, а отчасти и обожженными кирпичами.

В этой связи особенно следует отметить раскопки, проведенные на городищах Кабала и Хыныслы, отождествляемом с древней Шемахой. Кро-

[1] Вопрос о времени возникновения албанского царства и территории, которую оно объединило, требует специального исследования.

[2] Plin., NH., VI.10,29.

[3] Ptolem. Geogr., V.11,2.

вельная черепица из раскопок Хныслы неодонократно упоминалась в публикациях [4]. Черепицы эти встречались довольно часто и почти во всех слоях античной эпохи; они имеют загибающиеся кверху боковые бортики; некоторые из черепиц окрашены [5]. К сожалению, в Хныслы не было найдено ни одной целой черепицы, а по фрагментам трудно точно установить их размеры и форму.

Особенно много черепиц античной эпохи обнаружено в Кабале. Согласно древним источникам, Кабала являлась главным и, по-видимому, столичным городом Албании. При археологических раскопках, начатых в Кабале под руководством С. М. Казиева и продолжающихся в настоящее время, выявлено много разнообразных материалов, освещающих почти все стороны жизни населения древнего города. Среди этих находок имеются десятки тысяч черепиц, а изредка и обожженные кирпичи. Фрагменты древних черепиц в Кабале были обнаружены при земляных работах еще в 1959 г., но тогда, до проведения археологических раскопок, считали, что эти черепицы относятся к IV — V вв. н. э. [6]. В результате проведенных раскопок удалось установить, что они относятся к более древнему, т. е. античному периоду.

С 1967 г. на городище Кабала античной эпохи ведутся планомерные археологические раскопки. В результате раскопок вскрыты три строительных горизонта, датируемые: первый — концом IV — III вв. до н. э., второй — I в. до н. э. и третий — второй половиной I в. до н. э. — I в. н. э. Кровельные черепицы обнаружены во всех этих трех горизонтах. Особенно много черепиц было найдено в верхнем строительном горизонте при раскопках большого общественного здания, построенного из сырцовых кирпичей. Внутри этого здания толщина слоя черепиц в некоторых местах достигает 0,4—0,5 *м*. В слоях эллинистической эпохи черепицы обнаружены сравнительно мало; но это объясняется скорее всего незначительными размерами площади раскопа, углубившейся в эллинистический слой.

Кабалинские черепицы эллинистической эпохи представлены плоскими соленами и желобчатыми калиптерами. Древнейшие из них сформованы от руки и несколько грубоваты. Постепенно и качество черепиц улучшалось; для изготовления их начали широко применять формы. Эти черепицы изготовлены из тщательно отмученной глины с примесью песка. Они хорошо обожжены и имеют светло-красный цвет. Лицевая сторона этих черепиц окрашена в красный цвет.

Как солены, так и калиптеры слегка суживаются в одном направлении. Продольные края соленов имеют бортики, загибающиеся кверху, и ближе к заднему краю снабжены поперечным валиком, тянущимся от одного продольного бортика до другого. Передний край черепицы имеет загиб книзу. На лицевой стороне одного из соленов, ближе к переднему краю, имеется оттиск круглого анэпиграфного клейма. Размеры соленов: длина 640—650 *мм*, ширина концов 460—490, 420—430 *мм*, высота боков их бортиков 40 *мм*, толщина 20 *мм*. Колебания в размерах черепиц незначительны (рис. 1; 2, *1*). Желобчатые калиптеры гладки с обеих сторон и не имеют никаких дополнительных деталей. Размеры калиптеров: длина 640—650 *мм*, ширина концов 110—140 *мм*, высота на концах 75—85 *мм* (рис. 2, *2*). Размеры найденных калиптеров почти одинаковы. Опи-

---

[4] Д. А. Халилов. Раскопки на городище Хныслы, памятнике древней Кавказской Албании. СА, 1962, 1, стр. 211; его же. Древнее поселение в Хныслы. Изв. АН Азерб.ССР. Сер. обществ. н., 1961, 3, стр. 36 (на азерб. яз.); Дж. А. Халилов, И. А. Бабаев. О возникновении и развитии городов в Кавказской Албании античной эпохи. Тезисы докладов, сессионных и пленарных заседаний Всесоюзной научной сессии, посвященной итогам полевых археологических и этнографических исследований в 1970 г. Тбилиси, 1971, стр. 83.

[5] Эти данные относительно черепиц из Шемахи любезно сообщены руководителем раскопок Д. А. Халиловым.

[6] С. М. Казиев. Историко-археологическое обследование городища Кабалы. МКА, V, Баку, 1964, стр. 23 (на азерб. яз.).

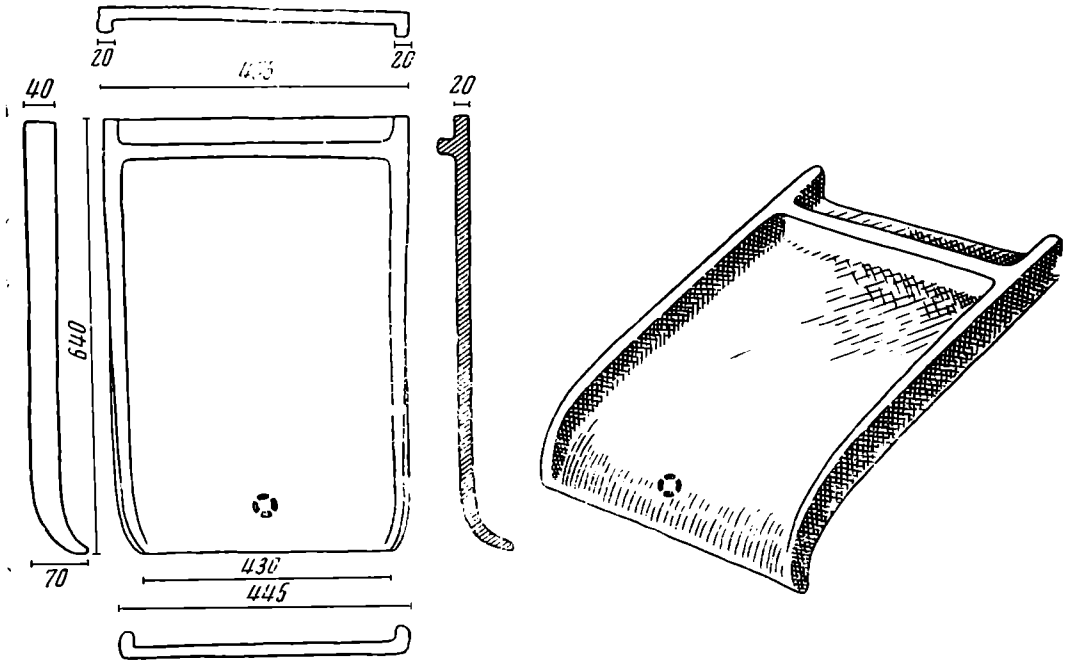


Рис. 1. Плоская черепица (солен) с клеймом. II — первая половина I в. до н. э.

санные черепицы из Кабалы происходят из слоя датируемого II — первой половиной I вв. до н. э.

Несколько иные размеры имеет желобчатый калиптер, найденный в слое конца IV — III вв. до н. э. Размеры его: длина 590 *мм*, ширина концов 110—130 *мм*, высота на концах 82—92 *мм*, толщина 22 *мм*. Этот калиптер формован от руки (рис. 3, *1*).

При покрытии крыши узкий край солена вставлялся внутрь другой такой же черепицы и покрывал небольшую часть ее вместе с валиком. Таким образом, загиб, имеющийся на оборотной стороне переднего края черепицы, зацеплялся за валик следующей черепицы и опирался на ее плоскую поверхность. Таким образом, при небольшом уклоне ската крыши вода не могла просачиваться в местах соединения двух концов соленов. Оставшийся просвет между продольными краями соленов был покрыт желобчатым калиптером (рис. 3, *2*).

Узкие концы калиптеров были направлны к вершине крыши. Эти концы калиптеров отчасти были покрыты широкими концами расположенных выше калиптеров. Описанное расположение соленов и калиптеров удалось установить благодаря находке небольшого куска крыши, рухнувшего целиком и лежащего в перевернутом виде. Этот кусок крыши, обнаруженный in situ, состоит из нескольких взаимосвязанных соленов и калиптеров (рис. 4). В античное время описанным способом были покрыты кровли зданий повсеместно [7].

Лицевая сторона черепиц из эллинистических слоев Кабалы была окрашена в красный цвет. Окрашивание лицевой стороны черепицы в античное время встречается довольно часто. Думают, что окрашиванием в древности увеличивали прочность черепицы и краска защищала ее от атмосферных воздействий [8]. Однако эти черепицы имеют такое высокое качество обжига, что для них и в некрашенном виде не страшны никакие атмосферные влияния. Это доказывается прекрасной сохранностью их в

[7] В. Ф. Гайдукевич. Строительные керамические материалы Боспора. Боспорские черепицы. ИГАИМК, 104, 1935, стр. 223 сл. и др.

[8] Там же, стр. 235; А. Апакидзе. Города древней Грузии. Тбилиси, 1968, стр. 94 и др.

течение тысячелетий в худших условиях. Таким образом, окрашивание имело скорее всего и главным образом эстетическое назначение.

Из закавказских материалов некоторую близость к черепицам Кабалы составляют черепицы, находимые в Грузии, в Мцхете, а особенно в Самадло, исследуемом Ю. Гагошидзе[9]. Черепицы из Самадло, датированные IV—III вв. до н. э., представлены, как в Кабале в эллинистическую эпоху, плоскими с вертикальными бортиками на продольных краях соленами и желобчатыми калиптерами. Они также окрашены и размеры их близки к кабалинским черепицам. Но последние некоторыми своими деталями отличаются от черепиц, обнаруженных в Самадло и в Мцхете. У тех соленов на лицевой стороне валик отсутствует, но зато они имеют выступы на боковых сторонах ближе к переднему краю для опоры на следующую черепицу, что не прослеживается на соленах из Кабалы. Кроме того, желобчатые калиптеры из Восточной Грузии снабжены шипом на поверхности, а на желобчатых калиптерах эллинистического времени из Кабалы такого шипа нет.

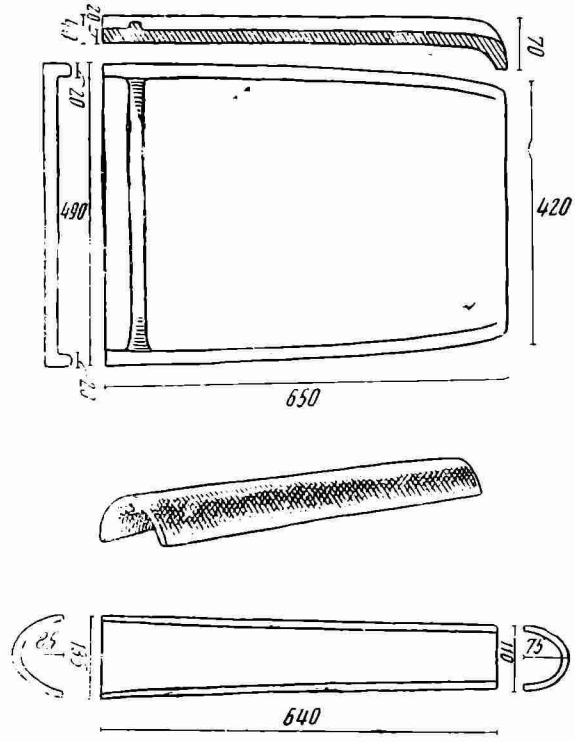


Рис. 2. *1* — плоская черепица (солен). II в — первая половина I в. до н. э.; *2* — желобчатая черепица (калиптер). II в — первая половина I в. до н. э.

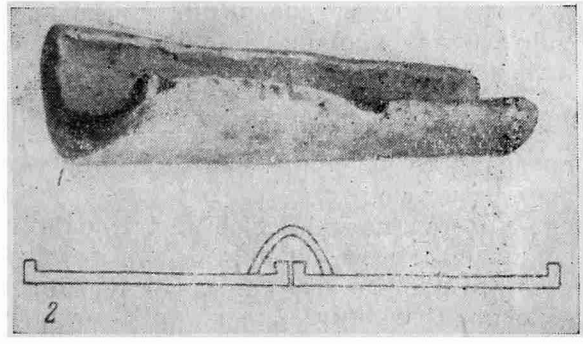


Рис. 3. *1* — желобчатая черепица (калиптер). Конец IV—III вв. до н. э.; *2* — поперечный разрез черепиц на крыше

Солены и калиптеры, аналогичные найденным в Восточной Грузии, в Азербайджане обнаружены лишь в последнее время вблизи с. Моллаисаглы Исмаиллинского района[10].

Кабалинские черепицы, особенно солены, по форме очень близки боспорским: боспорские солены, как и кабалинские, на лицевой стороне, ближе к заднему краю, имеют валик, тянущийся от одного бортика до другого[11]. На Боспоре в Камыш-Буруне обнаружены и желобчатые калиптеры, которые аналогичны кабалинским калиптерам эллинистической эпохи. Однако черепицы из Камыш-Буруна датируются римским временем[12].

[9] Там же, стр. 67—85; Ю. Гагошидзе. Памятники эллинистического времени из Самадло. ВГМГ, XXVII — В, Тбилиси, 1967, стр. 86, табл. V (резюме на русск. яз.).

[10] Ф. Л. Османов. Археологические раскопки на поселении «Шыхдере келлеси» в 1971 г. Материалы к сессии, посвященной итогам полевых археологических и этнографических исследований 1971 г. в СССР. Тезисы докладов археологов и этнографов Азербайджанской ССР. Баку, 1972, стр. 25.

[11] В. Ф. Гайдукевич. Уч. соч., стр. 222 сл.

[12] Там же, стр. 243, рис. 68а.

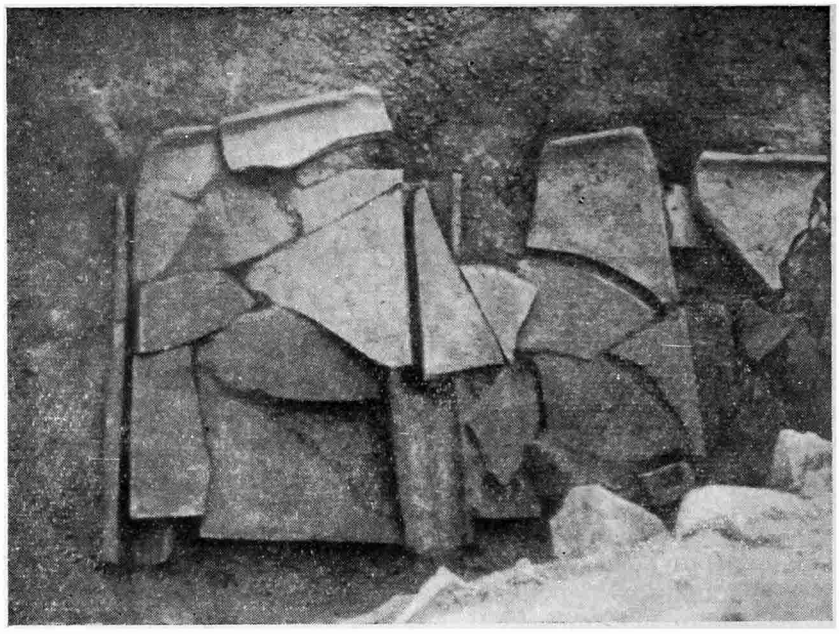


Рис. 4. Кусок рухнувшей крыши в перевернутом виде. II в — первая половина I в. до н. э.

В эллинистическое время в Боспоре широко были распространены калиптеры других форм. По большей части они желобчатые изнутри и граненые снаружи. Их широкие верхние грани образуют два ската [13]. В развитии античной черепицы желобчатые полуцилиндрические калиптеры считаются более древними. Такие калиптеры в античном мире широко употреблялись, начиная с классического периода до римского времени включительно [14].

Большой интерес представляет наличие клейма на одном солене эллинистической эпохи из Кабалы. Оно расположено на средней части верхней поверхности черепицы ближе к нижнему краю (рис. 1). Оттиск углубленный, имеет форму круга, разделенного на четыре дуги. Вероятно, он наносился металлическим клеймом. Клеймо ставилось по сырой глине. В Азербайджане это пока единственная находка клейменной черепицы. Объясняется это прежде всего тем, что черепиц эллинистической эпохи здесь найдено пока сравнительно мало. Помимо Кабалы, фрагменты черепиц эллинистического периода были найдены лишь при раскопках на городище Хыныслы (древняя Шемаха). Клейменая черепица, судя по археологическим материлам, не встречается и в Грузии. Там имеются черепицы со знаками, врезными острым предметом — палочкой по сырой глине.

На территории исторической Албании при раскопках памятников античной эпохи неоднократно были обнаружены глиняные сосуды с рельефными оттисками печатей. Древнейший из них был обнаружен И. Г. Нариманов ым в Сарытепе в г. Казахе в слое V—IV вв. до н. э. [15] Это фрагмент большого хозяйственного кувшина с двумя оттисками одной печати на венчик. Кабалинская клейменая черепица позволяет установить, что клеймению подвергались не только глиняные сосуды, но и строительные материалы, в частности черепицы.

Клеймение глиняных сосудов и строительных материалов широко применялось в античном мире. Причем первоначально его целью было уберечь

[13] В. Ф. Гайдукевич. Ук. соч., стр. 225, рис. 61.
[14] Там же, стр. 243 сл.
[15] Пользуюсь случаем поблагодарить И. Г. Нариманова, показавшего мне эту находку.

материалы от хищения и, таким образом, клеймо определяло не производителя данного предмета, а его владельца или объект для которого он был изготовлен. В древней Греции обнаружено очень много строительных материалов, в частности черепицы и кирпичей, с клеймами, указывающими для какого храма или общественного сооружения они были изготовлены. Довольно часто встречаются клейма частновладельческого характера, что также, очевидно, имело цель сберечь материалы от хищения [16]. Позднее, с увеличением числа центров производства и мастерских и с широким развитием торговли, возникла нужда в наложении клейма промышленника и непосредственного производителя. Это уже является своеобразной фабричной маркой.

В эллинистическую эпоху в связи с высоким уровнем строительного дела спрос на керамические строительные материалы возрастал и их производство приносило значительные доходы. Поэтому производство черепицы часто было в ведении государства или очень высокопоставленных лиц. Так, например, производство черепиц составляло одну из важных статей дохода царей Боспора [17], о чем свидетельствуют царские клейма с надписями βασιλικη', βασιλικος на боспорских черепицах.

Клеймение боспорских черепиц начинается в IV в. и продолжается вплоть до конца II в. до н. э. [18] Для Боспора характерны клейма, имеющие форму прямоугольника, но изредка встречаются и круглые клейма [19]. Боспорские клейма рельефные и содержат надпись или монограмму. На Боспоре клеймению подверглись почти исключительно солены. Очень интересно, что и в Албании единственное черепичное клеймо встречается на солене, причем клеймо анэпиграфное.

Даже в средневековье, когда здесь широко распространилась арабская письменность, керамические клейма были анэпиграфными. В это время на сосудах наряду с клеймом иногда встречается графическая арабская надпись, обозначающая кем изготовлен данный сосуд. В античное время Албания своей письменности не имела, а иноземные письмена широкого хождения не имели. Даже монеты, чеканные в Албании в эллинистическую эпоху, анэпиграфны и лишь на древнейших из них встречаются имитации греческой надписи [20].

Кабалинский клейменный солен на основе стратиграфии и находок из того же слоя можно датировать II в. до н. э. В данное время трудно установить, кому принадлежало это клеймо. Оно могло принадлежать государственному чиновнику или учреждению, владельцу черепичного эргастерия, непосредственному мастеру-производителю, частному лицу, владельцу изделия или объекту, для которого была изготовлена данная черепица.

Однако клеймо на нашей черепице скорее всего имеет производственный характер. Если бы клеймо обозначало владельца черепицы, тогда клейма ставились бы на все черепицы, хотя бы этого типа (т. е. на солены, ибо невозможно было употребить солен без калиптера или наоборот, и их продавали и использовали парами), в противном случае похититель мог бы унести черепицы, не имеющие клейма. А в Кабале мы видим, что

---

[16] В. Ф. Гайдукевич. Ук. соч., стр. 251 сл.; его же. Новые эпиграфические данные о боспорских черепичных эргастериях. СА, XXVIII, 1958, стр. 132.

[17] Он же. Строительные керамические материалы..., стр. 270; Б. Н. Граков. Эпиграфические документы царского черепичного завода в Пантикапее. ИГАИМК, 104, стр. 209; Д. Б. Шелов. К истории керамического производства на Боспоре. СА, XXI, 1954, стр. 121—126.

[18] В Ф. Гайдукевич. Строительные керамические материалы.., стр. 244, 266; его же. Новые эпиграфические данные о боспорских черепичных эргастериях, стр. 127.

[19] В. Ф. Гайдукевич. Строительные керамические материалы..., стр. 256; Д. Б. Шелов. Уч. соч., стр. 121.

[20] И. А. Бабаев, С. И. Казиев. Кабалинский клад монет эллинистической эпохи. НЭ, 1971, IX, стр. 18, 21.

в одном сооружении наряду с единственной клейменной черепицей использованы такие же черепицы, не имеющие клейма.

Черепицы римского времени в Албании больше всего обнаружено при раскопках в Кабале. Эти черепицы датируются второй половиной I в. до н. э. — I в. н. э. Они исчисляются несколькими десятками тысяч фрагментов, среди которых имеются и целые экземпляры; черепицы этой эпохи представлены главным образом плоскими соленами и двухскатными калиптерами. Состав глины этих черепиц несколько грубее. Глина светло-

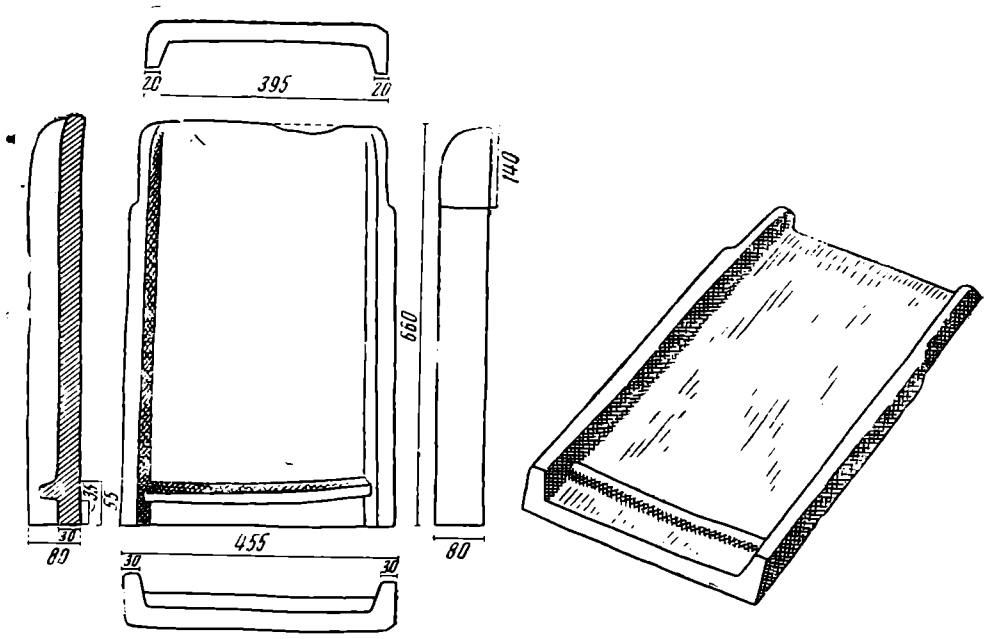


Рис. 5. Плоская черепица (солен). Вторая половина I в. до н. э.— I в. н. э.

красная и имеет примесь песка с отдельными мелкими камешками. При изготовлении как соленов, так и калиптеров пользовались формой, качество обжига отличное. В отличие от черепиц эллинистической эпохи они не окрашены. Как солены, так и калиптеры слегка суживаются в одном направлении.

Солены по форме мало отличаются от подобных черепиц предыдущего периода, но более массивны. Бортики высокие, высота валика, расположенного на лицевой стороне, ближе к заднему краю черепицы, меньше высоты продольных бортиков. Передняя часть бортиков снаружи срезана, чтобы вставлять эту часть одной черепицы в соответственный конец другой. Размеры: длина 660 *мм*, ширина на концах 460—400 *мм*, высота боков 80 *мм*, длина наружного среза 140 *мм*, толщина 30 *мм* (рис. 5). При покрытии кровли здания черепицей швы, оставшиеся между продольными бортиками соленов, были покрыты двухскатными калиптерами (рис. 6). Во время раскопок в Кабале и на других городищах Албании в слоях эллинистической эпохи калиптеры подобной формы не обнаружены. Вероятно, они характерны для Албании второй половины I в. до н. э. и первых веков нашей эры.

Некоторые из этих двухскатных калиптеров несколько длинее соленов. Как и на соленах, передняя часть калиптеров снаружи срезана для сцепления их друг с другом. При покрытии здания черепицей узкая сторона двухскатного калиптера, как желобчатый калиптер предыдущего времени, была обращена к вершине кровли. Размеры этих калиптеров: длина 740 *мм*, ширина концов 240—310 *мм*, высота на концах 130—160 *мм*, длина наружного среза на конце 80 *мм*, толщина 20 *мм* (рис. 6, *2*). Коле-

бания в размерах таких калиптеров иногда, за исключением длины, не превышают 10—20 *мм*.

Античные двухскатные калиптеры Албании в других регионах Закавказья, насколько известно, аналогий не имеют, но они несколько напоминают ольвийские и боспорские калиптеры. Однако калиптеры городов Северного Причерноморья имеют более сложную конфигурацию. Они желобчаты внутри, многогранны снаружи. Причерноморские калиптеры двухскатны лишь в верхней части снаружи [21].

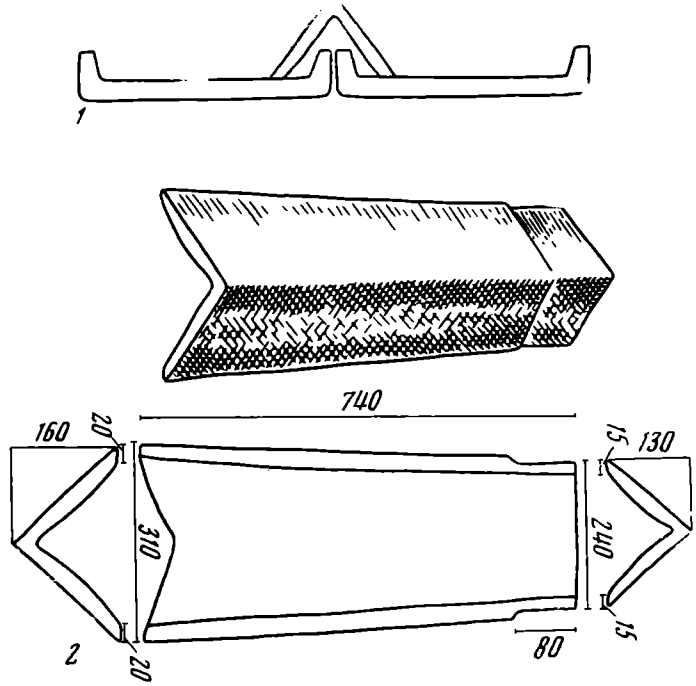


Рис. 6. *1* — поперечный разрез черепиц на крыше; *2* — двускатная черепица (калиптер). Вторая половина I в. до н. э.— I в. н. э.

В Кабале в эту эпоху при покрытии крыши черепицей наряду с указанными соленами и калиптерами применяли, хотя в незначительном количестве, и другие виды черепиц. Так, например, в Кабале при разборке одного сооружения среди многочисленных двухскатных калиптеров обнаружены несколько фрагментов и один почти целый экземпляр желобчатого калиптера, несколько напоминающего по форме желобчатые калиптеры эллинистической эпохи из этого же городища. Этот калиптер ни по составу глины, ни по цвету не отличается от соленов и калиптеров, употребляемых в покрытии крыши этого здания. Желобчатый калиптер слегка суживается в одном направлении. Сверху, ближе к узкому концу, он снабжен шипом. Размеры: длина 555 *мм*, ширина концов 260—300 *мм*, высота концов 100—110 *мм*, толщина 20 *мм* (рис. 7). В античное время аналогичные по форме калиптеры были широко распространены в Восточной Грузии [22].

Находка этой черепицы в верхнем горизонте раскопа в Кабале показывает, что широко применявшиеся там в эллинистическую эпоху желобчатые калиптеры в последующее время, уступив место двухскатным калиптерам, все же не совсем вышли из употребления.

---

[21] В. Ф. Гайдукевич. Строительные керамические материалы..., стр. 225, рис. 61; Керамическое производство и античные керамические строительные материалы. САИ, Г1—20, М., 1966, стр. 35—60.

[22] А. Апакидзе. Ук. соч., стр. 80 сл., рис. 24, 25.

В конце I в. до н. э. и в первых веках нашей эры в Кабале желобчатые калиптеры употреблялись в ограниченном числе и при этом их форма несколько изменилась. Они стали шире и снабжены шипом подобно калиптерам античного времени из Восточной Грузии. Археологические исследования, проведенные за последние годы в Азербайджане, позволяют установить, что подобные калиптеры в античное время употреблялись и в других регионах Албании. Фрагменты калиптеров вместе с соленами мцхетского типа имеются среди подъемного материала, собранного вблизи

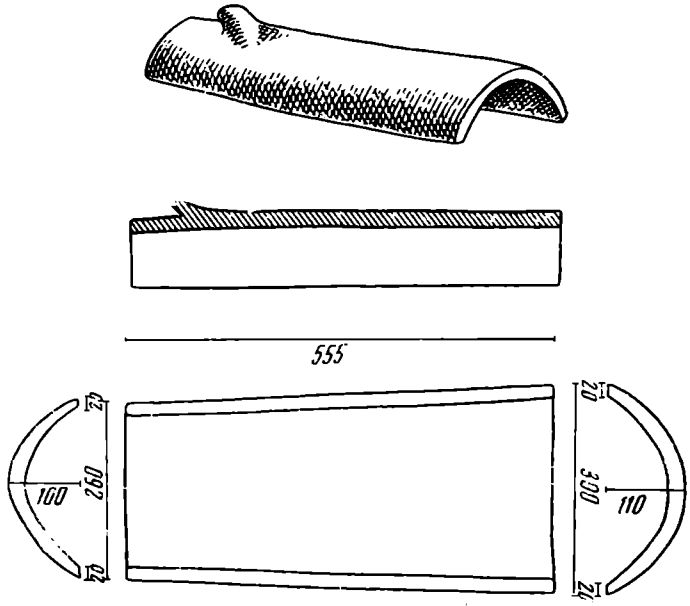


Рис. 7. Желобчатая черепица (калиптер). Вторая половина I в. до н. э.— I в. н. э.

с. Моллаисаглы Исмаиллинского района Азербайджанской ССР [23]. К сожалению, пока точно не установлено, к каким векам относятся моллаисаглинские черепицы. Однако они, без всякого сомнения, относятся к античному времени, на что указывают и другие находки, собранные вместе с черепицами на территории поселения.

В Кабале вместе с описанными черепицами второй половины I в. до н. э.—I в. н. э. выявлены отдельные фрагменты желобчатой черепицы иной формы, назначение которой еще не ясно. Быть может их употребляли в качестве коньковой черепицы. Целого экземпляра такой черепицы пока нет. Судя по фрагментам, черепица эта имела довольно большие размеры, слегка изогнута в продольном направлении. Боковые продольные края ее скошены внутрь. На верхней стороне черепицы ближе к одному концу, имеется валик, тянущийся от одного продольного края до другого. Этот валик изогнут в сторону ближайшего конца черепицы рис. (8, *1*, *2*).

Албанские черепицы второй половины I в. до н. э.— I в. н. э., вероятно, не подвергались клеймению. Во всяком случае среди десятка тысяч черепиц этой эпохи, обнаруженных в Кабале, нет ни одной клейменой. Лишь на одном фрагменте желобчатой черепицы с изогнутым валиком имеется процарапанный знак «Х». Знак нанесен острым предметом по сырой черепице (рис. 8, *1*). Черепицы с врезными по сырой глине различными знаками больше всего встречены в Мцхете (Грузия), причем подобными знаками в Мцхете снабжены главным образом желобчатые калиптеры, а на соленах они редки. Принято считать, что эти знаки в Гру-

[23] Ф. Л. Османов. Ук. соч., стр. 25

зии использовались с целью подсчета изготовленной черепицы [24]. Можно допустить, что такое же назначение имел знак на кабалинской черепице.

Черепицу в Албании изготовляли широко известным во всем античном мире способом. Из хорошо отмученной глины при помощи формы, вероятно деревянной, изготовляли черепицу и сушили ее на выровненной площадке. После сушки довольно острые края нижней стороны черепицы срезали ножом, а потом ее обжигали. В эллинистическую эпоху лицевая сторона черепицы еще окрашивалась до обжига.

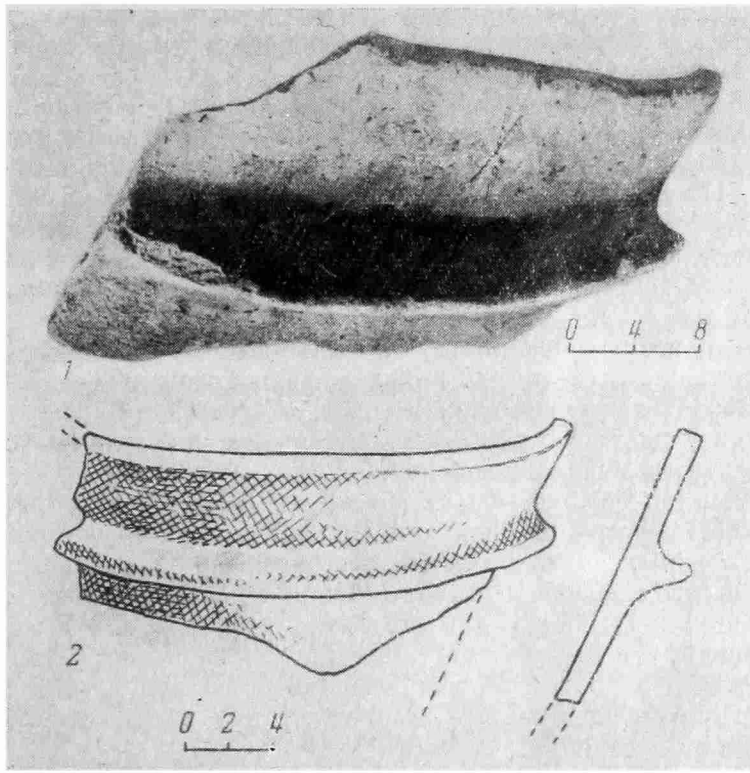


Рис. 8. *1* — фрагмент желобчатой черепицы. Вторая половина I в. до н. э.— I в. н. э.; *2* — фрагмент желобчатой черепицы со знаком. Вторая половина I в. до н. э.— I в. н. э.

Пока не известны хорошо сохранившиеся печи для обжига античной черепицы, поэтому трудно судить об их конструкции. Можно допустить, что эти печи по конструкции мало отличались от печей, предназначенных для обжига глиняных сосудов. Вероятно, печи для обжига строительных материалов должны были быть более вместительными.

В западноевропейских и римских областях строительные материалы обычно обжигались в прямоугольных в плане печах, что облегчало загрузку [25]. На территории древней Албании, в частности в Мингечауре, было открыто много обжигательных печей античной эпохи. Это прямоугольные в плане печи. Размеры их колеблются от 1,5×3 до 3×6 *м* [26]. Можно допустить, что в них могли обжигать не только глиняные сосуды, но и строительные материалы, хотя этот факт не установлен. Во всяком случае печи, предназначенные для обжига строительной керамики в Албании,

[24] А. Апакидзе. Ук. соч., стр. 103—105.

[25] В. Ф. Гайдукевич. Строительные керамические материалы..., стр. 232.

[26] Г. И. Ионе. Гончарные печи древнего Мингечаура. КСИИМК, 1949, XXIV, стр. 42—54; его же. О гончарных обжигательных печах из Мингечаура. МКА, II, Баку, 1951, стр. 31—56; его же. Керамическое производство древнего и средневекового Азербайджана (по данным раскопок Мингечаура). Автореф. канд. дис. Л., 1958, стр. 10—14.

вряд ли существенно отличались от известных мингечаурских печей античной эпохи.

Думается, что в античное время в Албании и в других местах были мастера, специализировавшиеся по изготовлению строительных материалов, в частности черепицы, на которую, по-видимому, был большой спрос, на что косвенно указывает огромное число находок черепицы. Вероятно, существовали и специальные мастерские по изготовлению строительной керамики.

В античное время иногда в одной и той же мастерской изготовляли и черепицу, и амфоры. Подобные случаи встречаются, например, на Боспоре [27]. Об этом свидетельствует наличие одного и того же клейма на черепице и на амфорах из Херсонеса [28].

Судя по данным раскопок, особенно раскопок в Кабале, черепицу в Албании начали изготовлять не позднее III в. до н. э. Во всяком случае при раскопках в Кабале черепицы неоднократно попадались в слое конца IV—III вв. до н. э. Находки черепицы и в других местах свидетельствуют о том, что в античное время в Албании этот строительный материал применялся довольно широко. В Кабале на территории античного городища прослеживаются остатки многих больших зданий; крыши которых были покрыты черепицей.

Немало подобных зданий было, по-видимому, в древней Шемахе, о чем свидетельствуют частые находки фрагментов кровельной черепицы и другие строительные остатки. Видимо, в античное время в Албании такие здания были во многих значительных по величине населенных пунктах, главным образом в городах.

Строительство больших зданий с черепичной кровлей требовало в то время довольно высокого уровня материального благосостояния. Очевидно, не все горожане могли позволить себе большие расходы, связанные со строительством подобных зданий. Бедная часть населения даже в известных греческих городах для покрытия крыши своих домиков применяла не черепицу, а глину, солому, камыш. Также было и в Албании.

Здесь, как и в других местах, черепицей были покрыты административные и другие общественные здания, а также дома самых зажиточных представителей населения.

В античное время черепицу очень часто применяли и в строительстве погребальных сооружений [29]. Однако погребения в черепичных ящиках в Албании еще не встречались. Черепичные гробницы, исследованные по соседству с Албанией в Восточной Грузии, в частности в Мцхета, отличаются богатством погребального инвентаря и принадлежат представителям очень состоятельной прослойки горожан [30]. По-видимому, представители бедного слоя населения не могли себе позволить использовать черепицу даже для постройки погребальных сооружений.

Таким образом, античные черепицы являются ценным вещественным источником для изучения древней строительной техники и освещения социально-экономических вопросов. Строительная керамика античной эпохи, в частности кровельные черепицы, обнаруженные в огромном числе на территории исторической Албании наряду с многочисленными другими археологическими материалами позволяет считать, что по уровню социально-экономического развития эта страна была близка к соседним странам Закавказья.

В Албании кровельную черепицу довольно широко применяли в строительстве и в раннем средневековье, о чем свидетельствуют ее находки в

[27] В. Ф. Гайдукевич. Строительные керамические материалы..., стр. 297.

[28] Р. Б. Ахмеров. Клейменые черепицы древнегреческого Херсонеса. ВДИ, 1948, 1, стр. 163.

[29] В. Ф. Гайдукевич. Строительные керамические материалы..., стр. 217; Н. Я. Мерперт. Фанагорийские черепицы из раскопок 1938 г. МИА, 19, 1951, стр. 227 сл.: А. Апакидзе. Города древней Грузии, стр. 128 сл.

[30] А. Апакидзе. Ук. соч., стр. 128.

Мингечауре [31] и Шергяхе [32], недалеко от г. Шемахи. Эти раннесредневековые черепицы имеют определенное сходство с черепицами античной эпохи. Интересно, что лицевая сторона черепиц из Шергяха, подобно черепицам эллинистической эпохи Албании, окрашена в красный цвет.

Возникновение черепичного производства в древней Албании обусловлено процессом внутреннего развития страны. Но значительную роль в этом деле сыграли связи Албании с другими странами античного мира. На это указывает и некоторое сходство формы албанских черепиц с черепицами Боспора, а позднее отчасти и Иберии. Однако пути проникновения черепицы в Албанию пока не совсем ясны. Видно только, что албанские мастера, заимствуя принцип изготовления черепиц, несколько меняли их формы.

Албания, находясь на таком же уровне социально-экономического развития, как соседняя Иберия, имела всесторонние связи с этой страной. Это доказывается как письменными источниками, так и находками привозных иберийских изделий в Азербайджане. Так, например, при раскопках в Мингечауре были найдены многогранные стеклянные печати, изготовленные скорее всего в IV в. до н. э. в Иберии по привозным малоазийским образцам [33]. Вероятно, и формы некоторых черепиц, встречаемых в Албании на рубеже и в первые века н. э., также заимствованы из Иберии.

Взаимосвязи Албании со странами античного мира в эллинистическую и римскую эпоху хорошо документируются находками на территории Азербайджана многочисленных привозных монет, ювелирных изделий, стеклянных сосудов, памятников глиптики, теревтики и т. д.

I. A. Babaev

TUILE ANTIQUE DE L'ALBANIE CAUCASIENNE

Résumé

La céramique de construction provenant de l'Albanie caucasienne de l'époque hellénique est présentée surtout par la tuile de comble découverte principalement lors des fouilles des villes anciennes de Khynysly (Chémakha ancienne) et de Kabala. La tuile de Khynysly est peu nombreuse et, pour la plupart, fragmentaire. Kabala qui, selon les sources écrites, à l'époque hellénique était la ville principale de l'Albanie a fourni des dizaines de miliers de fragments et d'exemplaires entiers des tuiles. Les tuiles hellénistiques sont décélées en Azerbaïdjan et ailleurs. Les tuiles les plus anciennes proviennent du niveau des IV—III siècles av. n. è. On en peut déduire qu'en Albanie on n'a commencé à se servir de la tuile plus tard qu'en III s. av. n. è. (fig. 3). Toutes les tuiles sont bien cuites. A leur fabrication on se servait des moules. Les tuiles sont présentés par les solênes et caliptères. Elles sont de dimensions assez importantes (fig. 1, 2). La face endroit des tuiles antiques est peinte en rouge. En tant que caliptère, à l'époque, on utilisait les tuiles cannelées. La face endroit d'un solêne de Kabala datant de cette époque porte une empreinte ronde anépigraphique (fig. 1). Parmis les tuiles provenant des fouilles de Kabala sont surtout nombreuses celles se rapportant à la deuxième moitié du 1 s. av. n. è.— I s. de n. è. Elles sont présentées par les solênes et les caliptères à deux versants, dans la plupart des cas (fig. 6). En Albanie à cette époque on faisait aussi usage des caliptères cannelés (fig. 7). Les tuiles albanaises ont une certaine ressemblance avec les matériaux simultanés du Bosphore et de la Géorgie. A l'époque hellénique on ne recouvrait de tuile que les édifices à la destination publique et les maisons des plus riches citadins. Il y avait probablement des ateliers spéciaux fabriquant de la tuile.

---

[31] Р. М. Ваидов, В. П. Фоменко. Средневековый храм в Мингечауре. МКА, II, Баку, 1951, стр. 85—89; Р. М. Ваидов. Мингечаур в III—VIII веках. Баку, 1961, стр. 117—119 (на азерб. яз.).

[32] А. Б. Нуриев. Археологические работы 1971 г. на территории Шергях близ г. Шемахи. Материалы к сессии, посвященной итогам полевых археологических и этнографических исследований 1971 г. в СССР. Тезисы докладов археологов и этнографов Азербайджанской ССР. Баку, 1972, стр. 27.

[33] И. А. Бабаев. О трех стеклянных многогранных печатях, найденных в Мингечауре. В сб. «Археологические исследования в Азербайджане». Баку, 1965, стр. 128—133.

Б. Ю. МИХЛИН

АМФОРЫ «КОРИЧНЕВОЙ» ГЛИНЫ ИЗ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КРЫМА

При раскопках верхних слоев греко-скифских городищ Северо-Западного Крыма (Южно-Донузлавское, Беляус, Кульчукское), проводимых Донузлавской экспедицией ИА АН СССР и Евпаторийским краеведческим музеем (ЕКМ) [1], в значительных количествах встречаются фрагменты так называемых амфор «коричневой» глины. Эта группа амфор выделена из материалов Боспора И. Б. Зеест, выдвинувшей также предположение о их южнопонтийском происхождении [2]. Подобные амфоры широко распространены в Северном Причерноморье и в настоящее время известны почти повсеместно. Помимо различных пунктов на Боспоре, они найдены в Херсонесе, на городище Чайка, в Неаполе скифском, в Поднепровье — на поселениях зарубинецкой культуры, и на Каменском акрополе, в Танаисе, на Малой Земле (Мысхако) [3]. В больших количествах коричневоглиняные амфоры находят и в Грузии, в городах древней Колхиды [4].

Однако, несмотря на частую встречаемость, форма амфор «коричневой» глины известна плохо, что объясняется их тонкостенностью и относительной рыхлостью глины, чем и вызвана повышенная их ломкость. Не только целые экземпляры, но даже и крупные профилированные части амфор в слоях поселений являются редкостью [5]. Приятное исключение в этом отношении представляет Южно-Донузлавское городище, где много амфор «коричневой» глины найдено в хозяйственных ямах. Это

---

[1] Начальник экспедиции О. Д. Дашевская, которой я благодарен за любезно предоставленные материалы. Все находки, опубликованные в этой статье, хранятся в фондах ЕКМ.

[2] И. Б. Зеест. Новые данные о торговых связях Боспора с Южным Причерноморьем. ВДИ, 1951, 2, стр. 114—115, рис. 7; ее же. Керамическая тара Боспора. МИА, 83, 1960, стр. 108. В последнее время И. Б. Зеест как будто отказалась от этой мысли. См. И. Б. Зеест. Задачи исследования массового античного керамического материала. КСИА АН СССР, 109, 1967, стр. 13.

[3] И. Б. Зеест. Новые данные..., стр. 114—115; Е. В. Максімов. Про датування зарубінецької культури. «Археологія», 1971, 1, стр. 75; Н. Н. Погребова. Позднескифские городища на Нижнем Днепре. МИА, 64, 1958, стр. 147; И. С. Каменецкий. Опыт изучения массового керамического материала из Танаиса. Античные древности Подонья — Приазовья. М., 1969, стр. 152—153; Н. А. Онайко. Раскопки поселения на Малой Земле. КСИА АН СССР, 124, 1970, стр. 76, 78. Я благодарен В. И. Кадееву, сообщившему о находках фрагментов этих амфор в Херсонесе и его округе.

[4] О. Д. Лордкипанидзе, Р. В. Путуридзе. Археологические раскопки в Вани. АО — 1969, М., 1970, стр. 363; их же. Работы Ванской экспедиции. АО — 1970, М., 1971, стр. 382; Ю. Н. Воронов. Об Эшерском городище. СА, 1972, 1, стр. 110.

[5] Нам известны в Северном Причерноморье лишь два целых экземпляра, оба — из некрополей. Н. П. Сорокина. Раскопки некрополя в Кепах в 1959—1960 годах. КСИА АН СССР, 91, 1962, стр. 104, рис. 41, *8*; Н. А. Богданова, И. И. Гущина. Раскопки могильников первых веков нашей эры в Юго-Западном Крыму в 1960—1961 гг. СА, 1964, 1, стр. 325—326, рис. 2, *1*.

Рис. 1. Верхние части амфор типа I

позволило собрать один целый и ряд фрагментированных экземпляров[6]. Изучение этих находок позволяет разделить их на три совершенно различных типа.

Тип I (рис. 1; 2, *1—10*). Целые экземпляры этих сравнительно небольших сосудов неизвестны, но форма и размеры их восстанавливаются. Так, высота амфоры, очевидно, не превышала 70—75 *см*, а диаметр тулова доходил до 25—30 *см*. Короткое горло (высотой 12—15 *см*) плавно переходит в плечики и корпус яйцевидной формы. Венчик амфоры отогнут наружу и обрезан по горизонтальной плоскости. У некоторых экземпляров с образовавшегося от срезки прямого угла на внутренней части венчика снята фаска. Встречаются и венчики, имеющие в разрезе форму полуовала. Особенностью этого типа амфор является наличие на

[6] О. Д. Дашевская. Археологические исследования близ оз. Донузлав. АО — 1966, М., 1967, стр. 212; ее же. Раскопки Южно-Донузлавского городища в 1966—1969 гг. КСИА АН СССР, 130, 1972, стр. 66.

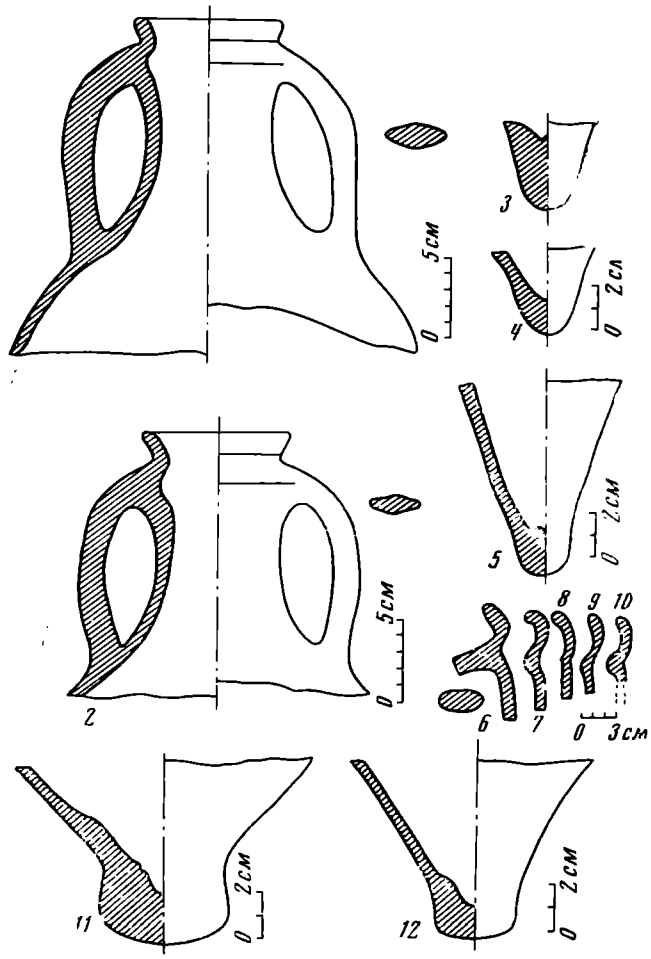


Рис. 2. Амфоры типов I и III.
1—10 — тип I; *11, 12* — тип III

горле «ребра», образующего в профиле ломаную линию. «Ребро» расположено на уровне верхних оснований ручек и сливается с ними. Сами ручки невелики, слабо изогнуты и слегка профилированы. В сечении они близки к уплощенному эллипсу или к ромбу со скругленными гранями. Корпус заканчивается маленькой конусовидной ножкой, имеющей округлую подошву [7]. «Улитка» на внутренней поверхности ножки, образовавшаяся от наложения жгутов глины при формовке, выражена слабо.

Довольно рыхлая глина этих амфор имеет обильные включения мелких белых частиц известняка и назначительное число средних и крупных зерен шамота. В небольших количествах встречаются и черные блестящие частицы пироксена (авгита). Черепок чаще светло-коричневого цвета, реже темно-оранжевый или красный. Поверхность амфор гладкаая, хорошо заглаженная.

Тип II (рис. 3, 4). Амфоры этого типа отличаются очень коротким (10—13 *см*) и узким горлом. Высота целой амфоры [8] равна 75 *см*, диаметр 27 *см*. Тулово ее состоит как бы из двух частей: раздутой шаровидной верхней и конусовидной нижней. Венчики амфор типа II отогнуты наружу и слабо выражены, впрочем, иногда венчик отчеркивался острым инструментом (рис. 3, 4). Ручки их уплощены, слабо профилированы и единого стандарта в форме сечения не имеют; сохраняя петлеобразную

[7] На принадлежность таких ножек амфорам типа I указывает полная идентичность их глины и фактуры.
[8] ЮД — 66/104.

Рис. 3. Амфоры типа II

форму, они могут иметь волнистый изгиб возле верхнего основания или быть резко отогнутыми наружу у нижнего (рис. 4, *3—6*). Тулово заканчивается полой чашевидной ножкой с округлой подошвой. Завиток («улитка») на внутренней поверхности ножки отсутствует.

Глина амфор типа II перенасыщена включениями пироксена и средней крупности частицами шамота настолько, что это придает поверхности повышенную шероховатость. Глина имеет коричневый или разных оттенков бежевый цвет.

Тип III (рис. 2, *11*, *12*) в материалах Донузлавской экспедиции представлен лишь несколькими ножками [9] и аналогичными по цвету и составу глины стенками амфор. Эти небольшие ножки в виде каплевидного выступа имеют ярко выраженную «улитку». Черепок темно-коричневого цвета и содержит включения крупных частиц шамота и известняка, много очень мелкой гальки и сравительно мало пироксена. Очевидно, эти

[9] ЮД — 66/104 в и Бел — 70/17.

ножки аналогичны как опубликованным И. Б. Зеест, так и найденным на Эшерском городище [10].

Тщательное рассмотрение амфор типов I—III приводит к мысли об условности объединения их в одну группу. Весьма условно и само название группы, основанное на характерном цвете глины, который зависит, как известно, от режима термической обработки сосуда. Добавим также, что подобное название неточно и по существу, так как зачастую встречаются фрагменты подобных амфор, имеющие различные оттенки красного и оранжевого цветов (рис. 2, *3*, *4*, 3, *3*) [11]. Существенным объединяющим моментом для этих амфор могут быть два технологических приема: включение в состав глины пироксена и наличие «улитки» на внутренней поверхности донышка. Однако эти приемы не являются особенностью только амфор типов I—III. Так, известно, что включение пироксена характерно и для тары эллинистического времени из Гераклеи, Херсонеса, Синопы. У последней эта особенность сохраняется и в I в. до н. э. [12] Некоторые типы светлоглиняных амфор этого же времени также имеют в составе глины пироксен [13]. Прием формовки дна амфоры жгутами, в результате чего образуется «улитка» или волнистая, спиралевидная поверхность, тоже не является особенностью только рассматриваемых амфор и известен был и в других центрах. Подобным образом изготовлены родосские, косские, «елизаветинские» и другие амфоры [14]. Кроме того, у амфор типа II «улитка» вообще отсутствует, а у типа I выражена не так ярко, как у типа III.

Следует отметить, что амфоры всех трех типов бытуют одновременно. Это подтверждается совместными находками их как в слоях Южно-Донузлавского и Беляусского городищ, так и в закрытых комплексах. К последним относится хозяйственная яма 34 на Южно-Донузлавском городище, где фрагменты амфор типов I и II (рис. 1, *1*; 3, *4*) [15] встречены совместно и сопровождались краснолаковой посудой, хорошо датирующей яму первой половиной I в. н. э. [16] Стратиграфическое положение этой ямы также подтверждает датировку комплекса. Хорошо датируются I в. н. э. и ямы 26 и 27, в единовременной засыпи которых также содержались фрагментированные амфоры типа II (рис. 3, *1—3*; 4, *1*, *2*) и одна ножка типа III [17] (рис. 2, *12*).

Таким образом, можно предположить, что амфоры типов I—III выпускались тремя различными центрами. Как отмечалось выше, И. Б. Зеест, рассматривая группу амфор «коричневой» глины, высказала предположение о южнопонтийском их происхождении. Существует и другая точка зрения, нашедшая свое выражение в работах ряда грузинских археологов (О. Д. Лордкипанидзе, Н. В. Хоштария, А. Ю. Кахидзе и др.). Основываясь на сходстве глин этих амфор и местной керамики, а также на тождестве знаков, прочерченных по сырой глине на амфорах и колхидских пифосах, эти исследователи пришли к выводу о местном, колхидском, происхождении амфор «коричневой» глины [18]. К сожалению, публи-

---

[10] И. Б. Зеест. Керамическая тара Боспора, табл. XXVI, *60*; Ю. Н. Воронов. Ук. соч., рис. 4, *35*, *46*, *47*.

[11] ЮД — 66/143.

[12] И. Б. Зеест. Новые данные..., стр. 106 сл; ее же. Керамическая тара Боспора, стр. 30.

[13] Возможно, эти амфоры также синопские. См. В. И. Кадеев. Очерки истории экономики Херсонеса в I—IV вв н. э. Харьков, 1970, стр. 131—132.

[14] И. Б. Зеест. Керамическая тара Боспора, стр. 125.

[15] ЮД — 67/91 и 92.

[16] О. Д. Дашевская. Раскопки Южно-Донузлавского городища в 1966—1969 гг., стр. 66.

[17] ЮД — 66/104, 104а, 104б, 143, 143а.

[18] О. Д. Лордкипанидзе. Античный мир и древняя Колхида в VI—II вв. до н. э. Тбилиси, 1966, стр. 173; его же. Торгово-экономические и культурные взаимоотношения античного мира с Колхидой в эпоху эллинизма. АИКСП, стр. 235; А. Ю. Кахидзе. К истории городов Восточного Причерноморья в античную эпоху

каций подобных амфор, происходящих из Колхиды, очень мало. Исключение представляют фрагменты амфор, найденные на Эшерском городище, и фрагментированная амфора, изданная Б. А. Куфтиным и переизданная О. Д. Лордкипанизде [19]. Однако эта амфора с очень широким горлом, массивными ручками и небольшой ножкой в виде выступа не имеет ничего общего с амфорами наших типов I и II, но форма ее ножки близка к

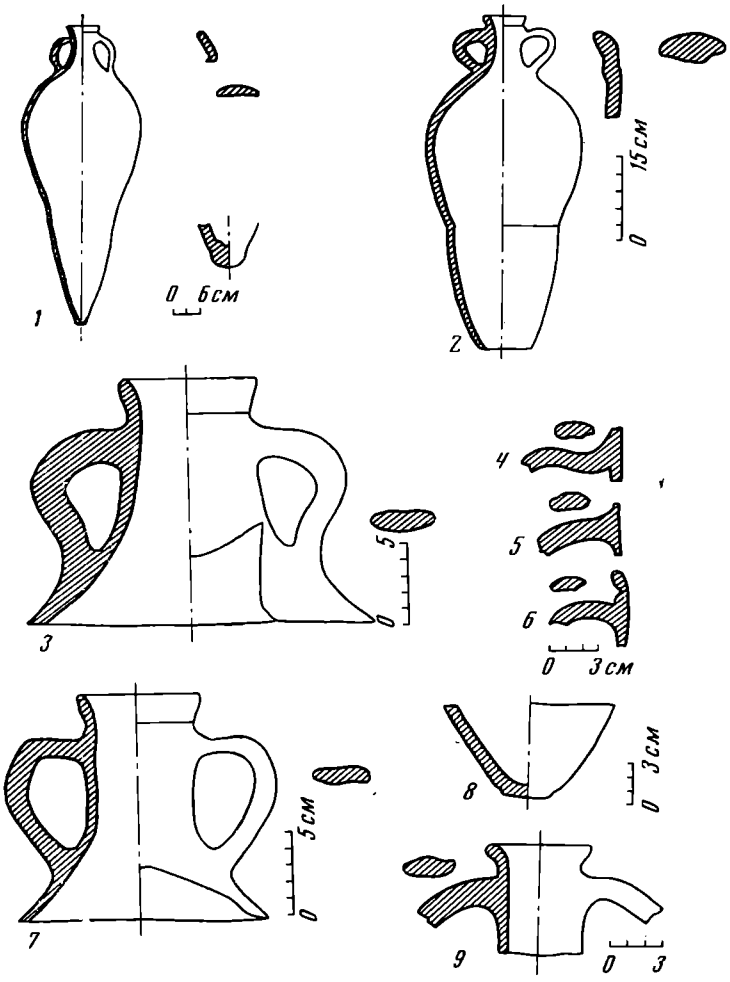


Рис. 4. Амфоры типа II

ножкам амфор типа III. Известные нам фрагменты амфор, найденные в Вани [20], как по характеру глины, так и по форме ножек также заставляют предполагать идентичность амфор типа III, изредка находимых в Северо-Западном Крыму, и колхидских амфор.

Весьма важен вопрос о центрах, выпускавших амфоры типов I и II. Мнение И. Б. Зеест о их южнопонтийском происхождении представляется весьма убедительным. Действительно, включение пироксена в керамическое тесто как технологический прием нигде, кроме Южного Причерно-

(Кобулети — Пичвнари). Автореф. канд. дис. Тбилиси, 1965, стр. 19; Р. В. Путуридзе. Колхидские амфоры эллинистического и позднеантичного времени. Тезисы докладов, посвященных итогам полевых археологических исследований в 1970 г. в СССР. Тбилиси, 1971, стр. 197; Ю. Н. Воронов. Ук. соч., стр. 110.

[19] Б. А. Куфтин. Материалы по археологии Колхиды. II. Тбилиси, 1950; О. Д. Лордкипанидзе. Античный мир и древняя Колхида..., табл. XXXIV.

[20] Пользуюсь случаем выразить признательность Н. А. Онайко за любезно предоставленную мне возможность просмотреть эти фрагменты из Вани, полученные ею от Р. В. Путуридзе.

морья и Херсонеса, не было известно [21]. Данными нумизматики и эпиграфики хорошо засвидетельствована активная и преимущественная торговля Северного Причерноморья с Южным во II в. до н. э.—I в. н. э. [22]. Но среди массового керамического материала этого времени известна лишь тара Синопы, тогда как тара других южнопричерноморских центров, наиболее активно торговавших с Севером (Амис, Амастрий и, очевидно, Гераклея), не известна до сих пор. По всей видимости, именно с этими центрами и следует связывать наиболее многочисленные группы амфор, находимые в Северном Причерноморье и выделенные И. Б. Зеест (светлоглиняные с двуствольными ручками, «коричневоглиняные») [23]. Дальнейшее накопление археологического материала, возможно, поможет более определенно разрешить вопрос о центрах производства амфор типов I и II.

Следует отметить, что основная масса амфор типов I и II в Северо-Западном Крыму приходится на слои конца II—I в. до н. э. (см. таблицу) [24]. Так, на Южно-Донузлавском городище тулово амфоры типа II было найдено на полу здания И, которое существовало сравнительно недолго и датируется концом II—I в. до н. э.[25] Очевидно, появление этих амфор в Северо-Западном Крыму следует связать с походами Диофанта против скифов, захвативших хору Херсонеса, и с включением последнего в состав Понтийского царства Митридата VI [26].

Таблица распределения находок амфор «коричневой» глины по слоям Южно-Донузлавского городища

Глубина, м	Количество	Дата	Глубина, м	Количество	Дата
0,0—0,2	4	1 в.н.э.	1,6—1,8	3	II в. до н.э.
0,2—0,4	3	То же	1,8—2,0	5	То же
0,4—0,6	7	»	2,0—2,2	1	Конец IV—III в. до н.э.
0,6—0,8	11	»	2,2—2,4	1	То же
0,8—1,0	11	Конец II—I в. до н.э.	2,4—2,6	1	»
			2,6—2,8	—	»
1,0—1,2	19	То же	2,8—3,0	—	»
1,2—1,4	12	»			
1,4—1,6	4	II в. до н.э.			

В дальнейшем (I в. н. э.) поступление амфор типов I и II в Северо-Западный Крым несколько сокращается, что, видимо, можно связать с окончательной потерей Херсонесом его хоры. Но тем не менее амфоры этих двух типов на Южно-Донузлавском городище бытуют до самого конца его существования, т. е. до рубежа I—II вв. н. э.

---

[21] И. Б. Зеест. Новые данные..., стр. 114—115.

[22] М. И. Максимова. Античные города Юго-Восточного Причерноморья. М.— Л., 1956, стр. 224.

[23] И. Б. Зеест. Новые данные..., стр. 112—115; см. *Ю. Г. Виноградов.* Дипинто из раскопок поселения в Широкой балке близ Новороссийска. Сб. «Новое в археологии». М., 1972, стр. 92 (в этой работе автор пришел к выводу о гераклейском происхождении амфор «коричневой» глины).

[24] Таблица составлена по находкам на Южно-Донузлавском городище без учета многочисленных находок амфор в хозяйственных ямах. Добавим также, что подсчеты распределения амфор по слоям городища Беляус, проведенные пока лишь частично, не противоречат результатам наших наблюдений над материалами Южно-Донузлавского городища.

[25] О. Д. Дашевская. Раскопки Южно-Донузлавского городища в 1961—1962 гг. КСОГАМ, 1964, стр. 52—54; ее же. Отчет о работе Донузлавского отряда ИА АН СССР и ЕКМ в 1962 г. Архив ИА АН УССР, стр. 3, 12.

[26] IOSPE, I², № 352.

B. You. Mikhline

AMPHORES EN TERRE «BRUNE» PROVENANT DE LA CRIMÉE NORD — OUEST

Résumé

Les niveaux supérieurs des agglomérations fortifiées de la Crimée Nord — Ouest (de Ioujny Donouzlav, de Béliaousse, de Koultchouk) contiennent en grand nombre des fragments d'amphores en terre «brune». Parmi les trouvailles on peut distinguer trois types d'amphores qui diffèrent aussi bien d'après leur forme que d'après la composition et la couleur de la pâte. Les amphores de type I (fig. 1, 2, *1—10*) se caractérisent par une nervure sur le col et par le petit pied coniforme à «limaçon» peu expressif. Le type II (fig. 3, 4) est presenté par les amphores à col bas et serré dont le corps, resserré vers le milieu, est muni des anses en forme de boucle, leurs pieds, en forme de coupe creuse, sont dépourvus de limaçon.

Du type III (fig. 11, 12) ne sont connus que deux pieds en forme de goutte à «limaçon» bien accusé. La trouvaille simultanée des trois types d'amphores dans les niveaux et complexes intacts de l'agglomération fortifiée de Donouzlav permet d'affirmer leur concomitance (fin du II siècle av. n. è.— I siècle de n. è.) tandis que la forme et couleur de la pâte des récipients indiquent trois centres de production différents. Si les amphores du type III peuvent être considérées comme colchidéennes, celles des types I et II proviennent, probablement, du Pont méridional. Leur apparition dans la Crimée Nord — Ouest doit être mise en rélation avec l'intégration de la Chersonèse dans le royaume Pontique.

В. А. МОГИЛЬНИКОВ

К ВОПРОСУ О ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ЭТНИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ ОБСКИХ УГРОВ В I ТЫСЯЧЕЛЕТИИ Н. Э.

Исследование памятников конца I — начала II тысячелетий н. э. представляет особый интерес в плане увязки археологического материала с предками современного населения Западной Сибири — хантов, манси, отдельных групп самоедов, чему в немалой степени благоприятствует длительное сохранение в этнографическом материале традиционных древних черт культуры. Однако однотипность облика культуры на огромных пространствах западносибирской тайги, обусловленная длительными этнокультурными контактами и сходной природно-климатической средой, затрудняют выделение отдельных этнических групп на археологическом материале.

В. Н. Чернецов считал, что в I тысячелетии н. э. складывается нижнеобская культура, занимавшая огромную территорию от Тюмени до обской губы [1]. Для нижнеобской культурной общности второй половины I тысячелетия н. э. типичны круглодонные чаши и горшки с почти вертикальной шейкой, украшенные вдоль венчика пояском ямок. В орнаменте преобладают оттиски мелкозубой гребенки, образующие узор в виде горизонтальной елочки или ряда наклонных насечек [2]. Общие черты видны также в зооморфном бронзовом литье.

Детальное изучение особенностей керамики и погребального обряда позволило выделить в нижнеобской культуре три локальных района конца I — начала II тысячелетий — туринский, среднеиртышский и нижнеобский, связанные соответственно с древними манси, южной и северной группами хантов [3]. Культурное своеобразие Среднего Прииртышья связано с существовавшей здесь потчевашской культурой VI—VIII вв. и отчасти восходит еще к эпохе раннего железа. В то же время культуры Туринского района складываются в значительной мере за счет внешних воздействий. Последние, по-видимому, в немалой степени обусловили также этнокультурное отчленение населения южной части лесного Зауралья от племен Нижнего Приобья, послужив толчком к выделению этнической группы древних манси из среды слабо дифференцированной общности обских угров. Остановимся на деталях этого процесса.

В середине I тысячелетия н. э. керамика из района Тюмени (Козловский могильник, ранний слой городища Андрюшин городок, Словцовское городище и др.) по форме сосудов и орнаментации (гребенчатые и фигурные штампы) демонстрирует большую близость посуде Нижнего Иртыша и Оби (городище Лайтамак, поселения в устье р. Сальма и др.) [4]. Это поз-

[1] В. Н. Чернецов. Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры. МИА, 58, 1957.

[2] Там же, табл. IX сл.; В. Д. Викторова. Памятники лесного Зауралья в X—XIII вв. н. э. Уч. зап. ПГУ, 191, Пермь, 1968, табл. II.

[3] В. А. Могильников. Население южной части лесной полосы Западной Сибири в конце I — начале II тысячелетия н. э. Автореф. канд. дис. М., 1964, стр. 10—12.

[4] Сборы В. В. Храмовой. Колл. МАЭ, инв. № 4922; В. Н. Чернецов. Нижнее Приобье..., табл. VI, X, XI.

воляет говорить о культурном единстве населения Нижнего Приобья и Нижнего Прииртышья с туринско-тавдинскими племенами, связанном, вероятно, с большим или меньшим единством этническим. Этнокультурное своеобразие Туринско-Тавдинского района складывается главным образом в последней четверти I тысячелетия н. э. В это время на керамике бассейна Туры и частично Тавды распространяются оттиски шнура, и орнаментация здесь становится по преимуществу гребенчато-шнуровой [5]. В лесном Прииртышье и в Нижнем Приобье продолжалось развитие гребенчато-фигурно-штамповой орнаментации с постепенным исчезновением фигурных штампов при сохранении оттисков мелкозубой гребенки [6].

Памятники Тавды, тяготея к Туре, занимают промежуточное положение между туринскими и иртышскими. При наличии шнуровой орнаментации здесь преобладают узоры из отпечатков гребенчатого, изредка фигурных штампов. Такой облик тавдинской керамики объясняется локализацией бассейна Тавды между Турой и Нижним Иртышом, что обусловило здесь интенсивный контакт нижнеиртышского населения с гребенчатой орнаментацией посуды и туринского с гребенчато-шнуровой. Присутствие небольшого количества керамики со шнуровым орнаментом на памятниках IX—XIII вв. Иртыша и Оби объясняется связями с более западными районами, где этот вид орнаментации появляется раньше, чем в Обь-Иртышье. Кроме шнуровой орнаментации посуды, для племен Туры и Тавды конца I — начала II тысячелетий, в отличие от населения лесного Прииртышья и Нижнего Приобья, характерна большая роль огня в погребальном ритуале. Наряду с трупоположениями, здесь представлены трупосожжения, а также отмечено наличие костищ с остатками пережженных костей, среди которых обнаружены обломки обожженных человеческих черепов [7]. Наиболее ранним достаточно хорошо датированным памятником Туринского района со шнуровой орнаментацией керамики является Перейминский могильник VIII — начала IX в. [8]. Этим же временем, отчасти несколько древнее, могут быть датированы известные зауральские костища.

Встает вопрос об истоках появления шнуровой орнаментации на Туре во второй половине I тысячелетия. В. Н. Чернецов считал, что шнуровой орнамент развивался здесь с эпохи раннего железа [9]. В то время еще было распространено мнение о существовании культуры «зауральского ананьино», характеризующейся шнуровыми узорами на сосудах. Однако последние исследования показали, что большинство памятников Зауралья со шнуровой орнаментацией керамики относятся к эпохе раннего средневековья [10], а шнуровые оттиски, в ограниченном количестве представленные на посуде лесного Зауралья I тысячелетия до н. э. [11], исчезают в таежной зоне Западной Сибири около начала I тысячелетия н. э. Правда, встречено небольшое количество шнуровых оттисков на керамике прыговского типа (Прыговское городище и др.) [12], которая относится, вероятнее всего, к первым векам I тысячелетия н. э. Следует отметить, однако, что шнур здесь другой по исполнению и располагается на типологически иных формах сосудов, генетически связанных с саргатской культурой лесостепи. Прообразом шнуровых узоров на керамике прыговского типа, по-видимому,

[5] В. Н. Чернецов. Нижнее Приобье..., табл. XVI, 4, 5, 7, XXXIX, 1, 2, 5, 7, XL, 1, 2, 4; В. Д. Викторова. Памятники лесного Зауралья..., табл. II, 1, 4, 7.

[6] В. Н. Чернецов. Ук. соч., табл. XXXV, XXXVI, XXXVIII, 20.

[7] В. Д. Викторова. Население эпохи железа лесной полосы Среднего Зауралья. Автореф. канд. дис. Свердловск, 1969, стр. 14, 15, 17.

[8] В. Н. Чернецов. Ук. соч., стр. 166 сл.

[9] Там же, стр. 180.

[10] В. А. Могильников. Ук. соч., стр. 12.

[11] К. В. Сальников. Иткульская культура. Краеведческие записки. I, Челябинск, 1962, стр. 286; В. И. Мошинская. Керамика усть-полуйской культуры. МИА, 35, 1953, стр. 112.

[12] В. Ф. Генинг, М. К. Позднякова. Прыговское городище на р. Исети. ВАУ, 6, 1964, табл. VII, 2, 3, VIII, 6—9.

послужил шнуровой орнамент бронзовых котлов эпохи раннего железа. Вряд ли шнуровой орнамент прыговской керамики раннего железного века мог послужить основой шнуровой орнаментации посуды Туринского района последней трети I тысячелетия н. э.

Таким образом, усматривать местные корни шнурового орнамента в Зауралье представляется весьма затруднительным. На востоке и юге от Туринско-Тавдинского района шнуровой орнамент в первой половине и середине I тысячелетия н. э. отсутствует. Зато керамика со шнуровыми оттисками широко представлена в это время к западу и северо-западу от интересующего нас района — на Среднем Урале (в могильнике Калмацкий Брод и Аятском могильнике [13]), в харинско-ломоватовских памятниках Прикамья [14] и ванвиздинских памятниках Печоры и Вычегды [15].

Наиболее положительные результаты дает сопоставление керамики Зауралья с посудой ванвиздинской культуры. Ванвиздинские круглодонные чаши с высокой, почти вертикальной шейкой близки туринской керамике [16]. Большинство ванвиздинских сосудов, как и зауральские, изготовлены из глины с неорганическими примесями. На ванвиздинской керамике, подобно западносибирской, имеется поясок из круглых ямок вдоль венчика, а по торцу венчика идет насечка зубчатым штампом. Оттиски шнура на шейке и плечиках сосудов сочетаются с зубчатыми, а иногда и уголковыми штампами [17]. Сходство между зауральским и ванвиздинскими памятниками, помимо керамики, прослеживается также в погребальном обряде. Ритуал трупосожжения в Ликинском могильнике X—XIII вв. на Лозьве находит параллели в I Веслянском могильнике IV—VI вв. В обоих памятниках представлены захоронения в прямоугольных ямах; кремация происходила на стороне; часть вещей оставлялась в засыпке и вне могил. Некоторые предметы инвентаря подвергались поломке [18].

Общность ряда черт в керамике и погребальном обряде населения Приуралья и Зауралья, по-видимому, не случайна. Очевидно, она связана с продвижением на верхнюю и среднюю Туру и Тавду населения с Урала, Среднего и Северного Предуралья, которое началось, по-видимому, около конца третьей четверти I тысячелетия н. э., продолжалось в конце I — начале II тысячелетий. Пришлые группы, возможно, частично оттеснили местные племена с гребенчато-штамповой керамикой, но, очевидно, в большей мере смешались с ними, наложив своеобразный отпечаток на культуру этого района. Новые элементы проявились, в частности, в появлении шнурового орнамента на посуде и специфичного обряда трупосожжения. С пришлым из Приуралья населением связано, вероятно, появление в Зауралье костищ, датирующихся в основном VIII—IX вв. и по облику своему наиболее близких поздним малым костищам Прикамья.

В Прикамье также прослеживается движение приуральских групп на восток и юго-восток. Анализируя материал Мелехинского, Агафоновского и Урынского могильников, В. А. Оборин отмечает возможное проникновение во второй половине I тысячелетия н. э. ванвиздинского этноса в северные районы Прикамья [19], смежные с верховьями Туры и Тавды, Г. М. Буров, выделивший ряд западносибирских черт в ванвиздинской

---

[13] П. А. Дмитриев. Раскопки стоянки Калмацкий Брод на р. Исети. Свердловск, 1934; Е. М. Берс. Некоторые данные о древнейшей истории Среднего Зауралья. ВИУ, 1958, табл. V, 7, 8.

[14] В. Ф. Генинг. Деменковский могильник — памятник ломоватовской культуры. ВАУ, 6, 1964, табл. XI, 1, 2.

[15] Г. М. Буров. Вычегодский край. М., 1965.

[16] Там же, рис. 27, *1*, *2*; ср. В. Д. Викторова. Памятники лесного Зауралья..., табл. II, 4, 7.

[17] Г. М. Буров. Древний Синдор. М., 1967, табл. XXXI, 3, 6; XXXII, 6, 10.

[18] В. Д. Викторова. Памятники лесного Зауралья..., стр. 245; Э. А. Савельева. Средневековые могильники на р. Вымь. АЭБ, II, Уфа, 1964, стр. 237, 238, 240.

[19] В. А. Оборин. Краткий очерк работ Камской археологической экспедиции ПГУ в 1961—1966 гг. Уч. зап. ПГУ, 191, Пермь, 1968, стр. 26.

культуре, считает ее угорской [20]. Интересно, что на Вычегде, в верховьях Печоры и Камы, по мнению ряда лингвистов, может быть локализован допермский (угорский) топонимический пласт [21]. Если учесть угорскую принадлежность ванвиздинской культуры, можно предполагать, что проникновение ее носителей в Зауралье облегчалось наличием здесь родственной этнической среды.

В свете изложенного можно заключить, что культура Туринско-Тавдинского района конца I — начала II тысячелетий сложилась в основном на базе двух компонентов — местного слабо дифференцированного древнеугорского субстрата (племена с гребенчато-фигурно-штамповой керамикой) и наслоившегося на него западного населения с гребенчато-шнуровой керамикой. На Туре, у южной кромки леса, этот процесс был осложнен воздействием лесостепного населения, которое смешивалось здесь с носителями гребенчато-штамповой орнаментальной традиции уже в III—V вв. н. э. Об этом свидетельствует материал Козловского могильника, где при курганном обряде погребения представлены типично лесные «чаши» с гребенчато-штамповым узором и высокие кувшиновидные сосуды лесостепных форм, украшенные характерным для лесных племен штамповым орнаментом. По-видимому, смешение пришлых групп с местным зауральским населением привело в конечном счете к выделению в последней четверти I тысячелетия н. э. из древнеугорского этнокультурного массива (с гребенчато-фигурно-штамповой орнаментацией керамики) племен с гребенчато-шнуровой керамикой — предков современных манси. Культурное своеобразие Туринско-Тавдинского района отражает оформление этнической группы древних манси и выделение ее из этнокультурной общности обских угров, бывшей более или менее единой еще в середине I тысячелетия н. э.

Резюмируя сказанное, можно отметить, что большое число общих черт, зафиксированных в культуре хантов и манси этнографами, объясняется не только общими корнями их происхождения, проживанием в сходной экологической среде, но также и относительно поздней дифференциацией этнической общности таежных обских угров, находящихся к тому же в условиях непосредственного соседства и постоянных взаимных контактов. Общим предком древних хантов и манси явилось население с гребенчато-фигурно-штамповой керамикой середины I тысячелетия н. э. На Туре и Тавде на этот субстрат наслоилось пришлое с Урала и восточного Приуралья население со шнуровой орнаментацией керамики, что привело в конечном итоге к выделению в последней четверти I тысячелетия древнемансийских племен. В нижнем Приобье и в лесном Прииртышье шло в основном поступательное развитие населения с гребенчато-штамповой керамикой, которое во второй половине I тысячелетия оформилось в древних хантов. На Среднем Иртыше протохантыйское население с гребенчато-штамповой керамикой, предки южной группы хантов, включили в свой состав племена потчевашской культуры. Последние в свою очередь складывались при участии какой-то, очевидно небольшой, группы населения саргатской культуры, обусловившей присутствие некоторых южных черт (погребения в курганах, культ коня и др.) [22] в культуре иртышских хантов. Определенную роль в сложении потчевашской культуры сыграли также племена, проникшие в южную часть лесного Прииртышья из Среднего Приобья в III—V вв. н. э.

---

[20] Г. М. Буров. Вычегодский край..., стр. 188—193.

[21] А. К. Матвеев. О древнейших местах расселения угорских народов (по данным языка). Уч. зап. ПГУ, 191, Пермь, 1968, стр. 142.

[22] В. А. Могильников. Периодизация культур эпохи железа Среднего Прииртышья. Материалы конференции «Этногенез народов Северной Азии», I. Новосибирск, 1969, стр. 137; его же. Исследование Малотебендинских курганов. КСИА АН СССР, 120, 1969, стр. 89—90; С. Патканов. Стародавняя жизнь остяков и их богатыри по былинам и сказаниям. «Живая старина», III, СПб., 1891, стр. 96.

V. A. Moguilnikov

SUR LA DIFFÉRENTIATION DE LA COMMUNAUTE ETHNIQUE DES OUGRES OBIENS DANS LE PREMIER MILLÉNAIRE DE N. È.

Résumé

L'article contient la caractéristique du processus de la constitution du groupe éthnique des Mancis anciens sur le territoire de la Transouralie forestère. L'examen de la poterie et du rite funéraire amène l'auteur à la conclusion que la population ancienne des Mancis dans la Transouralie s'est formée de deux éléments: éthnie locale, pour laquelle est caractéristique la poterie ornée d'incisions au peigneş, de figures et d'estampilles, et groupes venus des piémonts de l'Oural, porteurs de la poterie à décor cordé et de certaines particularités du rite funéraire. Le mélange des deux groupes a conditionné, vers la fin du I millénaire de n. è., la prise de corps des Mancis anciens dans la région de Toura-Tavda et la désagrégation de la communauté éthnique des Ougres anciens de la zone boisée du cours inférieur de l'Irtych et de l'Ob. Parallélement à ce processus le développement spontanné de la population indigène sur l'Irtych et sur l'Ob inférieurs a conduit à la constitution des groupes éthniques des Khantes d'Irtych et d'Ob inférieur. L'affinité apparente, attestée éthnographiquement, de la culture des Khantes et des Mancis doit être expliquée par la différenciation assez tardive (deuxième moitié du I millenaire de n. è.) de ces deux groupes et par l'existence de leur substrat unique — population qui, au milieu du I millémaire de n. è., était caractérisée par la poterie décorée d'incisions au peigne, de figures et d'estampilles.

П. Н. ТРЕТЬЯКОВ

НЕКОТОРЫЕ ДАННЫЕ ОБ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЯХ В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ СРЕДЕ В I ТЫСЯЧЕЛЕТИИ Н. Э.

Вопрос о формах семейных и общественных отношений в древней восточнославянской среде в период, предшествовавший образованию Древнерусского государства, не перестает привлекать к себе внимание. До сих пор историки дискутируют о том, что следует понимать под древнерусскими терминами «род», «вервь», «мир», какое место в древней общественной структуре занимала большая патриархальная семья, когда возникла у восточных славян территориальная община, какими путями складывалось классовое общество. Решение вопроса в общей форме, бывшее серьезным завоеванием советской историографии конца 20—30-х годов, уже не удовлетворяет исследователей; изучение же конкретных явлений общественного процесса упирается в отсутствие полноценного фактического материала. Как известно, основным источником, освещающим семейные и общественные порядки в период, предшествовавший возникновению Древнерусского государства, являются отрывочные сообщения византийских авторов, легендарные сведения, почерпнутые из первых страниц «Повести временных лет», или не менее туманные и часто противоречивые данные, извлеченные из «Русской Правды». Историки пытаются прочитать их ретроспективно, стремясь выделить в социальной картине XI—XII вв. элементы предшествовавшего времени. Для расшифровки некоторых явлений привлекается иногда этнографический материал — южнославянский, северорусский или даже неславянский.

Вопрос о древних формах восточнославянских семейных и общественных порядков на основании археологических данных серьезно еще никем не ставился, если не считать рассмотрения с этой точки зрения некоторых памятников IX—X вв., относящихся к рубежу и началу уже древнерусского времени. Речь идет о киевских и черниговских некрополях и знаменитом Гнездовском могильнике, убедительно свидетельствующих о выделении в древнерусском обществе дружинной верхушки, а также об отдельных городищах. Исследователи Новотроицкого городища на р. Псле И. И. Ляпушкин и городища Титчиха в Верхнем Подонье А. Н. Москаленко показали, что в IX—X вв. даже на отдаленных восточных и юго-восточных окраинах Древней Руси сельское население составляло территориальные общины, в рамках которых основными хозяйственными единицами являлись малые семьи[1]. Семейные и общественные порядки уже приобрели тогда все основные черты, свойственные последующим векам древнерусского средневековья. О попытках И. И. Ляпушкина[2] оспаривать представления П. П. Ефименко и автора этой статьи о переживании большесемейного уклада, основанные на наблюдениях за материалами из раскопок

[1] И. И. Ляпушкин. Городище Новотроицкое. МИА, 74, 1958, стр. 224—226; А. Н. Москаленко. Городище Титчиха. Воронеж, 1965, стр. 163—166.

[2] И. И. Ляпушкин. О жилищах восточных славян Днепровского Левобережья VIII—X вв. КСИИМК, 68, 1957.

в Верхнем Подонье на Большом Боршевском городище VIII—X вв., речь будет идти в конце этой статьи.

Картину территориальной общины, состоявшей из малых хозяйственно обособившихся семей, рисуют, по-видимому, исследования и других восточнославянских поселений последних столетий I тысячелетия н. э., в частности правобережных — Каневского поселения на Днепре[3], селища Хотомель на р. Горыни, селища у с. Бабка на р. Стыри и некоторых других. В Хотомле и Бабке картина поселения усложнялась наличием городищ-убежищ, за стенами которых население укрывалось в часы опасности. На этих городищах не обнаружено остатков прочных жилищ и других следов постоянного обитания, что исключает возможность рассматривать их как замчища — места обитания нарождавшейся знати. Это были общинные убежища-крепости [4].

Реконструкция общественных отношений на основании восточнославянских археологических данных более раннего периода — третьей четверти и первой половины I тысячелетия н. э. — в принципе также представляется задачей вполне достижимой. Такие черты материальной культуры, как жилища, их размеры, хозяйственные постройки, планировка поселения в целом, как правило, достаточно отчетливо, хотя и не исчерпывающе, отражают характер семейных и общественных порядков. Нередко ценные наблюдения позволяют сделать погребальные памятники, особенно если они рассматриваются в связи с остатками поселений и жилищ, принадлежавших тем же людям. Следует только иметь в виду, что погребальная обрядность отражала зачастую не существовавшие реально общественные порядки, а их вчерашний день. Поэтому здесь следует предусматривать необходимость внесения некоторых хронологических поправок.

Однако для реконструкции семейных и общественных отношений по археологическим остаткам последние должны подвергаться, как правило, исследованиям значительного масштаба. Если бы упомянутое выше Новотроицкое городище не было раскопано полностью, мы не имели бы той яркой и убедительной картины общественной жизни VIII—IX вв., какую смог нарисовать его исследователь И. И. Ляпушкин. Применительно к восточнославянским древностям третьей четверти I тысячелетия н. э. и более раннего времени исследования подобного размаха, к сожалению, почти не производились; они лишь начали осуществляться. Остатки поселений и могильники раннего периода, исследованные целиком или на большей их части, насчитываются пока что единицами. В настоящей статье обобщаются первые наблюдения над изменением характера поселений и жилищ, а следовательно, и семейных, и общественных отношений в восточнославянской среде на протяжении I тысячелетия н.э.

При этом автор исходит из тех представлений о восточнославянских древностях, которые у него сложились в ходе более чем 35-летних археологических исследований в Поднепровье и которые разделяются многими советскими археологами-славистами. В соответствии с этими представлениями в качестве древнейших известных ныне остатков славянской культуры в пределах Европейской части СССР рассматриваются зарубинецкие поселения и могильники последних веков до нашей эры и начала нашей эры, распространенные на широких пространствах припятского Полесья и Среднего Поднепровья. В первой четверти I тысячелетия н. э. многочисленные зарубинецкие племена значительно продвинули область своего обитания в северном и северо-восточном направлениях. Освободив южные части своей первоначальной территории, по-видимому, в связи с активизацией кочевников-сарматов, они утвердились на берегах Днепра и его притоков от параллели Киева на юге и до Могилева на севере, а на

[3] Г. Г. Мезенцева. Канівське поселення полян. Київ, 1965.

[4] Ю. В. Кухаренко. Средневековые памятники Полесья. САИ, Е1—57. М., 1961, стр. 22—27; 34—37.

востоке — в поречье Нижней, Средней и отчасти Верхней Десны. В III—IV вв. их южными соседями являлись племена черняховской культуры, этническая атрибуция которых до сих пор вызывает среди археологов горячие споры. После крушения черняховской оседлости под ударами гуннов и отхода ее носителей в западном направлении потомки зарубинецкого населения — раннеславянские племена начали движение к югу. Они заняли обширные пространства в днепровском лесостепном Левобережье — по Суле, Пслу и верховьям Северского Донца. По Днепру они спустились до Надпорожья, заняли бассейн верхнего и среднего течения Южного Буга и поречье Днестра. Отсюда они проникли за Прут и вышли на Нижний Дунай. Развитие культуры, начиная от зарубинецкого периода и кончая третьей четвертью I тысячелетия н.э. и древнерусским временем, протекало у этих племен строго преемственно. Многие элементы культуры, сложившиеся в зарубинецкой среде, дожили до средневековья [5]. Эволюция семейных и общественных порядков, отдельные черты которой рассматриваются в настоящей статье, отнюдь не противоречат данной точке зрения.

Поселения зарубинецкой культуры, известные в Поднепровье и припятском Полесье более чем в 300 пунктах, исследованы еще далеко не достаточно. Имеющиеся материалы позволяют обрисовать область их распространения на различных этапах и определить направления и пути расселения зарубинецких племен. Менее определенно намечаются локальные особенности культуры в отдельных местностях, бывшие результатом различных причин, прежде всего расселения и возникновения контактов с остатками местного населения или различными соседями. Накапливается убедительный материал для характеристики хозяйства и материальной культуры в целом. В частности, одерживает победу оценка зарубинецкого хозяйства как преимущественно земледельческого, знакомого с обширным ассортиментом зерновых культур и пахотными орудиями [6], а не преимущественно скотоводческого, на чем еще недавно настаивали некоторые исследователи [7].

Наряду с этим имеется все еще крайне мало сведений о характере семейных и общественных отношений, особенно если принять во внимание некоторые факты, свидетельствующие об их неустойчивости, о том, что зарубинецкое время было периодом существенных перемен в формах общежития. Зарубинецкие поселения в разных областях и в разное время были неодинаковыми, имели различный характер и размеры. Также неодинаковыми по устройству и размерам были жилища, свыше 100 остатков которых исследованы.

Попробуем разобраться в этой достаточно пестрой картине и определить, что здесь являлось закономерным, отражавшим основную модель общественного процесса, а что было следствием особых условий жизни. Начнем с характера поселений.

В западной и центральной областях зарубинецкой территории, в стороне от Днепра, в продолжение всего зарубинецкого времени господствовали сравнительно небольшие поселения, расположенные низко у воды и лишенные каких-либо оборонительных сооружений. Таковы многочисленные поселения, известные в бассейне Припяти. Такой же характер имеют зарубинецкие поселения первых веков нашей эры, найденные недавно П. И. Хавлюком в верхнем течении Южного Буга [8].

---

[5] П. П. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.— Л., 1966; его же. Зарубинецкая культура и поднепровские славяне. СА, 1968, 4; его же. У истоков древнерусской народности. Л., 1970, стр. 52—60.

[6] С. П. Пачкова, З. В. Янушевич. Землеробство племен зарубинецької культури. СРС, стр. 3—13.

[7] Е. В. Максимов. Землеробство і скотарство на Середньому Придніпров'ї на рубежі нової ери. Український історичний журнал, 1969, 8, стр. 96—101.

[8] П. І. Хавлюк. Пам'ятки зарубинецької культури на Побужжі. «Археологія», 1971, 4, стр. 84—95.

В Среднем Поднепровье картина была иной. Раннее зарубинецкое время характеризуется здесь преобладанием поселений, расположенных на отрогах высоких коренных берегов. Так же расположены и связанные с ними могильники. Речь тут идет не только о зарубинецких древностях, тянущихся непрерывной цепочкой вдоль края высокого правого берега Днепра, но и о поселениях, находящихся на коренных берегах в низовьях днепровских притоков, прежде всего р. Роси, где расположены такие зарубинецкие поселения-городища, как Межирич и Сахновка [9]. Многие из днепровских поселений имели и другую особенность — сравнительно большие размеры. Примером может служить известное поселение на Пилипенковой горе вблизи г. Канева, исследуемое в последнее время Е. В. Максимовым. По его соображениям, в этом пункте располагалось до 150 жилищ и, таким образом, проживало несколько сот человек [10]. Исследования последних лет опровергли распространенное ранее мнение, что расположенные на высоких берегах приднепровские зарубинецкие поселения якобы не имели оборонительных сооружений [11]. Раскопки Е. В. Максимова на Пилипенковой горе и другом поселении — Бабиной горе показали, что поселения были защищены системой валов, рвов и эскарпов, являлись характерными городищами, хотя и не настолько укрепленными, как это было в скифское время или в древнерусский период [12].

В позднее зарубинецкое время, на рубеже и в первые века нашей эры, в Среднем Поднепровье имелись, по-видимому, лишь неукрепленные поселения. Они расположены на невысоких террасах и на всхолмлениях в пойме в низовьях Ирпеня, Тетерева, Почайны и в других пунктах. Размер поселений сравнительно небольшой. Исключение составляет поселение в устье р. Ирпень вблизи с. Лютеж, площадь которого превышала 15 000 $м^2$. Но это было не рядовое поселение, а место выплавки железа кричным способом, эксплуатируемое, вероятно, свыше столетия. На Лютежском поселении были открыты остатки лишь трех жилищ, причем одно из них было очень маленьким и нехарактерным по конструкции. Очевидно, древние металлурги жили здесь непостоянно [13]. Все другие позднезарубинецкие селища имели площадь меньшую в 3—4 раза.

Сходная картина наблюдается в северных и северо-восточных областях, куда зарубинецкое население начало проникать, по-видимому, с I в. до н. э. На ряде городищ, сооруженных местными племенами, имеются верхние слои, относящиеся к первым векам обитания здесь пришлого зарубинецкого населения. Таковы известное Чаплинское городище на Днепре, где древний милоградский слой перекрывается зарубинецким культурным слоем, восходящим к началу I в. до н. э., а может быть, и к более раннему времени [14]. Такую же картину выявили исследования на втором Моховском городище, также расположенном на правом берегу Днепра в нескольких десятках километров ниже предыдущего городища [15]. Следы обитания в зарубинецкое время имеются на Горошковском и Милоградском городищах и в других пунктах южной части Белорусского Поднепровья [16]. Позднезарубинецкие древности в этих местах представлены открытыми поселениями. Одно из них, из числа наиболее северных и наибо-

---

[9] Ю. В. Кухаренко. Зарубинецкая культура. САИ, Д1—19. М., 1964, стр. 62.

[10] Е. В. Максимов. Зарубинецьке городище Пилипенкова гора. «Археологія», 1971, 4, стр. 41—56.

[11] Ю. В. Кухаренко. Ук. соч., стр. 11.

[12] Е. В. Максимов. Раскопки зарубинецких городищ близ Канева. АО—1971. М., 1972, стр. 358—359.

[13] В. И. Бидзиля и С. П. Пачкова. Зарубинецкое поселение у с. Лютеж. МИА, 160, 1969, стр. 51—74.

[14] П. Н. Третьяков. Чаплинское городище. МИА, 70. 1959, стр. 119—153; Л. Д. Поболь. Славянские древности Белоруссии. Минск, 1971, стр. 9—49.

[15] П. Н. Третьяков. Моховское второе городище. КСИА, 81, 1960.

[16] О. Н. Мельниковская. О взаимосвязи памятников милоградской и зарубинецкой культур. СА, 1963, 1.

лее поздних, находящееся в урочище Обидня (Абидня), недалеко от Нового Быхова Могилевской обл., вместе с относящимся к нему могильником было исследовано Л. Д. Поболем [17].

На северо-востоке от Среднего Поднепровья в бассейне Среднего и Верхнего Подесенья, где известны только позднезарубинецкие памятники, почти во всех случаях они представлены неукрепленными поселениями, расположенными на невысоких местах, нередко на дюнных всхолмлениях в пределах поймы. Так располагается, в частности, известное Почепское селище, исследованное Ф. М. Заверняевым в среднем течении правого притока Десны — р. Судости [18]. Лишь на отдельных деснинских городищах, принадлежавших к древностям юхновской культуры I тысячелетия до н. э., имеются незначительные следы поселений зарубинецкой культуры, по-видимому, рубежа нашей эры, т. е. времени появления первых зарубинецких поселенцев на берегах Десны. К ним относится верхний слой Полужского городища, исследованного А. К. Амброзом [19]. Нами было обследовано городище у дер. Высокое на левом берегу Десны в Брянской обл., откуда в Брянский областной музей от местных школьников поступила часть глиняной реберчатой зарубинецкой миски, найденной в самом верху культурного слоя, у поверхности. Основной слой городища относится к юхновской культуре; выраженного зарубинецкого слоя на городище не обнаруженно [20].

В итоге создается впечатление, что основной моделью зарубинецкого поселения являлся небольшой поселок, расположенный на краю невысокого берега или на всхолмлении в пойме, недалеко от воды. Что касается поселений-городищ, то они появлялись у зарубинецких племен лишь в специфических условиях, отражая не закономерный процесс, а конкретные особенности жизни. Первоначально, основываясь на мнении Ю. В. Кухаренко о движении зарубинецких племен в междуречье Днестра и Днепра с запада на восток, я считал, что укрепленные поселения в зарубинецкой среде во всех случаях появлялись лишь во вновь занятых ими областях, где на первых порах неизбежно должна была складываться соответствующая обстановка. Очевидно, это предположение сохраняется в силе применительно к северным и северо-восточным территориям, принадлежавшим до зарубинецкого расселения милоградским и юхновским племенам, предположительно балтоязычным. Что же касается зарубинецких поселений-городищ среднеднепровского Правобережья к югу от Киева, то их следует объяснить, по-видимому, иначе.

В последнее время получены убедительные данные о распространении здесь зарубинецкой культуры не в I в. до н. э., как казалось Ю. В. Кухаренко, а в более раннее время — в конце III—II вв. до н. э., т. е. не позже ее появления в более западных областях. Берега Среднего Днепра отнюдь не были областью поздней колонизации, а едва ли не важнейшим центром экономической и исторической жизни зарубинецких племен. Здесь обитало относительно передовое население. Его культура имела не «провинциальный» облик, чем отличается, например, культура Чаплинского городища, находящегося в 240—250 *км* севернее. Этому способствовало, в частности, то, что обитавшее здесь многочисленное население поддерживало постоянные торговые связи с южными соседями, о чем свидетельствуют находки на городищах предметов южного импорта, в частности обломков косских и других позднеэллинистических амфор, древнейшие из которых

---

[17] Л. Д. Поболь. Основные итоги изучения памятников позднего этапа зарубинецкой культуры в Белорусском Поднепровье. ДБ. Минск, 1966, стр. 205—216; его же. Итоги изучения древностей железного века Белорусского Поднепровья. ДБ. Минск, 1969, стр. 96—97, 103—108.

[18] Ф. М. Заверняев. Почепское селище. МИА, 160, 1969, стр. 88—118.

[19] А. К. Амброз. К истории Верхнего Подесенья в I тысячелетии н. э. СА, 1964, 1, стр. 59—60.

[20] П. Н. Третьяков и Е. А. Шмидт. Древние городища Смоленщины. М.— Л., 1963, стр. 133.

датируются концом III в. до н. э.[21] Зарубинецкая посуда в свою очередь была обычна в составе керамического комплекса нижнеднепровских «позднескифских» городищ[22]. Их население являлось посредником между среднеднепровскими зарубинецкими племенами, Причерноморьем и Восточным Средиземноморьем. Как и нижнеднепровские городища, зарубинецкие поселения на Среднем Днепре в беспокойное сарматское время обносились защитными сооружениями — валами и рвами.

Обратимся теперь к планировке зарубинецких поселений — вопросу, который впервые встал в 50-х годах, после раскопок на Чаплинском городище. Несмотря на то, что площадь городища была исследована далеко не полностью, стало очевидным, что расположение жилищ и других построек существенно отличалось там от планировки, скажем, раннесредневековых восточнославянских поселений, где хозяйственные сооружения обычно сопровождали отдельные жилища и планировка свидетельствовала, как указывалось выше, о том, что хозяйственной единицей являлась малая семья.

На Чаплинском городище тесно расположенные жилища занимали одну часть площади, а хозяйственные постройки — ямы для хранения продуктов — другую[23]. Тут не видно, чтобы хозяйственные сооружения сопутствовали отдельным жилищам. Создается впечатление, что в этом маленьком поселке, где одновременно функционировало не более 15—20 жилищ, хозяйство велось в какой-то мере сообща. Это впечатление было подтверждено материалами исследований других зарубинецких поселений.

Прежде всего обратимся к поселению, исследованному А. М. Шовкопляс в Киеве на низком берегу Почайны в местности Оболонь (Луг IV). Поселение относится к числу позднезарубинецких; его время — рубеж и первые полтора-два века нашей эры. В итоге семилетних раскопок (1966—1972 гг.) на поселении открыты остатки свыше 30 жилищ и более 500 хозяйственных ям. Причем последние, занимавшие большую площадь, опять-таки не были связаны с отдельными жилыми постройками. Чрезвычайно интересным является наблюдение А. М. Шовкопляс над расположением жилищ. По ее мнению, они были сооружены по окружности[24]. От такого расположения жилищ веет глубокой архаикой. По-видимому, поселение Оболонь принадлежало общине, ведущей нераздельное хозяйство.

Большие раскопки были произведены на упомянутом выше городище Пилипенкова гора на правом берегу Днепра около Канева. В пределах большего («Восточного») раскопа, охватившего около $^1/_5$ площади поселения, были открыты остатки не менее чем 20 жилищ, причем, по мнению их исследователя Е. В. Максимова, они составляли две группы, в каждой из которых жилища располагались по неправильной, несколько вытянутой окружности, так что внутри окружности оставалось свободное от построек пространство. Таким образом, это большее поселение, расположенное в южной части зарубинецкого ареала, было, по-видимому, местом обитания нескольких общин. Количество исследованных здесь хозяйственных ям достигает 120. Но, судя по плану, в их расположении пока нельзя усмотреть ничего особенно примечательного[25].

Последним зарубинецким поселением, где были произведены сколько-нибудь значительные раскопки, является Почепское селеще на Судос-

---

[21] Е. В. Максимов. Про датування зарубинецької культури. «Археологія», 1971, 1, стр. 68—77; его же. Зарубинецьке городище Пилипенкова гора, стр. 55, 56.

[22] М. І. Вязьмітіна. Золота Балка. Київ, 1962, стр. 128—145.

[23] П. Н. Третьяков. Чаплинское городище...

[24] А. М. Шовкопляс. Раскопки на берегу Почайны. АИУ, II, 1967. Киев, 1968, стр. 161—165; ее же. Раскопки поселения зарубинецкой культуры в Киеве. АИУ, III, 1968. Киев, 1971, стр. 212—214; ее же. Раннеславянское поселение в Киеве. АО — 1969. М., 1970, стр. 266—267; ее же. Поселение зарубинецкой культуры в Киеве. АО — 1970. М., 1971, стр. 279—280; ее же. Раскопки на Оболони в Киеве. АО — 1971. М., 1972, стр. 357—358.

[25] Е. В. Максимов. Зарубинецьке городище Пилипенкова гора, стр. 48.

ти, относящееся к первым векам нашей эры. Раскопанная там площадь составила не более $^1/_{10}$—$^1/_8$ части поселения, и сказать что-либо определенное о его планировке, к сожалению, нельзя. Бросается, однако, в глаза, что и здесь хозяйственные и производственные постройки не сопутствовали отдельным жилищам, находящимся в центральной части поселения, а располагались преимущественно в его восточном конце, где жилища не обнаружены [26]. И здесь, следовательно, жители поселка не вели индивидуальных хозяйств, а составляли скорее всего общину.

О раннеславянских, в частности зарубинецких, жилищах мне уже приходилось писать. Оказалось, что для раннезарубинецкого времени были характерны жилища различного устройства: наземные столбовой конструкции и углубленные в землю «полуземлянки». Одни из них, прямоугольные в плане, достигали значительных размеров —25—35 $м^2$, другие были квадратными, площадью от 10 до 15 $м^2$. В позднезарубинецкое время картина изменилась. Повсюду была распространена стандартная форма жилищ — углубленные в землю квадратные «полуземлянки» размером от 3×3 до 4×4 *м*, дожившие в славянской среде до средневековья [27].

Как известно, большие прямоугольные жилища площадью в несколько десятков квадратных метров были широко распространены в Средней и Восточной Европе в далекой древности. Такими, например, были жилища различных периодов и культур эпохи бронзы и раннего железа, времени, когда основы родового устройства общества еще не были заметно поколеблены. Изменение размеров жилища в зарубинецкое время свидетельствует, очевидно, о начавшемся процессе распада родовой общины. Но последняя в то время еще далеко не утратила своей решающей роли, о чем свидетельствует факт расположения жилищ по окружности и другие черты планировки поселения. Зарубинецкие могильники также могут рассматриваться как пример родовых кладбищ, оставленных обществом без заметной имущественной дифференциации. Они во многом сохраняют черты могильников глубокой древности — эпохи бронзы.

Поселения второй четверти и середины I тысячелетия н. э., принадлежавшие восточным славянским группировкам — непосредственным потомкам зарубинецкого населения, продвинувшимся в это время в северные части Среднего Поднепровья и южные области Верхнего Поднепровья, также исследованы далеко недостаточно. Относительно племен днепровской группы («киевский тип») известно, что их поселения имели примерно тот же характер, что и в позднезарубинецкое время: были небольшими, расположенными по краю невысоких речных террас или на дюнных возвышенностях в пределах пойм. Квадратной формы жилища размером в среднем 4×4 *м*, углубленные в землю, опять-таки в основных чертах такие же, как в предыдущее позднезарубинецкое время. Никаких данных о планировке поселений не имеется, так как ни одно из них не было исследовано полностью или хотя бы в значительной части [28]. Результаты изучения древностей второй четверти и середины I тысячелетия н. э. на территории Южной и Юго-Восточной Белоруссии, раскопанных за последние годы Л. Д. Поболем, остаются неопубликованными. Судя по кратким информациям, поселения и здесь были неукрепленными, жилищами служили квадратные «полуземлянки». Рядом с поселениями располагались могильники, свидетельствующие о переживании зарубинецких традиций в погребальном обряде [29].

---

[26] Ф. М. Заверняев. Почепское селище, стр. 92 сл.

[27] П. Н. Третьяков. Из предыстории славянского жилища. «Archeologia Polski», XVI, 1971, стр. 235—248.

[28] В. Н. Даниленко, В. П. Дудкин, В. А. Круц. Археолого-магнитная разведка в Киевской обл. АИУ, I, 1967, стр. 210—214; Р. С. Орлов. Поселение середины I тысячелетия н. э. у с. Казаревичи. АИУ, III, 1971, стр. 227—229.

[29] Л. Д. Поболь. Итоги изучения древностей железного века Белорусского Поднепровья, стр. 96, 97, 105—108.

Единственными в моем распоряжении сведениями, дающими некоторое представление о семейных и общественных порядках во второй четверти и середине I тысячелетия н. э., являются результаты археологических обследований и раскопок в поречье р. Десны, где начиная с позднезарубинецкого времени лежала восточная окраина славянских племен. Особенно большие исследования остатков поселений не производились и здесь. Тем не менее удалось выяснить кое-какие характерные особенности в расположении и облике поселений, в их планировке и типе жилищ, представляющие немалый интерес для определения некоторых черт общественной структуры.

Прежде всего в указанный период в Подесенье были распространены главным образом совсем маленькие поселения. Они составляли группы по 5—10 поселений, отстоявших друг от друга на 0,5—1,5 *км*. Зачастую между поселениями, входящими в группу, имелась зрительная связь. Такая группировка обнаружена в ряде мест: к северу от г. Брянска в районе с. Хотылева, выше г. Новгорода Северского в низовьях р. Смячь, ниже указанного города около устья деснинского притока — р. Малотечки и в других местах. Одна группа поселений от другой отделялась расстоянием от 5 до 15 *км* и более.

В каждом маленьком поселении было 5—7 жилищ — «полуземлянок» обычных форм и размера, расположенных компактной группой на близком расстоянии, иногда вплотную друг к другу. В других частях поселения размещались хозяйственные ямы, какие-то навесы на столбах и др. Такой маленький поселочек составлял, несомненно, единый хозяйственный комплекс, единый хозяйственный «двор». Такое поселение принадлежало, очевидно, не родовой общине, а значительно меньшему коллективу. В качестве примера можно указать на селище в Лавриковом лесу около с. Дехтеревка на р. Малотечке, входившее в группу, состоявшую не менее чем из пяти поселений IV—Vвв. н. э. В Лавриковом лесу в пределах одного из маленьких поселений была раскопана тесная группа из пяти жилищ-«полуземлянок». Непосредственно рядом с ними находились остатки еще двух-трех жилищ, оказавшихся под дорогой и оставшихся нераскопанными. На соседнем участке обнаружена группа хозяйственных ям. В одной из жилых землянок была найдена железная фибула IV в. н. э.

В некоторых местах такие поселения-«дворы» территориально соприкасались, образуя более крупное поселение. Примером является верхнедеснинское селище Смольянь начала третьей четверти I тысячелетия н. э., где была исследована группа из пяти жилищ и участки, занятые хозяйственными постройками. Под лесом осталось большое неисследованное пространство, пригодное для размещения еще одного-двух таких «дворов».

Что же представляли собой деснинские поселочки-«дворы» и их группы? Вероятнее всего, в группах поселков следует видеть не что иное, как села того времени, принадлежавшие территориальным общинам, состоявшим из «дворов» больших патриархальных семей, насчитывающих по 20—30 человек, взрослых и детей.

Я не знаю была ли присуща такая структура поселений всем другим частям восточнославянского мира того времени или она была спецификой Подесенья. По-видимому, в других местах, скажем, в Белорусском Поднепровье, основной формой поселений в середине I тысячелетия н. э. и позднее были не «разбросанные», как на Десне, а большие компактные поселения, принадлежавшие территориальным общинам. Составлявшие их патриархальные семьи находились на разных ступенях распада, зашедшего, вероятно, значительно дальше, чем на восточной окраине в деснинских «дворах». Но кое-где сохранялись, по-видимому, и «разбросанные» села. Они отмечены в ряде случаев на юге (в Среднем Поднепровье, в верхнем и среднем течении Южного Буга и в Поднестровье), куда огромные массы восточнославянского населения продвинулись после середины I тысячелетия н. э.

По данным украинских археологов, такие группы маленьких поселений VI—VII вв. намечаются на Днепре при устье Тясмина и в Надпорожье [30]. Здесь приходится ограничиться словом «намечаются», так как исследования раннеславянских древностей производились в этих местах впервые, когда не были решены вопросы хронологии, и поэтому не всегда было возможно отделить синхронные поселения от разновременных. Кроме того, исследования проводились здесь в обстановке некоторой спешки, так как эти места затапливались водами днепровских водохранилищ. В более благоприятных условиях изучаются раннеславянские поселения в верхнем и среднем течении Южного Буга, в бассейне Днестра и в Заднестровье, на территории Молдавии. Более 320 раннеславянских поселений VI—VII вв. найдены в этих областях за последние годы. Наряду с остатками больших поселений, состоявших из нескольких десятков жилищ, имеется немало маленьких поселочков, расположенных близко один к другому. Как будто бы большинство из них принадлежит к древнейшей группе.

Интересные в этом отношении наблюдения сделаны в Молдавии, где расположение маленьких поселков «гнездами» рассматривается как характерная особенность. По словам И. А. Рафаловича, «поселения, образующие такое гнездо, обычно расположены кучно в радиусе 5—7 *км* от условного центра» [31]. Расстояние между поселениями, входящими в гнездо, измеряется нередко сотнями метров.

В раннеславянских древностях территории Молдавии отмечена и другая архаичная черта — расположение жилищ в пределах поселения компактной группой. Расстояние между жилищами, входившими в группу, составляло от 0,5—0,6 до 5—8 *м* [32]. По мнению Г. Б. Федорова и М. Я. Сальмановича, такая планировка была особенно характерна для районов, расположенных на границах со степенью, и была якобы связана с постоянной военной опасностью и необходимостью создания круговой обороны [33]. Думаю, что главную роль в планировке поселений сыграли старые традиции семейного и общественного устройства, а военная опасность могла лишь способствовать их переживанию.

Хотелось бы думать, что на территорию Молдавии, в междуречье Днестра и Прута, в VI—VII вв. продвинулись славянские группировки не только с севера — из Верхнего Поднестровья и бассейна Верхней Припяти, но и с северо-востока — из Верхнего Поднепровья и даже бассейна Десны. Именно последним, как указывалось выше, были особенно свойственны маленькие поселения, составлявшие группы, а в пределах поселений — компактно расположенные жилища-землянки. О северо-восточном происхождении какой-то части раннеславянских группировок, расселившихся между Днестром и Прутом, свидетельствуют обнаруженные в некоторых пунктах жилища-землянки с центральным опорным столбом, особенно характерные для Подесенья, но встречающиеся иногда и в Поднепровье [34]. Об этом же говорят формы глиняной посуды, свойственные раннему славянскому керамическому комплексу на территории Молдавии. Речь идет о биконических формах с закругленным или четко выраженным ребром, развившихся в южных частях Верхнего Поднепровья и

[30] Д. Т. Березовец. Поселения уличей на р. Тясмине. МИА, 108, 1963, стр. 197 и др.; М. П. Кучера, В. С. Драчук. Памятники раннеславянского времени и Киевской Руси в зоне водохранилища Днепродзержинской ГЭС. КСИА АН УССР, 12, 1962, стр. 102.

[31] И. А. Рафалович. Материальная культура славян VI — IX вв. в Молдавии. Очерки истории культуры Молдавии. Кишинев, 1971, стр. 71—73.

[32] И. А. Рафалович. Славяне VI — IX вв. в Молдавии. Кишинев, 1972, стр. 47—59.

[33] Г. Б. Федоров, М. Я. Сальманович. Этническая и культурная история населения юго-запада СССР от начала железного века до XIX столетия. М., 1964, стр. 8.

[34] И. А. Рафалович. Материальная культура..., стр. 75; П. Н. Третьяков. Из предыстории славянского жилища, стр. 244—247.

Подесенье во второй четверти I тысячелетия н. э. на основе зарубинецких традиций, а позднее характеризующих пеньковский раннеславянский керамический комплекс [35].

В третьей четверти I тысячелетия н. э. в большинстве восточнославянских земель архаичные формы планировки поселений и жилищ сменялись новыми, свидетельствующими, что основной хозяйственной единицей, возникшей в результате распада больших патриархальных семей-общин, становится малая семья. Жилища малых семей располагаются отдельно одно от другого, нередко образуя ряды. Размеры поселений увеличиваются. Территориальная община складывается теперь уже не из больших патриархальных семей, а преимущественно из малых индивидуальных хозяйств.

Исследованные поселения третьей четверти I тысячелетия н. э. в большинстве случаев рисуют именно такую картину, особенно поселения послеаварского времени. Таковы поселения «культуры Корчак» на Житомирщине, исследованные И. П. Русановой. Жилища разбросаны по площади поселений в отдалении одно от другого (12—15 *м*), иногда они образуют ряды [36]. Хозяйственные постройки сопровождают отдельные жилища. «Создается впечатление, что мы имеем дело с небольшими дворами, отвечающими нуждам небольшой семьи»,— писал один из исследователей житомирских поселений третьей четверти I тысячелетия н. э. [37] Но поселения «культуры Корчак» сохраняют и некоторые архаичные черты, в частности расположение поселков группами. Так, в низовьях р. Гнилопяти была исследована группа поселений VII—IX вв., окружавшая языческое святилище и могильник с трупосожжениями. И. П. Русанова, производившая здесь раскопки и широкие обследования, указывает, что лишь в IX в. характер поселений на Житомирщине претерпел изменения, приведшие к «большему объединению населения» и к появлению значительных сел [38].

В более южных областях относительно крупные селения начали распространяться, по-видимому, раньше, чем в лесном краю Житомирщины. П. И. Хавлюком были произведены большие раскопки на поселении Семенки на правом берегу Южного Буга. В VI в. там было сравнительно небольшое поселение, насчитывающее до 10 жилищ, по-видимому, образующих две группы. Поселок был сожжен, вероятно, аварами. Возникший на этом месте более поздний (VII—VIII вв.) поселок был в два раза больше предыдущего. Хозяйственные постройки в его пределах перемежались с жилищами, а не занимали отдельного пространства. На Городецком селище VI—VII вв., находящемся на берегу р. Смотрич, правого притока Верхнего Днестра, где также были произведены большие раскопки, жилища располагались разбросанно, двумя неправильными рядами. И такая картина наблюдалась уже в ряде случев, существенно не отличаясь от того, что позволяет выявить планировка поселений последней четверти I тысячелетия н. э., упомянутых в начале статьи.

Нельзя не обратить внимание на значительную неравномерность процесса. В зависимости от различных причин на протяжении I тысячелетия н. э. семейные и общественные порядки в восточнославянской среде менялись далеко не синхронно, в одних местах скорее, в других медленнее. Такая неравномерность наблюдалась еще в зарубинецкое время в последние века до нашей эры. Основная масса населения, как мы видели,

---

[35] И. А. Рафалович. Материальная культура..., стр. 86, 87.

[36] И. П. Русанова. Поселение у с. Корчак на р. Тетереве. МИА, 108, 1963, стр. 39 сл.; ее же. Работы в зоне затопления Житомирской ГЭС. КСИА, 104, 1965, стр. 50—53.

[37] И. К. Фролов. Поселение Тетеревка I (VII — VIII вв.). КСИА, 110, 1967, стр. 30—35.

[38] И. П. Русанова. Исследование памятников на р. Гнилопяти. АО — 1965. М., 1966, стр. 142—146.

жила тогда небольшими, по-видимому, родовыми общинами. У передовых племен Среднего Поднепровья, в какой-то мере опосредственно соприкасавшихся с Древним Причерноморьем и даже Средиземноморьем, условия жизни были иными. Совместная жизнь нескольких общин в пределах одного поселения, потребность его обороны, торговые связи с южными соседями — все это не могло не отражаться на характере семейных и общественных порядков, стимулировало их развитие.

Для следующего этапа — второй и отчасти третьей четверти I тысячелетия н. э.— особенно характерным институтом общественных порядков является патриархальная семья-община, иначе большая семья. Она возникла в результате распада родовой общины, также патриархальной, но объединявшей значительное число людей. Большая семья — это группа близких родственников — отец, мать и два-три сына со своими семьями, ведущие совместно свое хозяйство. Несколько больших семей объединяются в более крупную общину, на долю которой достаются лишь некоторые оборонительные, общественные и экономические функции. Была ли это в столь раннее время община, сохраняющая в какой-то мере родственные связи, или община чисто территориальная, или, наконец, какая-то промежуточная форма между ними, решить трудно.

Условия расселения славянских группировок в первой половине I тысячелетия н. э. в более северных областях, по-видимому, серьезно не отразились на их семейных и общественных порядках. Судя по всему, это было постепенное продвижение отдельных общин, а не массовое расселение. Местные обитатели — потомки племен милоградской и юхновской культур — в социально-экономическом отношении были примитивнее расселявшихся славян; контакты с ними не несли с собой ничего принципиально нового. Судя по тому, что на северных землях славяне лишь в первое время жили в укрепленных поселениях-городищах и вскоре, через одно-два поколения, стали сооружать открытые поселки, военная обстановка, связанная с продвижением на север, не была особенно серьезной. В этих условиях можно ожидать не столько прогресса, сколько консервации старых традиций в области производства, культуры и общественных порядков (речь идет о периоде, предшествующем ассимиляции славянами местного населения).

Вероятно, более существенное влияние на жизнь славянского населения во второй четверти I тысячелетия н. э. имели контакты с южными соседями — племенами черняховской культуры, имевшие место, как выясняется, на всем протяжении пограничья от верховьев Днестра и Западного Буга на западе и до поречья Сейма на востоке. Достаточно развитая, в некоторых отношениях явившаяся продуктом ремесла черняховская культура оказывала немалое влияние на близко живущее славянское население, зачастую способствуя превращению его культуры в «получерняховскую». Контакты с южными соседями не могли не отражаться также на общественных и семейных порядках. Но как и в области культуры, влияние этих контактов далеко в глубину славянских земель, по-видимому, не проникало. К сожалению, славяно-черняховским пограничьем никто из археологов специально еще не занимался [39].

Серьезное влияние на строй жизни восточнославянского населения не могло не оказать начавшееся после середины I тысячелетия н. э. движение на юг и юго-запад, явившееся одним из заключительных звеньев «великого переселения народов». Появление множества славянских поселений в VI в. н. э. на Среднем Днепре, в бассейне верхнего и среднего течения Южного Буга, в Поднестровье и в Заднестровье свидетельствует о массовых переселениях славянских группировок на многие сотни километ-

[39] В Киеве этим вопросом начала заниматься Н. М. Кравченко, ведущая археологические исследования в поречье р. Стугны. См. Н. М. Кравченко. К изучению истории Киевского Поднепровья в I тысячелетии н. э. Беларусскія старажытнасці. Мінск, 1972, стр. 93—94.

ров. Условия далеких переселений не могли не способствовать распаду старых связей и перетасовке людей из разных местностей. В сочинениях раннесредневековых авторов славяне — анты и склавины — выступают как племена с развитыми «военно-демократическими» порядками. Археологические данные этого времени свидетельствуют, как мы видели, о распаде в славянской среде больших патриархальных семей.

В заключение обратимся к вопросу, оставленному без ответа в начале статьи,— к общественным порядкам, выявленным раскопками на Большом Боршевском городище. Роменско-боршевские городища Верхнего Подонья оставлены населением, пришедшим, по-видимому, с севера, с верховьев Десны и Оки. Население это в VIII—X вв. было уже не столько славянским, сколько древнерусским, впитавшим в себя значительный балтийский субстрат [40]. Естественно, что в среде этого северного населения могли долго переживать архаические элементы в общественных отношениях.

Судя по результатам исследований Большого Боршевского городища, так оно в отдельных случаях и было. Как известно, на городище в пределах центральной и восточной частей раскопа оказался тесный комплекс построек, состоящий из нескольких жилищ и примыкающей к ним группы различных хозяйственных сооружений, в том числе большой полуземлянки без печи, служившей помещением для размола зерна. Вероятно, прав И. И. Ляпушкин, говоря, что крытых переходов между жилищами здесь не было. Но налицо относительно крупное хозяйство, принадлежавшее, вероятнее всего, большой патриархальной семье-общине. Боршевские курганы, в частности кург. 2, содержащий остатки не менее пяти-семи трупосожжений, также свидетельствуют о переживании архаичных черт общественного устройства [41].

На других верхнедонских городищах патриархальные гнезда такого рода не обнаружены. Не было их и на соседнем Малом Боршевском городище и на селище около Большого Боршевского городища. Очевидно, раскопками на Большом городище у с. Боршева было зафиксировано одно из реликтовых для VIII—X вв. общественных явлений в славянской среде Верхнего Подонья.

P. N. Trétiakov

QUELQUES DONNÉES SUR LES RELATIONS SOCIALES DANS LE MILIEU DES SLAVES ORIENTAUX AU I MILLÉNAIRE DE N. É.

Résumé

L'auteur part de l'idée du développement successif de la civilisation orientale slave dans le bassin du Dniepr et sur le territoire entre le Dniepr et le Dniestr à partir de la période de Zaroubintsy (fin du I millénaire av. n. è.— début de n. è.), ce qui n'exclut pas de déplacements importants dans le milieu des Slaves orientaux. La culture tcherniakhovienne des III—IV siècles de n. è. est exclue de l'éthnogénèse des Slaves orientaux.

Les villages de la période de Zaroubintsy (leur planification, caractère des habitats, disposition des constructions habitables et des locaux de ménage les uns par rapport aux autres etc.) témoignent de la survivance des rapports de clan. La structure sociale du deuxième quart et du milieu du I millénaire de n. è. a été surtout caractérisée par de grandes familles patriarcales faisant partie des communautés territoriales. Elles sont nettement représentées dans les matériaux provenant du bassin de Desna mais pas exclusivement: on les a décélées également dans le bassin du Boug mériodional, le bassin du Dniestr et sur les territoire au-delà de celui-ci jusqu'où les Slaves se sont avancés, le milieu du I millénaire de n. è. révolu. Le troisième quart du premier millénaire de n. è. fut la période où, par-ci un peu plus tôt, par-là un peu plus tard, la petite famille devienne l'unité économique principale dans le cadre de la communauté territoriale ce qui s'est nettement exprimé dans la modification de la planification des villages.

[40] П. Н. Третьяков. Об истоках культуры роменско-боршевской древнерусской группировки. СА, 1969, 4.

[41] П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону. МИА, 8, 1948, стр. 11, 19, 79—91.

М. А. САБУРОВА

ЖЕНСКИЙ ГОЛОВНОЙ УБОР У СЛАВЯН

(по материалам Вологодской экспедиции)

К настоящему времени собрано огромное число височных колец с территории Древней Руси. Их находят в женских погребениях на ремешках, в волосах, в ушах, во фрагментах ткани от головного убора, но до сих пор не известно местоположение височных колец и их конструктивная связь с разными головными уборами. А. В. Арциховский в своей работе «Основные вопросы археологии Москвы» по поводу вятических височных колец писал: «К сожалению, попытки археологов выяснить способ их ношения путем наблюдений при раскопках пока не увенчались должным успехом» [1]. Это заключение в равной мере относится к разным височным кольцам и по сей день.

Раскопки курганов в Вологодской области в 1969 и 1970 гг., произведенные под руководством А. В. Никитина [2], позволили уточнить расположение височных колец и их крепление при разном способе ношения.

В могильниках Новинки I и Новинки II Бабаевского района раскопано 37 женских погребений, давших интересный материал для выявления способа ношения височных колец, а также разные типы головных уборов. Определение места нахождения височных колец оказалось возможным ввиду особенностей почвенных условий и погребального обряда, благодаря которому независимо от степени сохранности все, что было на голове умершей, обнаружено in situ. Это касается погребений в ямах и обряда захоронений в них. Удалось обнаружить, что поверх головного убора, включавшего височные кольца, надевали толстые шерстяные платки, крепко стянутые под подбородком. Так, в кург. 70 могильника Новинки I на женском черепе и под подбородком обнаружен темно-бурый тлен, который на уровне височных колец переходил в толстую шерстяную ткань. По данным анализа, произведенного в Московском государственном историческом музее Л. В. Ефимовой, это чистошерстяная ткань полотняного переплетения из толстых крученых ниток. Тлен темно-бурого цвета обнаружен во многих погребениях (кург. 2, 4, 12, 20, 21, 27, 29, 46, 63, 73, 76 могильника Новинки I; кург. 3 могильника Новинки II). Так как тлен во всех указанных курганах аналогичен по толщине (0,3 *см*), цвету и плотности, его можно считать принадлежавшим несохранившейся шерстяной ткани, присутствие же тлена поверх височных колец и под подбородком указывает на наличие платка.

Умершую, закутанную в платок, укладывали в колоду, которая под оседавшей землей сжимала все, что находилось на черепе. Поэтому отдельные куски сохранившейся человеческой кожи встречены с вдавленными в нее височными кольцами, расположенными там, где они были

[1] А. В. Арциховский. Основные вопросы археологии Москвы. МИА, 7, 1947, стр. 17.

[2] Раскопки А. В. Никитина. Архив ИА, д. Р1, № 3982 за 1969 г., курганы: 1—45— могильник Новинки I; д. Р1, № 4110 за 1970 г., курганы: 46—76— могильник Новинки I и 1—12— могильник Новинки II.

при захоронении. Особенно хорошо сохранились детали от головных уборов в тех курганах, где в качестве засыпки могилы был не песок, а глина.

Погребения, обнаруженные на горизонте, в песке, обычно не содержат фрагментов от головных уборов в конструктивной связанности, и судить о положении височных колец можно лишь по максимальной окрашенности черепа окислами металла.

Для того чтобы представить, как выглядел на человеке головной убор, во время расчистки погребения делалась зарисовка в натуральную величину черепа со всеми деталями, связанными с убором: височные кольца или пятна от них, куски ткани или тлен от нее, волосы и их переплетение с височными кольцами и т. д.— все фиксировалось в поле, пока отдельные детали не потеряли цвета, что и дало возможность представить как способы ношения височных колец, так и типы головных уборов.

В результате анализа всех курганов с женскими погребениями раскопанными в 1969—1970 гг., удалось проследить три способа ношения височных колец. Первый из них наиболее четко прослежен на могильнике Новинки I, в кург. 31, 32, 76.

В кург. 31, в могильной яме глубиной 74 *см* обнаружено женское погребение в колоде, ориентированное головой на запад. На черепе сохранились волосы светло-каштанового цвета. С левой стороны черепа волосы переплетены в косичку, идущую от виска за ухо. В верхнее плетение косички, у виска, продето перстневидное височное кольцо из бронзы [3], в следующее плетение косички продето многобусинное височное кольцо, диаметром 7 *см,* с пятью позолоченными серебряными полыми бусинами. Большое кольцо перекрывало район уха и доходило до нижней челюсти (рис. 1, *2*) На черепе справа обнаружены аналогичные височные кольца, причем малое зажато, и потому концы его слегка заходят друг за друга. Перстневидное кольцо расположено в верхней части уха, а большое перекрывало ухо. На затылке сохранились волосы, расчесанные на пробор и идущие от затылка к вискам. Аналогичный способ ношения височных колец прослежен в кург. 32. В могильной яме глубиной 85 *см* в колоде обнаружено женское погребение, ориентированное головой на запад. На черепе справа, как и в предыдущем погребении, прослежены прядки волос, переплетенные в косичку, с продетым в нее перстневидным кольцом. Концы кольца не сомкнуты. Ниже перстневидного кольца на ухе находилось трехбусинное височное кольцо, бронзовое с серебряными полыми сферическими бусинами из двух половинок (рис. 1, *1*). На черепе слева, в районе виска, обнаружено перстневидное кольцо с несомкнутыми концами и на уровне уха бронзовое височное кольцо загнутоконечное с четырьмя серебряными полыми бусинами из двух половинок. В районе виска, спускаясь перед ухом, волосы расположены в виде петли — деталь прически, неоднократно встречавшаяся в женских погребениях домонгольской Руси [4].

В кург. 76 в могильной яме глубиной 1,1 *м* было обнаружено женское погребение, ориентированное головой на запад (с небольшим отклонением к северу). Погребение находилось в колоде. Череп лежал на затылке и слегка отклонен на левую сторону, где на уровне уха и виска сохранилась кожа погребенной с вплетенными в волосы височными кольцами (рис. 1, *3*). На оборотной стороне кожи, отделившейся с левой стороны черепа, было видно углубление, в которое входил отросток черепа, находящийся за ухом, и слуховое отверстие. Поскольку перстневидное височное кольцо вплетено в волосы выше слухового отверстия, можно с уверенностью говорить, что оно расположено выше уха, т. е. в районе виска. На перст-

[3] Кольцо с несомкнутыми концами. Все перстневидные кольца в прическах были сжаты, несомкнутость — результат деформации под оседавшей землей.

[4] Прическа воспроизведена М. М. Герасимовым на скульптурном изображении вятички. Сб. Антропологическая реконструкция и проблемы палеоэтнографии. 1973 г., рис. 2, *2*.

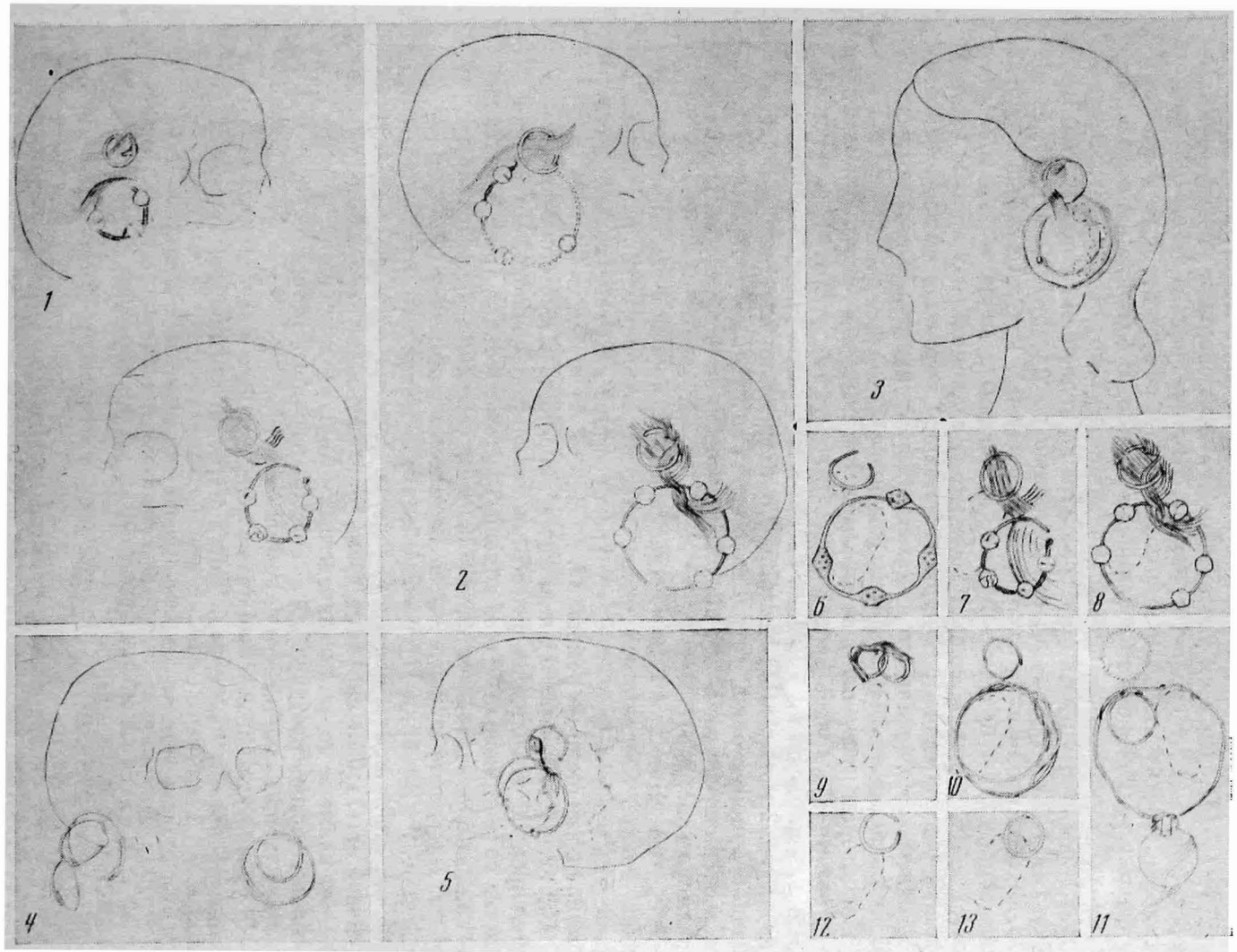


Рис. 1. Первый способ ношения височных колец. Могильник Новинки I:

1—7 — кург. 32; *2* и *8* — кург. 31; *3* — кург. 76; *6* — кург. 16; *9*—кург. 74; *10* — кург. 39; *11* — кург. 21; *12* — кург. 25; *13* — кург. 22

Могильник Новинки II:

4 — кург. 2; *5* — кург. 3

невидное височное кольцо надеты два больших проволочных кольца — серебряное браслетообразное полутораоборотное височное кольцо диаметром 6 *см* и внутри него загнутоконечное бусинное (рис. 1, *3*) [5].

На правой стороне сохранность черепа хуже. Височные кольца сместились. Здесь найдены три проволочных височных кольца с заходящими концами, из которых два малых продеты одно в другое (диаметр колец 4,5, 3,2 и 3 *см*). Особенно хорошо сохранились волосы на затылке. По-видимому, они были распущены, так как спадали на плечи длинными прядями от затылка по шее. На левой стороне черепа между височными кольцами сохранился темно-бурый тлен толщиной около 0,3 *см*, очевидно, от платка.

Рассмотренный способ ношения височных колец с большей или меньшей степенью достоверности прослежен в курганах: 2 и 3 могильник Новинки II; 16, 21, 22, 25, 29, 31, 32, 39, 73, 74, 76 — могильник Новинки I (рис. 1, *1—13*). Во всех указанных курганах верхние кольца — малые (перстневидные) и среднего размера. Нижние кольца, если они есть — бусинные (трехбусинные и многобусинные), ромбощитковые и браслетообразные с разной формой соединения концов. В большие височные кольца иногда помещались кольца меньшего размера (кург. 76). В одном случае к большому бусинному кольцу была подвешена монетовидная подвеска (кург. 21). Прически, определенные по материалам в кург. 31, 32 и 76, находят аналогии в памятниках кривичей [6]. Так, в Синьгове в кург. 2 были обнаружены браслетообразные завязанные височные кольца. «Эти кольца заплетались в волосы косичками, толщиной в мизинец, из трех прядей волос каждая» [7]. В курганах Коханы височные кольца «заплетались маленькими косичками в волосы и прикреплялись к ним этим способом, не прибегая к помощи особых ремешков» [8].

При втором прослеженном нами способе ношения височных колец они не вплетались в волосы, а крепились к головному убору. В этом случае все кольца найдены не в районе виска, а на уровне ушей, перекрывая их. Так, в кург. 2 могильника Новинки I, в погребении на горизонте с северо-западной ориентировкой сохранился фрагмент ткани в районе левого уха. Ткань сложена вдвое. В нее продето проволочное височное кольцо среднего размера (рис. 2, *6*).

В кург. 4 (Новинки I) в могильной яме на черепе с западной ориентировкой также сохранились фрагменты от головного убора. Справа на уровне уха в ткань было продето трехбусинное височное кольцо, а многобусинное подвешено на ремешке [9].

В кург. 17 (Новинки I) женское захоронение в яме с северо-западной ориентировкой находилось в необыкновенно узкой колоде. На уровне левого уха сохранилось височное кольцо, продетое в ткань (рис. 2, *5*). Височное кольцо бронзовое с четырьмя полыми серебряными золоченными бусинами. На уровне правого уха сохранилось аналогичное височное кольцо.

В кург. 9 (Новинки II) в погребении, на горизонте с западной ориентировкой, по сторонам черепа находился тлен черного цвета. На уровне ушей войлок(?) был проткнут тремя проволочными височными кольцами среднего размера со слегка заходящими друг за друга концами (рис. 3). По заключению реставраторов Государственного исторического музея, характер тлена больше всего напоминает войлок.

На уровне уха найдены височные кольца также в сочетании с головным убором, расшитым бляшками. Так, в кург. 36 могильника Новинки I об-

---

[5] Бусины не сохранились и обнаружены на рентгенографическом снимке в Гос. центр. художественной научно-реставрационной мастерской, № 6/47 за 1971 г.

[6] Н. И. Булычев. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М., 1899, стр. 51.

[7] Там же, т. XXVI, 19.

[8] Там же, стр. 69, 70.

[9] В отличие от других территорий здесь почти не найдено височных колец, продетых в ремешки для подвешивания к головному убору, но встречены отдельные фрагменты ткани, в которые височные кольца были продеты.

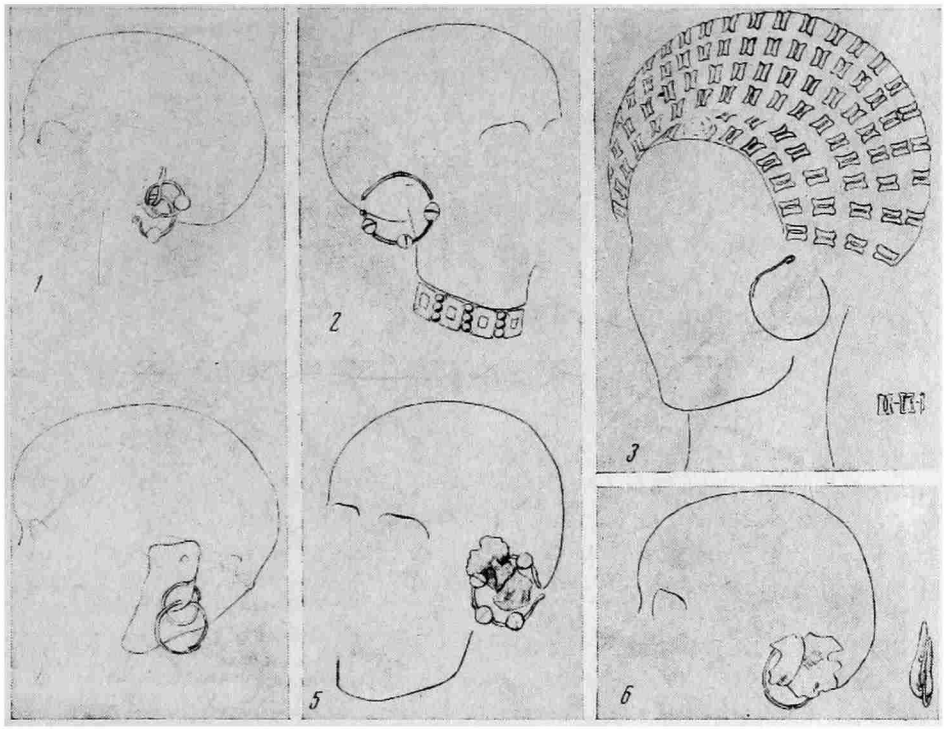


Рис. 2. Второй и третий способ ношения височных колец по материалам могильника Новинки I. Второй способ ношения височных колец: *3* — кург. 36; *5* — кург. 17; *6* — кург. 2. Третий способ ношения височных колец: *1* — кург. 12; *2* — кург. 15; *4* — кург. 50

наружено погребение в яме, ориентированное головой на запад. На черепе прослежен головной убор, аналогичный найденному Н. И. Савиным в могильнике близ Харлапова в кург. 8 [10]. В нашем погребении, так же как и у Н. И. Савина бляшки из оловянисто-свинцового сплава располагались на черепе дугообразно от виска к виску (рис. 2, *3*). В кург. 36 на головном уборе шесть рядов бляшек, крайние из которых отстояли на 10 *см* выше черепа. Форма бляшек разная (округлая и удлиненная). Лучше сохранились бляшки у висков. Это прямоугольные бляшки удлиненной формы с фигурным коротким краем. По углам бляшек имеются дырочки для пришивания. Височные кольца, очевидно, крепились непосредственно к головному убору, так как находились на уровне ушей (рис. 2, *3*). Височные кольца сохранились плохо. Они загнутоконечные, проволочные, средней величины. В могильниках Новинки I и Новинки II известно 19 случаев расположения височных колец в районе ушей (кург. 2, 4, 12, 15, 17, 20, 23, 24, 33, 42, 43, 46, 49, 50, 59, 63, 66 — могильник Новинки I; кург. 8, 9 — могильник Новинки II).

Однако в этих курганах не все височные кольца составляли единое конструктивное целое с головным убором. Очевидно, некоторые из височных колец носились просто в ушах, как серьги. В качестве наиболее убедительного примера этого третьего способа ношения височных колец можно указать на находку из кург. 50 могильника Новинки I, раскопанного в 1970 г. Здесь в яме глубиной 1,3 *м* было открыто парное погребение, ориентированное головой на запад. На женском черепе с левой стороны сохранилась кожа с выступающим ухом, в которое было вдето проволочное бронзовое кольцо диаметром 2,2 *см* (рис. 2, *4*). Ниже лежало прово-

[10] Н. И. Савин. Раскопки курганов в Дорогобужском и Ельнинском уездах Смоленской губ. ПАК, II. Менск, 1930, стр. 225—226; Архив ЛОИА, ф — 2, д. № 182/1924, стр. 21.

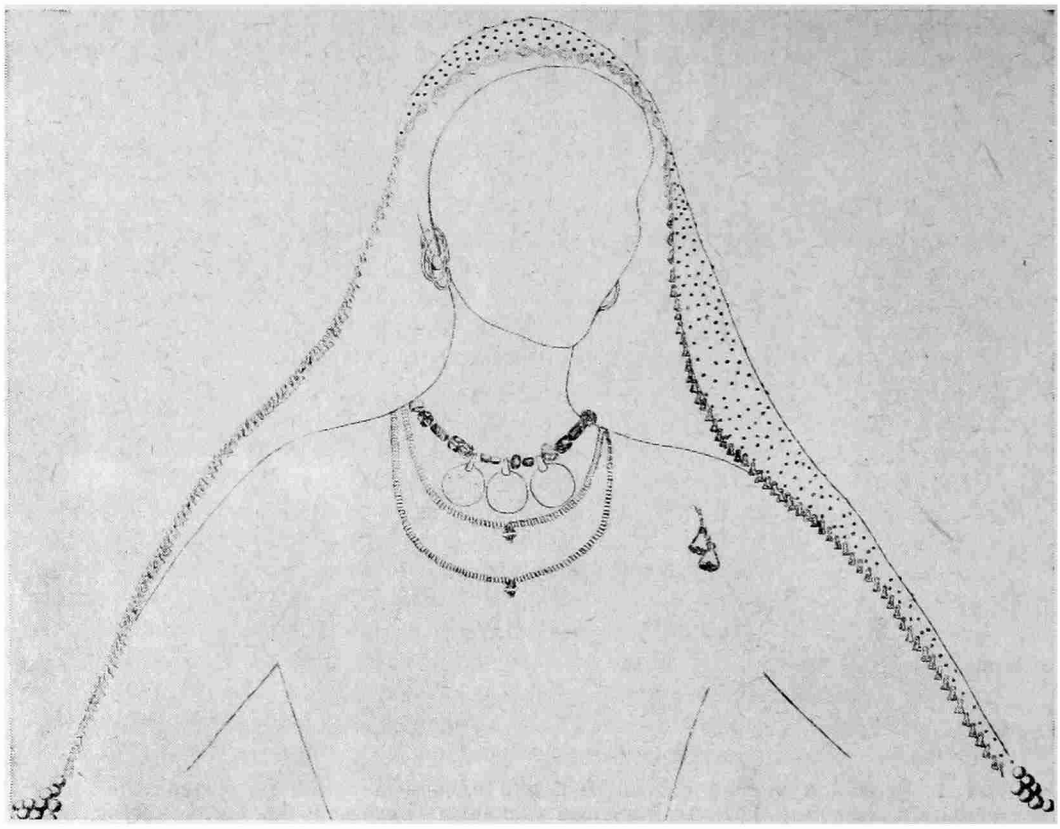


Рис. 3. Реконструкция головного убора по материалам кургана 9 могильника Новинки II

лочное кольцо большего диаметра — 3,5 *см*. Верхнее кольцо сломалось, и часть его была обнаружена на рентгенографическом снимке [11]. В остатках кожи, плотно скрепленной с поверхностью черепа, находился кусочек кольца длиною 1,5 *см*. Располагался он на 1 *см* ниже слухового отверстия и отстоял от костей черепа на 0,4 *см*. Местонахождение этого фрагмента кольца и свидетельствует о ношении колец в ушах. Справа от черепа также сохранилось два бронзовых проволочных кольца. Концы колец заходят друг за друга, на кольце большего диаметра сохранилась кожа, возможно, ухо.

Кольца в ушах очевидно, были также в женских погребениях из кург. 12 и 20 могильника Новинки I. В кург. 12 в могильной яме обнаружено погребение, ориентированное головой на северо-запад. На черепе слева сохранились кольца, продетые в ухо на разном уровне — в мочку и выше (рис. 2, *1*). Кольца проволочные серебряные, диаметр колец 2,5 *см*. Одно кольцо с несомкнутыми концами, другое загнутоконечное. На кольцах нанизано по одной бусине. Бусины серебряные полые с поперечным швом. С правой стороны черепа сохранился также фрагмент уха и два однобусинных кольца. Одно из колец проволочное, с сомкнутыми концами, другое из двух перевитых серебряных проволочек с нанизанной на них аналогичной бусиной.

В кург. 20 в могильной яме находилось женское погребение, ориентированное головой на северо-запад. Интересно, что в районе ушей, с двух сторон черепа, также найдено по два однобусинных кольца. Наличие по нескольку колец в ухе было отмечено еще Н. В. Тухтиной в 1960 г. в кург. IV, погребение 2 Бабаевского курганного могильника, где сохрани-

[11] Гос. центр. художественная научно-реставрационная мастерская, № 6/53, 6/54 за 1971 г.

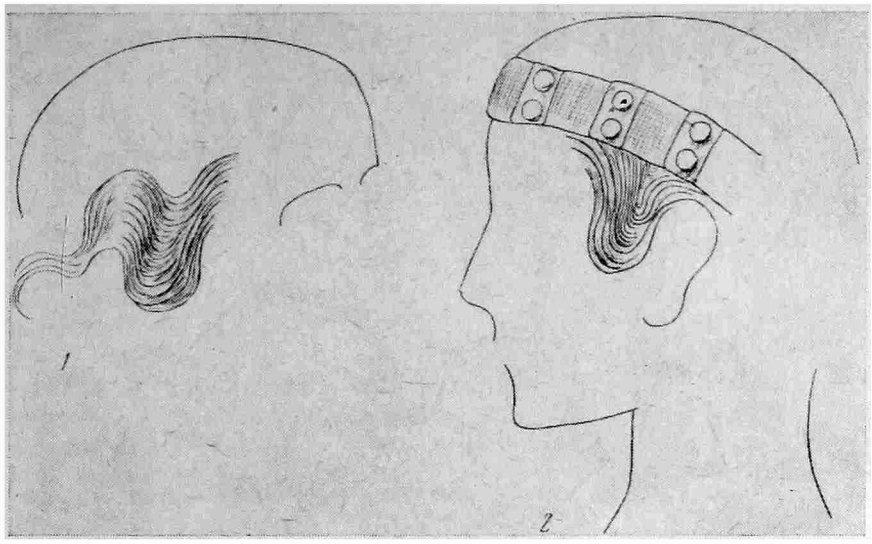


Рис. 4. Фрагменты прически: *1* — череп из кург. 42 могильника Новинки I; *2* — реконструкция по материалам из кург. 13, погребение 3 Покровского могильника Подольской обл.

лось ухо с проткнутыми в него восемью кольцами. На перстневидных кольцах были напущены синие стеклянные бусины [12].

Серьгами, по-видимому, являлись и трехбусинные височные кольца. Об этом свидетельствует их расположение на черепе (рис. 2, *2*). Они ни разу не встречены в районе виска. Как правило, там, где есть трехбусинные височные кольца, череп окрашен в районе уха и нижней челюсти. Очевидно, их или крепили к головному убору или носили в ушах [13]. В качестве серег, видимо, использовались и малые ромбощитковые кольца с 2—3 щитками. Это вторично использованные кольца, сделанные из сломанных больших колец. Во всех курганах они найдены в районе уха. В кург. 66 могильника Новинки I ромбощитковое кольцо с двумя щитками обнаружено продетым в кусочек кожи ниже слухового отверстия.

На основании анализа способов ношения височных колец можно придти к некоторым выводам и относительно типов головных уборов. Поскольку для первого способа обычно ношение височных колец в районе виска, в волосах, то естественно предположить отсутствие покрытия головы, что являлось характерным для девичьих головных уборов. Зафиксированные платки имели, видимо, сугубо погребальное назначение. Сохранившиеся волосы при описанном способе ношения колец говорят о существовании двух разновидностей девичьего головного убора: а) волосы расчесывались на прямой пробор, от висков заплетались косички, в которые продевали височные кольца и затем, очевидно, плелись две косы за ушами, о чем свидетельствует прямой пробор на затылке (кург. 31, 32); б) волосы расчесывались на прямой пробор, от висков заплетались косички, в которые продевались височные кольца, за ушами и на затылке волосы свободно спадали на плечи (кург. 76).

Помимо заплетенных косичек у виска, были зафиксированы еще интересные детали прически: волосы, уложенные в виде петли, спускающиеся перед ухом вниз от виска. Они как бы подстилают височные кольца. В могильнике Новинки I такая деталь отмечена четыре раза: (кург. 15, 32 — на левом виске; кург. 31, 42 — на правом виске (рис. 4, *1*)). Петли-локоны

[12] Н. В. Тухтина. Архив ИА, д. 2180, стр. 14.

[13] В Боснии раскопано 100 погребений XI—XV вв. Автор раскопок считает, что трехбусинные кольца носили на головном уборе и в ушах (S. Beslagic. Grborezi. Srednjovjekova nekropola. Sarajevo, 1964, XXVII, *1—4*).

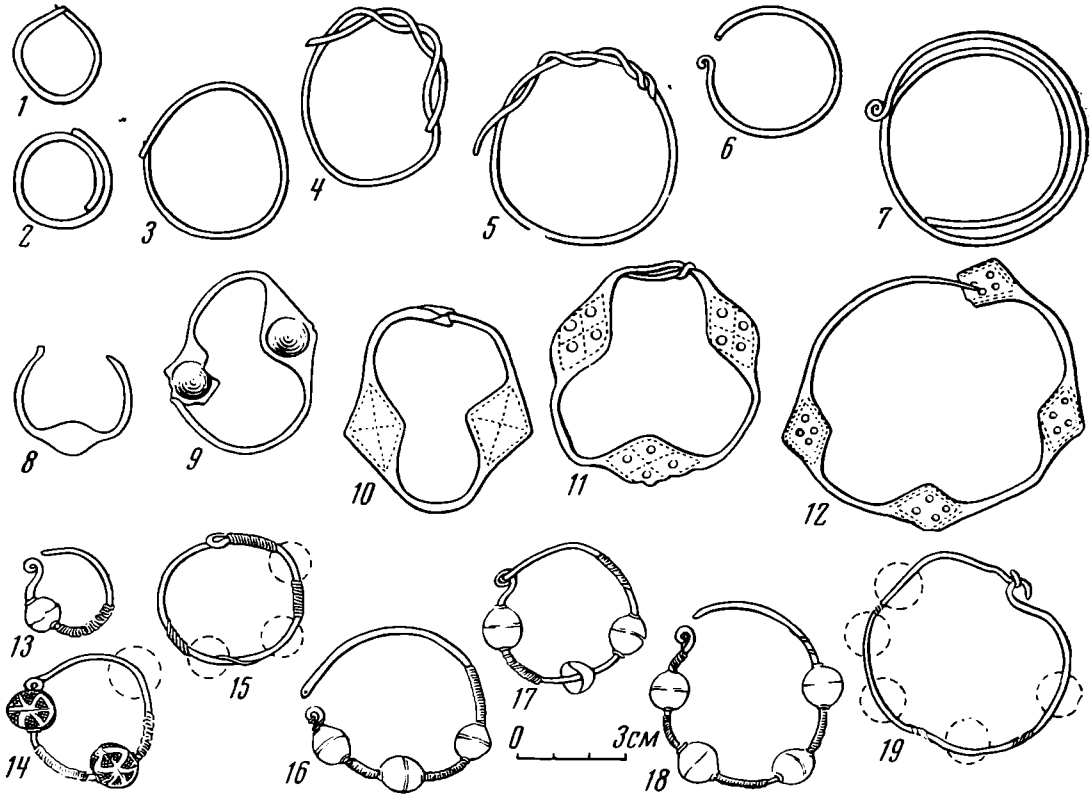


Рис. 5. Сводная таблица височных колец из могильников Новинки I, II. Могильник Новинки II: *1, 3* — кург. 9; *2* — кург. 2; *5* — кург. 10; *6* — кург. 8. Могильник Новинки I: *4* — кург. 24; *7—11* — кург. 42; *8, 14* — кург. 4; *9* — кург. 49; *10* — кург. 70; *12* — кург. 16; *13* — кург. 27; *15* — кург. 46; *16* — кург. 15; *17* — кург. 23; *18* — кург. 32; *19* — кург. 21

у виска особенно часто встречаются в женских погребениях вятичей. Авторы раскопок очень скудно отмечают детали причесок. Однако в коллекциях сохраняются волосы, окрашенные окислами металла от колец, снятые из области виска [14]. Аналогичная прическа была и у женщины из погребения 3 Покровского могильника (кург. 13). Убор погребенной состоял из шерстяной налобной повязки (сохранились ее остатки) с нашитыми поверх бронзовыми полусферическими бляшками, на которой держались восемь семилопастных серебряных височных колец, по четыре у каждого виска [15]. Под височными кольцами располагались волосы в виде петли (рис. 4, *2*).

В этой связи интересно вспомнить описание архаической девичьей прически, зафиксированной Ф. Волковым в начале XX в. на Правобережье Днепра: волосы разделялись на две части и затем на темени проводился пробор перпендикулярно первому; «отделенные волосы передней части головы расчесываются и спускаются немного по сторонам лба, образуя так называемые начесы, концы которых подкладываются за ушами под косы» [16]. Эта прическа называлась «у звьязки».

Возможно, в курганных материалах улавливается именно эта прическа, вызванная к жизни в эпоху, когда носили височные кольца. «Начесы» создавали как бы прокладку между виском и кольцами, совмещая эстетическое назначение и утилитарное.

[14] ГЭ, инв. № 1551/123, раскопки Г. П. Гроздилова 1940 г., Слевидово, к-2; ГИМ, инв. № 76118, раскопки А. П. Богданова 1865 г., Никульское, к-1.

[15] А. А. Юшко. Архив ИА, д. № 3058, раскопки 1965 г. в Подольском р-не.

[16] Ф. Волков. Украинский народ в его прошлом и настоящем. Сб. «Этнографические особенности украинского народа», II, Пг, 1916, стр. 455—647.

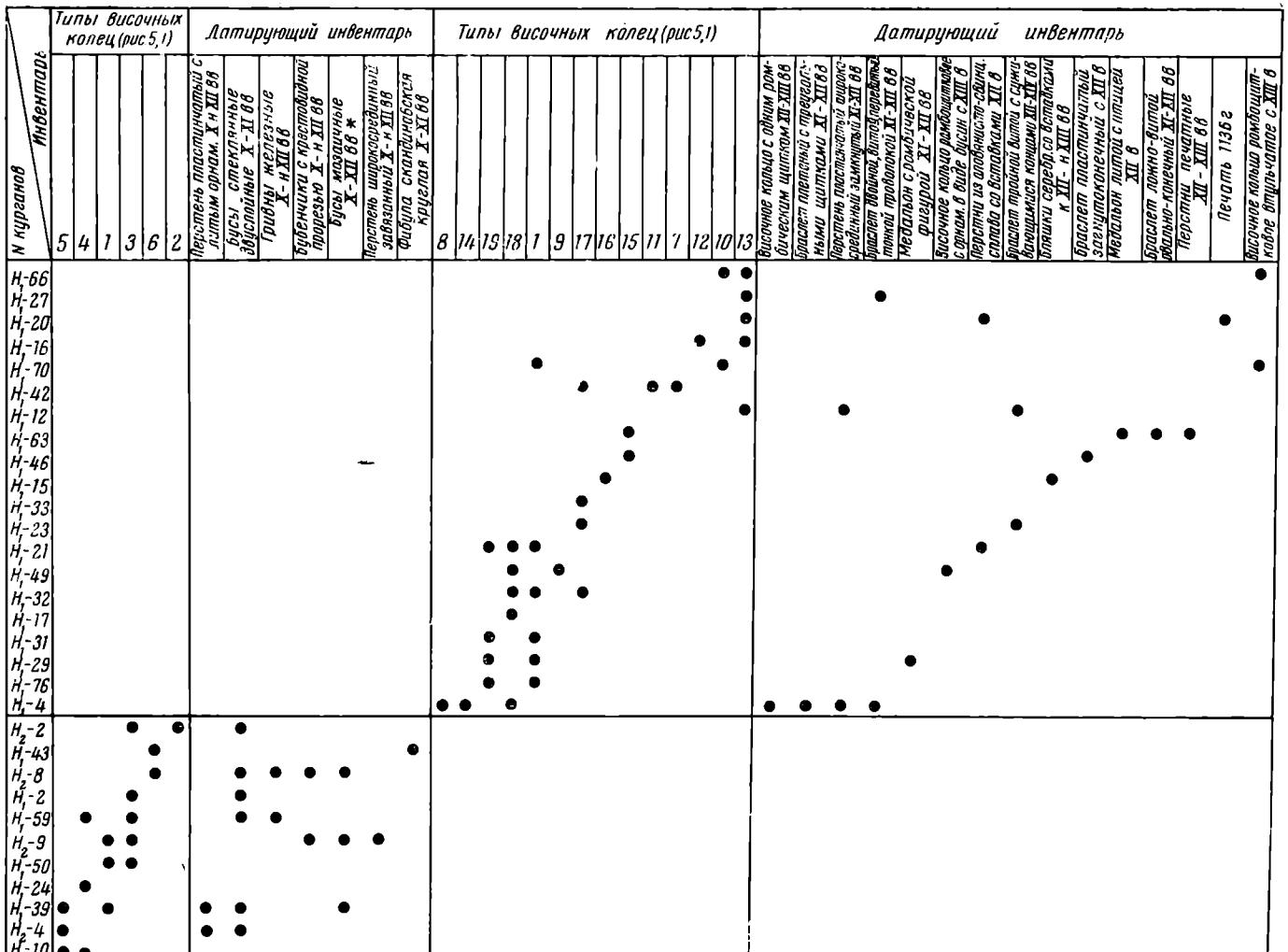


Рис. 6. Корреляционная таблица

* В поздней группе один раз встречены ранние мозаичные бусы (кург. 20, могильник – Новинки I) вместе с печатью XII в., что свидетельствует о преемственности культуры и не может быть датирующим признаком.

Находки же колец в районе уха, продетых в ткань, свидетельствуют о наличии головных уборов, покрывавших волосы, что обычно для замужних женщин. Головные уборы делались из шерстяной ткани, возможно, войлока и других материалов. Безусловно и наличие кокошника, расшитого металлическими бляшками, что особенно было распространено у кривичей и известно по раскопкам Н. И. Савина [17] и Е. А. Шмидта [18]. Видимо, кокошники носились как в сочетании с височными кольцами-подвесками, так и в сочетании с серьгами.

Следует упомянуть и о головном уборе, найденном в кург. 9 могильника Новинки II, где сверх височных колец, продетых в войлок, найдены бляшки из оловянисто-свинцового сплава и бисер. Бляшки были двух видов, с дырочками для пришивания. На лобной части черепа располагались бляшки ромбической формы (рис. 3). Бляшки треугольной формы с округлой вершиной спускались от висков, шли вдоль плечевых костей до уровня локтей и смыкались, идя полоской от локтя к локтю. Все пространство внутри бляшек было заполнено мелким черным бисером. Черный бисер найден также и на черепе, что говорит о едином уборе, находившемся на черепе и спускавшемся до пояса. Судя по уровню залегания бисера (под плечевыми костями и уровнем позвоночника), им было расшито покрывало. На уровне локтей слева и справа сохранились круглые предметы диаметром 1 *см* из темного металла (?), возможно, гирьки для оттягивания покрывала. Аналогичные платки-покрывала, расшитые бляшками, известны на территории кривичей [19]. В Акатове даже встречено покрывало, расшитое идентичными бляшками [20], доходившее как и в Новинках II, до середины спины. Близкие по форме трапециевидные подвески и бисер найдены также в Елизарове [21], где они украшали верх одежды и были нашиты на ткань.

Чтобы определить время бытования описанных головных уборов и деталей от них, составлена таблица (рис. 5). В ней приведены разные виды височных колец из 31 кургана могильников Новинки I, II. В пяти курганах они так плохо сохранились, что форма их не ясна. Височные кольца расположены по группам: проволочные перстневидные, средней величины, браслетообразные, ромбощитковые и бусинные. В каждой группе дано все разнообразие форм. Нами произведена корреляция височных колец с датирующими вещами (рис. 6).

В результате корреляции выявились две группы: в одну вошли кольца браслетообразные завязанные и кольца проволочные средней величины, которые ни разу не встречены с бусинными височными кольцами — группа I; в другую группу вошли височные кольца бусинные в сочетании с ромбощитковыми и перстневидными — группа II.

Первая группа колец известна во всех курганах с женскими погребениями могильника Новинки II и в шести курганах могильника Новинки I (2, 24, 39, 43, 50, 59). Во вторую группу вошли материалы 20 курганов могильника Новинки I.

В комплексах курганов группы I присутствуют следующие датирующие вещи.

1. Фибула скандинавская круглой формы, бронзовая, позолоченная. Орнаментирована сложной плетенкой с включенными в нее головками животных. Фибула найдена в круг. 24 (Новинки I) вместе с височными

---

[17] Н. И. Савин. Ук. соч., стр. 219—256; Архив ЛОИА АН СССР, д. 182/1924, 218/1929 (Харлапово — кург. 8; Милеево — кург. 1, 4, 8, 9).

[18] Е. А. Шмидт. Курганы XI—XIII веков у д. Харлапова в Смоленском Поднепровье. Материалы по изучению Смоленск. обл. Смоленск, 1957, стр. 240, 251, 252. 258, 264 (кург. 4, 17, 19, 28, 46); Архив ИА, д. 712, 1952 г.

[19] Н. И. Савин. Архив ЛОИА, д. 182/1924 (Харлапово — кург. 10).

[20] Н. Г. Недошивина. Архив ИА, д. 2278/1961 (Акатово — кург. 30).

[21] С. К. Богоявленский, Ю. В. Готье. Отчет о раскопках Елизаровского могильника Волоколамского уезда Моск. губ. 1900 г. «Древности», XIX, 2, 1901, стр. 57.

кольцами средней величины и стеклянными бусинами с золотой прокладкой раннего типа. Датируется концом X — серединой XI в. [22]

2. Бубенчики раннего типа (X—XI вв.). Грушевидной формы с коническим верхом и с крестовидной прорезью внизу, украшенные насечками. Найдены в кург. 8, 9 (Новинки II) вместе с набором ранних мозаичных бус ближневосточного происхождения и византийской бусиной, синей с белыми ромбами. По данным Ю. Л. Щаповой, дата их бытования X—XI вв. [23]

3. Перстень серебряный, пластинчатый широкосрединный, завязанный, найден в кург. 9 (Новинки II) в комплексе вещей, не выходящем за пределы XI в. Бытовали такие перстни с X и вплоть до XII в. [24]

4. Стеклянные двуслойные бусы с металлической прокладкой золотой и серебряной, основная масса которых относится к XI в. [25] Они найдены в кург. 2, 39, 59 — могильника Новинки I и в курганах 2, 4, 8 могильника Новинки II. Видимо, среди них есть бусы и русского производства (третий вариант, по данным Ю. Л. Щаповой [26]), но поскольку они найдены несколько раз в комплексах, не выходящих за пределы XI в., очевидно, это русские бусы XI в.

5. Железные гривны найдены во фрагментах. Они слегка перекручены. Максимальное распространение железных гривен, по данным М. В. Фехнер, падает на XI в. [27], хотя единичные случаи известны в конце XI — начале XII в. Найдены гривны в кург. 59 (Новинки I) и в кург. 8 (Новинки II). В кург. 8 они сосуществуют с мозаичными бусами и с ранними бубенчиками.

6. Перстни пластинчатые с литым орнаментом в виде зерни найдены в кург. 39 (Новинки I) и в кург. 4 (Новинки II). Такие перстни на территории древней Руси встречены с монетами шесть раз: три раза с арабскими диргемами и три раза с монетами XI в. Эти перстни известны также в комплексах с ранними семилопастными височными кольцами. По данным Т. В. Равдиной, дата их бытования XI — начало XII в. [28] Иными словами, дата I группы — X—XI вв.

Комплексы курганов, вошедших в группу II, характеризуются отсутствием вещей старше XI в.

1. Самая ранняя находка в этой группе — литой медальон из оловянисто-свинцового сплава с ложнозерненным орнаментом и с ромбической фигурой из волют XI—XII вв. Найден в кург. 29 (Новинки I). Аналогичные изделия найдены в Новгороде в слое рубежа XI—XII вв. [29]

2. Литой медальон из низкопробного серебра с ложнозерненным орнаментом и птицей в центре. Медальон найден в кург. 63 (Новинки I). Подобные медальоны, изготовленные в имитационной форме в подражание более древним дорогостоящим, известны в Новгороде с XII в. [30]

3. Печать свинцовая 1136 г. По данным В. Л. Янина, она принадлежала сыну Всеволода (Гавриила) Мстиславича Владимиру (Ивану Гаврииловичу) [31].

---

[22] В. С. Дедюхина. Фибулы скандинавского типа. Тр. ГИМ, 43, 1967, стр. 130

[23] Ю. Л. Щапова. Стекло Киевской Руси. М., 1972, стр. 177, рис. 33 (*15, 24, 31*).

[24] Н. Г. Недошивина. Перстни. Тр. ГИМ, 43, М., 1967, стр. 265.

[25] М. В. Фехнер. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни. Тр. ГИМ, 33, М., 1959, стр. 160.

[26] Ю. Л. Щапова. О происхождении некоторых типов древнерусских бус. СА, 1962, 2, стр. 91.

[27] М. В. Фехнер. Шейные гривны. Тр. ГИМ, 43, стр. 56.

[28] Т. В. Равдина. Инвентари курганов вятичей. Доклад на секторе славяно-русской археологии ИА АН СССР, прочитанный 14 декабря 1972 г.

[29] М. В. Седова. Ювелирные изделия древнего Новгорода. МИА, 65, 1969, стр. 233.

[30] Там же, стр. 238.

[31] В. Л. Янин. Актовые печати Древней Руси X—XV вв. 1, М., 1970, стр. 122.

4. Наряду с перстнями очень широкой даты бытования — пластинчатыми широкосрединными и витыми с незамкнутыми концами (конец X — начало XIII в.) — встречен широкосрединный замкнутый из оловянисто-свинцового сплава. Он украшен выпуклинами, круглыми и треугольными, образующими розетку на ромбическом расширении щитка. Аналогичные перстни известны в слоях Новгорода XII—XIII вв.[32] Перстень найден вместе с тройным витым браслетом в кург. 12 могильника Новинки I.

В этой же группе найдены серебряные замкнутые печатные овальнощитковые перстни (кург. 63, Новинки I). Аналогичные перстни известны в Ленинградской и Новгородской областях из раскопок Л. К. Ивановского. Датируются они XII—XIII вв.[33] Перстни из оловянисто-свинцового сплава со вставками найдены в кург. 20 и 21 могильника Новинки I. Они имели широкую дату бытования, но основная масса перстней со вставками, по данным новгородской стратиграфии, относится к XII—XIV вв. Наши перстни ближе всего перстням известным в Новгороде в XII и XIII вв.[34]

5. Браслеты. Бóльшая часть браслетов сделана из оловянисто-свинцового сплава, сохранилась во фрагментах, и судить о форме браслетов трудно. Из хорошо сохранившихся надо отметить серебряный витой браслет с овальными щитками на концах, перевитый тонкой проволокой. Аналогичные браслеты известны в кладах XI — начала XII в.[35] Плетеный браслет из семи проволок с треугольными щитками для вставок. Найден браслет в кург. 4 могильника Новинки I. В. П. Левашова относит аналогичные браслеты к концу XI—XII вв. Браслет найден вместе с височным колечком, сделанным из овально-щиткового. Колечко с одним щитком (вторичное использование), очевидно, не ранее XII в. В этом же кургане найден перстень пластинчатый широкосрединный, замкнутый, который датируется новгородскими аналогиями XII—XIII вв.[36].

К этой же группе относятся витые из трех проволок браслеты с суживающимися концами из оловянисто-свинцового сплава. Они найдены в кург. 12, 23 могильника Новинки I. Браслеты с толстой средней частью и суживающимися концами известны в слоях Новгорода XII—XIV в.[37] В кург. 46 могильника Новинки I также найден браслет пластинчатый, загнутоконечный. Эти браслеты ни разу не встречены с монетами и характерны для вятических комплексов, в которых отсутствуют ранние вещи. Датируются они начиная с XII в.[38]

6. Ожерелье из прямоугольных пластинок серебряных, позолоченных с прямоугольными отверстиями для вставок. Найдены они в кург. 15 (Новинки I) (рис. 2, *2*). Аналогичные бляшки хорошо известны из кладов периода татаро-монгольского нашествия[39]. Такие бляшки были обнаружены и в раскопках Л. К. Ивановского на территории бывшей Петербургской губернии[40]. Находят их и на территории Белорусского Понеманья в могилах XII—XIV вв.[41] Судя по раскопкам А. А. Строкова в Борисоглебском соборе Новгорода, ранняя дата их бытования на Руси — конец XII в.[42]

В поздних курганах, как правило, уменьшается состав погребального инвентаря. В таком случае обнаруженные в них височные кольца сами яв-

---

[32] М. В. Седова. Ук. соч., стр. 255 и рис. 10, *36*.
[33] Н. Г. Недошивина. Перстни (приложение 31, 11).
[34] М. В. Седова. Ук. соч., стр. 256, 258, табл. 12, *10, 20, 23, 38*.
[35] Г. Ф. Корзухина. Русские клады. М.— Л., 1954, табл. XIV, *2*.
[36] М. В. Седова. Ук. соч., стр. 255, табл. 10, *27*.
[37] Там же, стр. 248.
[38] Т. В. Равдина. Инвентари курганов вятичей...
[39] Г. Ф. Корзухина. Русские клады, стр. 31; ГИМ, инв. № 49876 (Бляшки из клада 1903 г. на территории Михайловского монастыря в Киеве).
[40] МАР, 20, СПб., 1896 стр. 42.
[41] Ф. Д. Гуревич. Древности Белорусского Понеманья. М.— Л., 1962, рис. 111, *2—4*; К. В. Павлова. Могильник на территории окольного города древнего Новогрудка. КСИА АН СССР, 110, 1967, стр. 37—38.
[42] А. А. Строков. Раскопки в Новгороде в 1940 году. КСИИМК, XI, 1945, стр. 73.

ляются датирующим материалом. Так, в кург. 66 и 70 могильника Новинки I встречена самая поздняя форма щитковых височных колец — втульчатые, которые известны с XIII в.[43] В кург. 49 могильника Новинки I встречено височное кольцо, вторично использованное, с тремя щитками и орнаментом в виде выпуклин. Дата их бытования XIII в.[44]

Рассмотренный нами материал позволяет сделать ряд выводов, прежде всего о трех выявленных способах ношения височных колец. Так, можно высказать некоторые соображения о семейном положении погребенных. Первый способ ношения височных колец характерен для девушек, второй — для замужних женщин. Полевые наблюдения позволили также сопоставить девичью прическу домонгольского времени с прической Правобережья Днепра XIX—XX вв.

На основании корреляции выделена ранняя группа курганов (X—XI в.) и поздняя (конец XI—XIII в.), что наметило хронологические рамки бытования головных уборов. Исходя из данных могильника Новинки I и Новинки II, можно констатировать наличие в них разноэтничных височных колец и разной ориентировки погребений. Северная ориентировка, как известно, свидетельствует о присутствии финских элементов, наличие же браслетообразных щитковоконечных и браслетообразных завязанных височных колец говорит о сосуществовании новгородских словен и кривичей с финскими племенами. В этой связи интересно отметить превращение ромбощитковых височных колец под влиянием финских многобусинных височных колец в своеобразную форму: щитковое кольцо с полушаровидной выпуклостью во весь щиток (рис. 5, *2*). По способу ношения височных колец и типам головных уборов лучше выделяется кривический элемент. Погребения, содержащие раннюю группу вещей, также находят аналогии в древностях кривичей и в соседних с ними областях Волго-Клязьминского междуречья, где найдено максимальное число браслетообразных височных колец с завязкой на одну сторону[45]. Именно такого типа браслетообразные височные кольца найдены на могильнике Новинки I и II. На основании изложенного материала можно сделать лишь предварительные выводы о формировании населения Вологодского края. Только всестороннее и полное исследование всех курганных комплексов данных могильников позволит проследить процесс заселения этой территории.

M. A. Sabourova

COIFFE FÉMININE CHEZ LES SLAVES (D'APRÈS LES MATÉRIAUX DE LA MISSION DE VOLOGDA)

Résumé

L'article a pour l'objet d'étude les fragments des coiffes provenant des nécropoles Novinki I et Novinki II fouillées en 1969—1970 par A. V. Nikitine assisté de l'auteur. L'examen du matériel recueilli dans 36 tumuli comportant les sépultures féminines a permi d'en tirer un nombre de conclusions. Trois manières de porter les boucles temporales sont discernées: enlacées dans les cheveux (fig. 1, 2, 3); enfilées dans l'étoffe de la coiffe (fig. 2, 5, 5, 3), passées à travers le lobe des oreilles (fig. 2, 1, 4). Compte tenu de la manière de porter les anneaux temporaux l'auteur distingue les coiffes de jeune fille et celles des femmes mariées (fig. 3). On a réussi à délimiter les variétés des anciennes coiffes de jeune fille et de les confronter (fig. 1, 3) avec la coiffe archaïque de la rive gauche du Dniepr attestée éthnographiquement. Partant de la corrélation des boucles remporales avec les objets datés on a réussi à tracer les frontières de l'existence des matériaux étudiés et de distinguer deux groupes chronologiques. Les considérations préliminaires sont avancées concernant l'appartenance éthnique des coiffes.

[43] В. П. Левашева. Височные кольца. Тр. ГИМ, 43, стр. 25.

[44] Там же, стр. 25.

[45] В. В. Седов. Браслетообразные височные кольца восточных славян. Сб. «Новое в археологии». М., 1971, стр. 138, рис. 1.

Е. В. ВОРОБЬЕВА, А. А. ТИЦ

О ДАТИРОВКЕ УСПЕНСКОГО И БОРИСОГЛЕБСКОГО СОБОРОВ В ЧЕРНИГОВЕ

Два черниговских собора: Успенский и Борисоглебский занимают особое место в архитектуре Приднепровья. Образно говоря, это ключевые памятники для уяснения общего хода развития архитектуры XII в. Их лаконичный художественный облик сочетается с оригинальностью архитектурно-пластического декора и необычностью строительной техники, выделяя эти произведения черниговских зодчих среди типологически подобных им зданий.

Для правильного понимания процесса формирования нового стилевого направления в древнерусском зодчестве XII в. и его границ очень важно установить точную дату строительства Успенского собора Елецкого монастыря и Борисоглебского. К сожалению, датировка этих уникальных памятников до сих пор окончательно не установлена, что сказывается и на представлениях о ходе развития архитектуры на Руси в XII в. Такое положение дел вызывает необходимость еще раз проанализировать все «за» и «против», используя возможные дополнительные свидетельства для определения времени строительства Успенского и Борисоглебского соборов.

Среди датированных памятников новой стилистической группы, шестистолпных храмов с характерной порядовой кладкой и полуколоннами на фасадах, самым ранним является киевская церковь Богородицы Пирогощи (1132—1136 гг.). Однако это не значит, что она была построена первой среди этой стилистической группы памятников. Церковь Богородицы Пирогощи, расположенная на Подоле, большинством исследователей совершенно справедливо рассматривается как посадский храм, «построенный миром» [1]. В основу плана положена хорошо известная после постройки прославленного Успенского собора Киево-Печерской лавры (1073—1078 гг.) схема шестистолпного крестовокупольного здания. Несмотря на это, план здания размечен был с большими погрешностями: стены не прямолинейны, столбы подкупольного квадрата неодинаковые и имеют перекос, южная апсида значительно меньше северной (рис. 1). Ю. С. Асеев на основании этого делает правильное заключение, что допущенные неточности «свидетельствуют о несовершенных методах разбивки» [2], которую, надо полагать, выполнял не очень квалифицированный зодчий, а воплощали в жизнь не очень опытные каменщики совместно с посадским людом. Этим, видимо, следует объяснять и нарушение достаточно устойчивых соотношений общей ширины и длины шестистолпных храмов как 2 : 3 (20 и 30 «поясов Шимона»). В церкви Богородицы Пирогощи отношение ширины храма к его полной длине с апсидами составляет 3 : 4.

[1] См. И. Ц. Малышевский. О церкви и иконе св. Богородицы под названием «Пирогощи»... ЧОИДР, V, Киев, 1891, стр. 114; Антонин. Киево-Подольская Успенская соборная церковь. Киев, 1891; М. К. Каргер. Древний Киев. II. М.—Л., 1961, стр. 435—436; Ю. С. Асеев. Архитектура Южной и Западной Руси в XII—XIII вв. ВИА, 3, Л.— М., 1966, стр. 568.

[2] Ю. С. Асеев. Ук. соч., стр. 568.

Поэтому трудно предположить, что мастера, построившие «типичный храм торгово-ремесленного посада, не претендующий на большое значение в общем ансамбле города» [3], были новаторами в области строительной техники и положили начало новому стилистическому направлению в архитектуре XII в. Скорее можно думать, что они использовали новинку и повторили непривычную технику порядовой кладки и необычные архитектурные детали.

М. К. Каргер, тщательно изучивший киевское зодчество домонгольского периода, пришел к выводу, что «именно в этот переходной период (конца XI — начала XII в.), по-видимому, складывались основы новой строительной техники» [4]. Это заставляет искать предшественника церкви Богородицы Пирогощи в более ранних постройках. К сожалению, памятников начала XII в. сохранилось очень мало, и невольно приходится обращаться к сооружениям, дата строительства которых вызывает разногласия. Таким типологически и стилистически близким памятником является Успенский собор Елецкого монастыря, который датируется по-разному.

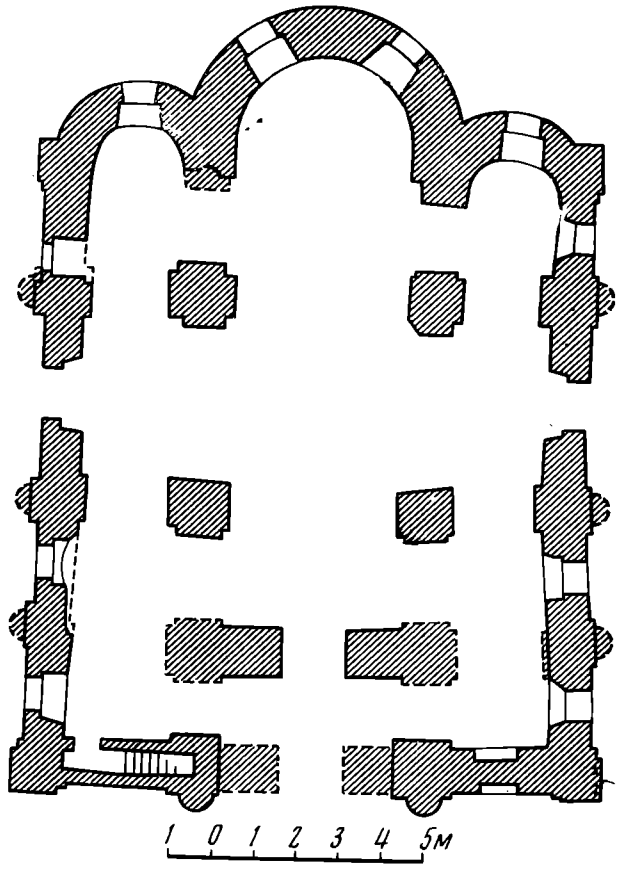


Рис. 1. Киев. План церкви Богородицы Пирогощи (1132—1136 гг.). Обмеры И. В. Моргилевского

Дореволюционные исследователи в большинстве случаев полагали, что Успенский собор был сооружен почти одновременно с основанием Елецкого монастыря в 70-х годах XI в. И. В. Моргилевский, изучавший храм в 1924 и 1926 гг., пришел к выводу, что Елецкую церковь следует считать постройкой XII в. [5], исследовавший этот памятник в 1949—1951 и 1951—1954 гг. Н. В. Холостенко доказывает, что он был построен в 1094—1097 гг. [6], Ю. С. Асеев предполагает, что собор был возведен в середине XII в. [7], а Г. Н. Логвин полагает, что он построен скорее во второй половине XII в. [8]

Мотивы отнесения даты строительства Елецкого собора к более позднему времени в основном обосновываются характером техники кладки, схожестью отдельных знаков на плинфе со знаками более поздних построек,

[3] Ю. С. Асеев. Ук. соч., стр. 568.
[4] М. К. Каргер. Ук. соч., стр. 479.
[5] Іполіт Моргилевський. Успенська церква Елецького монастиря в Чернігові. В Сб. «Чернігів і північна Наддніпрянщина», XXIII. Київ, 1928, стр. 200.
[6] Н. В. Холостенко. Архитектурно-археологическое исследование Успенского собора Елецкого монастыря в Чернигове. «Памятники культуры», 3, М., 1961, стр. 67.
[7] Ю. С. Асеев. Архітектура Середнього Придніпров'я та Галицько-Волинських земель у XII—XIII століттях. Історія українського мистецтва, І. Київ, 1966, стр. 201.
[8] Г. Н. Логвин. Чернигов, Новгород-Северский, Глухов, Путивль. М., 1965, стр. 82.

некоторой усложненностью его объемно-пространственной композиции (притворы, понижение боковых апсид, встроенная крещальня) и наличием архитектурно-пластических деталей, близких романскому зодчеству.

Однако если передвинуть дату сооружения Успенского собора на второе десятилетие XII в., что исторически вполне возможно, то удовлетворятся почти все точки зрения на датировку этого памятника и отпадут многие справедливые сомнения. Прежде всего вопрос техники кладки. М. К. Каргер, изучивший приемы строительства Киевской Руси, пишет: «Новая техника так называемой равнослойной кирпичной кладки хорошо известна в ряде памяников Киевской, Черниговской, Влидамиро-Волынской, Смоленской и Рязанской земель, начиная с 20-х годов XII в.» и подчеркивает, что «весьма существенно выяснить вопрос, когда же именно и где взамен старой техники начали применять новую, вопрос, от обоснованного решения которого будет зависеть, между прочим, уточнение датировок ряда важнейших памятников древнерусского зодчества» [9]. Переход к кладке стен из одного кирпича без включения рядов камня уже намечается в постройках конца XI в. Так, например, в наружных галереях Софии Киевской этого времени [10] уже почти не применяется камень [11]. Церковь Богородицы, которую в 1101 г. «заложи князь Володимеръ Манамахъ Всеволодичь в Смоленсце» [12], была выстроена целиком из кирпича и даже, возможно, с равнослойной кладкой [13]. Кроме того, начало применения равнослойной кладки нельзя связывать только с эволюцией древнерусской строительной техники, приходится учитывать возможность внесения нового типа кладки, достаточно простой в производстве, и мастерами, знакомыми со строительными приемами Византии.

В Константинополе переход к чисто кирпичной кладке происходит уже в XI в., причем «основная тенденция развития столичной кирпичной кладки заключалась в том, что с течением десятилетий росло стремление увеличить в наружных частях стен ширину швов цемяночного раствора» [14]. Следовательно, в столичной строительной школе процесс смены кладок шел в обратном направлении, и вполне естественно, что в конце XI — начале XII в. русские люди, бывавшие в Константинополе, сталкивались с образцами равнослойной кладки, которая в это время была распространена и должна была привлечь внимание человека, незнакомого с ней. Прославленный венецианский собор Сан Марко (XI в.), оказавший значительное влияние на западноевропейскую архитектуру, был выстроен в технике равнослойной кладки. Можно привести и другие примеры, подтверждающие возможность знакомства и использования этой несложной техники русскими мастерами в начале XII в.

К этому надо добавить, что половинный кирпич, необходимый для перевязки швов и выполнения равнослойной кладки, применялся на Руси с начала XI в. Размеры кирпича Елецкого собора, что очень важно, характерны для более ранних построек, включая даже сооружения первой половины XI в. В кладке Успенского собора встречается плинфа толщиной 2,5—4 *см*. А как известно, для строительства XII в. характерно увеличение толщины кирпича. Употребление для изготовления кирпичей каолиновой глины свидетельствует также в пользу более ранней даты строительства (таблица).

Следующий довод, на основании которого дата Успенского собора Елецкого монастыря отодвигалась даже ко второй половине XII в.— это

---

[9] М. К. Каргер. Ук. соч., стр. 423.

[10] Н. И. Кресальный датирует наружные галереи серединой XI в. Н. И. Кресальный. Новые исследования северо-западной башни Софии Киевской. «Древнерусское искусство», М., 1972, стр. 68.

[11] М. К. Каргер. Ук. соч., стр. 181.

[12] Никоновская летопись, 1101 г.

[13] М. К. Каргер. Ук. соч., стр. 425.

[14] Н. И. Брунов. Архитектура Византии. ВИА, 3, М.— Л., 1966, стр. 84—85.

Памятник и дата	Размер кирпича, см	Характер кладки	Тип глины	Ширина, м	Длина с апсидами, м	Отношение ширины к длине с апсидами	Отношение ширины к длине без апсид
Успенский собор Елецкого монастыря в Чернигове 1110—1120 гг.	35×27×2,5 33×26×2,5—3,0 34×26×3,0—3,5 32×28×4,0	Порядковая с односторонней верхней подрезкой	Каолиновая	19,65	29,35	2:3	4:5
Борисоглебский собор в Чернигове 1120—1123 гг.	34×24×3,5 31×27×4,0 34×28×4,5—5,0	То же	То же	18,25	27,00	2:3	4:5
Церковь Богородицы Пирогощи в Киеве 1132—1136 гг.	30×26—25×4,0 32×26×4,0—4,5 29×26×4,5—5,0	»	Местная	18,20—17,20	24,25	3:4	5:6
Юрьевский (Успенский) собор в Каневе 1144 г.	35×23×3—4,5 31×22—21×4,5—5,	»	»	17,00—17,40	25,50	2:3	4:5
Собор Кирилловского монастыря в Киеве 1147 г.	30×18×4,5—5,0 28×19×5,0 32×22×5,0 28×22×5,0—5,5	»	»	22,40	31,5	∞5:7 $1:\sqrt{2}$	5:6

знаки на кирпиче. Но пока еще нельзя с достаточной научной обоснованностью датировать архитектурное сооружение на основании только княжеских знаков. Доказательством этому служит, например, тот факт, что знаки на плинфе Михайловской церкви (1174 г.) мало похожи на знаки Благовещенского собора (1186 г.), хотя их разделяет всего 12 лет и строил их один и тот же князь — Святослав Всеволодович [15]. Причем метки княжеских мастеров на кирпичах Благовещенского собора, по времени чрезвычайно близкого Пятницкой церкви, имеют очень мало общего со знаками этой церкви и ближе меткам на кирпичах более ранних построек Чернигова. А княжеские знаки Михайловской церкви, построенной раньше Благовещенского собора, зачительно ближе к меткам мастеров Пятницкой церкви.

Таким образом, учитывая большое число случайных факторов, связанных с простановкой и начертанием знаков на плинфах, а также и их обнаружением, приходится констатировать, что княжеские метки Успенского собора, обладающие своей спецификой, не противоречат предлагаемой датировке — второму десятилетию XII в.

Теперь рассмотрим возможность возникновения несколько усложненной объемно-пространственной композиции Елецкого собора в это время. Крестообразную схему плана с притворами имела церковь Спаса на Берестове. Родовая усыпальница Мономаховичей датируется концом XI—началом XII в. [16] и связывается с временем княжения Владимира Мономаха в Киеве (1113—1125 гг. [17]). Кроме того, со значительной степенью вероятности можно полагать, что Михайловский собор в Переяславе (1087 г.) имел притоворы, аналогичные Елецкому [18]. Следовательно, в Елецком монастыре во втором десятилетии XII в. могли уже использовать это нововведение. Понижение боковых апсид по отношению к цент-

[15] См. таблицу княжеских знаков, приведенную Н. В. Холостенко (Н. В. Холостенко, Ук. соч.), стр. 66, рис. 9.

[16] Н. Н. Воронин. Зодчество Киевской Руси. ИРИ, I. М., 1953, стр. 142; М. К. Каргер. Ук. соч., II, стр. 391.

[17] Ю. С. Асеев и П. Н. Максимов. Архитектура древнерусского государства (X — начало XII в.). ВИА, 3, Л.— М., 1966, стр. 556.

[18] М. К. Каргер. Памятники переяславского зодчества XI—XII вв. в свете археологических исследований. СА, XV, 1951, стр. 57.

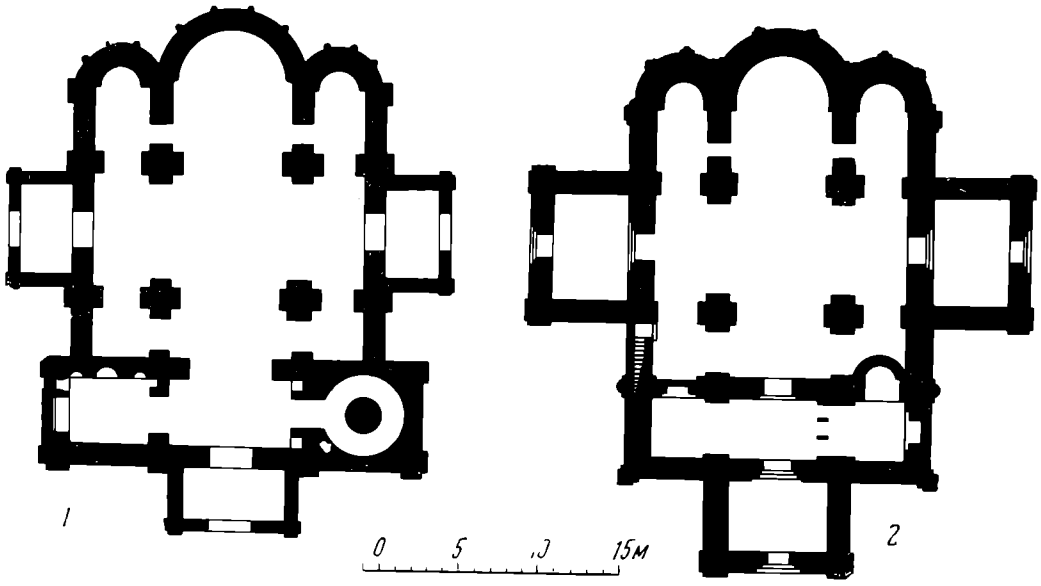


Рис. 2. *1* — Киев. План церкви Спаса на Берестове (конец XI — начало XII в.). Реконструкция М. К. Каргера; *2* — Чернигов. План Успенского собора Елецкого монастыря (1110—1120 гг.). Реконструкция Н. В. Холостенко

ральной вообще не было новым для черниговских зодчих, так как в Спасском соборе (1030—1038 гг.) крайние апсиды ниже средней. Этот прием в меньшей степени использовался и в киевских постройках (Софийский собор — 1037 г., Успенский собор Печерского монастыря 1073—1078 гг., собор Михайловского Златоверхого монастыря — 1108 г.). Внесение крещальни внутрь могло быть выполнено также под влиянием церквей Выдубицкого монастыря (1070—1088 гг.) и Спаса на Берестове, в которых в нортексе устроены маленькие баптистерии (рис. 2). Таким образом, усложнение объемно-пространственного решения не являлось чем-то необычным и невозможным для начала XII в. Черниговские зодчие только обобщили искания предыдущих мастеров и применили их к широко известной типовой схеме шестистолпного храма, о чем говорит и точное соблюдение отношения ширины к длине, равное 2 : 3.

Остаются, таким образом, так называемые романские детали: аркатурный фриз и полуколонны. Их появление в начале XII в. в Чернигове тоже легко объяснимо. Конец XI в.— это начало расцвета романского зодчества в основных западноевропейских странах. Можно назвать десятки памятников, которые к началу XII в. имели простой аркатурный фриз и могли быть известны русским мастерам [19]. Мотив арочного завершения барабанов церквей применялся на Руси повсеместно и его трансформация в аркатуру тоже не представляла технических трудностей, тем более что строительная культура Чернигова была очень высокой [20]. Следует также учитывать схожесть общественных явлений и идеологических воззрений в эпоху средневековья. Близость «этого общего процесса в Западной Европе и в России, несмотря на громадные особенности последней как в экономическом, так и во внеэкономическом отношении» [21], отмечал В. И. Ленин. Наконец, нельзя сбрасывать со счетов культурные связи, которые способствовали переносу отдельных художественных форм, по типу «бродячих

[19] Г. Комо, церковь Сант Аббондио (1063—1091 гг.); г. Модена, собор (1099—1184 гг.); г. Турню, Сен-Филибер (970 г.— XII в.); г. Невер, Сент-Этьенн (1063—1097 гг.); г. Кельн, церковь св. Панталеона (конец X в.); г. Трир, собор (первая четверть XI в.) и др.

[20] Ю. С. Асеев. Архитектура Южной и Западной Руси в XII—XIII в. ВИА, 3, стр. 571—572.

[21] В. И. Ленин. Развитие капитализма в России. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 7.

сюжетов» в фольклоре, которые в каждой стране либо приживались, при наличии почвы для них и приобретали национальную окраску, либо не оставляли заметного следа в художественной культуре. Арочный пояс, хорошо согласовывавшийся с арками закомар, с криволинейными плоскостями апсид и барабанов, с ритмом арочных проемов и ниш, вполне естественно, получил развитие и в русских землях.

Трудно установить точно тот путь, да это и не так важно, как проникали отдельные формы романской архитектуры и ее художественные принципы на Русь. Во всяком случае такими каналами, несомненно, являлись родственные связи князей и паломничество, которое в XI в. получило особое развитие [22]. Родственные связи русских князей подчас были очень широки. Например, у Владимира Мономаха, княжившего и в Чернигове, мать была дочерью византийского императора Константина Мономаха, а его сестра была замужем за германским императором Генрихом IV. Сам Владимир женился на дочери английского короля Гаральда Гите, а своих дочерей выдал за византийского царевича Льва и венгерского короля Коломана. Все брачные союзы были связаны с приездом или отправкой посольств с ценными дарами и содействовали культурному общению стран. Многие русские люди бывали в Константинополе и, очевидно, видели усыпальницу императора Романа Лекапина, построенную не позднее 944 г. Эта крупная трехнефная крестовокупольная постройка, превращенная турками в мечеть Будрум, имела кирпичные полуколонны в местах лопаток [23] (рис. 3). Небезынтересно, что кладка церкви Романа чисто кирпичная, без добавления камня, порядовая на широком слое цемяночного раствора. Не исключена возможность, что эта постройка или, например, церковь Богородицы в Фессалониках (1028 г.), у которой к некоторым лопаткам приставлены полуколонны [24], послужила источником для творческих поисков черниговских мастеров. Ведь в те времена вереницы пилигриммов разносили рассказы о заморских дивных храмах, а бродячие артели ремесленников переносили из страны в страну наиболее распространенные и полюбившиеся художественные приёмы. Надо полагать, что многие русские паломники видели церковь Сан Никола в г. Бари, в этом транзитном пункте для пилигримов, направлявшихся в Палестину. Большая крипта и алтарная часть этого храма, оказавшего влияние и на другие постройки юга Италии, были закончены к 1098 г. и украшены аркатурой [25]. Много повидал и черниговский игумен Даниил [26], посетивший

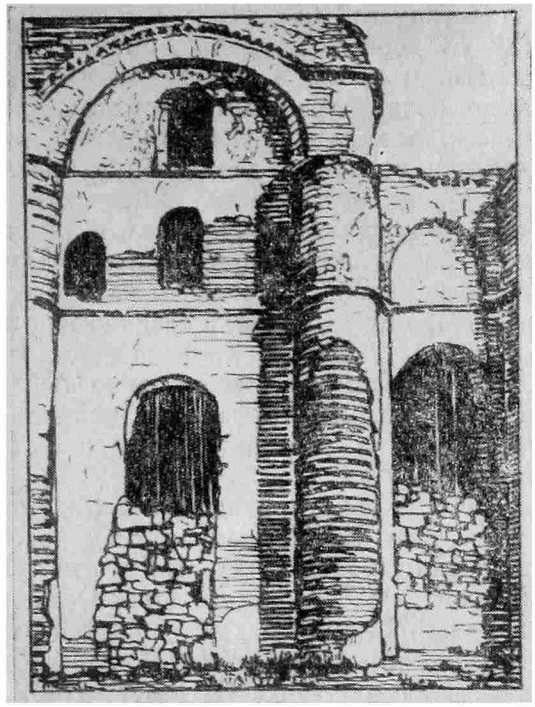


Рис. 3. Константинополь. Усыпальница Романа Лекапина (мечеть Будрум). Фрагмент южного фасада (не позднее 944 г.)

[22] Н. В. Водовозов. История древней русской литературы. М., 1972, стр. 58.
[23] Н. И. Брунов. Архитектура Византии. ВИА, 3, стр. 95—96.
[24] Там же, стр. 138.
[25] В. Ф. Маркузон. Архитектура Италии. ВИА, 4, стр. 315, 316.
[26] В. В. Данилов. К характеристике игумена Даниила. Тр. ОДРЛ, X, М.— Л., 1954, стр. 101.

Палестину в 1106—1108 гг. В своем замечательном рассказе о путешествии «Хождение игумена Даниила», он подробно описывает виденные им здания, монастыри, святые места, причем не фантазируя, а как «видех очима своима грешными по истине». Стремясь быть точным, Даниил указывает на местоположение зданий, их форму, число дверей, окон, строительный материал, дает оценку прославленного сооружения в Иерусалиме церкви Воскресения, показывая: «Есть же церковь та Воскресения образом кругла, всямокачна и в дле и в преки имать же сажень 30. Суть же в ней полати пространьны, и тамо горе живет патриарх. И есть же от дверей гробных до стены великаго олтаря сажен 12. Ту есть вне стены за олтарем пуп земли, и создана над ним комарка, и горе написан Христос мусиею...[27]. Человек практического ума, интересующийся строительной и экономической стороной монастырских хозяйственных дел, Даниил, естественно, мог перенести понравившиеся ему новые архитектурные элементы на родную землю, о которой он, большой патриот, всегда помнил.

Четыре года проводит на Балканском полуострове и черниговский князь Олег Святославич, после чего княжит до 1096 г. в Чернигове[28]. Не исключена возможность, что князю на глаза попалась церковь № 1 в Преславе на Бяли Бряг, датируемая началом X в. Этот небольшой трехапсидный каменный храм с нортексом имел полуколонны на лопатках на северной и южной стенах[29]. Аналогичные полуколонны были устроены и в интерьере (рис. 4). Любопытно, что на западном фасаде этого храма полуколонн, как и в Успенском соборе Елецкого монастыря, не было.

Можно, конечно, привести и другие факты, подтверждающие возможность появления в начале XII в. в Чернигове аркатурного фриза и полуколонн. Принятая дата строительства Успенского собора Елецкого монастыря — второе десятилетие XII в., несколько ранее Борисоглебского собора, как видно из анализа, вполне реальна и обоснована.

Косвенным свидетельством первенства собора Елецкого монастыря в группе аналогичных памятников является и отсутствие полуколонн на западном фасаде. Зодчие, возможно, еще не рискнули сделать непривычные детали на главном фасаде и ограничились только арочным фризом. Детально изучивший построение древнерусскими мастерами архитектурно-пространственной структуры культовых сооружений домонгольского периода, К. Н. Афанасьев пришел к выводу, что Успенский собор Елецкого монастыря «следует считать также одним из древнейших в ряду подобных храмов Киева и Чернигова, сооруженных в течение всего XII века»[30].

Остается еще проверить, имеются ли в начале XII в. исторические предпосылки для возведения каменного собора в Елецком монастыре. Такой весьма вероятной предпосылкой могло явиться пострижение сына черниговского князя Давида Святославича — Святослава, который оставил в 1106 г. «княжение, и честь, и славу, и власть и, не ценя всего этого, пришел в Печерский монастырь и сделался иноком»[31]. Это событие, несомненно, имело большой резонанс в феодальных кругах. В Киево-Печерском патерике прямо говорится словами врача князя Святослава, что «бояре твои» считают «тебя обезумевшим, какой князь делал так? Бла-

---

[27] Н. К. Гудзий. Хрестоматия по древнерусской литературе. М., 1952, стр. 51.

[28] Е. В. Михайловский. О датировке Успенского собора в старой Рязани. «Архитектурное наследство», 19. М., 1972, стр. 51.

[29] Никола Мавродинов. Старобългарското изкуство. София, 1959, стр. 166.

[30] К. Н. Афанасьев. Построение архитектурной формы древнерусскими зодчими. М., 1961, стр. 89.

[31] Киево-Печерский патерик. «Художественная проза Киевской Руси. XI—XIII вв.». М., 1957, стр. 160—161.

женный ли отец твой Давид или дед твой Святослав? Или кто из бояр поступал так?» [32]. Церковь в своих интересах использовала факт отречения князя и превращение его в «благоверного Святошу» и всячески восхваляла его поступок: «Никто на Руси не сделал того, что он: ни один князь по своей воле не стал иноком. Поистине он больше всех князей русских» [33]. Пострижение черниговского князя еще больше сблизило духовные круги Чернигова с Киево-Печерским монастырем, бывшие и без того достаточно близкими, после того как основатель Киево-Печерского монастыря Антоний вынужден был в 1068 г. искать защиту в Чернигове у князя Святослава Ярославича. Игуменом Киево-Печерской обители, когда туда пришел Николай Святоша, был Феоктист (1103—1112 гг.), при котором развернулось каменное строительство в монастыре. С именем черниговского князя Святоши связывают возведение Троицкой надвратной церкви Лавры (1108—1110 гг.) [34]. В 1113 г. «поставиша Феоктиста епископом Чернигову» [35] и весьма вероятно, что новопоставленный епископ, пользуясь родственными связями Святоши и черниговского князя для укрепления своего влияния, добивается возведения в Елецком монастыре каменного храма. Строительство Успенского собора в Чернигове продолжало политику Феоктиста, направленную на усиление роли русской церкви и Печерского монастыря. Не исключена возможность, что инициатором сооружения Успенского собора был также сын Давида Святославича Николай Святоша. Такое предположение достаточно правдоподобно, так как в Киево-Печерском патерике говорится, что «хотя он (Святоша) и много имел, но все то отдавал на нужды странников и нищих и на церковное строение» [36]. Новизна архитектурных форм Успенского собора вполне объяснима, учитывая любовь Святоши к книгам [37] и его светское образование, а также возможность влияния со стороны игумена Даниила, который, вернувшись из путешествия по Палестине, мог поделиться своими впечатлениями с деятельным и энергичным игуменом, а затем и епископом Феоктистом.

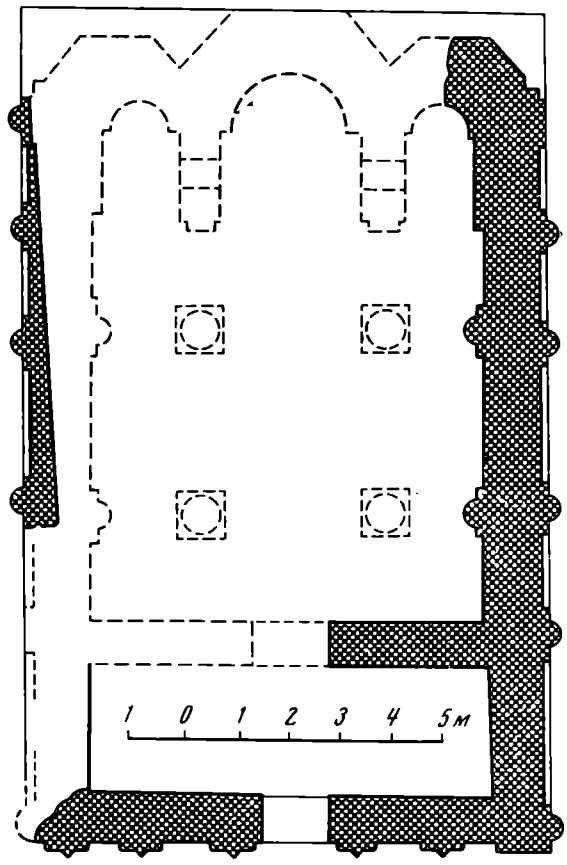


Рис. 4. Болгария. Преслав. План церкви № 1 в Бяли Бряг (начало X в.)

Близость архитектурных форм Успенского и Борисоглебского соборов отмечали почти все исследователи. Характер строительной техники, размеры, порядковая кладка с подрезкой швов, крестовые своды, аркатурный фриз и другие детали позволяют говорить даже об участии в строи-

[32] Киево-Печерский патерик, стр. 162.
[33] Там же, стр. 164.
[34] Ф. С. Уманцев. Троїцька надбрамна церква Киево-Печерської лаври. Київ, 1970, стр. 15.
[35] Лаврентьевская летопись, 1113 г.
[36] Киево-Печерский патерик, стр. 161.
[37] Там же, стр. 161.

тельстве храмов одних и тех же мастеров. Видимо, ряд мастеров остался в Чернигове и принял участие в строительстве Борисоглебского собора, о чем могут говорить и два однотипных княжеских знака, встречающихся на плинфах Успенского и Борисоглебского соборов [38].

К сожалению, датировка и этого уникального памятника древнерусского зодчества до сих пор окончательно не установлена. Большинство исследователей относят строительство собора к 1120—1123 гг. — времени княжения Давида Святославича [39]. Однако в основополагающих трудах по истории архитектуры и искусства дата строительства Борисоглебского собора либо не уточнена [40], либо высказывается предположение, что здание скорее всего было построено в 70-х годах XII в.[41] Это вызывает необходимость привлечения новых источников для уточнения даты строительства. Ученые, занимавшиеся атрибуцией Борисоглебского собора, мало связывали его строительство с развитием культа Бориса и Глеба, игравшего большую роль в идеологии того времени. Изучение материалов о культе первых русских святых позволяет выдвинуть еще ряд аргументов в защиту даты строительства собора при Давиде Святославиче — 1120—1123 гг. М. Х. Алешковский датирует «первую канонизацию Глеба и Бориса не эпохой Ярослава, а временем Ярославичей, 1072 годом» [42]. Во всяком случае развитие культа Бориса и Глеба падает на вторую половину XI — начало XII вв.

В 1073 г. князь Святослав Ярославич начинает строить огромный каменный храм-мавзолей в Вышгороде «страстотерпцам» Борису и Глебу. Заканчивает это мемориальное сооружение брат Святослава — Всеволод Ярославич. Законченный храм «съкрушися» и был восстановлен сыном Святослава Ярославича — Олегом. Однако храм был освящен только после смерти киевского князя Святополка Изяславича, поскольку, отмечает летописец, «не сам бяше ее създал цьркве тоя» [43]. В мае 1115 г. состоялся торжественный перенос гробниц Бориса и Глеба, но и тут не обошлось без распри между Святославичами и Владимиром Мономахом по вопросу о месте расположения гробниц [44]. Все это говорит о большом политическом значении, придаваемом популяризации культа, и стремлении использовать его в своих узкоклассовых целях. Из святых мучеников, приносивших, согласно народным представлениям, исцеление от недугов, Борис и Глеб в начале XII в. превращаются в святых воинов, в идеализированный образ заступников-охранителей Руси от врагов. Этот образ прекрасно отвечал феодальной идеологии, которая, опираясь на церковь, проповедовала подчинение сильным мира сего. Неслучайно две могущественные ветви русских князей дети Всеволода Ярославича и Святослава Ярославича использовали культ Бориса и Глеба в своих политических интересах. Покровительство Глеба семье Святослава всячески афишировалось и нашло впоследствии отражение в анонимном «Сказании о Борисе и Глебе», в котором рассказывается о чуде, когда при перенесении мощей Бориса и Глеба в 1072 г. ноготь Глеба чудодейственным образом оказался под шапкой

---

[38] Н. В. Холостенко. Ук. соч., стр. 66.

[39] К. Н. Афанасьев. Построение архитектурной формы древнерусскими зодчими. М., 1961; И. П. Игнаткин. Чернигов. М., 1955; А. А. Карнабіда. Чернігів. Київ, 1969; Г. Н. Логвин. Ук. соч.; Г. Г. Павлуцкий. Древнейшие храмы Киева и Чернигова; И. Э. Грабарь. История русского искусства, т. I, изд. Кнебель; Б. А. Рыбаков. Древности Чернигова. МИА, 11, I, 1949, стр. 89; Н. В. Холостенко. Архитектурно-археологическое исследование Успенского собора Елецкого монастыря в Чернигове. «Памятники культуры», 3; и др.

[40] ИРИ, I, М., 1953.

[41] ВИА, 3, Л.— М., 1966; Історія українського мистецва. I, Київ, 1966.

[42] М. Х. Алешковский. Русские глебоборисовские энколпионы 1072—1152 годов. «Древнерусское искусство». Художественная культура домонгольской Руси. М., 1972, стр. 124.

[43] Жития мучеников Бориса и Глеба. Памятники древнерусской литературы, 2, Пг., 1916, стр. 64.

[44] М. К. Каргер. Древний Киев, стр. 310—336.

черниговского князя Святослава Ярославича [45]. Владимир Мономах своим патроном считал Бориса, в честь которого и назвал Романом (Борисом) одного из сыновей. В своем «Поучении», описывая, как ему с «детьми и женами» удалось проехать «сквозь полки половецкие», которые стояли «точно волкии». Владимир Мономах объясняет это тем, что «бог и святой Борис не выдали меня им на поживу, невредимы дошли мы до Переяславля» [46]. Соперничество князей и их стремление укрепить свой авторитет с помощью церкви получило отражение и в «Житиях Бориса и Глеба», где отмечается, что в 1115 г. во время перенесения мощей в новую церковь в Вышгороде с саркофагом Бориса идет Владимир Мономах, а не старший по возрасту и генеалогии Давид Святославич, который сопровождает саркофаг своего патрона Глеба-Давида [47]. Вполне естественно, что Владимир Мономах, став в 1113 г. в обход старшинства киевским князем, строит на Альтском поле, где был убит князь Борис, храм, посвященный своему патрону (1117 г.). Строительство каменной церкви являлось серьезным политическим актом, который отражал идеологические воззрения князей, показывал их политическую ориентацию и утверждал их место в генеалогическом древе. Храм на Альтском поле был воздвигнут Мономахом в целях упрочения своего положения в Киеве, для подкрепения своих прав на княжение (с помощью святого патрона Бориса, воина и защитника Руси) и в какой-то мере в проотивовес храму-мавзолею Бориса и Глеба, построенному в Вышгороде Святославичами. В этой ситуации вполне понятно, что Давид (Глеб) Святославич, которому по праву старшинства должен был принадлежать великокняжеский престол, отвечает Владимиру Мономаху строительством в Чернигове Глебоборисовского храма (в 1120—1123 гг.) и превращает его в родовую усыпальницу Святославичей. Вспомним, что именно Давид Святославич в 1115 г., нарушая традиции, сопровождал саркофаг Глеба. Глеб, княживший в Муроме, рассматривался как предшественник по княжению и покровитель рода Святославичей, а Борис, княживший в Ростове — Мономаховичей [48]. Не случайно и Святослав Ярославич назвал двух сыновей Глебом и Давидом.

Время княжения Давида Святославича (1097—1123 гг.) наиболее спокойный период для Черниговского княжества, который сменил время острой борьбы за Чернигов Владимира Мономаха, Олега Святославича и Давида Святославича. Любеческий съезд князей (1097 г.) утвердил право Давида Святославича на Чернигов. Политическая победа, закрепившая права престолонаследия Святославичей, удачные походы на половцев в 1103 и 1112 гг., когда Давид Святославич «придоша в Русь с полоном великым и с славою» [49] были, несомненно, достаточным поводом для строительства собора, посвященного небесному покровителю Глебу. Подтверждением того, что фундатором Глебоборисовского (как он назывался сначала [50]) храма в Чернигове был Давид Святославич, является свидетельство о его захоронении в нем, а также его сына Изяслава. В противном случае Давида Святославича похоронили бы, конечно, в Спасском соборе, где были похоронены черниговские князья: Мстислав, Святослав Ярославич, Глеб Святославич и др. Летописец, описывая смерть Изяслава Давидовича в 1161 г., отмечает следующее: «Убьен же бысть Изяслав... и оттоле (с поля боя) послаша и Чернигову. Святослав (Ольгович) же спрятав тело его с слезами и положиша тело его в отни ему церкви у святою

[45] Д. И. Абрамович. Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. Пг., 1916, стр. 56.

[46] Поучение Владимира Мономаха. Художественная проза Киевской Руси XI—XIII вв. М., 1957, стр. 124.

[47] М. Х. Алешковский. Русские глебоборисовские энколпионы. «Древнерусское искусство». М., 1972, стр. 117.

[48] Муром входил в отчину Святослава.

[49] Лаврентьевская летопись, 1103 г.

[50] Ефимов. Черниговские кафедральные соборы Златоверхий Спасопреображенский и Борисоглебский, 1908 г.

мученику Бориса и Глеба...»[51]. Слова «в отни ему церкви» совершенно ясно говорят о том, что это родовая церковь его отца, а не Святослава Ольговича. Автор приведенной записи, как показал Б. А. Рыбаков, был летописцем Святослава Ольговича с 1141 г.[52] и должен был знать историю черниговских князей и их выдающиеся постройки. Следовательно, если бы Борисоглебский храм был построен самим Изяславом Давидовичем, то, очевидно, летописец не преминул бы упомянуть это и иначе бы построил фразу. Отсутствие в летописях упоминаний о строительстве черниговских храмов конца XI в.— первой трети XII в. как раз и может объясняться тем, что с 1094 г. по 1139 г. в Киеве княжат династические противники черниговских князей и летописание отражало их политические интересы. С 1140 г., со времени великого княжения Всеволода Ольговича, в летописи попадают данные летописца Святослава Ольговича и, если бы в этот период строился Борисоглебский или Елецкий собор, то это важное по тем временам событие скорее всего было бы отмечено в Ипатьевской летописи.

Можно было бы предположить, что крохотная постройка, обнаруженная под северной частью Борисоглебского собора, и есть храм Глеба, который построил Давид Святославич. Но этому противоречат заложение ее фундаментов в слоях Спасского собора, отмеченное Н. В. Холостенко, малые размеры, а главное форма. Оба вскрытых помещения имеют вытянутую форму с севера на юг, причем восточное помещение меньше западного, что не встречается в культовых постройках. Все это никак не отвечает основной идее родовой усыпальницы и храма, прославлявшего первого русского святого — Глеба.

В заключение посмотрим, как принятые даты Успенского собора (1110—1120 гг.) и Борисоглебского (1120—1123 гг.) вписываются в общую картину развития нового стилевого направления. Хронологический список основных построек этого направления в первой половине XII в. будет выглядеть следующим образом:

Памятник	Дата	Фундатор или при чьем княжении построен памятник
Успенский собор Елецкого монастыря в Чернигове	1110—1120 гг.	При княжении Давида Святославича
Борисоглебский собор в Чернигове	1120—1123 гг.	Фундатор Давид Святославич
Церковь Богородицы Пирогощи в Киеве	1132—1136 гг.	При княжении сыновей Мономаха Мстислава и Ярополка
Юрьевский (Успенский) собор в Каневе	1144 г.	Фундатор киевский князь Всеволод Ольгович
Борисоглебский собор Смядынского монастыря, Смоленск	1145—1146 гг.	Фундатор Ростислав Мстиславович— внук Мономаха
Собор Кирилловского монастыря в Киеве	1147 г. (?)	Фундатор княгиня Мария Мстиславна, жена Всеволода Ольговича
Успенский собор в Старой Рязани	Середина XII в.	При княжении Ростислава Ярославича, внука Святослава Ярославича

Приведенный список показывает, что четыре основных сооружения нового стилевого направления связаны непосредственно с черниговскими князьями, что делает вполне естественным их следование черниговским образцам.

Всеволод Ольгович, крупнейший представитель черниговской династии, занял великокняжский престол в Киеве в 1139 г., пробыв перед этим восемь лет князем Чернигова. Он не мог не гордиться замечательными постройками родного города и, проводя прочерниговскую политику, естественно, при возведении собора в 1144 г. в Каневе исходил из полюбившихся образцов зодчества Чернигова. Тем более это относится к Кирилловской

[51] Ипатьевская летопись, 1161 г.

[52] Б. А. Рыбаков. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972, стр. 38 и др., см. «Летописец Поликарп».

церкви, которую строит княгиня Мария Мстиславна, жена Всеволода Ольговича, в память о муже. Архитектура церкви в «отчем» монастыре черниговских князей Ольговичей, ставшей их родовой усыпальницей, конечно, опиралась на традиции Чернигова. Если предположить, что первым храмом нового стилевого направления была церковь Успения-Пирогоща на Подоле, то непонятно, почему Всеволод Ольгович и его жена берут это сооружение за прототип для своих княжеских построек.

Если обратиться к историческим источникам, то Борисоглебский собор в Смоленске тоже входит в ареал черниговского зодчества. Собор строился в 1145—1146 гг. смоленским князем Ростиславом Мстиславовичем в княжеском дворе на Смядыни. Во второй четверти XII в. Смоленск становится стольным градом самостоятельного княжества, и Ростислав Мстиславович стремится укрепить авторитет молодой княжеской столицы возведением каменного собора русскому святому Глебу, который был убит на р. Смядыни. Смоленск не имел к середине XII в. устойчивых традиций каменного строительства и должен был использовать какие-то образцы. Логично предположить, что таким образцом мог служить Глебоборисовский собор в Чернигове. Его использование укрепляло связи смоленских князей и с Киевом, и с Черниговом, так как на киевском троне восседал потомок черниговских князей Всеволод Ольгович. Связь Ростислава Мстиславовича с черниговскими князьями прослеживается и по летописным данным: будучи уже великим князем, он даже породнился с Ольговичами, выдав свою дочь Агафью за Олега Святославича [53].

Предположение, что прототипом для Борисоглебского собора в Чернигове послужил Борисоглебский собор в Смоленске [54], мало вероятно. Если принять более позднюю дату строительства черниговского собора, то вряд ли князья Чернигова, часто занимавшие великокняжеский трон, стали бы брать за основу храм смоленских князей, которые по старшинству были ниже их. Скорее можно предположить, что они взяли бы в качестве образца прославленный вышгородский каменный храм, построенный черниговским князем Олегом Святославовичем. Это тем более вероятно, что его типологическая основа была близка древнему Спасскому собору в Чернигове.

Еще теснее были культурные связи Старой Рязани и Чернигова. Начиная с конца XI в. и почти весь XII в., в Рязани княжит династия Святославичей: Ярослав Святославович (ум. 1129 г.), Ростислав Ярославович (1129—1155 гг.), Глеб Ростиславович (1155—1177 гг.). Известно, что Ярослав Святославич с 1123 по 1127 г. был князем Чернигова. Наконец, Рязань в XII в. входила в Черниговскую епископию и была зависима от церковных кругов Чернигова. Поэтому нет ничего удивительного, что в двух древнейших соборах старой Рязани: Успенском (середина XII в.) и Борисоглебском (третья четверть XII в.) имеются черты сходства с черниговскими постройками (особенно в планах Успенского собора Рязани [55] и Успенского собора Елецкого монастыря).

Все приведенные данные достаточно убедительно свидетельствуют о том, что новое стилистическое направление архитектуры Приднепровья связано с Черниговом и его художественной школой, которая обладала ярко выраженным своеобразием, а ее мастера высокой строительной куль-

---

[53] Б. А. Рыбаков. Русские летописцы..., стр. 53.

[54] Ю. С. Асеев. Архитектура СередньОго ПриднІпров'я..., ІсторІя укр. мистецтва. I, стр. 201.

[55] В литературе нет устойчивого мнения о наименовании раскопанных в Старой Рязани соборов. Большинство исследователей собор, раскрытый Д. Тихомировым в 1836 г., называют Успенским: Г. Ф. Корзухина, Н. Н. Воронин, Ю. С. Асеев, К. Н. Афанасьев, Е. В. Михаловский. Д. Тихомиров, а затем А. Л. Монгайт и Г. К. Вагнер считают, что это Борисоглебский собор, а раскопанный А. Л. Монгайтом в 1949 г.— Успенский. Для настоящего исследования, какой собор был Успенским, существенного значения не представляет, так как оба памятника входят в новую стилистическую группу. Г. К. Вагнер. Архитектурные фрагменты Старой Рязани. «Архитектурное наследство», 15, М., 1963, стр. 22, 24.

турой. Именно этим можно объяснить появление в княжеских храмах Чернигова резных каменных деталей. Если бы зодчие черниговских князей были бы копиистами и «в основном разрабатывали типы зданий, сложившиеся в Киеве» [56], то они никогда не смогли бы создать такие совершенно необычные для киевских земель художественные образы храмов с белокаменной скульптурой и оштукатуренными фасадами, расчерченными под каменную квадровую кладку. Наличие белокаменных резных деталей в Борисоглебском и Благовещенском (1186 г.) соборах, оштукатуривание фасадов с росписью под квадровую кладку (Ильинская церковь (1070—1080 гг., по Н. В. Холостенко), Успенский собор Елецкого монастыря, Борисоглебский собор) свидетельствуют о творческой самостоятельности и наличии местной школы мастеров со своими приемами и традициями.

Необычность архитектуры и белокаменных резных деталей в Борисоглебском соборе вполне закономерны именно для 20-х годов XII в., когда закрепляются принципы родового наследования земель и обособляются генеалогические ветви наследников Ярослава. Любеческий съезд князей в 1097 г. установил новые права наследования: «Каждый да держит свою отчинну». Это был очень важный социальный акт, который клал в основу феодального владения происхождение и место рода в генеалогическом древе русских князей. «Отчинна» в начале XII в. фигурирует как политический аргумент и юридическое право на княжение, которые всячески утверждаются и подкрепляются как летописными документами, так и «каменной летописью» — строительством родовых монастырей и усыпальниц.

Уже сыновья Ярослава Мудрого, занимавшие великокняжеский престол, основывают личные монастыри: Изяслав (Дмитрий) — Дмитриевский (1051 г.), Всеволод (Михаил) — Михайло-Архангельский Выдубицкий (1070 г.), Святослав — Симеоновский. Их дети в еще большей степени нуждаются в материальных эмблемах рода и их освящении церковью. Поэтому совершенно естественно, что сын Изяслава — Святополк (Михаил) в период княжения в Киеве строит собор Михайловского Златоверхого монастыря (1108 г.); сын Всеволода — Владимир Мономах (Василий) возводит в конце XI — начале XII в. в с. Берестово церковь Спаса, ставшую родовой усыпальницей Мономаховичей, а сын Святослава — Давид (Глеб) в 1120—1123 гг. сооружает в Чернигове Борисоглебский собор и превращает его в мавзолей рода Святославичей. Таким образом, Борисоглебский собор совершенно органически включается в этот ряд построек, закреплявших династические права трех ветвей рода Ярослава.

Если принять за дату строительства Борисоглебского собора 70-е годы XII в., то получится, что младшие по старшинству князья построили свои родовые святыни раньше Давида Святославича, внука Ярослава. В 1145—1146 гг. в княжеском монастыре строится «великая церковь» Бориса и Глеба, ставшая усыпальницей Ростиславичей. В 1147 г. строится собор-усыпальница Ольговичей в «отчим» Кирилловском монастыре. В первой половине XII в. на территории резиденции полоцких князей в Бельчицком монастыре сооружаются Борисоглебская церковь и маленькая бесстолпная церковь-усыпальница.

Невозможно представить, что в богатом граде Чернигове, князья которого не раз княжили в Киеве, родовая усыпальница предков самого Святослава Ярославича возводится после строительства подобных зданий в менее значительных по политической и экономической роли княжествах, и к тому же некоторые из них служат ей образцом.

Система старшинства, освященная церковью, являлась регулятором общественных отношений на Руси и ее соблюдение было законом, нарушение которого строго каралось. В связи с этим очень показательна система старшинства русских князей в XII в., которая подтверждается списком русских князей, записанным игуменом Даниилом в иерусалимской лавре св. Саввы

[56] Ю. С. Асеев. Ук. соч., ВИА, 3, стр. 572.

в 1106—1108 гг. для «поминания в октеньях». Первым в списке стоит великий князь киевский Святополк Изяславович, вторым — переяславский князь Владимир Всеволодович Мономах, третьим — черниговский князь Давид Святославич, четвертым — новгород-северский князь Олег Святославич и только шестым — смоленский, а полоцкий — восьмым [57].

Все это лишний раз убеждает, что Борисоглебский собор — усыпальница Святославичей — был построен Давидом Святославичем в 1120—1123 гг. Уникальные архитектурно-пластические детали собора тоже объясняются его особой ролью памятника, который увековечил конкретный княжеский род. Поэтому собор-усыпальница не должен был целиком повторять обычные культовые памятники. На нем должна была лежать и особая светская печать земных властителей. Индивидуальные черты Борисоглебского собора, как и церкви Спаса на Берестове, отражали политические устремления крупнейших династий Мономаховичей и Святославичей к обособлению, к выделению своего рода. Исходя из этого следует рассматривать и появление на фасадах Борисоглебского собора резных деталей — капителей, включавших сюжетные изображения в виде символов княжеской власти. Семантика резного убранства усыпальницы Святославичей связана с классовыми идеями господства и силы князя, его правами на престолонаследие: «небрежение же о властьхъ небрежение о самом бозе» [58].

Приведенные фактические данные и их анализ позволяют утверждать, что новое стилевое направление в архитектуре Приднепровья сложилось в 20-х годах XII в., причем его основоположниками были черниговские зодчие, которые, по-видимому, в отличие от киевских мастеров, больше придерживавшихся византийских традиций, были достаточно самостоятельны и использовали также художественные формы средневековой архитектуры других стран вплоть до резных деталей с содержанием светского характера. Черниговская архитектурная школа оказала влияние на строительство других княжеств, особенно Рязанского, которое, видимо, является непосредственным преемником творческих исканий черниговских мастеров.

E. V. Vorobieva, A. A. Tits

SUR LA DATATION DE LA CATHÉDRALE SAINTS-BORIS-ET-GLÈBE ET CELLE DE L'ASSOMPTION À TCHERNIGOV

Résumé

Dans la littérature les opinions divergent sur les dates de l'édification à Tchernigov de la cathédrale Saints-Boris-et-Glèbe et de celle de l'Assomption. Ces édifices cultuels tiennent une place spéciale dans l'architecture du bassin de Dniepr, et la détermination précise de la date de leur élévation jouera un rôle important pour l'entendement du processus général du développement de l'ancienne architecture russe et pour la juste compréhension de diverses étapes consécutives dans l'élaboration de nouvelles tendances stylistiques en XII s. En confrontant les opinions sur cette question exprimées dans la littérature les auteurs en font l'analyse critique détaillée. En s'appuyant sur les matériaux supplémentaires historiques et ceux puisés dans les annales aussi bien que sur les données concernant les relations culturelles de l'ancienne Russie et la technique de construction, les auteurs sont venus à la conclusion que la cathédrale de l'Assomption du monastère Eletski a été construite dans la deuxième décennie du XII siècle sous Théoctiste, l'évêque de Tchernigov. Ayant mis la construction de la cathédrale Saints-Boris-et-Glèbe en relation avec tout le système hiérarchique de succession et l'évolution du culte de Boris et de Glèbe les auteurs viennent à la confirmation du point de vue adopté par un nombre de savants à savoir que 1120—1123 est la date de sa construction et le prince David Sviatoslavovitch est son fondateur. Les recherches effectuées attestent que les nouvelles tendances stylistiques dans l'architecture du bassin de Dniepr se sont formées dans les années 20 du XII siècle crées par les architectes tchernigoviens. A cette époque-là Tchernigov possédait son école architecturale dont d'autres principautés subissaient l'influence, surtout celle de Riazan.

[57] В. Л. Янин. Междукняжеские отношения в эпоху Мономаха и «Хождение игумена Даниила». Тр. ОДЛ, XVI, М.— Л., 1960, стр. 112—131.

[58] Изборник 1076 г. М., 1965, л., 46, стр. 241.

В. И. ФЕДОРОВ

БЛАГОВЕЩЕНСКИЙ СОБОР МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ В СВЕТЕ ИССЛЕДОВАНИЙ 1960—1972 гг.

История создания Благовещенского собора, одного из центральных памятников Кремлевского ансамбля, в полной мере еще не изучена. До настоящего времени исследователей волновали даже такие вопросы, как: время возникновения храма; сколько раз и в какой мере перестраивался собор в XV в. (сложившиеся представления об облике собора не совпадают с летописными свидетельствами о нем); формы и назначение галерей, возведенных в 1489 г. и их перестройки в XVI столетии; стенописи, их взаимосвязи с архитектурой, в том числе приемы размещения икон, написанных для собора Андреем Рублевым и его сотоварищами в 1405 г.

Поэтому все эти сложные и разнообразные научные темы явились частью плана мероприятий, составленного в 1960 г. с целью дальнейшего сохранения и изучения памятника [1]. В число первых и неотложных работ входило восстановление златоверхого завершения собора и укрепление всех стенописей, за исключением центрального барабана. Позднейшие записи на южной галерее затрудняли принятие рекомендаций по сохранению росписей без проведения специальных архитектурных исследований. Изучение кладки галерей показало, что они построены из того же кирпича (размер 27 × 13 × 7 *см*), что использовался для возведения собора в 1485—1489 гг. В то же время результаты исследований позволили отличить поздние формы от подлинных, понять особенности архитектурно-конструктивного решения и функционального назначения галерей, особенно их южного участка. Оказалось, что под толстым слоем штукатурки на запад и восток от южного портала хорошо сохранились остатки сбитых лопаток (см. рис. 1), которые первоначально были выложены из кирпича не на всю высоту стены здания (в чем были убеждены все исследователи), а только на высоту колонн партала, т. е. на 254 *см*. Ширина лопаток равна 90 и 91 *см*, а вынос от поверхности стены — 15 *см*. Выше открылись остатки белокаменных блоков прямоугольной формы со следами профиля (на западной лопатке). Рисунок профиля совпадал с формой лопаток, находящихся на фасаде. Базой лопаток являлась раскреповка белокаменного профилированного пояса, расположенного на уровне пола галерей. Следовательно, перед нами лопатка, имеющая законченные формы XV в. Выше капители (отметка 275 *см*) лопатка не продолжалась. Только на расстоянии более 1 *м*, т. е. в основании пяты существующего свода, снова начинаются ряды кладки, последовательно выступающие из поверхности стены с каждым вышележащим рядом (рис. 1 и 2, *б*). Кроме того, от западной до восточной лопатки выше портала сохранились остатки арки, т. е. следы примыкавшего здесь к стене крестового свода, перекрывавшего галерею над порталом. Тщательный обмер наружных лопаток на фасаде установил, что они имеют толщину 22 *см* при той же ширине 90 и 91 *см*, что и у нижних лопаток. Разность в толщине

[1] Работы координировались Дирекцией государственных музеев Московского Кремля.

лопаток, равная 7 *см*, получается за счет уменьшения толщины стены, так как внешняя поверхность верхних и нижних лопаток выложена почти точно по одной вертикали. Утонение (перепад) в толщине стены находится на уровне свода галерей, а не выше аркатурного пояса, как в памятниках архитектуры владимиро-суздальской и ранне-московской школы зодчества. Не совпадают лопатки нижнего и верхнего рядов и по горизонтали. Проследим это положение на южной стене.

Нижний ряд лопаток (уровень галереи)	Западная лопатка, *см*	Пролет между лопатками, *см*	Восточная лопатка, *см*
Ширина	91	388	90
Верхний ряд лопаток (выше свода галереи)			
Ширина	89,5	392	90

Подобные несовпадения в положении лопаток по вертикали и горизонтали прослежены нами еще по северному и западному фасадам. Следовательно, отсутствие единых лопаток на всю высоту фасада здания и устройство их с разрывом в два яруса, с разной толщиной и капителями разных размеров доказывает, что галереи или ходовые паперти были перекрыты сводами при строительстве собора в 1485—1489 гг. Нижний ряд лопаток, предназначенный для оформления интерьера галерей, имеет меньшие размеры, а верхний ряд, находящийся на фасаде и воспринимаемый с дальнего расстояния, соответственно получил более монументальные формы. Устройство крытых ходовых галерей в Благовещенском соборе создавало удобство при его использовании как домового храма.

На остатках капителей лопаток, фланкировавших южный портал, достаточно хорошо сохранились другие белокаменные блоки, врезанные в них позднее (рис. 1). По форме они совпадают с капителью столба, открытого в 1946 г. на внешней стене южной галереи (рис. 3). Оформление галереи такими резными, раскрашенными, белокаменными столбами можно отнести ко времени декоративного оформления придела в южной галереи в 1572 г. Капители времени Грозного имеют ярко выраженное вертикальное построение объема (рис. 1, 3), а капители 80-х годов XV в.— горизонтальное (высота 21 *см*, ширина около 100 *см*). Такие же габариты имеют сейчас капители всех лопаток на западном и северном участках галерей, но здесь им приданы ренессансные формы, которые появились одновременно с аналогичной переделкой западного и северного порталов собора. До нас эти капители дошли с некоторым поновлением середины XIX в., которое осуществлялось под руководством архитектора Рихтера. Следовательно, ренессансные формы были использованы для оформления только западной и северной галерей, а южная сохраняла оформление XV в. до переделок (восточный участок), связанных с распоряжением Ивана Грозного. Исследованием установлен и еще ряд отличительных особенностей в архитектурном решении и назначении южной паперти. Она не имела лестницы на востоке, аналогичной той, которой заканчивается северная паперть, а к ее юго-восточному углу примыкала самостоятельная полуоткрытая лестница, сооруженная в 1485—1489 гг. одновременно с собором. Считалось, что эта отдельная лестница пристроена по распоряжению Ивана IV в 1572 г., поэтому за ней ошибочно установилось наименование «Грозненское крыльцо». В действительности при Грозном крыльцо сделали закрытым в 1564 г., а в 1572 г. украсили резным белокаменным порталом и наличником у окна, заменили капители у лопаток (о чем шла речь выше — см. рис. 1, 4). Западный участок внешней стены южной галереи (или северная стена в ризнице) не имел арочных пролетов, опирающихся на столбы-простенки, в отличие от западного и северного участков паперти со сплошным массивом кладки стены (из кирпича 27×13×7 *см*) с двумя оконными и дверным проемами, неоднократно переделывавшимися. На данном участке стены, по рекомендации реставрационной комиссии, после удаления прикладок XIX в. восстановлены два окна и дверной проем в формах, бытовавших в

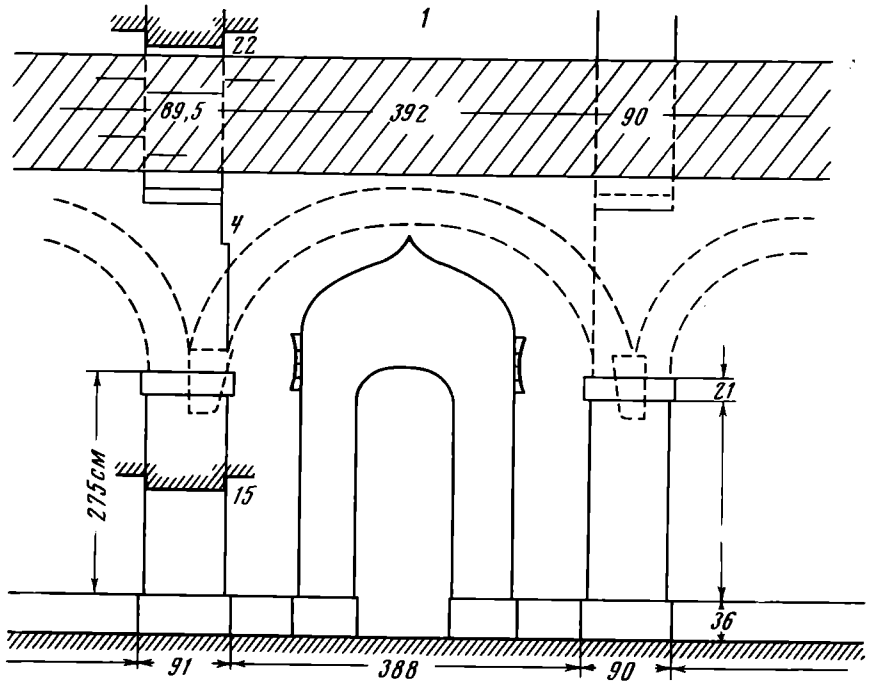


Рис. 1. *1* — схема кладки стены около южного портала (чертеж).

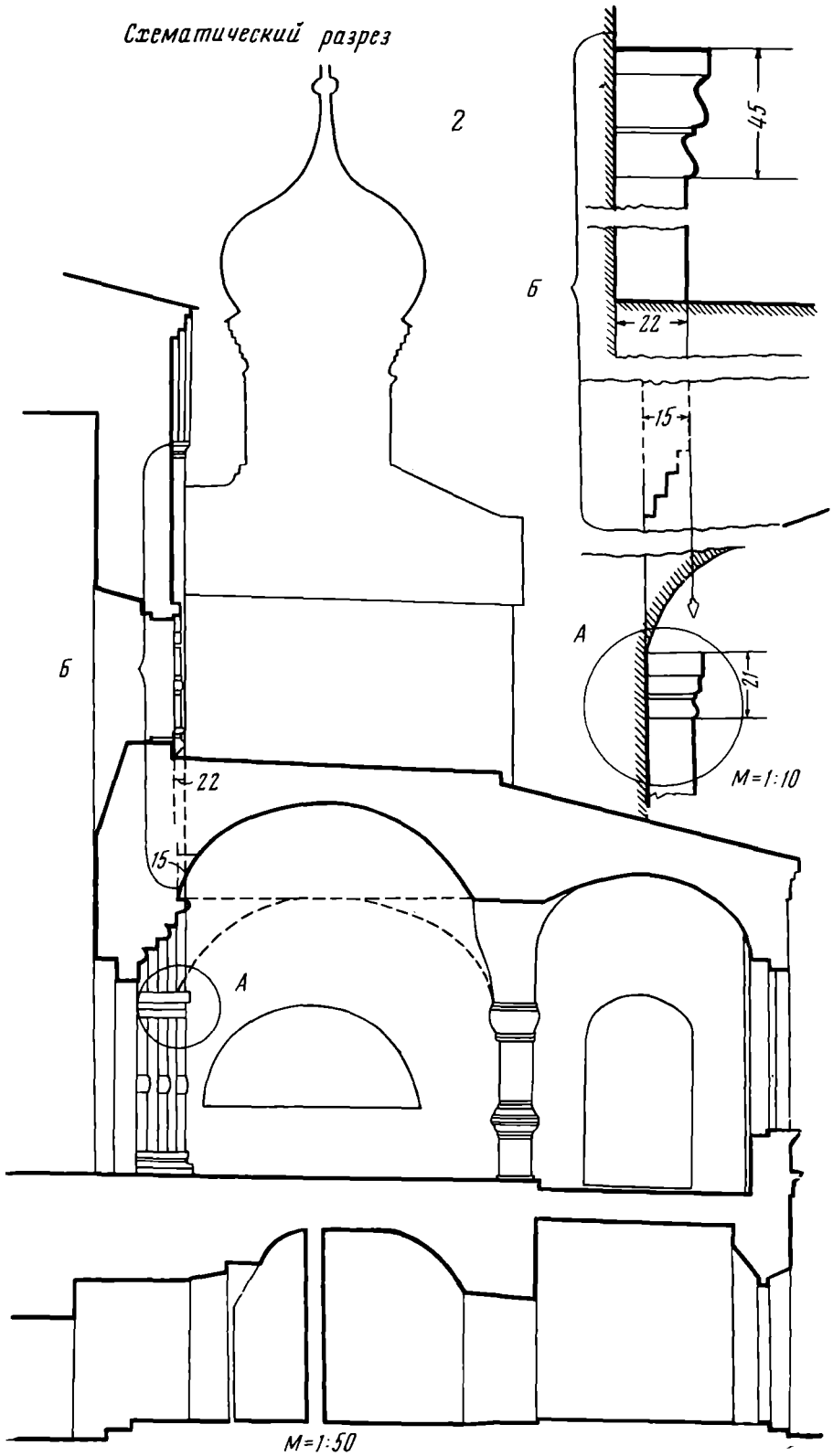
конце XVII и начале XVIII в. (с горизонтальной дерево-кирпичной перемычкой — см. рис. 5).

Западнее двери раскрыты остатки печуры; следовательно, стена проходила дальше на запад, чем сейчас, после ее переделок в XIX в. Это обстоятельство позволяет высказать предположение о том, что юго-западный угол собора конца XV в. ранее имел иные формы и размеры [2]. Дверь у юго-западного угла галереи, видимо, служила входом в крытый переход, соединявший собор с домом настоятеля. Известно, что последний располагался южнее собора. В настоящее время весь фасад южной галереи Благовещенского собора сохраняет архитектурную обработку, приданную ему в начале XIX в. (с использованием кирпича с маркой «ИФ» в рамке, размер 26 × 11 × 7 *см*).

В результате проведенных исследований мы получили принципиально иное решение внешнего вида собора, и особенно его нижней части, где архитектурно-декоративное оформление галерей или папертей строго отвечало их назначению. Для парадного входа с Соборной площади в храм пользовались северо-восточным крыльцом и далее или по северному и западному участкам галереи. Перекрывавшие их своды опирались на столбы-простенки, соединенные арками. Южный участок представлял собой отдельное закрытое помещение, у которого по внешней стороне не было аркады, а его своды опирались на сплошную стену с тремя окнами и двумя дверными проемами (см. рис. 4, 5). Кроме того, в помещении, что находится под южной папертью, в его восточной стене, была дверь для прохода в Казенный двор, примыкавший к юго-восточной части апсид собора. Эту дверь, достаточно сохранившуюся, позднее превратили в окно. Сейчас дверь нами полностью раскрыта (рис. 4, 6).

Разное назначение отдельных участков папертей фиксируется летописью, в которой говорится об освещении собора и дальнейших его поновл-

[2] Не случайно храм XIII в. располагался западнее существующего здания собора. Видимо, великокняжеские постройки, с которыми церковь Благовещения была связана функционально, находились в том же направлении на бровке Боровицкого холма.



2,б — схематический поперечный разрез южной галереи (чертеж)

Рис. 2,*а*. Общий вид Благовещенского собора с северо-востока. Фото 1972 г.

лениях. «Того же лета (1489), августа в 9 день, на память святого апостола Матфеа, священна бысть церковь Благовещение пресвятиа богородица, на великого князя дворе, на сенех. Того же **месяца в 20**, на память святого пророка Самоила **священа бысть церковь Василей Кесарийский, придел у Благовещениа»** [3]. Размещение придела [4] в южной галерее подтверждается и описанием событий времен Ивана Грозного: в 1564 г.... «обновлен бысть придел Великий Василий Кесарийский во храме Благовещения святыя Богородица, что на Сенех, а преж того тот престол был в паперти от Казенного двора» [5]. Устройство придела на южной паперти засвидетельствовано другой записью в том же описании, где под 1564 г. еще указывается о повелении Ивана IV расписать фресками паперть «за дверьми над лестницею от площади» [6]. К площади обращена северная лестница, она-то и служила всегда главным входом в собор с центральной площади Кремля.

Если сопоставить приведенные письменные свидетельства с некоторыми натурными наблюдениями, то становится бесспорно доказанным: Благовещенский собор имел придел в южной паперти, построенной для этого

[3] ПСРЛ, VIII. СПб., 1859, стр. 218; XII, 1901, стр. 221; 1913, стр. 272; XX, 1910, стр. 354; XXII, 1911, стр. 505; XXIII, 1910, стр. 186; XXIV, 1921, стр. 206; XXVI, 1959, стр. 279 (выделено автором).

[4] Действительное расположение придела до сего времени не было известно исследователям, что явилось причиной многих противоречивых высказываний о его нахождении в храме.

[5] Отрывок из летописи о временах царя Ивана Васильевича Грозного. РИБ, III., СПб.. 1876, стр. 228.

[6] Там же, стр. 228.

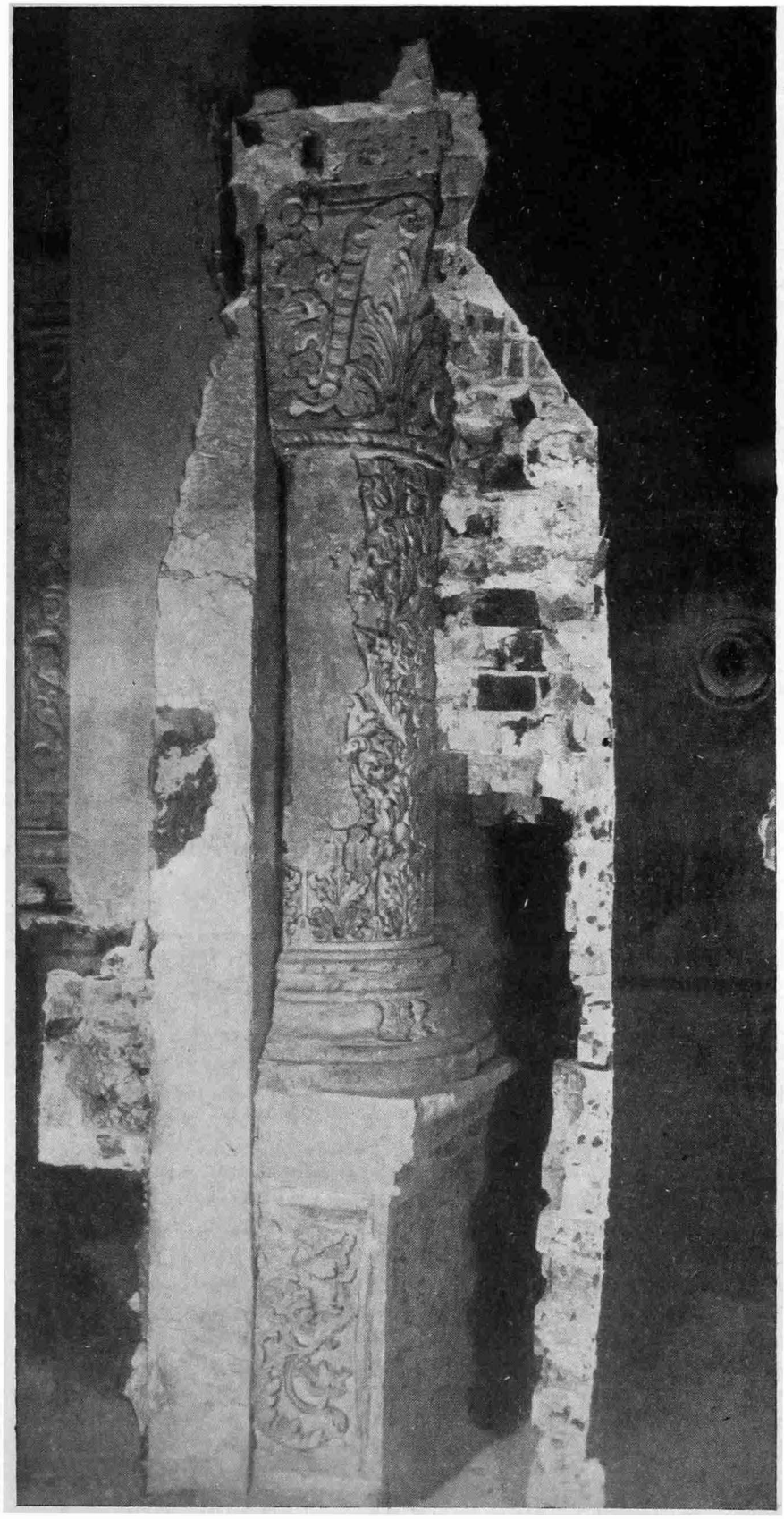


Рис. 3. Резной белокаменный столб на южной галерее. Фото 1963 г.

Рис. 4. Поперечный разрез Благовещенского собора (чертеж)

с самостоятельным полуоткрытым крыльцом одновременно с собором в 1485—1489 гг. По распоряжению Ивана IV в 1564 г. «обновлен бысть придел», когда одновременно с ремонтными работами на этой паперти возвели восточную стену у крыльца из маломерного (грозненского, размером 20×10×4 *см*) кирпича. В это же время сооружались приделы по четырем углам сводов, перекрывающих галереи (Северо-восточный получил наименование В. Кесарийского). Восточные приделы могли быть построены после устройства для них специального основания в виде столбов, соединенных арками. Без выполнения этих строительных работ не было смысла приступать в 1564 г. к росписи фресками сводов «над лестницею от площади». В 1572 г. после четвертой женитьбы Грозного и устройства для него на южной паперти придела в честь другого патрона [7], всю восточную

[7] Придел Василия Кесарийского был упразднен Иваном Грозным в 1564 г. Н. Д. Извеков. Московские кремлевские церкви и служившие при них лица в XVII веке. («Труды комиссии по осмотру и изучению памятников, церковной старины г. Москвы и Московской эпархии»). М., 1906, стр. 24.

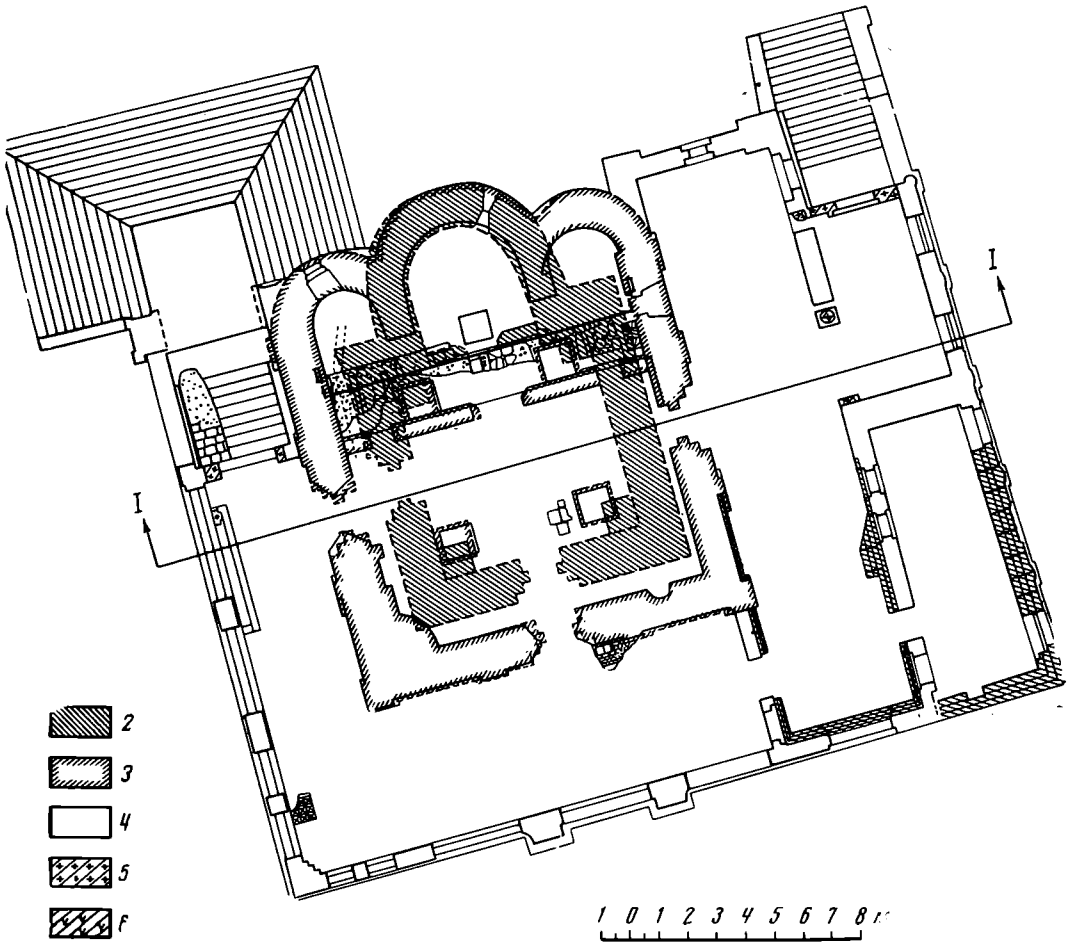


Рис. 5. Схема реконструкции плана первого этажа Благовещенского собора.
2 — II строительный период, конец XIV в.; *3* — III период, 1416 г.; *4* — IV период, 1484—1489 гг.; *5* — V период, 1564; 1572 гг.; *6* — кладка XIX в.
Архитектор В. И. Федоров, 1972 г.
(условное обозначение *1* — см. рис. 6)

часть паперти с крыльцом украшают резным, многоцветным декором из белого камня (портал, наличник, капители лопаток, столбы, о чем речь шла выше [8]). С этим временем и связана первая переделка декора на южной паперти. На северной и западной папертях замена первоначального (конец XV в.) декора на ренессансный, видимо, произошла раньше, одновременно с переоформлением порталов в итальянских формах, т. е. в самом конце XV или начале XVI в. Установлено использование итальянских мастеров в украшении крытых галерей у собора Новоспасского монастыря (1491—1496 гг.) [9]. Можно предполагать, что зарубежные мастера в первую очередь работали в Кремле, а затем на других постройках в городе. Окружение храмов крытыми галереями москвичам было известно по церквам Владимира; например, Успенский собор Княгинина монастыря имел галереи в своем первом варианте (XIII в.) и при перестройке в начале XVI в. [10] В Московском зодчестве всегда существовала большая тяга к сооружению приделов у церквей. Так, Главный храм Кремля — Успенский собор (1326 г.) — получил первый придел в честь Поклонения вериг апостола Петра в

[8] Видимо, все эти переделки и переоформления XVI в. явились основанием для именования крыльца «Грозненским».

[9] Н. Померанцев. Новый памятник московской архитектуры конца XV века. СИИИ, 1, М.— Л., 1951, стр. 63—68.

[10] Н. Н. Воронин. Зодчество северо-восточной Руси, 1. М., 1961, стр. 438—445.

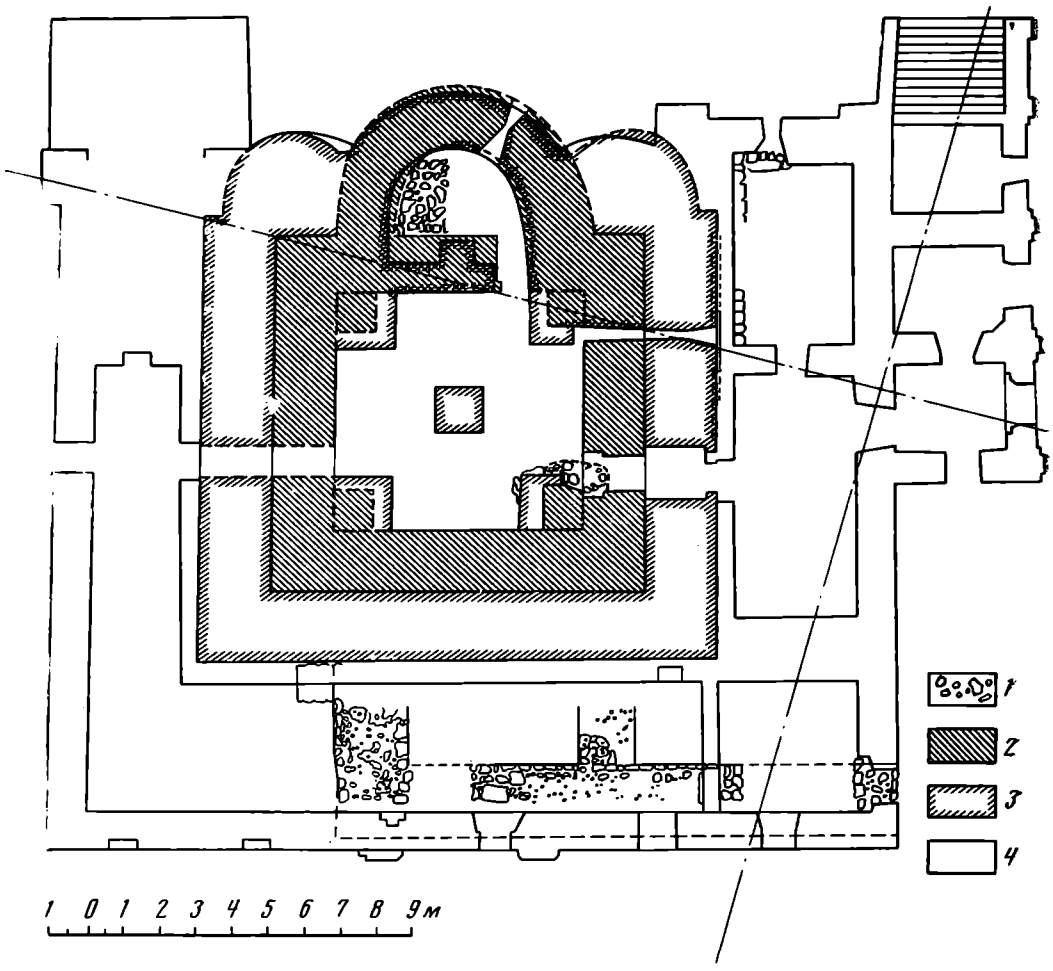


Рис. 6. Схема реконструкции плана цокольного этажа Благовещенского собора. *1* — I строительный период, конец XIII в.; *2* — II период, конец XIV в.; *3* — III период, 1416 г.; *4* — IV период, 1484—1489 гг. Архитектор В. И. Федоров, 1972 г.

1329 г., затем придел Дмитрия, дата сооружения которого неизвестна, а в 1459 г. пристраивается Похвальский придел. Приделы имелись у собора «Спас на бору», Архангельского собора и других храмов.

Подлинное архитектурное решение внешнего вида Благовещенского собора (1485—1489 гг.) оказалось далеко не соответствующим тому изображению, которое воспроизвел Н. Д. Виноградов в своей реконструкции [11]. Тщательное исследование кладки памятника позволило нам установить, что внешние стены цокольного этажа (рис. 7, 8) выполнены из кирпича (27 × 13 × 7 *см*, как и сам собор) и представляют сплошную кладку (а не аркаду, как нарисовал Виноградов), прорезанную небольшими окнами для освещения помещений, образовавшихся под ходовыми папертями (одно подлинное окно сохранилось на северном фасаде, два — на западном). На уровне первого этажа (где находятся ходовые паперти) фасады украшали аркады (на северном и западном участках, на южном находилась стена с тремя окнами и двумя входами). Допущенные Н. Д. Виноградовым неточности объясняются тем, что он в полной мере не обследовал памятник в натуре. В своей реконструкции он больше исходил из сложившегося в то время у исследователей русского зодчества представления о каменном храме Москвы конца XV в., чем из анализа подлинной кладки, архитектурных и декоративных форм и сопоставления их с летописными запися-

[11] Н. Виноградов. Новые материалы по архитектуре древней Москвы. Благовещенский собор в Кремле. СИИИ, 1, 1951, Л., стр. 69—78.

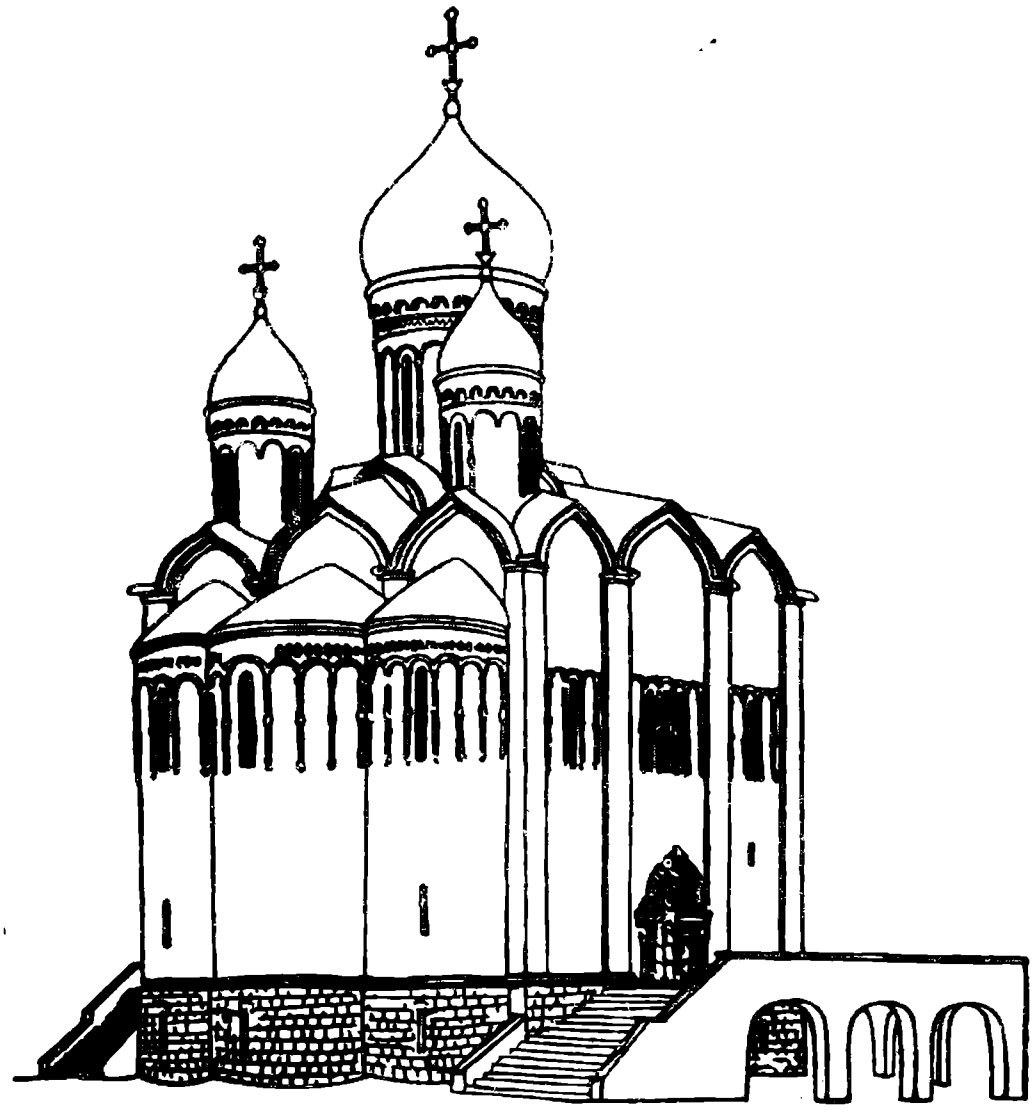


Рис. 7. Реконструкция Благовещенского собора (1482—1489 гг.). Архитектор Н. Д. Виноградов, 1951 г.

ми. Поэтому он утверждал, что собор 1485—1489 гг. не имеет остатков более древнего храма, даже в центре цокольного этажа (хотя, как теперь мы знаем, это не соответствует действительности). Собственно в реконструкции правильно изображена верхняя часть собора с его трехглавым завершением (рис. 7, 8).

В ином плане выступил Г. И. Вздорнов: отвергая всех и вся; он решился доказать, что «все данные говорят в пользу того, что сохранившийся подклет — это лишь остатки придела древнего Благовещенского собора, но отнюдь не самого храма, который был и больше по масштабам и, вероятно, богаче по отделке» [12]. Для этого он счел недопустимым доказальством установление однотипных технических и художественных приемов в исполнении белокаменной кладки подклета Благовещенского собора и церкви Лазаря в Московском Кремле, бесспорно доказанных Н. Н. Ворониным и

[12] Г. И. Вздорнов. Благовещенский собор или придел Василия Кесарийского. СА. 1966, 1, стр. 320.

Рис. 8. Схема реконструкции Благовещенского собора (1482—1489 гг.). Архитектор В. И. Федоров, 1971—1972 гг.

использованных им для обоснования даты постройки Благовещенского собора в 90-х годах XIV в.[13]. Утверждение Н. Воронина полностью подтвердилось результатами архитектурно-археологических исследований, позднее проведенными музеями Кремля. Г. И. Вздорнов считал, что аргументация Н. Воронина «относится к области малообоснованных предложений» и «указанные совпадения несущественные» [14]. Не останавливаясь на этом, он далее говорит «мы пользовались традиционным чтением известия 1483 г. о разрушении старого здания собора» ... «на самом деле заметку надо читать так» [15]... «строители собора 1484—1489 гг. перенесли его по отношению к прежнему храму южнее на 8 или 10 *м*...» и «...он оказался над неразобранным белокаменным подклетом старого придела» [16], т. е. над подклетом придела Василия Кесарийского. Вот что любой ценой хотелось доказать Г. И. Вздорнову, но что полностью отвергается даже тем же материалом, которым он пользовался, если к нему относиться объективно. Мы считаем уместным выступить с замечаниями о работе

[13] Н. Н. Воронин. Два памятника архитектуры XIV в. в Московском Кремле. Сб. «Из истории русского и западноевропейского искусства». М., 1966.
[14] Г. И. Вздорнов. Ук. соч., стр. 321.
[15] Там же, стр. 322.
[16] Там же, стр. 320.

Г. И. Вздорнова, поскольку имеются сторонники подобного вида исследований и до настоящего времени [17].

Чем же вызваны столь разные и даже противоречивые выводы, к которым приходили исследователи Благовещенского собора на протяжении последних двух десятков лет? Это объясняется, во-первых, разным подходом к решению задачи, использованием разной методики исследований и, во-вторых, отсутствием достаточно конкретных данных [18].

«...Памятник архитектуры является результатом сложного технического и художественного процесса, т. е. представляет собой многогранный, **комплексный** источник, позволяющий судить как о его производственно-технической, так и об идеологической, художественной стороне» [19] Отсюда следует, что исследование памятника архитектуры должно быть комплексным, обеспечивающим возможность раскрытия всех его характерных особенностей. «Такое изучение архитектурных памятников начинается по сути дела только теперь, с развитием архитектурно-археологических исследований; до этого исследователи интересовались главным образом формально-художественной стороной памятника» [20]. Начало подобному исследованию древнерусского задчества вообще и Благовещенского собора в частности положил Н. Н. Воронин. Он первым документально доказал, что центральная часть подклетного этажа собора — часть храма конца XIV столетия [21]. Этим он положил начало раскрытию древнейшего периода в жизни памятника, т. е. тому, что составляло наиболее сложную часть проблемы. Но Н. Н. Воронин не имел возможности произвести натурное обследование в нужном объеме, что лишало его необходимых конкретных материалов. Успешно начатое Н. Н. Ворониным исследование памятника удалось продолжить Дирекции музеев Кремля только с 1966 г.[22], когда для этого была привлечена специальная группа

---

[17] Г. И. Вздорнов. Постройки псковской артели зодчих в Москве. Древнерусское искусство. М., 1968, стр. 174—188.

[18] См. М. Х. Алешковский и Б. Л. Альтшуллер. Благовещенский собор, а не придел Василия Кесарийского. СА, 1973, 2. Указанная работа посвящена истории Благовещенского собора Московского Кремля. Ее авторы, опровергая устаревшую концепцию Г. И. Вздорнова, доказывают правильность гипотезы Н. Н. Воронина о том, что подклет Благовещенского собора — древнейшая часть этого памятника, а не его придел. В статье помещена реконструкция плана подклета собора. Желанием выступить от своего имени с новым толкованием истории создания Благовещенского собора, видимо, объясняется одна из главных причин, побудивших авторов согласиться на принятую ими форму публикации. Поэтому в примечании к статье они указывают на оригинальность своего архитектурного решения рассматриваемого памятника. Однако они не сочли нужным внести в статью коррективы в соответствии с известными им данными архитектурно-археологических наблюдений последних лет, проводившихся сотрудниками музеев Московского Кремля. В. И. Федоровым было прочитано три доклада и совместно с Н. С. Шеляпиной издана статья: В. И. Федоров, Н. С. Шеляпина. Древнейшая история Благовещенского собора Московского Кремля. СА, 1972, 4. Заявив, что они незнакомы с работами своих коллег, М. Х. Алешковский и Б. Л. Альтшуллер допускают ряд атрибуций, не подтвердившихся результатами исследований (ср. стр. 92—93 «Благовещенский собор, а не придел...» со стр. 230 «Древнейшая история Благовещенского собора»). Желанием быстрее утвердить за собой авторство может быть объяснена и неточность в ссылке на архивный материал, с которым авторы статьи, видимо, не успели ознакомиться в подлиннике (ср. стр. 89—90 «Благовещенский собор...» со стр. 255 «Древнейшая история Благовещенского собора»). Если бы авторы соблюдали нормы профессиональной этики, обязывающие согласовывать направление близкой тематики и участие специалистов разных учреждений, они избежали бы допущенных ошибок. Указанные неточности и ошибки лишили их возможности внести свой вклад в изучение истории создания Благовещенского собора в Московском Кремле.

[19] Н. Н. Воронин. Архитектурный памятник как исторический источник. СА, XIX, 1954, стр. 43.

[20] Там же, стр. 44.

[21] Н. Н. Воронин. Два памятника...

[22] В исследовании принимали участие: от музеев Московского Кремля — архитекторы В. И. Федоров и О. Д. Кузнецова, археологи Н. С. Шеляпина и Е. В. Антонова, искусствовед Г. С. Соколова, фотограф Л. А. Сальников; от НИИ оснований и

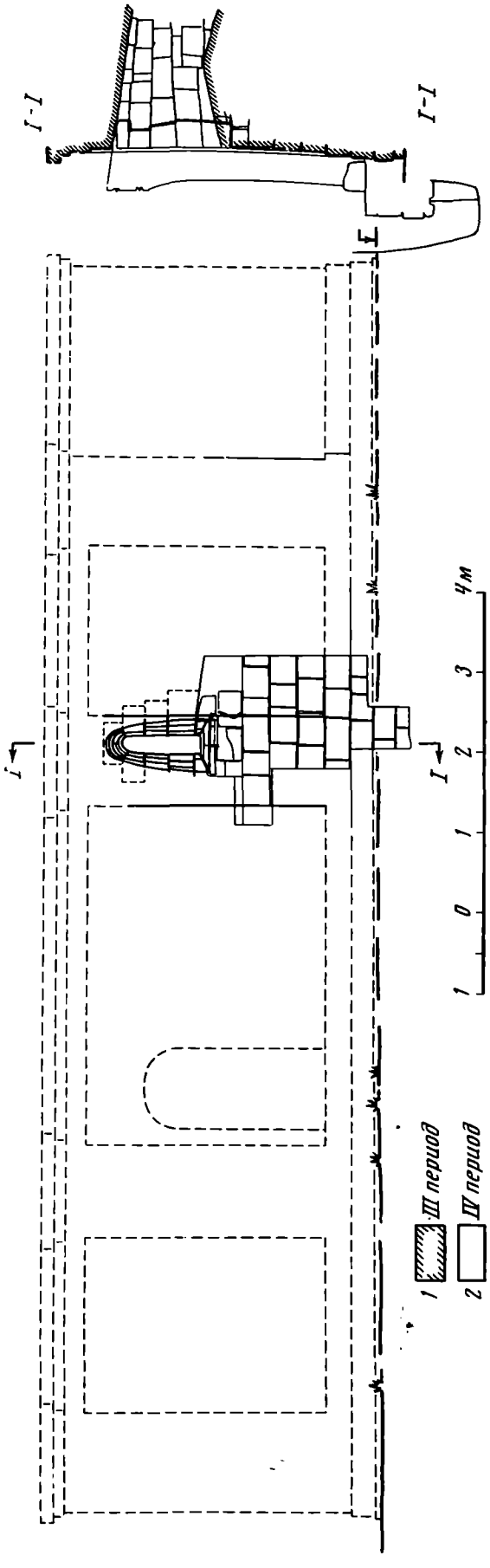


Рис. 9. Схема реконструкции южного фасада подклета собора 1416 г. Архитектор В. И. Федоров, 1972 г.

в составе архитекторов, археологов и инженеров, начавшая комплексное исследование. Предварительные итоги архитектурно-археологических исследований нами опубликованы в статье «Древнейшая история Благовещенского собора Московского Кремля»[23]. На данной стадии исследования удалось установить четыре строительных этапа в древнейшей истории создания памятника. Хотя в статье дается соответствующая характеристика каждого из этих периодов, мы считаем необходимым остановиться на них еще раз (рис. 6).

Первый строительный период на исследованном участке относится к концу XIII — началу XIV столетия. От первоначальной постройки фрагментарно сохранился нижний ряд кладки фундамента из булыжного и белокаменного бута. Габариты здания не установлены. Возможно, оно было каменно-деревянным, располагалось западнее и юго-западнее существующего здания собора. Храм был украшен фресками. Севернее существующего здания остатков каменного строительства не найдено.

Второй период падает на конец XIV в. От этого времени сохранились нижние части стен (облицовка, внутренняя кладка стен до уровня пола первого этажа) четверика подклета и их фундаменты (крепления из деревянных лежней с забутовкой

подземных сооружений Госстроя СССР — проф. Б. А. Ржаницын, инженер Л. И. Курденков; от Мосгоргеотреста — инженер Е. А. Крылов, буровой мастер Л. К. Беляков. За активное творческое сотрудничество выражаю всем им искреннюю признательность и желаю больших успехов в дальнейшей работе.

[23] В. И. Федоров, Н. С. Шеляпина. Древнейшая история Благовещенского собора Московского Кремля.

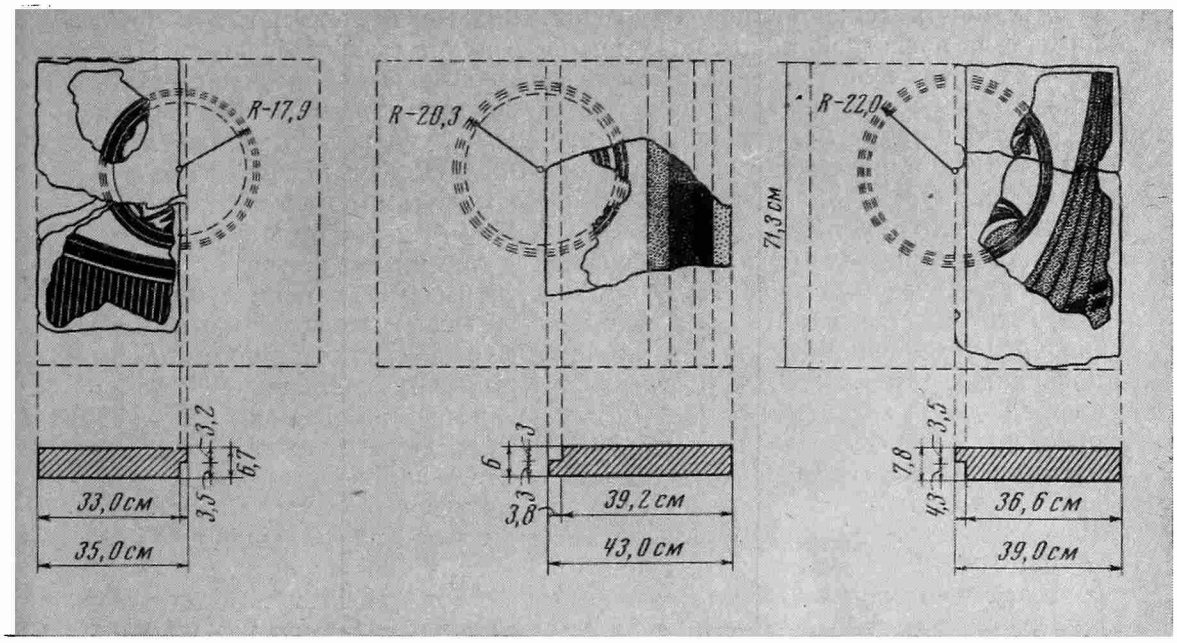


Рис. 10. Фрагменты белокаменных плит с росписью 1405 г. от алтарной преграды собора конца XIV в. Реконструкция — архитектор В. И. Федоров

между ними, пролитой известью). В 90-х годах XIV в. подклет собора представлял бесстолпную одноапсидную палату, возможно, с четырьмя небольшими пристенными столбами (внутренние размеры палаты: 7,05 × × 6,95 *м*; толщина стен 1,68—1,72 *м*).

Третий период нужно относить к началу XV в. (1416 г.). В это время значительно расширили размеры храма, обстроив его новыми белокаменными стенами, на востоке добавили две апсиды. В подклете переложили пристенные столбы, своды, а также возвели центральный столб. Большие размеры нового трехапсидного храма явились основанием для записи в Софийской второй и Львовской летописях под 1416 г.: «Того же лета созданы бысть церковь камена на великого князя дворе Благовещение, месяца июля в 18 день»[24]. Нами открыт фрагмент южного фасада подклета этого храма, на основании фрагмента и дополнительных зондажей выполнена реконструкция всего южного фасада подклета здания 1416 г. (рис. 9, южный фасад подклета собора 1416 г.).

Четвертый период (1482—1489 гг.). После сноса первого этажа храма 1416 г. (оставив утолщенными стены цокольного этажа) построили новый храм из кирпича (27 × 13 × 7 *см*) на белокаменном фундаменте по сваям (глубина до 1,6 *м*). Собственно собор также выстроили с тремя апсидами, четырьмя квадратными столбами и хорами у западной стены с лестницей в северо-западном углу. Храм окружили с трех сторон галереями — ходовыми папертями (рис. 2, *а*).

Что мы можем сказать о причинах перестройки Благовещенского собора? Теперь доподлинно стало известно о поиске архитектурного образа для главного здания Московского Кремля — Успенского собора с конца XIII в. по 1479 г. Приведенные нами материалы убедительно подтверждают существование такого же поиска для Благовещенского собора в тот же период (с конца XIII в. по 1489 г). За это время Благовещенский собор тоже четыре раза перестраивался и каждый раз с соблюдением инди-

[24] ПСРЛ, VI, СПб., 1853, стр. 140; XX, 1, СПб., 1910, стр. 231.

видуальной художественной трактовки. Видимо, одновременно с необходимостью перестройки главного храма Кремля существовала необходимость в перестройке главного храма великокняжеской резиденции.

Если мы не располагаем еще достаточными данными о здании конца XIII в., то о храме, построенном в конце XIV в., уже кое-что можно сказать, судя по сохранившимся подлинным остаткам. Он был небольшим — в два этажа: подклет и собственно церковь [25]. Храм, видимо, имел небольшую каменную алтарную преграду (рис. 5, 6, 10, 11), облицованную белокаменными плитами (нами найдены три фрагмента таких плит с остатками росписи по известковой подготовке; роспись могла быть выполнена А. Рублевым и его сотоварищами). На всех трех фрагментах имеются четверти, позволяющие устанавливать плиты в одной плоскости (равняясь по их лицевой поверхности) на известковом растворе. На большом фрагменте остались следы боковой заделки в стену. На поперечном разрезе собора (рис. 4, 11) прослеживаются остатки кладки конца XIV в. даже в толщине современного пола. Если к этим фрагментам добавить облицовочные блоки с внутренней стороны стены, то алтарь (на уровне первого этажа) в сечении север — юг будет иметь размер около 7 *м*. При такой протяженности над алтарной преградой можно разместить только семь центральных икон из известного нам иконостаса Благовещенского собора (8,08 *м*). Обратившись еще раз к известному летописному упоминанию, читаем: «Тое же весны (1405) почаша подписывать церковь каменную святое Благовещение на князя великого дворе, не ту, иже ныне стоит (не 1416 года, а конца XIV в. — *В. Ф.*), а мастеры бяху Феофан иконник Грѣчин да Прохор с Городца, да чернец Андрей Рублев, да того же лета и кончаша ю» [26]. В тексте говорится о выполнении стенописей (а не иконостаса) и в один сезон; следовательно, храм имел действительно небольшие размеры. В связи с этим Н. Н. Воронин выдвинул предположение, что «Церковь Благовещения при московском великокняжеском дворе была маленькой одноапсидной домовой капеллой» [27], возникновение которой, возможно, связано не с владимирской традицией, а с традициями других областей и даже с некоторыми югославянскими влияниями. О таких связях говорить пока еще трудно, но если они существовали, то строитель Благовещенского собора в 90-х годах XIV столетия, несомненно, знал церковь Пантелеймона в селе Бояне под Софией. В это время Бояна уже состояла из двух объемов (построенной в XI столетии и примкнувшей к ней с запада в 1259 г. небольшой церкви, возведенной по распоряжению князя Колояна). Обе церкви небольших размеров (рис. 12). Древняя имеет один этаж с небольшими пристенными столбами, поддерживающими барабан. Вторая имеет цокольный этаж, перекрытый сводом (с продольной осью запад — восток), и церковь над ним тоже с одной главой. Храм с юга соединялся воздушными переходом с дворцом князя. Боянская церковь по своему назначению и исполнению могла быть отдаленным прототипом для балканского мастера, принимавшего участие в сооружении церкви на дворе московского великого князя. Через 15—20 лет потребовалось значительно расширить храм, а подклет сделать более надежным для хранения в нем ценностей. К этому времени (имея столетний опыт в каменном строительстве) москвичи уже успешно сооружали по собственному варианту монументальные каменные одноглавые храмы с многоярусным, позакомарным покрытием, опирающимся на своды, поддерживаемые четырьмя внутренними столбами, на-

---

[25] О конструкции перекрытия подклета пока утвердительно сказать трудно, но нам известны постройки подобного типа и размера, например: собор Голутвина монастыря (70-е годы XIV в.), церковь Николы в с. Каменском (конец XIV — начало XVв.), Никольская церковь в Старице (1403—1404 гг.).

[26] М. Д. Приселков. Троицкая Летопись. М.— Л., 1950, стр. 459. ПСРЛ, XXV, стр. 233.

[27] Н. Н. Воронин. Два памятника...

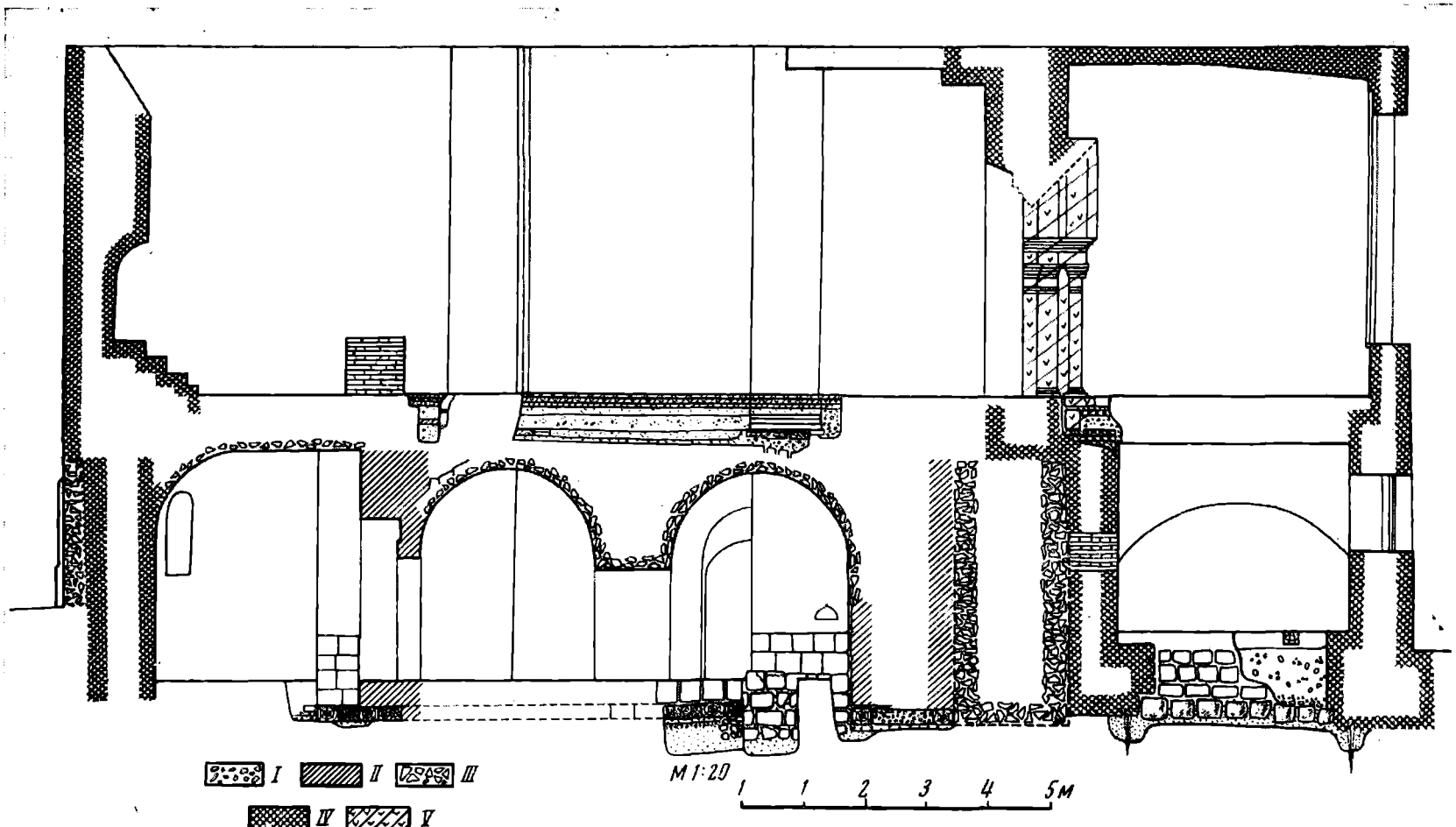


Рис. 11. Продольный разрез Благовещенского собора. Архитектор В. И. Федоров, 1972 г.

пример соборы в Звенигороде под Москвой, Успенья на Городке (1399 г.) и в Саввинском монастыре (1405), Троицкий собор в Сергиевой лавре (1423 г.), церковь Рождества в Городне (начало XV в.).

Судя по установленным нами подлинным остаткам здания, можно утверждать (планам цокольного и первого этажей, фрагменту южного фасада подклета, декоративным деталям, внутренним и наружным размерам сооружения, рис. 5, 6, 9, 11), что на великокняжеском дворе Кремля в 1416 г. был построен собор по такому же образцу; возможно его венчала не одна, а три главы. Он имел достаточно высокий подклет [28], на котором располагался монументальный объем четверика храма с тремя апсидами на востоке. Его стены членились лопатками, а на месте аркатурного пояса здание опоясывал орнаментальный фриз с четким пластичным исполнением. Четыре квадратных столба делили интерьер на три части, сохраняя наибольшие размеры за центральным нефом и подкупольным пространством, как это наблюдается в вышеупомянутых храмах московской школы зодчества. К западной стене примыкали хоры, которые устраивались в домовых храмах князей и также были совершенно необходимы в данном случае [29]. К восточной паре столбов с запада примыкала каменная алтарная преграда толщиной 50 *см*. Сохранились белокаменные плиты, служившие выстилкой пола. Внутренние размеры алтаря (в поперечнике север — юг равны 11,2 *м*, что позволяет установить над алтарной преградой девять средних икон (это составит 10 *м* из известного нам иконостаса А. Рублева), а остающиеся две иконы должны устанавливаться по боковым стенам. Если северная и южная стены собора перед алтарной преградой имели утонение, образуя так называемые заплечики, то в таком случае в храме 1416 г. иконостас мог располагаться полностью, в составе 11 икон деисусного ряда (что составляет 12,05 *м*). Собор 1489 г. в этом же поперечнике равен 10,65 *м*, т. е. в нем устанавливаются по одной прямой девять, а не 11 икон.

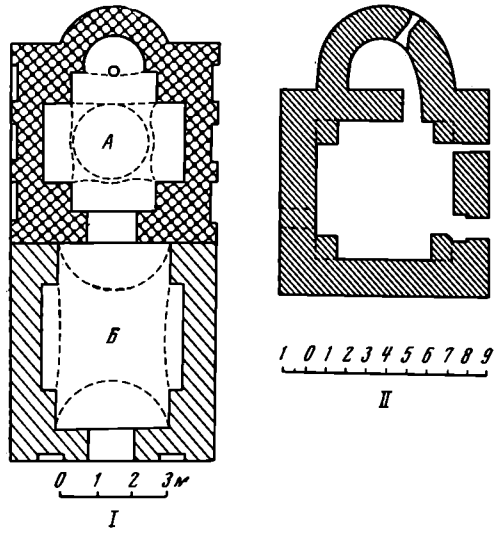


Рис. 12. Сопоставление планов Боянской церкви и подклета Благовещенского собора.
I — Бояна. *А* — XI — начало XII в.; *Б* — 1259 г.; II— Благовещенский собор. Подклет, конец XIV в.

Располагая подлинными размерами обоих соборов (1416 и 1489 гг.), мы считаем возможным высказать следующее: неизвестный нам иконостас (11 икон деисусного чина) в этих соборах устанавливаются в количестве девяти икон над алтарной преградой, а две иконы размещаются по бокам. Если такое расположение противоречит древней традиции, то, следовательно, эти иконы писались тремя известными мастерами для другого храма, а в Благовещенский собор внесены после пожара 1547 г.

К 1416 г. снесли первый этаж собора, построенного в конце XIV в., но сохранили подклет. При возведении нового храма древний подклет обложили белокаменными стенами 2-метровой толщины. Это обеспечивало луч-

[28] Южный фасад подклета имеет стену с фундаментом, заглубленным на один ряд белокаменных блоков (до 40 *см*); из одного ряда блоков выложен цоколь, а еще на один ряд выше 5-сантиметровый уступ выделяет плоскость стены, а на ней лопатки. Раскрытая лопатка имеет ширину 113 *см*, ее плоскость прорезает окно высотой 120 *см* и шириной в основании 63 *см*. Его перекрывает арочная перемычка вытянутой кривой по очертанию амбразуры окна.

[29] Например, церковь Рождества с приделом Лазаря в Московском Кремле (1393 г.) или Успенский собор на Городке в Звенигороде (1399 г.).

шую сохранность белокаменной кладки и ценностей в подклете при пожаре, для чего он и строился. В 1482—1484 гг. вновь разбирается первый этаж (храма 1416 г.), а подклет накрывается дубъем (остатки этой временной кровли установлены). В 1485—1489 гг. сооружается расширенный подклет из кирпича (27×13×7 *см*) за счет пространства под ходовыми папертями. При этом облицовываются кирпичом бслокаменные стены центральной части подклета (рис. 4, 11). В это время создается новый, индивидуализированный образ храма: с крытыми папертями, с четвериком, заканчивающимся на востоке тремя абсидами и с трехглавым завершением на позакомарном покрытии.

Четыре строительных этапа, три из которых непосредственно связаны с созданием дошедшего до нас здания Благовещенского собора убедительно доказываются использованием разных технических приемов исполнения (кладка стен, устройство фундаментов под ними, разные строительные материалы и декор). Перестройки XVI в. (сооружение двух западных глав над четвериком, четырех приделов над сводами папертей и переделка юго-восточного крыльца в закрытое с установлением нового декора) доказываются использованием для этого маломерного, грозненского кирпича (20×10×4 *см*, рис. 4, 11). Следовательно, с XVI в. связан последний, **пятый строительный период** в истории создания Благовещенского собора Московского Кремля (последующие переделки не имеют принципиального значения). В это время создается наиболее сложный художественный образ памятника, его окончательный вариант, плод длительного творческого поиска, непосредственно связанного с развитием общенационального и культурного значения Москвы. Именно в это время всему объему храма придается явно выраженная центрическая композиция, в которой около большой средней главы располагается еще восемь глав, уменьшающихся по своим размерам к периферии (рис. 2, *а*). Центрическое начало в компоновке внешнего объема и силуэта здания основано на соподчиненности форм в завершении храма. Это достигается размерами и расположением глав, использованием декора и усложнением украшений на выделяемых частях сооружения, что в свою очередь подчеркивалось многоцветным оформлением фасадов. В использовании цвета следовали тому же принципу: наибольшим количеством ярких колеров раскрашивался центральный барабан, а по мере уменьшения размеров глав соответственно ослабевала цветовая интенсивность в раскраске их барабанов. Центрическая композиция в том исполнении, которое она получила в архитектуре Благовещенского собора, была средством художественного выражения идей, связанных с ростом единства Русского государства, управляемого сильной царской властью. Эти идеи не менее выразительно запечатлены в организации внутреннего пространства и украшении интерьера стенописями. Строители Благовещенского собора учитывали место его расположения, поэтому тема центрической композиции решена в ином варианте, чем в архитектуре собора Василия Блаженного на Красной площади, воздвигнутого несколькими годами ранее. На протяжении двух с половиной веков Благовещенский собор достойно украшал центр Кремлевского ансамбля, являясь одним из трех его основных храмов. Усложнение его внешнего вида в середине XVI в. вновь закрепило его художественную индивидуальность и особое значение в группе построек царской резиденции, оформлявших западный фасад Соборной площади.

Комплексное исследование памятника позволило выявить пять основных этапов в его формировании как художественного произведения, до настоящего времени мало изученного. Одновременно прослежена жизнь памятника с XIII по XIX в.

V. I. Fedorov

CATHÉDRALE DE L'ANNONCIATION DU KREMLIN DE MOSCOU À LA LUMIÈRE DES RECHERCHES DE 1960—1972

Résumé

L'article fait le bilan des recherches sur la cathédrale de l'Annonciation du Kremlin de Moscou. La tache des chercheurs était compliquée par le fait que leur idée des formes architecturales du monument ne coïncidait pas avec les renseignements fournis par les chroniques. Les résultats des explorations prolongées ont permis de définir cinq périodes dans la constitution de son image artistique (de la fin du XIII s. jusqu'au milieu du XVI s.). La première période de construction (fig. 4, 6, 11) date de la fin du XIII — du début du XIV s. Les gabaris de l'édifice ne sont pas déterminés. Il était situé au sud et au sud-ouest de la cathédrale actuelle. Le temple, probablement bati en pierre et en bois, était décoré de fresques. La deuxième période tombe sur la fin du XIV s. (fig. 4, 5, 6, 11). Il en a subsisté la partie inférieure des murs, de plan à peu près carré, du socle lesquels s'appuyaient, en guise de fondements, sur une rangée de grosses poutres scellées au mortier. L'étage de socle était formé d'un hall sans pilier à une abside et dans les angles avait, probablement, quatre colonnes de renfort (les dimensions inférieurs du hall: 7,05 m × 6,95 m, l'épaisseur des murs 1,68—1,70 m). La troisième période (fig. 4. 5. 6. 11) doit être rapportée au début du XV s. (1416). De nouveaux murs en pierre blanche, épais de 2 m, élevés autour des anciens et deux absides nouvelles ont considérablement élargi les dimensions du temple. Dans l'étage de socle on a rebâti les colonnes de renfort tandis que les voûtes ont réçu un appui sous forme de pilier central. Au niveau du premier étage on a élevé un temple à quatre piliers, à une coupole (il est possible qu'il y en avait trois) recouvert de *zakomars* (fig. 5, 6, 9). Nous avons découvert un fragment de la façade sud de l'étage de socle de cette cathédrale ce qui confirme définitivement le fait de la reconstruction de la cathédrale en 1416. La quatrième période date de 1482—1489 (fig. 5, 6, 7, 8, 11). Après la démolition du premier étage de la cathédrale de 1416, au dessus de l'étage de socle on a élevé un nouveau temple en brique (27 × 13 × 7 m). La cathédrale a gardé les formes et les dimensions du temple de 1416 mais elle était flanquée de trois côtés des galeries couvertes (avec la chapelle de Basil de Césarée dans la partie sud et avec deux sorties à l'est). La cinquième période est liée avec les reconstructions de la cathédrale en XVI s. (fig. 2, 4, 5, 6, 11). Au dessus du temple on élève deux coupoles occidentales, sur les voûtes des galeries on érige quatre chapelles, le perron sud — est devient couvert et toute la partie sud des galeries reçoie le nouveau décor en pierre blanche (fig. 3). C'est à cette époque que la cathédrale obtient la composition centrique bien prononcée qui servait de moyen d'expression artistique des idées réflétant le développement de l'Etat russe uni.

Р. Г. ФАХРУТДИНОВ

О СТОЛИЦЕ ДОМОНГОЛЬСКОЙ БУЛГАРИИ

Вопрос топографии Билярского городища требует вначале краткого археологического обзора бассейна р. М. Черемшан, где расположено данное городище. М. Черемшан вплоть до 60-х годов нашего столетия не привлекал археологов в плане его сплошного обследования. Из дореволюционной литературы было известно крайне небольшое число памятников, отмеченных или обследованных попутно при характеристике Билярского городища или вошедших в историко-краеведческую литературу по сообщениям местных волостных управлений. Это — Шебашское, Старокамкинское, Балынгузское городища и Балынгузские надгробия по запискам путешествий Н. П. Рычкова в 1769 г.[1] Чув. Бродское, Новоальметьевское, Изгарское городища и Верхнеальмурзинский вал из сводных работ А. Артемьева, Н. Вячеслава, С. М. Шпилевского[2]; два Николаев-Баранских и Нижнетат. Майнское (Горкинское) городища из исследований В. А. Казаринова 1881 г.[3], несколько селищ и одно невыразительное городище в бассейнах речек Адамки и Акушки, притоков М. Черемшана, по работам П. А. Пономарева и М. Г. Худякова 1915—1916 гг.[4] Дореволюционные сведения о булгарских памятниках на М. Черемшане несколько возрастают за счет небольшого числа кладов и находок вещей и монет, поступивших в различное время в ГИМ, Гос. музей ТАССР, в коллекцию Заусайлова в Хельсинки или частично опубликованных в Отчетах археологической комиссии.

Сплошное разведочное обследование М. Черемшана началось в 1962 г. отрядом Гос. музея ТАССР (руководитель С. В. Морозова), когда было изучено верхнее течение правобережья реки до с. Горка в пределах Билярска[5]. В 1963 г. отряд ТАЭ под руководством П. Н. Старостина прошел разведкой правобережье М. Черемшана от Горкинского городища до с. Старое Алпарово в среднем течении реки[6]. В 1964—1965 гг. отряд ТАЭ, руководимый автором данной статьи (руководитель второй группы отряда Р. С. Габяшев), проводил большие разведочные исследования в бассейне всего остального района М. Черемшана от начала реки до ее устья[7]. В

---

[1] Н. Рычков. Журнал или дневные записки путешествий по разным провинциям Российского государства, 1769 и 1770 году. СПб., 1770, стр. 6—8, 18, 21.

[2] С. М. Шпилевский. Древние города и другие булгарско-татарские памятники в Казанской губернии. Казань, 1877, стр. 338, 345, 348, 349.

[3] В. А. Казаринов. Описание Билярских и Баранского городищ. ИОАИЭ, III, Казань, 1884, стр. 123—125.

[4] П. А. Пономарев. Краткий отчет о раскопках и разведках в районе Билярска летом 1915 года. ИОАИЭ, XXX, 1. Казань, 1919, стр. 55—56; его же. Отчет об археологической экскурсии в Билярск в июне 1916 года. Там же, стр. 106—107, 110—111; М. Г. Худяков. Разведки в Билярске летом 1915 года. Там же, стр. 65—66.

[5] Материалы в ГМТР. Инв. № коллекций: 14644—14654, 14727—14757.

[6] Материалы в АК ИЯЛИ АН СССР.

[7] АИА АН СССР, Р-1, № 2928, 4135. Коллекции в ГМТР, общие инв. № 15582, 15583.

1962—1963 гг. Г. В. Юсупов изучал эпиграфические памятники в бассейне всей реки [8]. Наконец, в 1967 г. сделаны небольшие дополнительные поиски по р. Билярке, левом притоке М. Черемшана, текущем через Билярское городище [9]. В результате удалось составить наиболее полную карту булгарских археологических памятников Малочеремшанского бассейна, включающую 417 памятников: 20 городищ, 1 вал, 222 селища, 6 кладбищ с надгробиями, 4 отдельных надгробия, 8 грунтовых могильников и кладбищ без надгробий 8, кладов вещей и монет, 7 находок вещей и монет, 141 местонахождение керамики. 251 памятник датирован домонгольским временем, 31 — золотоордынским, 9 памятников относятся к обоим периодам. 126 памятников (главным образом местонахождения) вследствие малочисленности и невыразительности материала датированы общебулгарским периодом без выяснения более определенного времени. Эти 417 памятников составляют четвертую часть всех известных археологических памятников Волжско-Камской Булгарии и наглядно свидетельствуют о плотной заселенности булгарами бассейна М. Черемшана, где был расположен один из столичных центров государства [10]. Такая густая заселенность реки объясняется в первую очередь ее богатыми природными ресурсами, главным образом черноземной почвой, создавшей самые благоприятные условия для развития земледелия — основной отрасли булгарской экономики. Да и обильные пастбища на широкой долине всей реки сыграли важную роль в подъеме скотоводства — второй важной отрасли хозяйства булгар. Бассейн М. Черемшана, очевидно, привлекал мирных жителей своей некоторой отдаленностью от таких больших стратегических путей, как Волга и Кама.

В таком богатом и относительно спокойном районе была расположена одна из столиц волжских булгар. Ныне это — Билярское городище, подвергнувшееся несколько раз археологическим исследованиям. Помимо первых кратких описаний билярских развалин в XVIII в. В. Н. Татищевым [11] и Н. П. Рычковым [12], в 1881 г. городище было тщательно описано В. А. Казариновым [13], в 1915—1916 гг. на территории проводила раскопки экспедиция Казанского общества археологии, истории и этнографии под руководством П. А. Пономарева [14]. В 1928 г. объединенная экспедиция Академцентра Татнаркомпроса, Московского института народов Востока РАНИОН и Научной ассоциации Востоковедения ЦИК СССР, руководимая А. С. Башкировым, провела значительные раскопки городища [15]. К сожалению, большая работа, запланированная Татакадемцентром, была приостановлена. В последние годы Билярское городище привлекало внимание Татарской археологической экспедиции (ТАЭ) под руководством А. Х. Халикова, начавшей стационарные работы там в 1967 г.

В сентябре 1968 г. отряд ТАЭ проводил на Билярском городище большие разведовательно-топографические работы с целью выявления следов древних сооружений для дальнейших раскопок и составления генерального плана этого крупного памятника булгарской культуры. Для наиболее полной фиксации следов древних построек на новой осенней пашне мы выбрали метод сплошного прохождения шеренгой вдоль борозд с ос-

---

[8] Материалы в АК ИЯЛИ АН СССР.

[9] Там же.

[10] В 1971 г. Билярская экспедиция в районе сел Арбузов Баран и Верхняя Тат. Майна обнаружила еще 10 булгарских памятников.

[11] В. Н. Татищев. История Российская. 1. М., 1962, стр. 269.

[12] Н. Рычков. Журнал или дневные записки..., стр. 11—23.

[13] В. А. Казаринов. Описание Билярских и Баранского городищ, стр. 89—119.

[14] П. А. Пономарев. Краткий отчет о раскопках и разведках..., стр. 47—53; его же. Отчет об археологической экскурсии..., стр. 103—104; М. Г. Худяков. Разведки в Билярске..., стр. 59—61.

[15] А. С. Башкиров. Экспедиция по изучению болгаро-татарской культуры летом 1928 года. МОРРПТ, 3. Казань, 1929, стр. 27—36.

тавлением небольшого расстояния между разведчиками, что давало максимальные возможности выявления любых пятен в радиусе 15—20 *м*. В работе была использована авиация с целью наблюдения предполагаемых следов древних сооружений для планировки и проведения дальнейших работ. Сделаны предварительные рекогносцировочные аэрофотосъемки. При наземной фиксации следов сооружений попутно собран богатый подъемный материал со всей распаханной части городища. Уточнены и дополнены некоторые детали плана городища, снятого В. Сементовским в 1928 г. [16].

Городище без учета оборонительных сооружений занимает площадь 5 730 000 $м^2$ и состоит из двух частей: внешнего города площадью 4 312 200 $м^2$, огражденного оборонительной системой из трех рядов валов и рвов длиной 11 *км*, и внутреннего города площадью 1 417 800 $м^2$, расположенного в середине городища и огражденного обороной из одного ряда вала и рва длиной 5 *км*. 2 146 000 $м^2$, т. е. 37,5% всей площади городища, застроены с. Билярск Алексеевского района ТАССР, остальная территория, за исключением линии обороны, распахивается.

Билярское городище отождествляется с остатками «Великого города булгарского», упоминаемого в русских летописях в 1164, 1184, 1232 и 1236 гг. Такое толкование впервые было предложено С. М. Шпилевским [17] и позднее было поддержано А. П. Смирновым [18]. Этой же концепции придерживаются казанские археологи [19].

В восточных источниках этот город назван Буляром. К сожалению, в письменных источниках мы не находим сведений о топографии города. Выяснение этих вопросов должно основываться главным образом на археологических данных при сравнении их с историческими сообщениями о городах других народов. Так как Волжская Булгария была в основном страной Востока и вся булгарская культура является восточной по своему происхождению и развитию, правомерно сравнение булгарских городов с городами мусульманского Востока в первую очередь с городами Средней Азии. Известно, что город Средней Азии состоял из трех частей: арк (цитадель правителя), шахристан (место сосредоточения феодальной купеческой и духовной знати), рабад (посад, т. е. районы, населенные ремесленно-торговым людом). Такое разделение подходит, очевидно, и к топографии Билярского городища. Правда, арк здесь археологически не выделяется, возможно, что он органически связывался с шахристаном и располагался в его середине. Шахристан с полной уверенностью можно отождествлять с внутренним городом, рабад — с внешним. Эта мысль подтверждается не только самим расположением указанных частей городища, т. е. шахристан в центре, рабад вокруг него, но и характером следов древних сооружений и подъемного материала, изученных нашей экспедицией. Естественно, такое разделение относится к периоду, когда город являлся столицей государства.

На распахиваемой части городища зафиксировано и нанесено на план 1 207 мест древних построек, в том числе 622 на площади внешнего, и 585— внутреннего города, что свидетельствует о наиболее густой заселенности внутреннего города, учитывая его малые размеры по сравнению с внешним городом. Преобладающая часть этих объектов (1178), судя по характеру и составу материала, является остатками деревянных или иных сооружений не кирпично-каменной кладки. Это в основном светлые зольные

---

[16] В. Н. Сементовский. Билярское городище. Уч. зап. Казанского ГПИ, 1. Казань, 1939, стр. 130—138.

[17] С. М. Шпилевский. Древние города... стр. 124—126, 137—139.

[18] С. П. Смирнов. Волжские булгары. Тр. ГИМ, XIX. М., 1951, стр. 329—330. См. также: БСЭ, II изд., 5, стр. 170; изд. III, 3, стр. 322; СИЭ, 2, стр. 439.

[19] А. Х. Халиков. Биляр Великий. «Советская Татария», 9 августа 1967 г.; его же. Тайны старого Биляра. «Советская Татария», 14 января 1971 г.; Р. Г. Фахрутдинов. О древнем Буляре. «Социалистик Татарстан», 8 сентября 1967 г.; его же. Булгарские города. «Казан утлары» («Огни Казани»), 1970, 2, стр. 172—176. См. также коллективные сообщения в АО — 1967, 1968, 1969, 1970, 1971 гг.

пятна на черной пашне размерами в среднем 20×25 *м*, представляющие нагромождение очажных камней в виде красных песчаников, обломков керамики и костей животных, обугленного дерева и углей, остатков различных бытовых предметов. К другой категории относятся следы от 29 кирпичных и частично белокаменных сооружений, основная часть которых (24) приходится на долю внутреннего города, подтверждая этим правильность сравнения его с шахристаном, т. е. с наиболее богатой частью города. Это круглые и овальной формы всхолмления высотой 1—1,5 *м*, длиной или диаметром 30—40 *м*. Судя по характеру материала (обломки кирпичей или строительных камней без предметов бытового назначения или с ними), они являются, очевидно, остатками общественных или жилых сооружений.

На площади городища выявлены следы ремесленного производства в виде отдельных всхолмлений с содержанием большого числа обломков шлака и крицы. На территории внешнего города, на правом берегу р. Билярки, хорошо заметны следы большого гончарного района площадью около 30 000 $м^2$, представленные обильным накоплением обломков гончарной керамики самых различных форм с богатой орнаментацией: много производственного брака, имеются также так называемые сепая, применяемые в качестве поддона при обжиге посуды.

О богатой материальной культуре и интенсивности жизни города свидетельствует большой и разнообразный подъемный материал на всей распаханной его территории. В большом количестве найдены железные изделия: оружие, орудия труда ремесленников и земледельцев, разнообразные бытовые предметы, фрагменты конского снаряжения (топоры, наконечники стрел, защитные нагрудные бляхи, кресала, ножи, кузнечные клещи, цилиндрические замки и ключи от них, обломки цепей, котлов, гвозди, кольца, пряжки, удила и др.). Довольно широко представлены медно-бронзовые предметы: целый набор круглых и квадратных блях с точечно-растительным орнаментом, бляхи с растительным и геометрическим орнаментом или без орнамента, обломок цепи, целые сосуды и их фрагменты, остатки украшений в виде утки-подвески и височных колец. Много костяных вещей: пуговицы, пластинки и гребешки с циркульным орнаментом, накладки для лука, различные рукоятки. Встречаются янтарь, перламутр, обломки оконного стекла, стеклянных браслетов и сосудов. Чрезвычайный интерес представляет небольшой фрагмент какого-то стеклянного сосуда с рельефными арабесками. К сожалению, только две сохранившиеся буквы не позволяют расшифровать их. Наиболее редкие и ценные находки обнаружены на территории внутреннего города (шахристана). на).

Основную часть коллекций составляет керамика: гончарная и лепная. Гончарная представлена обломками типичной булгарской лощеной посуды коричневого, желтого, желто-красного и серого цвета самых разнообразных форм: горшковидные, кувшинообразные, чашевидные, мискообразные сосуды, сфероконусы, светильники. Много форм вертикальных ручек сосудов. Орнаментация богата и разнообразна: линейные, волнистые, гребенчатые, ямочные узоры как самостоятельные мотивы, так и в их переплетении. Заметно выделяется орнамент в виде вертикальных каннелюр, нанесенных порой на всей поверхности сосуда; часто встречаются красивые фаски, заштрихованные треугольники.

Кроме неполивной, встречено довольно много керамики с темно-коричневой, светло-коричневой и темно-зеленой поливой, повторяющей элементы и формы неполивной керамики. Найдено большое число обломков лепной керамики темно-серого цвета из глины с примесью толченой раковины и мелкого шамота и с характерным орнаментом — веревочным на шейке, елочно-резным и елочно-гребенчатым на плечиках и стенках. В массе лепной керамики много крышек сосудов и их вертикальных ручек. Кроме посуды, к глиняным изделиям относятся различные пряслицы.

Перечисленный материал, главным образом керамика, относится к домонгольскому времени и дает право присоединиться к точке зрения предшествующих исследователей о том, что основная жизнь города проходила в этот период. Кроме домонгольской, в составе подъемного материала определенная часть находок датируется золотоордынским временем. К ним относятся: обломки поливной керамики голубого, темно-синего и желто-красного цвета и обломки так называемой кашинной керамики, некоторые виды орнамента на неполивной лощеной керамике (многозонно-резной и елочно-гребенчатый), отдельные железные вещи, например, поздние формы цилиндрических замков.

О том, что город существовал и в золотоордынское время, свидетельствуют также и прежние археологические материалы. В результате раскопок на городище в 1928 г. А. С. Башкиров указывал значительное число находок золотоордынского времени. Разбирая керамику, он отмечает «татарскую», т. е. золотоордынскую посуду красного цвета, с резным многозонным орнаментом и с богатыми формами. Такая керамика, пишет А. С. Башкиров, находит аналогию в керамике XIII—XIV вв., обильно встречающейся на городищах Среднего Поволжья, Дона, Кубани, Крыма и др. Исследователь приходит к твердому убеждению в том, что схема керамического материала Билярского городища рисует «три крупных периода его жизни: раннебулгарский, позднебулгарский и булгаро-татарский»[20], подразумевая под раннебулгарским и позднебулгарским домонгольский период, под булгаро-татарским или татарским — золотоордынский период.

На территории Билярского городища в различные годы были найдены джучидские монеты. Так, адъюнкт Казанского университета С. Кондырев, побывавший в Билярске в 1812 г., в числе различных вещей обнаружил и две серебряные моменты, одна из которых имела чекан 747 (1347) г.[21]. О находках джучидских монет в Билярске писали известные русские нумизматы В. К. Савельев[22] и Р. Р. Фасмер[23]. Г. А. Федоров-Давыдов в сводной работе по находкам джучидских монет дает перечень монет с Билярского городища, поступивших в Гос. музей ТАССР в 1871, 1874—1876, 1878—1880 и 1883 гг. Он указывает 71 монету, начиная от анонимных XIII в. и кончая дирхемами Хаджи-Гирея, причем самая поздняя сохранившаяся на монетах дата — 827 (1423) г. — монета Улу-Мухамеда[24]. Существование Буляра в золотоордынское время наглядно подтверждается еще одним важнейшим нумизматическим фактором: в самом Буляре чеканились золотоордынские монеты. Монету булярской чеканки 1293 г. (при хане Туда-Менгу) указывал С. М. Шпилевский[25]. Н. Ф. Калинин включает Биляр в список городов Золотой Орды, где чеканились монеты. Список составлен им по нумизматическим каталогам Березина и Савельева[26]. Почти такой же список был составлен Г. А. Федоровым-Давыдовым, где также значится Биляр (Буляр)[27]. Буляр упомянут и в некоторых источниках, составленных или в период Золотой Орды или позднее, но имеющих отношение к данному периоду[28]. О завоевании Бюлара Тамерланом говорится в одной из рукописей «Дас-

---

[20] А. С. Башкиров. Экспедиция по изучению болгаро-татарской культуры..., стр. 35—36.

[21] С. М. Шпилевский. Древние города..., стр. 363, 551.

[22] Там же, стр. 363.

[23] Р. Р. Фасмер. Список монетных находок. ГАИМК, 1, Л., 1926, стр. 297, № 44.

[24] Г. А. Федоров-Давыдов. Находки джучидских монет. НЭ, 4. М.—Л., 1963, стр. 198, № 445.

[25] С. М. Шпилевский. Древние города..., стр. 58.

[26] «История Татарии в материалах и документах», М., 1937, стр. 57.

[27] Г. А. Федоров-Давыдов. Клады джучидских монет. НЭ, 1. М.—Л., 1960, стр. 188.

[28] См. М. Г. Сафаргалиев. Распад Золотой Орды. Саранск, 1960, стр. 27.

тан Аксак Тимур», найденной Х. Френом [29], и в известном сочинении историка XVI в. Ибн Шарафеддина Булгари [30].

Все указанные археологические, нумизматические и письменные источники позволяют не согласиться с мнением А. Х. Халикова, датирующего Билярское городище только домонгольским периодом. Следует с сожалением отметить, что А. Х. Халиков, не учитывая всей совокупности источников и не проводя соответствующего их анализа, писал, что город прекратил свое существование после нашествия монголов в 1236 г., более того, что он был сравнен с землей [31].

Упоминание Буляра в письменных источниках непосредственно связано с выяснением подлинного названия этого города. А. Х. Халиков в последней статье, посвященной итогам раскопок на Билярском городище, утверждает, что город назывался Билэр (русское произношение — Биляр), и считает, что в основе названия слово «Беек» (великий), как называли его русские летописи. Он пишет, что местное булгарское население, очевидно, называло свой город словом «биек» («высокий»). Позднее, в результате сокращения этого слова, утверждает автор, он стал называться городом «бий»ев, т. е. великих людей. Далее А. Х. Халиков пишет, что «би» или «бай» означает у татар богатого человека, подобно тому как «бой» или «боляр» (боярин) имеет равноценное значение у дунайских болгар. Поэтому, говорит автор, вполне возможно название города «Бил әр» от слова «бил еу» (владеть, обладать) [32]. Нам кажется, что такое толкование не объясняет этимологии названия древнего города. Здесь смешаны слова, различные по своему происхождению и значению.

Во всех сохранившихся письменных источниках и фольклорных материалах, где упоминается этот город, он назван Булэр (русское произношение — Буляр, Булар, Бюлар). Оставляя выяснение значения этого слова лингвистам, ограничимся лишь перечислением источников, в которых отмечен город. Китайский историк XIII в. Юан-Ши ао пи-ши писал, что император Угедей приказал полководцу Субедею покорить 11 народов и областей, среди которых упоминается и г. Булар [33]. Как мы уже отметили, Булар, или Бюлар, фигурирует на китайской карте 1331 г. и в «Дастане Аксак Тимур». Кстати, в «Дастане» говорится, что и гора около этого города называется Бюларской, а сам город получил название от р. Бюлар. Наименование города от р. Бюлар констатируется и в некоторых известиях, записанных Н. П. Рычковым около Билярска в 1769 г. [34]. В татарской челобитной 1677 г., данной мурзами и ясашными татарами русскому царю, сказано, что они просят царя разрешить поселиться им близ могилы их умершего царя Балын-Гузя у Бюлара [35]. Бюларом назван город и в работе татарского историка и поэта конца XVIII — начала XIX в. Тазетдина Ялчигула «Тарих-намэ Булгар» [36]. Кстати, и сам А. Х. Халиков в ряде прежних своих статей называл город Буляром [37].

---

[29] С. М. Шпилевский. Древние города..., стр. 57, 58.

[30] Хисаметдин ибн Шарафеддин. История Булгарии (на татар. языке). Казань, 1902, стр. 36.

[31] «Советская Татария», 9 августа 1967 г.; 23 ноября 1971 г.; «Социалистик Татарстан», 12 декабря 1971 г.

[32] «Социалистик Татарстан», 12 декабря 1971 г.

[33] E. Bretschneider. Mediaeval Researches from Eastern Asiatic Couress. Fragments towards the Knowlegte of the Geegraphy and History of Central Asia from the 13th to the 14th Century, I. London, 1910, p. 300.

[34] Н. Рычков. Журнал или дневные записки..., стр. 20.

[35] С. М. Шпилевский. Древние города..., стр. 61—62.

[36] «Описание рукописей Научной библиотеки им. Н. И. Лабочаевского Казанского гос. университета им. В. И. Ульянова-Ленина», XII. Казань, 1968, стр. 31, 33.

[37] А. Х. Халиков. Биляр Великий; его же. Тайны старого Биляра; «История Татарской АССР», Казань, 1968, стр. 45, 47.

В последнее время А. Х. Халиков выступил с двумя газетными статьями: «Город, которому 1050 лет» и «Следы Великого города» [38]. Статьи более чем сенсационны, в них в сущности пересматривается вопрос о столице Волжско-Камской Булгарии домонгольского периода. В многочисленных научных работах, имеющих почти 200-летнюю историографию, столицей Булгарии домонгольского времени, главным образом в первой его половине, т. е. в X—XI вв., считался г. Булгар. Это было основано на большом числе письменных и археологических (в том числе и нумизматических) данных. Вопрос о столице или о столицах волжских булгар несколько конкретизируется историками. В 1877 г. С. М. Шпилевский высказал мысль о том, что в XII в. столицей становится Буляр и остается таковой в начале XIII в. до нашествия монголов. С. М. Шпилевский приходит к такому выводу потому, что Билярское городище расположено на той реке, где под 1184 г. русские летописи отмечают Великий город булгарский [39]. Хотя здесь отсутствует слово о столице, однако отождествление самого большого булгарского городища с летописным Великим, символизирующим, по всей вероятности, значение столицы, явилось правомерным, и оно было признано советскими булгароведами во главе с А. П. Смирновым [40]. Теория о том, что столицей Волжской Булгарии в X—XI вв. был Булгар, а в XII — начале XIII в.— Буляр, прочно утверждается в советской историографии и зарубежной исторической литературе, посвященной истории Волжской Булгарии и средневекового Поволжья. Кстати, и сам А. Х. Халиков писал в 1968 г.: «В X в. столицы находились в Булгаре и Суваре, в XI в.— в Булгаре, в XII в.— начале XIII в.— Биляре» [41]. Получены ли за последние три года новые материалы, которые позволили А. Х. Халикову не только изменить свою прежнюю точку зрения, но и пересмотреть всю прошлую историографию, ревизовать ее? С полной уверенностью можно сказать, что никаких новых сведений и материалов по этому вопросу нет. Появилась лишь новая мысль о том, что тот город, который представлен Билярским городищем, в X в. назывался Булгар [42]. Другими словами, все имеющиеся исторические сведения о г. Булгаре X и XI вв. переносятся к Билярскому городищу. Вопрос этот чрезвычайно важен и научно принципиален, поэтому я считаю своим долгом, долгом исследователя-булгароведа еще раз обратить внимание на те источники, которые имеют непосредственное отношение к г. Булгару. В тоже время такая постановка вопроса довольно странна, ибо приходится доказывать не только доказанное, но и прочно утвердившееся в советской и зарубежной исторической науке.

Еще в первой газетной статье по раскопкам Билярского городища А. Х. Халиков писал: «О Биляре как столице Волжской Булгарии сообщает в 985 г. арабский географ Мукаддеси, писавший, что город занимал оба берега реки (Билярки, или Черемшана)» [43]. Здесь явное недоразумение. Мукаддеси ни о каком Биляре как столице не писал. На обоих берегах реки он отмечает Булгар, подразумевая под этим, по всей вероятнос-

---

[38] «Советская Татария», 23 ноября 1971 г.; «Социалистик Татарстан», 10, 11, 12 декабря 1971 г.

[39] С. М. Шпилевский. Древние города..., стр. 124—126, 137—139, 153.

[40] А. П. Смирнов. Волжские булгары, стр. 329—330. После написания данной статьи в «Советской археологии» появилась статья А. П. Смирнова «О столице государства волжских булгар» (СА, 1972, 1). Эта работа известного советского историка-булгароведа написана как ответ на две газетные статьи А. Х. Халикова «Биляр Великий» и «Тайны старого Биляра», автор которых без достаточных аргументов писал о том, что столицей Волжской Булгарии с X в. был Биляр. А. П. Смирнов решительно выступил против этой концепции и привел убедительные доводы в пользу г. Булгара. Мы полностью присоединяемся к А. П. Смирнову в вопросе о столице булгарского государства.

[41] «История Татарской АССР». Казань, 1968, стр. 45.

[42] «Социалистик Татарстан», 12 декабря 1971 г.

[43] А. Х. Халиков. Биляр Великий.

ти, страну, так как и город, и страна назывались одинаково — Булгар. К тому же, сам Мукаддеси в следующей фразе указывает, что Булгар лежит у р. Итиль[44]. А. Х. Халиков почему-то обошел молчанием это прямое указание местоположения Булгара на берегу Волги. Следовательно, тут не может быть каких-либо предположений относительно М. Черемшана, или Билярки (кстати, Билярское городище не занимает оба берега М. Черемшана, оно расположено в 2 *км* южнее от него).

Местоположение г. Булгара на берегу Итиля отмечено в работах ряда других представителей классической арабо-персидской географии. В «Худуд-ал-алем» — выдающемся произведении восточной географической литературы, составленным в 983 г., сообщается: «Булгар — город с небольшой областью, расположенной на берегу Итиля... Сувар — город вблизи Булгара»[45]. Наджиб Хамадани (XII в.) также писал, что Булгар расположен на берегу р. Атыл (Итиль)[46]. Местоположение Булгара на берегу Волги отмечено косвенно и у других восточных авторов. Ибн-Хаукаль в 976 г. сообщает, что Булгар — небольшой город и известен тем, что был гаванью государства. Ибн-Хаукаль добавляет, что русские ограбили его в 968 г. наряду с хазарскими городами[47]. То, что Булгар был гаванью, пристанью и находился на пути движения в Хазарию, указывает на его расположение у Волги. Известно, что данное сообщение Ибн-Хаукаль взял через аль-Истахри у аль-Балхи, автора первой половины X в., назвавшего вышеупомянутый «торговый пункт государства» — внешним Булгаром[48]. Это выражение аль-Балхи послужило А. Х. Халикову для утверждения о существовании внутреннего Булгара, т. е. Буляра. Вопрос, очевидно, не так-то прост. Во-первых, сам аль-Балхи вначале говорил о наличии у булгар двух городов — Булгара и Сувара — и отметил, что от Булгара до Итиля (столицы Хазарии) расстояние по Волге 20 дней пути. Следовательно, Булгар был один и он располагался на Волге. Во-вторых, эпитет «внешний» или «внутренний» у последователей аль-Балхи переносится на название народа. Аль-Истахри, например, говорил о внутренних булгарах, которые суть христиане, то же самое говорил и Ибн-Хаукаль, добавляя, что среди них есть и мусульмане. Поэтому их комментатор Д. А. Хвольсон высказал мысль о том, что речь идет еще о дунайских булгарах[49]. К тому же сам аль-Балхи говорил еще о внутренних башджарах в отличие от приуральских башджаров. Данное сообщение комментировано Д. А. Хвольсоном в пользу дунайских венгров[50]. В вопросе «внешний Булгар» акад. Б. Д. Греков и Н. Ф. Калинин высказали интересную мысль о том, что под этим названием следует подразумевать Ага-Базар — торговую пристань г. Булгара на Волге[51].

Использовать сообщения арабо-персидских географов X—XI вв. в вопросе о городах Волжско-Камской Булгарии нужно не для предвзятого цитирования отдельных фраз и сообщений, а для тщательного научного анализа всех доступных сведений. Суммируя имеющиеся сообщения восточных географов X—XI вв. о булгарских городах, можно сказать, что все они называют два города — Булгар и Сувар. Так пишут: аль-Балхи[52], аль-

---

[44] Д. А. Хвольсон. Известия о хазарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и руссах Абу али-Ахмеда бен Омар Ибн-Даста. СПб., 1869, стр. 84.

[45] «Худуд-ал-алем». Рукопись Туманского с введением и указателем В. Бартольда. Л., 1930, стр. 32.

[46] А. П. Ковалевский. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1956, стр. 153.

[47] А. Я. Гаркави. Сказание мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII в. до конца X в.). СПб., 1870, стр. 218—219.

[48] Д. А. Хвольсон. Известия..., стр. 82.

[49] Там же, стр. 83.

[50] Там же, стр. 84.

[51] Б. Д. Греков, Н. Д. Калинин. Булгарское государство до монгольского завоевания. «Материалы по истории Татарии», 1. Казань, 1948, стр. 152.

[52] Д. А. Хвольсон. Известия..., стр. 82; А. Я. Гаркави, Сказание..., стр. 275.

Истахри[53], Ибн-Хаукаль[54], Худуд-ал-алем[55], аль Мукаддеси[56], аль-Марвази[57], Махмуд Кашгари[58]. Город Булгар отдельно упомянут рядом других современников: аль-Масуди[59], Идриси[60], аль-Джавалики[61] и некоторыми другими последующими компиляторами, но пользовавшимися источниками X—XI вв.: Якутом[62], Ибн-аль-Варди[63], аль-Бакуви[64], Хумейри[65], Мубарак-Шахом (у последнего — Булгар и Сувар)[66]. Название раннего, домонгольского Булгара встречается в большом числе татарских и персидских рукописей (рукопись Ибн Шарафетдина аль-Булгари, «Тарджимаи Ферхег-намэ», «Таварих уд-Даваир», «Бурхан-кати», «Гефт-Кулзум», рукопись Мирхонда, рукописи, найденные Френом, Фуксом и др.), легенд и сказаний (в том числе и в легендах, записанных в XII в. аль-Гарнати)[67]. Во всех этих источниках Булгар назван именно Булгаром в отличие от Буляра, упомянутого в источниках XIII—XIV вв. Те источники, которые касаются месторасположения г. Булгара, помещают его на берегу р. Итиль (Волги), остатки которого и с домонгольским слоем находятся там и поныне — это широко известное Булгарское городище. Путать Булгарское городище с Билярским, расположенным на М. Черемшане и представляющим собою остатки исторического г. Буляра, абсолютно невозможно.

Выбор Булгара столицей в X в., когда образовалось Булгарское государство, вполне закономерен. Этот город занимал весьма удобные позиции на стыке двух основных торговых и стратегических водных артерий Восточной Европы — Волги и Камы. Сооружение столицы в таком важнейшем районе сыграло большую роль при объединении булгарских земель в одно централизованное государство, в превращении Волжской Булгарии и ее столицы в центр международной торговли между Западом и Востоком. В XII в. в истории Волжской Булгарии происходят большие изменения. Намного расширяется ее территория, сильно развивается материальная культура, все более укореняется феодализм. В то же время учащаются иноземные походы. Эти моменты сыграли, очевидно, свою роль в переносе столицы Булгарии в более спокойный район — в долину р. М. Черемшан. Следует отметить, что и сам А. Х. Халиков писал о переносе столицы в Буляр, в долину Черемшана[68]. То, что столица в X—XI вв. находилась

---

[53] Б. Н. Заходер. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. II. М., 1967, стр. 37.

[54] А. Я. Гаркави. Сказание..., стр. 218; Б. Н. Заходер. Каспийский свод.., II, стр. 38.

[55] «Худуд ал-алем», стр. 32; Б. Н. Заходер. Каспийский свод..., II, стр. 38.

[56] Д. А. Хвольсон. Известия..., стр. 84.

[57] Б. Н. Заходер. Каспийский свод..., II, стр. 37.

[58] И. Умняков. Самая старая турецкая карта мира. Тр. СГПИ, 1. Самарканд, 1940, стр. 115; Махмуд Кашгарий. Туркий сузлар девони. 1. Ташкент, 1960, карта.

[59] Д. А. Хвольсон. Известия..., стр. 80. Как известно, Масуди несколько ошибся, помещая Булгар на берегу Азовского моря (может быть, по старой традиции, ведь булгары раньше жили там). Другие сведения Масуди не оставляют сомнения в том, что он писал о волжских булгарах.

[60] С. М. Шпилевский. Древние города..., стр. 9—10.

[61] Д. А. Хвольсон. Известия..., стр. 86.

[62] С. М. Шпилевский. Древние города..., стр. 12.

[63] Д. А. Хвольсон. Известия..., стр. 86, 89; С. М. Шпилевский. Древние города..., стр. 20—21.

[64] Абдар-Рашидаль-Бакуви. Китаб талхис ал асар ва аджаиб ал-малик ал-каххар. М., 1971, стр. 111.

[65] По С. М. Шпилевскому. Древние города..., стр. 22.

[66] Б. Н. Заходер. Каспийский свод..., II, стр. 38.

[67] См. подробнее: Шарафетдин аль Булгари. Таварихе Булгария. Казань, 1902 (на тат. языке); С. М. Шпилевский. Древние города..., стр. 23, 25—27, 30—31, 34, 40; С. Г. Вахидов. Татарские легенды о прошлом Волжско-Камского края. «Вестн. научн. об-ва татароведения», 4. Казань, 1924, стр. 82—84; «Древнетатарская литература» (на тат. языке). Казань, 1963, стр. 23—34.

[68] «История Татарской АССР», стр. 47.

в Булгаре, а не в Буляре, прекрасно подтверждается нумизматически. Общеизвестно, что в ранний период Волжской Булгарии монеты чеканились только в двух ее городах — в Булгаре и Суваре. Билярских монет X—XI вв. еще нет [69].

Несколько слов о том, был ли сооружен Буляр именно в 922 г., т. е. в год пребывания Багдадского посольства, как упоминает это А. Х. Халиков? Он говорит, что в составе посольства было много мастеров и ученых и они, прибыв в Волжскую Булгарию, не теряя времени, начали строить крепость в качестве столицы. Данное событие, якобы, связано с проходившим на р. Джаушир съездом булгарских царей и предводителей в присутствии Ибн-Фадлана. Упомянутую Ибн-Фадланом р. Джаушир он отождествляет с р. М. Черемшан или с ее притоками. Это утверждение вызывает категорические возражения. Небольшую р. Джаушир шириной в пять локтей, глубиной до ключицы или местами в рост человека [70] комментатор Ибн-Фадлана А. П. Ковалевский совершенно справедливо отождествляет с р. Гауширма [71], или, как ее называют по-другому, Малая Бахта, в Чистопольском районе ТАССР, протекающей через татарское с. Яуширма. Следовательно, данная параллель выдержана и топонимически. Как ясно видно из текста самого Ибн-Фадлана (и как утверждает А. П. Ковалевский), съезд булгарских предводителей собрался на р. Джаушир для окончательного принятия ислама всеми булгарскими племенами. Ибн-Фадлан ни одним словом не говорит о строительстве какого-либо города. Более того, 4 тыс. динаров, упомянутые в письме халифа Муктадира и предназначенные для строительства крепости, не дошли до булгарского царя Алмуша. Вернее всего, они даже не были получены, несмотря на то, что их должны были взять по пути в Булгарию, в Средней Азии, из имения бывшего везиря халифа Ибн-аль-Фурата, который за три года до этого привел государственную казну к краху. Отсутствие денег явилось даже причиной ухода из посольства некоторых людей, в том числе последних оставшихся законоведа и вероучителя, потому что им должны были выплачивать жалованье из той же суммы [72]. Позднее, уже в стране булгар, Ибн-Фадлан должен был выслушать упреки от царя Алмуша по поводу отсутствия обещанных денег; далее Алмуш в знак протеста отказывается принять багдадский мусульманский обряд и остается при среднеазиатском [73]. Через несколько дней успокоившийся Алмуш в разговоре с Ибн-Фадланом сказал, что деньги халифа собственно ему были не нужны, так как для строительства крепости у него самого достаточно серебра и золота. Он хотел лишь получить благословение от денег халифа, повелителя правоверных [74]. Алмуш, естест-

[69] В своих выступлениях А. Х. Халиков пытался утверждать, что эти известные монеты имеют не булгарский, а билярский чекан, т. е. на них, мол, написано не Булгар, а Биляр (Буляр). Однако эта попытка не увенчалась успехом, ибо трудно, да и невозможно отбросить в сторону тот характерный «гайн» в слове Булгар (بلغار), который фигурирует на всех этих монетах, тогда как название Буляра на монетах XIII в. пишется совсем без «гайн» – بلار. Тогда А. Х. Халиков выдвинул другую гипотезу, по которой и Буляр в X—XI вв. назывался Булгаром, более того, он назывался Великим Булгаром (так утверждает автор в двух новых статьях: «Ждут новые открытия» («Советская Татария», 14 июля 1972 г.) и «Дунайская Болгария – страна наших родственников» («Казан утлары», 1972, 8, стр. 125). Мы уже выше видели, что никаких двух Булгар не было, а единственный Булгар, представленный Булгарским городищем, располагался на Волге. Относительно Великого Булгара с X в.– это явное недоразумение. Есть Великий город булгарский, упоминаемый в летописях с 1164 по 1236 г. и Великий Булгар золотоордынского времени, впервые упомянутый летописями («Болгары Великие») под 1395 г. Это совершенно различные вещи.

[70] А. П. Ковалевский. Книга Ахмеда ибн-Фадлана..., стр. 139.

[71] Там же, стр. 194—195, примеч. 345; стр. 225, примеч. 613.

[72] Там же, стр. 29, 124.

[73] А. П. Ковалевский. Книга Ахмеда ибн-Фадлана..., стр. 32, 134.

[74] Там же, стр. 33, 141.

венно, сказал правду, потому что чуть позднее, но еще в X в., в стране булгар, возникло множество городов и крепостей. Невозможно допустить, что большое число домонгольских булгарских городищ (их число к настоящему времени достигло 93) построено арабами или с их помощью. Булгары сами были отличными мастерами строительства крепостей. Как справедливо подчеркивает А. П. Смирнов, система обороны булгар отвечала требованиям тогдашней военной техники и военно-инженерное дело у них стояло на должной высоте [75]. Булгары скорее сами оказывали помощь другим. Так Бейхаки сообщает, что булгарский царь Абу Исхак Ибрагим ибн-Мухамед в 1024/1025 г. послал много денег и подарков государю Хорасана для строительства двух соборных мечетей [76].

Сказанное выше не позволяет нам согласиться с мнением А. Х. Халикова о том, что Буляр-столица был построен в 922 г. Для этого нет никаких данных. Нет также данных для утверждения о строительстве булгарских сооружений багдадскими зодчими. Тезис А. Х. Халикова о сходстве билярских сооружений с багдадской архитектурой VIII—IX вв. остается недоказанным [77]. Концепция А. Х. Халикова и в данном вопросе неустойчива. Так, в статье «Дунайская Болгария — страна наших родственников» он утверждает о сходстве планировки и форм зданий Билярского городища с планировкой и зданиями древнеболгарских (дунайских) городов Плиски и Преслава [78]. Невольно возникает вопрос: что же явилось основой создания архитектуры волжско-камских булгар — арабская школа или дунайско-болгарская? Если и то, и другое, то и дунайско-болгарская архитектура должна иметь аналогии с арабской. Это, нам кажется, исключается [79].

В связи с вопросом об аналогиях билярских зданий необходимо сказать несколько слов о них. Собственно говоря, зданий как таковых нет, т. е. на территории Билярского городища отсутствуют наземные архитектурные сооружения булгар. Речь должна идти о реконструкциях, сделанных на основе раскопок двух-трех подземных частей сооружений. Что собой представляют эти реконструкции? Панорама всего древнего г. Буляра, представленная в газетной статье «Город, которому 1050 лет», является плодом фантазии художника. Вопрос не решен не только архитектурно, но даже археологически. Для того чтобы сделать реконструкцию большого города площадью 573 *га,* явно недостаточно всего одного вскрытого здания на территории городища. Старых сведений об имевшихся развалинах почти нет, за исключением глухих сообщений В. Н. Татищева и Н. П. Рычкова о нескольких каменных развалинах (остатках мечети с порталом, минарета и др.) без указания месторасположения и без их зарисовок. Данные наших топографических работ на Билярском городище в 1968 г., о чем мы писали выше, не соответствуют представленной реконструкции. Как мы уже говорили, нашей экспедицией зафиксированы следы 1207 древних сооружений, и лишь 29 из них являются остатками кирпичных или белокаменных сооружений. А по реконструкции А. Х. Халикова, почти все билярские постройки являются кирпичными или каменными. К сожалению, определение А. Х. Халиковым характера зданий не всегда научно обосновано. Так, по отдельным земляным всхолмлениям с содержанием обломков керамики, но не вскрытым археологически, он определяет большие монументальные сооружения (ханский дворец, ханская мечеть).

---

[75] А. П. Смирнов. Волжские булгары, стр. 89, 102—103.

[76] Б. Н. Заходер. Каспийский свод..., II, стр. 46.

[77] А. Х. Халиков. Следы Великого города. «Социалистик Татарстан», 11 декабря 1971 г.

[78] А. Х. Халиков. Дунайская Болгария — страна наших родственников, стр. 125, 129.

[79] С утверждением о постройке Буляра на основе арабской школы архитектуры А. Х. Халиков выступил на Билярской конференции, проходившей в Казани в марте 1972 г.

В связи с вопросом о сооружениях, необходимо коротко остановиться на так называемом «Караван-сарае», обнаруженном в урочище «Шишки» при выходе из внутреннего города у его юго-восточного угла. «Шишки» представляют собой группы коротких валов, образующих две небольшие площадки, круглую и овалообразную, окруженные этими валами. По своей планировке и расположению непосредственно при входе во внутренний город «Шишки», по всей вероятности, являются остатками дополнительной обороны города в виде форпоста по охране одних из основных ворот. К такому же мнению пришел А. С. Башкиров, обследовавший их в 1928 г. Он писал, что «это, вероятно, остатки оборонительных сооружений на подобие форта, прикрывающего подступы к валу» [80]. Поэтому расположение «караван-сарая» в черте этой обороны вызывает сомнения. Да и размеры и форма этого кирпичного здания (четырехугольник, длина стен 11—12 *м*) не отвечают требованиям, предъявляемым к «Караван-сараям», для такого большого города, как Булгар. В определении этого здания в качестве «Караван-сарая» А. Х. Халиков допускает некоторые противоречия. Так, он писал, что купцы, прибывшие из отдаленных стран, по древним обычаям могли заходить в город только днем, а к вечеру они оставляли город и отдыхали в «Караван-сарае» [81]. Таким образом, «Караван-сараи» располагались за пределами города, а билярский «Караван-сарай» находится в черте города, в глубине внешнего города. Противоречива датировка «Караван-сарая» в одной и той же статье А. Х. Халикова: он пишет, что сарай существовал в X—XI вв., а в XII в. был покрыт слоем земли толщиной 4 *м* [82]; далее сообщает, что на полу здания найдены скелеты людей, погибших в 1236 г. при защите города от нашествия монголов [83]. Спрашивается, как же проникли эти покойники через такой толстый слой земли или каким образом пол «Караван-сарая» поднялся на четырехметровую высоту через сто лет?

Вызывает также вопрос определение в качестве мечети одной маленькой пристройки к «Караван-сараю». Эта пристройка имеет такие незначительные размеры, что в ней могли размещаться от силы два человека. К чему такая миниатюрная мечеть? [84].

Хочется сказать несколько слов и о размерах города в те или иные исторические периоды. А. Х. Халиков в некоторых своих выступлениях говорил, что Буляр в X в. имел только ту площадь, которая ограждена внутренним валом, а внешняя линия обороны построена в XII в., что констатировано сообщениями русских летописей под 1184 г. в связи с описанием похода русских князей на Великий город. В поздних выступлениях он говорит о существовании и внешнего города с X в. Нам кажется, что нет еще достаточно убедительных данных для окончательного утверждения о сооружении внешнего вала одновременно с внутренним, о возникновении обоих частей города (внешнего и внутреннего) в один период. Наши исследования внешней обороны, проведенные совместно с П. Н. Старостиным в 1968 г., показали, что этот вал сооружен не в X в., а позднее [85]. По исследованиям А. С. Башкирова 1928 г., внешняя оборона лежит на культурном слое с булгарской керамикой [86]. В результате разведывательно-то-

---

[80] А. С. Башкиров. Экспедиция по изучению болгаро-татарской культуры..., стр. 31.

[81] «Социалистик Татарстан», 11 декабря 1971 г.

[82] «Социалистик Татарстан», 10 декабря 1971 г.

[83] «Социалистик Татарстан», 11 декабря 1971 г.

[84] Еще задолго до вскрытия этого здания, в 1967 г., когда только начались работы на Билярском городище, название «Караван-сарая» условно было присвоено в целом «Шишкам». Между прочим, так назвал их один журналист, посетивший городище в период работ. Это экзотическое название постепенно закрепилось за «Шишками».

[85] Материалы раскопок находятся в АК ИЯЛИ АН СССР.

[86] А. С. Башкиров. Экспедиция по изучению болгаро-татарской культуры..., стр. 29—30.

пографических работ на территории Билярского городища стало ясно, что на площади внутреннего города имеется очень много следов от древних построек с содержанием большого числа шлаков-остатков явно ремесленного производства. Не говорит ли этот факт о существовании внутреннего города как самостоятельного города со всеми своими ремесленными комплексами? Если так, то он становится шахристаном позднее, а именно с XII в., когда Буляр превращается в столичный город и намного расширяется за счет нового внешнего города, населенного уже в основном ремесленно-торговым людом. Естественно, для получения утвердительного ответа на эти важные вопросы нужно провести тщательные раскопки различных объектов в разных частях городища. При этом желательно быть свободным от преждевременных, поспешных выводов.

Концепция А. Х. Халикова в вопросе о столице домонгольской Булгарии, о постройке Буляра на основе арабской школы архитектуры в год прибытия посольства Ибн-Фадлана, его реконструкции панорамы и отдельных зданий города и некоторые другие вопросы вызвали возражение со стороны сектора археологии и этнографии Института языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова АН СССР — коллектива казанских археологов. Эти концепции не нашли поддержки и на Всесоюзной сессии археологов в 1972 г. Наконец, против этих концепций выступил А. П. Смирнов, главный советский булгаровед, изучающий булгарские древности вот уже 40 лет.

Исследования Билярского городища, одного из выдающихся памятников булгарской культуры, обещает много ценного для средневековой истории Поволжья. В то же время этот памятник требует к себе более внимательного, подлинно научного отношения.

R. G. Fakhroutdinov

SUR LA CAPITALE DE LA BULGARIE PRÉMONGOLE

Résumé

Un détachement d'archéologues de Kazan sous la direction de l'auteur a entrepris, aidé de l'aviation, de vastes travaux de prospection, accompagnés du levé topographique, sur le territoire de l'ancienne ville de Bilar, un des sites archéologiques importants de la Bulgarie de Volga et de Kama, afin de mettre au jour les vestiges des constructions anciennes pour les fouilles ultérieures et l'etablissement du plan générale de l'ancienne ville. On a décélé 1207 vestiges de constructions dont 29 en brique et en pierre blanche. Un abondant matériel «glané» est recueilli rapportable pour la plupart à la période prémongole et, partiellement, à celle de la Horde d'Or. L'existence de la ville de Boular à l'époque de la Horde l'Or est confirmée par des travaux d'autrefois (fouilles de A. S. Bachkirov, en 1928) aussi bien que par les renseignements provenant des sources écrites et le matériel numismatique. Partant des renseignements écrites du XIII siècle et des périodes postérieurs l'auteur reconstitue la dénomination authentique de la ville.

En analisant les ouvrages des géographes arabes et persans des X—XII siècles et des compilateurs plus récents l'auteur se prononce résolument contre l'opinion de A. Kh. Khalikov qui, sans argumentation valable, affirmait Boular être la capitale de la Bulgarie volgienne et contestait l'existence de Boulgar. R. K. Fakhroutdinov défend le point de vue traditionnel selon lequel la capitale de la Bulgarie volgienne se trouvait en Boulgar en X—XI siècles et en Boular en XII — début du XIII siècles. L'auteur avance les objections légitimes contre l'assertion de A. Kh. Khalikov selon laquelle la construction de Boular, la capitale, à la base de l'école architecturale arabe, a eu lieu en 922, la date de l'arrivée sur la Volga de l'ambassade d'Ibn Fadlan et contre ses reconstitutions de la panorama et de certains édifices de la ville dépourvues de résolution archéologique et architecturale valable.

Публикации

В. И. НЕПРИНА, А. С. БЕЛЯЕВ

ПОСЕЛЕНИЕ И МОГИЛЬНИК НОВОЙ НЕОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА СЕВЕРНОЙ УКРАИНЕ

При изучении коллекций неолитических поселений с ямочно-гребенчатой керамикой на территории Украины В. И. Неприной была выделена группа посуды, четко отличающаяся своими технологическими особенностями и характером орнаментации от остальной керамики (Погореловка-Коса, Эсмань и Вырчище). Первоначально казалось, что эта посуда относится к днепро-донецкой культуре, а может быть, и к культуре типа Струмеля. Однако в целом она не находила аналогий в имеющихся археологических комплексах.

Во время раскопок 1971 г. двухслойного неолитического поселения у с. Лисогубовки Конотопского р-на Сумской области оказалось, что керамический комплекс нижнего слоя целиком составляли типы посуды, которая в небольших количествах встречена на перечисленных выше памятниках. Таким образом, раскопками 1971 г. было положено начало изучению неолитической культуры нового типа в Северной Украине.

Работы на Лисогубовском поселении только начаты, тем не менее материалы, полученные здесь, очень важны не только благодаря их новизне, но и стратиграфической четкости.

Поселение расположено в 1,5—2 *км* к северо-востоку от села, в урочищах Остров и Грудок, на правом берегу р. Езуч (левый приток Сейма).

В ур. Грудок была сделана зачистка берегового обрыва длиной 16 *м* при ширине от 2 до 2,5 *м*, обнаружившая следующую стратиграфию (рис. 1): 1 — белый песок, насыпанный со дна реки,— 0—0,1 *м*; 2 — почвенный слой буро-черного цвета — 0,1—0,3 *м*; 3 — углистая черная супесь — верхний культурный слой — 0,3—0,6 *м*; 4 — серо-зеленый суглинок — нижний культурный слой — 0,6—0,8 *м*; 5 — темно-серо-зеленый суглинок, подстилающий слой — 0,8 *м* и глубже.

Находки, относящиеся к культуре ямочно-гребенчатой керамики, залегали в слое углистой супеси; серо-зеленый суглинок содержит неолитические материалы нового типа. Общая мощность культурных наслоений 0,5—0,6 *м*.

Верхний культурный слой. Мощность верхнего культурного слоя на разных участках зачистки неодинакова. Так, в квадратах, расположенных выше по течению реки, его мощность не более 12—20 *см*, а в квадратах ниже по течению реки он заметно толще — до 30—40 *см*. На этом участке есть смысл делить верхний культурный слой на два горизонта, так как материал нижней части углистого слоя типологически отличается от материала верхней части этого слоя. Но это наблюдение еще нужно проверить при будущих работах.

При расчистке верхнего слоя найдены кости животных, кремневый и кварцитовый инвентарь, обломки сосудов и керамических штампов.

Кремневый инвентарь верхнего слоя составляют 43 предмета: клиновидный и дисковидный нуклеусы, 4 нуклевидных обломка, 14 отщепов, 5

пластин и их сечений, обушковая [1] пластинка, 2 отщепа с ретушью, пластинка с ретушью по краям (рис. 2, *1*), 4 концевых и 2 полукруглых скребка на отщепах (рис. 2, *4*), комбинированное орудие — скребок-пилка на отщепе, 3 скобеля на отщепах, обушковые ножи на пластине (рис. 2, *6*) и на отщепе (рис. 2, *5*), 2 проколки, 2 угловых резца с выемкой на конце отщепов (рис. 2, *3* и *8*), ромбовидный наконечник стрелы (рис. 2, *2*), резчик (рис. 2,*7*).

Всем изделиям из кремня имеются аналогии в материалах памятников типа Скуносово, а также более ранних, таких, как Волынцево или Погореловка-Вырчище. Лишь обушковый нож на широкой пластине обладает некоторыми морфологическими особенностями: конец обушковой его части оформлен в виде острия, а на дуговидном конце ножа расположена мелкая притупляющая ретушь. Из кварцита всего два отщепа.

Керамика представлена 418 обломками сосудов, из них около 80 фрагментов найдено в верхней части нижнего слоя. Такое частичное проникновение материала из одного слоя в другой неизбежно при отсутствии стерильной прослойки, как это имеет место на Лисогубовском поселении.

Судя по фрагментам венчиков, стенок и придонных частей сосудов, последние на этом поселении представлены двумя формами: глубокими горшками с плавно биконическим туловом, со слегка отогнутыми венчиками и округлыми донышками, а также глубокими горшками котлообразной формы; шейки этих сосудов не выражены, а край прямо срезан и слегка вогнут.

Из 19 фрагментов венчиков — 11 с гофрированными краями (рис. 3, *5–6*, *11–12*), остальные с прямо срезанными (рис. 3, *1–4*, *7–8*). По прямому срезу иногда нанесены ямочные вдавления (рис. 3, *4*), гребенчатые отпечатки или насечки. Гофрировка венчиков оформлена защипами (рис. 3, *11*) или попеременными вдавлениями палочкой, обмотанной шнуром с наружной и внутренней сторон края сосудов (рис. 3, *6*, *12*) или простой округлой палочкой (рис. 3, *5*). Ниже края венчиков, как правило, есть один-два ряда жемчужин (рис. 3, *1*, *3–5*, *7–8*, *11–12*).

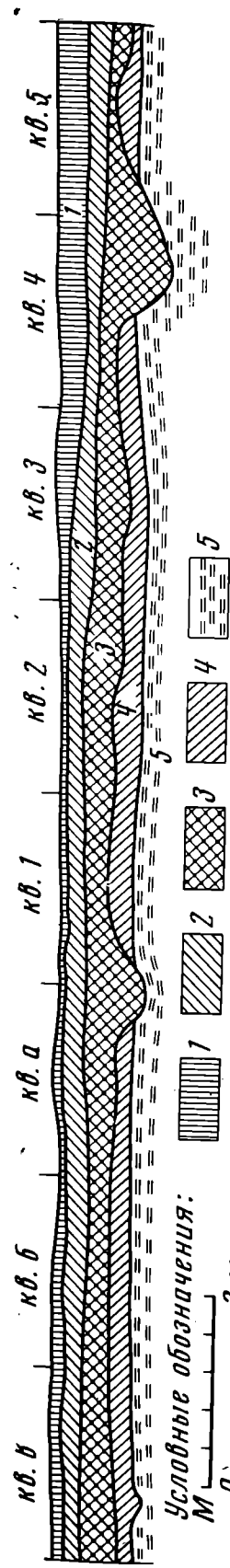


Рис. 1. Профиль зачистки берегового обрыва на Лисогубовском поселении
1 — насыпной белый песок; *2* — почвенный слой бурый; *3* — углистая черная супесь — верхний культурный слой; *4* — серо-зеленый суглинок — нижний культурный слой; *5* — темно-серо-зеленый суглинок с жерствой — подстилающий слой

[1] Обушковыми пластинами мы предлагаем называть заготовки, отличающиеся от ножевидных пластин наличием только одного режущего края, второй край пластины утолщен, имеет вид грани, перпендикулярной брюшку, и служил обушком. Орудия, изготовленные на таких пластинах, сохраняют название обушковых. Обушковые отщепы характеризуются широкими утолщенными основаниями, равными по ширине концам отщепа, они служили заготовками для режущих орудий.

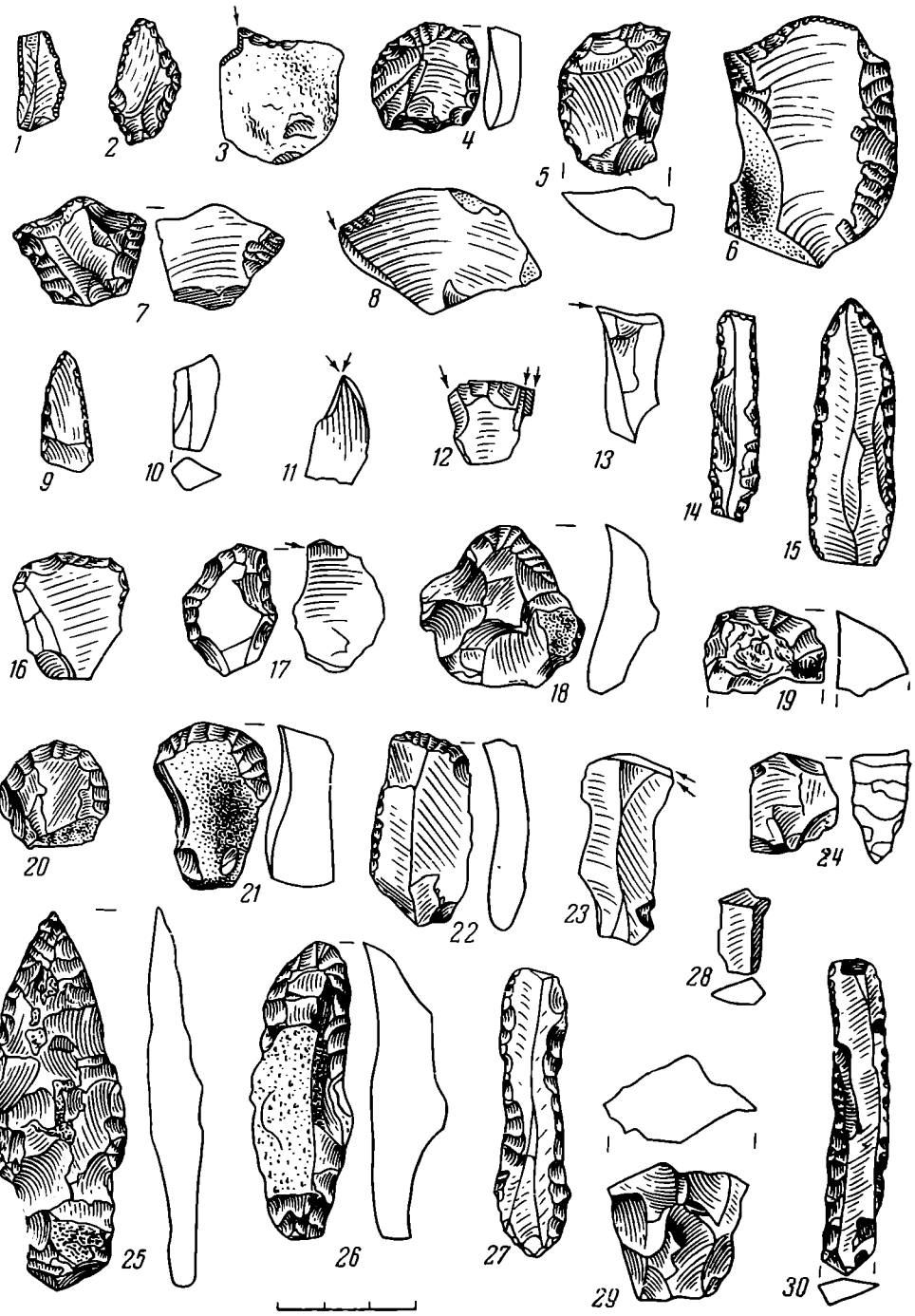


Рис. 2. Кремневый инвентарь из Лисогубовского поселения и могильника

1—8 — из верхнего слоя поселения; *9* — *27* — из нижнего слоя поселения; *28*—*30* — из культурного слоя над погребальной ямой

Сосуды орнаментированы по всей поверхности. Преобладают узоры из правильных ямок, расположенных в шахматном порядке или в виде рядов, параллельных венчику. Встречаются сосуды, украшенные более небрежно: ямками угловатой, овальной или узкоудлиненной формы (рис. 3, *6*, *13*, *21*). Иногда зоны ямочного узора разделены пояском поверхности без орнамента (рис. 3, *15*). В двух случаях зоны ямочного узора разделены поясом

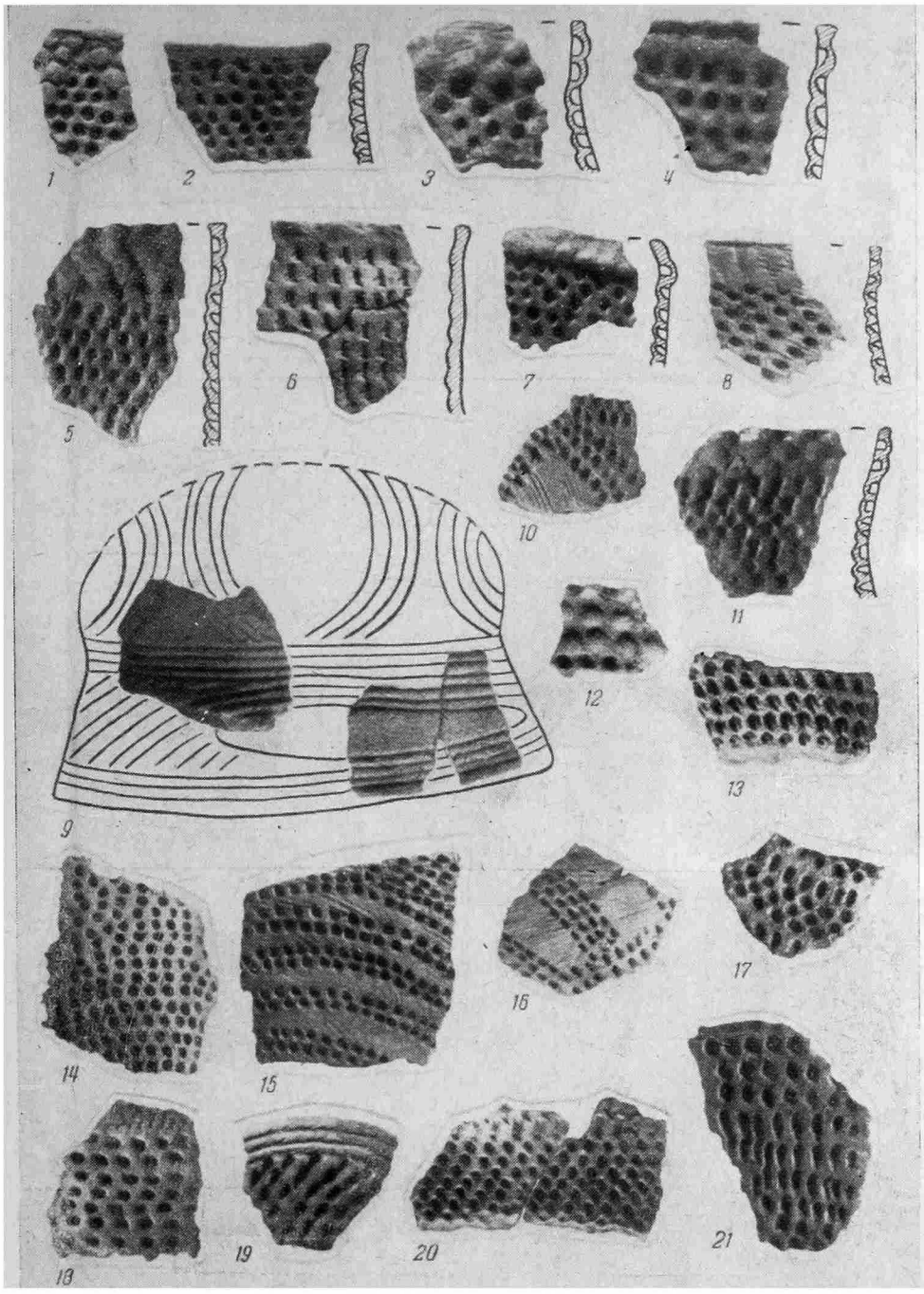


Рис. 3. Керамика из верхнего слоя Лисогубовского поселения

косо поставленных отпечатков гребенки (рис. 3, *18—19*). Четыре фрагмента имеют гребенчатый орнамент в елочку и в виде опоясывающих сосуд рядов.

Описанная керамика имеет аналогии в керамических комплексах поселений Десны и Сейма: в Скуносово — урочище Рудого и Линского [2], Заболотово [3], Погореловка — урочище Коса и Плюшняк [4].

[2] Д. Я. Телегин. О хронологии поселений с ямочно-гребенчатой керамикой Украины. СА, 1962, 4, стр. 29—32.

[3] К. Коршак. З праці семінару при археологічному відділі Всеукраїнського історичного музею ім. Шевченка у Киеві. Хроніка археології та мистецтва. 1, Київ, 1930, стр. 63—66.

[4] М. Я. Рудинський. Погорілівка. АП, VI, Київ, 1956, стр. 166—168.

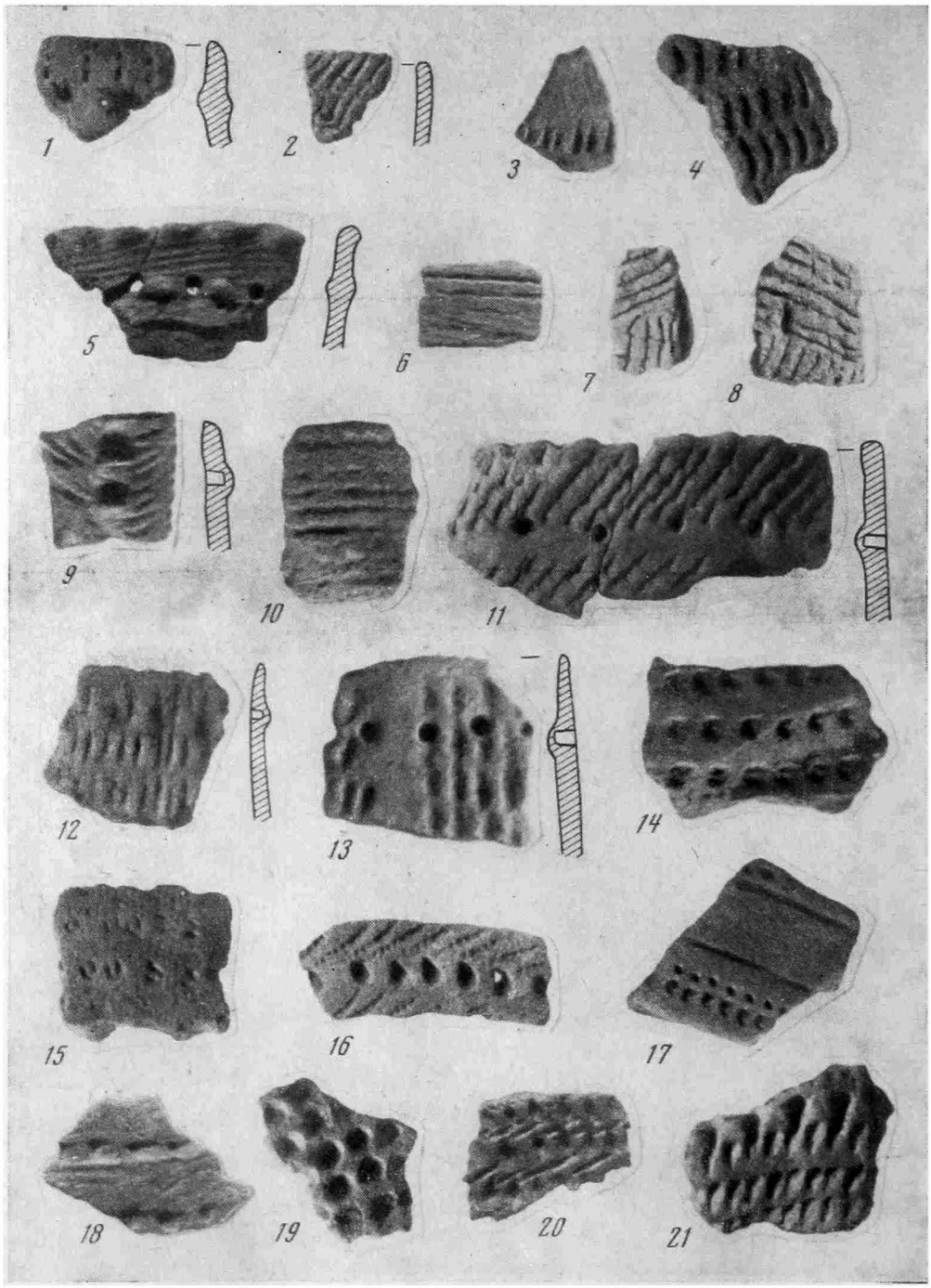


Рис. 4. Керамика из Лисогубовского поселения и могильника

1—6 — из культурного слоя над погребальной ямой; *7—8* — из расчлененного погребения; *9—21* — из нижнего горизонта верхнего слоя поселения

В верхнем слое дважды в совместном залегании с ямочно-гребенчатой керамикой найдены фрагменты шлемовидной крышки, характерной для трипольских сосудов, с углубленным орнаментом (рис. 3, *9*), аналогичной изделиям из поселения Веремье [5]. Этот факт еще раз подтверждает синхронность памятников второго этапа неолита ямочно-гребенчатой керамики Украины с поселениями развитого триполья, хотя эта синхронность

[5] В. В. Хвойка. Каменный век Среднего Поднепровья. Тр. XI АС, I, М., 1901, таблицы.

устанавливалась первоначально на основании взаимосвязей с среднестоговскими племенами [6].

Необходимо отметить, что часть ямочно-гребенчатой керамики, происходящей из нижнего горизонта верхнего слоя (рис. 4, *9—21*), отличается от описанной керамики, составляющей основную массу комплекса. Она отмечена в квадратах *а, б, в* зачистки 1. Ее отличает наличие на внут-

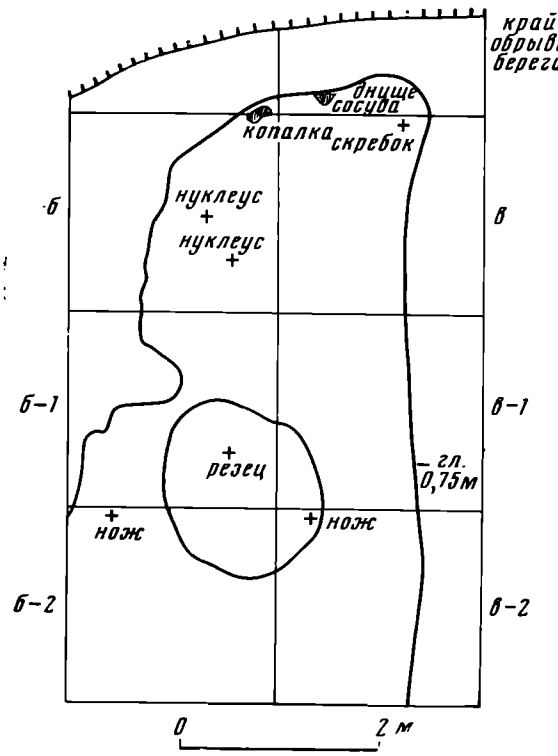


Рис. 5. Лисогубовское поселение. Очертания глинобитного пола жилища нижнего слоя

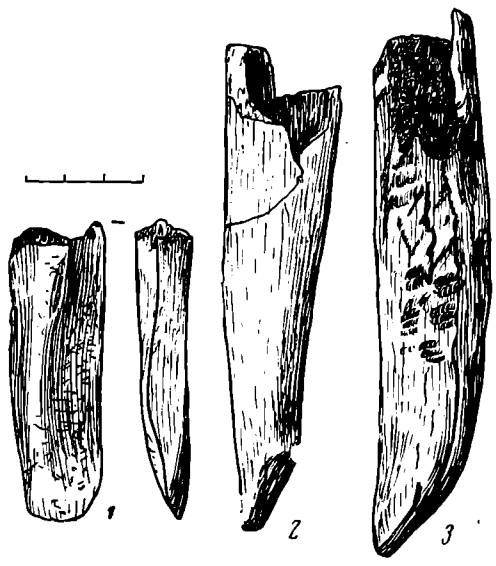


Рис. 6. Костяные (*1—2*) и роговые (*3*) орудия нижнего слоя Лисогубовского поселения

ренних стенках гребенчатых расчесов в разных направлениях, более небрежное выполнение узора, а главное — его композиции — чередование опоясывающих рядов ямок с опоясывающими рядами косо поставленных отпечатков гребенки (рис. 4, *16, 20*), что ни разу не отмечено для керамики верхнего горизонта слоя. Аналогии ей находятся в материалах раннего этапа неолита ямочно-гребенчатой керамики — Погореловка, ур. Вырчище, Волынцево [7].

По-видимому, верхний культурный слой Лисогубовского поселения содержит остатки неолита ямочно-гребенчатой керамики двух этапов: раннего, представленного волынцевским типом культуры, и среднего, представленного скуносовским типом.

Нижний культурный слой. Слой серо-зеленого суглинка четко отличается по цвету и структуре от вышележащей углистой черной супеси, но стерильной прослойки между слоями нет. Мощность этого слоя в пределах всей зачистки почти одинакова —20—25 *см*. В нем найдены кости животных, кремневые, костяные и роговые орудия, керамика. Последняя резко отличается от керамики верхнего слоя своими технологическими особенностями, орнаментацией и сохранностью. Незначительная часть керамики

[6] В. І. Непріна. Неоліт ямково-гребінцевої кераміки в північно-східній Україні. «Археологія», 4, Київ, 1971, стр. 25.

[7] Там же, стр. 24.

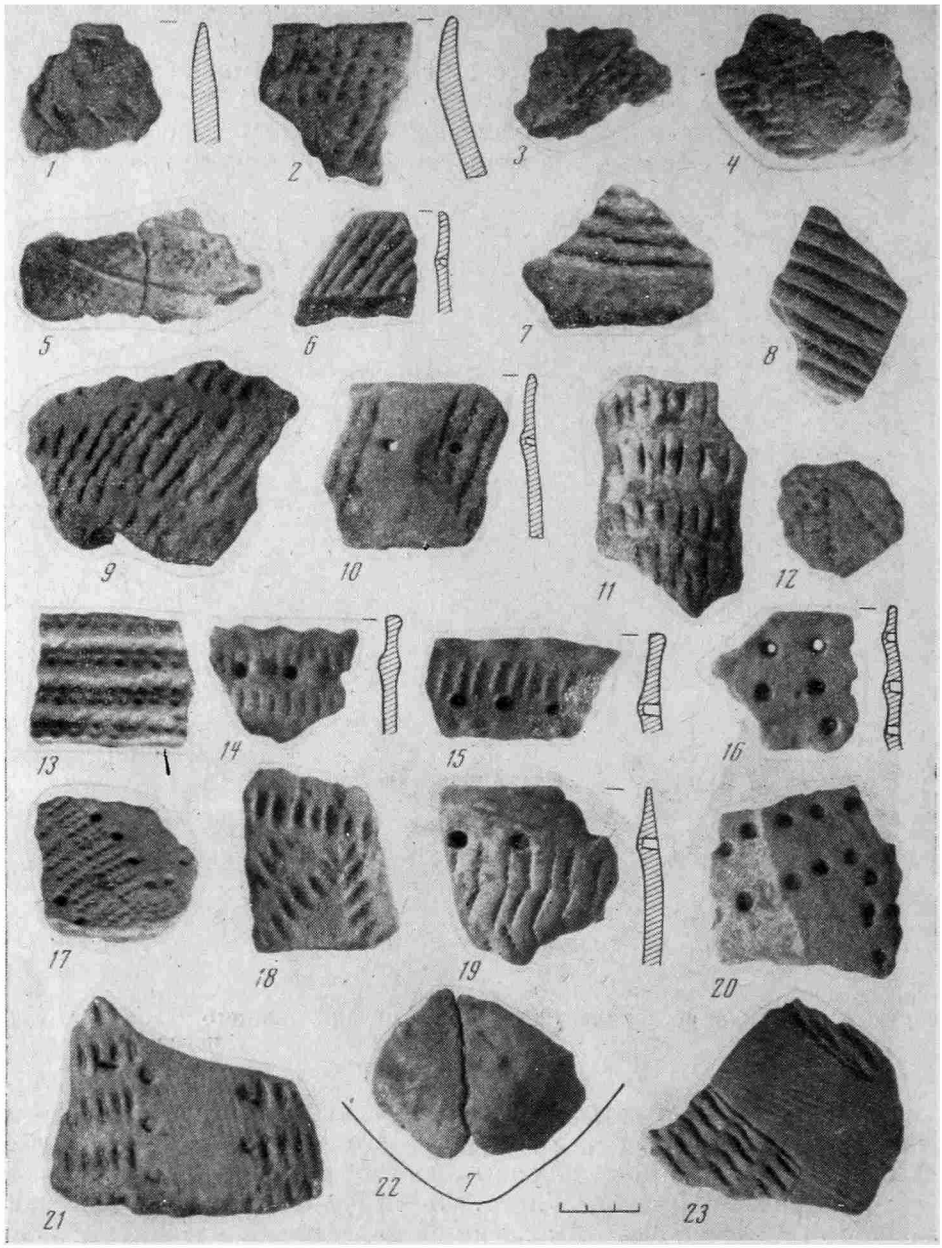


Рис. 7. Лисогубовское поселение. Керамика нижнего слоя

нижнего слоя попала в верхний слой, но она по своей сохранности так резко выделялась, что не вызывал сомнения факт механического смешения материалов разновременных и разнокультурных поселений.

Помимо вещественных остатков в нижнем слое обнаружены следы, надо полагать, древнего жилища в виде остатков утрамбованного пола, который был выявлен благодаря заметно возросшей плотности суглинка в квадратах *б — в* зачистки, однако уловить его очертания не удавалось, так как по цвету пол не отличался от окружающего суглинка. Лишь при высыхании зачищенной площади очертания пола жилища стали четко видны. Для того чтобы выявить полностью остатки древнего сооружения, в глубь площадки был прирезан раскоп. На его площади были установлены контуры подпрямоугольной в плане утрамбованной площадки (рис. 5), ориентированной перпендикулярно к реке и с выходом в сторону реки. Ширина площадки 2,94 *м*, длина 6,2 *м*, далее ее очертания уходят в стенку раскопа.

На расстоянии 3 *м* от входа был расположен очаг округлой в плане формы, отличающийся от серо-зеленого пола несколько более темной окраской и рыхлостью заполнения. Возле очага лежал нож с черешком (рис. 2, *25*), около входа, у стенки — роговая копалка (рис. 6, *3*), фрагмент приостренного днища (рис. 7, *22*) и скребок.

При расчистке пола и нижнего слоя найдены кремневые предметы, обломки сосудов, кости животных, щитки панцирей черепах, которые часто обожжены.

Кремневый инвентарь нижнего слоя состоит из 52 предметов: 17 мелких и средних отщепов, 2 обушковых отщепа, 3 миниатюрные пластины, 2 первичные пластины, 3 миниатюрных клиновидных, дисковидный и призматический нуклеусы, 3 нуклевидных обломка, пластинки с ретушью (рис. 2, *14, 27*), сечения пластины с выемками, 5 скребков на отщепах различной формы: полукруглой (рис. 2, *20*), высокой (рис. 2, *19*), остроконечной и боковой, 2 миниатюрных резца на отщепах (рис. 2, *11—12*), резцовый скол, остроконечный нож на пластине (рис. 2, *15*), обушковая пластина (рис. 2, *10*), боковой скребок на отщепе с плоским резцовым сколом на конце и с выемкой (рис. 2, *17*), резчик на отщепе и несколько отщепов с ретушью, трапеции высокой формы (рис. 2, *9*).

Кремневый инвентарь, найденный при расчистке площадки,— миниатюрный, призматический, клиновидный (рис. 2, *24*) и дисковидный нуклеусы, нуклевидный обломок, 12 отщепов, концевой скребок на отщепе и концевой скребок на пластине (рис. 2, *21—22*), обушковый двусторонне отесанный нож (сломан), клювовидные резцы на пластинах (рис. 2, *13, 23*) и нож с черешком, обработанный уплощающей ретушью с двух сторон (рис. 2, *25*).

Кроме кремневых орудий труда в нижнем слое найдено 3 орудия из кости и рога — это роговая копалка киркообразной формы, по-видимому, вставлявшаяся в коленчатую рукоять (рис. 6, *3*), копалка из трубчатой кости (рис. 6, *2*) и лощило (рис. 6, *1*). Всем этим орудиям имеются аналогии в костяном инвентаре Погореловки — Косы [8].

Керамика нижнего слоя по качеству примесей к глиняному тесту и другим технологическим особенностям может быть разделена на три группы.

1. Сравнительно толстостенные сосуды, сделанные из комковатой мажущейся глины с растительными примесями и зернами кровавика, с хорошо заглаженными стенками (рис. 7, *1—5*). Среди них имеется только два фрагмента венчиков: один от слабо профилированного сосуда, край которого утоньшен и прямо срезан, с внутренней стороны украшен двумя рядами гребенчатых отпечатков и ямками-наколами, снаружи — орнамент в виде ямок-наколов горизонтальными рядами у края и вертикальными — на шейке и плечах (рис. 7, *2*), другой фрагмент венчика также с утоньшенным прямым краем и гребенчатым орнаментом в елочку (рис. 7, *1*). Остальные обломки сосудов этой группы почти все без орнамента, за исключением нескольких, украшенных проглаженными линиями и отпечатками гребенки или наколов между ними в виде опоясывающих или криволинейных композиций (рис. 7, *3—5*). На некоторых фрагментах орнамент сильно стерт.

2. Многочисленна группа обломков от тонкостенных сосудов с большой примесью песка, незначительной примесью растительных волокон и зерен кровавика (рис. 7, *6—12*). Глина хорошо промешана и обожжена. Поверхности черепков хорошо заглажены. По форме это также слабо профилированные глубокие сосуды, с округлоконическими днищами, с гофрированным срезом, орнаментированные отпечатками гребенки в виде опоясывающих рядов, или «отступающим» острием, или крупными наколами в виде вертикальных и диагональных полос узора.

---

[8] М. Я. Рудинський. Погорілівка..., стр. 165.

3. Численно преобладает керамика, сделанная из глины с примесью песка и кровавика, с заглаженной зубчатым штампом поверхностью (рис. 7, *13—23*). Сосуды глубокие, слабо профилированные, с гофрированными венчиками. У края нередки жемчужины. Орнамент чаще всего гребенчатый, располагающийся обычно в верхней части сосудов в виде нескольких опоясывающих рядов вертикально поставленных отпечатков штампа и спускающихся от них вертикальных полос того же узора, часто такие полосы обрамлены ямками или очерчены линией. Иногда гребенчатый штамп располагается в скорописной манере в виде волнистых шевронов, обрамленных ямками на плечиках сосудов. Есть несколько обломков венчиков от одного сосуда, украшенного редко расположенными цилиндрическими ямками.

Небольшое количество фрагментов, типологически близких керамике третьей группы, найдены в верхнем слое. Они отличаются толстостенностью, буровато-красноватым цветом и немажущимися поверхностями, украшены крупными наколами и треугольными фестонами из таких же наколов и проглаженным вертикальным зигзагом между треугольниками. Хотя они и связаны с верхним слоем, но представляют собой проявление культуры нижнего слоя в более позднее время.

Каждая группа керамики выглядит достаточно своеобразной и, возможно, даже разновременной. В какой-то мере это наблюдение корректирует материал площадки. В заполнении площадки найдены пока только вторая и третья группы керамики, а первая найдена только в слое. По-видимому, первая группа представляет собой, судя по технологическим данным, более древний комплекс среди материалов нижнего слоя.

Попытки найти аналогии керамике нижнего слоя приводят к следующим выводам. Керамика первой группы, обладая большим своеобразием, в то же время дает возможность определить круг неолитических комплексов, с которыми ее можно сближать и на этом основании датировать. Так, фрагмент сосуда с точечными ямками-наколами сближается с сосудом из Радуля — местонахождения с культурой струмельского типа; с посудой струмельских ранних памятников сопоставляется и посуда этой группы без орнамента [9]. В более широком плане первая группа керамики может быть сопоставлена с древнейшей керамикой буго-днестровской, сурско-днепровской и приазовской культур. По-видимому, появление на Сейме поселения с подобной керамикой следует рассматривать в связи с процессом сложения древнейших неолитических культур на юге Украины, вызванным, по мнению В. Н. Даниленко, юго-восточным импульсом [10].

Вторая группа керамики нижнего слоя может быть сопоставлена с накольчатой керамикой ряда памятников на территории Украины, таких, как Комсомольское, Волчанские Хутора, Волынцево, Новодоновка 1 и 2 [11], однако Лисогубовская керамика выглядит типологически более ранней, так как в ней еще отсутствуют ямочные элементы орнамента. Поэтому более близкими представляются аналогии лисогубовской керамике второй группы в керамических комплексах поселений с накольчатой керамикой на Верхнем и Среднем Дону, которые В. П. Левенок без достаточных оснований относит к днепро-донецкой культуре [12].

Третья группа керамики также имеет аналогии на Верхнем и Среднем Дону среди «поздних памятников днепро-донецкой культуры», по В. П. Левенку [13]. Помимо этого некоторое сходство как в формах сосудов, так и в орнаментации имеется с керамикой поздних проявлений культуры памят-

---

[9] В. Н. Даниленко. Неолит Украины. Київ, 1969, стр. 32, рис. 5, фаза 1.

[10] Там же, стр. 176—188.

[11] В. І. Непріна. Неоліт ямково-гребінцевої кераміки в північно-східній Україні «Археологія», 4, 1971, стр. 21—24.

[12] В. П. Левенок. Памятники днепро-донецкой культуры в лесостепной полосе РСФСР. КСИА АН СССР, 126, 1971, стр. 108—114.

[13] Там же.

ников типа Струмеля в Северной Киевщине[14]. Очень близкое сходство наблюдается с керамикой одного из ранних горизонтов стоянки Холм в Брянской области[15].

Таким образом, керамический и кремневый комплекс нижнего слоя Лисогубовского поселения с одной стороны сближается с кругом памятников типа Струмеля и, с другой — с кругом памятников накольчатой керамики Верхнего и Среднего Дона. Однако мы не считаем возможным определять нижний слой Лисогубовского поселения как памятник днепродонецкой культуры благодаря своеобразию его керамики и производственного инвентаря.

По-видимому, это поселение положило начало изучению неолитической культуры нового для Северной Украины типа, поэтому предлагаем подобные памятники впредь называть лисогубовским типом.

Анализ материалов этого поселения позволяет сделать заключение о времени его существования. Если верхний культурный слой относится к раннему и второму этапам неолита ямочно-гребенчатой керамики, то нижний слой следует относить к еще более раннему времени. Учитывая, что ранний этап неолита ямочно-гребенчатой керамики датируется первой половиной — серединой IV тысячелетия до н. э.[16], то, по-видимому, нижний слой предварительно можно относить к концу V— началу IV тысячелетия до н. э.

В настоящее время уже можно заключить также, что территория, которую занимали в древности памятники Лисогубовского типа, охватывала среднее течение Сейма (Лисогубовка) и среднее течение Десны (Погореловка-Коса, урочище Каплунов — берег между селом Пироговка и устьем р. Ивотки[17] и стоянка Холм), а на востоке она, по-видимому, смыкалась с бассейном Верхнего Дона.

Могильник. В Лисогубовке на поселении обнаружен могильник со своеобразным погребальным обрядом.

Могильник расположен на курганообразной дюне в глубине площадки поселения. Здесь в центре дюны была заложена траншея — 4×1 $м^2$, затем к ее северной стенке была прирезана площадь 4×2 $м^2$, в целом вскрыта площадь 4×3 $м^2$.

В раскопе на глубине 0,5 *м* от поверхности после снятия почвенного слоя, черного гумусированного песка мощностью 0,3 *м* и слоя подпочвы, темно-серого песка мощностью от 0,1 до 0,3 *м*, было обнаружено углистое пятно в виде неправильного четырехугольника с закругленными углами, ориентированное более длинными сторонами с запада на восток, длина сторон —2,26 и 2,20 *м*, на квадратах 1—2 на глубине 0,6 *м* очертания углистого пятна расширяются (рис. 8 и 9).

Возле южного края пятна были обнаружены остатки погребения человека. От костяка сохранились в анатомическом порядке плечевые кости и между ними остатки челюсти с несколькими зубами и фрагменты черепа. Стратиграфически это погребение связывается со слоем подпочвы (рис. 8).

После снятия углистого слоя, который в центре пятна имел мощность 0,16 *м*, а по краям —0,34 *м*, обнаружились контуры овальной в плане ямы, заполненной пеплом. По трем сторонам ямы — следы от сгоревших опорных столбов. Глубина ямы от уровня древней поверхности составляет 0,4 *м*, и на всю эту глубину она оказалась заполненной голубоватым плотным слоем пепла, в котором иногда встречались остатки уцелевших при сожжении где-то на стороне костей, щитков речной черепахи, створок

---

[14] Д. Я. Телегин. Неолитические стоянки типа Струмеля-Гастятина Северной Киевщины. Д. Б., Минск, 1966, стр. 64.

[15] В. П. Левенок. Археологические работы Трубчевского музея. КСИИМК. X, 1945, стр. 95—99.

[16] В. І. Непріна. Ук. соч., стр. 19.

[17] Сборы 1971 г. учителя школы И. Ф. Иванченко в с. Смяч.

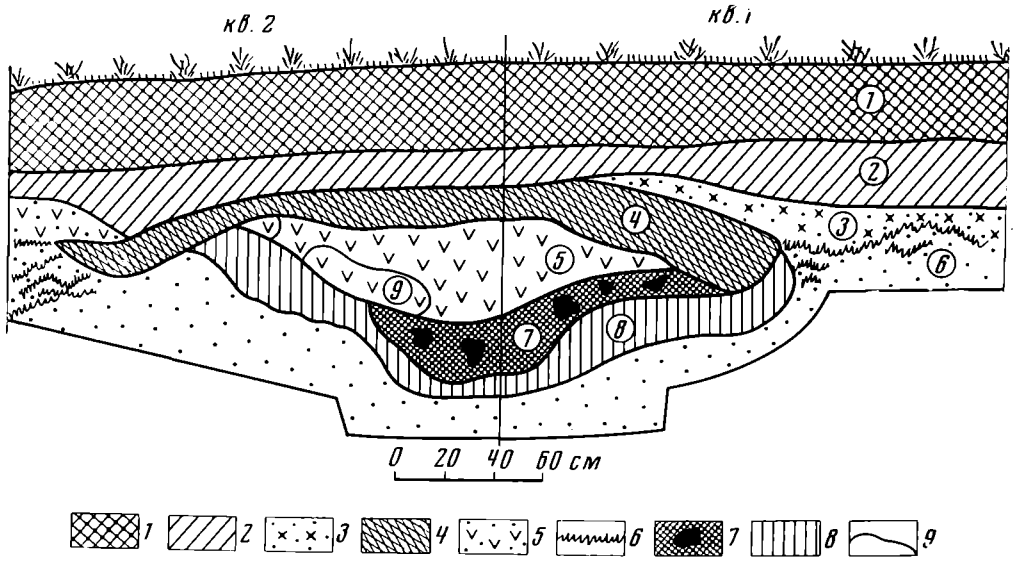


Рис. 8. Могильник Лисогубовского поселения. Профиль погребальной ямы по северо-западной стенке кв. 1—2.

1 — почвенный слой черный; *2* — подпочва темно-серая; *3* — надувной песок; *4* — черный углистый песок; *5* — пепел с песком; *6* — подстилающий белый песок с ортштейнами; *7* — плотный углистый песок; *8* — прокаленный оранжевый песок; *9* — белый пепел

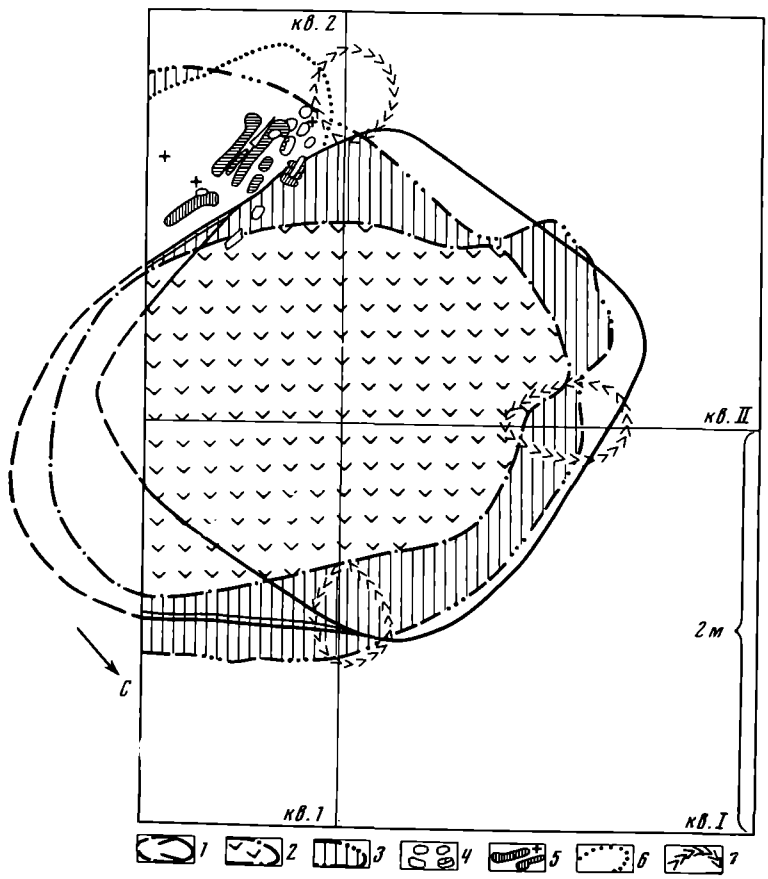


Рис. 9. Могильник. План погребальной ямы.

1 — очертания углистого пятна на глубине 0,5 *м*, на кв. 1—2 на глубине 0,6 *м*; *2* — очертания ямы, заполненной пеплом, на глубине 0,8 *м*; *3* — очертания оранжевого прокаленного песка, образовавшегося от обжига ямы, на глубине 0,8 *м*; *4* — кости погребения 1 на глубине 0,5 *м*; *5* — кости погребения 1 на глубине 0,55 *м* и керамика на этой же глубине; *6* — яма погребения 1 на глубине 0,8 *м*; *7* — ямы, возможно от столбов на глубине 0,7 *м*

раковин, а также кремневые мелкие отщепы без следов обжига. При расчистке поверхности заполнения ямы отчетливо были видны следы ссыпания сожжений отдельными кучками.

Дно ямы было обожжено при ее сооружении, над ней было какое-то, очевидно деревянное, покрытие, с западной стороны прослеживается вход. Когда яма была заполнена до краев, она, по-видимому была оставлена. Деревянное сооружение над ней сгорело, и над ямой некоторое время ничего не было, так как ее начало заносить песком, что хорошо видно на разрезе через яму (рис. 8). Затем образовались вышележащие слои, с которыми связывается погребение возле южного края ямы. Здесь под остатками погребения обнаружились прямоугольные очертания могильной ямы, видимо, вырытой для этого костяка в более позднее время по сравнению с ямой с трупосожжениями. Могильная яма прослеживалась до глубины 0,75—0,8 *м* от поверхности. На дне ямы, заполненной очень плотной углистой землей, лежали уложенные в анатомическом порядке кости нижней части человеческого скелета, возможно того же самого, что и на глубине 0,5 *м*. Вероятно, здесь мы имеем дело с расчлененным погребением. В заполнении ямы, под костяком и рядом с ним найдены кремневые отщепы и черепки от сосудов с узором типа отступающего острия (рис. 4, *7—8*).

В слое почвы и подпочвы собран небольшой материал: кремень и керамика, близкая керамике, найденной при расчлененном погребении.

Среди кремневых предметов, обнаруженных в этих слоях, имеются клиновидный нуклеус (рис. 2, *29*), 15 отщепов, 3 пластинки, 2 обушковых отщепа, обушковая миниатюрная пластинка (рис. 2, *28*), 1 обушковый пластинчатый нож (рис. 2, *30*), обушковый нож из отщепа, 2 концевых отщеповых скребка.

Керамика из слоя над могильными ямами представлена 33 фрагментами неолитических сосудов, аналогичных второй и третьей группам керамики нижнего слоя поселения (рис. 4, *1—6*), так что связь расчлененного костяка с культурой нижнего слоя поселения представляется очевидной. С нижним же слоем поселения следует связывать и более древнюю яму с трупосожжениями. Хотя в заполнении ее керамики не найдено, в нижнем слое, особенно в заполнении площадки, также встречались пережженные мелкие кости, щитки панцирей черепахи, створки раковин — все то, что встречалось и в заполнении погребальной ямы.

Некоторые черты сходства, такие, как наличие надмогильных деревянных сооружений, сближают Лисогубовский могильник с Никольским, Лысогорским и Мариупольским[18]; кроме того, в Лысогорском и Мариупольском могильниках также наблюдалось трупосожжение[19]. Наблюдается также некоторая типологическая близость керамики из этих могильников. Однако пока характер взаимосвязей этих явлений остается неясным.

Таким образом, судя по керамике наиболее древнего комплекса Лисогубовского поселения и по общему облику кремневого инвентаря, истоки этого нового для Северной Украины явления следует искать среди древнейших неолитических культур юга Украины и Нижнего Дона. Типологическая близость и более поздних материалов поселения, и могильника с широким кругом памятников с накольчато-гребенчатой керамикой Днепро-Донского междуречья требует выяснения в дальнейшем хронологических и культурных взаимоотношений этих явлений.

---

[18] Д. Я. Телегин. Никольский могильник эпохи неолита — меди в Надпорожье. КСИАУ, 11, 1961, стр. 23—24.

[19] А. В. Бодянский. Лысогорский неолитический могильник. КСИАУ, 11, стр. 37; М. Макаренко. Маріупільский могильник. Київ, 1938, стр. 18—19.

V. I. Néprina, A. S. Béliaev

VILLAGE ET NÉCROPOLE D'UNE NOUVELLE CULTURE NÉOLITHIQUE AU NORD DE L'UKRAINE

Résumé

En automne de 1971 les investigations archéologiques ont débutés sur un site (non loin du village de Lysogoubovka, dans le district de Konotop de la région de Soumy) comportant un village à deux niveaux et une nécropole.

Le niveau supérieur contient les vestiges du village néolithique de la céramique au peigne et aux fossettes et de la culture du type Skounossovo. La céramique aux fossettes est accompagnée de la vaisselle tripolienne caractéristique pour la période B — II.

Le niveau inférieur contient les vestiges du village néolithique laissé par une culture du type nouveau pour l'Ukraine septentrionale et dont on peut déceler des traits chez la culture néolithique du Don moyen et supérieur. L'ensemble des outils et des ustensiles ménagers est présenté par les objets en silex, en os et en corne aussi bien que par trois groupes de poterie. Les restes du plancher en terre battue d'un habitat à foyer construit à la surface de sol ont été dégagés.

Préliminairement, le village est daté des V—IV millénaires av. n. è.

Au centre d'une élevation sablonneuse, au fond du terrain, une grande fosse sépulcrale est découverte remplie de cendres des inhumés qu'on y déversait. Au dessus de la fosse il y avait un recouvrement de bois brulé par la suite. La nécropole est rattachée au village du niveau inférieur.

И. Г. РОЗЕНФЕЛЬДТ

СТОЯНКИ БЛИЗ СЕЛА НЕГОТИНО БРЯНСКОЙ ОБЛАСТИ

Бассейн р. Десны насыщен многочисленными памятниками неолита и бронзы, представленными главным образом дюнными стоянками, реже грунтовыми и курганными могильниками. Они расположены преимущественно на незаливных участках поймы и по краю первой надпойменной террасы левого берега р. Десны, чаще всего на мысах при впадении в реку притоков; некоторые памятники обнаружены и на правом берегу р. Десны, там, где коренной берег отходит от ее русла — в условиях аналогичных. Культурный слой этих памятников обычно песчаный. Иногда он плотно задернован и хорошо сохранен, но чаще разрушен, развеян, и археологический материал находится в обнажениях прямо на поверхности. Находки обычно представлены керамикой и кремнем, изделия из кости и дерева встречаются редко, так как песчаный грунт не способствует сохранению органических остатков.

В начале XX в. уже были известны первые сведения об этих памятниках, а в музеи и частные собрания стал поступать происходящий с них подъемный материал. Систематическое обследование деснинских памятников проводилось советскими археологами. В 1928—1929 гг. Т. С. Пассек и Б. А. Латыниным произведены специальные разведки и небольшие раскопки, связанные с изучением первобытных стоянок и могильников. Большие работы (преимущественно в бассейне среднего течения р. Десны) проведены Комплексной Деснинской экспедицией ИИМК АН СССР под руководством М. В. Воеводского в 1936—1941 гг., а затем по окончании Великой Отечественной войны — в 1945—1948 гг. Памятники неолита и бронзы в верхнем течении р. Десны обследовались в 1949 г. сотрудниками Вщижской экспедиции ИИМК АН СССР, руководимой Б. А. Рыбаковым. В 1954 г. в этом же районе начала работы экспедиция ИИМК АН СССР, возглавляемая М. Е. Фосс, однако в 1955 г. из-за преждевременной смерти руководителя экспедиции эти работы были приостановлены. В последующие годы памятники неолита и бронзы в бассейне р. Десны (главным образом по нижнему ее течению и по ее левому притоку — р. Сейм) привлекли внимание археологов УССР. В настоящее время в бассейне р. Десны Среднеднепровской экспедицией ИА АН СССР под руководством И. И. Артеменко возобновлены систематические исследования памятников бронзового века, а также обследование и учет всех археологических памятников Брянской области.

Сейчас уже накоплен значительный материал по эпохе неолита и бронзы в Подесенье, но в литературе он отражен недостаточно и представлен главным образом в информациях, небольших публикациях и отдельных статьях. Следует заметить, что значительная часть документации об обследованиях памятников и коллекции рассредоточены по архивам и местным музеям. Принимая участие в течение нескольких лет в работах Деснинской экспедиции ИА АН СССР, автор имел возможность познакомиться с этими материалами и дополнить их в результате полевых работ. Изучение неолитических стоянок Подесенья позволило оха-

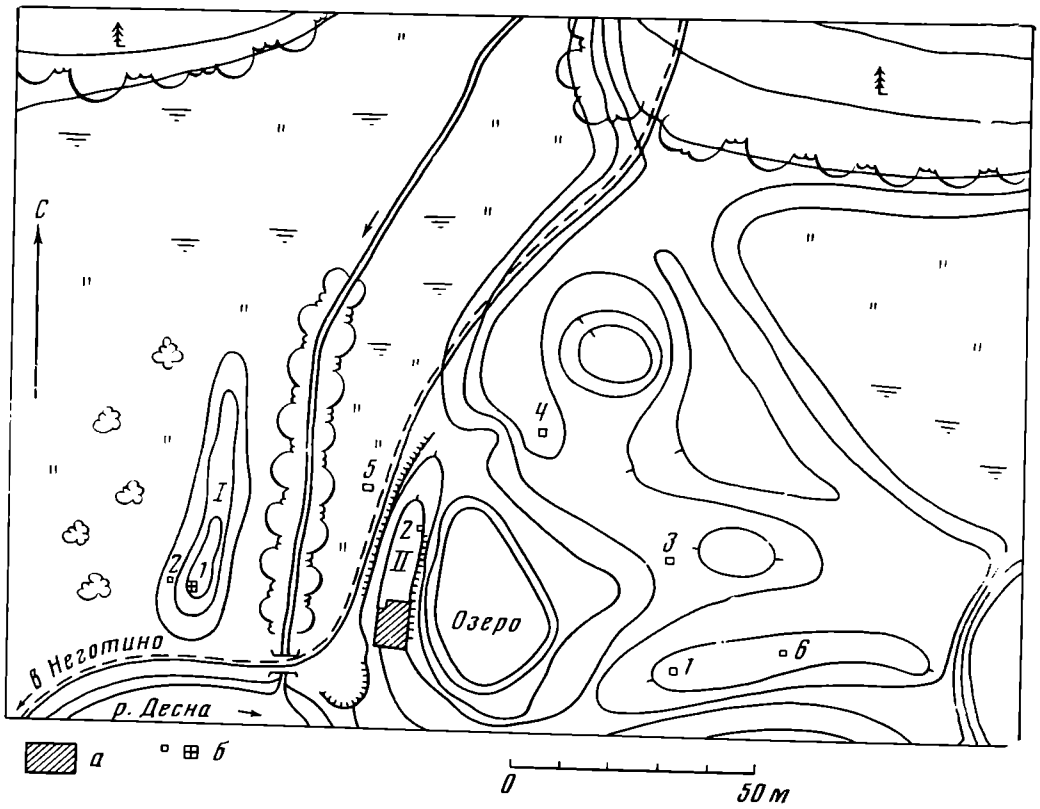


Рис. 1. Схематический план расположения стоянок Витховка и Пионерская. *I* – стоянка Пионерская, *II* – стоянка Витховка; *а* – раскоп, *б* – шурфы

рактеризовать основные черты материальной культуры этого района и сделать некоторые выводы о сложении деснинского неолита на основе местной мезолитической культуры[1] и о связях населения, оставившего эти памятники, с соседними племенами[2]. Стоянки Подесенья содержат наслоения эпохи раннего и развитого неолита и бронзы. Следует отметить, однако, что преобладающая часть коллекций состоит из подъемного, нестратифицированного материала, а раскопки производились лишь на единичных памятниках и на ограниченных площадях. Тем не менее полученные при этом данные служат серьезным основанием для хронологических построений.

Значительный интерес в этом плане представляют материалы со стоянок Витховка и Пионерская, расположенных в Жуковском районе Брянской области на левом берегу р. Десны, напротив села Неготино. В 1949 г., работая в составе Вщижской экспедиции, автор производил обследование поймы р. Десны. По сообщению местного жителя Симкина Н. Ф., стало известно, что при сооружении дороги из с. Неготино на станцию Ржаница колхозники находили кремневые стрелы и обломки посуды. При обследовании указанного места была обнаружена стоянка, которая по имени урочища названа Витховкой (иначе — Ромашова пасека). Расположена она на повышенной дюнной части поймы и занимает мыс у края соснового леса между старицей р. Десны, идущей на этом участке параллельно руслу реки, и ручьем Ржаница, впадающим здесь в р. Десну (рис. 1). Таким образом, стоянка с трех сторон окружена водой (с юга —

[1] М. В. Воеводский. Памятники каменного века на Десне. КСИИМК, XXVI, 1949, стр. 22—26; М. В. Воеводский и А. А. Формозов. Стоянка Песочный Ров на Десне. КСИИМК, XXXV, 1950, стр. 42—54; И. Г. Розенфельдт. К вопросу о связях древнего населения бассейна рек Десны и Оки в конце III — начале II тысячелетия до н. э. КСИИМК, 75, 1959, стр. 92—102.

[2] И. Г. Розенфельдт. Ук. соч.

р. Десна и ее старица, с запада и северо-запада — р. Ржаница), а в центре ее находится небольшое озерко. Площадь стоянки задернована, но перерезана упомянутой выше грунтовой дорогой, у края которой, так же как по берегу озерка, обнажается культурный слой с находками. При осмотре обнажений края дороги и песчаных выдувов на левом берегу р. Ржаницы отмечено, что находки кремня и керамики в северном направлении распространяются до заболоченной части поймы р. Ржаницы. Для выявления контуров стоянки была произведена зачистка края дороги на протяжении 13 *м*, показавшая, что культурный слой выклинивается у подножия дюны, и заложено несколько шурфов. Часть шурфов содержала культурный слой с материалом, аналогичным собранному в обнажениях; в некоторых шурфах культурный слой не был обнаружен. Эти данные позволили предварительно наметить площадь стоянки. В основном она располагалась на повышенной части дюны к западу и югу от озерка и занимала пространство около 500—600 *м*^{2}. Наиболее интенсивные обнажения культурного слоя обнаружены на западном берегу озера. Здесь и был заложен раскоп (64 *м*^{2}). Раскопки показали, что средняя мощность культурного слоя 40—50 *см*. Он залегает под поросшим дерном наносным песком примерно на глубине 15—20 *см* от поверхности и представляет собой коричневый песок. В его толще на отдельных участках прослеживается узкая (6—8 *см*) углистая прослойка, содержащая керамику XVIII в. (белоглиняную тонкостенную с красной росписью, сделанную на кругу) и обломки железных предметов. Выше этой прослойки найдены материалы разного времени, а ниже нее и в тех местах, где она не прослеживается, культурный слой не нарушен, содержит небольшие углистые включения и интенсивно насыщен неолитической керамикой и кремневыми орудиями. Нижняя граница культурного слоя неровная, с понижениями и западинами. Находки ниже глубины 60 *см* не встречаются — здесь культурный слой подстилается чистым материковым песком.

Остатков сооружений при раскопках не обнаружено. Прослежены лишь углистые пятна древних очагов и много обожженных кремней. Отсутствие следов жилых углублений позволяет предполагать наличие легких наземных жилищ.

При раскопках обнаружено около 4000 предметов, представленных главным образом керамикой, кремневыми поделками, обломками кремня и камня.

Кремневый инвентарь (рис. 2) состоит из 180 орудий, 111 отщепов и обломков с ретушью. Найдено также около 1500 осколков и отщепов — отходов производства. Для изготовления орудий употреблялся темный, почти черный меловой кремень, выходы которого имеются в мергелистых обрывах правого берега р. Десны близ с. Неготино. Принесенные оттуда древними жителями кремневые желваки обрабатывались здесь, на поселении, о чем свидетельствуют первичные отщепы, нуклеусы и огромное количество отходов. Обработка поделок производилась техникой скола и отжима. Из орудий, употреблявшихся при обработке кремня, следует отметить обычного типа округлые, с характерной забитостью отбойники (3 экз.) и небольшие кремневые ретушеры (4 экз.) со сработанными, как бы раздавленными гранями. О применении техники полирования свидетельствует находка большого полировального камня крупнозернистой породы и двух обломков полировальников, а также осколок полированного кремневого изделия. Найденные здесь нуклеусы (22 экз.) в отличие от характерных для стоянок среднего течения р. Десны[3] в основном призматические, с ясным негативом сколотых пластин (рис. 2, *1*, *2*). Часть нуклеусов представлена боковыми сколами и сколами с основания, часть — полными ядрищами. Некоторые из них сработаны в результате

[3] И. Г. Розенфельдт. Стоянка Мыс Очкинский. КСИИМК, XXXI, 1950, стр. 130—140.

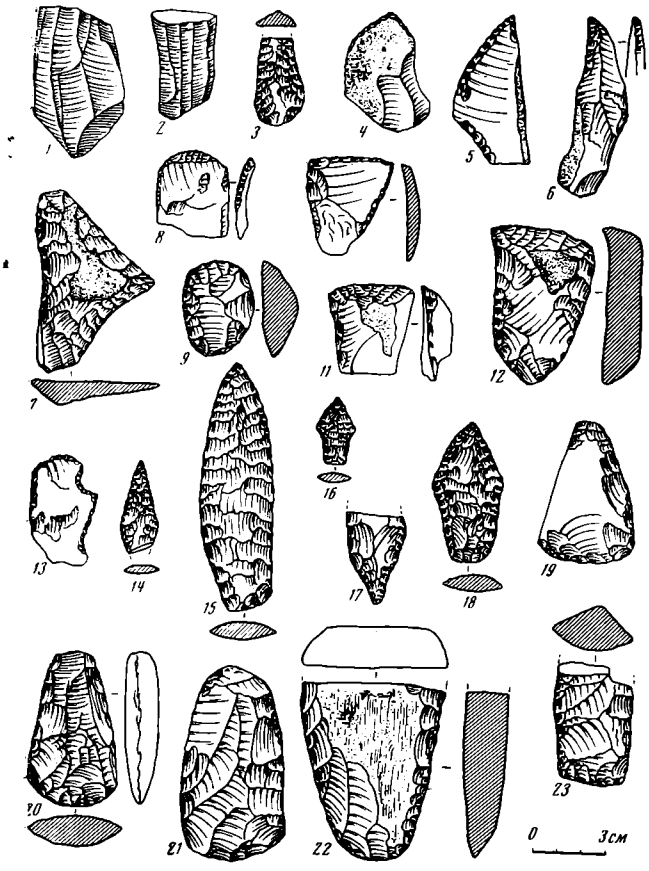


Рис. 2. Кремневый инвентарь со стоянки Витховка

применения в качестве отбойников и ретушеров, некоторые подправлены у основания и имели режущие функции. Найдено значительное количество ножевидных пластин (37 экз.) разных размеров, некоторые из них подретушированы со стороны спинки, некоторые просто имеют следы употребления. В качестве режущих орудий применяли как специально изготовленные ножи (10 экз.), так и тонкие пластины и отщепы. Ножи изготовлялись также на пластинах и отщепах путем подправки краев плоской ретушью, чаще всего со стороны спинки (рис. 2, *3*). Из режущих орудий следует отметить и кремневые острия (10 экз.), изготовленные на удлиненных отщепах, с подправкой по одному или по обоим краям крутой скребковой ретушью, характерной для техники обработки кремня в эпоху металла (рис. 2, *4—6*). Следует отметить одно из этих орудий, отличающееся необычной формой (рис. 2, 7). Форма его сердцевидная (подтреугольная), два угла скруглены, а один сильно вытянут и заострен. Длина орудия 7,5 *см*, наибольшая ширина 4,5 *см*. Обработано оно по трем сторонам фасетками правильной ретуши, глубоко заходящей на спинку, с частично сохранившейся коркой; острый конец отделан особенно тщательно. Брюшко плоское, без обработки. Орудие по назначению несомненно универсально: оно могло применяться и как проколка, и как скребок, а возможно, служило и ножом.

Скребки на стоянке найдены в количестве 30 экз. Все они изготовлены на отщепах и представлены в основном тремя группами. К первой группе относятся скребки с дугообразным рабочим краем, по которому нанесена ретушь со стороны спинки, брюшко без обработки (рис. 2, *8*). Вторую группу составляют дисковидные скребки с круговой ретушью (рис. 2, *9*). Иногда на скребках частично сохраняется меловая корка. Третья группа включает скребки с прямым рабочим краем, подтреугольной и прямоугольной формы. Ретушь расположена по рабочему краю, иногда она переходит на боковые грани и имеет притупляющий характер. Некоторые экземпляры слегка подправлены со стороны брюшка, некоторые сохраняют меловую корку (рис. 2, *10—12*).

Кроме этих основных групп имеются отдельные скребки и скребковидные орудия, изготовленные на первичных отщепах кремня. Спинка этих орудий сохраняет корку, а рабочий край слегка подправлен ретушью. Интересен скребок-скобель, изготовленный на отщепе, рабочий скребковый край имеет дугообразную форму, по одному из боковых краев идут две отретушированные выемки (рис. 2, *13*).

Орудия охоты представлены наконечниками дротиков и стрел и их об-

ломками. Наконечники дротиков бесчерешковые листовидные, сплошь обработанные правильными фасетками плоской ретуши с обеих сторон. Перовая часть их вытянута и заострена, основание округлое. Один целый (рис. 2, *15*), его длина 10 *см*, ширина 3 *см*. Второй наконечник в основании обломан. Примерная его длина 8 *см*, ширина 2,5 *см*. Кроме того, есть два небольших обломка наконечников дротиков этого же типа. Наконечники стрел представлены 10 экземплярами. Значительная часть их обломана. Типологически они разделяются на две группы. К первой относятся бесчерешковые листовидные или ромбоидальные наконечники, обработанные правильной плоской ретушью с обеих сторон (рис. 2, *14*). Во вторую группу включаются черешковые наконечники (рис. 2, *16—18*). Среди них различаются листовидные, с узким подтреугольным черешком (рис. 2, *17*) и наконечники с треугольной формой пера и прямоугольным (рис. 2, *16*) или округлым в основании черешком (рис. 2, *18*). Обработаны плоской ретушью сплошь с обеих сторон, с вторичной подправкой по краям. Эти наконечники как по форме, так и по способу обработки характерны для памятников эпохи бронзы.

Рубящие орудия представлены клиньями, топориками, теслами, долотцами. Часть из них найдена в обломках. Найдены мелкие клиновидные треугольной формы орудия, оббитые с обеих сторон, некоторые из них сохраняют характерный скол, имевшийся на отщепе, из которого сделано орудие (рис. 2, *19*). Интересна группа топориков правильной клиновидной формы с округлым обушком и дугообразным лезвием; в сечении — линза (рис. 2, *20*). Размеры их также небольшие, в длину не превышают 6 *см*. Орудия оббиты с обеих сторон и тщательно подправлены по боковым граням и особенно по лезвию. Реже встречаются более крупные, подпрямоугольной формы, слегка суженные у обушка топорики, также линзовидного сечения (рис. 2, *21*). Они обработаны более небрежно, крупными сколами, в основном в рабочей части.

Особо отметим обломок крупного тесла — единственного сланцевого орудия во всей коллекции. Форма его прямоугольная, суживающаяся к слабо дугообразному лезвию. Брюшко плоское, слегка подправленное у лезвия; со стороны спинки орудие подшлифовано в центральной части и тщательно обработано у лезвия и боковых граней, отделанных крупными сколами и фасетками крутой ретуши (рис. 2, *22*).

Интересно долотовидное орудие (рис. 2, *23*). Оно обломано у обушка и обожжено. По сохранившейся части можно судить об удлиненной прямоугольной форме орудия с прямым лезвием, сечение близко к ромбическому. Орудие обработано с обеих сторон крупными сколами, особенно тщательно подправлено ретушью в рабочей части.

Кроме описанных предметов найдено еще около 30 орудий и их обломков, иногда заготовок, частично обожженных и трудно поддающихся типологическому анализу. Многие отщепы и осколки имеют следы подправки и сработанности, что говорит об их использовании в повседневной производственной жизни обитателей поселения наряду с хорошо оформленными орудиями специализированного назначения.

Керамика стоянки представлена более чем 1500 фрагментами. Они интенсивно насыщают культурный слой равномерно на всех глубинах, в отдельных случаях располагаясь небольшими скоплениями, содержащими в основном фрагменты одного сосуда. Однако ни один горшок полностью не восстанавливается. Вся керамика лепная, изготовленная техникой ленточного налепа. Обжиг костровой, неравномерный, но достаточно хороший. Глиняное тесто сосудов содержит незначительные примеси мелкой дресвы и песка. Преобладающая часть керамики богато и разнообразно орнаментирована, но встречаются фрагменты и без орнамента. По характеру орнаментации керамика может быть разделена на несколько групп.

Наиболее распространена керамика с ямочно-гребенчатым орнаментом, покрывающим все тело сосудов. Ямчатые элементы разнообразны.

Преобладают узоры, выполненные небольшими овальными углублениями с гладким или чаще рубчатым дном (рис. 3, *1—6*). Последние воспроизводились штампом в виде короткой палочки, обмотанной шнуром. В сплошном узоре, покрывающем стенки сосуда, ямки обычно нанесены рядами, одна под другой, или в шахматном порядке; при этом они располагаются либо вертикально, либо пояски вертикальных и горизонтальных или наклонных отпечатков чередуются. Хаотическое расположение элементов в орнаменте встречается реже. Иногда овальные ямки в узоре со-

Рис. 3. Находки со стоянки Витховка.

1—31 — керамика; *32* — костяная подвеска; *33* — глиняное пряслице

четаются с оттисками гребенчатого штампа (рис. 3, *5—6*), а в некоторых случаях гребенчатый орнамент наносился и внутри сосудов, в верхней их части. Обрезы венчиков сосудов также часто орнаментированы оттисками рубчатых или гребенчатых штампов.

В значительном количестве найдена керамика с ромбическим ямочным орнаментом, столь характерная для неолитических памятников Подесенья (рис. 3, *7—10*). Оттиски ромбического штампа различны по размерам и формам. Есть ямки мелкие и крупные, узкие и широкие, рубчатые и с гладким, пирамидальной формы дном. Встречаются фрагменты сосудов, сплошь покрытых ямочно-ромбическим орнаментом, но преобладают комбинированные узоры, составленные из чередующихся горизонтальных поясков ромбических ямок и гребенчатых оттисков. Обрезы венчиков таких сосудов обычно украшены гребенчатым орнаментом, оттисками руб-

чатых штампов или насечками; при этом часто украшалась вокруг устьев сосудов и внутренняя поверхность стенок.

Округлые ямки встречаются редко и обычно не составляют однородного орнамента, являясь в узоре не основным, а дополнительным элементом. Это различные по формам, размерам и глубине оттиски штампов, отличающиеся от четких белемнитных ямок, характерных для орнаментации керамики среднерусского неолита. Чаще всего такие ямки встречаются в верхней части сосудов в узорах, состоящих из поясков, составленных из нескольких рядов ямчатых элементов, и комбинирующихся с поясками гребенчатого орнамента (рис. 3, *11*, *12*). Иногда ямки являются третьим элементом орнаментации в узоре и дополняют композиции, составленные из оттисков овального и гребенчатого штампов. При этом они обычно располагаются на некотором расстоянии одна от другой (разреженно) и составляют поясок вокруг устья сосуда (рис. 3, *6*). Иногда отдельные округлые ямки включены в узор без определенной системы, часто при этом они перекрывают основной элемент орнамента (рис. 3, *3*, *5*, *10*).

Сосуды с ямочным и ямочно-гребенчатым орнаментом, судя по фрагментам, имели крупные размеры и были относительно толстостенными. Форма их близка к яйцевидной, с широким прямым горлом и округлым или чаще слегка скошенным или уплощенным венчиком. Основной примесью в тесте этой посуды является мелкая дресва и песок, поверхность сосудов снаружи и изнутри несет следы штриховки. Днища этих сосудов, как и все тулово, покрывал сплошной узор, концентрически расходящийся от основания (рис. 3, *2*). Некоторые сосуды этих форм украшены мелким гребенчатым (накольчатым) орнаментом, также сплошь покрывающим поверхность, включая дно (рис. 3, *13—15*). Такая керамика на неолитических стоянках рек Десны и Сейма встречается в незначительном количестве и более характерна для памятников днепро-донецкой культуры [4].

Керамика с ямочным и ямочно-гребенчатым орнаментом описанных выше типов широко распространена на неолитических памятниках бассейна р. Десны и говорит о древности стоянки Витховка, позволяя отнести ее возникновение к концу III тысячелетия до н. э. [5] Однако остальная часть керамики свидетельствует о более позднем времени.

Прежде всего отметим сосуды, также сплошь покрытые орнаментом из коротких рубчатых отпечатков (рис. 3, *16*). Узор состоит из перемежающихся горизонтальных поясков, в которых элементы орнамента расположены рядами наклонно, «елочкой» (углами в разные стороны), или в виде зигзагообразной ломаной линии. Венчики сосудов отогнуты наружу, и их перегиб отмечен прочерченной линией. Эта посуда напоминает керамику среднеднепровской культуры [6] и может быть отнесена к эпохе бронзы.

Интересна группа сосудов, орнаментированных только в верхней части, нижняя половина стенок и днища орнамента не имеют. Судя по обломкам гладкостенных сосудов, представленных в коллекции, можно полагать, что форма днищ была уплощеной так же как на посуде со стоянки Мыс Очкинский [7]. Эти сосуды отличаются от ямочно-гребенчатой керамики и по характеру профилировки верхней части: преобладающими являются фрагменты с отогнутыми венчиками, хотя часть посуды имеет прямой уплощенный или скошенный по краю венчик. Следует отметить и более плотное тесто этих сосудов, содержащее в основном примесь мел-

---

[4] Д. Я. Телегин. История племен днепро-донецкой культуры. Автореф. докт. дис. Киев, 1967.

[5] Обоснования датировки неолитической керамики деснинских стоянок приведены нами в статье «К вопросу о связях...», стр. 100—101. См. И. Г. Розенфельдт. Ук. соч.

[6] И. И. Артеменко. Племена верхнего и среднего Поднепровья в эпоху бронзы. МИА, 148, 1967, рис. 12, *4*; 13, *8*.

[7] И. Г. Розенфельдт. Стоянка Мыс Очкинский..., рис. 48, *8*.

кого песка, и тонкостенность посуды, и отличие в обработке поверхности сосудов, которая обычно хорошо замыта или заглажена.

Среди этой керамики выделяется группа сосудов с гребенчатым орнаментом. Отметим фрагмент, на котором гребенчатые оттиски, расположенные почти горизонтально одни под другими, образуют узор в виде «лесенок», спускающихся вниз от края сосуда (рис. 3, *17*). На другом сосуде, также в верхней его части, гребенчатым штампом выполнен более сложный узор: два пояска вертикально расположенных оттисков гребенки разделены зигзагами, ниже спускаются рядами «лесенки» горизонтальных оттисков гребенки (рис. 3, *18*). Гребенчатый орнамент встречается и в других композициях: ряды из вертикально поставленных отпечатков гребенчатого штампа (рис. 3, *19*), узоры в виде углов (рис. 3, *20*) или перекрещенных полос, образующих сетку (рис. 3, *21*). Подобные композиции гребенчатого орнамента встречаются на керамике из Боровичских стоянок эпохи позднего неолита и бронзы [8]. Отметим, что на сосудах этого типа гребенчатый орнамент часто встречается в сочетании с ямчатым (рис. 3, *21*), реже с веревочным (рис. 3, *22*), а иногда дополняется по краю сосуда сквозными отверстиями (рис. 3, *18*).

Значительный интерес придставляет группа сосудов, орнаментированных отпечатками веревочки (шнура). Среди них выделяются два фрагмента тонкостенных, изготовленных из хорошо отмученной глины горшков с высоким прямым венчиком и слегка загнутым внутрь краем (рис. 3, *23*, *34*). Узор, выполненный оттисками веревочки, на этих сосудах состоит из соприкасающихся сторонами заштрихованных треугольников. Такая керамика характерна для памятников позднего этапа среднеднепровской культуры, для ее днепро-деснинского варианта, и датируется первой половиной — серединой II тысячелетия до н. э.[9].

Остальная керамика с веревочной орнаментацией, также тонкостенная, орнаментирована в верхней части узорами, в которых веревочные оттиски обычно комбинируются с другими элементами: гребенчатыми отпечатками и прочерченным орнаментом (рис. 3, *22*, *25*, *26*). Наиболее характерно сочетание веревочного орнамента с нарезным или прочерченным; в этих случаях узоры носят геометрический характер. Такая орнаментация находит аналогии в керамике позднего этапа среднеднепровской культуры.

Следует выделить группу сосудов с прочерченным и нарезным орнаментом, узор которых состоит из параллельных, ломаных или пересекающихся линий, углов и т. п. (рис. 3, *27*, *30*). Прочерченный орнамент встречается и в сочетаниях с другими элементами, например с ямочными и веревочными (рис. 3, *26* и *30*). Подобная керамика находит аналогии в материалах деснинских стоянок эпохи бронзы, в частности стоянки Мыс Очкинский [10], проявляются элементы сходства и при сопоставлении ее с керамикой поселений среднеднепровской культуры.

Отметим и керамику с менее распространенным орнаментом, выполненным оттисками отступающих штампов разных очертаний и размеров (подобная орнаментация керамики эпохи бронзы была отмечена на стоянках Мыс Очкинский и Боровичи), а также единичные фрагменты, украшенные отпечатками ногтя или крестовидных штампов (рис. 3, *31*). Заметим, что крестовидные мотивы в орнаментике известны на керамике поселений среднеднепровской культуры [11].

---

[8] М. В. Воеводский. Памятники каменного века на Десне..., стр. 28.

[9] Т. С. Пассек. К вопросу о среднеднепровской культуре. КСИИМК, XVI, 1947, стр. 46, 47; И. И. Артеменко. Племена верхнего и среднего Поднепровья..., стр. 64—108.

[10] И. Г. Розенфельдт. Стоянка Мыс Очкинский.

[11] И. И. Артеменко. Племена верхнего и среднего Поднепровья..., рис. 10, *15*; 12, *18*.

Завершая описание находок, укажем, что при раскопках было найдено глиняное пряслице цилиндрической уплощенной формы (рис. 3, *33*) и костяная, овальной формы, плоская подвеска с отверстием вверху (рис. 3, *32*). Подобного типа пряслица встречаются на деснинских стоянках эпохи бронзы, в частности в Боровичах. Подвеска-амулет является редкой и интересной находкой для дюнных стоянок Подесенья, однако для уточнения датировки памятника она не дает оснований. Форма изделия очень распространенная; подобные подвески в Волго-Окском междуречье встречаются как на неолитических, так и на более поздних стоянках эпохи бронзы.

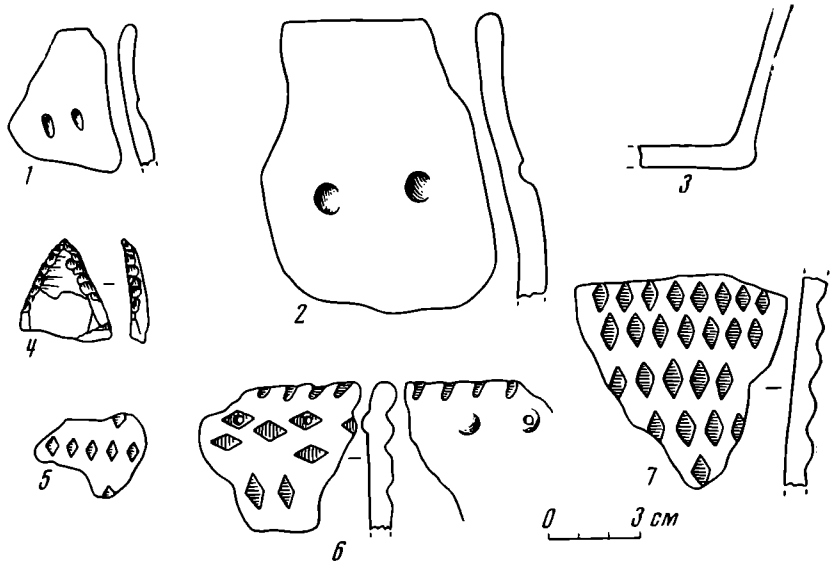


Рис. 4. Находки со стоянки Пионерская

1—3, 5—7 — керамика; *4* — кремневое острие

В результате исследования материала, полученного при раскопках стоянки Витховка, выяснилось, что как в кремневом инвентаре, так и в керамике сочетаются элементы культуры неолитического облика и эпохи бронзы. По-видимому, это долговременное поселение неолита и последующих этапов эпохи бронзы. Однако стратиграфически в культурном слое памятника материалы не расчленяются, и керамика разных типов находится совместно. Памятник можно лишь в целом датировать концом III — серединой II тысячелетия до н. э. (по-видимому, с переходом в третью его четверть).

В связи с раскопками стоянки Витховка значительный интерес представило обследование дюнной гряды, протянувшейся в направлении С — Ю на мысу правого берега ручья Ржаницы при впадении его в р. Десну. При зачистке края проходящей здесь дороги (с. Неготино — ст. Ржаница) была обнаружена неолитическая керамика. Естественно, стал вопрос о том, располагается ли здесь окраинная часть исследуемой стоянки Витховка, или это самостоятельное поселение и в таком случае каково их хронологическое соотношение. Поверхность гряды хорошо задернована и поросла кустарником. Заложенные в южной части дюны шурфы показали, что здесь располагалась стоянка, возникшая, по-видимому, раньше Витховки; она получила название Пионерская (рис. 1). Культурный слой залегал непосредственно под дерном. Верхняя его часть, темно-серая супесь мощностью 60—80 *см*, содержала керамику эпохи поздней бронзы с примесью в тесте крупной дресвы и шамота. Это обломки плоскодонных слабопрофилированных горшков со слегка отогнутыми венчиками. Они гладкостенные, без орнамента или с орнаментом из редко поставленных ямок, образующих поясок на плечиках сосудов (рис. 4, *1—3*).

Этот слой подстилался серо-желтым песком толщиной около 15 *см*, в котором обнаружены кремневое отретушированное острие (рис. 4, *4*), осколки кремня и неолитическая керамика (рис. 4, *5—7*). Керамика была только одного типа — это обломки сосудов, сплошь покрытых ямочно-ромбическими вдавлениями с пирамидальным дном (гладким или рубчатым). Обе поверхности (внешняя и внутренняя) покрыты легкой штриховкой. Такая керамика находится почти на всех стоянках Подесенья, но обычно встречается в сочетании с керамикой других типов. Она известна не только на памятниках развитого неолита, но и на стоянках с ранненеолитическим комплексом, таких, как Городцы Пойменные, Остров I, однако в орнаменте их керамики кроме ямочно-ромбического есть и другие элементы. Представляется, что типологически однородный комплекс керамики нижнего слоя стоянки Пионерская среди деснинской неолитической керамики может рассматриваться как характерный для наиболее раннего ее этапа.

На стоянке Витховка такая раннего облика керамика сочетается с другими типами, однако керамики, аналогичной найденной в верхнем слое стоянки Пионерская, на Витховке нет.

Исходя из этого и учитывая приведенные аналогии, керамику этих двух стоянок представляется возможным хронологически разделить следующим образом:

1) ранненеолитическая керамика нижнего слоя стоянки Пионерская — III тысячелетие до н. э.;

2) комплекс керамики позднего неолита, представленный на стоянке Витховка — конец III — начало II тысячелетия до н. э.;

3) найденная на Витховке керамика с гребенчатым орнаментом в верхней части плоскодонных сосудов и тонкостенная керамика среднеднепровского типа, находящая аналогии в посуде позднего этапа среднеднепровской культуры, могут быть датированы первой половиной — серединой II тысячелетия до н. э.;

4) керамика верхнего слоя стоянки Пионерская, относящаяся к эпохе поздней бронзы, по-видимому, может рассматриваться как прототип юхновской и датироваться концом II — началом I тысячелетия до н. э.

I. G. Rosenfeldt

CAMPEMENT PRÈS DU VILLAGE DE NÉGOTINO DANS LA RÉGION DE BRIANSK

Résumé

Dans l'article sont publiés les résultats de l'exploration des campements de Vitkhovka et de Pionerskaïa situés en face du village de Négotino, sur la rive gauche de la Desna (district Joukovski, région de Briansk). Les fouilles ont livré des outils en silex et la poterie. Les trouvailles provenant de la couche d'habitation du campement de Vitkhovka ne se prêtent pas au démembrement selon sa stratigraphie. Ce campement, d'une existence durable, se rapporte au néolithique poussé et aux périodes suivantes de l'âge de bronze et date dans l'ensemble de la fin du III millénaire — le milieu du II millénaire av. n. è. Deux couches du campement de Pionerskaïa contiennent: l'inférieure — matériaux du néolithique ancien du III millénaire av. n. è., la supérieure — la poterie de la bronze récente qui, vraisemblablement, peut être considérée comme le prototype de celle de Ioukhnovo et datée de la fin du II millénaire av. n. è.— le début du I millénaire de n. è.

Н. Н. ТЕРЕХОВА

МЕТАЛЛООБРАБОТКА НА ЭНЕОЛИТИЧЕСКОМ ПОСЕЛЕНИИ ГЕОКСЮР

Геоксюрская группа энеолитических поселений Юго-Восточной Туркмении располагается в древней дельте р. Теджен вблизи станции Геоксюр Ашхабадской железной дороги, к востоку от г. Теджен [1]. Памятники относятся к анауской культуре — культуре древнейших земледельцев на территории СССР. Это остатки девяти холмов-поселений, самым крупным из которых является поселение Геоксюр 1, являющееся своеобразным центром группы. Оно занимает площадь около 12 *га* и достигает высоты 10 *м*; площадь остальных поселений около 1 *га*. Поселение Геоксюр 1 исследовано В. И. Сарианиди [2]. Заложенный здесь шурф, прорезавший десятиметровую толщу памятника, дал стратиграфическую колонку [3], послужившую основой при определении культурно-хронологических периодов в истории геоксюрского оазиса энеолитических поселений. Выделено три больших периода, названных по наименованию памятника, наиболее полно представляющего материалы соответствующего времени: дашлыджинский (время позднего Намазга I), ялангачский (раннее Намазга II), геоксюрский (позднее Намазга II — раннее Намазга III) [4].

Геоксюрский период (конец IV — начало III тысячелетия) [5] характеризуется рядом своеобразных черт в материальной культуре и погребальном обряде, резко выделяющих его на фоне эволюционного развития предшествующих двух периодов. Поселение Геоксюр 1, на котором в это время в основном сосредоточена жизнь обитателей Геоксюраского оазиса, является одним из крупнейших древнеземледельческих центров Южной Туркмении. В быту геоксюрцев широко используется металл. Если от предшествующего времени до нас дошли сравнительно немногочисленные металлические изделия (не более 20 экз. со всех поселений дашлыджинского и ялачгачского периодов), хотя общая площадь раскопанных поселений достаточно велика, то в геоксюрское время только с одного поселения Ге-

[1] Результатам исследования геоксюрских поселений посвящено большое число публикаций, из которых обобщающими являются следующие: Г. Н. Лисицына, В. М. Массон, В. И. Сарианиди, И. Н. Хлопин. Итоги археологического и палеогеографического изучения геоксюрского оазиса (1956—1962 гг.). СА, 1965, 1; В. И. Сарианиди. Памятники позднего энеолита Юго-Восточной Туркмении. САИ, Б3-8, 1965; И. Н. Хлопин. Памятники развитого энеолита Юго-Восточной Туркмении. САИ, Б3-8, 1965; И. Н. Хлопин. Памятники развитого энеолита Юго-Восточной Туркмении. САИ, Б3-8, 1969; его же. Геоксюрская группа поселений эпохи энеолита. М.— Л. 1964.

[2] В. И. Сарианиди. Раскопки жилых комплексов на энеолитическом поселении Геоксюр. КСИИМК, 76, 1959; его же. Энеолитическое поселение Геоксюр. ТЮТАКЭ, X, 1960; его же. Памятники позднего энеолита...

[3] В. И. Сарианиди. К стратиграфии восточной группы памятников культуры Анау. СА, 1960, 1.

[4] Г. Н. Лисицына, В. М. Массон, В. И. Сарианиди, И. Н. Хлопин. Ук. соч., стр. 10—17.

[5] В. И. Сарианиди. Памятники позднего энеолита..., стр. 6.

оксюр 1 происходит более 100 металлических орудий. Однако эта сторона материальной культуры оставалась почти неисследованной из-за отсутствия технологического изучения материала, на основе которого можно решать вопросы, связанные с металлообработкой. Чтобы восполнить этот пробел, металлические изделия с поселения Геоксюр 1 были подвергнуты металлографическому анализу, осуществленному в Лаборатории естественно-научных методов Института археологии АН СССР [6]. Металлографическое исследование позволяет определить технологию изготовления орудий, способы их обработки, влияющие на механические свойства, дает возможность оценить качество металла и качество самих изделий, на основе чего можно судить об уровне металлообработки [7]. В коллекции представлены орудия и украшения: шилья, проколки, ножи, зеркала, булавки, стержни с утолщением на конце, различные мелкие поделки. Материал происходит из верхних слоев поселения Геоксюр 1 — из жилых массивов и могильников.

Все изделия исследованы с помощью бинокулярного микроскопа МБС-2, микроскопически (на металломикроскопе МИМ-7) изучено 70 предметов, в остальных металлическая часть оказалась разрушенной глубокой коррозией. При изготовлении шлифов для микроскопического исследования срезы делались преимущественно на рабочей части орудий, иногда для выяснения наиболее полной картины брались образцы и с обушковой части. На всех предметах измерялась твердость с помощью микротвердомера ПМТ-3. Спектроаналитические данные о химическом составе геоксюрского металла получены в лаборатории ЦНИИЧМ им. Бардина.

Описание технологии изготовления дано по категориям изделий.

Из 18 экз. шильев, металлическая часть, доступная для микроскопического исследования, сохранилась в 14 (рис. 1, *1—7, 9—15*). По форме различаются четырехгранные односторонние шилья с уплощенным прямоугольным или квадратным в сечении черешком длиной 5,5—8 *см*, маленькие односторонние шильца-проколки с квадратным сечением, длиной 2,5—3,5 *см* и шилья, один конец которых четырехгранный, другой круглый. При технологическом их исследовании срезы для шлифа делались, как правило, на продольном сечении рабочего конца. Для выявления более полной картины на некоторых образцах исследовался противоположный конец (рис. 1, *3, 4*) и поперечное сечение (рис. 1, *1, 3, 11*). Металлом для изготовления шильев послужила металлургическая медь, загрязненная большим числом примесей, среди которых отмечается повышенное содержание свинца и серебра, достигающее в ряде случаев нескольких процентов. Содержание остальных примесей — висмута, мышьяка, сурьмы, никеля, железа, колеблется от сотых до десятых долей процента. Олово отсутствует во всех образцах.

Как показало технологическое изучение, все шилья, а также игла (рис. 1, *8*), были изготовлены ковкой из литой заготовки. Структурными признаками литой заготовки являются наблюдаемые под микроскопом поры, деформированные в процессе пластической обработки, включения эвтектики $Cu - Cu_2O$, отмечающей границы литых кристаллов, вытянутых в ходе ковки (рис. 2, *2*), дендритная структура сплава меди с мышьяком.

Степень деформации заготовки, судя по форме (степени вытянутости) наблюдаемых под микроскопом включений (рис. 2, *6*) была небольшой в крупных шильях (рис. 1, *2, 4, 6*) и значительной в шильцах-проколках

---

[6] Пользуюсь случаем выразить признательность автору раскопок В. И. Сарианиди за любезное разрешение использовать для исследования материал коллекции.

[7] Подробно о роли металлографического анализа в исследовании археологических предметов см. Н. В. Рындина. Металлография в археологии. Археология и естественные науки. М., 1965, стр. 119—128; о методических принципах такого исследования см. Н. В. Рындина. Древнейшее металлообрабатывающее производство Восточной Европы. М., 1971, стр. 18—46.

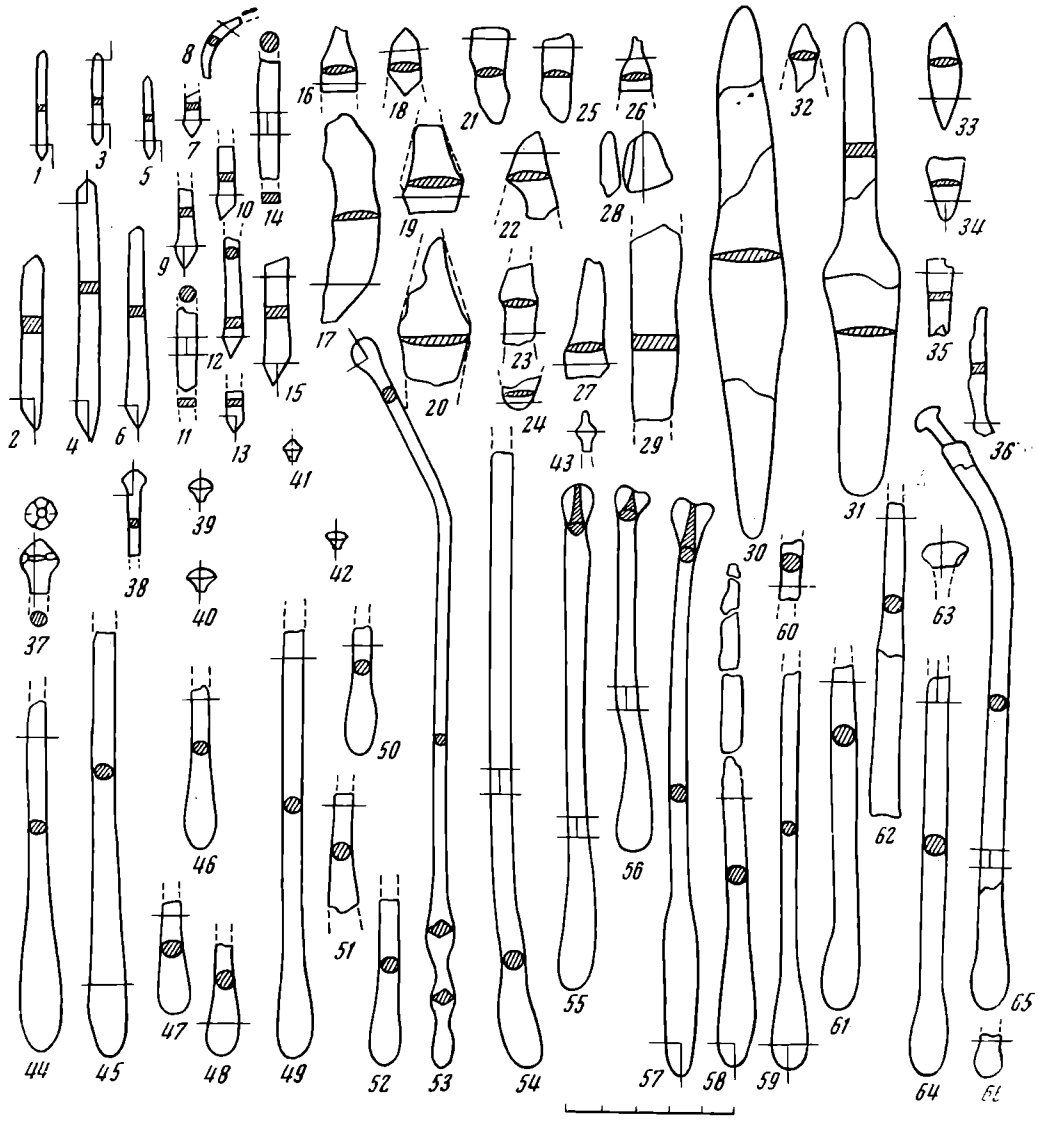


Рис. 1. Медные изделия с поселения Геоксюр 1, исследованные металлографически (место взятия образца для шлифа обозначено секущей)

1—7, *9—15* — шилья; *8* — игла; *16—27*, *32* — ножи; *30* — нож-дротик; *31* — нож-копье; *28* — обломок лезвия топора (?); *29*, *33—36* — различные поделки; *37—43* — навершия булавок; *44—66* — стержни с утолщением на конце

(рис. 1, *1*, *3*, *5*). По-видимому, заготовка представляла собой круглый в сечении стержень. На примере шильев, один конец которых был четырехгранным, другой круглым (рис. 1, *11*, *12*, *14*) хорошо видно, как формовался четырехгранный конец: литой круглый стержень был слегка расплющен, затем были уплощены боковые грани. Микроскопически это выражается в измельченности зерен в месте перехода и возрастании твердости (от 80,0 *кг/мм*^{2} в круглом конце, до 110,5 *кг/мм*^{2} в четырехгранном, образец 30, рис. 1, *14*). В дендритной структуре образца 144 (рис. 1, *12*) видно, что дендриты, как бы сплющены у боковых граней шила.

Все исследованные образцы имеют характерную для деформированной (в данном случае кованой) меди рекристаллизационную структуру (полиэдрические кристаллы с двойниками).

Температурный режим формовки рассматриваемых орудий мы можем определить достаточно четко.

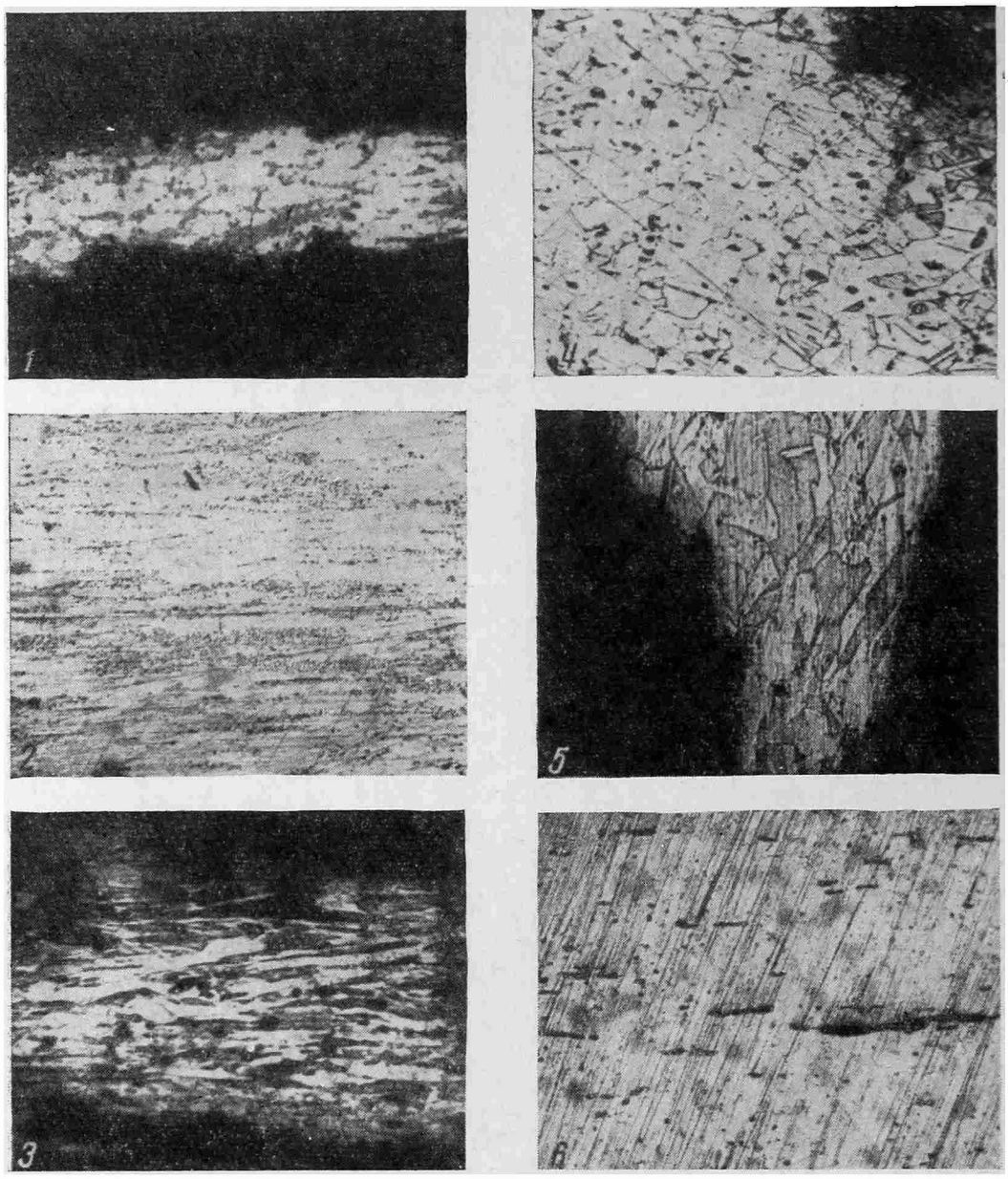


Рис. 2. Фотографии микроструктур

1 — нож-копье (ан. 69, травл. ув. 70); *2* — проколка (ан. 12, нетравл., ув. 70), вытянутые в процессе деформации скопления эвтектики $Cu—Cu_2O$; *3* — нож (ан. 24, травл. ув. 200), упрочняющий наклеп на лезвии; *4* — нож (ан. 28, травл., ув. 70), участок в глубине ножа, включения свинца и поры; *5* — нож (ан. 22, травл., ув. 70), вытянутость кристаллов на лезвии в результате наклепа; *6* — игла (ан. 95, нетравл. ув. 70), сильно вытянутые в процессе деформации включения свинца и поры (более мелкие, темные)

Повышенное содержание в геоксюрском металле свинца (0,5—2,0%) и в ряде случаев висмута (0,1—0,5%) исключает возможность горячей обработки меди[8]. Ковка должна была вестись при пониженных темпера-

[8] Границей между горячей и холодной механической обработкой меди в современном металловедении считается определенный интервал температур, называемый порогом рекристаллизации. Ковка при температуре выше порога рекристаллизации считается горячей, ниже — холодной. Для древних медей, загрязненных большим числом примесей, порог рекристаллизации определяется температурами 300—350° (см. Н. В. Рындина. Древнейшее металлообрабытвающее производство..., стр. 36).

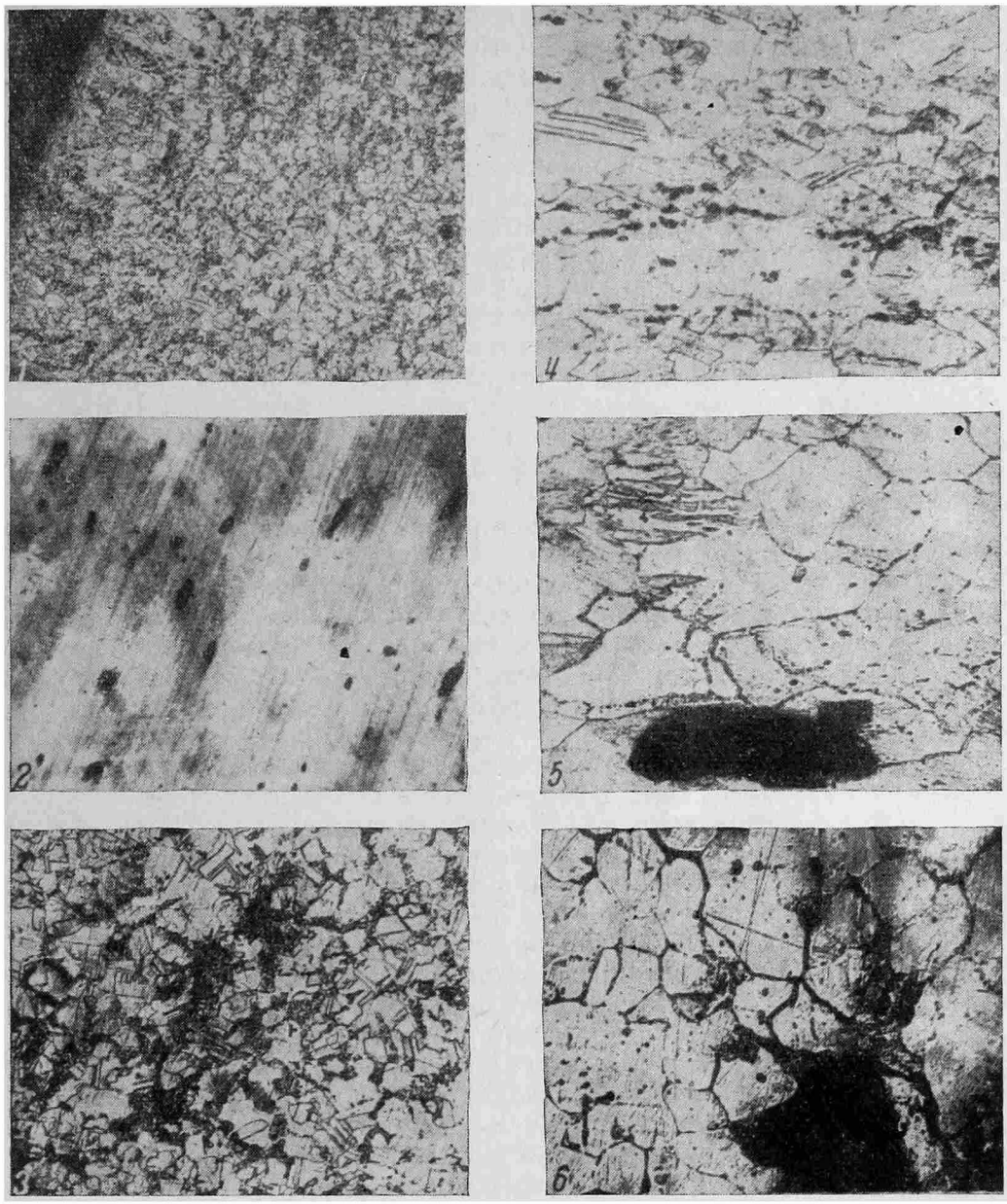


Рис. 3. Фотографии микроструктур

1 — стержень с утолщением на конце (ан. 142, травл., ув. 70), «столбчатые» кристаллы у поверхности отливки (на снимке слева); *2* — головка с частью стержня (ан. 17, нетравл., ув. 200), газовые пузыри в отливке; *3* — стержень с утолщением на конце (ан. 93, травл., ув. 70); *4* — шило (ан. 9, нетравл., ув. 200); *5*, *6* — обломок лезвия топора (?) (ан. 99, травл., ув. 70), дефекты в отливке (поры, усадочные пустоты, трещины)

турах, не превышающих значительно 300° (т. е. не выше точки плавления свинца — 327°). Механическая обработка меди, нагретой свыше этих температур при указанных концентрациях свинца и висмута, привела бы к растрескиванию и разрушению изделия (явление «красноломкости» меди) [9]. Отсутствие следов красноломкости говорит о том, что температурный

[9] Свинец и висмут образуют с медью легкоплавкие эвтектики, которые, находясь в жидком состоянии, во время горячей ковки разъединяют зерна меди, вызывая разрушение — «красноломкость» меди. При этом висмут вреден в тысячных долях, свинец начиная с сотых долей процента (А. А. Бочвар. Металловедение. М., 1945, стр. 297; Н. В. Рындина. Древнейшее металлообрабатывающее производство... стр. 37).

режим был выдержан правильно. Поскольку пластичность металла была при этом понижена, в ходе ковки его отжигали (нагревали выше порога рекристаллизации). Заключительным этапом обработки шильев была проковка всего изделия вхолодную (рис. 3, *4*). Структурным отражением этого является наблюдаемая почти на всех образцах втянутость, удлиненность, раздробленность зерен или повышенная твердость (103—118 *кг/мм*^{2} по Викерсу). Способ изготовления иглы аналогичен.

Рабочая часть шильев — острие специально упрочено не было: структура на острие не отличается от остальной части изделия, возрастание твердости или ничтожно, или твердость одинакова на обоих концах, иногда твердость на острие даже ниже, чем вдали от него.

Ножи представлены в коллекции в основном в виде обломков (рис. 1, *16—27, 32*). Они были, видимо, небольшие, двулезвийные, вытянуто-ромбовидные или листовидные, с линзовидным сечением. Два экземпляра — целые, это нож-дротик вытянуто-ромбовидной формы (рис. 1, *30*) и — ножкопье с лопаточковидным лезвием и с хорошо выделенным черенком (рис. 1, *31*).

Для микроструктурного исследования шлифы делались на поперечном срезе изделий. Технология изготовления 13 ножей однотипна. Все они откованы из литого полуфабриката (структурные признаки его аналогичны указанным при описании шильев) при температуре ниже (рис. 2, *4*) порога рекристаллизации (высокий процент свинца) в ходе ковки отжигались. Заключительным этапом после отжига была проковка вхолодную лезвий с целью специального их упрочения. Структурно это выражается в значительной вытянутости зерен на лезвиях и повышении твердости (рис. 2, *3, 5*). Твердость в глубине ножа обычно 80—85 *кг/мм*^{2}, на лезвиях достигает 127—137 *кг/мм*^{2}.

Интересен один экземпляр, который, по-видимому, является заготовкой для ножа (рис. 1, *17*). Это пластина толщиной 3—4 *мм*, одна сторона ее выпуклая, другая — плоская. При микроскопическом исследовании обращает на себя внимание сильная измельченность зерен вдоль плоской стороны и вытянутость их в поперечном по отношению к длине пластины направлении. При измерении твердости оказалось, что она резко колеблется по обе стороны пластины: у выпуклой стороны 90,5 *кг/мм*^{2}, у плоской — 118—137 *кг/мм*^{2}. При незначительной толщине пластины это можно объяснить лишь тем, что она была отрублена от полуфабриката вдоль плоской стороны. Местная деформация, локализованная при обрубке с одной стороны, привела к значительному возрастанию здесь твердости. Судя по выпуклой форме противоположной стороны пластины, полуфабрикат имел округлое сечение.

Изготовление ножа из такой пластины не требовало значительных усилий. Если следовать установленной технологии, пластину нужно было нагреть — отжечь, чтобы снять лишние напряжения, образовавшиеся после обрубки, затем проковать, придав нужную форму, еще раз отжечь и проковать вхолодную уже только лезвия.

Металл, пошедший на изготовление описанной категории ножей, не отличался высоким качеством. Он был очень пористым, загрязнен большим числом примесей, из которых особенно значительны концентрации свинца и серебра (до нескольких процентов).

Технологически выделяются три изделия: нож-дротик (рис. 2, *1*), ножкопье и обломок ножа с частью черешка (рис. 1, *16*, обр. № 106) — все они отлиты, причем первые два очень качественны. Металл чистый, равномерное зерно. После отливки они были доработаны ковкой; заключительной операцией была проковка вхолодную лезвий с целью упрочения. Образец № 106 интересен тем, что структурные его особенности позволяют говорить об использовании в данном случае закрытой формы. Вдоль обеих сторон ножа при исследовании структуры отмечены зоны, так называемых столбчатых кристаллов, которые образовались в месте соприкоснове-

ния плоскостей ножа со стенками формы. Подобная структура является следствием быстрого остывания в холодной форме перегретого металла. Ориентируясь в направлении отвода тепла (стенок формы) кристаллы приобрели вид вытянутых параллельных столбиков. На границе между боковыми зонами столбчатых кристаллов и внутренней зоной неупорядоченных кристаллов в процессе доработки ножа (ковка при температуре ниже порога рекристаллизации) образовались трещины. Этот значительный дефект привел к быстрому разрушению изделия в процессе эксплуатации.

В коллекции самой большой по численности категорией медных изделий являются круглые в сечении стержни с утолщением на одном конце, другой конец оформлен в виде пирамидальной или конической головки или оканчивается уплощенным, лопаточковидным завершением (рис. 1, *44—66*). Всего их 44, из них только восемь сохранились полностью. У остальных, как правило, отсутствует (обломана) головка, в ряде случаев сохранилась головка с частью стержня. Длина целых экземпляров различна: от 15 до 22,5 *см*. Диаметр утолщенного конца также колеблется от 7 до 12 *мм*, стержень чаще всего имеет в диаметре около 0,5 *см*.

Пригодными для металлографического исследования оказались 26 экз. У остальных металлическая часть разрушена коррозией.

По поводу назначения этих предметов нет определенного мнения [10]. Обычно их относят к категории длинных булавок, поскольку по характеру оформления головки и длине они действительно напоминают настоящие булавки с заостренным концом, которые хорошо известны в памятниках Передней Азии. Подробнее мы остановимся на этом ниже. Здесь же подчеркнем, что все они относятся к геоксюрскому периоду, в более ранних слоях не встречаются.

В коллекции есть небольшие булавочки с заостренным концом и выпуклой полусферической головкой-шляпкой, переходящей в коническое основание и далее в короткое острие (рис. 1, *39—42*). Длина их от 1,5 до 2,0 *см*, диаметр шляпки около 0,7 *см*. Их достаточно много — 25 шт. Обычно острие-хвостик обломан, в самой же головке, сохранившей форму, металлическая часть в большинстве случаев отсутствует (разрушена коррозией), целый экземпляр только один [11]. Такие же булавки-гвоздики известны в Тепе Гиссаре I B — C [12].

При исследовании стержней мы старались брать образцы для шлифов из различных участков изделия, чтобы полнее представить способ его изготовления: из утолщенной части, из средней и верхней частей стержня, из головки (рис. 1).

Как показало микроскопическое исследование, все стержни с утолщением на конце были отлиты. Структурно это выражается или в скоплениях эвтектики Cu — Cu_2O сетчатой формы, отмечающей границы литых кристаллов, если в меди много кислорода (рис. 3, *1*, *3*) или в наблюдаемых под микроскопом дендритах сплава меди с мышьяком, когда он присутствует в достаточных концентрациях, или в наличии таких дефектов литья, как усадочные пустоты, раковины, поры.

Значительная пористость отмечается почти на всех образцах. Последнее позволяет утверждать, что стержни отливались в закрытой форме. Об этом же говорит сосредоточение пор, раковин, различных включений в центре отливки по осевой линии (зональная ликвация), т. е. в местах, которые затвердевали в последнюю очередь. При длинном и относительно тонком стержне и при плохой жидкотекучести меди трудно было обеспечить достаточно плотную отливку. Есть и еще доказательства использова-

[10] Е. Е. Кузьмина. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии. САИ, В4-9, 1966, стр. 84; В. И. Сарианиди. Памятники позднего энеолита..., стр. 40.

[11] В. И. Сарианиди. Памятники позднего энеолита..., табл. XXVII, 66.

[12] E. Schmidt. Excavations at Tepe Hissar. Philadelphia. 1937, pl. XVI.

ния закрытых форм. При микроскопическом исследовании поперечного среза нижней, утолщенной части стержня (рис. 1, *66*, образец 142) обнаружено, что у поверхности по всей окружности кристаллы имеют вид вытянутых перпендикулярно по отношению к поверхности параллельных столбиков (столбчатые кристаллы), ориентированных в направлении отвода тепла, т. е. в направлении стенок формы.

На основании микроскопического исследования можно уточнить и положение отливки в форме. Стержни отливались в вертикальном положении, при этом утолщенная часть находилась внизу, металл подавался со стороны головки. На это указывает скопление газовых пузырей в верхней части стержня и в головке. Известно, что газы, растворенные в металле, и пузырьки воздуха, захлестнутые струей горячего металла, в процессе кристаллизации стремятся подняться наверх [13]. Часть этих пузырьков, не успевая удалиться, остается в твердом металле в виде газовых пор или пузырей. Структурно это хорошо видно на примере образца 17 (головка с частью стержня, рис. 1, *37*). Газовые пузыри, в большом числе круглой или вытянуто-каплевидной формы, как бы устремлены из стержня в головку (рис. 3, *2*).

После отливки все стержни дорабатывались в большей или меньшей степени ковкой при температуре около 300°, т. е. у порога рекристаллизации. Там, где требовалась незначительная доработка, их проковывали еще не вполне остывшими после отливки, но при этом строго соблюдали температурный режим, иначе повышеное содержание свинца привело бы к растрескиванию металла. Если доработка велась при температуре ниже порога рекристаллизации, то изделия в заключение отжигались, твердость их невысокая: 80,0—90,5 *кг/мм*^{2}, только в одном случае зафиксирована дополнительная проковка головки стержня вхолодную после отжига (обр. 64, рис. 1, *53*).

Металл, из которого изготовлены стержни с утолщением на конце, по своему составу совершенно аналогичен металлу остальных категорий предметов — это металлургическая медь с большим набором естественных примесей. Несколько отливок отличаются значительной чистотой металла (рис. 1, *67, 70, 103*), но даже в них серебро и свинец присутствуют в заметных концентрациях. Олово во всех образцах отсутствует.

Маленькие булавочки-гвоздики с полусферической шляпкой, как правило, очень плохой сохранности. Только четыре оказались пригодными для металлографического анализа. На всех прослеживается значительное скопление пор, эвтектика Cu — Cu_2O, нарушенная деформацией. Булавки изготовлялись ковкой из близкой по форме литой заготовки. Длительной и основательной доработке подвергалась ножка булавки, структурно это выражается в более сильной измельченности зерна, вытянутости включений закиси меди и значительно более высокой твердости, чем в самой головке. В одном случае после такой усиленной проковки на месте дефекта отливки (усадочная раковина или пустота) образовалась трещина и острие на конце раздвоилось. Металл булавок по составу не отличается от остальных изделий.

В изученной коллекции два зеркала. Одно небольшое, круглое, слегка вогнутое, диаметр 8 *см*, сеченне неравномерное: в центре около 3 *мм*, ближе к краям 1,5 *мм*.

Подобного типа зеркала известны в других анауских памятниках (Намазга-депе, Алтын-депе) [14]. Второй тип зеркала не имеет аналогий в анауских памятниках. Это круглое плоское зеркало с загнутыми краями, диаметр 16 *см*, найдено в погребении. Первое зеркало отлито, видимо, в открытой форме и затем подвергнуто значительной проковке при температуре ниже порога рекристаллизации, в заключение отожжено. Металл—

[13] А. А. Бочвар. Ук. соч., стр. 31.
[14] Е. Е. Кузьмина. Ук. соч., стр. 67, табл. XIII.

металлургическая медь, загрязненная большим набором естественных примесей, среди которых повышенная концентрация серебра и свинец.

Второе зеркало также отлито, после чего длительно проковывалось при температуре ниже порога рекристаллизации с промежуточными отжигами. О значительной доработке говорит заметная вытянутость пор. Металл очень пористый. После последнего отжига зеркало еще раз слегка проковано вхолодную. Структурно это выражено в некоторой вытянутости кристаллов в продольном направлении и повышенной твердости (110,5 *кг/мм*^{2}). Зеркало изготовлено из очень чистой меди с естественной примесью свинца, серебра, никеля, железа и серы. Присутствие серы, хотя и в незначительном количестве (0,016%), говорит о том, что медь имеет металлургическое происхождение, в отличие от металла первого зеркала она выплавлена из очищенных медных минералов.

Ряд изделий (10 экз.) мы отнесли к категории предметов неопределенного назначения. Среди них уплощенно-прямоугольные пластины-заготовки или незавершенные изделия (рис. 1, *35, 36, 96*), маленькие пластинки, возможно, остатки окислившихся предметов, обломки острий плоских листовидных орудий (рис. 1, *33, 34*) и т. д.

Технология их заготовления не выходит за рамки приемов, описанных выше. В основе всех поделок — литой полуфабрикат, доработанный ковкой при температурах, близких к порогу рекристаллизации. С технологической точки зрения очень интересно одно изделие — обломок лезвия, видимо, плоского топора или тесла (рис. 1, *28*). Изделие является примером неудачной отливки. Уже при визуальном изучении его излома хорошо видны дефекты литья — усадочные пустоты, раковины, сеть трещин. Микроскопическое исследование лезвия (топора?) обнаружило крупные кристаллы литой меди. В глубине (центре) слитка — крупные пустоты, много пор, по границам кристаллов трещины (рис. 3, *6*). На отдельных участках видны вытянутые раздробленные холодной ковкой зерна (рис. 3, *5*). Есть участки, где можно различить характерные для горячей ковки полиэдрические кристаллы с двойниками, их очень немного.

На основании макро- и микроскопического исследования можно заключить, что изделие отлито в закрытой, по-видимому, вертикальной форме. Условия кристаллизации были неблагоприятными. Это сложный процесс, зависящий от многих факторов, учесть которые даже при современной технике не всегда бывает возможно. Из них главнейший — скорость охлаждения, которая в свою очередь зависит от температуры заливаемого металла, от материала формы, ее массы и т. д. В данном случае, можно полагать, что процесс кристаллизации был замедленным (крупное зерно). Внутренняя зона отливки по осевой линии долго оставалась в жидком состоянии. На каком-то этапе доступ питания сюда прекратился и при затвердевании в связи с сокращением объема оставшегося здесь жидкого металла образовались крупные усадочные пустоты.

После отливки изделие, еще не вполне остывшее, начали проковывать (участки с полиэдрическими кристаллами и двойниками), закончили ковку при температуре ниже порога рекристаллизации (раздробленные зерна). При проковке изделие растрескалось и, возможно, разрушилось. Сломаться оно могло и при эксплуатации, поскольку было малопригодно для работы. Сам металл очень чистый, это медь с небольшой примесью серебра, свинца, никеля и железа.

Исследование технологии изготовления различных категорий геоксюрских металлических изделий позволило выявить самые разнообразные приемы металлообработки: литье, причем высшая его ступень с использованием закрытых форм, холодная и горячая деформация, термическая обработка, целенаправленное упрочение рабочей части орудий, повышающее их механические качества.

Технология изготовления различных категорий изделий в геоксюрский период достаточно четко дифференцирована. Так, прокалывающие инст-

рументы — шилья, иглы формовались ковкой из литого стержня при температуре, как правило, не превышающей 300°, в ходе ковки отжигались. Заключительному разупрочняющему отжигу не подвергались. После последнего нагрева все изделие слегка проковывалось вхолодную. Такая схема прослеживается на всех изделиях этой категории и представляется весьма целесообразной. Медь, использовавшаяся при изготовлении анаусских орудий, была, как мы знаем, свинцовистой, не пригодной для высокотемпературной ковки. Это свойство меди было уже давно известно, если мастер начинал ковать слишком горячий металл, он растрескивался. Ковка вхолодную требовала много времени и усилий. Можно было изделие отлить (техника эта была известна анаусцам с очень раннего времени)[15], но в условиях расширившегося спроса гораздо производительнее было отливать не сами вещи, а заготовки для них или хранить медь в виде полуфабрикатов, форма которых позволила бы легко и быстро изготовить нужное орудие. В самом деле, не представляло особого труда, если заготовкой был, как мы полагаем, круглый в сечении стержень, изготовить из него шило или иглу. Стоило лишь отрубить нужной длины кусок и путем несложных кузнечных операций придать ему окончательную форму. Если это было шило, то стержень слегка сплющивали, затем подрабатывали боковые грани, заостряли рабочий конец и орудие было готово. У иглы один конец заострялся, а на другом либо пробивалось отверстие, либо он загибался в виде петли. Операции эти проводились вхолодную, но с промежуточными отжигами, которые возвращали металлу необходимую пластичность, что облегчало ковку. Интересно, что в заключение шилья, иглы, проколки не отжигались, как это наблюдается на аналогичных изделиях предшествующего яланғачского периода[16], а снова проковывались слегка вхолодную. В результате орудия получались достаточно упругими и твердыми, но не хрупкими, т. е. приобретали качества, необходимые именно для прокалывающих инструментов. Так как прием этот наблюдается на всех изделиях этой категории, то мы вправе считать его вполне осознанным и намеренным. Технологически он более целесообразен в данном случае, чем заключительный разупрочняющий отжиг, в результате которого орудия, становясь снова мягкими, легко могли погнуться во время работы.

Устойчивая технологическая схема наблюдается и в производстве другой категории изделий — ножей. Они также изготовлены из литого полуфабриката-заготовки ковкой при температуре ниже 300° с промежуточными отжигами. Но заключительной операцией была проковка вхолодную только режущего края — лезвия. Эта операция, называемая наклёпом, проводилась с намеренной целью сделать лезвия более твердыми, благодаря чему после заточки они долго оставались острыми. Напомним, что твердость на лезвиях была гораздо выше (127—137 *кг/мм*^{2}), чем в глубине ножа (80—85 *кг/мм*^{2}). Заготовкой служили, по-видимому, пластины, отрубленные в продольном направлении от круглого в сечении толстого стержня — полуфабриката.

Так изготовлена основная масса небольших ножей, имеющих преимущественно бытовое назначение. Металл в полуфабрикате не отличался высоким качеством, был пористым, загрязненным окисными включениями.

Орудия индивидуальных форм, типа ножа-дротика и ножа-копья отличаются и иной технологией и лучшим качеством металла. Все говорит об особом внимании мастера к такого рода изделиям. Они отлиты. Значит, для них специально готовилась форма (каменная или глиняная), возможно, по деревянной модели. Явно позаботились и о подборе сырья. Так, нож-копье изготовлен из очень чистой меди, выплавленной, видимо, из

---

[15] Н. Н. Терехова. Технология изготовления первых металлических орудий у древнейших земледельцев Южной Туркмении. СА, 1974, 1.

[16] Е. Н. Черных. Некоторые результаты изучения металла анауской культуры. КСИА, 91, 1962.

отборных окисленных медных минералов (азурита, малахита). Кузнечные приемы доработки этих орудий не выходят за рамки уже известных нам по остальной массе изделий. Это дает основание рассматривать описанные орудия как продукт местного производства. Трудно сказать из-за плохой сохранности, в какой форме — открытой или закрытой были отлиты нож-дротик и нож-копье. Однако, попытка использовать закрытую форму для отливки другого ножа (обр. 106) оказалась неудачной. Неблагоприятные условия кристаллизации, приведшие к образованию как бы трех слоев, разделенных трещинами (внутреннего и двух наружных, граничащих со стенками формы) явились причиной разрушения изделия.

Неудачной оказалась и отливка топора (обр. 99). Как мы уже отмечали, литье в закрытую форму — процесс очень сложный, необходимо умение определить правильно температуру заливки металла — степень его «готовности», обеспечить возможность удаления газов, учесть взаимодействие горячего металла со стенками формы и т. д. Наконец, огромное значение имеют и очертания (форма) самой отливки. В современной литейной практике стараются избегать острых углов в форме, особенно при небольших сечениях отливки, обычно их скругляют, чтобы избежать резкого пересечения кристаллов, растущих от стенок формы навстречу друг другу, так как на границе стыка их обычно образуются «места слабины», дающие при последующей доработке трещины.

Удачно найденная форма круглых в сечении стержней с плавным каплевидным утолщением на конце во многом способствовала успешному применению закрытых форм при их отливке. Эта категория изделий, так же как и описанные выше, имеет четкую технологическую схему и определенную специфику. Все стержни отлиты в закрытых формах, в вертикальном положении, затем доработаны ковкой при низкой температуре, близкой к порогу рекристаллизации или ниже порога рекристаллизации и в заключение отожжены. Чтобы оценить степень целесообразности такой схемы, необходимо определить назначение этих предметов. Они появляются на территории Южной Туркмении в геоксюрский период. Наибольшее число стержней с утолщением найдено на поселении Геоксюр 1, отдельные находки представлены и в центральноанауском памятнике этого времени Кара-депе. В более позднее время (III—II тысячелетиях до н. э.) они распространены на других южнотуркменских поселениях Хапуз-депе, Алтын-депе, Улуг-депе. Встречаются в Южном Таджикистане — в раннем Тулхарском могильнике [17], в Узбекистане, в могильнике Заман-баба Бухарской области [18]. Аналогичные изделия известны в ближайших иранских памятниках Гиссар, Шах-тепе [19].

Один конец стержня имеет плавно-вытянутое утолщение (иногда оно вдвое-втрое толще самого стержня), другой бывает оформлен по-разному. Чаще всего это коническая или пирамидальная головка, какой обычно заканчиваются булавки с острым концом. Иногда верхний конец стрежня расплющен в виде небольшой лопаточки. На некоторых экземплярах встречаются фигурки животных (Алтын-депе) [20] или даже целые сцены (Гиссар) [21]. Известны экземпляры, где навершие оформлено в виде серпа (Алтын-депе, Шах-тепе) [22]. Из Улуг-депе происходят стержни, у которых конец противоположный утолщенному, оформлен в виде дротика.

---

[17] А. М. Мандельштам. Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане. МИА, 145, 1968, табл. VIII.

[18] Я. Г. Гулямов, У. Исламов, А. Аскаров. Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зеравшана. Ташкент, 1966, табл. XVI; А. Аскаров. Низовье Зеравшана в эпоху бронзы. Автореф. дисс., Л., 1962.

[19] T. Arne. Excavations at Shah Tepe, Iran. Stokholm, 1945, p. 298. 145, p. 298.

[20] Е. Е. Кузьмина. Ук. соч., табл. XVI, *1*.

[21] E. Schmidt. Op. cit., p. 196.

[22] Е. Е. Кузьмина. Ук. соч., табл. XVI, *35;* T. Arne. Op. cit., pl. XCII.

Обычно описанные предметы относят к разряду украшений и называют «длинными булавками» [23]. Экземпляры, имеющие навершие в виде миниатюрной лопаточки, считают косметическими принадлежностями [24]. Есть мнение, что стержни с утолщением на конце являются своего рода жезлами [25].

В изученной нами коллекции медных изделий геоксюрского периода описанные стержни составляют приблизительно половину. На каждый такой предмет затрачено металла значительно больше, чем на любой инструмент, встреченный в коллекции. Причем основная масса металла сосредоточена в утолщении на конце, функционально никак неоправданном. Цену металлу в это время знали уже очень хорошо. Мы видели, как осмыслены и целесообразны технологические приемы его обработки. Если на ранних этапах такое орудие, как шило целиком вместе с массивной рукояткой отливалось из металла [26], то в более позднее время выковывалась лишь рабочая часть, рукоять делали из дерева или кости, металл берегли, расходовали экономно.

Учитывая вышесказанное, нам кажется возможным предположить, что стержни с утолщением на конце являлись полуфабрикатом, т. е. в таком виде заготавливали и хранили металл. Оформление металлического полуфабриката в виде украшения, широко распространенного среди земледельцев Ближнего Востока, не является случайностью. В истории металла известны примеры, когда полуфабрикату придавали форму наиболее распространенного на данной территории, в данное время, вида оружия, украшения или орудия труда [27].

Заметим, что стержни не отличаются тщательностью исполнения, они отлиты и доработаны лишь настолько, насколько требовалось, чтобы убрать поверхностные дефекты. При этом особенно важно, что в заключение они отожжены, т. е. металлу возвращена пластичность, мягкость, именно то качество, которое необходимо при дальнейшей переработке полуфабриката в законченное изделие. С этой точки зрения оправдана и форма стержня с утолщением на конце. Не требовалось много времени и труда, чтобы, разрубив стержень на части, изготовить кузнечным способом шилья или иглы, из головки, оттянув острие, сделать булавку, а из утолщенной части — нож.

Наши технологические наблюдения вполне согласуются с этим предположением. Именно заготовка и именно в форме литого стержня, круглого в сечении, использовалась при изготовлении перечисленных предметов. Металл стержней с утолщением на конце по своему составу и качеству полностью совпадает с остальными категориями изделий. Форма такого полуфабриката-стержня позволяла быстро изготовлять нужные инструменты.

Заготовка металла в виде полуфабрикатов, четкость технологических схем производства различных категорий изделий, стандартизация приемов металлообработки свидетельствуют о существовании на поселении специальных металлобрабатывающих мастерских с хорошо налаженным производством. По сравнению с предшествующим яланчакским периодом в развитии металлообрабатывающего производства в геоксюрское время происходит явный скачок. Не исключено, что появление некоторых новых приемов металлообработки, расширение производства и сама форма

---

[23] В. И. Сарианиди. Памятники позднего энеолита, стр. 40; Е. Е. Кузьмина. Ук. соч., стр. 84; А. М. Мандельштам. Ук. соч., стр. 84.

[24] Я. Г. Гулямов, У. Исламов, А. Аскаров. Ук. соч., стр. 159; А. М. Мандельштам. Ук. соч., стр. 84.

[25] E. Schmidt. Op. cit., p. 194; T. Arne. Op. cit., p. 301.

[26] Н. Н. Терехова. Ук. соч., стр. 213—217.

[27] R. F. Tylecote. Metallurgy in Archaeology. London, 1962, p. 206; R. Pleiner. Slóvanské sekerovité hřinny. SIA, IX, 1—2, 1961.

его организации связаны с предполагаемым проникновением в это время на территорию Юго-Восточной Туркмении племен, принесших и распространивших здесь свои собственные традиции в материальной культуре и погребальном обряде [28].

N. N. Térékhova

TRAITEMENT DU MÉTAL DANS LE VILLAGE ÉNÉOLITHIQUE DE GÉOKSUR

Résumé

Le village de Géoksur est un des plus grands centres de l'ancienne agriculture en Asie Centrale.

L'analyse métallographique, effectuée par l'auteur, de toute une collection d'objets métalliques provenant du village et datés du limite des IV—III millénaires av. n. è. a servi de base pour la description détaillée de la technique de fabrication de diverses catégories d'outils et l'objets de parure.

Les procédés variés du traitement de métal (déterminés par l'analyse), la précision et la standardisation des schémas technologiques de la fabrication de toutes sortes de catégories d'objets finis, l'utilisation des produits mifinis ont permit de conclure que dans le village fonctionnait un atelier du traitement de métal dont la production était bien mise en train.

[28] В. И. Сарианиди. Памятники позднего энеолита..., стр. 48; его же. Древние связи Южного Туркменистана и Северного Ирана. СА, 1970, 4, стр. 27.

С. Г. ДЕВЕДЖЯН

ЛОРИ-БЕРДСКИЙ МОГИЛЬНИК

Лори-Бердский могильник находится около одноименного села Степанаванского района Армянской ССР занимает территорию высокого мыса площадью около 6 *га*, окруженного с трех сторон глубокими ущельями рек Дзорагет и Мисхана. Могильник принадлежал древнему поселению остатки которого видны на левом берегу Мисхана. Могильник состоит из курганов и кромлехов, беспорядочно разбросанных, на расстоянии от 1 до 5 *м* друг от друга. Кромлехи представляют собой кольцевую каменную ограду (от 4 до 15 *м* в диаметре), в центре которой расположена погребальная камера. Камеры кромлехов малого диаметра — четырехугольные ямы (размером 1,80 на 1 *м* при глубине 1—1,5 *м*), перекрытые сверху каменными плитами, в больших кромлехах устроены значительно более сложные каменные сооружения со сводчатым перекрытием (длина 5—6 *м*, ширина 2,5—3 *м*, высота 3 *м*).

Размеры курганов в диаметре колеблятся от 2 до 16 *м*, при высоте от 0,5 до 3 *м*. Одни из них с каменной «оградой» у основания имеют земляную насыпь, другие представляют собою некрупные холмики, состоящие из земли и булыжника. Погребальные камеры их вырыты в грунте (длина 5—6,5 *м*, ширина 2,5—3 *м*, глубина — 2,5—4 *м*), иногда обложены каменными плитами, представляя собою обыкновенный «каменный ящик», перекрытый плоскими же плитами (длина 1,90 *м*, ширина 1,35 *м*, глубина 2,15 *м*).

В 1969—1970 гг. нами было раскопано четыре погребения — два кургана и два кромлеха.

Могильное сооружение № 1 было перекрыто большим кромлехом (более 14 *м* в диаметре). Центральная камера, ограбленная еще в средние века, представляет большой интерес как архитектурное сооружение. Обращают на себя внимание, в частности, большие размеры сооружения, значительная его высота и сводчатое перекрытие. Стены состоят из плит среднего размера, сложенных в верхней части в виде ложного свода и перекрытых четырьмя огромными плитами [1]. Камера ориентирована с северо-запада на юго-восток [2] (рис. 1, I).

Могильное сооружение № 2 находится на расстоянии 40 *м* от первого. Курган имел каменно-земляную насыпь округлой формы с диаметром около 8 *м* и высотой около 0,5 *м*. Расположенная в центре грунтовая погребальная камера перекрыта огромными каменными плитами, покоящимися на кладке, сложенной по краям ямы (рис. 1, II). Погребальная камера ориентирована с северо-запада на юго-восток (длина 5,80 *м*, ширина 2,35 *м* и глубина 2,45 *м*). В ней оказалось два захоронения двух различных периодов. Захоронение позднего периода было выявлено на глубине 2 *м*. В центре погребения с севера на юг лежал скелет мужчины, богато украшенного браслетами и бусами. У поясницы находился желез-

[1] Погребение исследовано археологом И. Г. Гарибяном.

[2] Обмеры архитектора С. Г. Матевосяна.

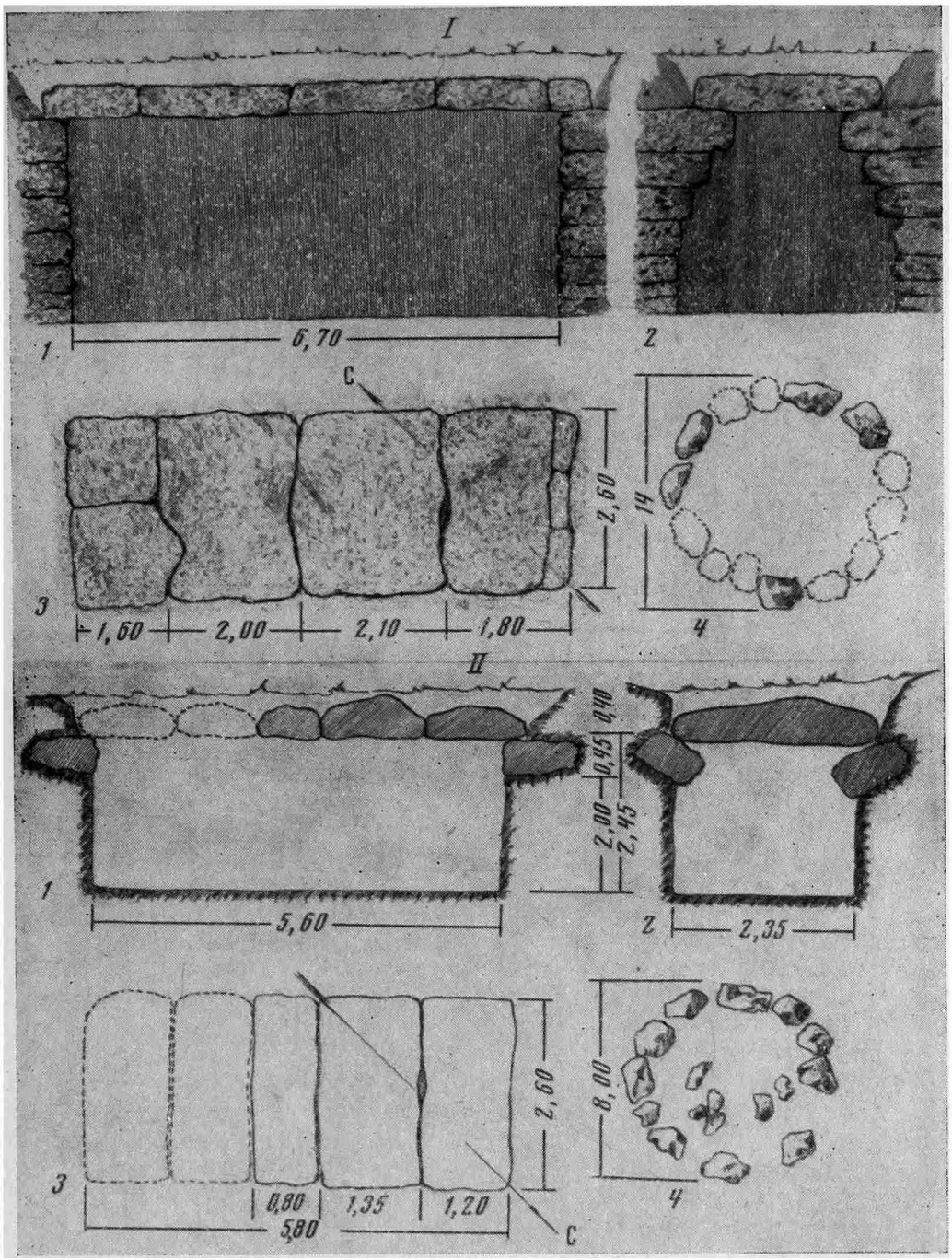


Рис. 1. I — могильное сооружение № 1:
1 — продольный разрез; *2* — поперечный разрез; *3* — плиты перекрытия; *4* — наружный вид кромлеха
II — могильное сооружение № 2
1 — продольный разрез; *2* — поперечный разрез; *3* — плиты перекрытия; *4* — наружный вид

ный нож. На некотором расстоянии к югу были найдены скелеты двух лошадей и большое число металлических вещей эпохи широкого освоения железа.

На полметра глубже уровня первого погребения у западной стены камеры были сложены в кучу остатки более древнего захоронения: обломки костей скелета и предметы погребального инвентаря, характерного для эпохи поздней бронзы.

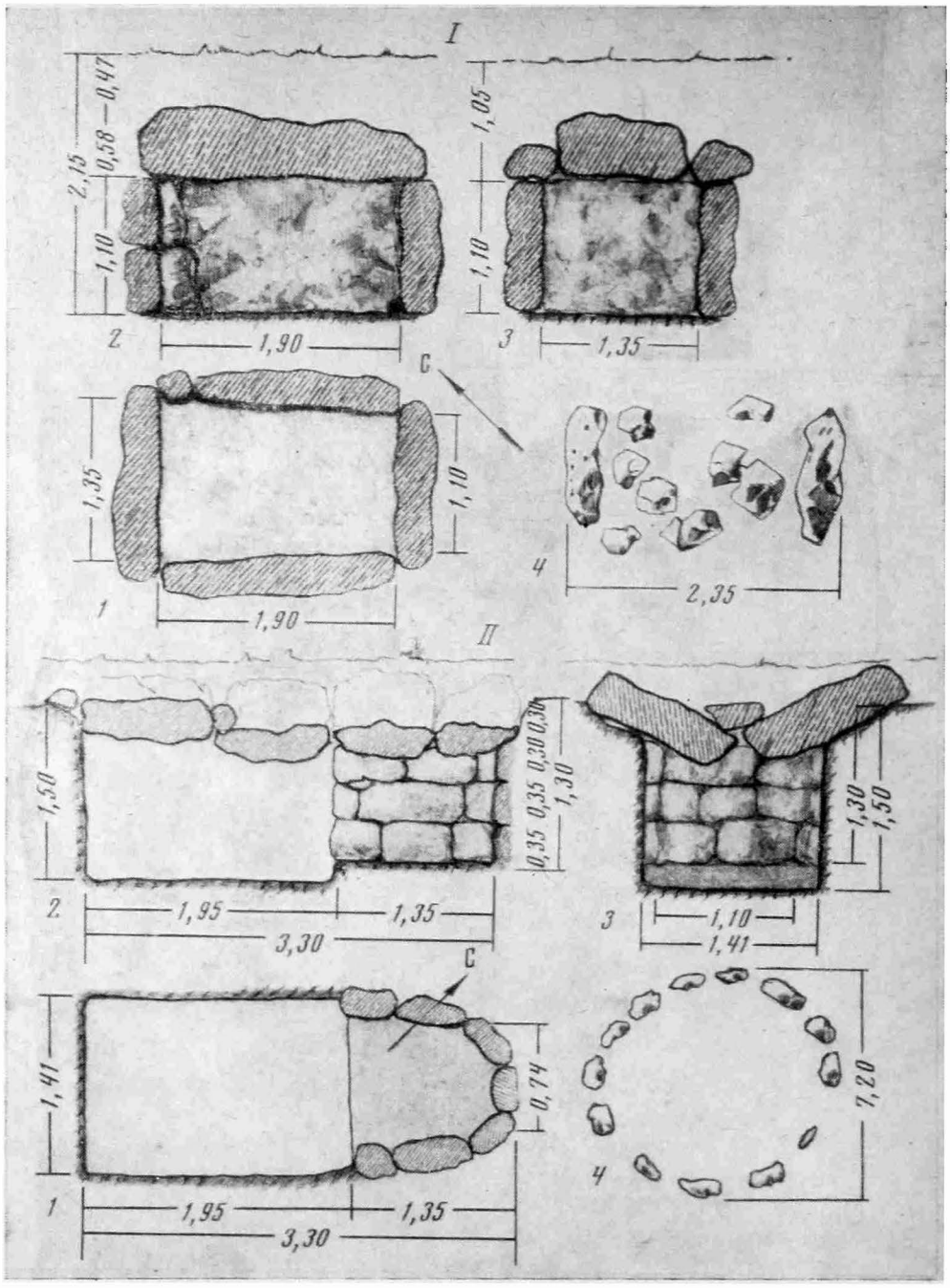


Рис. 2. I — Могильное сооружение № 3:

1 — план; *2* — продольный разрез; *3* — поперечный разрез; *4* — наружный вид
II — могильное сооружение № 4
1 — план; *2* — продольный разрез; *3* — поперечный разрез; *4* — наружный вид кромлеха

Могильное сооружение № 3 (маленький курган) находится в 17 *м* западнее могильного сооружения № 1. На поверхности земли видны были лишь отдельные камни среднего размера, под которыми лежала огромная плита, перекрывающая «каменный ящик». Стены «ящика» построены из больших плит (рис. 2, *I*). Погребальная камера ориентирована с северо-запада на юго-восток (длина 1, 90 *см*, ширина 1, 35 *м*, глубина 2,15 *м*). В центре ее оказалась куча человеческих костей, смешанных с золой. По-видимому, имела место неполная кремация.

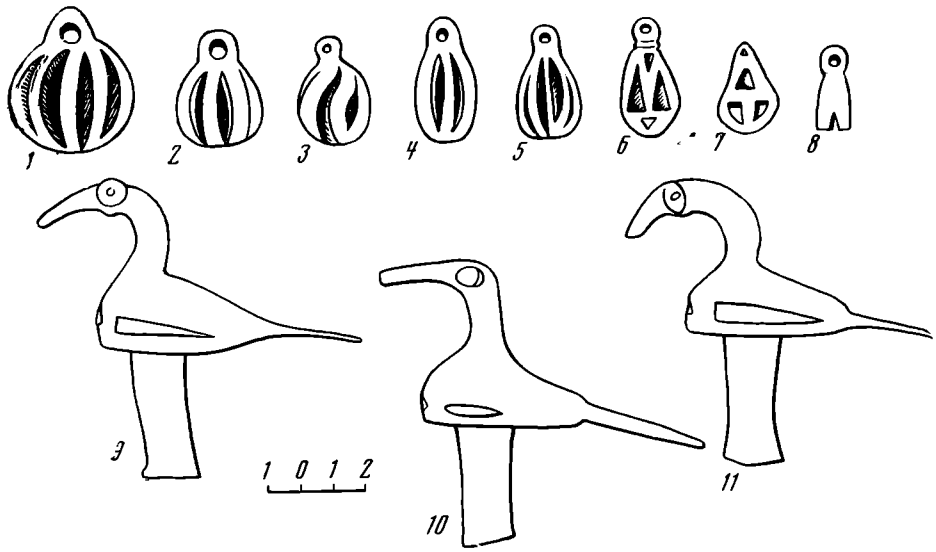


Рис. 3. Бронзовые вещи из мог. № 2

Могильное сооружение № 4 находится на расстоянии 78 *м* к югу от предыдущего. Это кромлех — диаметром 7,2 *м*, окруженный по всему кругу рядом вкопанных в землю, стоящих вертикально камней. Погребение было совершено в четырехугольной яме, покрытой плитами, которые слегка наклонены внутрь ямы. Размеры ямы: длина 3,3 *м*, ширина 1,41 *м*, глубина 1,3—1,5 *м*. Ориентировка: с северо-востока на юго-запад. Северная часть ее имела округлую каменную кладку (рис. 2, *II*). Здесь выявлены скелеты двух лошадей. Во рту одной из них оказались железные удила. У южной стены обнаружены человеческие кости, смешанные с золой, здесь же найдены великолепные сердоликовые бусы и черный, ритуальный зооморфный кувшинчик с коротеньким носиком.

Погребальный инвентарь. В комплексе вещей из верхнего погребения в могильном сооружении № 2 преобладают различные бронзовые украшения: браслеты, шейные гривы, бубенчики с удлиненными и треугольными прорезями (рис. 3, *1—8*); разнообразные бронзовые браслеты (28 шт.) имеют форму кольца с зубчатой поверхностью или с находящими друг на друга концами. В эту группу входят также браслеты с концами, оформленными в виде головки змеи.

Кроме перечисленных вещей, в погребении обнаружено 20 бронзовых круглых пуговиц (восемь из них покрыты тонкой серебряной пластинкой), несколько железных вещей, которые представляют большой интерес для датировки. Это четыре серповидных ножа, характерных для памятников VII—VI вв. до н. э.[3] и удила (рис. 4), которые по своей форме напоминают бронзовые удила Ассирии, изображенные на рельефах VII в. до н. э.[4] В погребении найдены также великолепные золотые и серебряные украшения. Среди них выделяется диадема (рис. 5), края которой имеют близко расположенные отверстия, с помощью которых пластина прикреплялась к коже или ткани. На диадеме, представляющей собою тонкую фольгу, изображено (выдавлено) семь фантастических животных и условная человеческая фигура. Несмотря на общее сходство изображенных на диадеме фигур с животными на бронзовых поясах Армении, они являются все

[3] J. de Morgan. Mission Scientifique au Caucase. I. Paris, 1889, стр. 132, рис. 121. *4;* А. А. Мартиросян. Раскопки в Головино. Ереван, 1954, табл. III, *1—3*, С. А. Есаян. Могильник раннеармянского времени в поселке Берд Шамшадинского района. Ист.-филол. ж., 1969, 4, табл. II, *1—3*.

[4] G. Perrot et Ch. Chipiez. Histoire de l'Art dans l'antiquité. II. Assyrie, Paris, 1884, p. 47, dis. 5.

же весьма своеобразными среди произведений искусства эпохи раннего железа. Изображенная на диадеме с правой стороны фигурка, представляющая божество, прической и бородой напоминает богов на ассирийских рельефах и печатях VII—VI вв. до н. э.[5] В комплекс золотых украшений входят пуговицы и бусы (рис. 6, *1—9*). Из серебряных вещей следует отметить браслеты (7 шт.), кольца, бусы разных форм, украшения в виде пуговиц. В погребении также обнаружено большое число каменных и пастовых бус. Особенно много каменных, различающихся по материалу и форме (общий их вес доходит до 1,5 *кг*). Имеются агатовые, яшмовые, сердоликовые и янтарные бусы самых разнообразных форм и размеров (рис. 7 и 8).

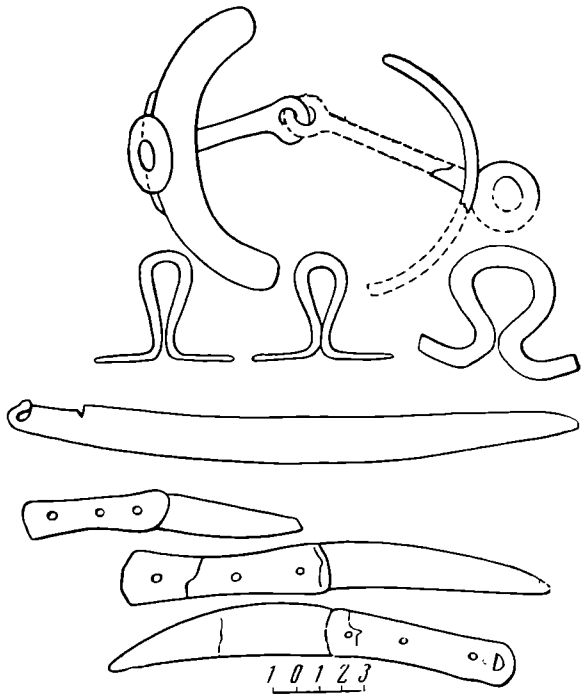


Рис. 4. Железные вещи из мог. № 2 (верхнее погребение)

Интересно, что в памятниках Армении янтарь встречается очень редко, но здесь мы имеем его в довольно большом количестве. Были обнаружены бусы из белой пасты в виде «домино» и другие украшения из той же пасты. Очень много белого и голубого бисера (до 1000 шт.). Имеются пастовые конические украшения, на которых можно видеть изображения древа жизни. Такое же древо жизни изображено на кувшине, обнаруженном рядом (рис. 9, *7*). Интересно, что это древо на кувшине встречается в сочетании с изображением символа небесной текучей воды или молнии и пучков солнечных лучей. Необходимо отметить также коническую печать из песчаника, на которой высечено какое-то небесное светило или же просто солнце, лучи которого расположены полукругом.

В погребении оказалось до 45 керамических сосудов. Среди них особое место занимает большой ритуальный кувшин с трубчатым носиком (рис. 9, *8*). Плечики сосуда украшают скульптурные изображения шести животных. По-видимому, этот сосуд играл важную роль в ритуальных церемониях. Обнаружено также большое число других глиняных сосудов, среди которых — урартский флакончик из красной глины, покрытый светло-красным ангобом (рис. 10). Подобные флакончики были найдены на Кармир Блуре (VII—VI вв. до н. э.), в Аргиштихинили, Арин-Берде[6]. Эта вещь очень важна для датировки могильника и выяснения взаимопроникновения культур. Три кувшина с округлыми корпусами, украшенные зигзагами, волнами, треугольниками, имеют на ручках выпуклости или длинные прорезы (рис. 9, *4—7*). Эти кувшины по форме и орнаменту типичны для памятников VIII—VI вв. до н. э. Таким образом, верхнее погребение Лори-Бердской мог. № 2 по своему инвентарю близко стоит к памятникам эпохи широкого освоения железа в Армении и датируется VII—VI вв. до н. э. В нижнем погребении мог. № 2 найдены керамические подставки (рис. 11, *3—4*), горшок, напоминающий по форме половину ореха (рис. 11, *6*), светильник (рис. 11, *7*) с пятью трубочками и два горшка с трапециевидны-

[5] G. Conténau. La glyptique Syro-Hittite Paris, 1922. p. 170, table VII, *24*.

[6] А. А. Мартиросян. Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван 1964, стр. 267, рис. 102, *5*.

ми ручками (рис. 11, *1—2*). Все эти предметы однотипны по стилю и составу глины. На черном фоне сосудов вырезаны треугольники и меандры, инкрустированные белой и красной пастой. Вместе с упомянутой керамикой были найдены также черепки чаш, украшенные лощенным орнаментом (сетки и треугольники). Аналогичные керамические изделия были обнаружены и в богатых Лчашенских погребениях.

Из металлических изделий следует отметить бронзовый котел (рис. 12), статуэтки птиц (рис. 3, *9—11*) и золотые бусы двух видов с зернью (рис. 6, *3*, *7*). Все эти вещи имеют аналогии в материалах Лчашена. Интересна находка эллипсовидного щитка, состоящего из бронзового ободочка и вдетым деревянным щитком, с ровными и тесными рядами гвоздей с полушаровидными головками, которые входили в дощечку с помощью четырех острых зубцов (рис. 13, *1*). Этот предмет напоминает часть панциря, найденного в Головино (конец II тысячелетия до н. э.) [7].

Таким образом, предметы из нижнего погребения мог. № 2 свидетельствуют, что захоронение здесь было совершено в конце XIV — начале XIII в. до н. э. Погребение из мог. № 3 оказалось не столь богатым. По всему «каменному ящику» были разбросаны бронзовые пластинчатые круглые бляхи с отверстиями для крепления на ткани или коже. Около 100 таких блях составляли панцирь покойного. Употребление подобного типа панцирей известно с эпохи поздней бронзы вплоть до VI в. до н. э. Интересны бронзовые бусы с двойными отверстиями и конической верхней частью, бронзовые узкие пластинки в форме полумесяца. По-видимому, они являются остатками дисковидных украшений, которые появляются в памятниках конца II тысячелетия (Севан, Вартакар, Толорс, Мингечаур-V кург.). Обнаруженные сердоликовые и пастовые бусы хотя немногочисленны, но разнотипны.

Рис. 5. Золотая диадема из мог. № 2 (верхнее погребение)

[7] А. О. Мнацаканян. О раскопках могильников у села Головино (Армения). КСИИМК, XIVI, 1952, стр. 70—71, рис. 17, *2*; 18.

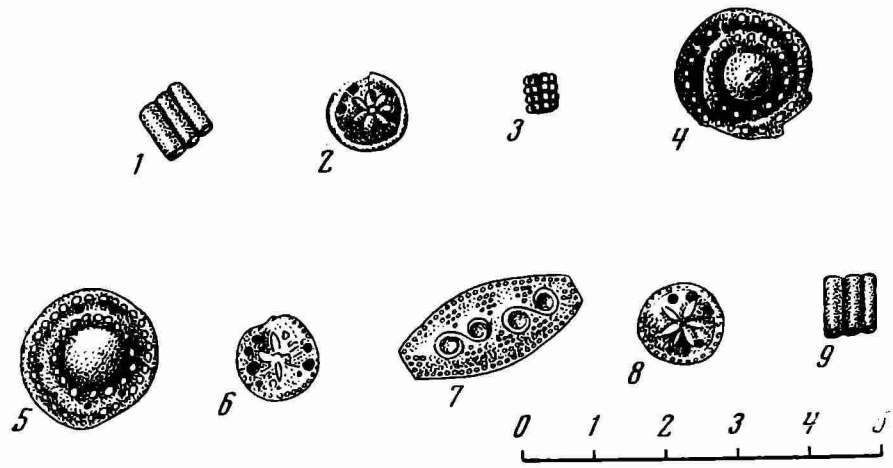


Рис. 6. Золотые украшения из мог. № 2:
1, 2, 4—6, 8, 9 — из верхнего погребения; *3, 7* — из нижнего

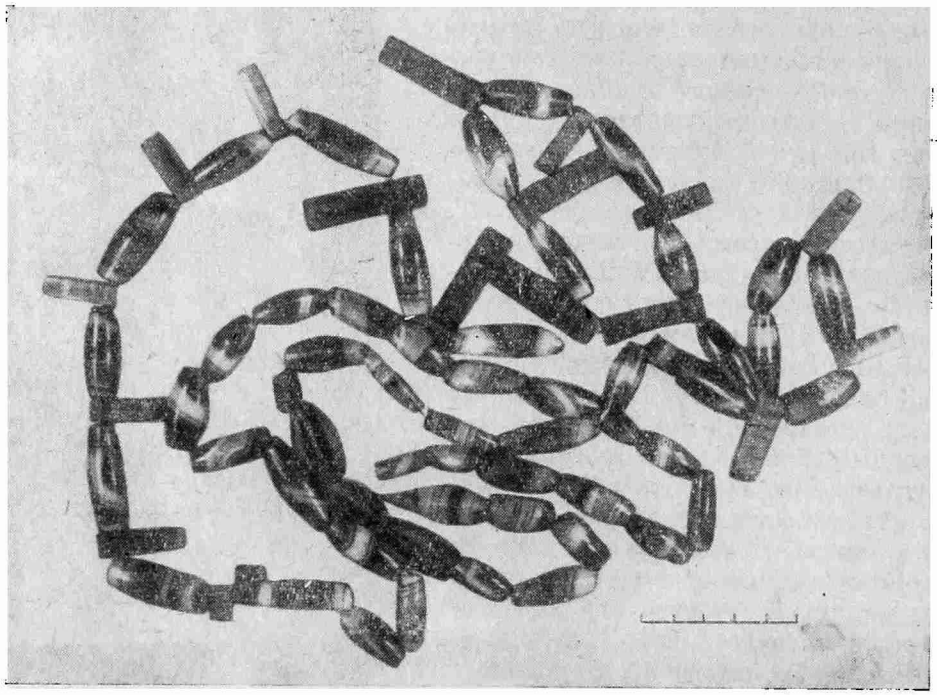


Рис. 7. Агатовые бусы из верхнего погребения мог. № 2

Художественным мастерством и тонкой выделкой отличаются золотые бусы. Одна из них в виде двойной спирали с оборотной стороны украшена зернью (рис. 14, *4*, *10*). Такие же бусы встречаются в Лчашене, в Тройе, Аладжа-Уйюке. Другая сделана из агата, имеет удлиненную форму и на обоих концах золотые колпачки, украшенные зернью (рис. 14, *5*, *11*). Имеются также бусы из тончайшей золотой фольги очень плохой сохранности.

Керамика, обнаруженная в мог. № 3, состоит из черного кувшинчика, кружки и горшка, украшенного каннелюрами (рис. 15, *8—11*). По погребальному инвентарю, это погребение датируется VIII—VII вв. до н. э.

Погребение в мог. № 4 отличалось особым богатством. Здесь найдено 58 разнообразных браслетов, среди которых 10 бронзовых и 9 серебряных,

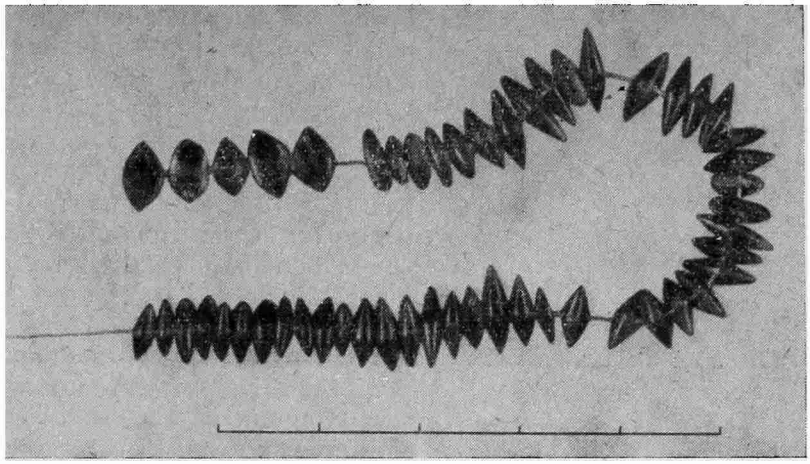


Рис. 8. Сердоликовые бусы из верхнего погребения мог. № 2

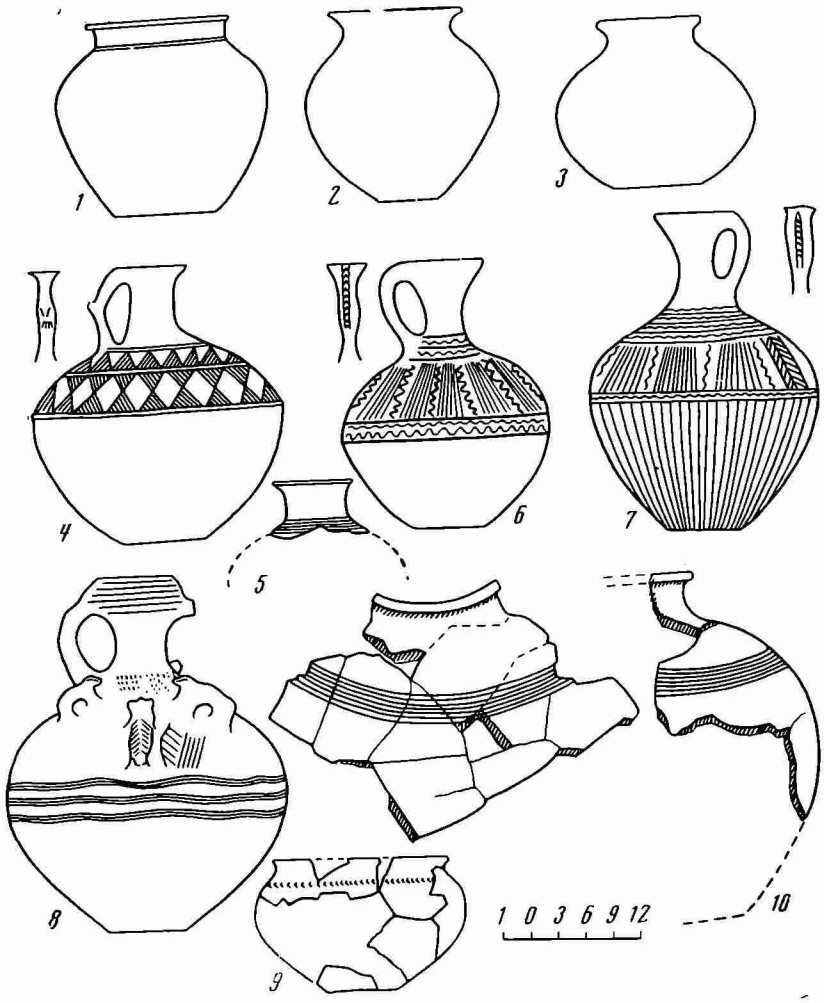


Рис. 9. Керамика из верхнего погребения мог. № 2

Рис. 10. Урартский флакончик из верхнего погребения мог. № 2

украшенных стилизованными змеиными головками. Обилие змеиноголовных браслетов не случайно. Они имели широкое применение, начиная с VIII в. до н. э., что было связано с верованием в добрых духов и змей. Некоторые из них, особенно урартские, реалистичны. Они выделяются хорошо выраженными выпуклыми глазами, надбровными дугами и ртом. Стилизованные же изображения в большинстве случаев передаются более плоскими формами, а детали головы обработаны резьбой [8].

Обнаруженные здесь бронзовые шейные гривы (10 шт.) различны по размерам и числу витков, некоторые из них орнаментированы. Из железных вещей нужно отметить удила, лежавшие в челюстях черепа лошади, погребенной в северной части могилы. Удила имеют удлиненные псалии с тремя петлями. Из центрального петельчатого отверстия выходит трензель (рис. 13, *2*). Эти удила по своей форме напоминают Кировоканские [9] и Кармир-Блурские [10] VIII в. до н. э. (но отличаются от них отдельными деталями). От четырех железных ножей сохранились только ручки. Они похожи на рукоятки ножей из верхнего погребения мог. № 2. Найденная в мог. № 4 золотая диадема по форме и изображениям очень похожа на диадему из верхнего погребения № 2, но изготовлена менее искусно. Края диадемы обрамлены дырочками и двумя параллельными линиями. На диадеме выдавлены фигурки шести фантастических животных, а в конце — половина такой же фигурки. С правой стороны мастер отчеканил антропоморфную фигуру, аналогичную изображению на первой диадеме. Голова фигурки — в шлеме, украшенном рогом. Возможно, что эти две диадемы работа одного и того же мастера. Звериные изображения золотых диадем находят соответствия в петроглифах Гегамских гор. Недалеко от диадемы найден золотой змеиноголовый стилизованный браслет, на котором, однако, хорошо выражены детали головки змеи (рис. 16). Очень интересны треугольные золотые подвески, которые были прикреплены к серебряным кольцам (рис. 14, *1, 2, 7, 8*). Это украшение изготовлено с большим мастерством. На золотой пластине напаяны треугольные выпуклые фигуры из золотой фольги. На каждом таком треугольнике имеется по паре кружочков в виде глаза и мелкие золотые зерна. Между треугольниками расположены полушарики. Такие же полушарики имеются и на оборотной стороне. Подвески с лицевой и оборотной сторон окаймлены золотыми нитями (прямыми и витыми). Найдена почти такая же золотая подвеска (фрагмент) несколько меньших размеров (рис. 14, *6*, *12*). Другая золотая треугольная подвеска с двух сторон украшена налепными зернами в виде гроздей винограда, расположенных в определенном порядке (рис. 14, *3*, *9*). Эта подвеска также обрамлена красивым ободочком.

[8] О змеиноголовых браслетах см. А. А. Мартиросян. Раскопки в Головино, стр. 81—82; С. А. Есаян. Бронзовые браслеты Исторического музея Армении. Изв. АН АрмССР, 1964, 2 (на арм. яз.), стр. 89.

[9] А. А. Мартиросян. Армения в эпоху бронзы и раннего железа, табл. XXI, *19, 20*.

[10] Б. Б. Пиотровский. Кармир Блур III, Ереван, 1955, рис. 34.

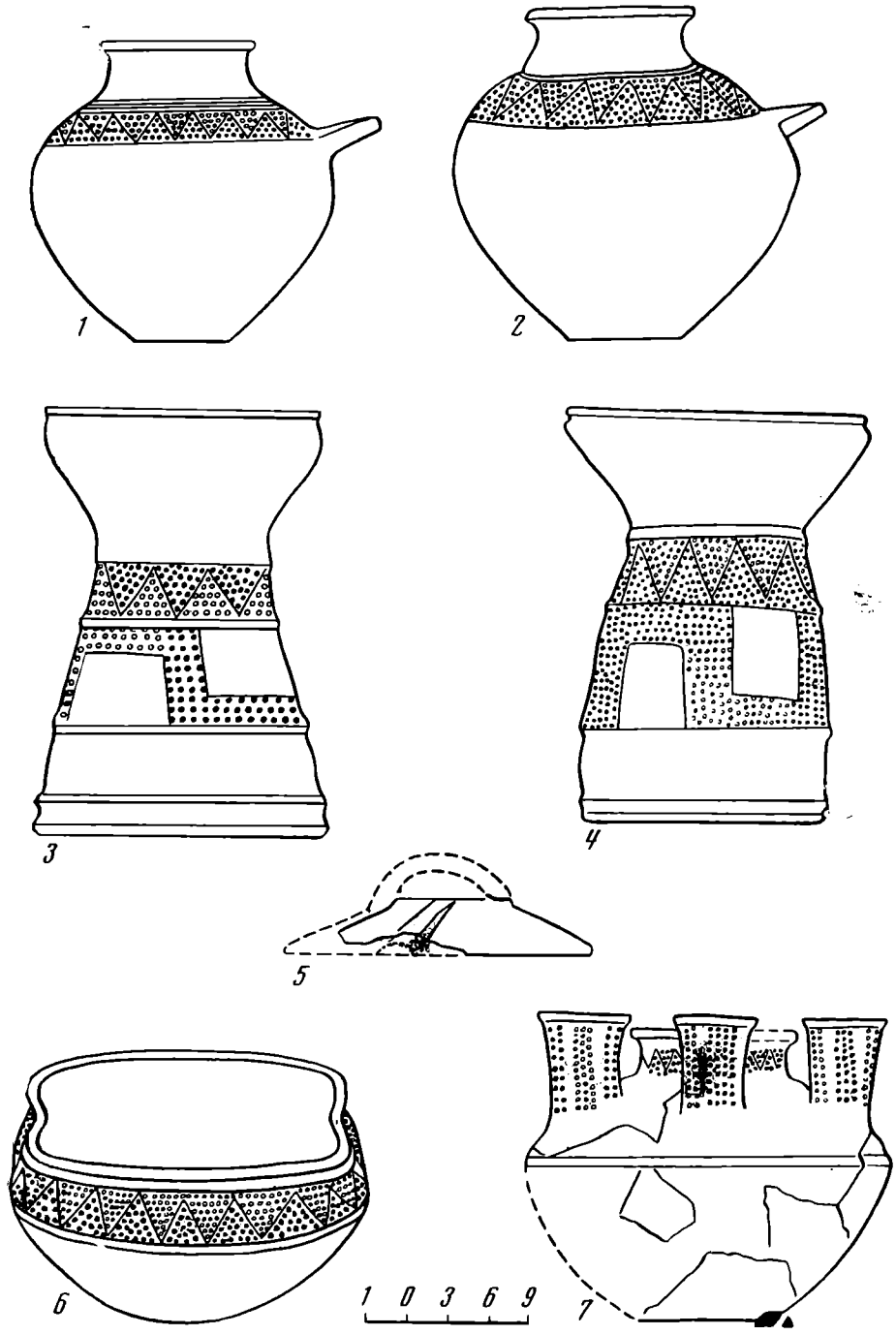


Рис. 11. Керамические вещи из нижнего погребения мог. № 2

Эти предметы ювелирного искусства являются не только украшениями, но имеют и культовое назначение. Налепные фигурки на треугольных подвесках хотя и не имеют прямых аналогий среди известных памятников и пока трудно точно определить их значение, однако, по-видимому, их можно сравнивать с переднеазиатскими идолами, которые изображаются с треугольными головками, длинной шеей и концентрическими кругами вместо глаз. Иногда у них бывает две, три и больше головок [11]. Ободочки

[11] M. Vieyra. Hittite Art. London, 1955, рис. 8.

треугольных подвесок напоминают обрамление подвесок из дворца Зенджирли (850 г. до н. э.)[12].

В погребении № 4 было найдено 15 черных сосудов (рис. 15, *1—7, 12—17*). Из них семь кувшинов украшенны в технике выдавливания и лощения (рис. 15, *1—7*). Четыре кувшина этой группы имеют на ручках желобки, которые заштампованы ступенчатыми уголками, ромбами и трапециями. На ручке одного из кувшинов налеплена стилизованная головка

Рис. 12. Бронзовый котел из нижнего погребения мог. № 2

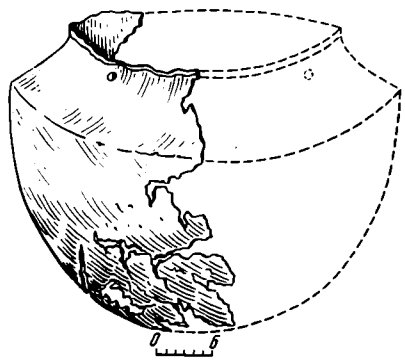


Рис. 12

Рис. 13
1 — бронзовый щиток из нижнего погребения мог. № 2; *2* — железные удила из погребения в мог. № 4

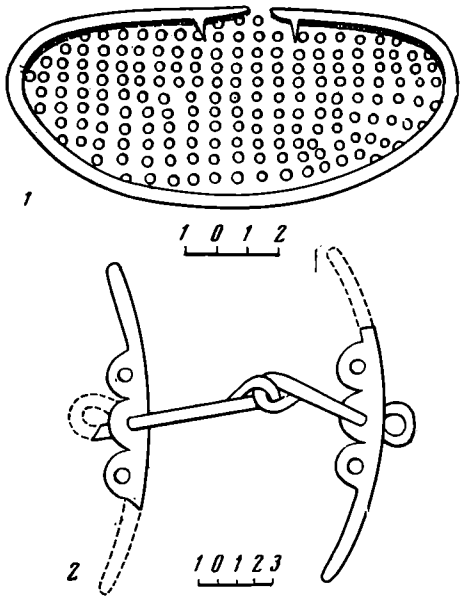


Рис. 13

барана. Украшения на кувшинах не случайны. Здесь можно видеть лучи солнца, древо жизни, перпендикулярные, зигзагообразные линии, которые могли символизировать небесную воду или гром, треугольники, символизирующие землю и т. д.[13] В этом отношении представляет интерес один из кувшинов, на ручке которого имеется головка барана (рис. 15, *4*): символ небесного созвездия, изображен здесь в сочетании с символом земли и небесной воды. Интересен биконический, плоский чайникообразный сосуд, имеющий носик в виде барана с налепными рогами (рис. 17). Этот сосуд по форме корпуса близок к сосуду из Атарбекяна (кромлех № 1, IV в. до н. э.)[14], а баранообразный носик похож на носики сосудов из 11-го слоя Кара-Тепе (Мильско-Карабахская степь, V—I вв. до н. э.)[15].

Лори-Бердские погребения по своему инвентарю стоят очень близко к памятникам Алаверди и Головино (VII—VI вв. до н. э.) и, кроме того, сближаются с памятниками более позднего периода (Атарбекян, Джрарат). Следовательно, они принадлежат раннеармянской культуре.

Анализируя Лори-Бердские погребения и их инвентарь, можно проследить одно общее явление: в богатых погребениях отсутствуют орудия труда и оружие, если не считать нескольких железных ножей и обсидиановых наконечников, которые малочисленны и нехарактерны. Вместо них мы встречаем многочисленные и разнообразные украшения, имеющие в основ-

[12] Там же, рис. 122.

[13] А. Р. Исраелян. Культ и верования в Армении в эпоху поздней бронзы. Автореф. канд. дис. Ереван, 1968.

[14] А. О. Мнацаканян. Раскопки могильников у селения Атарбекян в Армянской ССР. КСИИМК 60, 1955, стр. 33, рис. 7.

[15] О. Ш. Исмизаде. Итоги археологических исследований поселения на холме Кара-Тепе. Баку, 1965, рис. 85, табл. II.

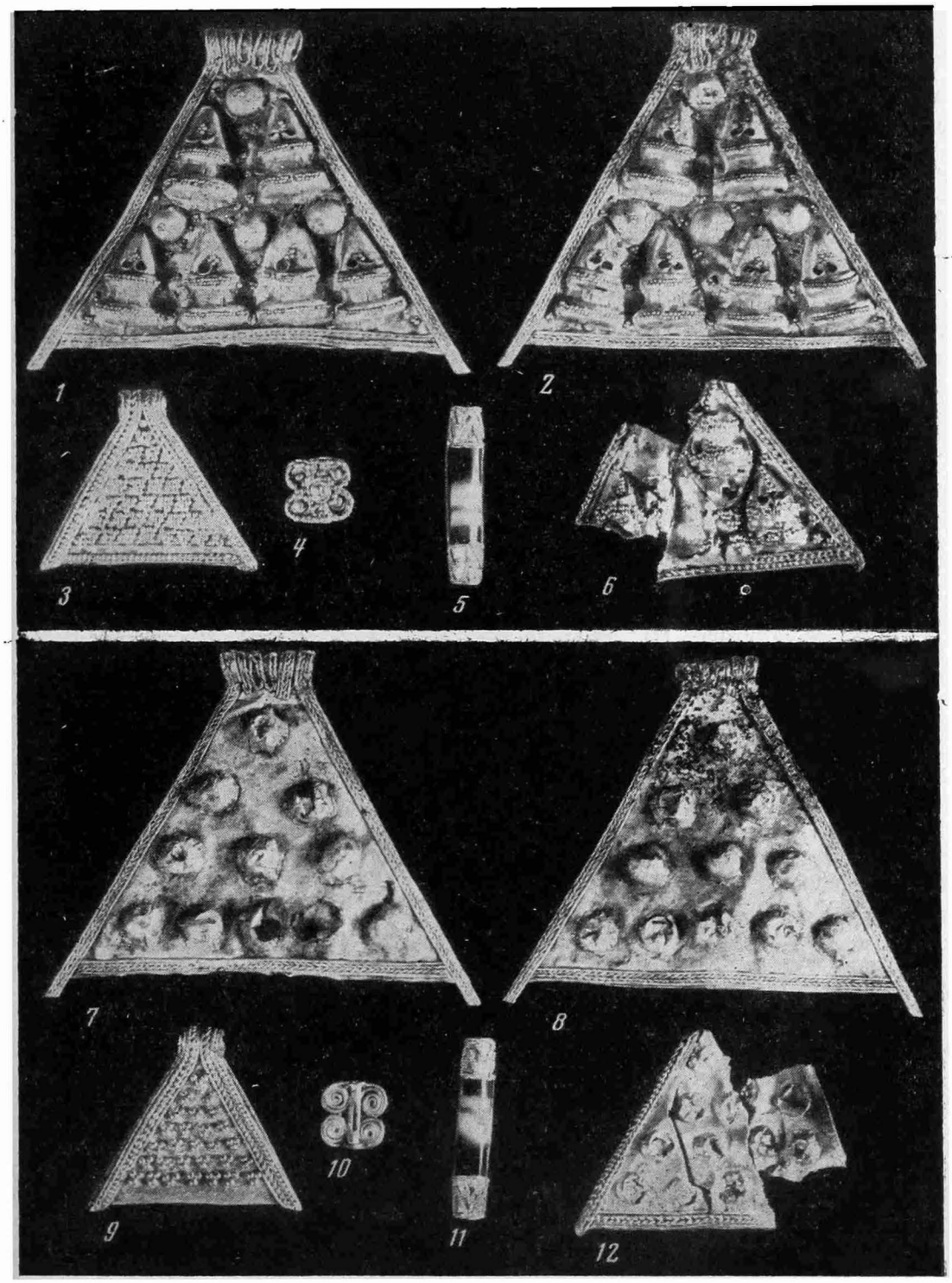


Рис. 14. Золотые украшения из кургана № 3 и 4

Рис. 15. Керамические сосуды из могил № 3 и 4

ном культовое значение. Большое число змеиноголовых браслетов (бронза, серебро, золото), змеинообразных, лучеобразных, волнистых узоров на кувшинах, баранообразных и других зооморфных фигур, образов солнца и древа жизни, золотых идолообразных подвесок и, наконец, диадемы с антропоморфными и зооморфными фигурами — все это вместе взятое показывает, что Лори-Бердские погребения по своему характеру целиком связываются с божествами солнца, неба и стихии, которые символизировались изображениями животных и мотивами узоров на сосудах [16]. Это дока-

[16] А. Р. Израелян. Ук. соч.

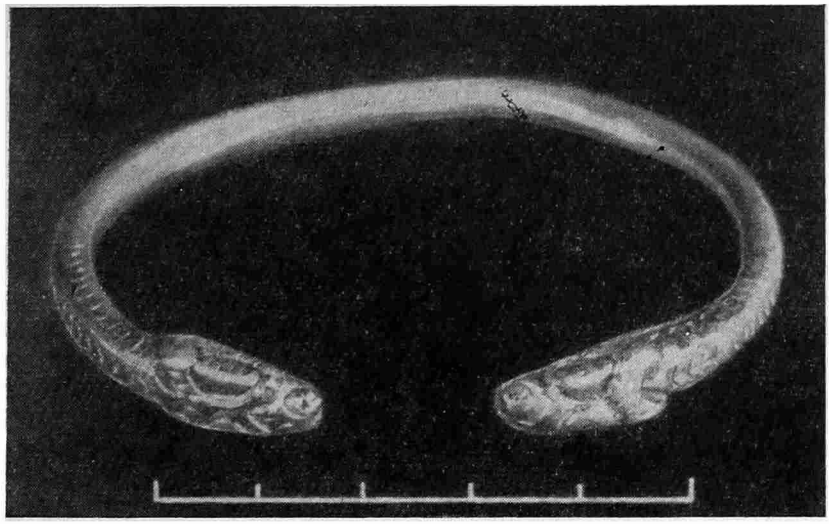


Рис. 16. Золотой змееголовый браслет из мог. № 4

зывается также захоронением лошадей в погребениях, кремацией покойников и самой круглой формой кромлеха, напоминающей солнечный круг или просто солнце, которому приносились в жертву лошади. Исходя из вышеизложенного, можно предположить, что описанные захоронения при-

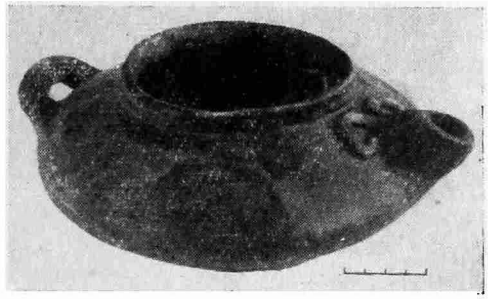


Рис. 17. Ритуальный керамический зооморфный сосуд из мог. № 4

надлежали служителям культа, т. е. представителям жречества, занимавшим довольно высокую ступень социальной иерархии в период урартского владычества в Армении. Дальнейшее исследование Лори-Бердского комплекса даст интересные материалы для изучения культуры эпохи бронзы и раннего железа.

S. G. Dévedjian

NÉCROPOLE DE LORI-BERD

Résumé

Les sépultures examinées en 1969—1970 se trouvent non loin de la ville de Stépanavan (R. S. S. d'Arménie), près du village de Lori-Berd. La nécropole contient les sépultures de deux types: tumuli et cromlechs (fig. 1, 2). En 1969, une sépulture dissimulée sous un tumulus a été fouillée: elle contenait deux tombes riches en objets d'or et d'argent. La tombe supérieure, d'après son mobilier, se rapproche des sites datant de l'époque d'une large possession du fer, c'est — à — dire des VII—VI siècles av. n. è.

La tombe inférieure se rapporte aux XIV—XIII siècles av. n. è. Les deux tombes abondent en parures (bronze, or, argent, cornaline, ambre jaune, jaspe etc.), et en objets céramiques à destination rituelle (fig. 3—12).

Le mobilier assez modeste de la sépulture N 3, fouillée en 1970, se composait de plaques d'une cuirasse en bronze (100 pièces environ), de petits pots et de petites aiguières noires (fig. 15, 8—11), de perles de cornaline et de deux perles en or, très jolies (fig. 14). L'examen de ces objets a permis de dater la sépulture des VIII—VII siècles av. n. è. La sépulture N 4 était riche en objets de parure fabriqués en bronze, en argent et en or (fig. 14, fig. 16), en perles d'ambre jaune, de cornaline et d'agate. Les jarres et d'autres objets céramiques sont décorés des motifs zoomorphes et géometriques symbolisant des éléments zodiacaux (fig. 15, fig. 17).

L'analyse des sépultures de Lori-Berd permet de constater une particularité générale: absence des outils de travail et des armes exceptés les exemplaires isolés des couteaux de fer ordinaires et des pointes de flèches en obsidienne. Par contre la diversité et l'abondance d'objets de parure, généralement à la destination rituelle, les objets céramiques à la même destination aussi bien que certains détails du rite funéraire laissent à supposer que les sépultures en question appartiennent aux pontifes, c'est-à-dire aux représentants du clergé dont la place dans l'hiérarchie sociale était assez élevée à l'époque de la domination d'Ourartou en Arménie.

М. П. АБРАМОВА

ПОГРЕБЕНИЯ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ ЦЕНТРАЛЬНОГО ПРЕДКАВКАЗЬЯ

В изучении «скифского периода» в истории северокавказских племен наиболее спорным в настоящее время является вопрос о локальных вариантах кобанской культуры, что объясняется слабой археологической изученностью памятников этого времени, особенно в центральных районах Предкавказья. В связи с этим большой интерес представляют вновь открытые здесь памятники скифского времени.

В 1970 г. проводились исследования грунтового могильника скифского времени на левом берегу р. Терека, у с. Комарово Моздокского района Северо-Осетинской АССР. Могильник, расположенный на высоком надпойменном мысу, был открыт краеведом К. С. Кожемяко. Нами было раскопано 10 погребений, не имевших внешних признаков и располагавшихся рядами на расстоянии 10—15 *м* друг от друга. Глубина могил от 0,80 до 1,30 *м* (рис. 1—3).

Погребальный обряд раскопанных могил довольно однообразен, как и в других моздокских могильниках скифского времени, характеристика которых дана А. А. Иессеном [1]. Каждое погребение содержало по одному костяку, лежавшему в скорченном положении на правом или левом боку (возможно, в зависимости от пола погребенного, мужчины — на левом, женщины — на правом боку). Ориентировка у всех костяков южная с небольшими отклонениями к западу (ЮЮЗ). Некоторые погребения содержали кости барана (передняя нога с лопаткой), лежащие либо в миске (погр. 4), либо рядом с сосудами (погр. 5). В погр. 8 найдены кусочки угля.

Данные погребального обряда (грунтовые могилы и скорченное положение костяков) говорят о том, что могильник был оставлен местными северокавказскими племенами. Обряд положения заупокойной пищи (кости барана) был широко распространен в скифское время на Северном Кавказе (Луговой, Каррас и др.). Характерной чертой обряда памятников местных племен является и наличие угля в могиле.

В каждой могиле, по-видимому, было по 3—4 сосуда. Все они лепные. Набор их довольно стандартный: один большой сосуд в виде корчаги, маленький кувшинчик с ручкой, большая миска и миниатюрная мисочка, т. е. те сосуды, которые, как отмечал А. А. Иессен, были характерны и для других моздокских могильников [2].

Большие корчаги делятся на два типа: **1 тип.** Сероглиняные или черноглиняные корчаги, достигающие высоты 30—35 *см*, с раздутым в нижней или в средней части туловом и с узким горлом, иногда равным по диаметру дну, иногда чуть шире его. Две целые корчаги найдены в погр. 1 и 7 (рис. 1, *1*; 3, *14*), в погр. 4 и 5 сохранились лишь нижние части таких

[1] Б. Б. Пиотровский и А. А. Иессен. Моздокский могильник. Археологические экспедиции Эрмитажа, 1. Л., 1940, стр. 22 сл.

[2] Там же, стр. 32.

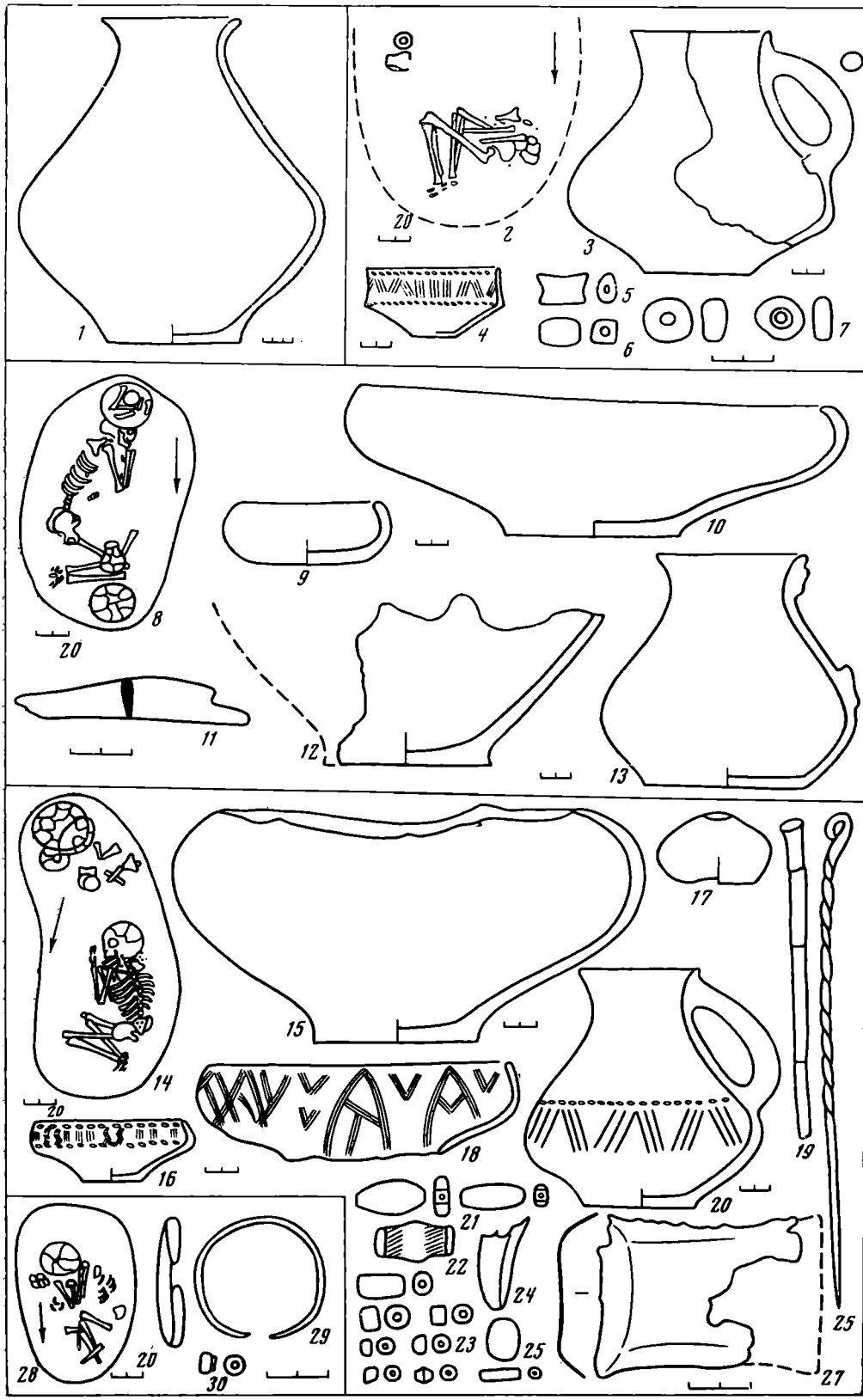


Рис. 1. Погребения Комаровского могильника начала VI в. до н. э.
1 — погр. 1; *2—7* — погр. 2; *8—13* — погр. 4; *14—27* — погр. 5; *28—30* — погр. 10

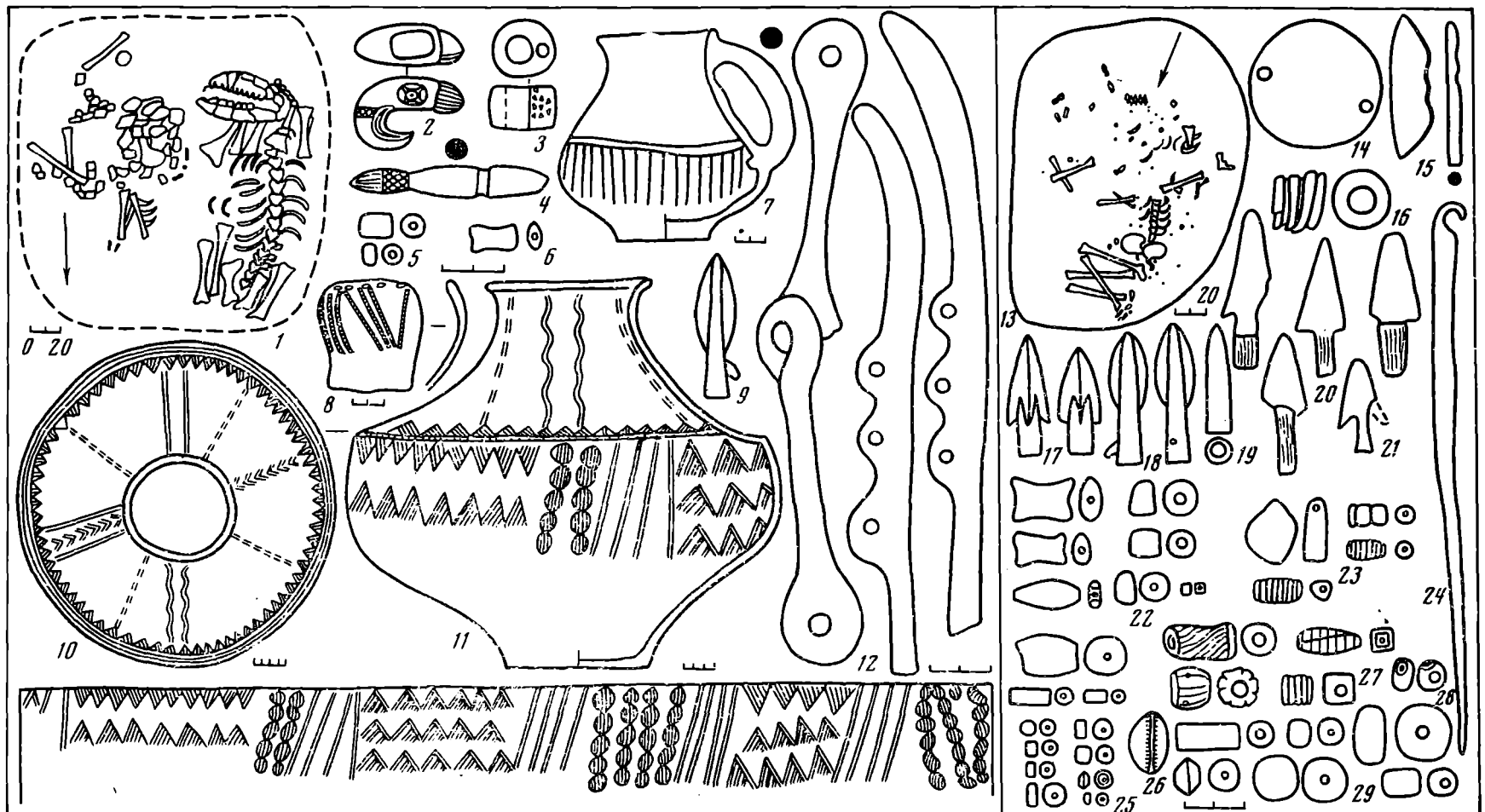


Рис. 2. Погребения Комаровского могильника начала VI в. до н. э.
1—12 — погр. 3; *13—29* — погр. 8

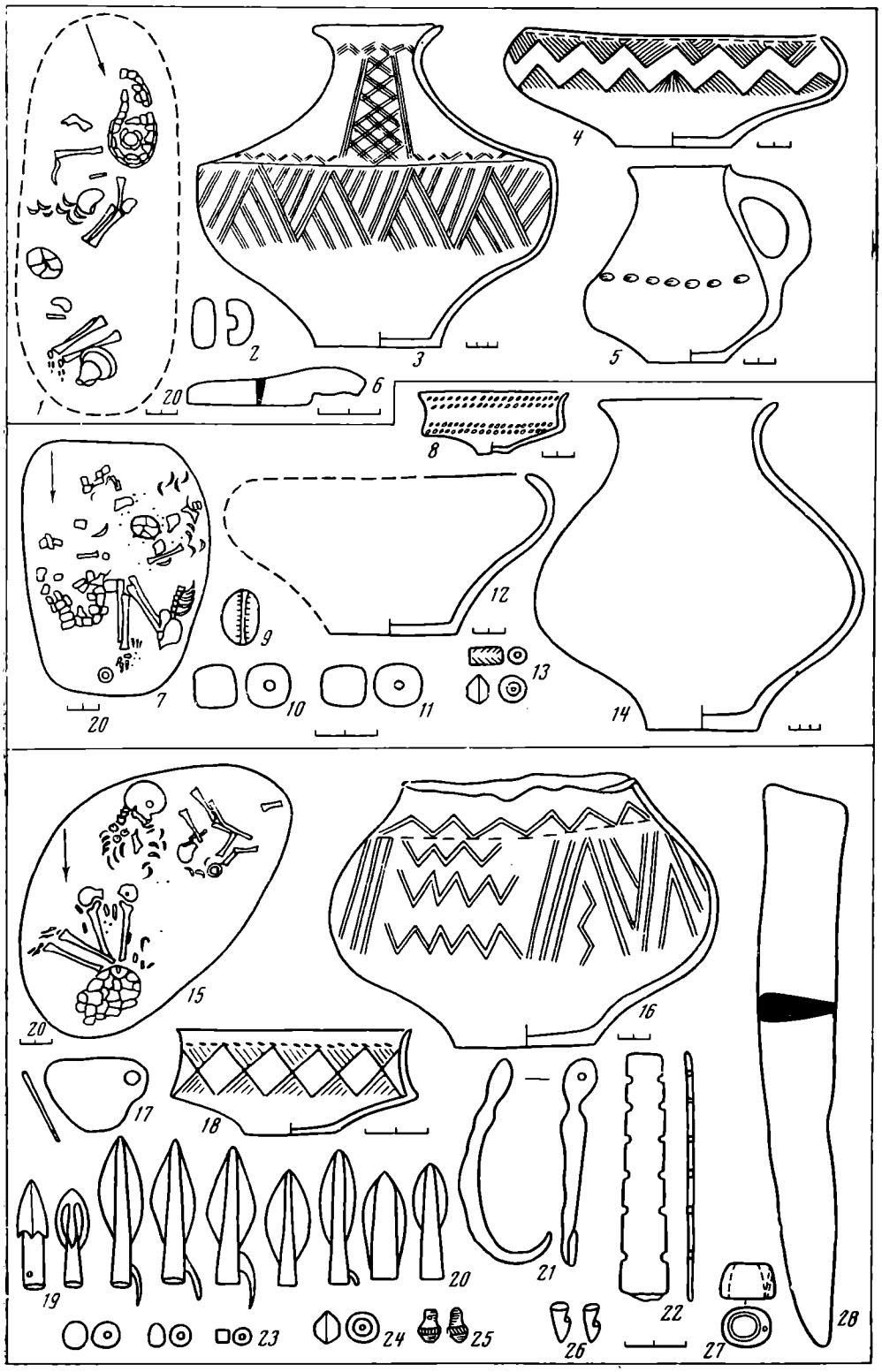


Рис. 3. Погребения Комаровского могильника начала VI в. до н. э.
1—6 — погр. 6; *7—14* — погр. 7; *15—28* — погр. 9

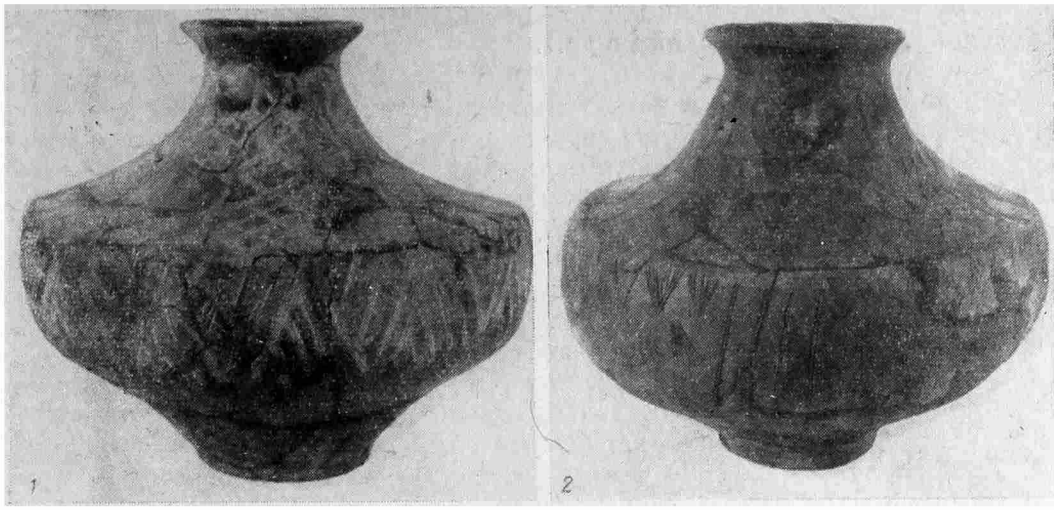


Рис. 4. Глиняные сосуды из Комаровского могильника (*1* — погр. 6, *2* — погр. 3)

корчаг (рис. 1, *12, 15*). Обработка поверхности у сосудов этого типа разная: некоторые корчаги совсем не имеют следов лощения, другие залощены в меньшей (погр. 7) или большей степени (погр. 4 и 5). Обычно эти корчаги имеют неорнаментированную поверхность, лишь в одном случае (погр. 9) сосуд, по-видимому, такого типа был покрыт резным орнаментом из сдвоенных вертикальных и зигзагообразных линий (рис. 3, *16*). Поверхность его также была залощена. В четырех случаях эти сосуды были найдены в ногах погребенных, в одном — у головы.

2 тип. Корчаги примерно той же высоты (32—34 *см*), но имеющие благодаря очень широкому тулову более приземистый вид. Широкая часть тулова почти цилиндрической формы отделялась от верхней части сосуда уступом. Горло узкое, примерно равное по величине диаметру дна. Найдены в двух мужских погребениях (№ 3 и 6). Оба они черноглиняные лощеные, покрытые резным геометрическим орнаментом (рис. 2, *10—11*; 3, *3*; 4, *1, 2*). Сосуды такого типа, правда, по-видимому, меньших размеров, были известны и раньше в Моздокском могильнике [3]. Сходный по форме сосуд, имеющий уступ не сверху, а снизу широкой части тулова, найден в районе Ставрополя. Однако он имеет сравнительно небольшие размеры и сближается, по-видимому, больше с группой одноручных кувшинов, также хорошо представленных в моздокских могильниках [4].

Одноручные кувшины найдены в пяти погребениях по одному экземпляру. В большинстве случаев лежали у ног, в одном (погр. 5) — у головы погребенного. Все кувшины небольших размеров (высотой от 13 до 16 *см*), имеют раздутое в нижней части тулово, невысокое расширяющееся кверху горло и массивную круглую в сечении ручку, начинающуюся от края. Все они имеют темно-серую или черную лощеную поверхность два кувшина не орнаментированы (рис. 1, *3, 13*), остальные имеют орнамент на широкой части тулова из вертикальных или наклонных, сгруппированных по три полос, сделанных лощилом, сверху ограниченных либо одной, либо сдвоенной горизонтальной линией, также сделанной лощилом (рис. 2, *7*), либо образованной рядом округлых вдавлений (рис. 1, *20*; 3, *5*). Кувшинчики такого типа наиболее характерны для моздокских могильников скифского времени [5], но в единичных экземплярах встреча-

[3] Б. Б. Пиотровский и А. А. Иессен. Ук. соч., табл. XI, *2*.

[4] А. А. Иессен. Северокавказские сосуды с изображением оленя. СГАИМК, 1931, 2, стр. 15—16.

[5] Б. Б. Пиотровский и А. А. Иессен. Ук. соч., стр. 32, табл. II, *1*; VI, *1*; X, *2*.

ются и в других могильниках Северного Кавказа этого времени (Нестеровский [6], Минераловодский [7] и др.).

Миски. 1. Большие миски (диаметр 20—30 *см*, высота 7—10 *см*) с загнутым внутрь краем и вогнутыми у дна стенками. Найдены в четырех погребениях (№ 4—7). Глина серая, черная или темно-коричневого цвета, внутренняя и внешняя поверхность залощена. Две миски не имеют орнамента (рис. 1, *10*; 3, *12*), две другие орнаментированы либо двумя рядами заштрихованных треугольников (рис. 3, *4*), либо узором из тройных линий, образующих различные фигуры (рис. 1, *18*). Фрагменты миски с загнутым внутрь краем найдены в погр. 3. В отличие от большинства моздокских сосудов, для которых характерен резной орнамент, здесь для орнаментации миски применен зубчатый штамп, при помощи которого нанесены вертикальные и наклонные линии, отходящие от края. По краю проходит ряд неглубоких овальных вдавлений (рис. 2, *8*). Такой способ орнаментации вообще мало характерен для керамики скифского времени. 2. Миниатюрные мисочки достигают высоты 3,5—4,5 *см*, диаметр 7—8 *см*. В четырех погребениях найдены остроребериые миски, верхняя часть которых имеет вертикальные или вогнутые посредине стенки. Лишь в одном случае (погр. 5) венчик был загнут внутрь. В нижней части сосуды имели прогнутые стенки. Все мисочки этого типа сделаны из черной или серой глины, имеют лощеную как внешнюю, так и внутреннюю поверхность и резной орнамент, заполненный белой пастой (рис. 1, *4, 16;* 3, *8, 18*). Они не находят себе аналогий средп мисок больших размеров из моздокских могильников, по форме похожи на пятигорские миски, хотя и имеют некоторые отличия: сосуды из Пятигорья имеют более массивную, часто округлую, нижнюю часть [8]. Близкие по форме мисочки найдены в Минераловодском могильнике (Н. М. Егоров считает их туалетными) [9].

Из погребения 4 происходит мисочка с округлыми залощенными стенками и загнутым внутрь краем (рис. 1, *9*).

Типы сосудов, найденные в Комаровском могильнике, образуют своеобразную группу керамики, характерную для моздокских могильников. Рассматривая ее, А. А. Иессен отмечал, что по ряду признаков (чернолощеная с разным орнаментом, заполненным белой пастой) она входит в круг керамики, распространенной на широкой территории — Центральный и Северо-Западный Кавказ, Скифия, Гальштатт. Тем не менее он совершенно справедливо подчеркивал местную основу производства в каждой из этих областей. Действительно, несмотря на то, что, например, корчаги и большие миски находят аналогии в керамике других областей Северного Кавказа и Скифии, сами эти сосуды имеют своеобразные черты (в форме и орнаменте) в каждой из этих областей. Еще резче различия в керамике отдельных областей прослеживаются в том случае, когда акцентируется внимание не на сходстве отдельных сосудов, а на сопоставлении керамических наборов в целом, что и должно делаться при выделении культур или их локальных вариантов. В этом смысле керамика моздокских могильников представляет своеобразную группу, о границах которой будет сказано ниже.

Оружие. В погр. 9 найдены фрагменты массивного однолезвийного железного кинжала. Сохранившаяся длина его 19 *см*, ширина слабо изогнутого клинка 2,5 *см* (рис. 3, *28*). Однолезвийные мечи и кинжалы не характерны для вооружения савроматов, в Скифии же распространяются в

---

[6] Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, стр. 262, рис. 44, *1*.

[7] Н. М. Егоров. Могильник скифского времени близ. г. Минеральные Воды. КСИИМК, 58, 1955, стр. 53, рис. 16, *2*.

[8] Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа; табл. XXXII; К. Э. Гриневич. Новые данные по археологии Кабарды. МИА, 23, 1951, стр. 131, рис. 8, *3*, стр. 134, рис. 12, *2*.

[9] Н. М. Егоров. Ук. соч., стр. 53, рис. 16, *1;* стр. 55, рис. 18, *1*.

IV—III вв. до н. э. под влиянием греческой махайры [10]. На Северном Кавказе единичные экземпляры однолезвийных кинжалов встречаются в памятниках местных племен VI—V вв. до н. э. (Луговой, Нестеровский могильник) [11].

Наконечники стрел, найденные в трех погребениях,— втульчатые бронзовые и плоские железные и бронзовые.

Бронзовые втульчатые наконечники представлены следующими типами: 1) плоские двухлопастные с овальной или ромбовидной головкой (погр. 3 — 1 экз., погр. 8 — 2 экз., погр. 9 — 7 экз.). Многие из них снабжены шипом на втулке (рис. 2, *9*, *18*; 3, *20*). Стрелы этого типа были распространены у скифов и савроматов в VII—VI вв. до н. э.[12]; 2) трехлопастной наконечник с лавролистной головкой и выступающей втулкой (рис. 3, *19*). Характерен также для VII—VI вв. до н. э.[13]; 3) трехгранные наконечники, у которых грани переходят в лопасти, заканчивающиеся иногда шипами (погр. 8 — 2 экз., рис. 2, *17*), характерны для савроматов конца VII—VI вв.[14] К VI в. относится один трехгранный наконечник (рис. 3, *19*) [15]; 4) пулевидный наконечник (рис. 2, *19*). Бронзовые пулевидные наконечники изредка встречаются у скифов [16], известны они и среди материалов раннескифского времени Северного Кавказа (Чечено-Ингушетия, Ставрополье — Бажиган) [17].

Плоские наконечники стрел представлены пятью экземплярами (погр. 8). Четыре из них железные крупные (рис. 2, *20*), один бронзовый (рис. 2, *21*). Плоские наконечники стрел были характерны главным образом для племен восточных и центральных районов Северного Кавказа в первой половине I тысячелетия до н. э. Распространение их надо связывать с влиянием Закавказья, где они бытовали еще во второй половине II тысячелетия до н. э. В начале I тысячелетия до н. э. на Северном Кавказе господствовали бронзовые плоские наконечники, к VI в. до н. э. распространяются железные аналогичных форм, которые становятся преобладающими, сосуществуя с бронзовыми. Верхней границей бытования наконечников такого типа является, по-видимому, середина I тысячелетия до н. э. (VI—V вв.). К этому времени относятся аналогичные наконечники, найденные в ряде могильников Северного Кавказа (Нестеровский, Луговой, Верхняя Рухта) [18].

В погр. 9 найден железный колчанный крюк. Он сделан из заостряющегося к концу прута с кольцеобразным расширением в верхней части, где имеется отверстие для подвешивания (рис. 3, *21*). В погребениях местных племен Северного Кавказа колчанные крюки встречаются редко, главным образом в северных районах (моздокские могильники, Минераловодский могильник) [19]. По-видимому, распространение их на Северном Кавказе надо связывать с влиянием северных кочевых племен.

В погр. 3 найдена костяная застежка, очевидно от колчана, с резным орнаментом (рис. 2, *4*). Застежки такого типа более характерны для скифов, чем савроматов. В курганах раннескифского времени довольно часто встречаются костяные застежки, которые, по мнению В. А. Ильинской, возможно, послужили прототипами для более поздних бронзовых засте-

---

[10] А. И. Мелюкова. Вооружение скифов. САИ-Д1-4, 1964, стр. 59.

[11] ГИМ. инв. № 95964 и 79845.

[12] А. И. Мелюкова. Ук. соч., стр. 18—19; К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов. МИА, 101, 1961, стр. 38—42.

[13] К. Ф. Смирнов. Ук. соч., стр. 44, табл. II, *1—5*.

[14] Там же, стр. 52—53, табл. IV, *3*, *15*.

[15] Там же, табл. IV, *16*.

[16] А. И. Мелюкова. Ук. соч., табл. 6, *А6*.

[17] Е. И. Крупнов. Археологические работы в Грозненской обл. в 1946 г. КСИИМК, XX, 1948, стр. 69, рис. 33, *10*; его же. Прикаспийская археологическая экспедиция, КСИИМК, 55, 1954, стр. 104, рис. 42, *13*.

[18] Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа, стр. 299, рис. 39, *9—11*, стр. 285, рис. 48, *7—8*; табл. LXV, *1*, *2*.

[19] Н. М. Егоров. Ук. соч., стр. 53—54, рис. 17, *14*.

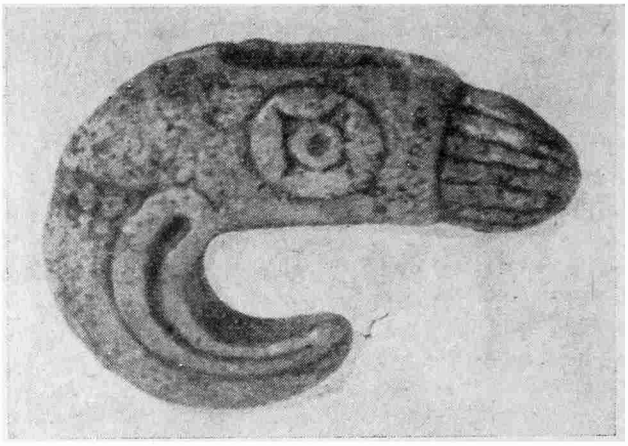


Рис. 5. Украшение уздечки в виде головы птицы (Комаровский могильник, погр. 3)

жек такого типа [20]. Обломком такой застежки, по-видимому, является костяной стержень, круглый в сечении (сохранившаяся длина — 5,5 *см*), найденный в погр. 8 (рис. 2, *15*).

В погр. 9 найдена узкая и длинная фигурная пластинка (рис. 3, *22*), которая, очевидно, служила украшением колчана. Здесь же найдено два костяных «гвоздика», длиной до 1,5 *см* (рис. 3, *26*). В. А. Ильинская отмечает широкое распространение таких «гвоздиков» среди раннескифских памятников и считает их принадлежностью колчанов, одежды или конского снаряжения [21]. По-видимому, их действительно можно связывать с колчанами. Об этом говорит местоположение их в погр. 9 рядом с наконечниками стрел, колчанным крюком и костяной пластинкой, которые были сосредоточены у бедренных костей погребенного. В разрушенном погребении Минераловодского могильника было найдено более 50 подобных «гвоздиков», которые были расположены в могиле полукругом [22] (по форме колчана?).

Конское снаряжение. Удила, найденные в погр. 3 при конском костяке, однокольчатые железные, с железными трехпетельчатыми стержневидными псалиями с одним изогнутым концом (рис. 2, *12*).

Аналогичный комаровскому набор железных однокольчатых удил и трехпетельчатых псалий, относящийся к началу VI в. до н. э., был обнаружен Б. Б. Пиотровским при раскопках Кармир-Блура [23].

В погр. 3 рядом с мордой коня была найдена вырезанная из кости головка птицы, по-видимому, орла с загнутым вниз клювом и с глазом в виде солярного знака (рис. 2, *2*; 5). Комаровская костяная головка по своему облику напоминает скифские бронзовые топорики-скипетры, рассмотренные в работах В. А. Ильинской. Многие из этих топориков также выполнены в форме головы птицы [24]. Однако, имея довольно широкое сквозное отверстие, комаровская головка не могла быть насажена на рукоять, так как этому мешал загнутый книзу клюв. Учитывая к тому же небольшие ее размеры, наличие одностороннего изображения и факт нахождения ее у морды коня, можно рассматривать ее как украшение конской уздечки.

В этом же погребении рядом с лопаткой лошади найдена костяная цилиндрическая пронизь с двумя отверстиями — одним большим посредине, вторым, меньшим по диаметру — у края. На боковой стороне пронизи имеется орнамент из беспорядочных мелких треугольников (рис. 2, *3*). Сходная по форме костяная пронизь найдена в погр. 9 (рис. 3, *27*). В. А. Ильинская любезно указала мне, что близкие аналогии этим пред-

---

[20] В. А. Ильинская. Скифы днепровского лесостепного Левобережья. Киев, 1968, стр. 97.

[21] В. А. Ильинская. Ук. соч., стр. 149, табл. XLVIII, *19, 25, 26*.

[22] Н. М. Егоров. Ук. соч., стр. 53—55, рис. 17, *16*.

[23] Б. Б. Пиотровский. Кармир-Блур. Результаты раскопок 1939—1940 гг. Ереван, 1950, стр. 92—95, рис. 62.

[24] В. А. Іллінська. Скіфські сокири. «Археологія», XII, Київ, 1961, стр. 44, рис. 11, *5—6;* ее же. Культовые жезлы скифского и предскифского времени. МИА, 130, 1965, стр. 210, рис. 3, *4—7*.

метам имеются среди материалов Журовки первой половины VI в. до н. э., хранящихся в Эрмитаже. Назначение этих изделий неизвестно, отнесение их к числу принадлежностей конской сбруи, конечно, весьма условно.

Украшения в материалах Комаровского могильника представлены очень плохо. В детском погр. 10 найден бронзовый браслет с несомкнутыми концами, сделанный из узкой овальной в сечении пластины, сужающейся к концам (рис. 1, *29*). Браслеты такого типа, часто более массивные, характерны для памятников кобанской культуры на широкой территории.

Булавки. Бронзовые и железные булавки, целые и в фрагментах, найдены в четырех погребениях (в погр. 5 — одна бронзовая и одна железная, погр. 8 — одна бронзовая, в погр. 7 и 10 — фрагменты железных). Все железные булавки очень плохой сохранности (рис. 1, *19*), бронзовые — однотипные в виде круглого в сечении сужающегося книзу стержня, верхняя часть которого утончена и загнута в петлю (рис. 2, *24*). У булавки из погр. 5 верхняя часть стержня витая (рис. 1, *26*). В могиле они находились либо под лопатками человека (погр. 5), либо у костей руки, таким образом, они, по-видимому, служили для скрепления одежды. Булавки такого типа хорошо известны в памятниках горных племен кобанской культуры [25], известны они и в могильниках раннескифского времени предгорных районов [26].

Бляшки, сделанные из тонкой пластинчатой бронзы, найдены в трех погребениях. В женском погребении рядом с глиняными сосудами, стоявшими у головы погребенной, лежала прямоугольная выпуклая бляха размерами 7 × 5 *см* (рис. 1, *27*). В погр. 9 найдена плоская бляха подтреугольной формы с одним отверстием (рис. 3, *17*), круглая выпуклая бляшка с двумя отверстиями (рис. 2, *14*) найдена в погр. 8.

Бусы являются наиболее распространенным видом украшений Комаровского могильника — они найдены в 8 из 10 погребений. Многие погребения содержали до 10 бус, в погр. 5 — 21 бусина, в погр. 8 — более 50.

1. Сердоликовые бусы получили здесь наибольшее распространение (в 5 погр.— 38 экз.). Сердолик розовый светлый или темный с прожилками и трещинами. Бусы мелкие округлые, цилиндрические и биконические (рис. 1, *23*). Бочковидные бусы имеют более крупные размеры. В сечении они круглые, овальные и четырехгранные (рис. 1, *6*; 2, *5*, *29*). В погр. 9 найдены три круглые бусины из гладкого темного блестящего сердолика. Сердоликовые бусы, не получившие широкого распространения в могильниках скифского времени Северного Кавказа, представлены в некоторых из них в небольшом количестве [27].

2. Гешировые бусы — в 5 погр. (16 экз.). Преобладают бусы крупных размеров — округлые, бочковидные и плоские (рис. 1, *21*; 2, *22*; 3, *10*). В трех из пяти погребений бусы имели своеобразную форму — в виде подушечки (рис. 1, *5*; 2, *6*, *22*). Аналогичные бусы найдены в Минераловодском могильнике [28]. Гешировые бусы разных форм известны и в других могильниках скифского времени Северного Кавказа (Каррас, Луговой и др.).

3. Янтарные бусы найдены лишь в одном погребении (погр. 8) — четыре целые бусины и несколько в обломках. Среди них одна плоская привеска (рис. 2, *23*), остальные фигурные ребристые. О широком распро-

---

[25] Е. П. Алексеева. Позднекобанская культура Центрального Кавказа. Уч. зап. ЛГУ, сер. ист. наук, 13, 1949, стр. 230, табл. VIII, *Б, 8*.

[26] Н. М. Егоров. Ук. соч., стр. 56, рис. 19, *2*; С. Н. Замятнин. Отчет о работах на строительстве санатория КСУ в Кисловодске. ИГАИМК, 109, 1935, стр. 224, рис. 207, *1*.

[27] С. Н. Замятнин. Ук. соч., стр. 224; Н. М. Егоров. Ук. соч., стр. 56, рис. 19, *1*; Р. М. Мунчаев. Луговой могильник. Древности Чечено-Ингушетии. М., 1963, стр. 203.

[28] Н. М. Егоров. Ук. соч., стр. 56, рис. 19, *1*.

странении янтарных бус в раннескифскую эпоху на Северном Кавказе уже писал А. А. Иессен [29].

Стеклянные бусы найдены в шести погребениях. Почти все бусы делались из одноцветного стекла. Преобладают бусы средних и крупных размеров, в большинстве случаев округлые, а также бочковидных, биконических и цилиндрических форм (рис. 2, *25*). Из многоцветных бус найдена одна глазчатая бусина (погр. 8) темно-серого цвета с двумя белыми глазками (рис. 2, *28*).

Интересную группу составляют бусы, сделанные из египетского фаянса. В четырех погребениях найдено семь таких бусин. В большинстве случаев они бледно-голубого, иногда белого цвета, в сечении круглые (бочковидной и цилиндрической формы), либо четырехгранные (рис. 1, *22*; 2, *27*). В погр. 9 найдена привеска в виде гирьки (рис. 3, *25*). Все бусы покрыты рельефным орнаментом (продольное, поперечное либо косое неглубокое рифление). В единичных экземплярах бусы из египетского фаянса встречаются и в других могильниках скифского времени Северного Кавказа (Каррас и др.).

В двух погребениях (7 и 8) найдены раковины каури (по 15 экз.), в погр. 8 кроме того найдено четыре овальные пластины (три из них с отверстием), сделанные из створки раковин. Среди других украшений можно отметить массивную короткую спиральную бронзовую пронизь из погр. 8 (рис. 2, *16*) и обломок просверленного клыка из погр. 5 (рис. 1, *24*).

К орудиям труда относится сероглиняное пряслице биконическо-округлой формы (рис. 1, *17*) и два железных ножа. Оба они узкие маленькие (длиной 6—7 *см*), имеют прямое лезвие и изогнутую спинку (рис. 1, *11*; 3, *6*).

Рассмотренные особенности погребального обряда и инвентаря Комаровского могильника позволяют с очевидностью включить этот памятник в круг других могильников раннескифского времени, открытых в районе Моздока. А. А. Иессен датировал Моздокский могильник в пределах VII—VI вв. до н. э., предполагая наиболее вероятной его датой VI в. [30] Наличие в погребениях Комаровского могильника двухлопастных наконечников стрел рубежа VII—VI вв. в сочетании с железными однокольчатыми удилами и другими материалами, аналогии которым, отмеченные выше, укладываются в пределах первой половины VI в. до н. э., позволяют отнести могильник к этому времени, скорее к началу VI в. до н. э., так как открывший этот могильник К. С. Кожемяко обнаружил в обрыве р. Терека разрушенное погребение, содержавшее железное копье (рис. 7, *13*) и согнутый пополам железный меч (длиной 92 *см*) с дуговидным перекрестием и серповидным навершием (рис. 7, *14*) (рукоять и навершие его покрыты елочными насечками), который может быть датирован IV в. до н. э. Мечи этого типа известны в это время у сарматов Приуралья [31], аналогичный меч найден в Прикубанье [32].

А. А. Иессен, основываясь на материалах четырех погребений, дал глубокую характеристику моздокских памятников раннескифского времени, отметив местный характер населения, оставившего этот могильник, связи этого населения с племенами горных районов Кавказа, место моздокских материалов, в частности чернолощеной керамики, в кругу других памятников Кавказа, Украины и гальштаттской культуры. Рассмотрение погребального обряда и инвентаря Комаровского могильника полностью подтверждает достоверность и убедительность этих выводов. Разбирая керамику, сходную с моздокской и найденную в других пунктах Северного Кавказа, А. А. Иессен считал, что вся она, несомненно, принадлежит

[29] Б. Б. Пиотровский и А. А. Иессен. Ук. соч., стр. 48.
[30] Б. Б. Пиотровский и А. А. Иессен. Ук. соч., стр. 49.
[31] К. Ф. Смирнов. Ук. соч., стр. 26—27, рис. 5, *3—7*.
[32] Н. В. Анфимов. Археологические разведки по Среднему Прикубанью, КСИИМК, 60, 1955, стр. 48, рис. 17, *1*.

не только той же культурной группе, но и тому же времени, что и моздокские погребения [33]. Новые материалы позволяют, по-видимому, несколько расширить хронологические границы бытования керамики этого типа.

В 1971 г. при раскопках Нижне-джулатского могильника в Кабардино-Балкарии (на правом берегу Терека, около г. Майского) было открыто четыре погребения скифского времени. Два погребения (№ 84 и № 91) содержали скорченные костяки; разрушенное погр. 110 также, возможно, содержало скорченные захоронения, в погр. 113 сохранились только кости ног. Все погребения совершены в грунтовых ямах без внешних признаков.

Обряд нижне-джулатских погребений почти тождествен погребальному обряду Комаровского и других моздокских могильников: тот же тип могильного сооружения (грунтовая яма), сходное положение костяков (скорченное, мужчины на левом, женщины на правом боку), та же ориентировка (Ю, ЮЮЗ), тот же обряд положения в могилу миски с жертвенной пищей (кости барана — нога с лопаткой). Единственным отличием в обряде погребений Нижне-джулатского могильника является наличие там коллективных захоронений (2—3 костяка), тогда как в Комаровском могильнике все погребения были индивидуальные.

Некоторые различия прослеживаются и при рассмотрении погребального инвентаря этих могил.

Керамика является столь же характерной для погребений Нижне-джулатского могильника, как и для моздокских могильников (погр. 31—3 сосуда, погр. 91—4 сосуда, разрушенное погр. 110—обломки одного сосуда). Набор сосудов тот же. Каждое погребение содержало по одному большому сосуду типа корчаги с расширением в нижней, как в Моздоке (рис. 6, *16*), или в средней части туловища (рис. 6, *13*). Последние имеют более вытянутые по сравнению с моздокскими сосудами пропорции и приближаются уже по форме к остроребериым корчагам. Поверхность темно-серая, слаболощеная. Два сосуда, сохранившиеся в обломках, имели черную лощеную поверхность.

В погр. 91 найден кувшин высотой 14 *см*, близкий по форме к моздокским кувшинчикам, с такой же массивной круглой в сечении ручкой, но нижняя часть тулова его не округлая, а остроребериая (биконическая) — рис. 6, *18*. Он имеет темно-серую лощеную неорнаментированную поверхность. Аналогичной формы сосуд, правда, меньших размеров и без ручки, найден в погребении V в. до н. э. Нестеровского могильника [34].

Миски больших размеров (диаметром от 17 до 26 *см*) найдены в двух погребениях (погр. 84 — 1 экз. и погр. 91 — 2 экз.). Имея между собой некоторые различия, по форме в целом они сходны с моздокскими мисками. Все миски имеют черную или серую лощеную поверхность, две из них покрыты резным орнаментом из заштрихованных треугольников (рис. 6, *11*, *25*), одна гладкая неорнаментированная, лощение ее очень слабое (рис. 6, *29*).

В погр. 84 найдена плоская глиняная мисочка небольших размеров с прямыми стенками. Она имеет серую лощеную с двух сторон поверхность, на стенках резной орнамент, заполненный белой пастой,— зигзаг и местами штриховка (рис. 6, *12*).

Таким образом, несмотря на имеющиеся различия, в целом керамика Нижне-джулатского могильника, несомненно, родственна моздокской.

Оружие представлено только стрелами. В отличие от моздокских могильников наиболее распространенными здесь являются втульчатые костяные четырехгранные наконечники стрел с овальным или треугольным вырезом у основания (рис. 6, *9*, *15*, *32*). Они найдены во всех погребениях (погр. 84—1 экз., погр. 91—8, погр. 110—5, погр. 113—3 экз.). Они имеют

---

[33] Б. Б. Пиотровский и А. А. Иессен. Ук. соч., стр. 33.

[34] Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа, стр. 296, табл. LVIII, *2*.

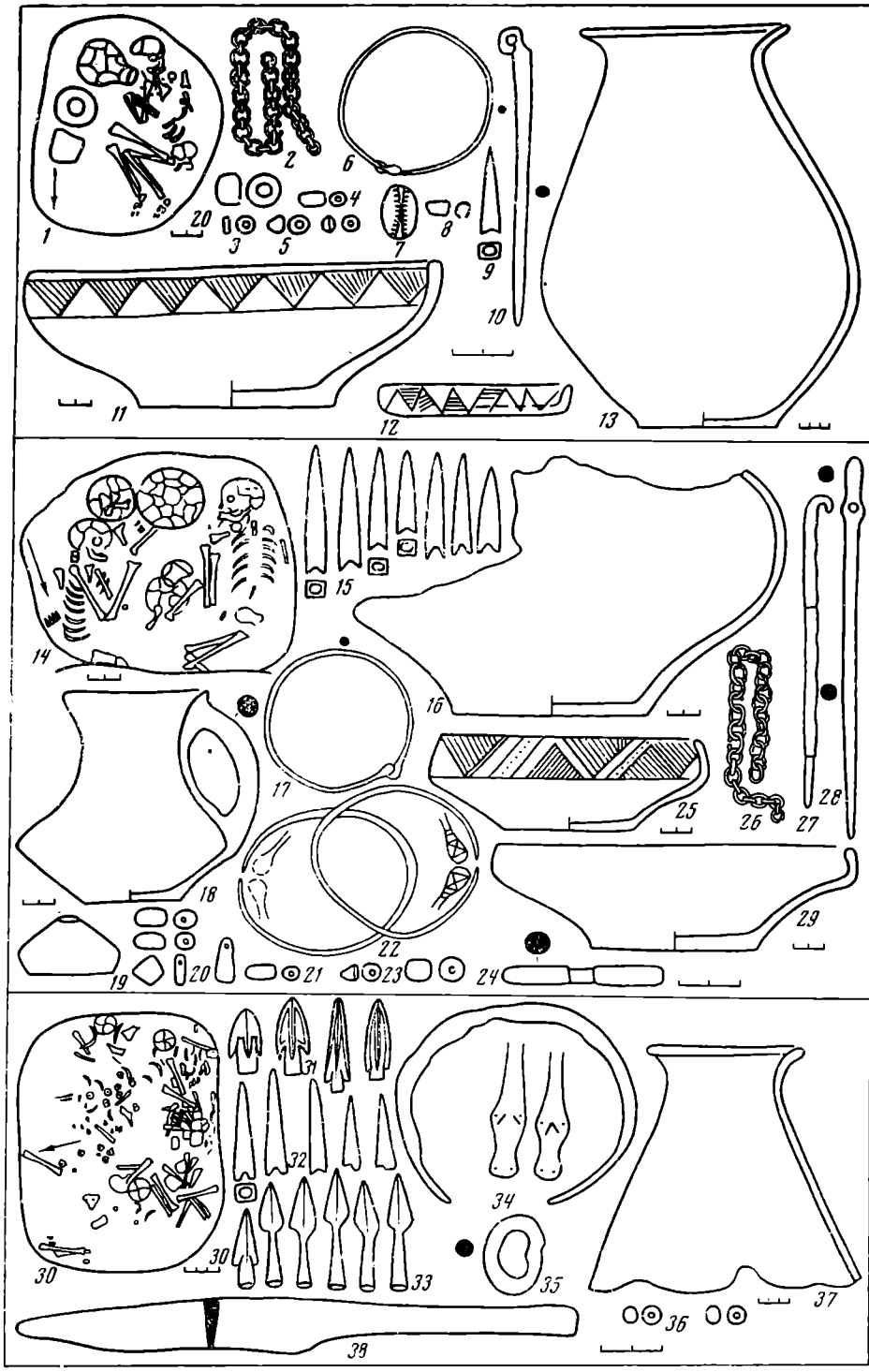


Рис. 6. Погребения Нижне-джулатского могильника V в. до н. э.
1—13 — погр. 84; *14—29* — погр. 91; *30—38* — погр. 110

сводчатую или треугольную головку, высота их колеблется от 3 до 4,5 *см*. Костяные четырехгранные наконечники стрел были распространены в могильниках Северного Кавказа начиная с VI в. до н. э., и продолжают бытовать, в частности, в восточных районах Северного Кавказа, вплоть до первых веков н. э.[35], поэтому их нельзя рассматривать в качестве датирующего материала. То же самое можно сказать и о железных трехлопастных втульчатых наконечниках стрел, найденных в погр. 110 (12 экз.), поскольку они были распространены на широкой территории Северного Кавказа (от Прикубанья до Дагестана) во второй половине I тысячелетия до н. э. вплоть до I в. н. э. Наконечники стрел из погр. 110 имеют длинную узкую втулку (рис. 6, *33*), что характерно для наиболее ранних стрел этого типа, которые получают широкое распространение в V в. до н. э.[36]

Бронзовые наконечники стрел найдены в погр. 110 (4 экз.). 1. Трехгранный наконечник со сводчатой головкой, переходящей в лопасти, заканчивающиеся шипами (рис. 6, *31*). Подобные наконечники характерны для савроматской культуры VI—V вв.[37] 2. Трехлопастные наконечники — 3 экз. Два наконечника со сводчатой головкой и короткой втулкой (рис. 6, *31*) находят аналогию среди савроматских стрел конца VI—V вв. до н. э.[38] Один наконечник с узкой треугольной головкой и выступающей втулкой (рис. 6, *31*) характерен для колчанов V—III вв.[39]

В целом весь набор стрел следует, по-видимому, отнести к V в. до н. э.

В погр. 91 найдена застежка от колчана — так же как в Моздокском могильнике, сделанный из кости круглый в сечении стержень с перемычкой посредине (рис. 6, *24*).

Украшения представлены в погребениях Нижне-джулатского могильника шире, чем в Комаровском могильнике. Височные привески найдены в двух погребениях у черепов женских костяков. Они однотипны — в виде кольца (диаметр 4,5 *см*) из тонкой бронзовой проволоки со слегка заходящими друг за друга плоскими концами овальной формы (рис. 6, *6*, *17*). Височные привески близкой формы хорошо известны в памятниках середины I тысячелетия до н. э. Северного Кавказа[40] и Закавказья[41].

Браслеты найдены в трех погребениях. 1. Браслеты из тонкой бронзовой проволоки, сходящиеся уплощенные концы которых имеют овальную форму и покрыты резным геометрическим орнаментом (рис. 6, *22*). Два подобных браслета найдены на костях рук женского скелета из погр. 91. Такие браслеты характерны для памятников скифского времени Северного Кавказа (Каррас, Нестеровский[42] и др.) и могильников раннеантичной эпохи Грузии[43]. 2. Массивный браслет с несомкнутыми концами сделан из круглого в сечении железного прута (рис. 6, *34*). Плоские концы выполнены в форме головы животного (коня — ?). Массивные браслеты с несомкнутыми концами характерны для многих памятников Северного Кавказа скифского времени, однако точная аналогия такому браслету неизвестна. Браслеты с несомкнутыми концами, оформленными в виде звериных голов, хорошо представлены в памятниках раннеантичного вре-

---

[35] К. Ф. Смирнов. Грунтовые могильники албано-сарматского времени у с. Карабудахкент. МАД, II, 1961, стр. 217.

[36] Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа, стр. 286; стр. 228—229, рис. 33, *3—6*.

[37] К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов, стр. 53, табл. IV.

[38] К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов, стр. 47, рис. 16А.

[39] Там же, стр. 49.

[40] Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа, стр. 291, рис. 51, *3—4*; Р. М. Мунчаев. Луговой могильник..., стр. 190—192, рис. 31, *3—4*.

[41] Б. А. Куфтин. Материалы к археологии Колхиды, II. Тбилиси, 1950, стр. 46, табл. 15, *15*.

[42] ГИМ, инв. № 76990; Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа, стр. 280, рис. 46, *1—2*.

[43] М. Менабде, Ц. Давлианидзе. Могильники Триалети. Каталог, 1. Тбилиси, 1968, стр. 112, табл. XV, *526*.

мени Закавказья[44]. В погр. 84 были найдены обломки железного браслета неопределенной формы.

Булавки представлены двумя типами. 1. Булавки с загнутыми в петлю головками, сделаны из железа (погр. 84 и 91 — рис. 6, *10*, *27*). Аналогичные булавки были характерны для Комаровского могильника. 2. Бронзовая булавка в виде стержня, в верхней части которого имеется плоское расширение со сквозным отверстием (погр. 91 — рис. 6, *28*). Подобные булавки хорошо известны в памятниках кобанской культуры горных районов Северного Кавказа[45]. Все булавки были найдены у плечевых костей, следовательно, служили для крепления одежды.

В погр. 91 найдена бронзовая петлевидная привеска с закрученными в спираль концами, в погр. 110 — обломки железной пряжки (рис. 6, *35*).

Бронзовые цепочки, употреблявшиеся как украшения, найдены в области шеи у женских костяков (погр. 84 и 91, рис. 6, *2*, *26*). Подобные цепочки хорошо известны в могильниках скифского времени Северного Кавказа (Нестеровский, Луговой, Каррас).

Бусы. Среди бус преобладают бусы из гешира, представленные двумя формами: 1) бочковидные бусы средних размеров (рис. 6, *4*, *20*). Погр. 84 — 10 экз., погр. 91 — 16 экз.; 2) плоская ромбическая бусина с продольными отверстиями у двух углов (рис. 6, *20*), погр. 91 — 1 экз. Аналогичные бусы известны в Минераловодском могильнике[46].

Янтарные бусы (погр. 91 — 2 экз.). Одна бочковидная, вторая — расширяющаяся книзу привеска (рис. 6, *21*).

Стеклянные бусы (в трех погребениях — 7 экз.). Стекло зеленых и желтых тонов, формы округлые, конические и биконические (рис. 6, *3*, *5*, *23*, *36*). В погр. 84 найдено 120 мелких кольцевых бусин из бледно-зеленого египетского фаянса (рис. 6, *3*). В этом же погребении найдены две раковины каури.

Из орудий труда необходимо отметить глиняное пряслице из погр. 91 (рис. 6, *19*), по форме аналогичное рассмотренному выше пряслицу из Комаровского могильника. В погр. 110 найден железный нож с узкой длинной рукояткой, на которой сохранились следы дерева (рис. 6, *38*). Длина ножа 18 *см*, длина рукояти 8 *см*.

Рассмотрение инвентаря нижне-джулатских погребений показывает, что, несмотря на имеющееся сходство материалов (в частности, керамики) моздокских и Нижне-джулатского могильников в целом, инвентарь последнего несколько более поздний. Об этом свидетельствуют приводимые выше аналогии материалам могильников VI—V вв. до н. э. (Каррас, Луговой, Нестеровский), а главное характерный для V в. набор бронзовых, железных и костяных наконечников стрел из погр. 110. Сходство в обряде и инвентаре всех погребений позволяет считать их синхронными и датировать концом VI—V в. до н. э., а скорее — в пределах V в. до н. э. Характер погребального обряда и инвентаря говорит о местном облике культуры. Наличие в этих погребениях чернолощеной керамики с резным орнаментом, заполненным белой пастой, свидетельствует о том, что такая керамика бытовала на Северном Кавказе и в V в. до н. э., тогда как в Скифии она совершенно исчезает уже к началу V в. В. Г. Петренко объясняет это широким распространением там греческой керамики[47]. Формы же некоторых из вышеописанных сосудов (в частности, корчаги и кувшины с ручками) доживают в северных районах Центрального Предкавказья вплоть до IV в. до н. э. включительно.

В 1970 г. в ст. Терской Моздокского района, расположенной на правом берегу Терека, было обнаружено впускное в курган эпохи бронзы погре-

---

[44] Б. А. Куфтин. Ук. соч., стр. 38—45, рис. 10, табл. XII.
[45] Е. П. Алексеева. Позднекобанская культура..., табл. XI, *4*.
[46] Н. М. Егоров. Ук. соч., стр. 56, рис. 19, *1*.
[47] В. Г. Петренко. Правобережье Среднего Приднепровья в V—III вв. до н. э. САИ-Д1-4, 1967, стр. 21.

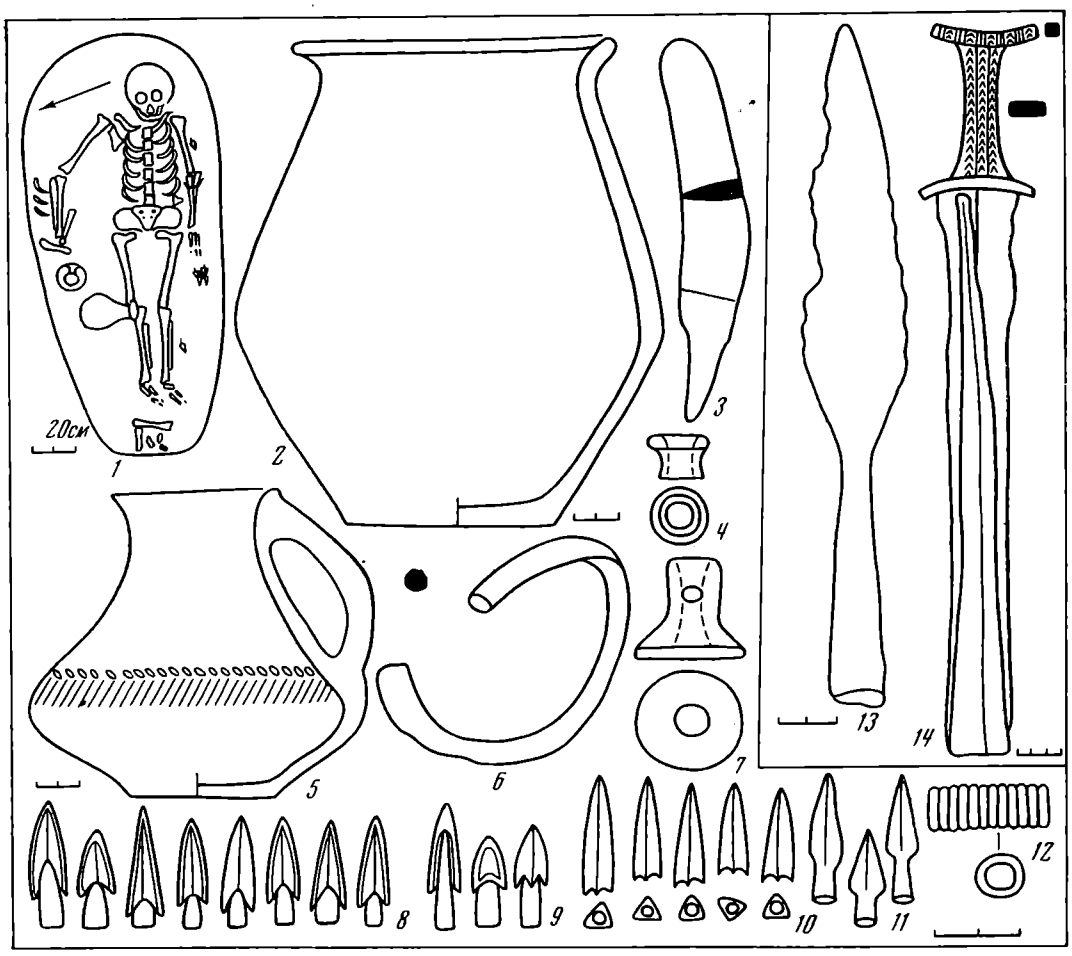


Рис. 7. Погребения IV в. до н. э.

1—12 — ст. Терская, кург. 2 погр. 2; *13—14* — Комаровский могильник, разрушенное погребение

бение (№ 2 кургана 2), которое содержало вытянутый на спине костяк, ориентированный головой на ЮВВ (рис. 7, *1*). Под правой рукой — кости барана (нога и ребра) и маленький железный серповидный нож (рис. 7, *3*), в ногах костяка также лежали кости барана (нога) и бронзовая спиральная пронизь (рис. 7, *12*). У пояса — литая бронзовая пронизь с двумя перпендикулярно направленными отверстиями (рис. 7, *7*), у левого локтя — обломки железного предмета, по-видимому, деформированный крюк от колчана (рис. 7, *6*), у левого бедра — пачка бронзовых, железных и костяных наконечников стрел, остриями к ступне (рис. 7, *8—11*). Один бронзовый наконечник найден у левой голени и один у левой плечевой кости. У правой ноги стояло два сосуда: остроребериый горшок (у колена) (рис. 7, *2*) и черноглиняный лощеный кувшин (рис. 7, *5*), в котором лежала короткая бронзовая пронизь (рис. 7, *4*). В могиле найдены кусочки угля и следы известковой посыпки.

Среди найденных в этом погребении стрел — 4 железных втульчатых трехлопастных (рис. 7, *11*), 8 трехгранных втульчатых костяных (рис.7, *10*) и 13 бронзовых втульчатых (3 трехгранных, рис. 7, *9*) и 10 трехлопастных (рис. 7, *8*). Все бронзовые наконечники — легкие, небольших размеров, имеют узкую вытянутую треугольную или сводчатую головку. Трехлопастные наконечники со сводчатой головкой и выступающей втулкой (наиболее распространенный здесь тип — рис. 7, *8*) характерны для

IV—III вв. до н. э.[48] Представленные здесь трехгранные наконечники также датируются в пределах V—III вв. до н. э.[49]

В целом, по-видимому, по набору стрел погребение можно отнести к IV в. до н. э. В связи с этим представляют интерес глиняные сосуды, найденные в этом погребении. Горшок имеет некоторое сходство с корчагами, найденными в Комаровском и Нижне-джулатском могильниках, но он меньших размеров (высота 23 *см*), имеет широкое горло и вытянутое биконическое тулово (рис. 7, *2*). Кувшин представляет точную аналогию кувшинам моздокских могильников — по форме, размерам, способам обработки поверхности и по орнаменту, нанесенному лощилом (рис. 7, *5*). Поэтому можно говорить, что кувшины такого типа доживали до IV в. до н. э.

К сожалению, мы не можем проследить изменение общего облика материальной культуры с VI по IV вв. до н. э., так как не имеем достаточных данных для позднего периода (V—IV вв.) с этой территории. Этот вопрос требует дальнейших археологических исследований. Рассмотренные новые материалы скифского времени из центральных районов Предкавказья говорят о сходстве культуры племен, живших в районе г. Моздока и далее к юго-западу по течению Терека, включая северо-восточные районы Кабардино-Балкарии. Оба эти могильника, несомненно, относятся к одному локальному варианту кобанской культуры. Более сложным является вопрос об уточнении границ того или иного локального варианта. Для решения его необходимо тщательное изучение характерных черт погребального обряда и инвентаря, главным образом керамики, в каждом из исследуемых районов. При этом необходимо учитывать общую совокупность характерных особенностей, а не сходство отдельных признаков, так как это может привести к ошибочным выводам.

Е. И. Крупнов первый установил границы локальных вариантов кобанской культуры, включив Моздокский могильник в восточный вариант[50] на основании сходства погребального обряда и некоторых форм керамики. Однако сходство отдельных сосудов моздокских могильников и памятников Чечено-Ингушетии (Нестеровский и Луговой могильники) не опровергает того факта, что керамика каждой из этих областей относится к совершенно разным группам — как по формам, так и по способам орнаментации: в памятниках Чечено-Ингушетии большое распространение получил орнамент в виде валиков и фигурных налепов, что совершенно не характерно для моздокской керамики.

В недавно вышедшей работе В. Б. Виноградова предлагается новое деление локальных вариантов кобанской культуры[51]. Правильно уточняются границы западного варианта, получившего название Пятигорский. Справедливо включение памятников Ичкерии в границы каякентско-хорачоевской культуры. Однако некоторые предложения автора вызывают возражения. В первую очередь это относится к тому, что В. Б. Виноградов отрицает существование выделенного Е. И. Крупновым восточного варианта кобанской культуры. При выделении локальных вариантов В. Б. Виноградов основывается главным образом на типе могильного сооружения, что в принципе является верным, но в данном случае этот признак не может быть определяющим, поскольку в скифское время на территории кобанской культуры, за исключением Пятигорья, был распространен единый тип могильного сооружения — грунтовая яма — с применением камня или без него. В. Б. Виноградов правильно отмечает, что роль географических факторов не должна преувеличиваться, указывая на наличие

---

[48] М. Г. Мошкова. Памятники прохоровской культуры. САИ-Д1-10, М., 1963, стр. 31, табл. 14, *VIБ*.

[49] К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов, стр. 53, табл. IV, тип. *6;* стр. 54, табл. V, тип. *9*.

[50] Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа, стр. 241—242.

[51] В. Б. Виноградов. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный, 1972.

грунтовых могил без камня в тех районах, где он имеется в достаточном количестве. Однако не вызывает сомнения тот факт, что чем далее от гор к северу, тем меньшее количество камня применяется при оформлении могил, и они совсем отсутствуют в погребениях степных районов, что является закономерным. Из этого следует, что выделять локальные варианты, основываясь главным образом на наличии или отсутствии камня в одном по сути дела погребальном сооружении — грунтовой яме — нельзя. Следовательно, в данном случае предпочтение надо отдать второму важному фактору — керамике, а также сочетанию признаков другого инвентаря, характерных для данного варианта. Исходя из этого, выделение восточного варианта является правомерным, о чем свидетельствует своеобразие керамики и некоторая специфика металлического инвентаря памятников предгорных и плоскостных районов Чечено-Ингушетии (южнее р. Сунжи), что объясняется географическим расположением этой зоны: являясь восточной окраиной кобанского мира, она находится в тесной связи с соседней областью распространения каякентско-харачоевской культуры, испытывая ее влияние.

Результатом ошибочного принципа, примененного В. Б. Виноградовым при выделении локальных вариантов, явилось то, что, во-первых, сходные памятники Чечено-Ингушетии были разделены на два локальных варианта: Нестеровский и Луговой могильники были искусственно отделены от других родственных им памятников Чечено-Ингушетии, ограниченных р. Сунжей, несмотря на то, что они имеют однотипную керамику и большое сходство в погребальном обряде и инвентаре, что не раз отмечается и в работе В. Б. Виноградова. Во-вторых, вслед за Е. И. Крупновым, В. Б. Виноградов включил моздокские могильники в один вариант вместе с памятниками Чечено-Ингушетии (восточная группа плоскостного варианта, по В. Б. Виноградову), несмотря на то, что они имеют совершенно различный облик материальной культуры и в первую очередь — керамики.

При разборе погребального инвентаря Моздокского и Нижне-джулатского могильников неоднократно приводились западные аналогии, в частности, материалов Минераловодского могильника. Однако в целом могильники Пятигорья отличаются от моздокских как погребальным обрядом (преобладание каменных ящиков), так и общим обликом керамики, своеобразной для этого района.

Моздокские могильники, по-видимому, должны быть отнесены к центральному варианту кобанской культуры. Однако мы имеем очень мало исследованных памятников в центральных районах Предкавказья. При раскопках Змейского поселения были найдены сосуды (корчаги и миски с орнаментом из заштрихованных треугольников) [52], почти тождественные моздокским.

В 1970 г. В. А. Кузнецов обнаружил погребение скифского времени в районе с. Заманкул, у подошвы Терско-Сунженского хребта (Северная Осетия). Погребение содержало сходный с рассмотренными нами памятниками инвентарь (два сосуда, бронзовая булавка, раковины каури), также было ориентировано на юг, однако было совершено в каменном ящике [53] — черта, не характерная для рассмотренных выше памятников более северных районов этой области. Тем не менее несомненная близость описываемых памятников с погребением из Заманкула есть.

Развернутая характеристика и уточнение границ центрального варианта кобанской культуры пока не могут быть сделаны из-за отсутствия

---

[52] Д. В. Деопик, Е. И. Крупнов. Змейское поселение кобанской культуры. Сб. «Археологические раскопки в районе Змейской Северной Осетии». Орджоникидзе, 1961, стр. 18—23, рис. 3, 5, 6.

[53] В. А. Кузнецов. Разведка в районе Заманкул. АО-1970, М., 1971, стр. 130—131.

достаточных данных. Однако уже сейчас можно сказать, что в степных и предгорных районах этого варианта культура носит совсем иной облик, чем в горах, следовательно, этот вариант может быть поделен на две группы — горную и плоскостную.

M. P. Abramova

SÉPULTURES DE L'ÉPOQUE SCYTHE DANS LA PRÉCAUCASIE CENTRALE

Résumé

En 1970 lors des fouilles d'une nécropole en R.S.S.A. d'Ossétie — Nord (rive gauche du Térek, près du village de Komarovo, non loin de la ville de Mozdok) 10 sépultures ont été déblayés contenant les inhumés en position fléchie orientés au sud. Les données fournies par le rite et le mobilier funéraire attestent que la nécropole est laissée par les tribus indigènes de la civilisation cobanéenne demeurant ici en VI s. av. n. è. et ayant subi l'influence culturelle des tribus nomades septentrionales (Sauromates et Scythes). Le mobilier funéraire récolté sur la nécropole, notamment la poterie lustrée noire décorée d'incisions garnies de la pâte blanche se trouve de proches analogies dans les matériaux des autres nécropoles de Mozdok déjà étudiées, datant de cette époque, aussi bien que dans le mobilier des sépultures du V s. av. n. è. reconnues en 1971 sur la nécropole de Nijni Djoulat (R.S.S.A. de Kabarda-Balcarie).

L'affinité du mobilier et du rite funéraire des deux sites examinés permet de les rapporter à un seul faciès local (central, probablement) de la civilisation cobanéenne. Il ne sera possible de donner la caractéristique étendue du faciès central de la civilisation cobanéenne et de préciser ses frontières qu'une fois rassemblé le matériel archéologique suffisant.

В. П. ДАРКЕВИЧ, Б. И. МАРШАК

О ТАК НАЗЫВАЕМОМ СИРИЙСКОМ БЛЮДЕ ИЗ ПЕРМСКОЙ ОБЛАСТИ

У исследователей прикладного искусства средневековья особый историко-культурный интерес вызывают произведения, представляющие собой синтез разнородных элементов. Взаимодействие и скрещение различных художественных принципов — свидетельство сложности исторической и духовной жизни той эпохи. Как правило, такие изделия, объединяя стилистические и иконографические признаки, восходящие к разным традициям, наиболее трудны для определения. Отсюда обилие точек зрения на их происхождение и хронологию. Нередко не учитывают, что в практике средневековых мастерских было распространено копирование более ранних моделей — носителей освященной временем иконографии. Поэтому архаизм композиций — еще не доказательство ранней датировки. Иногда только второстепенные детали, например орнамент, помогают в атрибуции конкретной вещи.

К числу спорных памятников относится известное серебряное блюдо-дискос с евангельскими сценами и сирийскими надписями, найденное в Пермском крае (рис. 1) [1].

Блюдо было издано еще в 1899 г. с обстоятельным описанием и подробными комментариями Я. И. Смирнова, Д. А. Хвольсона и Н. В. Покровского [2], которые определили его основные аналогии и иконографические прототипы.

Блюдо было признано несторианским, изготовленным христианами, жившими на территории сасанидских владений в VI—VII вв. Такое истолкование вызывало возражения П. К. Коковцева и В. В. Стасова [3]. В. В. Стасов считал, что блюдо изготовлено среднеазиатскими (семиреченскими) несторианами в XIII—XIV вв. Вернувшийся к этому вопросу Я. И. Смирнов отверг датировку В. В. Стасова как слишком позднюю, однако перестал настаивать на дате VI—VII вв. и допускал дату «не позднее IX—X вв.» [4]. Проблем локализации он более не касался.

В позднейшей литературе встречаются как ранняя дата, так и даты VIII—IX [5], IX—X [6], которые приводятся без подробной аргументации.

Сирийская и сасанидская традиции VI—VII вв., прослеженные уже Я. И. Смирновым, доминируют в иконографии блюда. Влияние сирийско-

[1] Найдено в 1897 г. при пахоте близ с. Григоровское Соликамского уезда Пермской губ. В 1899 г. поступило в Эрмитаж.

[2] Д. А. Хвольсон, Н. В. Покровский, Я. И. Смирнов. Серебряное сирийское блюдо, найденное в Пермском крае. МАР, 22, СПб., 1899.

[3] В. В. Стасов. Серебряное восточное блюдо императорского Эрмитажа. ЖМНП, CCCLVII, январь 1905.

[4] Я. И. Смирнов. Восточное серебро. СПб., 1909, стр. 7.

[5] А. В. Банк. Византийское искусство в собраниях Советского Союза. Л.— М., 1966, стр. 298.

[6] E. Coche de la Ferté. L'antiquité chrétienne au Musée du Louvre. Paris, 1958, p. 103.

Рис. 1. Блюдо из с. Григоровское

палестинской иконографии сцен «паломнического цикла» легко объяснимо, так как ампулы, бронзовые кадила, ларцы, кольца, браслеты, амулеты и другие скромные сувениры, сделанные для паломников в Святую землю, вместе с ними расходились по всему христианскому миру. Их находят в Египте и Сирии, Сицилии и Италии, Крыму и Закавказье [7]. Приток сирийской литургической утвари в несторианские монастыри Средней Азии продолжался и позднее. В Ургуте близ Самарканда была найдена типичная сирийская бронзовая кадильница IX—X вв. [8] Подобные предметы проникали и в среду персидских христиан [9]. Видимо, прототип блюда был создан в пределах сасанидского государства (в Месопотамии — центре несторианских общин?). При репродуцировании в персидской мастерской в конце VI или скорее в VII в. восточнохристианский образец (или серия образцов)

[7] G. de Jerphanion. Un nouvel encensoir syrien et la série des objets similaires. Mélanges syriens offerts à Monsieur René Dussaud. I, Paris, 1939, p. 311; J. Villette. La Réssurrection du Christ dans l'art chretien du II-e au VII-e siècle. Paris, 1957, p. 78—79. Особое отношение к палестинским реликвиям сохранялось в течение всего средневековья. У Рубрука находим описание серебряного креста, принесенного в Монголию одним армянином, прибывшим из Иерусалима. См.: Джиованни дель Плано Карпини. История монгалов. Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны. М., 1957, стр. 150.

[8] В. Н. Залесская. К вопросу о датировке некоторых групп сирийских культовых предметов. Палестинский сборник, 23 (86), Л., 1971, стр. 87—89.

[9] В сасанидской глиптике выделяется группа памятников, возникших в среде персидских христиан. Таковы эрмитажные геммы с изображением Даниила во рву львином. (А. Я. Борисов. Эпиграфические заметки. ТОВЭ, I. Л., 1939, стр. 238; А. Я. Борисов, В. Г. Луконин. Сасанидские геммы. Л., 1963, № 188, 189).

подвергся коренной переработке, в результате которой было создано не находящее параллелей произведение. Оно послужило прототипом григоровского блюда. Последнее, как отметили многие исследователи, представляет собой грубую копию, причем копию мастера, который делал орфографические ошибки в неродном для него, как показал П. К. Коковцев, сирийском языке.

Попробуем все же найти не только те признаки огрубления и искажения, но и поздние детали (рис. 2). Мандорла в сцене Вознесения и фронтон храмика в композиции «Жены-мироносицы у гроба Господня» обрамлены полупальметтами. Этот мотив, находящий прототип в танском искусстве [10], на Среднем Востоке становится популярным с конца VIII и особенно в IX—X вв. (буидские медали, серебряные сосуды [11] и т. д.).

Полупальметты по краю мандорлы соответствуют такому же обрамлению края нимба в изображениях на серебряном кувшине IX в.[12]

Другая характерная деталь — это одежда ангела, разделанная теми же перьями, как и его крылья, причем дуги краев перьев направлены не вниз, а вверх. Разделка поверхностей перьями известна как теряющий свой первоначальный смысл орнаментальный мотив по иранской керамике IX—XI вв. (габри) [13], по серебряным сосудам того же времени с куфическими надписями [14] и по среднеазиатской серебряной посуде конца VIII—IX вв.[15]

Таким образом, вероятной датой блюда можно считать IX—X вв., т. е. наиболее поздний вариант, который готов был допустить Я. И. Смирнов после возражений В. В. Стасова.

Однако приведенные аргументы не дают оснований для локализации, так как названные мотивы в IX—X вв. были равно характерны как для Ирана, так и для Средней Азии, а в Иране IX—X вв. существовали несторианские общины. Ч. Уилкинсон опубликовал серию керамических сосудов IX—X вв. из Нишапура с почти такими же крестами, как на блюде, и даже в одном случае с сирийской надписью [16].

Для локализации григоровского блюда важнее другое знаменитое серебряное блюдо, найденное в 1909 г. в дер. Малая Аникова на Урале [17]. На первый взгляд блюда совершенно несходны, но более глубокий анализ показывает их близость во многих отношениях (рис. 3 и 4). Прежде всего оба сосуда литые, а их декор нанесен с помощью резца и пунсонов. Такая техника отличает их как от огромного большинства сасанидских, так и от византийских серебряных сосудов.

Я. И. Смирнов считал маловероятным предположение о том, что рельефные части «сирийского» блюда получены путем отливки в форму, поскольку тогда, по его мнению, «сделаны были бы рельефными, вероятно, и все фигуры сплошь» [18], а не только головы и бордюры медальонов. Однако рентгенограмма, сделанная д-ром П. Мейерсом из Метрополитэн Музеума, показала, что блюдо цельнолитое, но мастер не сумел воспользоваться всеми возможностями, которые представляла ему техника литья. Эта особен-

---

[10] B. Gyllensvärd. T'ang Gold and Silver. Stockholm, 1958, fig. 78 k, 80 o, Pl. 3, 14.

[11] M. Bahrami. A Gold Medal in the Freer Gallery of Art. Archaeologica Orientalia in Memoriam Ernst Herzfeld. N. Y., 1952, pl. 1, fig. 4; Я. И. Смирнов. Восточное серебро..., № 134, 137; Б. И. Маршак. Согдийское серебро. Очерки по восточной торевтике. М., 1971, Т 35, 39.

[12] Я. И. Смирнов. Восточное серебро..., № 65; Б. И. Маршак. Согдийское серебро..., Т 41. Отголосок этой традиции прослеживается вплоть до XII в. (Я. И. Смирнов. Восточное серебро..., № 141).

[13] A Survey of Persian Art. V, London — New York, 1938, Pl. 583—585.

[14] Я. И. Смирнов. Восточное серебро..., № 126—128.

[15] Там же, № 134, 138; Б. И. Маршак. Ук. соч., Т 34, 35, 51.

[16] Ch. Wilkinson. Christian Remains from Nishapur. Forschungen zur Kunst Asiens in Memoriam Kurt Erdmann, Istanbul, 1970.

[17] ОАК за 1909—1910 гг., стр. 226—228; И. А. Орбели и К. В. Тревер. Сасанидский металл. Л., 1935, табл. 20.

[18] Д. А. Хвольсон и др. Ук. соч., стр. 9.

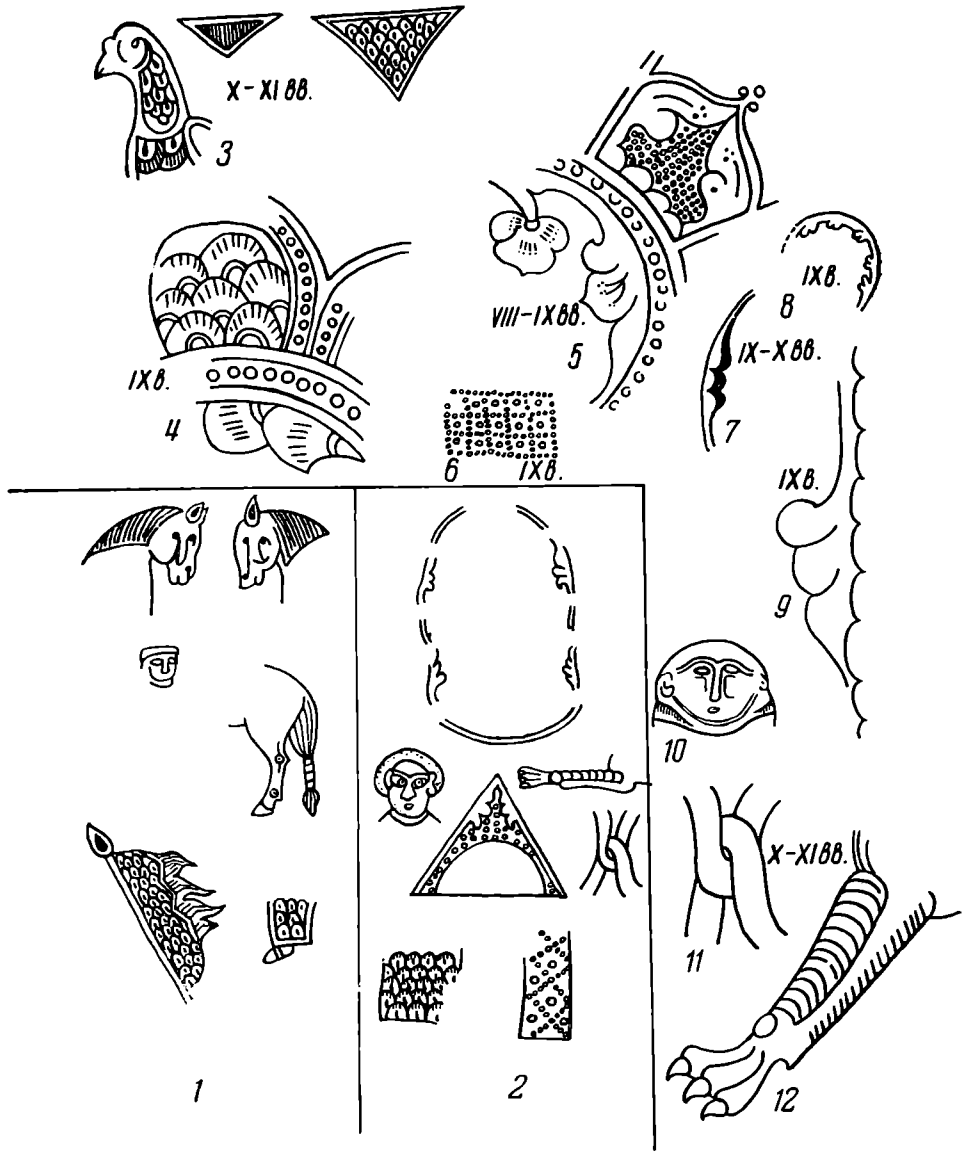


Рис. 2. Аналогии к деталям григоровского блюда и поздние особенности аниковского блюда.

1 — аниковское блюдо; *2* — григоровское блюдо; *3*, *11* — серебряный кувшинчик («Восточное серебро», № 127); *4* — серебряная чаша (там же, № 138), *5* — серебряная чаша (там же, № 137), *6* — серебряный сосуд периода Поздней Тан (Гюлленсвэрд. Ук. соч., рис. 53c, табл. 22d); *7* — серебряная медаль (по М. Бахрами); *8* — серебряный кувшин («Восточное серебро», № 65); *9* — серебряное ведерко (там же, № 134); *10* — семиреченское каменное изваяние (Я. А. Шер. Ук. соч., рис. 69); *12* — серебряное блюдо («Восточное серебро», № 289)

ность хорошо согласуется с принятым пониманием блюда как грубой копии с более раннего оригинала.

Копирование производилось не механически путем снятия слепка, а путем изготовления новой формы. При этом были искажены и огрублены первоначальные композиции и мотивы, но сохранена ранняя, восходящая к VI—VII вв. иконография.

Аниковское блюдо со сценой осады крепости [19], казалось бы, отличается от григоровского прекрасной композицией, уверенными изящными конту-

[19] Обоснование новой атрибуции аниковского блюда и сопоставление аниковского и григоровского блюд как памятников торевтики среднеазиатских христиан

Рис. 3. Аниковское блюдо

рами фигур, богатой и выразительной разработкой архитектурных деталей. Однако эти бросающиеся в глаза отличия объясняются только тем, что аниковское блюдо было скопировано со своего древнего оригинала другим способом.

Оно было отлито по слепку с оригинала примерно VIII в. После отливки поверхность отшлифовали так, что только в некоторых углублениях рельефа (таких, как косяки ворот) сохранились сглаженные при отливке следы первоначальной гравировки. Затем блюдо было пройдено резцом и пунсонами. Получившийся рисунок отличается от первоначального грубостью и четкостью. По стилю он также гораздо примитивнее, чем первоначальный рельеф. Реалии, привнесенные в этой расчеканке (и прежде всего конский убор [20]), относятся к IX—X вв., тогда как реалии, переданные отлитым рельефом, восходят к VIII в.

Признаки, сходные с григоровским блюдом, есть как в рельефе, так и в расчеканке, причем эти признаки обособляют оба блюда в круге памятников восточной торевтики. Рассмотрим отдельно две группы признаков, из-которых первая отражает особенности оригиналов VII—VIII вв., а вторая мо-

---

IX—X вв. были приведены в докладе Б. И. Маршака на секционном заседании пленума Института археологии АН СССР в 1966 г. Об этой атрибуции аниковского блюда см.: Б. И. Маршак. Согдийское серебро..., стр. 11, 61.

[20] Там же, стр. 11.

Рис. 4. Детали григоровского и аниковского блюд

жет отражать как особенности, скопированные мастерами IX—X вв. с более ранних оригиналов, так и новшества, привнесенные этими мастерами.

Признаки оригинала аниковского блюда, находящие аналогии на григоровском блюде,— это сегмент неба с солнцем и луной, стоящими в небе одновременно; очень длинные, доходящие до пят одежды и доспехи воинов [21], а также булавы, которые воины держат на плече. Имеется некоторое сходство и в типе округлых лиц с крупными носами. Особенно много общего в деталях расчеканки, различающихся в этом отношении главным образом меньшими размерами пунсонов аниковского блюда.

Стилизация носа и бровей в виде Т-образного валика, вообще чрезвычайно примитивная трактовка гравированных лиц и целой фигуры человека с показанной в профиль отрубленной головой на аниковском блюде вполне соответствуют огрубленной стилизации григоровского блюда. Глубокую примитивность художественного мышления копировщика выдают нарисованные на профильной голове коня два точечных глаза и нос между ними (рис. 2).

Оба блюда дают разнообразную разделку поверхностей: перьевидный узор, пятна из трех кружков, ромбические сетки нескольких вариантов, штриховку частыми параллельными линиями, кружки с крупной точкой посередине и др. Одинаковые мотивы применяются и к разного рода одеждам, и к знаменам, и к доспехам воинов. Набор элементов и их сочетания

[21] Эта черта (так же, как и тип знамен) отнюдь не характерна для памятников Мавераннахра. Она хорошо известна по изображениям VIII—X вв. из Восточного Туркестана, где находим и засвидетельствованную на аниковском блюде манеру носить щит закинутым за спину. См., например: A. v. Le Coq. Bilderatlas zur Kunst- und Kulturgeschichte Mittelasiens. Berlin, 1925, Abb. 65, 70, 94, 134.

очень схожи, как схож и подход к задаче расчеканки поверхностей. Если отдельные детали находят сасанидские прототипы, то весь набор характеризует только эти два блюда. Совпадает и украшение косыми насечками как бы витых стоек архитектурных сооружений, показанных на обоих блюдах. Все приведенные сопоставления отражены на рис. 4.

Сосуды сходны между собой прежде всего по малозаметным приемам исполнения, что позволяет отнести их к одному производственному центру. Даты их также одинаковы.

Архитектура аниковского блюда, справедливо сопоставленная исследователями со среднеазиатскими памятниками[22], не дает, однако, данных для более узкой локализации.

Костюм и доспехи находят аналогии не в Мавераннахре, а в Восточном Туркестане, где, однако, существенно отличная архитектура. Сочетание обоих признаков скорее всего могло иметь место на стыке этих регионов, т. е. в восточных областях Средней Азии, и прежде всего в Семиречье[23]. Стилизация носа и бровей несколько напоминает трактовку лиц тюркских каменных изваяний[24].

В истории Семиречья период конца VIII — первой половины X вв. характеризуется успехами христианства. Несторианский клир на рубеже VIII—IX вв. добился обращения в христианство царя карлуков, правивших в этой стране, и образования особой карлукской метрополии[25]. Во время мусульманского наступления в конце IX — начале X в. наиболее подходящими для превращения в мечети зданиями семиреченских городов оказались стоявшие в них церкви[26]. Одна из семиреченских церквей была раскопана Л. Р. Кызласовым на городище Ак-Бешим[27]. Т. Н. Сенигова издала небольшой несторианский (?) рельеф из Семиречья, дата которого остается неясной[28]. В Семиречье и в Восточном Туркестане несторианство сохранялось и в XII—XIV вв. (известия Марко Поло и Рубрука, кладбища с надгробиями тюрков-несториан).

Во времена В. В. Стасова были известны семиреченские несториане XIII—XIV вв., но не их более ранние предшественники, поэтому В. В. Стасов, дав правильную локализацию, существенно ошибся в датировке григоровского блюда, чрезмерно омолодив его.

Основываясь на массовом археологическом материале, А. Н. Бернштам сделал вывод о «победе орнаментализма» в карлукский период VIII—X вв.[29] В действительности картина искусства эпохи карлуков оказывается сложнее. Серебряные блюда свидетельствуют о стойком сохранении иконографических традиций VII—VIII вв.

---

[22] А. И. Тереножкин. К истории искусства Хорезма. «Искусство», 1939, 2; Г. А. Пугаченкова. Элементы согдийской архитектуры на среднеазиатских терракотах. Материалы по археологии и этнографии Узбекистана. II. Ташкент, 1950; Л. Р. Кызласов. Остатки замка VI—VII вв. на городище Ак-Бешим. СА, 1958, 3; «Скульптура и живопись древнего Пенджикента». М.— Л., 1959, табл. XIII; А. М. Беленицкий, Б. И. Маршак, В. И. Распопова. Древний Пенджикент. «Наука и жизнь», 1971, 8, стр. 124 и ряд других публикаций.

[23] В этой связи надо вслед за В. В. Стасовым вспомнить, что звери григоровского блюда сочетают гриву льва с пятнами леопарда. Ошибка, выдающая художника, который жил в местности, где львы не водились, т. е. не на Ближнем Востоке и не в Иране.

[24] Я. А. Шер. Каменные изваяния Семиречья. М.— Л., 1966, стр. 66—67.

[25] С. Г. Кляшторный. Историко-культурное значение Суджинской надписи. «Проблемы востоковедения», 1959, 5, стр. 168. Приведена литература вопроса.

[26] В. В. Бартольд. О христианстве в Туркестане в домонгольский период, II, 2. М., 1964, стр. 287.

[27] Л. Р. Кызласов. Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953—1954 гг. Тр. КАЭЭ, II, М., 1959, стр. 231—233.

[28] Т. Н. Сенигова. Вопросы идеологии и культов Семиречья (VI—VIII вв.). Сб.: «Новое в археологии Казахстана», Алма-Ата, 1968, стр. 62—63, рис. 3. К VI—VIII вв., видимо, относится сирийская надпись на сосуде из Тараза. А. Я. Борисов. Сирийская надпись на сосуде из Тараза. Изв. АН КазССР, 1948, 46.

[29] А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, 26, 1952, стр. 150—160.

Оба блюда отразили сложную «гибридизацию» раннехристианских, иранских, светских среднеазиатских и буддийских элементов. Сильный отпечаток на них отложил и упадок изобразительности, характерный в IX—X вв. для Средней Азии. На мавераннахрской керамике этого периода изображения живых существ сохраняются только на подражаниях привозной люстровой посуде.

Крупные торгово-ремесленные центры Семиречья — Тараз, Мерке, Невакет — располагались на великом караванном пути, который в VII—VIII вв. связывал Китай с Западной Азией. На одном из его отрезков путешественники отправлялись из Самарканда на северо-восток, через Чач и Тараз к берегам Чу, оттуда по южному берегу Иссык-Куля и через перевал Бедель в Аксу [30]. По этому пути в города Согда, Семиречья и Восточного Туркестана попадали произведения художественного ремесла Византии, Сирии, Египта, Ирана и Дальнего Востока. Здесь, где встречались Запад и Восток Азии, создалась благоприятная почва для взаимопроникновения элементов различных культур. Разнообразие образцов, которыми пользовались среднеазиатские мастера, способствовало созданию синкретических памятников.

Несториане, патриарх которых жил в Месопотамии, постоянно поддерживали связи со своими единоверцами на территории, некогда принадлежавшей сасанидам. Я. И. Смирнов тщательно выделил все сасанидские элементы григоровского блюда. (На аниковском блюде к ним можно отнести кружки на суставах коней). Эти сасанидские особенности чужды произведениям других школ среднеазиатской торевтики.

Раннехристианская иконография григоровского блюда исследована Я. И. Смирновым с почти исчерпывающей полнотой. Сцена Вознесения, в которой пропущена обязательная фигура богоматери среди апостолов, была объяснена, как отражение несторианской догматики. По евангельскому тексту, вознесение произошло в присутствии апостолов, а Марии не было с ними. Традиционная в православной иконографии этой сцены фигура богоматери восходит ко времени борьбы против несториан, которые считали Марию не матерью бога, но только матерью Христа — человека.

Однако более ранняя соответствующая евангельскому рассказу традиция сохранена некоторыми памятниками, из которых к приведенным Я. И. Смирновым можно добавить одну из ампул Боббио [31], что особенно интересно в связи с тем, что «ампулы Святой земли», как отметили Н. В. Покровский и Я. И. Смирнов, были иконографическими прототипами блюда.

Вознесение с двенадцатью смотрящими в одну сторону апостолами, среди которых нет богоматери, на миниатюре рукописи начала XVIII в., хранящейся в халдейской (сиро-католической) патриархии в Мосуле [32], также может восходить к несторианскому образцу. Халдейские переписчики XVII—XVIII вв. унаследовали несторианскую форму письмен [33]. Возможно, что несторианская иконография повлияла на иллюстрации к халдейским рукописям.

Официальным языком несториан, на котором шла литургия, был сирийский [34]. Анализ сирийских надписей на блюде, выполненных шрифтом эстрангело, привел П. К. Коковцева к выводу, что «большое разнообразие палеографических форм указывает на отсутствие в писавшем всякого

[30] В. В. Бартольд. Очерк истории Семиречья. Соч., II, 1, М., 1963, стр. 31.

[31] A. Grabar. Ampoules de Terre sainte (Monza-Bobbio). Paris, 1958, Bobbio, 18, Pl. XLVII, LV, p. 40—41.

[32] J. Leroy. Les manuscripts syriaques a peintures conservés dans les bibliothèques d'Europe et d'orient. Paris, 1964, p. 406, Pl. 146, 2.

[33] Ibid., p. 109.

[34] Знаменитая несторианская стела 781 г. из Сианьфу написана на сирийском и китайском языках. Она свидетельствует о распространении христианства в танском Китае при императоре Тайцзуне (626—649).

навыка... в сирийском письме»[35]. Датировка надписей вызывает расхождения. Д. А. Хвольсон сближал их с сирийскими рукописями V—VI вв., П. К. Коковцев — с почерком на семиреченских несторианских надгробиях XIII—XIV вв. («присутствие курсивных начертаний не говорит в пользу большой древности»). Вместе с тем оба ученых признавали, что палеография не дает оснований для датировки блюда. По-видимому, надписи, скопированные с прототипа, были модернизированы.

Форма четырехконечных крестов с расширяющимися концами, удлиненной нижней ветвью и маленькими кружками на концах особенно характерна для несторианских памятников. Бронзовый крест подобной формы найден на Афрасиабе (VI — начало VIII в.?)[36], вырезан на несторианской стеле из Сианьфу (781). Они же преобладают на тюркских несторианских надгробиях Семиречья[37]. Некоторые исследователи связывают происхождение крестов этой формы с восточным христианством[38].

Местная светская традиция отразилась только в типе лица, в одежде, оружии и орнаментальных деталях григоровского блюда. Соотношение элементов на аниковском блюде сильно меняется в пользу местных, но и там достаточно отчетливо отразилась раннехристианская иконография. Сюжет блюда — иллюстрации к книге Иисуса Навина. Действие развертывается снизу вверх. Внизу осада Иерихона. Женщина в окне — это Раав, принявшая двух лазутчиков Иисуса Навина. Ее окно в городской стене упоминается в Библии. Следующий эпизод — вынос Ковчега Завета в сопровождении семи жрецов с «рогами юбилейными». Выше — взятие какого-то ханаанского города. Падение стен Иерихона от трубного звука пропущено иллюстратором. Самый верхний эпизод — Иисус Навин, подняв руку к небу, останавливает солнце и луну. При этом художника, как и согдийских живописцев Пенджикента, не смущало, если один эпизод частично закрывал другой. Объединение в одном поле нескольких эпизодов — закономерный процесс редукции повествовательных циклов в средневековом искусстве. То, что кажется нелогичным человеку нового времени, было естественным для людей средневековья. Мастер григоровского блюда воспроизвел имевшиеся на прототипе, видимо, близком к ампулам святой земли, круглые рамки отдельных сцен. Однако он вписал в одинаковые поля между рамками как самостоятельный эпизод отречения Петра, так и две фигуры воинов, не поместившихся в медальоне со сценой Воскресения. Требования единства времени, единства места и единства действия отсутствовали не только в средневековой литературе, но и в средневековом изобразительном искусстве.

Иерихон с запертыми воротами, фигурой Раав на городской стене и двумя отрядами осаждающих справа и слева от города показан на мозаике V в. в римской церкви Санта Мария Маджоре. В том же простенке на нижнем поле помещена отдельная композиция выноса Ковчега Завета, причем трубящие жрецы расположены симметрично по отношению к ковчегу. Есть в этом цикле мозаик и фигура Иисуса Навина с рукой, поднятой к небу, на котором стоят луна и солнце[39]. На сирийской миниатюре VII—VIII вв. Иисус Навин стоит в той же позе, а небо со светилами передано таким же сегментом, как на аниковском блюде[40].

---

[35] В. В. Стасов. Ук. соч., стр. 14; Согласно Рубруку, китайские несториане «произносят свою службу и имеют священные книги на сирийском языке, которого не знают, отсюда они поют, как у нас монахи, совершенно не знающие грамоты...»— Плано Карпини и Гильом де Рубрук. Ук. соч., стр. 132.

[36] А. И. Тереножкин. Согд и Чач. КСИИМК, XXXIII, 1950, рис. 72, *2*.

[37] С. С. Слуцкий. Семиреченские несторианские надписи. Древности восточные. I. 1, М., 1889; А. Н. Бернштам. Новые эпиграфические находки из Семиречья. «Эпиграфика Востока», II. М.— Л., 1948, рис. 9, *а—в*.

[38] А. Я. Борисов. Эпиграфические заметки, стр. 238.

[39] H. Karpp. Die frühchristlichen und mittelalterlichen Mosaiken in Santa Maria Maggiore zu Rom. Baden-Baden, 1966, Taf. 138, 153.

[40] J. Leroy. Op. cit., pl. 44, *1*.

Сопоставление григоровского и аниковского блюд может помочь в объяснении странных положений рук Даниила и рук апостолов в сцене Вознесения. Их обращенная к зрителю ладонь, а также поднятая правая и опущенная левая ладони одного из апостолов находят параллели в буддийской иконографии [41], хотя неумелость рисунка на блюде не позволяет настаивать на этом сравнении. Возможно, например, что здесь изображена специфическая культовая поза средне- и центральноазиатских несториан, которые, как сообщает Рубрук, под влиянием «идолопоклонников» (буддистов) «не соединяют рук для молитвы, а молятся, протянув руки перед грудью» [42].

Аниковское блюдо заметнее отражает связь с буддийской иконографией, которая была хорошо известна в Семиречье, где находилось много буддийских храмов [43]. Л. Р. Кызласову удалось показать, что именно нашествие карлуков привело к гибели буддийского храма в Ак-Бешиме. Точки над переносицей у трубящих жрецов и сама композиция, напоминающая, по наблюдениям Н. В. Дьяконовой, переосмысленную «осаду Кушинары», восходят к буддийскому искусству [44]. В многочисленных «осадах Кушинары» из Восточного Туркестана воины, одетые в местные доспехи, с двух сторон подъезжают к воротам города, тогда как над стеной показаны божества с реликвариями в руках [45]. Сходная композиция, существовавшая в местном искусстве, позволила мастеру аниковского блюда сильнее отступить от раннехристианских образцов, чем это мог сделать мастер блюда из с. Григоровского. В свою очередь буддийские художники в данном случае опирались на традиции батального жанра в светском искусстве Средней и Центральной Азии.

Приведенные сопоставления показывают, с каким широким кругом историко-культурных проблем связан вопрос об атрибуции одного серебряного блюда. Отнесение григоровского блюда к Семиречью IX—X вв. проливает свет на судьбы искусства восточных областей Средней Азии в период, предшествующий окончательной победе ислама в этих землях.

V. P. Darkévitch, B. I. Marchak

SUR LE SOI-DISANT «PLAT SYRIEN» PROVENANT DE LA REGION DE PERM

Résumé

L'étude de «l'argent oriental» est de grand intérêt pour l'histoire des civilisations de l'Asie Centrale du haut moyen âge.

L'article est consacré à la reconsidération de l'analyse du plat d'argent bien connu, aux scènes évangéliques et aux inscriptions syriennes, trouvé dans le village de Grigorovka de la région de Perm. C'est là une copie grossière imitant un original lui antérieur dans lequel les traditions syrienne et sassanide des VI—VII ss prédominaient. Nombre d'éléments rapproche le plat de Grigorovka du célèbre plat d'argent provenant du village Malaïa Anikova à l'Oural. Les motifs de celui-ci servent d'illustrations au livre de Josué. Dans les deux récipients s'est reflétée «l'hybridation» compliquée d'éléments christianiques précoces, iraniens, ceux séculières de l'Asie Centrale et bouddhiques. Ils ont été créés dans le milieu de Nestorius, ce qui s'est réfléchi dans l'iconographie des scènes. L'attribution de ces plats au Sémirétchié des IX—X ss. verse de la lumière sur les destinées de l'art dans les régions orientales de l'Asie Centrale à la veille de la victoire définitive de l'islamisme.

[41] См., например, вэйские статуи, хранящиеся в Восточноазиатском музее в Стокгольме. B. Gyllensvärd. Östasiatiska Museet. Stockholm, 1963, p. 50—51, 54—55.

[42] Джиованни дель Плано Карпини. История монгалов. Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны. М., 1957, стр. 127—128.

[43] А. Н. Бернштам. Основные этапы истории культуры Семиречья и Тяньшаня. СА, XI, 1949, рис. 18—20; Л. Р. Кызласов. Археологические исследования...; Л. П. Зяблин. Второй буддийский храм Ак-Бешимского городища, Фрунзе, 1961; Я. Голованов. Чуйский колосс. «Комсомольская правда», 7.VI.1962.

[44] Доклад Н. В. Дьяконовой на заседании Отдела Востока Эрмитажа в 1956 г.

[45] A. v. Le Coq. Op. cit., abb. 87; A. Grünwedel. Alt Kutscha. Berlin, 1920, Taf. XLVI—XLIX.

Р. А. ДАУТОВА, Х. М. МАМАЕВ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ У СЕЛЕНИЯ АЛИ-ЮРТ (ЧЕЧЕНО-ИНГУШЕТИЯ)

Селение Али-Юрт (Назрановский р-н ЧИАССР) располагается у подножия так называемых Черных гор (на стыке предгорий и плоскости). Окрестности этого населенного пункта до сих пор оставались белым пятном на карте археологических памятников Чечено-Ингушетии [1]. В 1970—1971 гг. 1-й отряд археологической экспедиции ЧИ НИИ ИЯЛ исследовал здесь ряд памятников, относящихся в основном к эпохе средневековья [2].

Аланский катакомбный могильник

Он занимает обрывистый берег безымянной речушки на южной окраине села. Интенсивное размывание паводковыми водами привело к гибели большей части могильника [3].

В обрыве были замечены размытые дромосы и полуразрушенные камеры, расположенные на значительном расстоянии друг от друга. Было обследовано шесть катакомб, две из них (№ 2, 3) [4] почти смыты и особого интереса не представляют, четыре других (№ 1, 4, 5, 6) вскрыты в ходе работ и сохранились достаточно хорошо.

Катакомба № 1. Дромос разрушен, уцелел лишь лаз диаметром 0,4 *м*. Камера имела овальную форму и полусферический свод (1,5 × 0,9 × × 1,3 *м*), а перепад уровней дна дромоса и камеры составлял 0,1 *м* (рис. 1, *1*).

На полу камеры рядом с деформированным черепом и костями верхнего плечевого пояса обнаружена чернолощеная миска с загнутым вовнутрь краем (высота —8,5 *см*, диаметр венчика — 16 *см*, дна —12 *см*, рис. 2, *1*).

Катакомба № 4. Дромос глубиной 3,1 *м* вел в перпендикулярно расположенную к нему овальную в плане камеру (1,5 × 0,9 *м*) со сводчатым потолком (рис. 1, *2*). Катакомба была ограблена в древности. В ней находились кости двух погребенных. Судя по положению костей ног одного из погребенных, покойники лежали головой на СЗ. В западном углу стояла чернолощеная миска с вертикальным бортиком (высота — 5 *см*, диаметр венчика —17 *см*, дна —9,8 см), в которой лежал деформированный череп (рис. 2, *2*).

Катакомба № 5. При расчистке глубокого дромоса (4,7 *м*) попадались фрагменты керамики, обломки человеческих костей и на глубине 4,7 *м* обнажился лаз диаметром 0,45 *м* (рис. 1, *3*). Камера прямоугольной

[1] В. Б. Виноградов, В. И. Марковин. Археологические памятники Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1966.

[2] Начальник отряда В. Б. Виноградов. В работе отряда принимали участие и авторы заметки.

[3] Упоминание о существовании могильника см.: М. Х. Багаев. Раскопки раннесредневековых могильников у селений Харачой и Дай. АО-1969, М., 1970, стр. 121.

[4] Нумерация катакомб соответствует номерам погребений полевого отчета 1971 г. (В. Б. Виноградов, В. А. Петренко. Отчет о раскопках 1970 года). Архив ЧИНИИИЯЛ.

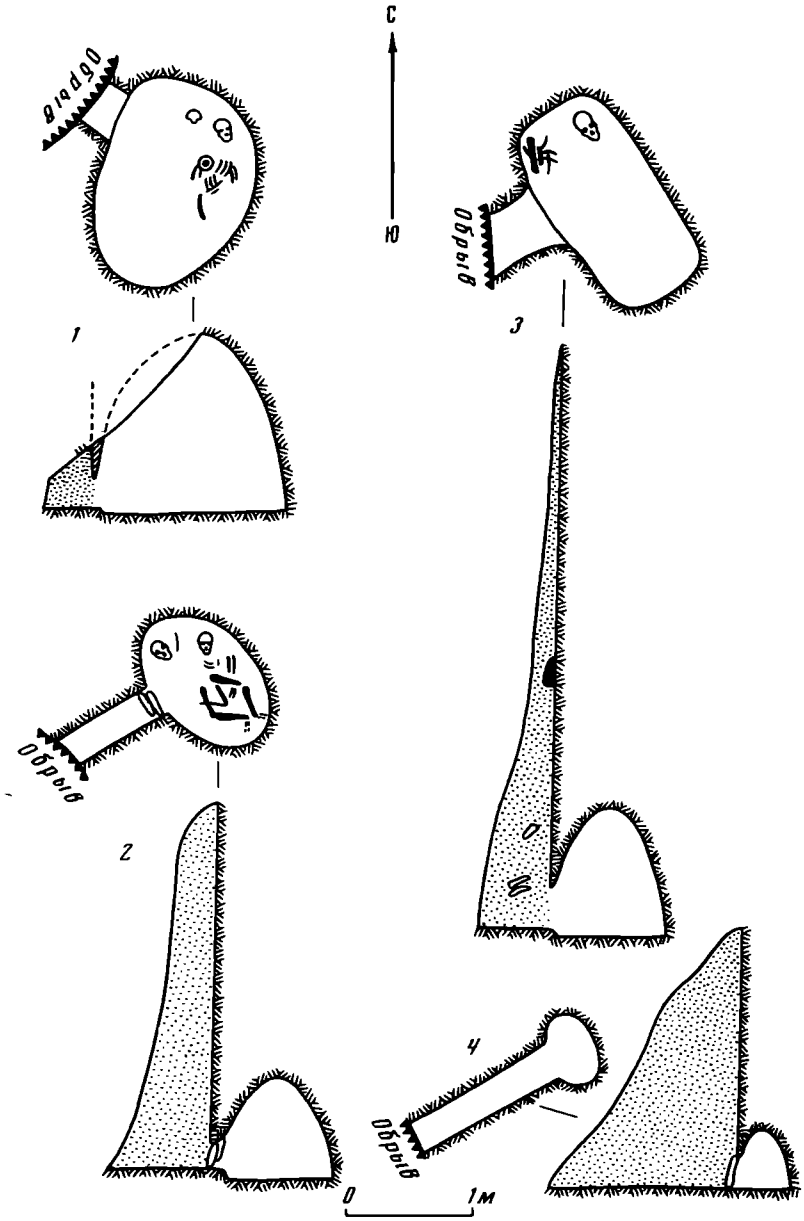


Рис. 1. Катакомбы Али-юртовского могильника

формы (1,0 × 1,8 *м*), ориентированная по линии СЗ — ЮВ, имела стрельчатый свод высотой 1,1 *м*. Кости погребенных были разбросаны. В области таза найдены бронзовая небольшая штампованная пряжка и наконечник пояса (рис. 2, *3, 4*).

Катакомба № 6. Часть камеры была срезана дромосом катакомбы № 5. Дальнейшая расчистка выявила на глубине 2,1 *м* небольшую овальную камеру (0,5 × 0,3 × 0,5 *м*), вход в которую был прикрыт прямоугольной плитой (рис. 1, *4*). На полу камеры найдены остатки костей ребенка.

Все катакомбы Али-юртовского могильника, вырытые в плотном глинистом грунте, несмотря на то, что были ограблены еще в древности, сохранились хорошо.

Хотя восстановить погребальный обряд полностью невозможно, однако можно думать, что погребенные лежали вытянуто на спине, иногда с согнутыми в коленях ногами (катакомба № 4).

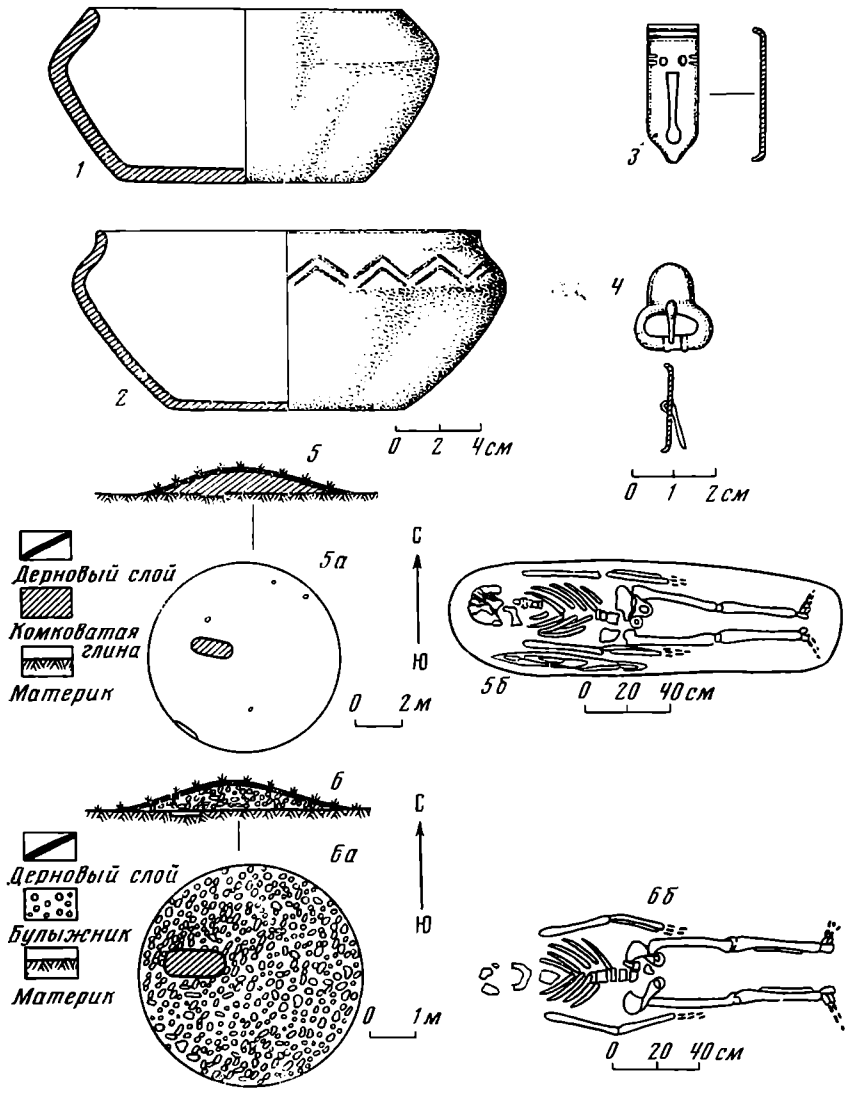


Рис. 2. *1—4* — материалы из катакомб № 1, 3, 4, 5; *5, 6* — курганы близ селения Али-Юрт

Погребальный обряд в целом достаточно четко определяет этническую принадлежность погребенных. Это ираноязычные аланы, которым присущ катакомбный обряд погребения[5]. Имея многочисленные аналогии среди аланских могильников Северного Кавказа[6], Али-юртовский могильник ближе всего стоит к Верхнечирюртовскому (Дагестан) и Нижнеджулатскому (Кабардино-Балкария), датирующимся V—VII вв. н. э.[7]

---

[5] Л. Г. Нечаева. Об этнической принадлежности подбойных и катакомбных погребений сарматского времени в Нижнем Поволжье и на Северном Кавказе. Сб. «Исследования по археологии СССР». Л., 1961, стр. 153; В. А. Кузнецов. Аланские племена Северного Кавказа. МИА, 106, 1962.

[6] Т. М. Минаева. Могильник Байтал-Чапкан в Черкесии. СА. XXVI, 1956, стр. 236—261; Л. Г. Нечаева. Катакомбы могильника Былым. АО-1969, М., 1970, стр. 101—102; М. П. Абрамова. Археологические исследования в Кабардино-Балкарии и Северной Осетии. АО-1971, М., 1972, стр. 152—153; В. Б. Ковалевская. Раскопки аланского могильника VI—IX вв. Мокрая Балка близ Кисловодска. АО-1971, М., 1972, стр. 158—159.

[7] Н. Д. Путинцева. Верхнечирюртовский могильник. МАД, 2, Махачкала, 1961, стр. 249—250; М. П. Абрамова. Нижне-Джулатский могильник. Нальчик, 1972.

Анализ немногочисленного инвентаря позволяет, как кажется, уточнить время функционирования Али-юртовского катакомбного могильника. Остатки поясного набора: овально-рамчатая пряжка с подтреугольным щитком и наконечник пояса, украшенный схематическим изображением человеческого лица,— изготовлены из тонких листков бронзы (рис. 2, *3*, *4*). Близкие им по стилю и технике исполнения детали поясных наборов известны в материалах V—VII вв. Чмийского могильника [8]. Не противоречит предполагаемой датировке и керамический материал. Одна из мисок — типично сарматских форм (чернолощеная, темно-коричневого теста) выполнена на гончарном круге (рис. 2, *1*). Другая (катакомба № 4) также сделана на гончарном круге, украшена по тулову парными насечками, образующими двойную волну (рис. 2, *2*). Аналогичные по форме, фактуре теста и декору сосуды получили широкое распространение в памятниках сармато-аланского круга I тысячелетия н. э. [9]

Косвенным подтверждением предлагаемой даты является и наличие деформированных черепов, которые, кажется, не уходят дальше VII в. [10]

На основании приведенных аналогий раннесредневековый Али-юртовский могильник мы можем датировать временем не позднее VII в. н. э. Вероятно, к этому времени относится и возникновение городища Мурад-Барц, у подножия которого располагается данный могильник. Интересно отметить, что рядом с упомянутым городищем находится целая группа отлично укрепленных городищ, видимо, связанных единым замыслом обороны [11].

Дальнейшие исследования этого комплекса памятников, несомненно, представляют интерес в связи с возможностью заполнения хронологической лакуны, образовавшейся в результате изучения катакомбных могильников первых веков нашей эры (Пседах, Алхасте и др.) [12] и катакомб VIII—IX вв. (Бейни, Гоуст, Верхний Алкун, Дубаюрт) на территории Чечено-Ингушетии.

Кабардинская курганная группа

Она была обнаружена в 2 км восточнее селения Али-Юрт на вершине небольшой возвышенности. Курганы известны в народе под названием «Черсий Борзаш» («Черкесские курганы»). Могильник состоит из 50 близко расположенных курганов. Округлые в плане, они имеют земляные или каменные насыпи и отличаются небольшими размерами. Диаметр курганов колеблется от 5 до 10 и более метров, а высота — от 0,5 до 1,5 *м*.

Исследованию подверглись два кургана.

Курган № 1. Диаметр — 8,1 *м*, высота — 1 *м*. Насыпь земляная (рис. 2, *5а*). На глубине 0,15 *м* от уровня погребенной почвы в центре кургана с небольшим смещением на запад находился костяк. Он лежал вытянуто на спине с протянутыми вдоль туловища руками, головой на запад, с небольшим отклонением к северу (рис. 2, *5б*). Захоронение, по всей видимости, было произведено в деревянном гробу или колоде, на что указывает сохранившийся местами древесный тлен.

У пояса были обнаружены четыре небольшие железные пряжки с язычком. Две из них имеют круглую форму (диаметр — 1,7 *см*), а две другие — прямоугольную (1,7 × 0,8 *см*). В левой части таза лежал небольшой ку-

---

[8] А. К. Амброз. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. СА, 1971, 2, рис. 5, *26*, рис. 6, *39*.

[9] Там же, стр. 152—153; В. Б. Виноградов. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1963, стр. 202, рис. 27, стр. 204, рис. 30; В. А. Кузнецов. Исследования Змейского катакомбного могильника в 1958 г., МИА, 114, 1963, стр. 38 (табл. VIII, *5*).

[10] В. А. Кузнецов. Аланские племена Северного Кавказа. МИА, 106, 1962.

[11] М. Х. Багаев. Ук. соч., стр. 122.

[12] В. Б. Виноградов. Ук. соч., стр. 71—72.

сочек кремня неправильной формы, а между тазом и кистью левой руки — железное кресало треугольной формы с закругленными углами и язычком (4,3 × 3,4 × 3,5 *см*). У бедра левой ноги был найден железный двулезвийный ножичек со следами деревянной ручки. Длина его — 13 *см*, ширина лезвия — 2 *см*.

Судя по инвентарю, здесь был погребен мужчина.

Курган № 2. Расположен рядом с курганом № 1. Диаметр — 5,2 *м*, высота — 0,7 *м*. Насыпь кургана каменная (крупный булыжник, рис. 2, *6а*). Погребение находилось в западной части кургана на глубине 0,20 *м* от уровня погребенной почвы. Положение костяка аналогично описанному выше (рис. 2, *2б*).

Находок нет.

Исследованные курганы обладают всеми характерными для кабардинских курганов XIV—XVI вв. чертами.

Известно, что типичные погребения кабардинцев в XIV—XVI вв. это небольшие курганы в форме полушарий, расположенные беспорядочно, близко один к другому. Курганные могильники насчитывают до 200—300 земляных или каменных насыпей. Погребенные лежат на спине с вытянутыми конечностями, почти всегда головой на запад, большей частью в деревянных гробах или колодах или в подобии гроба, которые обычно впущены неглубоко в материк. Погребальный инвентарь беден и немногочислен, сосуды, как правило, отсутствуют [13]. Все эти черты присущи и Алиюртовскому курганному могильнику, что позволяет определить его этническую принадлежность как кабардинского. Немногочисленный инвентарь из могильника (пряжки, кресало) находит аналогии среди погребального инвентаря из кабардинских курганов, например, у колонии Каррас, Константиновки [14] и у селений Чегем II [15] и Бамут [16].

Название могильника «Черсий Борзаш» — «Черкесские курганы» подтверждает это, так как вайнахи (самоназвание чеченцев и ингушей) называли черкесами всех адыгов, в том числе и кабардинцев.

До настоящего времени на территории Чечено-Ингушетии было известно семь кабардинских курганных могильников: у селений Назрань [17], Кантышево [18], Кескем [19], Алхасте [20], Нестеровское [21], Ачхой-Мартан [22], Бамут [23]. Данные новых разведывательных работ и сопоставление их со сведениями, известными прежде, позволяют ныне почти вдвое увеличить число подобных могильников. К названным добавилось шесть новых: у селений Карабулак [24], Плиево [25], Ачхой-Мартан [26], Сурхахи [27] и Али-Юрт.

---

[13] О. В. Милорадович. Кабардинские курганы XIV—XVI вв. СА, XX, 1954, стр. 343—356.

[14] Д. Я. Самоквасов. Могилы Русской земли. М., 1908, стр. 242—245.

[15] ОАК за 1897 г., стр. 43—46, 138—145.

[16] Е. И. Крупнов, Р. М. Мунчаев. Бамутский курганный могильник XIV—XVI вв. Древности Чечено-Ингушетии. М., 1963, стр. 217—242.

[17] В. Б. Антонович. Дневник работ, веденных на Кавказе. Тр. V АС. Протоколы Подготовительного комитета, 7, М., 1882, стр. 217—259.

[18] Там же, стр. 297.

[19] ОАК за 1898 г., стр. 159—160.

[20] Е. И. Крупнов. Археологические памятники Ассинского ущелья. Тр. ГИМ, XII, М., 1947, стр. 188.

[21] Там же.

[22] А. П. Круглов. Археологические раскопки в Чечено-Ингушетии летом 1936 г. Грозный, 1938, стр. 30—31; А. В. Мачинский. Кабардинские курганные погребения в окрестностях г. Нальчика. МИА, 3, 1941, стр. 317—324.

[23] Е. И. Крупнов, Р. М. Мунчаев. Ук. соч.

[24] В. Б. Виноградов, В. И. Марковин. Ук. соч., стр. 55.

[25] Там же. Интересно отметить, что курганы у сел. Плиево так же, как и курганы у селения Али-Юрт, зовутся «Черсий Борзаш», т. е. «Черкесские курганы».

[26] В. Б. Виноградов, В. И. Козенкова, Е. И. Крупнов, В. И. Марковин, Р. М. Мунчаев. Северо-Кавказская экспедиция. АО-1967, М., 1968, стр. 65.

[27] В результате разведок 1970 г. в районе сел. Сурхахи было обнаружено два кабардинских курганных могильника.

Изучение кабардинских курганных могильников на территории Чечено-Ингушетии имеет большое значение как для уточнения времени, территории и условий расселения кабардинцев в период после татаро-монгольского нашествия, так и для истории вайнахов в период позднего средневековья.

R. A. Dautova, Kh. M. Mamaéva

SITES ARCHÉOLOGIQUES MOYENAGEUX PRÈS DU VILLAGE D'ALI-IOURT

Résumé

Les environs du village d'Ali-Iourt (district Nazranovski, R.S.S.A. de Tchéchéno — Ingouchie) restaient jusqu'au dernier temps inexplorés archéologiquement. En 1970—1971, le premier détachement de la mission archéologique de l'Institut républicain de recherche de l'histoire, de la langue et de la littérature y a reconnu un nombre de sites archéologiques dont deux ont été partiellement explorés.

Sur la nécropole de catacombe on a fouillé six sépultures. L'analyse des particularités du rite funéraire (chambre souterraine à dromos) et du mobilier (poterie et détails de la ceinture en plaques) aussi bien que la présence d'un crâne déformé permettent de rattacher la nécropole aux Alains iranophons et la dater des V—VII siècles de n. è.

Deux tertres du vaste groupe de tumulus recouvraient les sépultures individuelles dont les squelettes étaient allongés sur le dos, la tête à l'Ouest (l'un reposait dans un cercueil ou dans un tronc d'arbre creusé), accompagnés d'un modeste mobilier. A en juger par les analogies le groupe de tumulus est laissé par la tribu adyghéenne des Kabardins et se rapporte à la fin du XIV—XVI siècles de n. è.

Т. Б. ПАЛИМПСЕСТОВА, А. П. РУНИЧ

О ЕССЕНТУКИЙСКИХ МАВЗОЛЕЯХ И СТАВКЕ УЗБЕК-ХАНА

Период господства Золотой Орды на Северном Кавказе изучен очень слабо. Сведения в основном относятся к памятнику этого времени — Маджарам [1], о котором писал еще Гюльденштет [2]. В дореволюционные годы здесь были проведены небольшие археологические раскопки [3].

В настоящее время остатки этого золотоордынского города находятся под угрозой уничтожения в связи с разрастающимся городом Прикумском. Большое значение имеют сведения, собранные о Маджарах [4] Т. М. Минаевой, а также исследования, проведенные в последние годы Э. В. Ртвеладзе [5].

В 1963 г. на руинах города Маджары найден крест-энколпион киевского происхождения [6]. Второй энколпион был обнаружен там же в 1968 г. одним из авторов этой статьи [7]. Эти находки указывают на присутствие здесь русских, видимо, пленных, уже в XIII в. [8].

Заслуживает внимания первая строительная надпись на обломке мраморной плиты, относящейся к правлению Джанибек-хана (1340—1357 гг.), найденная А. П. Рунич в 1966 г. на месте города Маджары [9].

Памятниками золотоордынского времени на Северном Кавказе являются также Верхний и Нижний Джулат. Но и они изучены плохо и известны главным образом на основании раскопок малой и большой Верхне-Джулатской мечети [10].

О пребывании золотоордынских феодалов в районе Пятигорья было известно только, что в 1334 г. Ибн Батута посетил летнюю ставку Узбек-хана в местности Беш-Даг (район Пятигорья), где он совершил соборную молитву в мечети [11].

Первыми вещественными памятниками, относящимися к этому периоду, являются обнаруженные в 1953—1963 гг. авторами этой статьи остатки от двух разрушенных мавзолеев золотоордынского времени, один из кото-

---

[1] В. Г. Тизенгаузен. Сб. материалов, относящихся к истории Золотой Орды. 2, Л.— М., 1941, стр. 128, 211; «Книга большому чертежу». М.— Л., 1950, стр. 91.

[2] I. Güldenstädt. Reise durch Russland und im caucasischen Gebirge II. S. Petersburg, 1791, S. 27.

[3] В. А. Городцов. Результаты археологических исследований на месте развалин г. Маджары в 1907 г. Труды XIV АС в г. Чернигове III — М, 1911, стр. 162—200.

[4] Т. М. Минаева. Очерки по археологии Ставрополья. Ставрополь, 1965, стр. 80—100.

[5] Э. В. Ртвеладзе. К истории города Маджары. СА, 1972, 3, стр. 149—162.

[6] Э. В. Ртвеладзе. Крест-энколпион из Маджар. СА, 1965, 2, стр. 281—282.

[7] Энколпион находится в Пятигорском краеведческом музее. Инв. № 4547.

[8] Э. В. Ртвеладзе. Крест-энколпион из Маджар, стр. 282.

[9] Э. В. Ртвеладзе. Надпись Дженибек-хана на плите из Маджар. СА, 1970, 3, стр. 253—254.

[10] О. В. Милорадович. Средневековые мечети городища Верхний Джулат. МИА, 114, 1963, стр. 66—79.

[11] В. Г. Тизенгаузен. Сб. материалов, относящихся к истории Золотой Орды. I, СПб., 1884, стр. 301.

рых находился между станциями Золотушка и Скачки, в 6 *км* на юго-запад от горы Бештау, а второй около железнодорожной станции Белый Уголь [12].

Несомненно, большое значение для изучения этого периода на территории Пятигорья приобретают и остатки еще шести мавзолеев, обнаруженных между Ессентуками и станцией Белый Уголь [13]. Но от этих могильных сооружений сохранились только хорошо задернованные холмы с воронкой в середине, где видны обломки обожженного кирпича, а также небольшие кусочки кирпича с голубой поливой.

Эти развалины находятся на правом берегу р. Подкумок, в одном километре на восток от станции Белый Уголь, расположены в один ряд с запада на восток, по гребню небольшой возвышенности. С ее северной стороны, на расстоянии 180—190 *м*, протекает р. Подкумок, а на юг от этого места, в 250—300 *м*, ручей Каменушка (рис. 1, *3—8*). Возвышенность состоит из мергеля, прикрытого продуктами выветривания этой горной породы и довольно тонким растительным слоем. Растительный покров здесь представлен различными луговыми травами, а в нижней части северного склона зарослями кустарников.

Мавзолей № 3 [14]. Остатки сооружения представляли собой своеобразную воронку, окруженную со всех сторон как бы валами высотой от поверхности возвышенности 50—105 *см*. Диаметр «воронки» по вершинам валов 10—12 *м*. В северной части углубления находился «саркофаг», стенки которого, как и стены мавзолея, сложены из обожженного кирпича на характерном для этого времени растворе «гаже» [15]. Размеры кирпичей 21 × 21 × 5 *см*. Внутренняя длина «саркофага» 219 *см*. Он был ориентирован длинной осью с северо-запада на юго-восток. Его ширина у северо-западной стенки 64,5 *см*, у юго-восточной 35 *см*, высота сохранившейся кладки 50 *см*. Пол был выложен плитами мергеля.

В могиле и отвалах около нее найдены только обломки человеческих костей, но форма «саркофага» и его длина (рис. 2, *1*) свидетельствуют о том, что погребенный лежал на спине, с вытянутыми конечностями, головой на северо-запад. В процессе исследования валов начали встречаться в большом количестве хорошо обожженные строительные кирпичи различной формы [16], а также покрытые голубой глазурью, и декоративные элементы с разного цвета поливой. Кроме того, были обнаружены части упавших стен с находящимся между кирпичом раствором.

От самого здания в основном уцелели части фундамента толщиной 95 *см*, высотой 20—45 *см*, сложенные из плит мергеля. Толщина цоколя — 90 *см*, с наружной и внутренней стороны он облицован кирпичом 21 × 21 × 5 *см* на таком же растворе.

Здание имело вид почти правильного прямоугольника, ориентированного длинной стороной с северо-востока на юго-запад. Длина его северо-западной стены по наружному обмеру 7,9 *м*, юго-восточной стены — 7,95 *м*, северо-восточной — 5,86 *м* и юго-западной — 5,75 *м*. Эта последняя часть фундамента сохранилась особенно плохо, а от стен уцелели только участок южной наружной стены от ее восточного угла до входного проема и часть внутренней поперечной стены.

Таким образом, выяснилось, что усыпальница с общими внутренними размерами 6 × 3,95 *м* представляла собой однокомнатное строение со своеобразным тамбуром (зиарат-хана) без портальной части (рис. 2, *1*).

---

[12] Э. В. Ртвеладзе. Два мавзолея золотоордынского времени в районе Пятигорья. СА, 1969, 4, стр. 262—265.

[13] А. П. Рунич. Отчет о раскопках за 1971 г. Архив ИА АН СССР.

[14] О первых двух мавзолеях см. Э. В. Ртвеладзе. Два мавзолея золотоордынского времени..., стр. 262.

[15] А. В. Саламзаде, Л. Бретаницкий, М. Усейнов. История архитектуры Азербайджана. М., 1952, стр. 267—268.

[16] По назначению кирпичи делятся на строительные, облицовочные, огнеупорные, печные и т. д.

Не удалось обнаружить пол, так как он был полностью разобран кладоискателями.

Проведенное исследование дало возможность установить, как разрушалось это здание. Положение упавших наружу стен свидетельствует о том, что в результате, видимо, распора от купола или арки, стены разошлись и упали наружу, а купол или арка рухнули внутрь помещения. Далее, очевидно, при основании Ессентукской станицы казаки обнаружили руины с глазурованным кирпичом и в поисках клада и камня раскопали их, забрав для хозяйственных целей часть камня, кирпича, а покрытые голубой глазурью кирпичи использовали для облицовки русских печей, как это делали жители Прасковеи, разрушая Маджары. Последнее подтверждается отсутствием кирпича внутри здания от упавшего купола и существованием у казаков Ессентукской станицы печей, облицованных голубым «мамайским» кирпичом [17].

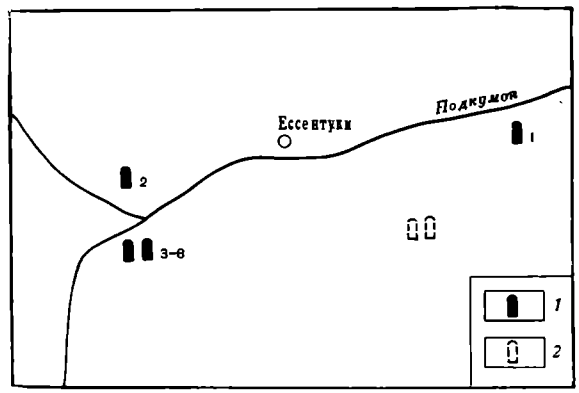


Рис. 1. Местонахождение мавзолеев
1 — исследованные мавзолеи, *2* — предполагаемые места мавзолеев

Об архитектурном оформлении этого здания можно судить лишь по северному наружному углу, который представлял собой остатки полуколонны диаметром 87 *см*, выступавшей за плоскости стен на 34 *см*. Полуколонна состояла из 16 трапециевидных кирпичей в одном ряду кладки. Один торец такого кирпича имел округлую форму (рис. 3, *3*). На остальных трех углах здания от полуколонн сохранились маленькие участки, но лишь в этих местах встречались такие же трапециевидные кирпичи с одной округлой гранью. Таким образом выяснилось, что мавзолей имел вид прямоугольника с полуколоннами по углам (рис. 2, *1*), которые, видимо, были облицованы специальными глазурованными кирпичами (рис. 3, *11*).

При сооружении мавзолея использовались строительные кирпичи различного типа, формы и размеров: 1) хорошо обожженные красные квадратные (21 × 21 × 5 *см*) кирпичи (рис. 3, *1*) применялись для облицовки цоколя, кладки «саркофага» и стен здания. Такие кирпичи известны в Передней Азии с древнейших времен. Традиция их изготовления сохранилась на Востоке и в средние века [18]; 2) прямоугольный кирпич 24 × 12 × 5 *см* (рис. 3, *2*); 3) трапециевидный кирпич с одним округлым торцом (рис. 3, *3*), предназначавшийся для кладки полуколонн и, видимо, купола; 4) треугольный кирпич с длиной основания 26 *см*, высотой 14 *см*, толщиной 5 *см* (рис. 3, *4*).

Кирпичи сделаны из местной глины и изготовлялись в форме без дна, уложенной на ровной поверхности. После заполнения формы хорошо размешанной глиной верхняя часть кирпича выравнивалась руками (обнаружены продольные следы от пальцев рук), затем форма поднималась, сырец сушился и шел на обжиг в напольную печь. Интересно отметить, что на некоторых кирпичах обнаружены следы от лапы небольшой собаки.

Вторая группа керамических строительных изделий представлена облицовочными кирпичами, покрытыми голубой поливой, которая наносилась или с одной стороны (рис. 3, *5—7, 9—12, 14, 15*), или с двух сторон кирпича (рис. 3, *8, 13, 16*). По форме они делятся на четыре основных

[17] По сообщениям местных жителей.
[18] А. В. Саламзаде, Л. Бретаницкий, М. Усейнов. Ук. соч., стр. 270.

типа: 1 — различные по размерам прямоугольные, плоские кирпичи с продольными фасками по длинной стороне (рис. 3, *5—7*) или без них (рис. 3, *9*), в разрезе имеют трапециевидную форму; 2 — кирпичи, предназначенные для облицовки углов и покрытые поливой с двух сторон. Они сделаны или с фасками (рис. 3, *8*) или без них (рис. 3, *13*); 3 — кирпичи, имеющие с лицевой стороны сферическое очертание, в разрезе трапециевидной формы (рис. 3, *10, 12*) с фасками (рис. 3, *10*) и ровными торцами (рис. 3, *12*), а также прямоугольные в поперечнике, с фасками (рис. 3, *14*)

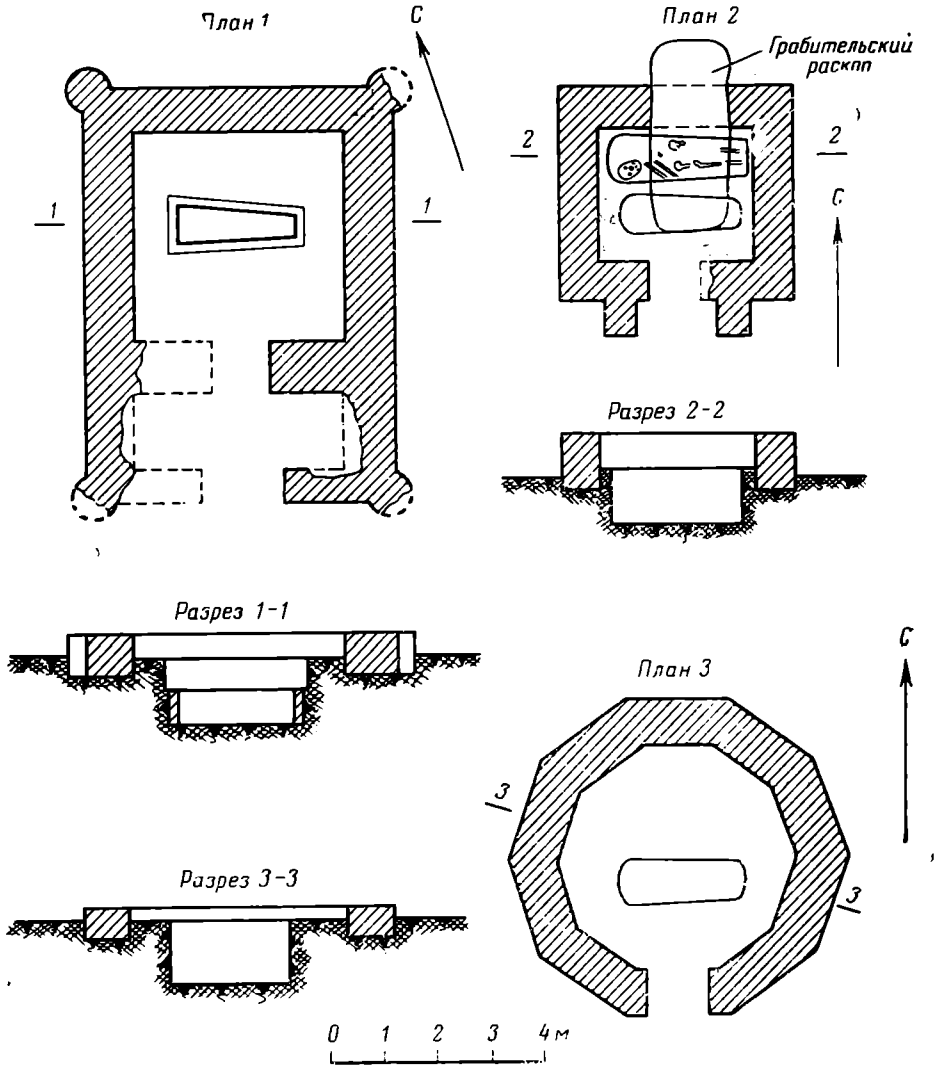


Рис. 2. Планы и разрезы мавзолеев

или без них (рис. 3, *11*). Этот тип кирпичей, очевидно, был специально изготовлен для облицовки сферических плоскостей здания — полуколонн и, видимо, купола; 4 — квадратики с плоской лицевой стороной. Они различных размеров, в основном имеют вид усеченных квадратных пирамидок (рис. 3, *15*) с фасками и без них. Часть таких квадратиков была сделана из кирпичей первого типа, с хорошо отколотыми, подтесанными и отшлифованными боковыми плоскостями. Встречаются квадратные кирпичики с темно-фиолетовой поливой на лицевой плоскости (рис. 3, *16*).

Все эти облицовочные кирпичи сделаны тоже из местной глины желтоватого цвета, очень тщательно отформованы, а фаски проделаны пальцем руки по сырой глине после снятия формы.

Особого внимания заслуживают декоративные элементы очень сложных форм из той же глины, что и облицовочные кирпичи, покрытые различного цвета поливой. Их можно разделить на два типа: 1 — облицовочные плиты размерами 41 × 35 *см*, толщиной 4—5,5 *см*. Лицевая сторона украшена рельефным рисунком, состоящим из сложного растительного орнамента, покрытого голубой глазурью. Таких плит найдено 7, в обломках — 15. Встречаются плиты с окаймлением с двух сторон (рис. 4, *1*) в виде рамки, есть плиты обрезанные, а также превращенные в трапеции с тщательно

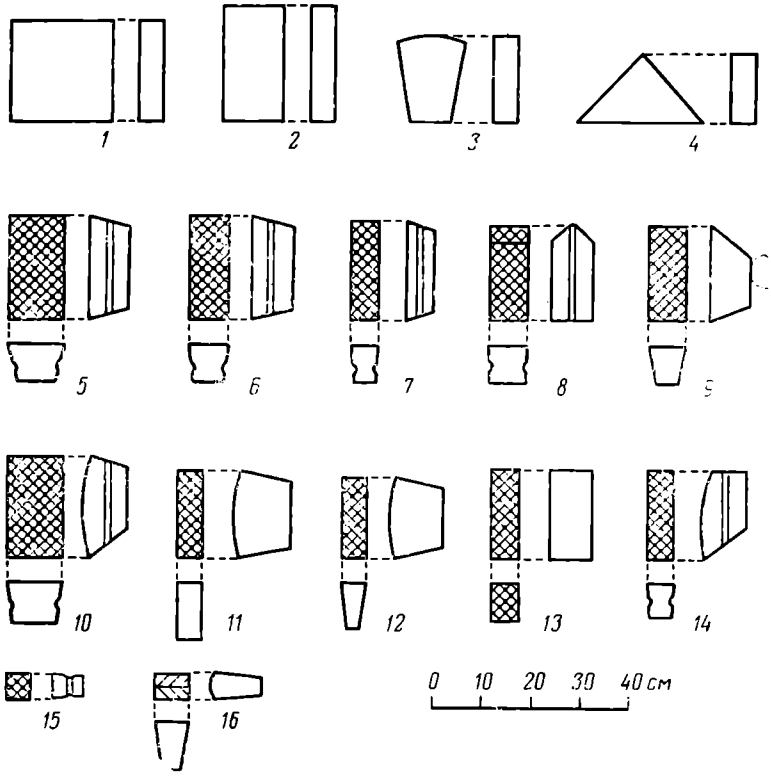


Рис. 3. Золотоордынские мавзолеи у Ессентуков
1—4 — строительные кирпичи; *5—16* облицовочные кирпичи

отделанными боковыми гранями (рис. 4, *2*). Видимо, плиты составляли какое-то декоративное панно, оформляющее главный фасад здания; 2 — тип декоративных элементов представлен различными по форме изразцами толщиной 4—5 *см*. Некоторые из них имели вид голубого цветка с темно-синими вставками (рис. 4, *11*), другие — в виде уголков, ромбиков, овалов, топориков и т. п. Некоторые изразцы парные, но сделаны в зеркальном изображении (рис. 4, *5* и *6*, *12* и *13*, *19* и *20*, *23* и *24*).Цвет изразцов различный: голубой, грязно-синий, фиолетовый и белый. (На таблице голубые изразцы заштрихованы, синие и фиолетовые показаны черными, а белые оставлены без окраски.) Из совершенно аналогичных изразцов, например в виде «топориков», пальметок со вставками другого цвета и т. п. (рис. 4, *4—31*), было набрано декоративное панно на городище Сарай-Берке, которое датируется XIV в.[19]

Судя по форме изразцов, очевидно, они выпиливались из готовых плит с различного цвета глазурью.

Обращает на себя внимание то, что лицевая сторона изразцов имела бóльшую площадь, чем обратная. Панно, видимо, монтировалось способом, известным по архитектуре Азербайджана XII—XV вв.: «все выпиленные

[19] Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский. Золотая Орда. Л., 1937, табл. X.

кусочки собирались глазурованной стороной вниз на гладкой поверхности с нанесенным рисунком, затем заливались с обратной стороны раствором. Таким образом, между отдельными кусочками обеспечивалось пространство, которое заполнял раствор, цементируя воедино орнаментальную плиту» [20].

При исследовании мавзолея найдена разбитая казачья глиняная трубка.

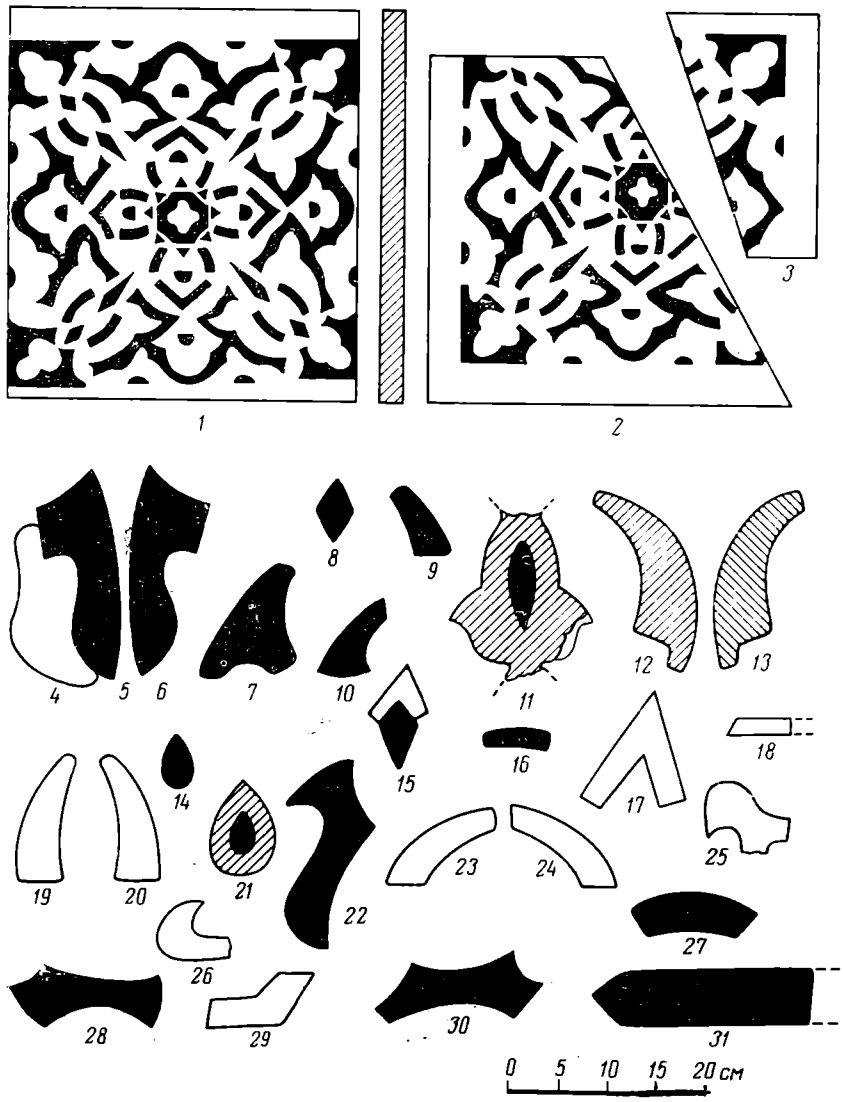


Рис. 4. Золотоордынские мавзолеи у Ессентуков

Декоративные элементы. *1, 2, 3, 11, 12, 13, 21* — голубые; *4, 15, 17, 18, 19, 21, 23, 24, 25, 26, 29* — белые; *5, 6, 7, 8, 9, 10, 14, 15, 16, 22, 27, 28, 30, 31* — темно-синие

Наличие в описанном мавзолее № 3 полуколонн по углам, своеобразного «саркофага» из кирпича, большого количества разнообразного облицовочного кирпича и изразцов, украшавших фасад, резко отличает его от других мавзолеев Пятигорья.

Мавзолей № 4. Восточнее мавзолея № 3 в 55 *м* гребень возвышенности распахан и на этом участке обнаружено скопление плит мергеля,

[20] А. В. Саламзаде, Л. Бретаницкий, М. Усейнов. Ук. соч., стр. 270.

среди которых встречались куски аналогичного строительного кирпича толщиной 5 *см* и мелкие кусочки от кирпичей, покрытых голубой поливой.

К сожалению, даже остатков от фундаментов здесь обнаружить не удалось. Но обломки кирпичей, остатки раствора говорят о том, что здесь находился еще один мавзолей, который был полностью разобран на камень и окончательно уничтожен при распашке возвышенности.

Мавзолей № 5. Остатки этого могильного сооружения находились в 138 *м* на восток от мавзолея № 3 и представляли собой небольшой холм с воронкой посередине. Высота холма от поверхности земли 70—80 *см*. Средний диаметр по гребню «валов» 5—5,5 *м*. Поверхность «валов» и воронки хорошо задернована, но из травяного покрова выступали плиты мергеля и отдельные кусочки обожженного кирпича. При исследовании обнаружился участок цоколя, сложенного из плит мергеля. Мавзолей оказался очень маленьким, с внутренними размерами всего 2,60 × 2,75 *м*, и представлял собой однокомнатное строение, портал которого выступал за плоскость южной стены всего на 66 *см* (рис. 2, *2*). Толщина цоколя и фундаментов колеблется в пределах 62—75 *см*. Входной проем шириной 94 *см* сделан в южной стене. Здание ориентировано строго по линиям восток — запад, север — юг. Глубина фундамента 30—35 *см*, а высота сохранившейся части цоколя 65 *см* (рис. 2, *2*). На портальной части и с внутренней стороны на каменной кладке местами обнаружены остатки штукатурки.

Только у восточной стены нам удалось проследить остатки пола, выложенного квадратным кирпичом 21 × 21 × 5 *см*. С северной стороны был грабительский раскоп, который прошел через северную стену мавзолея и доходил до самого входа в усыпальницу (рис. 2, *2*). Как выяснилось, эта траншея прорезала и обе могильные ямы, дно которых находилось на 110 *см* ниже пола усыпальницы. Только в северной могиле, в ее восточной части были обнаружены остатки от стенок деревянного гроба и часть нижних конечностей погребенного. В центральной части могилы сохранились кости таза, плечевая и лучевая кости, позвонки и т. п., а в юго-западном углу находился раздавленный мужской череп. По положению этих костей, длине и ширине могилы можно заключить, что погребенный лежал на спине, головой на запад.

Во второй могильной яме, которая находилась южнее первой, от погребенного сохранилась только часть нижней челюсти и мелкие обломки костей. Среди перекопанного внутри мавзолея грунта были найдены мелкие обломки какого-то железного предмета и разбитая керамическая казачья трубка для курения.

Здесь встречены строительные кирпичи тех же типов, что и в мавзолее № 3, облицовочные — только первого типа (их очень мало), а декоративные изразцы совсем отсутствовали.

Мавзолей № 6. В 186 *м* на восток от мавзолея № 3, на распаханном гребне возвышенности обнаружены следы еще одного мавзолея. От него осталось только небольшое скопление камней, среди которых встречались обломки обожженного кирпича и мелкие кусочки с голубой поливой. Но даже остатков от фундаментов проследить не удалось.

Мавзолей № 7. Следы еще одного могильного сооружения на распаханном участке обнаружены в 214 *м* восточнее мавзолея № 3.

Здесь от строения сохранилось скопление плит мергеля и мелкие обломки от обожженного кирпича. Остатков от кладки здесь уже не сохранилось.

Мавзолей № 8. На расстоянии около 6 *м* на запад от мавзолея № 3 обнаружено скопление плит известняка и мергеля. При исследовании там найден фундамент здания, которое было выстроено в виде десятигранника.

Толщина фундамента 90 *см*. Диаметр по наружным углам грани 6,30 *м* (рис. 2, *3*).

Здесь встречались обломки обожженного кирпича квадратной, трапециевидной и треугольной формы и очень немного кусков от кирпича с голубой поливой.

Высота сохранившейся части цоколя 10—15 *см*, глубина фундамента 30—35 *см*. Цоколь не облицован кирпичом.

С южной стороны находился вход шириной 1,15 *м*. Мощеный пол не сохранился. В центральной части здания располагалось грунтовое захоронение, ориентированное с востока на запад. Оно было сильно повреждено грабителями.

При исследовании обнаружены только обломки человеческих костей и остатки черепа, куски сгнившего дерева. Длина могильной ямы 2,20 *м*, глубина 1,15 *м* и ширина 80 *см*.

Наличие погребальной ямы и костей говорит о том, что указанное сооружение тоже являлось мавзолеем необычной для золотоордынского периода в районе Пятигорья формы. Однако найденные здесь квадратные кирпичи и кирпичи с голубой поливой дают основание относить этот мавзолей к тому же времени, что и предыдущие.

Необходимо отметить, что вокруг описанной группы мавзолеев не было других захоронений. Это доказывает, что здесь находился только некрополь знати.

Во время исследования разрушенных могил, находившихся внутри мавзолеев, выяснилось, что погребальный инвентарь там отсутствовал. Это характерно для мусульманских захоронений.

На другом гребне, который поднимается между речками Яблонькой и Подкумком (рис. 1), на распаханном участке, в один ряд, были обнаружены пять скоплений камней различной породы. Диаметр каждого пятна примерно 5—6 *м*. При поверхностном осмотре обожженного кирпича или обломков глазурованного тут заметить не удалось. Но по аналогии этих скоплений камня с группой мавзолеев № 3, 4, 5, 6, 7 и 8 у р. Каменушка есть все основания предполагать, что здесь находилась еще одна группа мавзолеев того же времени.

Как отмечал Э. В. Ртвеладзе, мавзолеи № 1 и 2 из района Пятигорья, а следовательно, однотипный им мавзолей № 5 из описанной группы совершенно однородны в плане с мавзолеем Борга-Каш в Чечено-Ингушской АССР, который датируется арабской надписью 1405—1406 гг. Но все ессентукские мавзолеи были без подземной части, так же как и усыпальницы Зенги-Баба в с. Мурча и Чугундор-Баба на городище Куфен Туркменской ССР [21].

От мавзолеев № 1, 2 и 5 по планировке резко отличаются мавзолеи № 3 и 8.

Особенно большой интерес представляет для рассматриваемого района десятигранный мавзолей № 8. Эта форма мавзолея впервые обнаружена в районе Пятигорья. Судя по его фундаментам, планировка этого сооружения была аналогична усыпальнице «Момине-Хатун» (1187 г.) в Азербайджане, но имела значительно меньшие размеры. Такой тип мавзолеев входит в группу наиболее распространенных многогранных могильных сооружений Азербайджана XII—XV вв., которые имели 8, 10, 12 граней [22].

Общим для всех описанных мавзолеев Пятигорья является отсутствие подземной части, применение для кладки характерного хорошо обожженного квадратного кирпича, а также кирпичей различной формы с различного цвета поливой (в основном голубой) и использование керамических декоративных элементов тоже с различного цвета поливой.

Квадратные обожженные кирпичи из описанных мавзолеев являются характерными для всех золотоордынских памятников XIII—XIV вв. Точно такие же кирпичи найдены при раскопках большой и малой мечети в

[21] Э. В. Ртвеладзе. Два мавзолея золотоордынского времени, стр. 265.

[22] А. В. Саламзаде, Л. Бретаницкий, М. Усейнов. Ук. соч., стр. 243—244.

Верхнем Джулате [23], в Старом и Новом Сарае [24], мавзолея-мечети в Воронежской области [25], в Маджарах и в ряде других мест.

Изразцы с голубой поливой и с фасками по торцам для лучшего крепления их с раствором и основной кладкой широко применялись для облицовки фасадов среднеазиатских зданий и особенно культовых сооружений XIV в.[26]

Наличие в этом месте значительного количества монументальных культовых сооружений, то довольно скромных, то богатых, дает основание считать, что здесь были похоронены как мелкие, так и довольно крупные золотоордынские феодалы (например, в мавзолее № 3).

Обращает также внимание то, что мавзолеи № 3, 4, 5, 6, 7, 8 были выстроены в один ряд с запада на восток. По-видимому, они являлись законченным ансамблем культовых сооружений, что отмечалось также в Маджарах [27]. При сопоставлении описанных мавзолеев у города Ессентуки с надземными мавзолеями этого типа в горных районах Кабардино-Балкарии, датируемыми XV—XVIII вв. [28], обнаруживается коренное различие между ними. Все мавзолеи Кабардино-Балкарии и Карачая выстроены только из бутового камня, булыжника и грубо околотого плитняка [29], а не из кирпича и без применения кирпичей с поливой. В плане эти мавзолеи были квадратными, круглыми или в виде шестигранника, но без портальной части, входы не оформлены в виде двери, а представляют собой лаз на значительной высоте от поверхности земли [30].

Обнаруженные около города Ессентуки мавзолеи связаны с золотоордынским периодом на Северном Кавказе, когда начинается массовое строительство мусульманских культовых зданий и ислам становится официальной религией Золотой Орды [31].

Ессентукские мавзолеи возникли в период расцвета золотоордынского владычества на Северном Кавказе, который приходится на время правления Узбек-хана (1312—1340 гг.) и его преемника Джанибек-хана, который правил до 1357 г. [32].

Обнаруженная в районе Пятигорья новая группа мавзолеев прежде всего интересна своей численностью — здесь находилось восемь золотоордынских усыпальниц. В сооружениях прослеживается влияние не только среднеазиатской культовой архитектуры, но и азербайджанской и, видимо, связи с городищем Сарай-Берке и другими золотоордынскими памятниками. Очень интересны и показательны впервые найденные в этом районе Северного Кавказа различные изразцы и декоративные плиты, также покрытые поливой.

Группы мавзолеев, которые с востока, юга и запада как бы опоясывали территорию теперешнего г. Ессентуки (рис. 1), дают основание предполагать, что само поселение («ставка») находилось на правом берегу г. Под-

---

[23] О. В. Милорадович. Средневековые мечети городища Верхний Джулат. МИА, 114, 1963, стр. 66, 79.

[24] Ф. В. Баллод. Старый и Новый Сарай — столица Золотой Орды. Казань, 1923, стр. 47, 50, 55; Г. А. Федоров-Давыдов. Раскопки Нового Сарая в 1959—1962 гг. СА, 1964, 1, стр. 253.

[25] Л. И. Рempель. Архитектурный орнамент Узбекистана. Ташкент, 1961, стр. 260.

[26] В. П. Левашова. Золотоордынские памятники в Воронежской области. Тр. ГИМ, 37, М., 1960, стр. 183.

[27] P. S. Pallas. Bemerkungen auf einer Reise im die südlichen Statt halterschaften des Russischen Reichs in den Jahren 1793—1794, Leipzig, 1799. S. 12.

[28] И. М. Мизиев. Средневековые башни и склепы Балкарии и Карачая. Нальчик, 1970, стр. 76.

[29] Там же, фото 12, 13, 15, 18, 19, 21, 22, 23.

[30] Там же, табл. 6.

[31] Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение. М.— Л., 1950, стр. 91.

[32] Э. В. Ртвеладзе. К истории города Маджар, стр. 156.

кумка и занимало значительную территорию. Очевидно, здесь и была мечеть, в которой Ибн Батута совершил соборную молитву.

Найденные же при исследовании мавзолеев № 3 и 5 курительные казачьи керамические трубки-люльки, характерные для первой половины прошлого века, дают право утверждать, что описанные могильные сооружения были разобраны на камень казаками при основании станицы Ессентукской, т. е. в 1825—1826 гг. Повторное ограбление мавзолея № 3 произошло в 20-е годы нашего столетия. Об этом говорит монета 1924 г., найденная при его исследовании. Очевидно, то же самое было и с мечетью и другими капитальными зданиями, которые в прошлом, вероятно, находились на территории теперешних Ессентуков. Иногда на распаханных и приусадебных участках можно встретить небольшие скопления плит мергеля, травертина и булыжника, которые указывают на существование здесь когда-то строения. Со слов жителей этого района города, мы узнали, что при земляных работах они находили медные монеты с какими-то знаками в виде «крючков».

Остатков печей для обжига пока обнаружить не удалось. Однако наличие большого количества различного обожженного кирпича местного изготовления дает полное основание считать, что такое «кирпичеобжигательное производство несомненно существовало на месте»[33].

Все это приводит к выводу, что на месте Ессентуков было не летнее кочевье, как это считалось до сих пор, а постоянный населенный пункт и, видимо, место пребывания золотоордынских феодалов.

Нужно думать, что находившиеся здесь здания были в большинстве своем турлучными или из сырцового кирпича, как и в Маджарах. Поэтому они не сохранились. А остатки от капитальных строений, очевидно, были разобраны казаками на камень, как и описанные выше мавзолеи. То же самое произошло и в Маджарах, Сарае-Берке и в других местах. На основании обнаруженных восьми мавзолеев можно утверждать, что на Северном Кавказе, кроме Маджар, находившихся на территории теперешнего г. Прикумска, и Джулата, расположенного в районе г. Орджоникидзе, было еще одно золотоордынское поселение на месте теперешних Ессентуков.

По мнению Э. В. Ртвеладзе, некоторые населенные пункты Золотой Орды получили свое название по имени ханов, как например: Сарай-Берке, Сарай-Бату[34] и, вероятно, Сарай-Маджар[35]. Это дает основание предположить, что и Ессентуки могли быть названы именем одного из местных феодалов Эссен-Туга.

Холм, на котором находился мавзолей № 2, с давних времен у местных жителей был известен под именем Ессентука, а речка, протекающая у его подножия, носит название Ессентучок.

T. B. Palimpsestova, A. P. Rounitch

SUR LES MAUSOLÉES D'ESSENTOUKI ET LE QUARTIER GÉNÉRAL D'OUZBEK-KHAN

Résumé

Entrepris récemment dans la région de la ville d'Essentouki, l'examen archéologique des mausolées d'Horde d'Or s'est couronné de résultats intéressants. Les vestiges de huits mausolées examinés, tous d'une forme carrée ou rectangulaire, généralement à un portail (mausolées NN 1, 2, 5), aux dimensions intérieures 4 × 4m, se trouvent au sud-ouest de la ville.

---

[33] Э. В. Ртвеладзе. Мавзолеи Маджара. СА, 1972, 1, стр. 177.
[34] Э. В. Ртвеладзе. К истории города Маджар, стр. 156.
[35] В. Г. Тизенгаузен. Ук. соч., стр. 143, 246. Персидский текст.

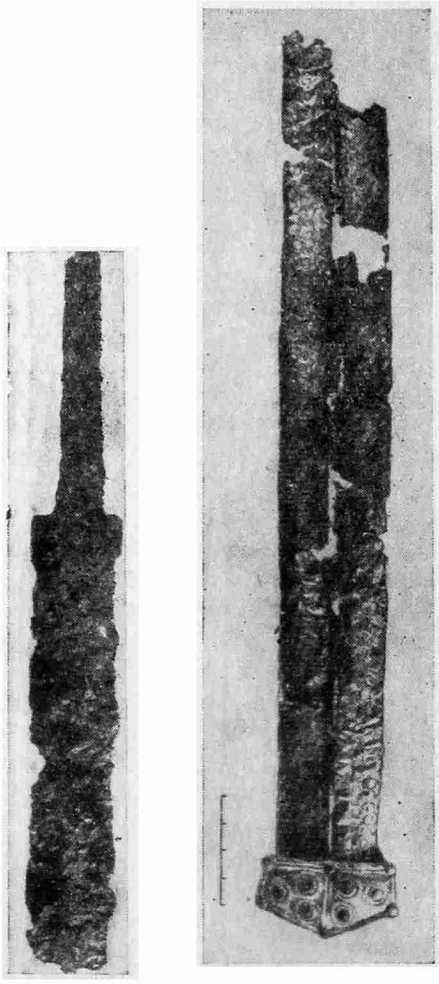
Le mausolée N 3 se distingue par sa planification, les demi — colonnes aux angles de l'édifice, de nombreux éléments décoratifs engobés de glaçure des couleurs variés. Tous ces sépulcres de par leur planification sont typiques pour les mausolées de l'Asie Centrale. Le mausolée N 8, de plan décagonal et d'après sa planification se rapprochant du mausolée azerbaïdjanais de Mominée-Khatoume, présente un intérêt particulier.

Donc, la planification des mausolées, les types de brique de construction et les éléments décoratifs permettent de déceler l'influence non seulement de l'architecture centralo-asiatique mais aussi azerbaïdjanaise. La disposition des mausolées autour d'Essentouki démontre que le quartier général se trouvait sur le territoire de la ville actuelle. Ce qui donne lieu à affirmer qu'il n'était pas seulement une résidence estivale mais l'agglomération permanente dont la dénomination (Essentouki) s'est conservée jusqu'à nos jours.

Р. Б. АХМЕРОВ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАХОДКИ В БАШКИРИИ

При земляных работах в г. Уфе (на ул. Тукаева) в 1970 г. были сделаны интересные находки. На глубине 1 *м* от современной поверхности был обнаружен железный двулезвийный меч (рис. 1). Длина меча около 0,80 *м*, черенок рукояти 13 *см*, ширина меча в основании рукояти 4,5 *см*. Сохранность меча плохая. По словам рабочих, здесь был найден также предмет крестообразной формы из светлого металла (серебро?), видимо, рукоять меча.



а *б*

Рис. 1. *а* — верхняя часть железного меча; *б* — обкладка ножен меча

По форме найденный меч аналогичен мечам из уфимских погребений VI—VII вв. н. э. Деревянные ножны меча были с лицевой стороны покрыты позолоченной фольгой, с обратной стороны — серебряной (рис. 1).

Фольга ножен имеет штампованный зерненый орнамент, состоящий из ряда мелких кружочков и треугольников. Нижняя часть ножен завершается наконечником, также покрытым позолоченной фольгой. Наконечник обрамлен парными рельефными линиями. Такие же линии проходят посредине наконечника, как бы разделяя его на две половины, в каждой из которых по три круглых углубления со стеклянными вставками зеленовато-прозрачного цвета (рис. 1). По краям наконечника — бронзовые шпонки для прикрепления к деревянному основанию.

Прототипом для уфимских ножен, возможно, служили ножны сасанидских царей; в частности, мы имеем в виду мечи Хосрова I и Орлизда IV, изображенные на кунгурском блюде [1].

Рассмотренные ножны можно сопоставить и с ножнами сарматского меча из Прохоровского кургана, которые также покрыты тонким золотым листом и имеют стеклянные вставки в гнездышках [2].

[1] А. И. Вощинина. О связях Приуралья с востоком в VI—VII вв. н. э. СА, 1953, XVII, стр. 189—192.

[2] М. И. Ростовцев. Курганные находки Оренбургской области. Пг., 1918 стр. 14—15.

В числе других предметов найден железный нож с плоским черенком для ручки (рис. 2, 7). На поверхности ножа следы деревянных ножен. Длина около 20 *см*.

Здесь же найдены железные удила с кольцевыми соединениями, рифленая бронзовая псалия, имеющая на концах утолщения в виде многогран-

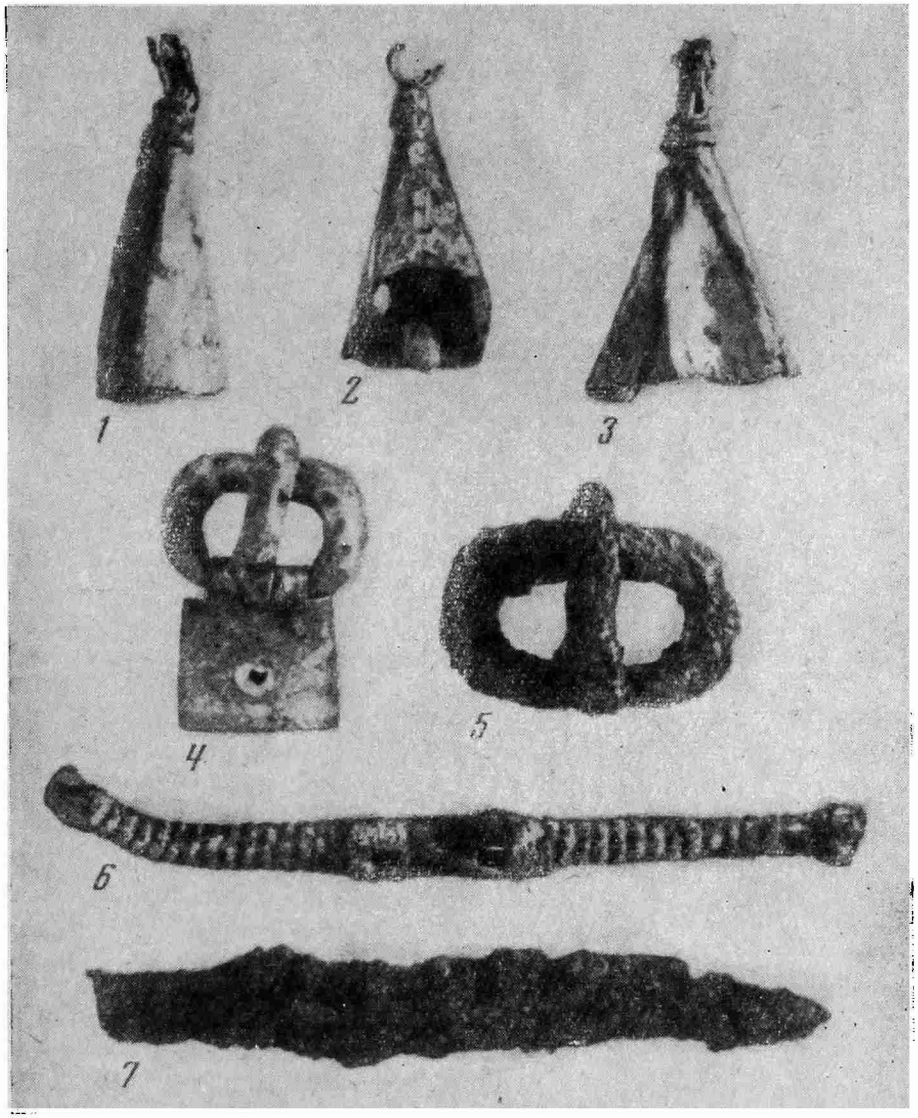


Рис. 2. *1—3* — подвески-колокольчики; *4* — пряжка бронзовая; *5* — пряжка железная; *6* — псалия бронзовая, *7* — нож железный

ников. (рис. 2, *6*), бронзовая (рис. 2, *4*) и железная (рис. 2, *5*) пряжки с овальными кольцами и загнутыми язычками (рис. 2); три бронзовые подвески-колокольчики, пирамидальной формы с длинными язычками (рис. 2, *1—3*). Подвески-колокольчики аналогичной формы найдены в уфимских погребениях и в турбаслинских курганах [3].

Интересны три большие круглые бляхи (рис. 3). Одна из них поломана, а две сильно испорчены. По величине все они одинаковые (диаметр 6 *см*).

[3] Н. А. Мажитов. Курганный могильник в деревне Ново-Турбаслы. БАС, Уфа, 1959, стр. 121.

С лицевой стороны обтянуты позолоченной фольгой на серебристой основе, с обратной стороны — обкладка из бронзовой пластинки. Для прикрепления к ремню по краям имеются четыре бронзовые шпонки. В центре каждой бляхи рельефное изображение человеческого лица с четкими очертаниями деталей. Изображение окаймлено круглыми стеклянными вставками зеленоватого оттенка, помещенными в углубление между позолоченной фольгой и бронзовой пластинкой. Края блях и вставок обрамлены

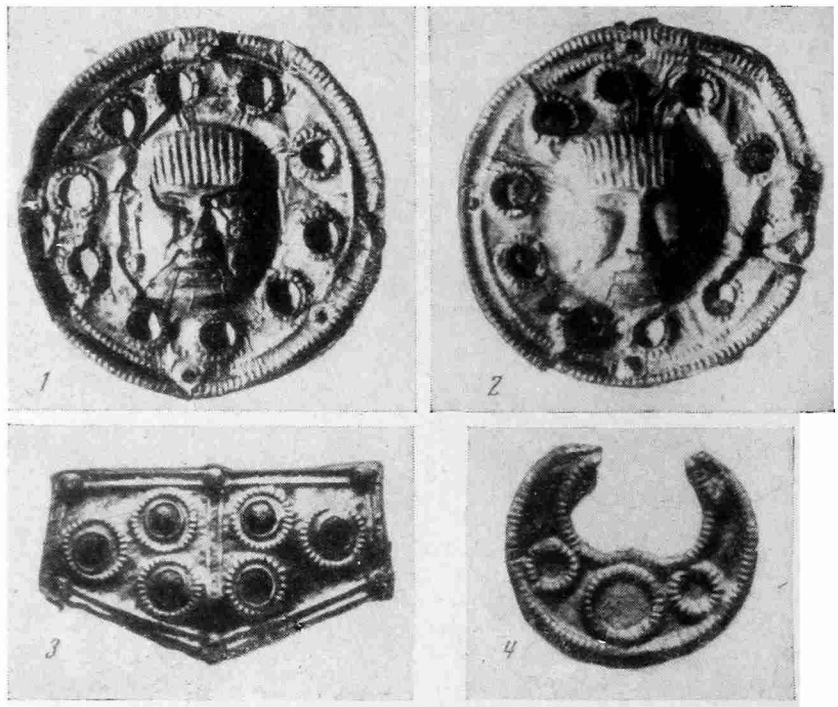


Рис. 3. *1, 2* — бляхи с изображением человеческих лиц; *3* — наконечник от ножен меча, *4* — лунница

рельефными линиями. В изображении человеческих лиц сочетаются европеоидные и монголоидные черты (одно как будто мужское, другое — женское). Характер прически в виде ровных рифленых линий. Аналогичные прически можно видеть на бронзовых личинах из Среднего Приобья, обнаруженных в поселении Лисий Мыс и в могильнике Релка, датированных Л. А. Чиндиной VI—VIII вв.[4] Наиболее близкая аналогия для уфимских блях — круглая подвеска с человеческой личиной, найденная в Шаряевском могильнике (VII—VIII вв.) в Башкирии[5].

Небольшой серебряный медальон с изображением человеческой головы происходит из Турбаслинского кургана. Здесь лицо несколько иного типа, чем на уфимских бляхах[6].

Маски в виде человеческого лица, подвешенные на ремнях лошадиной сбруи, изображены на сасанидской чаше[7]. Г. А. Пугаченкова, Л. И. Рempель эту чашу связывают с согдийским производством и датируют VII в.[8]

---

[4] Л. А. Чиндина. Древние личины из Васюганья. СА, 1971, 4, стр. 233—234.
[5] Г. А. Матвеева. Шареевский могильник. В сб. «Из истории Башкирии», БГУ, 1968, стр. 10, рис. 17.
[6] Н. А. Мажитов. Курганный могильник в дер. Ново-Турбаслы. БАС, 1959, стр. 137.
[7] И. А. Орбели и К. В. Тревер. Сасанидский металл. М.— Л., 1935, табл. 3.
[8] Г. А. Пугаченкова, Л. И. Рempель. История искусств Узбекистана. М., 1965, табл. 124.

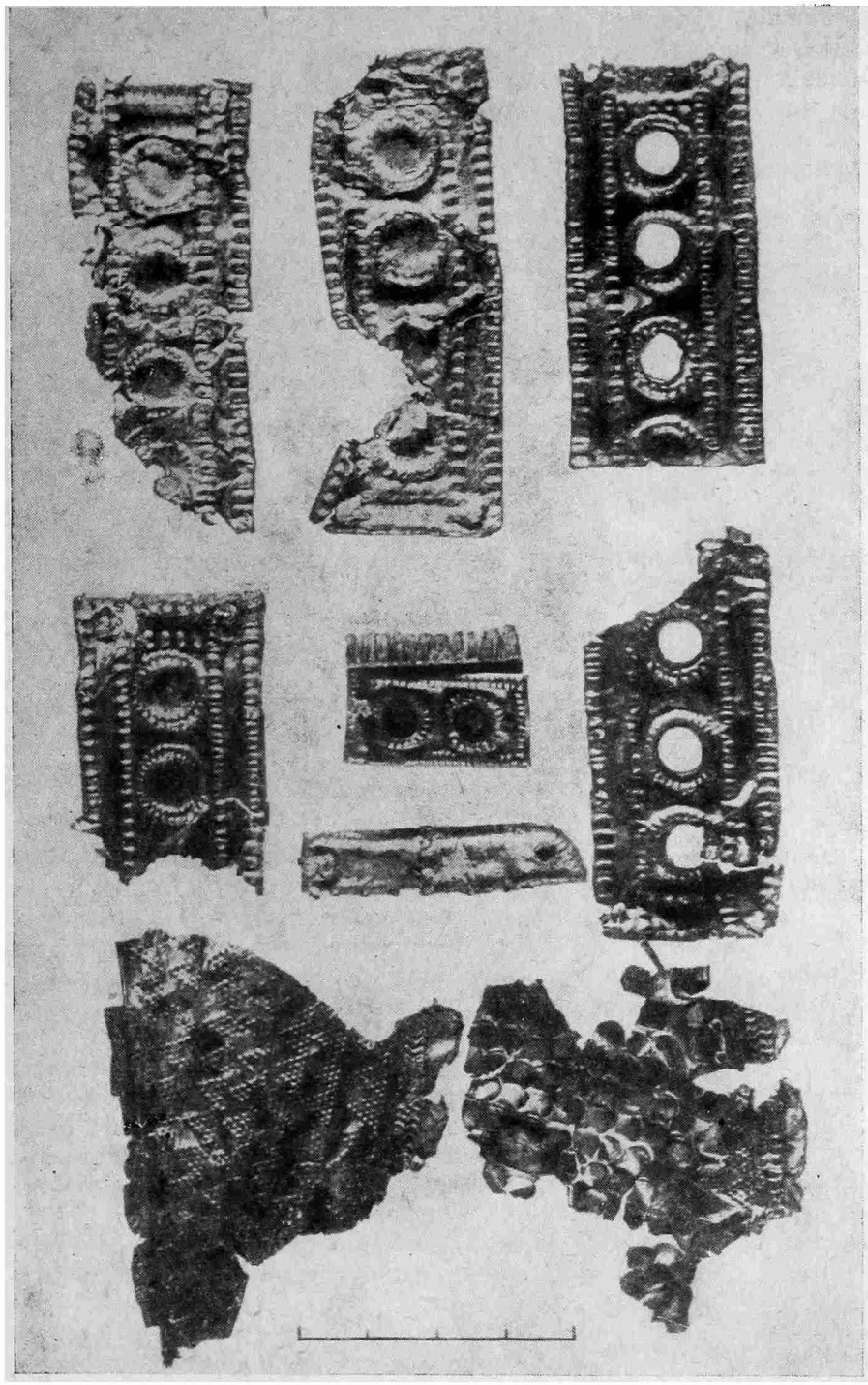


Рис. 4. Фрагменты бляшек, пластинки фольги от бляшек и наконечников ремней и др.

Уфимские бляхи можно сопоставить с золотой бляшкой, найденной в кург. № 2 Туяхты (в группе Алтайских курганов), с рельефным изображением головы человека. По мнению С. В. Киселева, это изображение восточного властелина, датировка — VI—VIII вв.[9]

[9] С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 542.

Возможно, уфимские бляшки прикреплялись к ремню знатного военоначальника и имели значение талисманов-оберегов.

Более хорошей сохранности оказалась лунница со штампованным орнаментом из кружочков и рельефным ободком (рис. 3). Наибольший диаметр 4,2 *см*. Бронзовая пластинка — обкладка лунницы с обратной стороны не сохранилась. Фрагменты лунниц роговидной формы раньше находили и в других уфимских погребениях. Присутствуют они также в инвентаре Бирского могильника [10].

Рис. 5. Глиняный кувшин, найденный в Уфимском погребении V—VII вв.

Кроме перечисленных предметов найдены фрагменты бляшек, обкладок, наконечников, ремней и т. д. (рис. 4). Все они украшены штампованным орнаментом, на некоторых — стеклянные вставки.

Техника изготовления и характер орнаментации этих предметов свидетельствуют о хорошо развитой металлообработке, о высоком уровне ювелирного искусства.

Вблизи места находки вышеперечисленных предметов в погребении был найден большой кувшин (рис. 5). Высота кувшина 32 *см*, наибольший диаметр 24 *см*. Кувшин имеет почти правильную яйцевидную форму с ровным плоским дном. Сравнительно высокое его горло постепенно расширяется кверху, венчик в виде полувалика. Дугообразно согнутая ручка, круглая в сечении, прикреплена одним концом к плечу сосуда, а другим — к его горлу. Наружная и внутренняя поверхности кувшина хорошо сглажены, ровные — вероятно, он сделан на ручном гончарном круге. Глина сосуда серая, плотная, с включением мелких известняковых частиц, песка, смолы.

Территориально близкие, хотя хронологически далекие аналогии для данного кувшина, можно найти в сарматских древностях Южного Приуралья. Так, к уфимскому сосуду близок по форме сарматский кувшин из раскопок К. В. Сальникова (правда, он с орнаментированной поверхностью) [11]. Некоторые общие черты с уфимским сосудом имеет сарматский кувшин прохоровского времени [12]. К такому же типу сосудов можно было бы отнести кувшин из Танкеевского могильника [13].

По поводу культурной принадлежности памятников уфимско-турбаслинского типов в настоящее время особых разногласий между исследователями нет. Однако в определении хронологических рамок этой культуры мнения расходятся. М. И. Касьянов и Б. А. Койшевский относили уфимские погребения к V—VII вв. Такого же мнения придерживался П. П. Ефименко.

---

[10] Н. А. Мажитов. Бахмутинская культура. М., 1968, табл. 2.

[11] К. В. Сальников. Древнейшие памятники истории Урала. Свердловск, 1952, стр. 98.

[12] М. Г. Мошкова. Памятники Прохоровской культуры. М., 1963, табл. 13, *9*; М. И. Ростовцев. Ук. соч., стр. 41, рис. 30.

[13] Е. П. Казаков. Погребальный инвентарь Танкеевского могильника. Вопросы этногенеза тюрко-язычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971, стр. 101, табл. V, *6*.

Мы датировали уфимские погребения с золотыми предметами VII—VIII вв.[14] А. П. Смирнов относил их к V—VI вв.[15] В. Ф. Генинг и А. Х. Халиков эти же погребения датируют VII в.

В последней работе мы отошли от своих первоначальных взглядов и расширили хронологические рамки уфимских погребений, датируя их IV—VII вв.[16] На датировке предметов из уфимских погребений подробно останавливается А. К. Амброз, относя бляхи со схематическим изображением лиц, костяные накладники от лука, полые пряжки, обтянутые фольгой, к VII в., а богатые погребения с золотыми колтами — ко второй половине VII — началу VIII в.[17]

Необходимо отметить, что памятники, относящиеся к уфимской культуре, имеют весьма значительные различия, обусловленные, видимо, хронологически. Так, на территории г. Уфы встречаются как курганные, так и грунтовые захоронения, которые по основным признакам погребального инвентаря и обряду должны быть отнесены к единой культуре. Курганные погребения, однако, гораздо беднее по инвентарю в сравнении с грунтовыми. К ним очень близки памятники типа Турбаслы, составляющие, по нашему мнению, разновидность уфимской культуры. Мы полагаем, что курганная группа памятников г. Уфы и памятники типа Турбаслы относятся к ранней стадии уфимской культуры и их можно датировать V—VI вв., как это считает А. П. Смирнов. Что касается уфимских погребений с разнообразными искусно выполненными золотыми изделиями, с применением техники инкрустации, то, вероятно, их следует отнести к средней стадии уфимской культуры и датировать VII в. Смена курганных погребений простыми грунтовыми, очевидно, связана со смешением пришельцев с местным, коренным населением края. Оба обряда, видимо, значительное время существовали параллельно.

К поздней стадии уфимской культуры мы склонны относить памятники типа Шаряевского грунтового могильника. В погребальном обряде Шаряевского могильника еще больше признаков смешения с другими культурами и заметен спад в ремесленной технике. Как было отмечено выше, Шаряевский могильник Г. А. Матвеева датирует концом VII — началом VIII в.

На самой последней стадии своего развития уфимская культура сливается с культурой Стерлитамакского облика VIII—IX вв.

Коллекция предметов из Гафурийского района

В июне 1959 г. житель дер. Лямьян (Журавлиная поляна) Гафурийского района Г. Гумеров при земляных работах около своего дома обнаружил интересные находки (рис. 6). По его словам, предметы были вложены в кожаную сумку, которая рассыпалась.

Мы осмотрели место находки. При зачистке участка нами были обнаружены обломки удил, две пастовые и одна стеклянная бусы. Глубина находок — 1,1—1,2 *м* от поверхности, признаков погребения обнаружено не было.

В числе найденных здесь предметов имеется бронзовое зеркало в виде неправильного круга с небольшой выступающей ручкой с отверстием. Наибольший диаметр 8,8 *см*. Оно слегка вогнуто с лицевой стороны и имеет хорошо отполированную поверхность.

На Южном Урале бронзовые зеркала известны по материалам Сарматских курганов, Уфимских и Бахмутинских могильников. Однако Лямьянское зеркало ближе всего зеркалу из Стерлитамакского могильника[18].

---

[14] Р. Б. Ахмеров. Уфимские погребения VI — VIII вв. КСИИМК, 1951, XL.

[15] А. П. Смирнов. Железный век в Башкирии. МИА, 58, 1958, стр. 64.

[16] Р. Б. Ахмеров. Уфимские погребения IV—VII вв. н. э. и их место в древней истории Башкирии. Древности Башкирии. М., 1970, стр. 187.

[17] А. К. Амброз. Проблемы раннесредневековой хронологии восточной Европы. СА, 1971, 2—3.

[18] Р. Б. Ахмеров. Могильник близ г. Стерлитамака. СА, XXII, 1955, стр. 157.

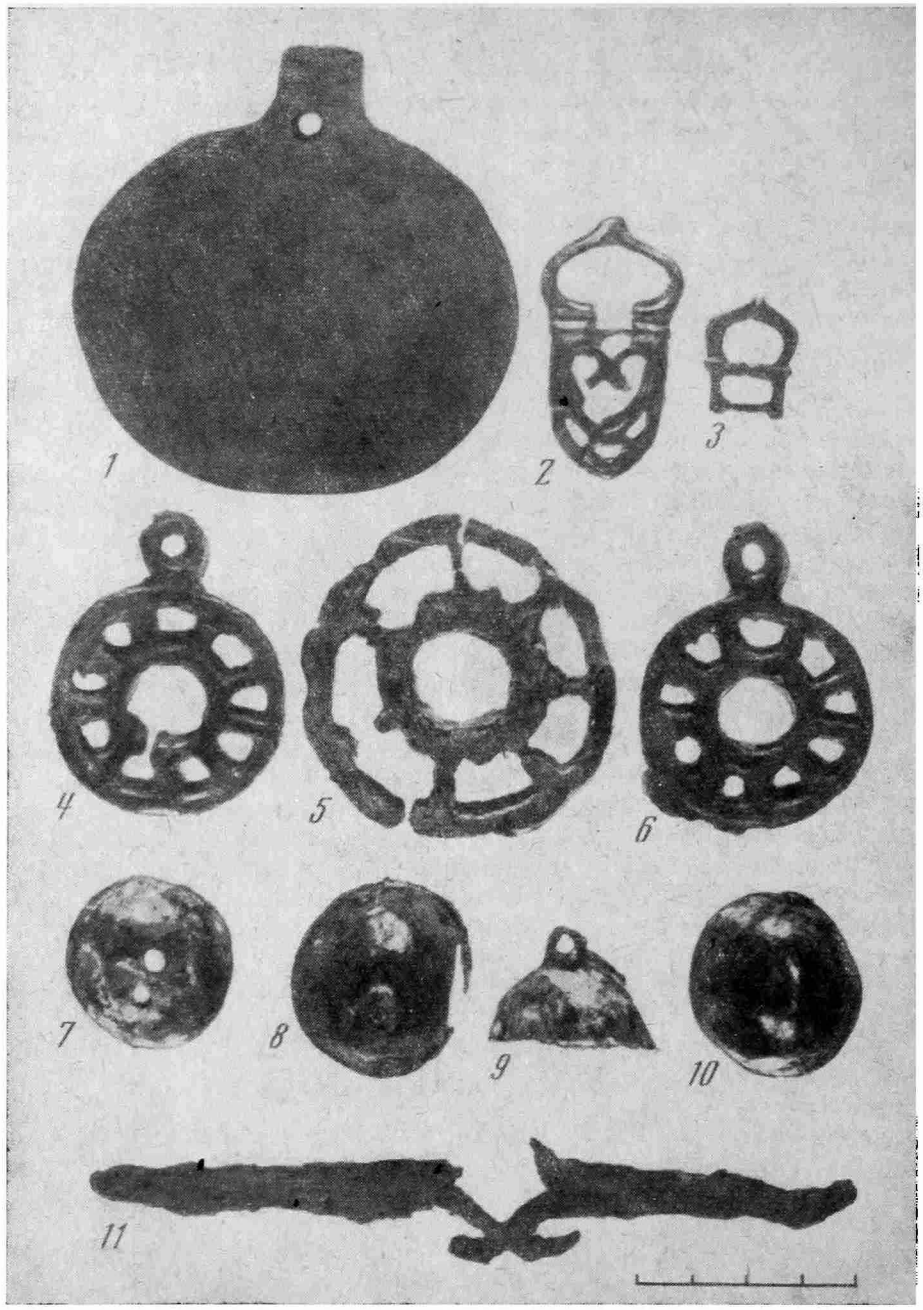


Рис. 6. Коллекция предметов из Гафурийского р-на

1 — зеркало бронзовое; *2, 3* — пряжки бронзовые; *4—6* — колесообразные подвески; *7—10* — подвески-колокольчики; *11* — железные удила

Бронзовые пряжки (большая и малая) — фигурные, литые. Малая пряжка (рис. 6, *3*) почти идентична пряжке из Стерлитамакского могильника, большая пряжка (рис. 6, *2*) близка пряжкам Поломского могильника 1 в Удмуртской АССР [19].

Колесообразные (бронзовые) подвески клада (рис. 6, *4—6*) встречаются в инвентаре Уфимского могильника пьяноборского времени и среди предметов Бахмутинского могильника. Лямьянские подвески отличаются

[19] В. Б. Ковалевская. К вопросу о «поломской культуре». Древности Восточной Европы. М., 1969, стр. 89.

гем, что сделаны не из круглого прута, как бахмутинские, а из сплюснутой полосы металла. Кроме того, две меньшие подвески имеют петлеобразно-круглые ушки сверху. Диаметр большой подвески 6,4 *см*, а диаметр малых подвесок 4,5 *см*. Лямьянские подвески имеют аналогии в материалах Верхне-Салтовского могильника [20].

Бронзовые подвески-колокольчики Лямьянского клада толстостенные, массивные, с полусферическим корпусом (рис. 6, *7—10*). Сверху, у кольцевидно выступающих ушек, имеются одно или два сквозных отверстия. Аналогичные подвески известны по материалам уфимского погребения начала VIII в.

Железные удила, найденные в кладе, представляют собой прямые стержни, соединенные кольцевидными узлами. Сохранность плохая.

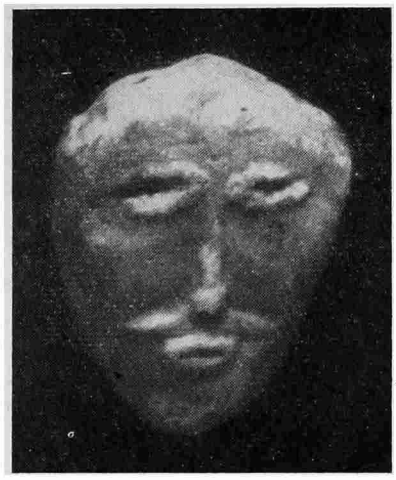


Рис. 7. Скульптурная головка

В целом Лямьянские находки могут быть датированы VIII в.

Необычной находкой на территории г. Уфы является небольшая скульптурная головка человека (рис. 7) [21]. На хорошо моделированной голове человека схематично передано лицо с рельефным изображением глаз, рта, носа и усов. Рот и глаза выполнены в виде вытянутых овалов, нос узкий и удлиненный, усы, ровные и симметричные. Лицо заканчивается клиновидной бородой с чуть заметным рифлением. Головка выполнена из светло-серого гипса, который в изобилии встречается вокруг г. Уфы. Оборотная сторона обработана плохо. Высота 7,5 см, ширина 5,5 *см*, толщина 4,2 *см*.

Этот предмет не имеет аналогии в археологических комплексах Башкирии. Наши попытки сопоставить его с аналогичными находками из других областей Советского Союза также не увенчались успехом. Но все же некоторые находки в Крыму и на Северном Кавказе дают основание уфимскую головку предположительно отнести к сармато-аланскому времени. В частности, стелы из могильника у с. Заветное в Крыму, с грушевидным изображением лица и остроконечным длинным подбородком, как нам кажется, имеют сходные черты с уфимской находкой [22].

Такое же впечатление оставляет новый рельеф сарматского круга из урочища Рамазан-Сала близ Бахчисарая [23].

Глиняная фигурка с изображением человека скифского времени известна по находкам на берегу Терека [24], а облик алана известен по изображению в склепе Северного Кавказа [25].

Для уфимской головки характерно сравнительно узкое и вытянутое лицо, что заметно ее отличает от типов тюрко-кипчакских изваяний и ставит в ряд европеоидных антропологических типов, которые здесь могут быть отнесены как раз к сармато-аланам.

---

[20] В. А. Бабенко. Что дали нового последние раскопки в Верхнем Салтове. Тр. XIII АС, табл. XIV.

[21] Обнаружена в 1962 г. во время земляных работ на Миньярской улице школьником Ж. Лебедевым.

[22] Н. А. Богданова. Две стелы из могильника у с. Заветное в Крыму. СА, 1961, 2, стр. 249—252; ее же. Скифские и сарматские стелы Заветнинского могильника. СА, 1965, 3, стр. 233—236.

[23] М. Я. Чореф, П. Н. Шульц. Новый рельеф сарматского круга. СА, 1972, 1, стр. 137.

[24] В. Б. Виноградов. Тайны минувших времен. М., 1966, стр. 43.

[25] В. А. Кузнецов. Аланские племена Северного Кавказа. М., 1962, рис. 18.

R. B. Akhmérov

TROUVAILLES ARCHÉOLOGIQUES EN BACHKIRIE

Résumé

Les fouilles de 1970 dans la ville d'Oufa ont apporté les trouvailles archéologiques intéressantes dont l'attention est surtout attirée par un fourreau d'une épée et des plaques aux figurations des visages humains, incrustations et ornementation compliquée. De tels objets, découverts pour la première fois, jettent de la nouvelle lumière sur la civilisation d'Oufa-Tourbasslino et permettent la meilleure compréhension du temps dont l'influence a été décisive pour la constitution du fond éthnique des Bachkirs et d'autres populations habitant les rives de l'Oural et de Kama.

Une petite tête humaine provenant aussi du territoire de la ville de Oufa est d'un grand intérêt du point de vue anthropologique.

Les trouvailles faites dans le village de Lamian dans le district Gafouriiski, de peu d'importance au premier abord, ont un rôle non négligeable à jouer pour la détermination des relations entre les sites archéologiques de la Bachkirie septentrionale et méridionale en VIII—IX siècles de n. è. dont l'importance est grande pour l'étude de l'histoire ethnographique de cette époque à l'Oural méridional.

Заметки

А. А. ФОРМОЗОВ

ОБ ИЗОБРАЖЕНИИ НА КОСТЯНОМ ТОПОРИКЕ ИЗ ДУДАРКОВА

В 1962 г. В. Д. Дяденко опубликовал заметку о костяном топорике, случайно найденном в торфянике у с. Дударков Бориспольского р-на Киевской обл. [1] Топорик из рога северного оленя, длиной 14,5 *см*, шириной по лезвию 6 *см*, по обуху — 4,2 *см* и толщиной порядка 4,5 *см*, имел в середине отверстие размером 2,3 × 1,5 *см*. Кажется, этот предмет связан с поселением культуры многоваликовой керамики на торфянике, но даже если это не так, принадлежность топорика к эпохе бронзы, скорее всего ко II тысячелетию до н. э., вряд ли вызывает сомнения. Особый интерес этой вещи придает то, что вся ее поверхность покрыта гравировкой — полосами орнамента и изображениями животных. К сожалению, находчики разломали топорик, и в руки археологов попала только половина его. Со слов находчиков, В. Д. Дяденко сообщает о том, что было изображено на утраченной половине.

Костяные изделия с гравировкой довольно редкая категория находок в южной части Европейской территории СССР. Если оставить в стороне гравировки палеолитического времени и эпохи железа, можно указать лишь на одну находку, напоминающую Дударковскую. На Молчановском болоте в 12 *км* от Путивля была найдена челюсть быка с гравировкой, также состоящей из орнаментальных полос и фугур животных, похожих на дударковские по размеру, трактовке и т. д. И эта находка случайная, вне комплекса. Опубликовавший ее Д. Т. Березовец отметил, что данные анализа методом коллагена позволяют отнести кость к концу неолита (показатели прокаливания им, однако, не приведены) [2].

Уникальная находка в Дударкове, представляющая собой, безусловно, не рабочий топор, а знак власти или культовый предмет, после первой публикации была издана еще дважды: С. С. Березанской — в прориси [3] и Д. Я. Телегиным — в фотографии (лучшего качества, чем у В. Д. Дяденко) [4]. Прорись в книге С. С. Березанской более схематичная, чем прорись В. Д. Дяденко, внушает больше доверия. У В. Д. Дяденко все фигуры расположены на фоне некоего ландшафта с рекою, показанного в сложном ракурсе. Ничего похожего в первобытном искусстве мы не знаем, и скорее всего за ландшафтный фон были приняты случайные штрихи на поверхности кости.

Поверхность топорика сильно повреждена. В. Д. Дяденко говорит о десяти фигурах животных на сохранившейся половине топорика, но часть из них едва различима. На обеих изданных прорисях мы видим только семь

[1] В. Дяденко. Унікальна пам'ятка стародавнього мистецтва. «Народна творчість та етнографія». Київ, 1962, 4, стр. 142—145. Фото на стр. 143, прорись на стр. 144. Топорик поступил в фонды Института археологии АН УССР, но теперь, кажется, потерян.

[2] Д. Т. Березовец. Рисунки на челюсти быка. СА, 1958, 4, стр. 194—196.

[3] С. С. Березанська. Бронзовий вик на Україні. Київ, 1964, рис. 12.

[4] Д. Я. Телегін. Мистецтво періоду неоліту та епохи бронзи. «Історія Українського мистецтва», 1. Київ, 1966, стр. 37, рис. 18.

зверей. В целом композиция гравировки такова: вдоль длинной оси топорика, начиная от лезвия, размещена фигура сложных очертаний в виде дерева со стволом, заштрихованным в клетку, и с кроной, состоящей из спиральных завитков. Такой же завиток — часть другой фигуры — виден внизу боевого конца топорика. Были как будто такие «цветы» и на его утраченной половине. Животные, объединенные в две или три группы, расположены рядами, параллельно оси топорика, так что «дерево» не стоит, а как бы лежит между ними. Все фигуры животных очень схематичны, но явно распадаются на две категории: 1) животные с длинными шеями, длинными ногами и овальными мордами. Таких фигур три, одна из них отличается от двух других очень длинными ушами; 2) животные с короткими шеями, относительно короткими ногами, острыми мордами и стоящей дыбом щетиной на спине. Таких фигур четыре. В предшествующих описаниях топорика в этих фигурах усматривали самых разных животных: собаку, волка, овцу, свинью, лань, лошадь. Думается, что такого разнообразия здесь в действительности нет и перед нами только два вида животных — скорее всего лошади и свиньи. За композицией с животными, на обушке топорика, расположена полоса орнамента из заштрихованных треугольников (рис. 1).

Судя по опубликованной Д. Я. Телегиным фотографии, в центре топорика помещены еще три фигуры, не отмеченные на двух изданных прорисях. Это солярный знак в виде двойной окружности с короткими треугольными лучами и, вероятно, фигуры двух зверей. Что касается утраченной половины топорика, то там якобы были изображены два человека, держащихся за руки,— мужчина и женщина с длинными до плеч волосами и в расширяющейся треугольником одежде, «цветы» и птица.

Какие же предположения можно высказать о сцене, изображенной на топорике? В. Д. Дяденко привел мнение В. Н. Даниленко, что тут показано мировое древо — древо жизни и собравшиеся вокруг него твари земные. В этой гипотезе много подкупающего. То, что «дерево» не стоит, а лежит, не может нас смущать. Во-первых, в древнем искусстве соединение в одной композиции фигур, запечатленных с разных точек зрения, встречается постоянно. Во-вторых, для архаических мифов как раз характерно представление о перевернутом мировом древе [5]. Против трактовки В. Н. Даниленко свидетельствует, однако, то, что на всех композициях с древом жизни, известных как по археологическим, так и по этнографическим материалам, это древо всегда одно, а даже на сохранившейся половине топорика мы видим часть второго дерева, на утраченной же половине были и другие деревья. Похоже, что вся сцена происходит в лесу. Не исключено, что это вовсе не дерево, а чисто орнаментальная фигура вроде тех, что имеются на обушке топорика или обрамляют фигуры зверей на челюсти из Молчановского болота.

Если же это все-таки дерево, то интерес предмета резко возрастает. Изображения деревьев в первобытном искусстве исключительно редки, а образцы их, известные на территории СССР (петроглифы Бесова носа на Онежском озере и Залавруги II на Белом море, гравировка на сосуде из Майкопского кургана), совершенно не похожи на фигуру с топорика. Значительно чаще встречается этот мотив в искусстве древнего Востока и Средиземноморья. Трактовка деревьев там весьма разнообразна — в Египте она иная, чем в Месопотамии, в Мохенджодаро иная, чем на Крите. Просмотрев имеющиеся материалы, мы можем сказать, что наибольшую близость к дереву Дударкова обнаруживают рисунки растений на керамике иранских памятников типа Тепе-Сиалк и Тепе-Гийян [6] и, пожалуй, изображение цветов на знаменитом кносском рельефе с принцем-жнецом [7]. Если

[5] Б. А. Успенский. О семиотике иконы. «Уч. зап. Тартуского гос. ун-та», 284. Тарту, 1971, стр. 197.

[6] R. Ghirshman. Fouilles de Sialk prés de Kashan, I. Paris, 1938, pl. XII, *4, 2;* XV, *1;* LXII; LXIII; LXV; LXXVI, *19, 20;* LXVII, *7, 16;*LXXVIII.

[7] A. Evans. The Palace of Minos, II, 2. London, 1928, pl. XIV, fig. 285.

эти совпадения не случайны, композиция из Дударкова тяготеет к южному кругу культур. На юг указывает и группа из двух фигур, взявшихся за руки. Мы знаем ее на антропоморфных стелах эпохи бронзы из Крыма, в двух случаях в окружении животных [8]. Эта параллель позволяет с доверием отнестись к рассказам людей, видевших целый топорик. Кстати, на тех же стелах в качестве атрибутов власти изображены и топоры.

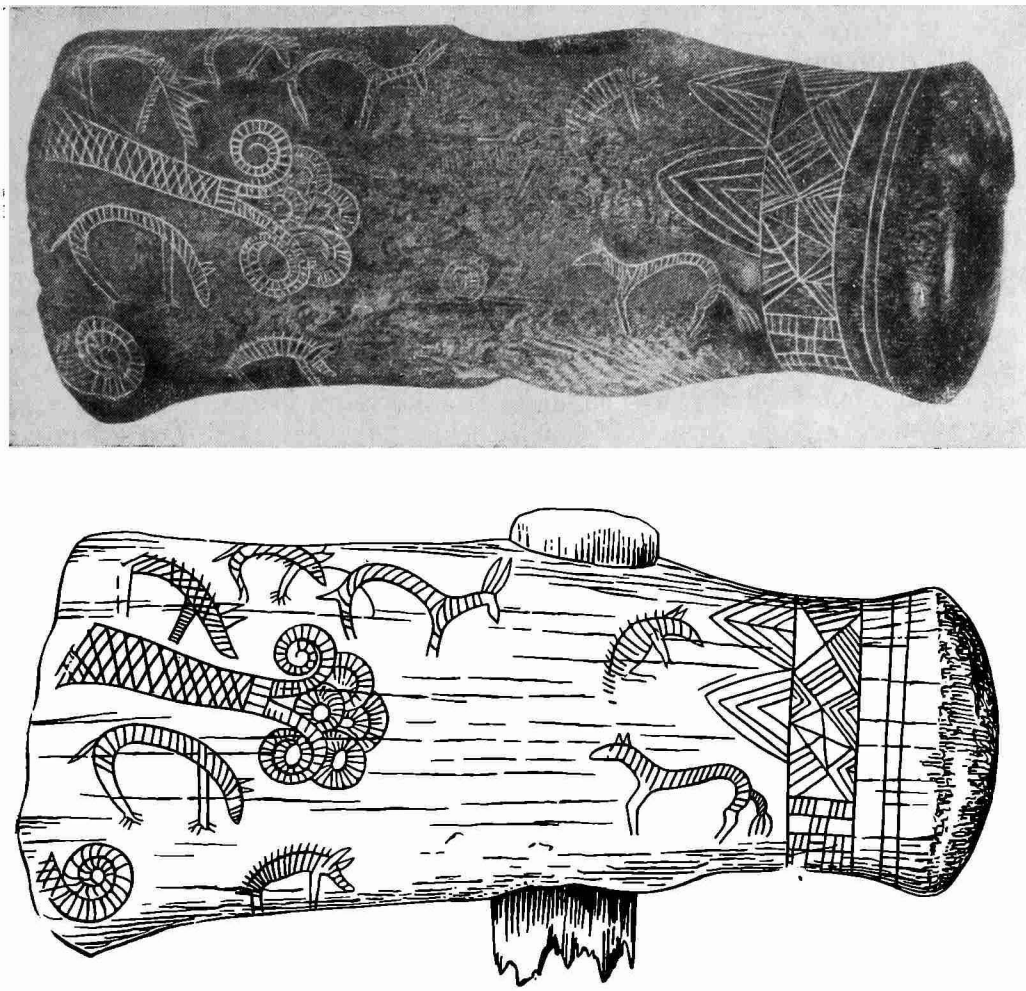


Рис. 1. Гравировка на костяном топорике из торфяника у с. Дударкова Киевской обл. (фото Д. Я. Телегина и прорись С. С. Березанской)

Иначе понимает композицию Дударкова Д. Я. Телегин. Он говорит о сцене охоты или космогонической сцене. По его мнению, здесь показано преследование лани (зверь с длинными ушами) волком (которого можно узнать по специально обозначенным когтям) [9]. Такая трактовка не кажется убедительной. Охота человека на зверей на топорике явно не изображена. Сцены же единоборства зверей, хорошо известные в скифском искусстве, в более раннее время не встречаются, и ничего похожего на это мы тут не видим. Нет никаких оснований принимать зверя с короткой шеей за волка. Черточки внизу его ног могут обозначать вовсе не когти, а волосы — опушку. Совершенно такие же черточки есть на ногах фигуры длинношеего животного, не напоминающего хищника решительно ничем. Да и у лани вовсе нет длинных ушей.

[8] А. А. Формозов. Очерки по первобытному искусству. М., 1969, стр. 189.
[9] Д. Я. Телегин. Ук. соч., стр. 37.

Все же мы должны согласиться с В. Н. Даниленко и Д. Я. Телегиным в главном: композиция на топорике из Дударкова отражает, скорее всего, какие-то мифологические представления. Попробуем разгадать ее смысл, воспользовавшись методом, не раз оправдавшим себя при расшифровке сюжетов древнего искусства, а именно, сопоставляя изображения с мотивами архаического фольклора.

Итак, перед нами следующие персонажи: 1) мужчина и женщина, 2) лошади, 3) свиньи, 4) птица. Просматривая обзоры фольклорных сюжетов, мы найдем среди них один — № 530 В по классификации Н. П. Андреева [10]. Это сказка о герое, который, чтобы жениться на царевне, должен достать последовательно золотогривого коня (иногда с 12 жеребятами), свинку-золотую щетинку (иногда с 12 поросятами) и утку-золотые перышки (иногда жар-птицу). Герой справляется с этими заданиями, благодаря волшебному помощнику — Сивке-бурке, вещей коурке [11], и женится на царевне. Архаизм сюжета бесспорен, хотя бы по явно солярной его окраске (12 детенышей золотоволосых животных — это 12 месяцев солнечного божества). Сюжет распространен широко: записи сказки с этими мотивами делались по всей Европе, в Малой Азии и на Кавказе, но более всего он характерен для русских и украинцев [12]. Н. П. Андреев перечислил около десятка записей этой сказки. Позднее появились новые записи [13].

Можно предположить, что вариант именно этого сюжета и запечатлен на топорике из Дударкова. На одной стороне изображены золотогривый конь с жеребятами и свинка-золотая щетинка с поросятами, на другой — жар-птица (ее герой добывает после коня и свинки-золотой щетинки) и сам герой со своей невестой. Неслучайны и детали изображений — стоящая дыбом щетина на очень схематичных силуэтах свиней и неправдоподобно длинные уши одного коня. Думается, что это и есть вещая коурка. В сказке герой перед каждым подвигом влезает в одно ухо коня и вылезает из другого. Про коня же говорится: «конь бежит, земля дрожит... из ушей чад валит» [14] или «из ушей дым столбом валит» [15]. Вряд ли на поверхности топорика могли разместиться изображения всех поросят и жеребят. Фигур в целом было не 29, а меньше, но все же больше, чем их можно увидеть сейчас на сильно поврежденном предмете.

Поскольку интересующая нас вещь сохранилась плохо, фрагментирована и о части композиции можно судить без большой уверенности, намеченная нами расшифровка, разумеется, лишь предположение. Но, как нам кажется, ей не противоречит то, что мы знаем о культуре эпохи бронзы на юге СССР и об архаических формах фольклора.

[10] Н. П. Андреев. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Л., 1929, стр. 41. См.: Народные русские сказки А. Н. Афанасьева, II. Гослитиздат, 1938, стр. 59—75 (№ сказок 182—184) и другие записи, перечисленные Н. П. Андреевым.

[11] О коне, как волшебном помощнике, см.: В. Я. Пропп. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946, стр. 152—164.

[12] Народные русские сказки А. Н. Афанасьева, II, стр. 589 (комментарии).

[13] См., например, И. В. Карнаухова. Сказки и предания Северного края. М.—Л., 1934, стр. 86—89.

[14] А. М. Смирнов. Сборник великорусских сказок архива Русского географического общества. «Записки РГО по отд. этнографии», XLIV, Пг., 1917, стр. 79.

[15] Н. Е. Ончуков. Северные сказки. «Записки РГО по отд. этнографии», т. XXXIII. СПб., 1908, стр. 180.

А. А. МОРУЖЕНКО

СКИФСКИЙ МЕЧ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МУЗЕЯ ДОНЕЦКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

В археологическом музее Донецкого государственного университета хранится меч-акинак (рис. 1), переданный в 1969 г. жителем г. Горловки В. Я. Коваленко. По сообщению находчика, он обнаружен в корнях де-

рева у пруда на восточной окраине г. Горловки. Акинак хорошо сохранился. Он выкован из железа; общая длина 48,2 *см*. Относится к группе мечей с брусковидным навершием и сердцевидным перекрестьем (особый вариант II типа I отдела по классификации А. И. Мелюковой [1]).

Длина навершия 5 *см*, ширина 1,2 *см*. Рукоятка длиной 9,3 *см* сужается к перекрестью. С обеих сторон поверхность рукоятки вогнутая. Перекрестье сердцевидное; ширина его крыльев 5,5 *см*. Двулезвийный ромбовидный в сечении клинок имеет вид узкого, сильно вытянутого треугольника. Ширина его у перекрестья составляет 2,8 *см*. Ребро жесткости проходит через весь клинок и заканчивается в 2 *см* от острия. Близким по форме перекрестья является меч из кургана 1 у с. Макеевка, датируемый IV—III вв. до н. э.[2], но он отличается большими размерами. Мечи с узким треугольным клинком появляются с конца V в. до н. э.[3] Наиболее вероятная дата публикуемого акинака IV—III вв. до н. э.

Это первая находка скифского оружия на территории Донецкой области.

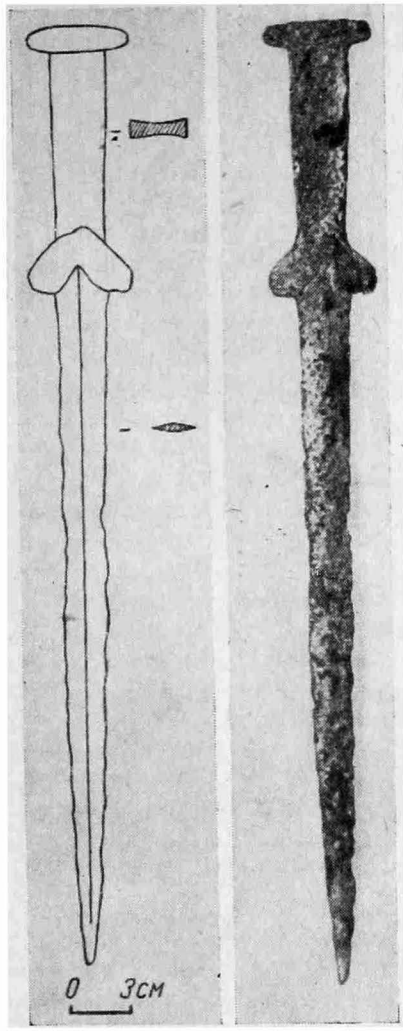


Рис. 1. Железный меч из г. Горловки

[1] А. И. Мелюкова. Вооружение скифов. САИ, Д 1—4. М., 1964, стр. 50.
[2] Е. Ф. Покровська. Розкопки коло с. Макіївки. АП, II. Київ, 1949, стр. 132, табл. II.
[3] А. И. Мелюкова. Ук. соч., стр. 60.

К. К. МАРЧЕНКО

ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ ЕЛИСАВЕТОВСКОГО ГОРОДИЩА НА ДОНУ

Елисаветовское городище на Дону — один из наиболее важных памятников скифо-античного периода степной зоны Северного Причерноморья. Территория городища площадью около 44 *га* окружена двумя оборонительными поясами в виде рва и насыпей по сторонам. Одна линия обороны ограничивает центральную, возвышенную часть поселения (так называемый акрополь), другая охватывает все городище. В настоящее время валы и рвы подвергаются систематической распашке, однако и сейчас глубина рва на внутреннем укреплении достигает местами 1,5 *м* по отношению к внутреннему валу. Глубина внешнего рва меньше — 0,7—1,2 *м*.

С целью изучения структуры оборонительной системы городища, о которой до сих пор в научной литературе существуют самые разнообразные,

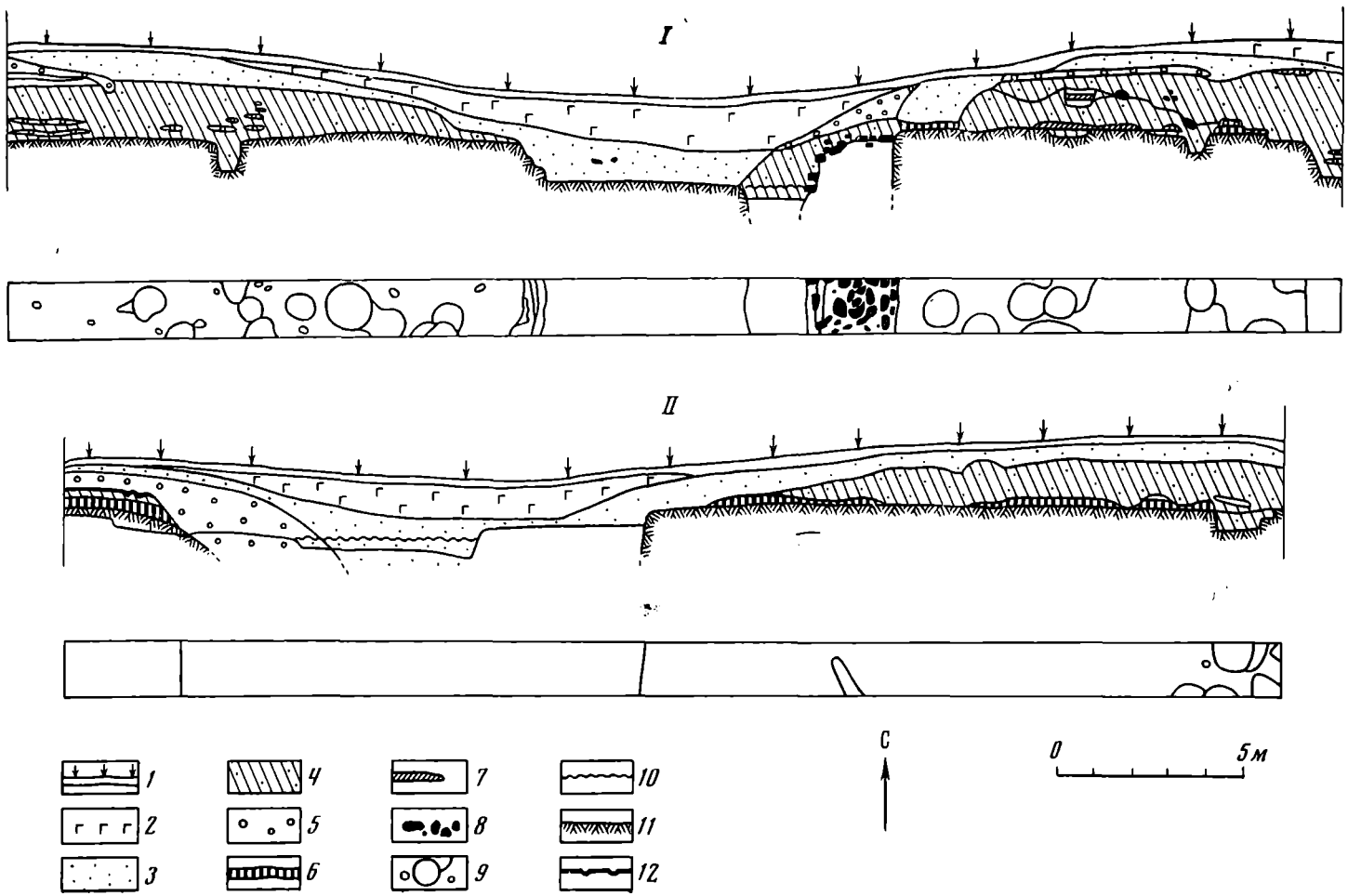


Рис. 1. Разрезы валов и рвов Елисаветовского городища. *I* — траншея на внутреннем оборонительном поясе; *II* — траншея на внешнем оборонительном поясе

1 — дерновый слой; *2* — слой гуммированной почвы; *3* — золистый слой; *4* — зольно-глинистый слой; *5* — желтый суглинок; *6* — погребенная почва; *7* — зола; *8* — камни; *9* — хозяйственные ямы и ямки от столбов; *10* — уровень грунтовых вод; *11* — материк; *12* — глинобитный пол

подчас взаимоисключающие представления [1], в 1970—1971 гг. силами Южно-Донской экспедиции ЛОИА АН СССР в западной части городища были заложены две разведывательные траншеи на внутреннем (траншея *I*) и внешнем (траншея *II*) оборонительных поясах [2]. Траншеи, расположенные по одной линии в широтном направлении, разрезали валообразные насыпи перед рвами, рвы и всхолмления с внешней стороны рвов — до их средней наиболее высокой части. Длина траншеи *I* составила 36 *м*, траншеи *II*—33 *м*. Ширина траншей равнялась 1,5 *м*; они были вскрыты до материка, а там, где уровень грунтовых вод находился выше материка, до уровня грунтовых вод. Мощность культурных напластований в траншее *I* достигала 2,8 *м*, в траншее *II*—1,9 *м*.

Траншея (рис. 1, *I*). В результате работ на внутреннем оборонительном поясе выраженного ядра вала не обнаружено. Основой обороны «акрополя» служил ров. В пределах траншеи отмечена последовательность культурных напластований, близкая центральной части городища. Под гуммированным почвенным слоем мощностью от 0,3 *м* (за пределами рва) до 1,5 *м* (в центральной части рва) залегал слой, состоящий из золы и гуммированной почвы («золистый» слой). Мощность его колеблется от 0,3 до 1,0 *м*, увеличиваясь от периферии траншеи к центру рва. В пределах рва этот слой лежал на материковом суглинке желтого цвета. В остальных частях траншеи, как с внешней, так и с внутренней стороны рва, его подстилал зольно-глинистый горизонт, содержавший многочисленные остатки хозяйственной и строительной деятельности. Основные компоненты этого слоя — зола, суглинок, хозяйственный мусор. Мощность его достигала 1,5—1,6 *м*, и он выклинивался в сторону рва. Нижней границей этого горизонта служил материк. Пласт погребенной почвы на материке оказался почти повсеместно срезан многочисленными мусорными ямами и хозяйственными углублениями, впущенными в материк с различных уровней зольно-глинистого слоя. В восточной, торцовой части траншеи, в материке открыта часть землянки.

По достижении материка были раскрыты остатки глубокого рва шириной около 10,5 *м*. Западная (внешняя по отношению к «акрополю») его часть с горизонтальным материковым дном имеет ширину 6,5 *м*. Глубина рва от верхнего уровня материка равна здесь 1,2 *м*, а по отношению к самой высокой точке насыпи — 4,0 *м*. Ширина внутренней более глубокой части рва равна 4,0 *м*. Здесь достигнута глубина в 4,5 *м*. На этом уровне работы были приостановлены: в траншею начали интенсивно поступать грунтовые воды. У внутреннего материкового борта был раскрыт развал крупных необработанных камней известняка, — по-видимому, остатки каменной ограды или крепиды внутренней стенки рва. Мощность развала по вертикали не установлена. Развал и наиболее глубокая внутренняя часть рва перекрыты материковым выкидом из внешней части рва. Мощность выкида до 0,6 *м*. Тыльная сторона выкида примыкала к золистому слою.

Таким образом, в сооружении внутреннего оборонительного пояса городища стратиграфически можно выделить два строительных периода. К первому следует отнести наиболее глубокую внутреннюю часть рва шириной в 4,0 *м* и каменную ограду (?) у его внутреннего материкового борта. Был ли ров этого периода сухим или нет, неясно: современный уровень грунтовых вод значительно выше древнего. Сооружению укрепления предшествовал длительный период интенсивной хозяйственной и строи-

---

[1] А. А. Миллер. Раскопки в районе древнего Танаиса. ИАК, 35. СПб., 1910, стр. 121; его же. Археологические работы Северо-Кавказской экспедиции Государственной Академии Истории Материальной Культуры в 1926 и 1927 гг. СГАИМК, II. Л., 1929, стр. 83; В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. Л., 1949, стр. 230; Д. Б. Шелов. Танаис и Нижний Дон в III—I вв. до н. э. М., 1970, стр. 49; Б. Н. Граков. Скифы. М., 1971, стр. 110.

[2] И. Б. Брашинский, К. К. Марченко. Раскопки и разведки в дельте Дона. АО — 1971. М., 1972, стр. 138.

тельной деятельности, связанный по времени с образованием зольно-глинистого слоя.

Со вторым периодом следует связать сухой ров, сооруженный на месте раннего укрепления с незначительным сдвигом вовне. Ширина рва по горизонтальному материковому дну равна 6,0 *м*. Нижняя его часть имела почти вертикальные материковые стенки. Ров второго периода был дополнен насыпями по сторонам, сооруженными из мусорных слоев поселения. Судя по стратиграфии мусорных ям и хозяйственных углублений, раскрытых в зольно-глинистом слое, к насыпям можно отнести лишь золистый горизонт и, возможно, верхнюю контактную часть зольно-глинистого слоя. Внутренняя стенка рва была укреплена плотным материковым суглинком — выкидом из рва. Выкид можно рассматривать как упрощенный вариант каменного крепления первого строительного периода.

Во всех частях траншеи за пределами рва найдено значительное количество обломков керамики (около 1500 экз.), костей животных и рыб. Вещественный материал датируется на основании импортной греческой керамики IV—III вв. до н. э. В заполнении рва слой гуммированной почвы на глубине до 1,5 *м* дал, наряду с небольшим количеством обломков керамики IV—III вв. до н. э., 10 фрагментов стенок средневековых амфор, что бесспорно указывает на сравнительно медленное и позднее заплывание рва. Материал, залегавший глубже 1,5 *м*, датируется IV—III вв. до н. э.

Таким образом, археологический материал ограничивает время сооружения укреплений IV—III вв. до н. э. Более точная датировка отдельных строительных периодов получена при сопоставлении статистических данных о количестве и составе находок в различных слоях траншеи с материалами из культурных слоев центральной части городища, где предварительно была установлена динамика этих изменений во времени. В результате такого сопоставления оказалось возможным отнести образование зольно-глинистого слоя к первой половине — средине IV в. до н. э. Тем самым первый строительный период должен быть датирован не ранее второй половины IV в. до н. э. или даже концом этого столетия. Второй строительный период относится к III в. до н. э., скорее всего к первой половине столетия.

Траншея *II* (рис. 1, *II*). Несколько иная структура укрепления обнаружена на внешнем оборонительном поясе городища. Здесь выявлены ров и вал; последний находился с напольной стороны рва и был сложен из плотного материкового суглинка. С внутренней стороны рва выраженного ядра вала не зафиксировано. Можно предполагать, что и в данном случае небольшой вал был целиком насыпан из мусорного золистого слоя. Следов каменных стен и крепид стенок рва не обнаружено.

В траншее *II* выявлена в общем та же последовательность слоев, что и в траншее *I*. Небольшие отличия наблюдались с напольной стороны рва, где под золистым слоем располагался материковый выкид из рва. Структура выкида — суглинок с прослойками лёса. Мощность выкида от 0,5 *м* в средней части вала до 1,4 *м* во рву. Судя по характеру залегания, выкид сполз по внешней крутой стенке рва вниз и частично заполнил ров. Под выкидом на погребенной почве находился тонкий зольно-глинистый слой. В контактной зоне выкида и зольно-глинистого слоя выявлены остатки глинобитного пола наземного строения с канавками от плетневых стен (турлучный тип постройки).

Ширина рва по верхнему горизонту материка составила 11,5 *м*. Глубина его не установлена, так как на уровне 2,4 *м* в траншею начали поступать грунтовые воды. Однако, судя по мощности материкового выкида, она значительна. Дно рва вряд ли было горизонтальным, как это имело место на внутреннем оборонительном поясе. Внешний материковый край понижался к центру рва под острым углом. Внутренний край — отвесный. Был ли ров сухим или наполнялся водой, сказать трудно. Во всяком случае, он хорошо отвечал своим требованиям, имея выгодную с фортификационной

точки зрения форму широкого клина. Наличие вала с напольной стороны рва может быть объяснено тем, что здесь отсутствовал мощный культурный слой. Сооружение рва достаточной глубины при относительно высоком стоянии грунтовых вод было возможно только при искусственном наращивании его внешнего обвода.

Сооружению внешнего оборонительного пояса предшествовал какой-то (по-видимому, продолжительный) период жизни поселения. В пользу этого бесспорно свидетельствуют стратиграфические данные и следы строительной и хозяйственной деятельности, обнаруженные по обе стороны рва: остатки наземной постройки, перекрытые валом, и ряд мусорных ям и хозяйственных углублений, впущенных в материк с различных уровней зольно-глинистого слоя.

Так же, как и в траншее *I*, в траншее *II* во всех слоях, включая и материковый выкид, были найдены многочисленные вещественные остатки: обломки керамики (664 фрагмента), кости животных и рыб. Вся толща слоев датируется на основании обломков греческой импортной тары IV—III вв. до н. э. Из-за сильной перемешанности материала точное время строительства внешнего укрепления установить трудно; скорее всего, оно происходило одновременно с сооружением внутреннего оборонительного пояса первого периода.

Таким образом, возникновение оборонительных сооружений на Елисаветовском поселении может быть отнесено к самому началу передвижения сарматских племен через Дон в степи Северного Причерноморья. В этой связи обращает на себя внимание то обстоятельство, что обследованные Южно-Донской экспедицией в 1971 г. два небольших поселения скифо-античного периода, расположенные к северо-западу от городища в районе современного хутора Дугин, прекратили функционировать в конце IV в. до н. э.[3], т. е. тогда, когда большое поселение у станицы Елисаветовская превратилось во внушительную крепость.

[3] И. Б. Брашинский, К. К. Марченко. Ук. соч., стр. 139—140.

Х. М. МАМАЕВ, В. А. ПЕТРЕНКО

СТЕКЛЯННЫЙ СОСУД ИЗ ОКРЕСТНОСТЕЙ АЛХАН-КАЛИНСКОГО ГОРОДИЩА

В ноябре 1972 г. в Чечено-Ингушский республиканский краеведческий музей жителем с. Алхан-Кала У. А. Ижиевым был передан сосуд из коричневого стекла, найденный в обвале берега р. Сунжи у известного Алхан-Калинского городища. Высота сосуда 13,5 *см*, диаметр тулова 12 *см*, диаметр дна 6,3 *см*. Тулово украшено семью горизонтальными рядами узких шлифованных полосок (рис. 1). В верхней части имеются петлевидные ручки, прикрепленные одним концом к тулову, а другим — к невысокому цилиндрическому горлу.

Датировка сосуда затруднена тем, что он найден вне комплекса. Алхан-Калинское городище, близ которого он обнаружен, функционировало длительное время (I—XIII вв. н. э.)[1]. Хорошая сохранность находки позволяет предположить, что описанный сосуд происходит из расположенного рядом обширного курганного некрополя, впервые описанного А. А. Боб-

[1] А. П. Круглов. Археологические раскопки в Чечено-Ингушетии летом 1936 г. Зап. ЧИНИИИЯЛ, 1. Грозный, 1938, стр. 9—12; В. Б. Виноградов. Археологические разведки в Чечено-Ингушетии в 1965 году. АЭС, II. Грозный, 1968, стр. 210—211; В. Б. Виноградов, А. П. Рунич. Новые данные по археологии Северного Кавказа. АЭС, III. Грозный, 1969, стр. 102.

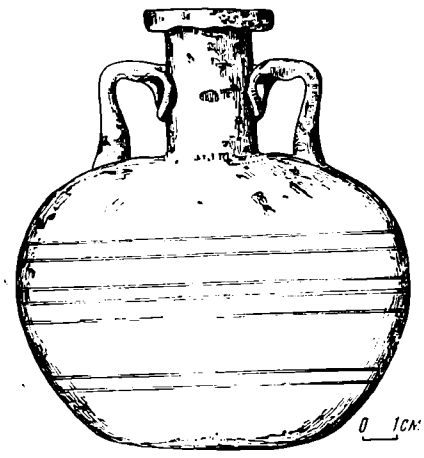


Рис. 1. Сосуд из окрестностей Алхан-Калинского городища

рпнским [2]. Здесь были выявлены катакомбные захоронения позднесарматского времени и III—VI вв. н. э. [3]

Многочисленные стеклянные сосуды известны из многих пунктов позднеантичной Иберии (Уреки, Бори, Клдеети, Гори, Урбниси и т. д.). Среди них значительную группу составляют двуручные сосуды светло-коричневого стекла, украшенные шлифованными полосками (например, Урбниси — тип XV); по мнению М. Н. Сагинашвили, они датируются I в. н. э. и происходят из Сирии [4]. Предметы из стекла или стекловидной пасты, изготовленные в ремесленных мастерских Восточного Средиземноморья (бусы, амулеты и т. п.), встречаются в памятниках Чечено-Ингушетии скифского [5] и сарматского [6] времени. Публикуемый сосуд является первым изделием такого рода в сарматских памятниках Центрального и Северо-Восточного Кавказа. Он уточняет нижнюю датировку сарматских древностей этого района и проливает некоторый свет на закавказские связи сарматского населения Центрального Предкавказья.

[2] ОАК за 1882—1888 гг. СПб., 1891, стр. CCIII — CCLV.

[3] Л. Г. Нечаева. Могильник Алхан-Кала и катакомбные погребения сарматского времени на Северном Кавказе. Автореф. канд. дис. М., 1955; В. Б. Виноградов. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1963, стр. 72—74.

[4] М. Н. Сагинашвили. Стекло в позднеантичной Иберии. Автореф. канд. дис. Тбилиси, 1972.

[5] В. Б. Виноградов. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный, 1972, стр. 83.

[6] В. Б. Виноградов. Место египетских амулетов в религиозно-магической символике кавказцев (по материалам Центрального и Северо-Восточного Кавказа сарматской эпохи). АЭС, II. Грозный, 1968, стр. 39—54.

Ю. Ф. БУРЯКОВ, М. Г. КРАМАРОВСКИЙ

ПОЯСНОЙ НАБОР XIII В. ИЗ САМАРКАНДА

Весной 1220 г. татаро-монгольское войско осадило Самарканд. После продолжительной осады город был взят и укрепления его разрушены. Последним оплотом самаркандской обороны являлась городская пятничная мечеть, располагавшаяся в северной части шахристана близ цитадели и отделенная от последней городской магистралью, подводившей к северным воротам. По сообщению историка Рашид-ад-дина, после взятия монголами основных укреплений города около тысячи мужественных бойцов укрылось в соборной мечети Самарканда. Они сражались стрелами и сосудами с нефтью. Монголы также обрушили на защитников град стрел и сосудов с горящей жидкостью, в результате чего мечеть была сожжена «со всеми теми, кто в ней находился» [1].

Во время раскопок соборной мечети, проведенных Афрасиабской комплексной экспедицией в 1969—1971 гг., были раскрыты следы трагической картины этих дней — бреши, пробитые в северо-восточном фасе стены, следы пожарища, охватившего здание, обуглившиеся деревянные детали рухнувшего перекрытия, обгоревшие стены. На полу в слое пожарища были

[1] Рашид-ад-дин. Сборник летописей. I, 2, перевод с персидского О. И. Смирновой. М.— Л., 1952, стр. 208.

найдены остатки оружия и защитных доспехов, оставленные воинами, оборонявшими мечеть. Наиболее многочисленными находками являются железные черешковые наконечники стрел, которые, однако, в одинаковой мере могли принадлежать как защищавшим мечеть, так и осаждавшим ее монголам. Наконечники стрел двух типов: первый — крупные черешковые с узким пулевидным или граненым наконечником, предназначенные для поражения воинов, защищенных броней. Этот тип стрел, распространенный в XIII в. на широкой территории от монгольской степи на востоке до южнорусских степей, был известен среднеазиатским воинам с поры раннего феодализма.

Второй тип наконечника — черешковый с плоским ромбовидным жалом (расширяющаяся лопаточка с широким тупоугольным краем); эти наконечники встречаются в Мавераннахре с X в. н. э. Особенно широко они распространяются к поре монгольского завоевания, применяясь для стрельбы по незащищенным целям — не прикрытым броней воинам и лошадям [2]. Типология этого вида стрел разработана четко, причем в XIII в. они использовались и монгольскими, и тюркскими воинами [3].

Большой интерес представляет находка близ восточного входа южной стены мечети железного однолезвийного меча со сломанным, возможно, в момент борьбы концом клинка и рукояткой. Меч короткий (длина лезвия 50 *см*, ширина клинка 4 *см*, рукоятка с небольшим перекрестием), сохранился черенок стержня без обкладки. В разных пунктах мечети встречены железные однолезвийные ножи с прямым и изогнутым лезвием, а у второго северного входа — обломок небольшого кинжальчика в ножнах.

Кроме оружия были найдены защитные доспехи воинов. В северо-восточном, наиболее разрушенном при штурме здания углу мечети, расчищена сильно пострадавшая от пожара железная кольчуга. Она изготовлена из круглых в сечении клепанных колечек одинакового размера диаметром 10 *мм* и толщиной до 3 *мм*. Сильное окисление кольчуги не позволяет восстановить ее форму, но, судя по деталям, она была изготовлена в виде рубахи с короткими рукавами.

Около входа в мечеть, у северной стены, расчищены остатки железного пластинчатого панциря, состоявшего из пластинок различных размеров, гибко соединенных между собой.

Типологически к данному комплексу следует отнести еще одну уникальную для Самарканда находку — остатки воинского пояса с наборными украшениями. Последний извлечен не непосредственно из слоя пожарища, а из самой поздней ремонтной закладки стены близ второго входа. Ремонт этот был проведен по приказу Мухаммада Хорезмшаха после подавления восстания караханидов в Самарканде 1212 г. (когда мечеть также сильно пострадала) и был настолько значительным, что приравнивался современниками к строительству новой мечети. Вместе с ним была найдена золотая монета, вероятно, лежавшая в мешочке, привязанном к поясу. Монета диаметром 19 *мм* и весом 1,23 *г* чеканена от имени Мухаммада Хорезмшаха (1200—1220).

Следовательно, пояс мог быть спрятан либо в период защиты города в 1220 г. от монголов, либо в то время, когда сгоревшая мечеть лежала в развалинах, т. е. в раннемонгольский период.

Пояс украшен серебряными фигурными бляшками, орнаментированными чеканным узором, и серебряными же, но только более тонкими накладками (рис. 1).

Сохранилось десять бляшек. Они выполнены в единой технике орнаментации и художественной манере, близки по форме, различаясь лишь раз-

[2] Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957, стр. 53, 57.

[3] А. Ф. Медведев. Татаро-монгольские наконечники стрел в Восточной Европе. СА, 1966, 2, стр. 50—60; Г. А. Пугаченкова. Погребение монгольского времени в Халчаяне. СА, 1967, 2, стр. 253, рис. 1, *1*.

Рис. 1. Серебряные фигурные бляшки из поясного набора самаркандского воина

мерами и небольшими деталями. Можно выделить пять вариантов бляшек.

1. Крупные, размером 80 × 40 *мм* (2 экз.) с фигурными завершениями. Один край оформлен в виде килевидной арочки с полукруглыми выступами у основания (рис. 2, *9*). Вырез на противоположном конце имеет контур в виде фигурной скобки. Сохранилось пять штифтов, с помощью которых бляшка крепилась к основе пояса. Орнамент чеканный. Край бляшки обведен двойным бордюром, подчеркивающим форму изделия. Ограниченное бордюром поле покрыто растительным орнаментом на канфаренном фоне.

2. Бляшки средних размеров (42 × 30 *мм*), повторяющие форму вышеописанных, с той лишь небольшой развицей, что вдоль длинных сторон их проходит легкий фигурный вырез, а противоположный «арочке» край обрезан прямо. Последнее сделано не случайно, так как к нему припаяно ушко с серебряным же колечком. Мотивы чеканного орнамента также растительные, но отличаются некоторыми деталями (рис. 2, *8*).

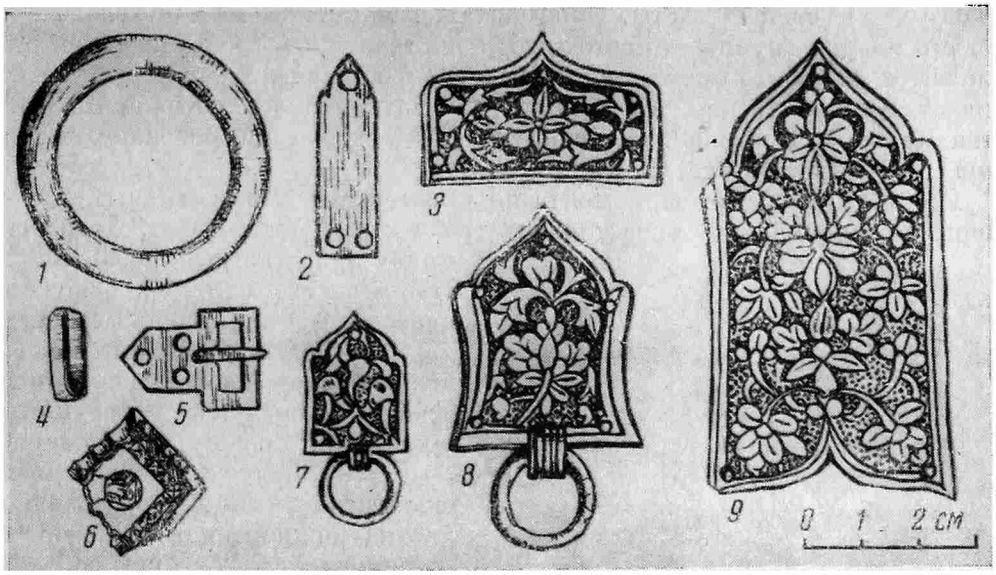


Рис. 2. Детали поясного набора (прорисовка)

3. Один экземпляр размером 25 × 17 *мм* является миниатюрной копией предыдущих (рис. 2, *7*).

4. Два экземпляра размером 42 × 25 *мм* представляют собой прямоугольник с выступом на одной из длинных сторон (рис. 2, *3*). Эта сторона имеет контур в виде фигурной скобки. Крепились они с помощью четырех штифтов. Следует подчеркнуть, что бляшки первого и четвертого типа не имели колец. Ширина их равна длине бляшек второго типа и является косвенным указателем ширины пояса. Если бляшки второго типа крепились колечком вниз, то первого и четвертого типов набивались продольно по длине пояса.

5. Тонкая серебряная бляшка, оформлявшая кончик пояса (рис. 2, *6*). Она украшена по краю двойным пояском с штрихованным и растительным (?) орнаментом, в центре — кружок с изображением птицы.

Кроме бляшек в составе поясного набора были найдены небольшая бесшарнирная пряжка прямоугольной рамчатой формы с подвижным язычком и пятиугольным щитком для крепления к кожаной основе пояса с помощью трех штифтов (рис. 2, *5*). Вместе с ней лежали обоймица шириной 2,5 *мм* и небольшой узкий поясной наконечник размером 36×10 *мм*, фигурное завершение конца которого сближается по форме с серебряными украшениями пояса (рис. 2, *2*). В состав набора входили довольно массивные, также серебряные (6 *мм*) кольца диаметром 45 *мм* для подвешивания оружия (рис. 2, *1*).

Перейдем к анализу форм и орнаментальных мотивов бляшек.

Форма бляшек. Как следует из описания, пять групп бляшек имеют некоторые различия по форме. Но они не принципиальны, это скорее варианты. В основе формы лежат прямоугольники, усложненные фигурными вырезами листовидной формы. Эта форма известна начиная с VIII — X вв. у кочевников Евразии [4]. Сходная форма нередко встречается в декоре передневосточных изделий XII—XIII вв.[5] Наиболее близкие соответствия формы бляшек самаркандского пояса находят в деталях поясных наборов из серебра, обнаруженных Н. И. Веселовским при раскопках курганов у станицы Белореченской [6].

[4] А. А. Гаврилова. Могильник Кудергэ как источник по истории алтайских племен. М.— Л., 1965, стр. 69, 71, рис. 11, *27—33*.

[5] Survey of Persian Art, Oxford, 1939, v. VI, pl. 1296B; 1306A; 1307, 1311A.

[6] ГИМ, инв. № 48479. Кроме формы бляшек, следует отметить сходство некоторых видов орнамента, в частности «штрихов» (см. ОАК за 1896 г., 2. СПб., 1898, стр.

Состав орнамента. Орнаментальные мотивы можно условно разделить на две группы — цветочные и лиственные. За стилизацией едва узнаются реальные прототипы. Тем не менее сравнительно легко устанавливается генетическая зависимость рассматриваемых мотивов от искусства Дальнего Востока[7]. В ряде деталей эта связь опосредована искусством Переднего Востока.

Рассмотрим состав орнамента по элементам. Лотосовидный цветок. Первая разновидность представлена трехчастным цветком с отогнутыми книзу лепестками (рис. 3, *7*). Все три лепестка ближе к основанию пересечены двумя параллельными линиями, расчленяющими поле на две неравные части; вверху лепестки «оживлены» ретушными штрихами, собранными в группы по дуге. Наиболее близкую аналогию этому типу лотосовидного цветка можно видеть в декоре серебряного сосуда из собрания Эрмитажа (инв. 1 2092 — 2), датируемого по стилю XIV в.[8] Вторая разновидность представлена многолепестковым цветком с чуть приостренными листочками (рис. 3, *8*). Этот тип цветка находит многочисленные аналогии в декоре иранских изразцов с люстровой росписью конца XIII — начала XIV вв.[9]

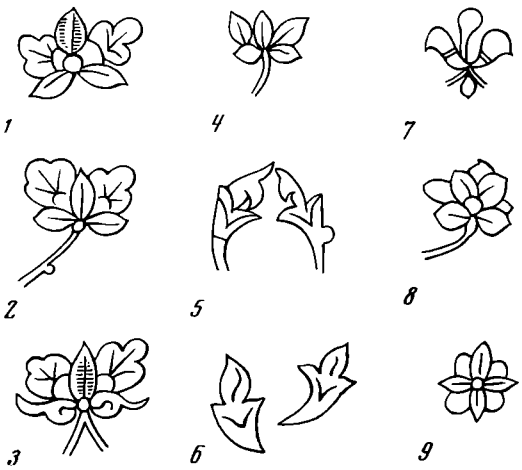


Рис. 3. Элементы орнамента поясного набора (прорисовка)

Симметричный трехчастный цветок с приостренными лепестками и кружком в центре (рис. 3, *1*, *2*, *3*). Между лепестками «вмонтирован» трехчастный фестончатый элемент с прорезью по дуге у основания. Прямых аналогий этому мотиву обнаружить не удалось, но трехчастная фестончатая деталь с прорезью по дуге у основания — элемент, часто встречающийся в чеканном орнаменте металлических сосудов и декоративной росписи иранских изразцов[10]. Важно отметить, что на одной из бляшек лепестки трехчастников разделены бороздкой по долевой оси и украшены мелкими насечками в виде коротких параллельных отрезков по обе сторо-

25, № 120, 121). Сходство формы описываемой выше пряжки с пряжкой из кургана № 3 (см. там же, стр. 24, № 1, 119).

[7] J. Hasebe. Chinese Ceramics of the Tenth Century. Proceedings of the Tokyo National Museum. 3; 1967, p. 47, fig. 200; Jan Wirgin. Sung Ceramic Designs. The Museum of Far Eastern Antiquities (Östasiatiska Museet) Stockholm. Bulletin 42. Stockholm, 1970. Fig. 10 *b*, *c*, fig. 24B; Bo Gyllensvärd. Chinese Gold and Silver and Porcelain: The Kempe Collection pl. 22, pl. 52. Слабая изученность памятников восточных районов Средней Азии X—XII вв. не дает оснований считать декор самаркандских бляшек прямым продолжением традиций, выработанных согдийским среброделием VIII—IX вв., хотя отдельные элементы орнамента сопоставимы с соответствующими деталями декора сосудов IX в. школ B и C по классификации Б. И. Маршака, который пишет: «Возможно, что традиция, проявившаяся в сосудах, которые мы отнесли к школе C, жила в Восточном Туркестане еще и при монгольском владычестве... Однако, такие проблемы (разрядка моя.— М. К.) требуют детальной разработки и новых материалов». Б. И. Маршак. Согдийское серебро. М., 1971, стр. 72—73. Материалов, подтверждающих связь декора самаркандской находки с согдийским серебром, пока еще слишком мало.

[8] Сосуд датирован А. А. Ивановым. Устное сообщение.

[9] M. Bahrami. Recherches sur les carreaux de revêtement lustré. Paris, 1937, fig. 55; U. Scerrato. Arte islamica a Napoli. Napoli, 1967, 51, fig. 39.

[10] Ernst J. Grube. Some Lustre Painted Files from Kashan of the 13-th and Early 14-th Centuries. Oriental Art. Winter, 1962. VIII, 4, p. 167—174; M. Bahrami. Op. cit., fig. 56; L. A. Mayer. Islamic Metalworkers and Their Works. Geneva, 1959, pl. XII.

ны врeза. Подобную разделку лепестков трехчастников можно видеть в декоре изразцов с мавзолея Пир-Хусейн, датированных по надписям 80-ми — началом 90-х годов XIII в. [11]

Симметричный четырехлепестковый цветок с вытянутыми по долевой оси лепестками и кружком в центре (рис. 3, *9*). Между лепестками также «вмонтированы» скругленные лепестки. Этот тип цветка находит полное соответствие в декоре изразцов с росписью люстром с мавзолея Пир-Хусейн.

Трилистник без точки в центре (рис. 3, *4*) — деталь, часто встречающаяся в декоре иранских изразцов второй половины XIII—XIV вв. [12]

Стебель с трехчастным остроугольным завершением и его вариант с «пламевидным» завершением (рис. 3, *5*). Обе разновидности нередко встречаются на металле. Аналогию стеблю с трехчастным остроугольным завершением можно видеть в декоре бронзовой бляшки с городища Замахшар [13]. Наиболее близкое соответствие «пламевидному» мотиву дает декор центральной розетки золотого ковша с тюркской надписью [14].

Кроме четко выделенных мотивов, в декоре поясных бляшек самаркандского поясного набора нередко встречается деталь, которая не может быть вычленена из состава орнамента как самостоятельная — это отрезки, которые не имеют листьев и, отходя от стеблей и цветов, «разбивают» поверхность фона. Подобная деталь характерна для китайского растительного декора серебряных и золотых изделий предмонгольской или монгольской эпохи [15].

Композиция всех бляшек построена на принципе использования зеркальной симметрии. Незначительные отклонения, вероятно, могут быть объяснены отсутствием предварительной разметки орнамента.

Анализ формы бляшек и состава декора заставляет с большой осторожностью подойти к вопросу о дате поясного набора. Здесь мы стоим перед следующей дилеммой: либо поясной набор следует датировать временем борьбы с монголами в 1220 г.— в пользу этой даты может говорить находка вместе с поясом хорезмшахского золотого динара. Либо перед нами клад, зарытый примерно через полстолетия после разрушения мечети монголами, и тогда декор поясного набора отражает связи Средней Азии с Ираном последних десятилетий XIII в. Окончательно решить этот вопрос помогут новые находки.

---

[11] В. А. Крачковская. Изразцы Мавзолея Пир-Хусейн. Тбилиси, 1946, стр. 101; Ее же. Люстровые изразцы мавзолея Пир-Хусейн. Третий Иранский конгресс. М.— Л., 1936, табл. I.

[12] E. Künnel. Dated Persian Lustered Pottery. Eastern Art, VII, 1931, p. 228, fig. 9.

[13] ГИМ, инв. № 80794. Бляшка неоднократно издавалась. См. С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.— Л., 1948, рис. 91, *5*. Его же. Древний Хорезм. М., 1948, таблица «Опыт хронологической классификации памятников Древнего Хорезма».

[14] Я. И. Смирнов. Восточное серебро. СПб., 1909, № 231.

[15] Bo Gyllensvard. Chinese Gold and Silver in the Carl Kempe Collection. Stockholm, 1959, pl. 53A, B.

Ф. Г. МАМЕДОВ

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПАМЯТНИК ЗОДЧЕСТВА СРЕДНЕВЕКОВОГО АЗЕРБАЙДЖАНА

На территории Нахичеванской АССР, в сел. Кирна, обнаружен ранее неизвестный памятник зодчества. Обследование и предварительный обмер позволяют предполагать, что он принадлежит к типу центрально-купольных сооружений, который в Азербайджанской ССР еще не встречался.

Сел. Кирна расположено на берегу Алинджа-чая, в 40 *км* от Джульфы. Его возникновение народное предание связывает с именем ахеменидского

царя Кира. Достоверность этой легенды более чем сомнительна, но можно предположить, что некогда здесь было довольно крупное поселение. Об этом говорят остатки бездействующего древнего водопровода, состоящего из двух параллельно идущих ниток гончарных труб. Кроме того, неподалеку от селения имеется обширное кладбище с множеством надгробий в виде каменных баранов, относящихся ко времени правления династий Ак- и Кара-коюнлу. Местные жители неоднократно находили здесь черепки старинной керамической посуды. Памятник находится на окраине селения и превосходно обозревается издалека (рис. 1, 2). Вокруг него видны развалины более поздних небольших жилых домов из сырцового кирпича. Прослеживаются также остатки тендирных печей, водоемов и т. д.

Сохранилась центральная часть сооружения, представляющая собой купольный зал. Это — квадратное в плане помещение со стороной 10,5 *м*, высотой около 9 *м* и диаметром купола 8,2 *м*. Следы перекрытий некогда примыкавших к нему помещений проходят на высоте 5—5,5 *м*. На массивном кубическом объеме покоится примерно такого же размера барабан с прорезанными в нем четырьмя световыми проемами стрельчатой формы. Расположенная вдоль барабана система пирамидок скрывает конструкцию внутреннего перехода от квадратного плана к опорному кольцу купола. Купол не сохранился, но можно предполагать, что он был традиционного стрельчатого очертания.

В зал ведет центральный вход, ориентированный на запад и трактованный тремя стрельчатыми арками. Центральная арка значительно шире и несколько выше боковых (рис. 3). О других некогда примыкавших к залу помещениях свидетельствуют остатки стен. Интерьер зала лаконичен и в то же время не лишен импозантности. На западной его стене расположен центральный вход, который, как уже отмечалось, подчеркнут тремя стрельчатыми арками, вписанными в плоские прямоугольные обрамления.

На северной стене имеются две крупные и одна небольшая стрельчатые ниши со сталактитовым завершением несложного рисунка (высота больших ниш 3,35 *м*, а малой 0,9 *м*). Большие ниши вписаны в систему обрамляющих декоративных арок, причем одна находится в центре арки, а другая несколько смещена (позднее в ней был пробит входной проем высотой 2,25 *м*). Структура членений восточной стены аналогична западной, но вместо боковых арок здесь размещены неглубокие ниши. В центре стены в настоящее время находится большой стрельчатый проем, но, по словам старожилов, здесь прежде также была ниша, внутри которой лежал камень с арабоязычной надписью. Ни камень, ни ниша не сохранились, но, судя по примерной ориентации стены на Мекку и по описаниям местных жителей, здесь некогда, возможно, располагался михраб. В нишах, размещенных по бокам арочного проема, находятся два сложенных из кирпича постамента, видимо, более поздних. Южная стена зала почти полностью разрушена, но по немногим сохранившимся деталям, а также со слов старожилов можно предположить, что архитектурно она трактовалась аналогично северной.

Стены зала на высоте 5 *м* расчленены узенькой кирпичной полочкой-тягой на две части. Верхняя служит переходом от квадратного плана к куполу. Конструктивно этот переход осуществлялся системой тромпов и переходных арок, образовывающих 8-, а затем 16-гранник. Кроме входа, зал освещали световые проемы, расположенные по осям стен на высоте 5,5 *м*. Верхняя часть их сильно скошена, что увеличивает освещаемое пространство. На стенах местами сохранилась хорошего качества штукатурка охристого цвета, а в некоторых арках видны фрагменты многолучевых звезд, покрытых бирюзовой поливой.

Сохранившаяся часть сооружения имеет смешанную кирпично-каменную кладку. На высоту до 5 *м* северная и южная стены сложены из камня прекрасного качества, добывавшегося в находящемся неподалеку карьере.

Рис. 1. Памятник XII — начала XIII вв. в сел. Кирна. Вид с запада

Рис. 2. Памятник XII — начала XIII вв. в сел. Кирна. Вид с юго-востока

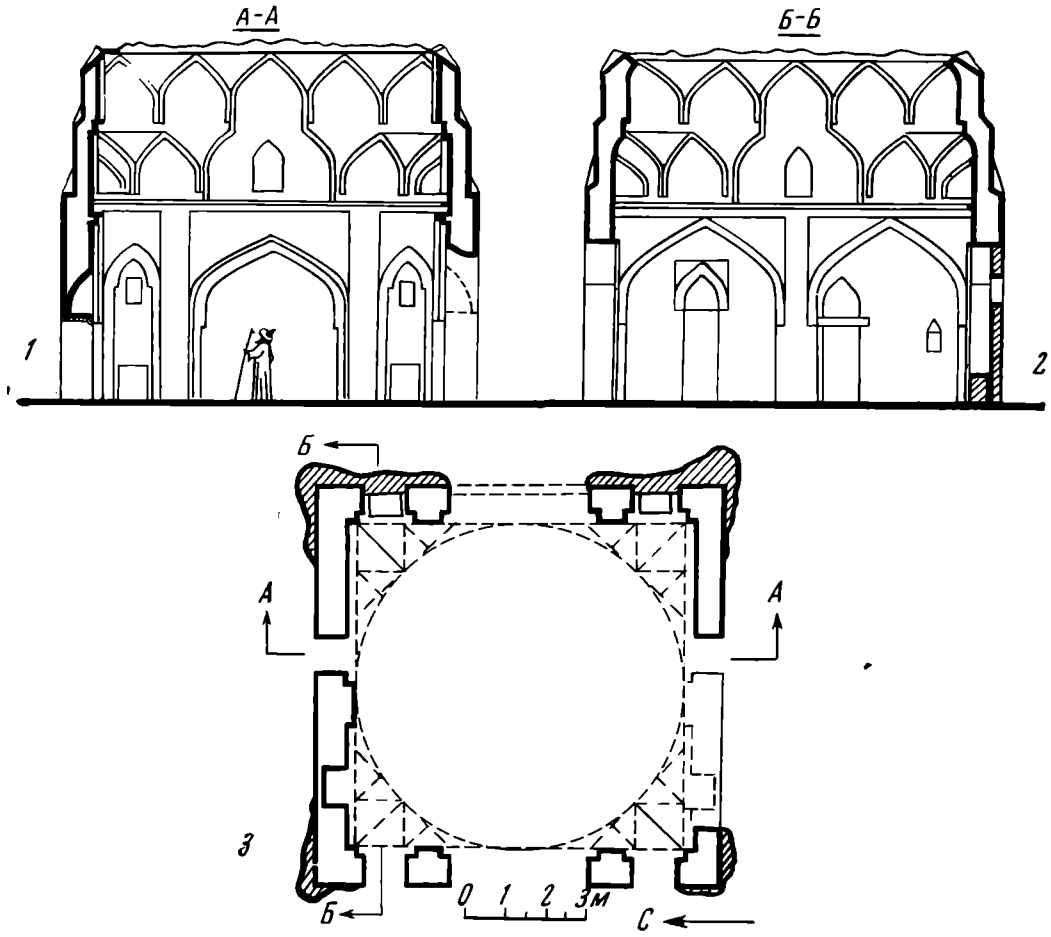


Рис. 3. План и разрезы средневекового здания в сел. Кирна

В строительство камень шел в виде крупных, чистой тески прямоугольных блоков. Для забутовки применялась крупная речная галька. В конструктивно ответственных частях сооружения применен хорошего обжига плиточный кирпич размером 18,5 × 18,5 × 4,5 *см*, а также обрезной — 18,5 × 9,5 × 4,5 *см*. Из квадратного кирпича сложены также барабан и несохранившийся купол. В кладке стен обнаружены деревянные связи, очевидно, служившие своего рода антисейсмическими поясами.

На наружной поверхности южной стены сохранились остатки архитектурных элементов примыкавшего помещения — фрагмент сталактитового завершения ниши и две полуциркульные арочки. Интерьер этого помещения, видимо, отличался бóльшим изяществом и тщательностью проработки. В частности, это относится к сталактитам ниш. Перевязь кладок не обнаружена. Не исключено, что это помещение было пристроено несколько позднее. Своим внешним обликом сохранившаяся часть сооружения несколько напоминает большую пятничную мечеть в Нахичевани (XII в.), известную по рисункам и фотографиям конца XIX — начала XX в. [1]

Назначение памятника не установлено. Предположение, что он принадлежит к группе центрально-купольных мавзолеев (мавзолей Санджара в Мерве, XII в.; мавзолей Ольджайту в Султание, XIV в. и т. д.) опровергается особенностями плана, позволяющими предположительно отнести его

[1] E. Jacobstal. Mittelalterliche Backsteinbauten zu Nachtschewan im Araxesthale. «Deutche Bauzeitung». S. A. Berlin, 1899; F. Sarre. Denkmäler persischer Baukunst. Berlin, 1901—1910; Л. С. Бретаницкий. Зодчество Азербайджана XII—XV вв. и его место в архитектуре Переднего Востока. М., 1966, стр. 110—112.

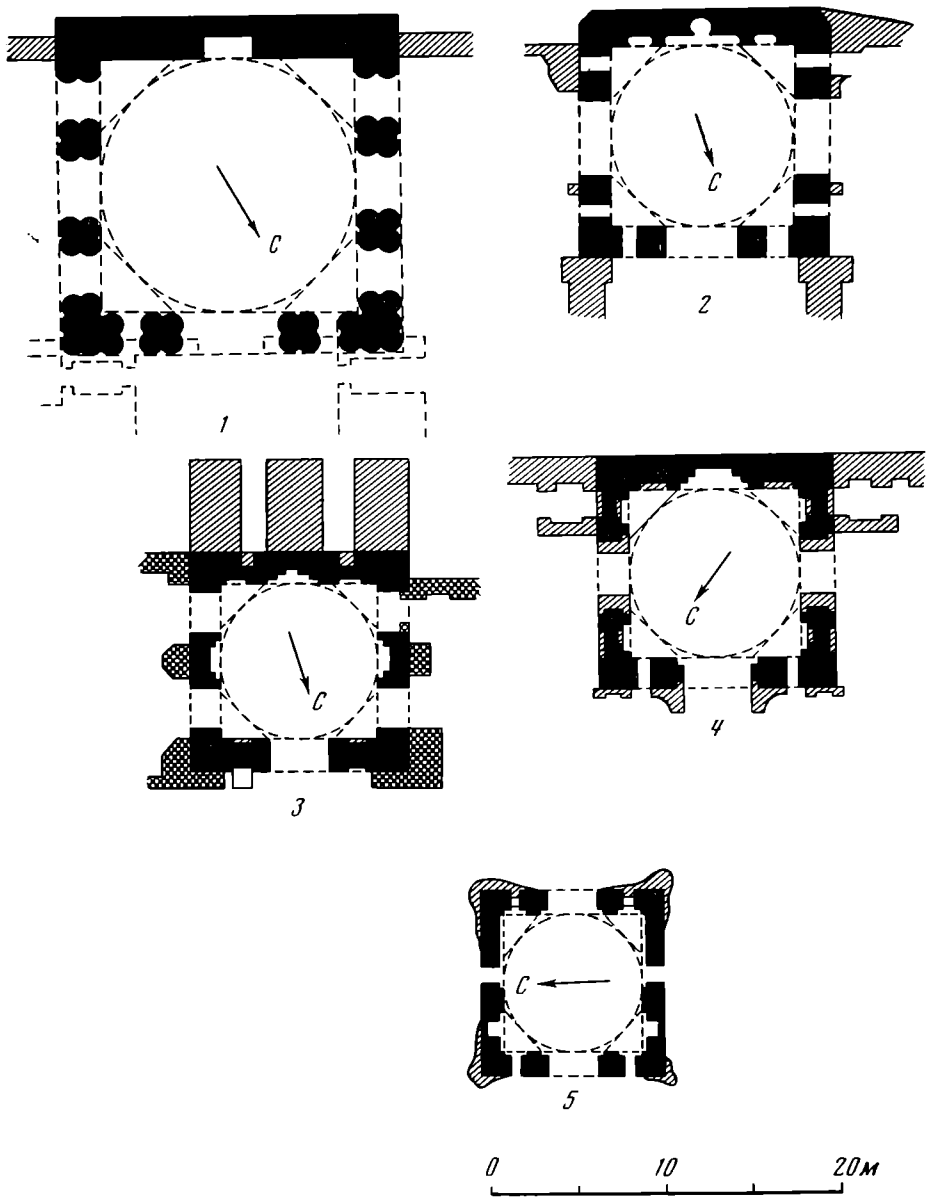


Рис. 4. Планы центральных залов некоторых ранних мечетей типа «чортак-киоск»

1 — главный купольный зал Соборной мечети Исфахана (IX в.); *2* — зал мечети в Гюльпаигане (1105—1118 гг.); *3* — зал медресе Хайдарие в Казвине (XII в.); *4* — зал мечети в Ардистане (1158—1160 гг.); *5* — зал мечети в сел. Кирна (XII — начало XIII в.)

к типу древних мечетей, преимущественно северо-западных областей нынешнего Ирана, происхождение которых А. Годар и М. М. Дьяконов не без основания связывают с храмами огня. Подобные мечети в специальной литературе известны под наименованием «чортак-киоск» [2]. Среди них отметим главный купольный зал соборной мечети в Исфахане (рис. 4, *1*; предположительно 841 г.) и малый купол этой же мечети, так называемый Гунбад-е Хаки (датирован надписью 1088—1089 гг.); зал мечети в Гюльпаигане (рис. 4, *2*; 1105—1118 гг.); главный купольный зал соборной мечети (1106—1114 гг.) и зал медресе Хайдарие в Казвине (рис. 4, *3*); зал

[2] М. М. Дьяконов. Иран. Изобразительное искусство и архитектура. БСЭ, Изд. 2, т. 18, М., 1953, стр. 429; A. Godard. L'art de l'Iran. Paris, 1962, p. 340—343.

мечети в Ардистане (рис. 4, *4;* 1158—1160 гг.); мечеть в Заваре (1158 г.) [3]. Все эти сооружения объединяют сходные черты объемно-пространственной композиции: квадратный в плане большой зал (в ряде памятников с архитектурно подчеркнутым трехарочным входом); общность конструктивного решения (сходный характер системы тромпов и переходных арок), а также главенствующее в композиционном отношении значение купола.

Сопоставление зала сооружения в сел. Кирна с главными залами подобных мечетей (рис. 4) позволяет предположительно отнести его к этому архитектурному типу. Общий облик сооружения, приемы организации пространства и трактовка архитектурных деталей позволяют датировать его приблизительно XII — началом XIII в., т. е. периодом становления и подъема нахичеванской школы зодчества [4].

Предстоящее изучение памятника позволит не только уточнить и охарактеризовать композиционные особенности его объемно-пространственной структуры, но и попытаться установить черты общности с другими произведениями нахичеванского архитектурно-художественного круга.

---

[3] A. Godard. Notes sur d'anciennes mosquées de l'Iran. «Иранское искусство и археология». III Международный конгресс 1935 г., М.—Л., 1939, стр. 70—78; В. Л. Воронина. Архитектура средневекового Ирана. «Всеобщая история архитектуры», т. 8, М., 1969, стр. 150—154.

[4] Л. С. Бретаницкий. Ук. соч., стр. 469—501.

Критика и библиография

Р. К. Римантене. Палеолит и мезолит Литвы. Вильнюс, 1971.

Вопросы первоначального расселения человека по территории Восточной Европы давно привлекают внимание ученых, однако обобщающей работы на эту тему еще нет. В специальной литературе имеются лишь статьи, посвященные вопросу заселения отдельных областей Европейской части СССР — Украины, Кавказа, Поволжья и т. д.

В своей книге Р. К. Римантене сделала попытку проследить процесс первоначального заселения еще одного района Европы — Восточной Прибалтики. Сделано это на материалах Литвы. Работа хорошо иллюстрирована, снабжена обширным списком литературы и указателями. К ней приложено резюме на немецком и литовском языках.

При выработке критериев оценки многочисленных материалов по палеолиту и мезолиту Литвы автор принимает принцип покультурной классификации, отмечая при этом длительное переживание отдельных культурных элементов — палеолитических в эпипалеолите, финальнопалеолитических в мезолите. Для выяснения относительной и абсолютной хронологии хорошо использованы данные естественных дисциплин, особенно геологии и палеоботаники, чему посвящен специальный раздел в главе II. Автором проведена увязка палеолитических и мезолитических местонахождений с террасами рек и озер Литвы, что подчас являлось нелегкой задачей. Дело в том, что в силу колебания климата, изменения режима рек, повторяющихся трансгрессий Балтийского бассейна, термокарстовых явлений и т. п. памятники различных эпох в исследуемом районе располагаются на одних и тех же террасах. Пытаясь разобраться в этом сложном переплетении геологических, климатических и археологических факторов, автор, как нам кажется, иногда впадает в противоречие. Например, на стр. 16 мы читаем, что вторая надпойменная терраса могла быть заселена начиная с аллереда вплоть до пребореала, а на следующей странице автор утверждает, что в верхнем дриасе условия для возникновения стоянок на этой террасе были неблагоприятными.

Несомненной заслугой Р. К. Римантене является выделение в Литве целого ряда стоянок периода аллереда и верхнего дриаса, которые автор вслед за большинством западноевропейских и польских ученых относит к палеолиту.

Рассмотрению памятников палеолитического времени посвящена III глава монографии. Благодаря скрупулезному типологическому и морфологическому анализу, автору удалось выделить в палеолите Литвы две одновременные линии культурного развития: «мадленскую» в ее аренсбургском проявлении и свидерскую. Комплексы характеризующие эти линии развития, заметно различаются по типу наконечников стрел, скребков, отчасти резцов и нуклеусов. Это позволило автору прийти к заключению, что первичное население Литвы не было однородным в этническом отношении. Прямые аналогии находкам из мадленских стоянок типа Вильнюса, Шилялис 2 и др. в комплексах Южной Прибалтики типа Аренсбурга свидетельствуют о проникновении на территорию Литвы пришельцев с запада из северных районов Центральной Европы.

Характерной чертой свидерских памятников является сохранение в технике изготовления орудий солютрейской традиции, что особенно заметно на остриях стрел, имеющих в отличие от аренсбургских широкий черешок, сформированный плоской поверхностной ретушью. Скребки преимущественно на пластинах, иногда довольно длинных, нуклеусы двуплощадочные. Сопоставление свидерских памятников Литвы типа Эйгуляй I, Скаруляй со свидером Повисленья говорит о возможном проникновении в Восточную Прибалтику пришельцев с юго-запада. Судя по количеству свидерских памятников в Литве, этот путь заселения восточного побережья Прибалтики был основным.

Автор предполагает несколько волн заселения Литвы в древности как с запада, так и юго-запада. Теоретически такая возможность допустима, но в работе это положение обосновывается, как нам кажется, намного слабее, чем гипотеза о двух основных направлениях первоначального заселения этого края. Многократностью волн заселения Литвы с запада автор пытается объяснить наличие памятников мадленского типа трех культурно-хронологических групп. Но материал для их выделения слишком мал. Определяются эти мадленские культуры только на различии некоторых де-

талей формы наконечников. Количество памятников второй мадленской группы, как признает сам автор, «весьма скромно» (стр. 32), а третья представлена лишь отдельными остриями, совершенно не связанными с комплексами (Рудня, Кашета).

Более обоснованным выглядит членение свидерских памятников (автор делит их на две группы) — они богаче мадленских по числу памятников и объему материала. Стоянки первой, более ранней группы (Эйгуляй А, В, 1, Скаруляй) находятся на второй террасе, второй (Повучай) — на третьей террасе.

Наличие разнокультурных, но синхронных памятников на одной территории предполагает смешанность культурных черт. Имеется значительное количество мадленских стоянок «с элементами свидерской культуры» (Шилялис 2), а также свидерских памятников с чертами влияний мадлена (Раддондварис 1, Нятисай 1). Первые расположены на второй, а вторые — на третьей террасе. Учитывая это, автор приходит к заключению, что «свидерская культура стала оказывать влияние на мадленскую раньше, чем мадленская на свидерскую» (стр. 72). Конкретное проявление такого взаимоотношения между двумя культурами, стоящими примерно на одном уровне развития, представить себе, однако, трудно. Оно как-то не поддается логическому объяснению, как и высказывание о том, что свидерская культура приносит с собой технические новшества, а мадленская — новые формы изделий (стр. 72). При сопоставлении названных выше комплексов Шилялис 2 и Нятисай 1 такого рода инокультурных влияний заметить не удается. Просто в одном из комплексов преобладают свидерские, в другом мадленские черты. Выделяя в палеолите Литвы семь крупных культурных групп (три свидерские и четыре мадленские), автор, видимо, несколько усложнил процесс постепенного и продолжительного взаимовлияния двух различных культурных течений.

Мезолит Литвы, рассмотрению которого посвящена IV глава, охватывает VIII—IV тысячелетия до н. э. Начальный этап этого периода, по мнению автора, характеризуется дальнейшим развитием финальнопалеолитических культур, главным образом свидерского облика, которые к этому времени полностью впитали в себя мадленские черты (Помяркине). Эпипалеолитические стоянки, как утверждает автор, часто отличаются от палеолитических лишь расположением на более низкой второй надпойменной террасе, сформировавшейся к этому времени.

Исчезновение палеолитических культур автор связывает с отступлением ледника и уходом свидерских охотников вслед за стадами северного оленя на северо-восток. Однако надо учитывать, что проникновение свидерцев шло не только в северо-восточном направлении, но также к югу (Скаун) и юго-востоку (Сюрень).

В тех же топографических условиях, что и группа эпипалеолитических месторождений, т. е. на первой надпойменной террасе, обнаружены стоянки (Максимонис 4, Гиряжарис) с находками несколько иного облика. В Максимонисе 4, например, преобладают острия различных очертаний, сформированные крутой краевой ретушью. Р. К. Римантене склонна связывать этот комплекс с культурой типа Маглемозе. Она, по мнению, автора, не имеет генетических корней в местном палеолите и должна быть связана с проникновением на территорию Литвы новой группы населения со стороны Ютландии.

Такой вывод кажется несколько преждевременным. И не только потому, что материал «типа Маглемозе» в Литве крайне мал — всего две стоянки. Нас не убеждают приводимые автором аналогии, которые, по его мнению, свидетельствуют о близости между материалами типа Максимонис 4 в Литве и стоянок маглемозского круга Стар Карр и Клостерлунд. Трудно, например, говорить об идентичности стрел и топоров Стар Карра и Максимониса. С другой стороны, автор отрицает связь стоянок типа Максимонис 4 с местными эпипалеолитическими местонахождениями. Нам кажется, однако, что полностью исключить преемственность развития между ними вряд ли будет правильным. Материалы эпипалеолитического комплекса Дубычай 2 и Максимонис 4 обнаруживают много общих черт, особенно в типах острий и топоровидных изделий.

В количественном отношении в Литве преобладают стоянки, отнесенные Р. К. Римантене к микролито-макролитической культуре, которая сформировалась здесь в конце бореаля и продолжала развиваться на протяжении всего атлантического периода. Открытие памятников, где в безупречных стратиграфических условиях совместно залегают микро- и макроорудия, позволило Р. К. Римантене отказаться от прежней своей точки зрения о существовании в Литве двух отдельных культур — тарденуазской микролитической и кампинийской макролитической. Сосуществование микро- и макролитических изделий прослеживается также в мезолитических и неолитических комплексах Белоруссии и Украины.

Автор правильно считает, что памятники с микролито-макролитическим инвентарем на севере Литвы граничат с культурой Кунда. Верно очерчена и западная граница распространения мезолитических топоров, которые известны на большой территории — от Британии и северной Германии до западной части Белоруссии и Литвы. Автор, однако, вопреки своему прежнему мнению, почему-то исключает из района распространения кремневых мезолитических топоров бассейн Сожи и Десны. По нашему мнению, область распространения культур с микролито-макролитическим инвентарем должна быть расширена еще более на юго-восток и бассейн среднего течения С. Донца.

Из более мелких замечаний хотелось бы указать на не всегда удачную терминологию. Все двусторонне сформированные крупные изделия автор называет «топориками» или «клиньями». Некоторые из них, судя по профилю, конечно не были ни тем, ни другим. Может быть, было бы удобнее и правильнее пользоваться более общим термином, например «бифас». Не совсем удачным, видимо, является и название «микролито-макролитическая культура». Оно не отражает этнографической специфики, что в названии культуры все же следовало бы как-то оттенить.

Предложенный труд является первым, охватывающим все известные по палеолиту и мезолиту Литвы памятники. Автором проведено в общем вполне приемлемое культурно-хронологическое членение этого весьма обширного материала. А с привлечением данных естественных наук, прежде всего геологии и геоморфологии, удалось правильно датировать эти памятники и культурные группы в целом. Поставленная в работе задача о выяснении вопросов первичного заселения Литвы в значительной степени разрешена. Разработка этих вопросов, разумеется, имеет далеко не местное значение.

Д. Я. Телегин

Гандж Даре — новый неолитический памятник в Западном Иране (обзор литературы)

В последние годы внимание исследователей, занимающихся неолитом Юго-Западной Азии, и, в частности, проблемой «неолитической» революции все больше привлекает тепе Гандж Даре — новый ранненеолитический памятник, открытый в 1965 г. Т. Янгом и Ф. Смитом в горах Загрос в Южном Курдистане (Центральный Западный Иран) [1]. Первоначально особое внимание исследователей вызвали сообщения об отсутствии керамики в отложениях тепе, а затем о находках глиняной посуды, но, якобы, не обожженной, а лишь высушенной на солнце [2]. Впоследствии некоторые данные первых предварительных информаций были опровергнуты, однако интерес к Гандж Даре не угас. Это объясняется несколькими обстоятельствами. Так, на Гандж Даре горизонты с сырцовыми конструкциями и грубой керамикой непосредственно подстилаются слоем, в котором ни того, ни другого пока не найдено. Судя по характеру культуры и радиокарбонным датам (IX—VIII тысячелетия до н. э.), памятник может заполнить в культурно-хронологической колонке известную лакуну после Карим Шахира. Наконец, очень компактные масштабы тепе позволяют надеяться, что оно будет изучено с достаточной полнотой.

Открытию Гандж Даре предшествовали разведочные работы, главным районом которых была одна горная долина длиной около 60 *км* и шириной 15 *км*, являющаяся в настоящее время границей между Курдистаном и Луристаном. Район этот достаточно известен своими археологическими памятниками [3].

В ходе разведок обследовано 84 тепе и 10 пещер и скальных навесов. Из подвергнутых предварительному изучению памятников для дальнейших исследований отобрано три: пещерная стоянка Чар-и-Кар, небольшое неолитическое тепе Гандж Даре и крупный многослойный памятник (от неолита до железного века) Годи-тепе. Исследования Гандж Даре были продолжены экспедицией Монреальского университета (Канада) при содействии Археологической службы Ирана и под руководством проф. Филиппа Е. Л. Смита.

Информация о результатах раскопок памятника довольно скудна [4]. Тепе Гандж

---

[1] T. C. Young, Ph. E. L. Smith. Research in the Prehistory of Central Western Iran. (I) «Science», 1966, 153, 3734, p. 388—389.

[2] R. J. Braidwood. First Steps Towards a Food-Producing Way of Life in Prehistoric Iran. «Archaeologia Viva», I, 1. Paris, 1968; см. также В. М. Массон. Поселение Джейтун (Проблема становления производящей экономики). Л., 1971, стр. 112—113, сноска 30.

[3] C. S. Coon. Cave Explorations in Iran, 1949. Philadelphia, 1951; R. J. Braidwood, B. Howe, C. A. Reed. The Iranian Prehistoric Project. «Science», 1961, 133, 3469. «Iranica Antiqua», 1, 1961; J. Meldgaard, P. Mortensen, H. Thrane. Excavations at Tepe Guran, Luristan. AA. XXXIV, 1964; G. Conteneau and R. Ghirshman. Fouilles du Tepe-Giyan. Paris, 1935.

[4] T. C. Young and P. Smith. Op. cit., (I); P. Smith. Survey of Excavations in Iran during 1965—1966; Char-i-Khar and Ganj Dareh. «Iran», V, 1967. Survey of Excavations in Iran during 1966—1967. Ganj Dareh. «Iran», VI, 1968, p. 158—160 (II);

Даре («Сокровища долины») расположено в 14 *км* южнее сел. Бисотун, на высоте 1300—1400 *м*. Холм неправильно-овальной формы, около 6 *м* высотой над современной поверхностью, шириной по длинной оси около 40 *м*. Не считая незначительной по площади шурфовки 1965 г., исследования Гандж Даре проводились в течение трех сезонов (1967, 1969, 1971 гг.). Работы 1967 г. имели исключительно стратиграфические задачи. В 1969 и 1971 гг. производилось вскрытие небольших площадей. В 1971 г. общая площадь раскопов и траншей составляла свыше 150 $м^2$ (IV).

Установлено, что холм образовался за счет разрушения глиняных построек и что общая мощность этих отложений около 8 *м*, в том числе около 1 *м* ниже современной дневной поверхности (I, p. 388). В первом отчете упоминалось о нескольких горизонтах с жилыми остатками (IV) или о пяти-шести основных жилых слоях [5]. Позже во всех отчетах говорится о пяти слоях, условно названных в 1969 г. слоями (сверху вниз) A, B, C, D, E (III, p. 179). Непосредственно над материком залегал слой мощностью около 1 *м* (слой E), давший изделия из кремня, глиняные статуэтки, кости животных, но никаких следов глиняных долговременных построек (II, p. 158). Слой D содержал остатки сырцовых конструкций, засыпанных обожженной глиняной щебенкой. Об общей мощности этого слоя ни в одном из отчетов не сообщается, можно лишь предполагать, что она значительна. Так в отчете о работах 1969 г. упоминается, что в ряде случаев стены помещений сохранились до высоты около 2 *м* (III, p. 179). Предполагается, что поселение погибло в результате пожара. Отсюда хорошая сохранность глиняных конструкций и название — слой «сгоревшей деревни».

Слои C и B содержат остатки глинобитных построек; мощность этих слоев также не указана. Наконец, последние 2 *м* (II, p. 159) или 1,5 *м* (III, p. 179) отложений объединены в слой A. Сохранность его плохая, он сильно испорчен солями, норками грызунов и поздними погребениями. Здесь также найдены остатки сырцовых сооружений. Отмечено, что поверхности со следами эрозии, означающие длительное запустение, в культурных напластованиях памятника отсутствуют.

Судя по всему, предлагаемая стратиграфия тепе в значительной степени условна. Это подтверждается, в частности, разнобоем терминологии, когда одни и те же слои называются то строительными фазами или слоями, то основными жилыми слоями или просто жилыми слоями (II, p. 158—159; III, p. 179; IV). Можно полагать, однако, что выделенные Ф. Смитом слои не являются строительными горизонтами — наиболее распространенными в Западной Азии единицами стратиграфического деления для памятников типа тепе. Исследованиями на двух разных территориях — Южной Туркмении и в Северном Иране (Иранском Курдистане) — установлено, что средняя толщина одного строительного горизонта составляет 60 (или 50—60) *см*, что никак не согласуется с мощностью слоев, выделенных на Гандж Даре [6]. Исключение, вероятно, может быть допущено для слоя «сгоревшей деревни» (слой D), особые условия консервации которого предполагают (и это подтверждается раскопками) большую его толщину. Однако и в этом слое происходили неоднократные перестройки; напластования его отражают несколько строительных фаз (III, p. 179). Автор предполагает даже, что не один, а два пожара были причиной гибели «сгоревшей деревни». Аналогичные предположения высказаны и относительно верхнего слоя A, который, по мнению автора, отражает более, чем одно заселение холма (III, p. 179; IV). Напротив, раскопками 1971 г. установлено, что между слоями B и C нет существенных различий и что один из них является продолжением другого (IV).

Idem. Survey of Excavations in Iran during 1968—1969, Ganj Dareh Tepe. «Iran», VIII, 1970, p. 178—180 (III); Idem. Survey of Excavations in Iran during 1970—71 Iran, X, 1972. (IV); Idem. Iran, 9000—4000 B. C. The Neolithic, «Expedition», 13, 3—4, 1971, p. 6—13. В дальнейшем при ссылках на отчеты мы будем указывать порядковый номер (римская цифра в скобках — I, II, III, IV) и соответствующую страницу.

[5] P. Smith. Char-i-Khar and Ganj Dareh. «Iran», v. V, 1967, p. 139.

[6] R. J. Braidwood. Jericho and Its Setting in Near Eastern History. «Antiquity», 122, 1957, p. 75; И. Н. Хлопин. Геоксюрская группа поселений эпохи неолита. Опыт исторического анализа. М.— Л., 1964, стр. 61—63; В. М. Массон. Поселение Джейтун, стр. 59—60.

В нижнем слое E не отмечено глинобитных построек, керамики, антропоморфных статуэток и терочных камней. Здесь найдено довольно много кремневых орудий, несколько глиняных фигурок животных, собран фаунистический материал. Из конструкций обнаружены лишь круглые или овальные углубления, вырытые в материковом слое и заполненные золой и обожженными камнями. Одна из ям частично сохранила обкладку из поставленных на ребро маленьких каменных плиток. Предполагается, что это очажные ямы на месте временных, видимо, охотничьих лагерей. Однако учитывая, что слой E вскрыт пока лишь на очень незначительной площади (около 12 $м^2$), некоторые из этих наблюдений и предположений следует считать лишь предварительными. В первую очередь это касается керамики. Заметим, что разведочной траншеей 1965 г. не было обнаружено керамики ни в одном из слоев, и в первой предварительной информации Гандж Даре рассматривается как памятник, относящийся полностью к докерамической фазе неолита (I, p. 388). В 1967 г. керамика была обнаружена в слое A, причем было высказано предположение, что первоначально сосуды были лишь высушены на солнце и сохранились благодаря обжигу во время пожара (слой D) или в результате случайного контакта с очагом (слой A) (II, p. 159) [7]. Отсутствие керамики в слоях B и C связывалось с незначительным количеством следов огня в этих горизонтах тепе. Однако в последнем отчете Ф. Смит сообщает: во-первых, о находках керамики по крайней мере в слое B и, во-вторых, о том, что часть керамики Гандж Даре была обожжена при низких температурах в процессе ее производства, и что ее сохранность нельзя объяснять случайным пребыванием в огне (IV). В меньшей степени, но все же можно сомневаться и в отсутствии сырцовых построек. Все-таки еще очень мала вскрытая площадь [8].

Второй снизу слой D недаром вызвал особый интерес исследователя: в результате сильного пожара создались уникальные условия для сохранения остатков глиняных построек и археологических находок ряда категорий. В 1969 г. было вскрыто около 60 $м^2$ слоя «сгоревшей деревни»; в 1971 г. эта площадь была доведена до 144 $м^2$. Вскрытые первоначально глиняные конструкции несколько озадачили Ф. Смита: это было скопление маленьких помещений, ниш и закутков, большинство из которых, судя по размерам, вряд ли могли быть использованы в качестве жилых помещений. Было высказано предположение, что это своего рода хозяйственная зона и что жилые постройки, видимо, приурочены к периферии холма. Хозяйственный характер вскрытых конструкций подтверждается наличием различного типа вместилищ для хранения запасов, в том числе крупных (высотой около 80 *см*) сосудов, стоявших на полу у стен помещений (III, p. 179). Ситуация несколько разъяснилась в результате работ 1971 г. Были получены данные с том, что по крайней мере в центральной части тепе некоторые из построек были первоначально двухэтажными (IV). Речь, однако, может идти, видимо, скорее о жилых помещениях с хозяйственными подпольями. Хорошая сохранность конструкций (как говорилось выше, стены в ряде случаев сохранились на высоту до 2 *м*) позволила получить данные об устройстве полов и кровли — на обгоревшей глине завала найдены многочисленные следы тростника и балок перекрытий.

О планировках известно мало. Прирезанная в 1971 г. площадь дала серию тесно сгруппированных прямоугольных помещений. Характерно отсутствие явных признаков дверных проемов; некоторые стены имеют округлые или овальные «амбразуры», часто закрытые глиняными дисками или конусами. Установлено, что в хронологических рамках слоя помещения ремонтировались и перестраивались (иногда заново).

Большинство построек сооружены из крупных (иногда до 1 *м* длиной) плосковыпуклых в сечении саманных блоков — кирпичей, положенных между слоями или-

---

[7] R. J. Braidwood. First steps...; см. также рецензию В. И. Сарианиди на первый номер журнала «Archaeologia Viva». CA, 1971, 3, стр. 292—294.

[8] Нельзя не вспомнить в связи с этим историю изучения Чопан-тепе, где первоначально также не были найдены долговременные сырцовые конструкции. См. С. А. Ершов. Холм Чопан-тепе (отчет о стратиграфическом изучении холма в 1953 г.). Тр. ИИАЭ АН ТуркмССР, II, 1956, стр. 13—16; О. Бердыев. Изучение памятников эпохи неолита. «Каракумские древности», 1. Ашхабад, 1968, стр. 9—11.

стого раствора. Применялся и другой прием возведения стен — из чередующихся слоев глины и тонкой по составу обмазки. Были и просто глинобитные, однородные по составу стены. Илистая обмазка использовалась для штукатурки стен и отделки полов. Замечено также, что некоторые стены возведены из старых обломков, обмазанных с обеих сторон. В ряде случаев в стены были включены плоские камни.

Менее подробны сведения о глиняных конструкциях слоев В и С. Первоначально предполагалось, что для них характерны лишь глинобитные постройки (II, p. 159), однако позже было установлено, что здесь имеются сооружения и из сырцового кирпича (III, p. 179; IV). Характерны прямоугольные комнаты с очагами, несколькими жилыми полами, богатым культурным слоем. В ряде случаев отмечена белая (известковая?) штукатурка. В слое А к основному неолитическому комплексу относятся невыразительные остатки глинобитных построек, сооружений из сырцового кирпича и сводчатых печей (возможно, обжигательных). Используются кирпичи меньших размеров и иной формы.

О «керамической» проблеме Гандж Даре говорилось выше. Сейчас наличие керамики установлено для всех слоев, исключая слой Е. Правда, ни в одном из отчетов не упоминается о керамических находках в слое С, однако это, видимо, случайность, так как керамика имеется и в подстилающем и в перекрывающем его слоях. Судя по кратким сообщениям, керамики немного, и почти вся она из грубого теста. Лишь в слое А найдены черепки лучшего обжига и качества, а также единственные на Гандж Даре обломки с орнаментом — ногтевыми вдавлениями. Ни расписной, ни лощеной керамики на поселении не найдено.

Кремень обнаружен в большом количестве во всех слоях; указывается, что различия по слоям незначительны (I, p. 388; II, p. 159; III, p. 179; IV). Отмечены следующие типы изделий: ножевидные пластины с притупленным краем и иногда с обработанным ретушью концом, пластины с обработанным концом, скребки концевые и боковые, скребки на отщепах, обломки пластин с зубчатым краем, нуклеусы призматической и пирамидальной формы со следами снятия длинных правильно ограненных пластин. Пластины со следами заполировки — вкладыши жатвенных ножей или серпов — достаточно характерны для всех слоев, за исключением, возможно, слоя Е (II, p. 159; III, p. 179). В числе находок 1971 г. немного геометрических микролитов — трапеций и сегментов. По мнению Ф. Смита, кремневая индустрия Гандж Даре имеет сходство с соответствующими комплексами тепе Гурана (Луристан), а также Асиаба и Сараба (Керманшахская равнина). Из крупных каменных орудий встречены тесаные топоры или кирки, многочисленные терки, песты, крупные известняковые ступки, несколько обломков полированных каменных сосудов. Как характерная особенность каменного инвентаря Гандж Даре отмечается отсутствие резцов и микрорезцов, шлифованных топоров, каменных браслетов и колец. Не обнаружено в отложениях холма и изделий из обсидиана.

Глиняные статуэтки найдены в двух нижних слоях; большая часть их происходит из слоя «сгоревшей деревни». Среди изображений животных встречено несколько вполне натуралистических фигурок коз и овец. В 1971 г. найдено изображение бородатого козла. Одна из зооморфных статуэток украшена, как и керамика из слоя А, ногтевыми оттисками. Из антропоморфных изображений отмечаются хорошо моделированная женская фигурка с заостренной головой и выступающими грудями — тип известной по находкам в Тепе Сараб (II, p. 159; III, p. 179). Найдено много глиняных конусов, дисков, шариков.

Одна из интереснейших находок, обязанная своей сохранностью исключительно условиям «сгоревшей деревни»,— слегка обожженные пожаром глиняные бортики по краям больших каменных ступок, которые, как справедливо замечает Ф. Смит, не будь они найдены in situ, были бы приняты за венчики больших слабообожженных сосудов. Ступки с бортиками ставились на глиняное основание, обложенное для крепости галькой. Обнаружена обработанная кость, а также остатки и отпечатки дерева.

При раскопках холма найдено много плохо сохранившихся погребений, большинство их происходит из слоя «сгоревшей деревни». Погребения скорченные и вытянутые. В одном случае коллективное погребение взрослого, юноши и ребенка в вытянутом положении находилось в своеобразном «саркофаге» из илистых кирпичей, перекрытом глиняной крышкой. Погребенные лежали на толстом слое сероватой

порошкообразной массы, возможно, обожженного известняка. При одном из костяков найдена каменная подвеска — единственный пока на Гандж Даре образец погребального инвентаря. Сообщается и о другой любопытной находке. На материковой поверхности была расчищена человеческая челюсть и рядом в анатомическом порядке кости кистей рук, явно отделенных некогда от тела и положенных ладонями вверх (IV). Значение этого ритуала пока не совсем ясно, однако другая, наиболее интересная, по мнению автора отчета, находка 1971 г. в слое «сгоревшей деревни», бесспорно, связана с религиозными воззрениями жителей неолитического поселка. В небольшом отсеке, расположенном в центре тепе, в маленькой оштукатуренной нише были прикреплены один над другим два рогатых черепа, принадлежавших, вероятно, диким баранам. Подобного рода устройство автор раскопок считает уникальным для загросского неолита. Оно напоминает, по его мнению, некоторые «гробницы» с черепами диких быков в Чатал Гуюке в Анатолии, хотя значительно древнее их (IV).

Фаунистическая коллекция с Гандж Даре значительна. Она исследуется Д. Перкинсом. В 1970 г. Ф. Смит сообщил, что по крайней мере коза была уже одомашнена. Это подтверждается и весьма интересными косвенными данными — многочисленными отпечатками копыт (вероятно, овцы или козы) на сырцовых кирпичах из слоя D (III, p. 179). Прямых данных о земледелии не найдено, хотя все зольные отложения и содержимое очагов были обработаны методом «флотации» с целью обнаружения карбонизированных растительных остатков. Однако судя по находкам вкладышей серпов, терок, ступок и пестов, по наличию многочисленных глиняных закромов, да и всему облику материальной культуры памятника, население Гандж Даре, по крайней мере начиная со слоя «сгоревшей деревни», было знакомо с земледелием.

Датировка Гандж Даре основывается на ряде радиокарбонных дат. Образцы, взятые из разведочной траншеи 1965 г., дали две даты. Уголь из основания траншеи показал дату 8450 ± 170 г. до н. э.; к какому из двух нижних слоев относится эта дата, не указывается. Позже была получена серия радиокарбонных дат для слоя D (вторая половина VIII тысячелетия до н. э.) и слоя B (примерно 7000 г. до н. э.; III, p. 179); Ф. Смит определил слои от D до A как относящиеся к концу VIII,— возможно, началу VII тысячелетия до н. э. (IV). Принятую сейчас общую датировку памятника — 8500 — 7000 гг. до н. э. можно до получения новых радиокарбонных анализов и публикации материала воспринимать лишь как предварительную. Во всяком случае пока не ясен удельный вес в этих хронологических рамках нижнего бескерамического слоя E, с одной стороны, и вышележащих слоев с сырцовой архитектурой, с другой.

Открытие и исследование Гандж Даре служит новым подтверждением правильности выводов, сделанных еще в 20-х годах Н. И. Вавиловым и впервые сформулированных на археологическом материале из Загросса Р. Брейдвудом в 50-х годах, о связи начальных этапов производящей экономики с горными районами или, как было уточнено позднее, с поясом средних высот определенных горных раойнов. Столь ранние радиокарбонные даты для памятника с долговременной сырцовой архитектурой и производящим хозяйством уже сами по себе делают этот памятник чрезвычайно интересным. В Гандж Даре мы имеем, видимо, древнейшую в этом районе Старого Света керамику.

Особый интерес Гандж Даре — об этом уже говорилось выше — придает и то обстоятельство, что для загросского района он характеризует период VIII тысячелетия до н. э., чрезвычайно слабо документированный археологическими материалами. Относящиеся к этому времени слои от D до A могут показать детальную картину становления производящей экономики и оседлого образа жизни в Западном Иране. К этому следует добавить, что памятники Иранского Загросса должны сыграть значительную роль в изучении ранних этапов неолитической революции. Мы имеем в виду наряду с Гандж Даре и такие памятники, как Тепе Асиаб, Тепе Сараб и Тепе Гуран, результаты исследования которых также известны пока лишь по предварительным сообщениям.

Уникальные условия консервации культурных остатков слоя D, учитывая к тому же столь раннюю его дату, усиливают интерес к дальнейшим исследованиям Гандж Даре. Не приходится сомневаться, что слой «сгоревшей деревни» даст новую важную информацию в разных областях материальной культуры, в частности о

деталях строительной техники и архитектуры. Особое внимание исследователя к этому слою вполне понятно, однако полностью может быть оправдано лишь в том случае, если при этом не пострадает изучение вышележащих слоев тепе. Незначительные размеры Гандж Даре дают реальную возможность раскопать его полностью по одному или нескольким строительным горизонтам и получить, как это было сделано на Джейтуне, данные о структуре общества.

В заключение отметим, что прямое отношение к некоторым из проблем, поставленных раскопками Гандж Даре, возможно будет иметь и другой из открытых Ф. Смитом памятников этого района — пещера Чар-и-Кар, второй сверху 1,5-метровый слой которой, исследованный пока лишь разведочным шурфом, может быть найдет соответствия в нижнем слое Гандж Даре.

А. В. Виноградов, С. А. Оленич

Н. В. Рындина. Древнейшее металлообрабатывающее производство Восточной Европы. Издательство МГУ, 1971. 142 стр., 31 рис, приложение 32 таблиц микро- и макроструктурных фотографий.

В последние годы в СССР и за рубежом вышел в свет целый ряд крупных работ, в которых древняя металлургия и металлообработка исследуется с помощью физических и химических методов. Книга Н. В. Рындиной занимает особое место в этом ряду. Первой причиной можно назвать чрезвычайно широкое использование автором металлографического анализа, метода трудоемкого, требующего особо внимательного подхода к древнему металлургическому объекту. Хотя метод металлографии применяется для исследования древнего металла в разных лабораториях мира уже на протяжении нескольких десятилетий, однако методики археологической металлографии до сих пор не существовало. В работе Н. В. Рындиной впервые в литературе дается детальная разработка методических принципов интерпретации древних структур меди и бронзы. Благодаря хорошо понятой специфике археологической металлографии, автор сумел превратить в полноценный исторический источник данные, полученные на основании структурного анализа.

Монографию Н. В. Рындиной отличает четкая историко-археологическая направленность поиска, умение прекрасно разбираться в круге сложнейших проблем древностей крайнего Юго-Запада СССР и Балкано-Карпатского бассейна.

В рецензируемом исследовании привлекает особое внимание и изученный материал: медь трипольской культуры — первый металл в Восточной Европе, относящийся к древнейшей металлургической провинции европейского континента. Именно с этими орудиями из меди и был связан первый период восточноевропейской металлургии, начало новой исторической эпохи.

Достоинство работы Н. В. Рындиной — строгая систематичность сборов материала и исследования последнего. Всесторонне и полно изучены все важнейшие категории и типы орудий и украшений трипольской культуры. После чтения книги не остается сомнений в том, что не пропущено ничего существенного, могущего кардинально изменить выводы автора. Благодаря исследованию Н. В. Рындиной трипольская медь — производная металлургических энеолитических очагов Балкано-Карпат, на сегодня оказалась изученной во много раз лучше, нежели исходный металл, широко известный в памятниках культур этого бассейна.

Рецензируемая книга состоит из пяти разделов, носящих характер глав. Первый и последний разделы по сути являются введением и заключением. Книгу можно разделить на две разнозначные части: методические посылки (разделы 1 и 2) и результаты историко-технологического изучения (разделы 3—5).

Первая часть работы чрезвычайно важна для правильного понимания темы в целом. В ней не только описаны физические предпосылки использованного метода, но и детально обсуждается специфика археологической металлографии.

Обзор зарубежных и советских исследований по истории металлургии убеждает читателя, что Н. В. Рындина использовала практически весь предшествующий опыт, накопленный в области технологии древнего металла.

Крайне интересны страницы, где ставятся вопросы о случайных и систематических воздействиях на структуру древней меди (так называемая самопроизвольная рекристаллизация, влияние рабочих усилий, температурные воздействия случайного порядка).

Чрезвычайно важны эксперименты, проведенные автором для установления зависимости между функцией орудия и особенностями его структуры, моделирование различных процессов обработки металла, что позволило получить эталоны микроструктур для каждой воспроизведенной операции.

Серия опытов помогла автору выяснить такой важный при технологической интерпретации микроструктур вопрос, как степень стираемости одних структур другими при использовании древним кузнецом нескольких последовательно сменявших друг друга приемов обработки изделия.

Важное место в методической части работы занимает описание основных видов структур меди и бронз. Здесь характеризуются признаки литой чистой меди и меди, откованной вхолодную и вгорячую. Рассматривается, в частности, очень важный для расшифровки древних структур вопрос о возможности разграничения изделий, подвергнутых горячей пластической деформации, и изделий, обработанных вхолодную и затем отожженных. Результатом и той, и другой операции является одинаковая структура рекристаллизованной меди, однако автор разрабатывает методические принципы, позволяющие в определенных случаях успешно решать этот вопрос.

Весьма примечательны выводы о нейтрализации вредного действия на медь свинца и висмута иными примесями. Последнее особенно существенно для трипольских металлических изделий, где концентрации свинца и висмута достигали высоких значений. Много внимания уделяет Н. В. Рындина и сварным соединениям меди, поскольку сварка являлась одним из основных приемов трипольских кузнецов.

Распознание орудий из самородной меди было всегда одной из самых сложных задач в историко-металлургических изысканиях. Не обошла этот вопрос и Н. В. Рындина. Отсутствие закиси меди на шлифах она справедливо считает довольно надежным признаком самородной меди. Правда, это действительно лишь для образцов, не проходивших дополнительной температурной обработки.

Р. Питтиони, Э. Зангмайстер и некоторые другие считают химически чистую медь, бесспорно, самородной. Этого же взгляда придерживается и Н. В. Рындина. «Таким образом, — пишет она, — только химически чистую медь можно без всяких дополнительных сведений считать самородной» (стр. 43). Однако признак этот отнюдь не столь безусловен. Из целого ряда окисленных медных руд известны образцы выплавленной чистейшей меди, где можно было отметить только одну-две примеси в тысячных или десятитысячных долях процента (медистые песчаники Приуралья, ряд месторождений Балкан и т. д.).

Во второй части книги изложены непосредственные результаты историко-технологических исследований трипольского металла. Материалом здесь послужили более 500 медных изделий, подвергшихся технологическому анализу с помощью бинокулярного микроскопа. 104 предмета из них были изучены металлографически. Исследованная серия столь велика, что с ней сегодня трудно сопоставить любую другую работу по истории технологии меди и бронз в советской литературе.

Вторая часть открывается разделом о металлообрабатывающем производстве раннего триполья (этап А по Т. С. Пассек). Центральное место в нем занимают материалы известного Карбунского клада, вызвавшего уже оживленные комментарии и дискуссию в печати не только по поводу дат, но и в отношении происхождения основных категорий металлических изделий [1]. Привлекаются также и предметы из других памятников этого этапа (Н. Русешты, Кельменцы и др.). Медь 36 предметов изучена металлографически.

Упомянутый раздел, бесспорно, один из самых интересных в книге: кроме скрупулезного анализа технологии изготовления всех важнейших категорий и типов вещей в нем поставлены сложнейшие вопросы о путях и истоках проникновения металлообрабатывающего производства на территорию нашей страны, культурных

[1] Л. С. Клейн. О дате Карбунского клада. В сб. «Проблемы археологии», вып. 1, Л., 1968.

контактах раннетрипольских племен и их конкретных формах. Несомненным достоинством книги является и то, что Н. В. Рындина при металлографических исследованиях постоянно прибегает к данным спектрального анализа. Последнее делает ее выводы еще более убедительными.

Особое внимание в этом разделе привлекает изучение технологических приемов изготовления проушного топора из Карбуны. Отверстие для насадки рукоятки в нем оказалось сформованным кузнечным способом. Английский металлург А. Аллен предполагал, что подобная формовка на топорах Балкано-Карпатской зоны производилась путем сверления медного бруска. Остроумно проведенным экспериментом Н. В. Рындина показала, что отверстие было изготовлено пробивкой сплошного корпуса топора медным пробойником. Следует лишь заметить что для экспериментов следовало бы брать медь не вакуумную, отличающуюся особой чистотой, отсутствием кислорода и пластичностью, но близкую по химическому составу к раннетрипольской. Это же относится и к случаю изготовления подвески-амулета (стр. 78, 79, рис. 18).

Детальнейшие исследования Н. В. Рындиной позволили ей наметить не только самые характерные формы медных предметов этапа А, но и установить основные приемы кузнечной техники: вытяжка, высадка, плющение, изгиб, рубка, тиснение, прошивка и пробивка отверстий, сварка, обточка, шлифовка и полировка. Совершенно неизвестно было в это время литье орудий. Из установленных приемов наиболее распространенной была кузнечная сварка. Из 464 обследованных Н. В. Рындиной раннетрипольских предметов сваренными оказались 396! Это удивительно много, учитывая ее большую сложность и потому технологическую нецелесообразность применительно к меди. Широкое употребление сварки автор справедливо объясняет полным незнанием трипольскими кузнецами техники плавления меди. Все перечисленные выводы весьма важны, интересны и относятся к бесспорным достоинствам работы.

Трипольская медь, безусловно, не самородная, а металлургическая, т. е. выплавленная из руд. И здесь автор обращает внимание на видимый разрыв между знанием выплавки меди (поскольку медь трипольской культуры все же была выплавлена) и отсутствием у трипольских мастеров самого примитивного литья. Это приводит ее к заключению, что все раннетрипольские металлические изделия отформованы на месте из привозного сырья. Процесс их изготовления происходил в пределах единого по техническим традициям производственного района, не имевшего собственной сырьевой базы (стр. 89). Уже из этого последовал вывод о существовании в это время кузнеца-профессионала. Последнее хочется подчеркнуть особо, так как до самого последнего времени металлургия и металлообработка в нашей литературе большинством авторов объявлялись исключительно домашним ремеслом.

Н. В. Рындина совершенно естественно пытается определить и исходные районы раннетрипольской металлообработки. С этой целью на основании литературных и отчетных данных автором была составлена весьма примечательная карта поверхностных месторождений медных руд балкано-карпатской области (рис. 20, стр. 90). Все месторождения были разделены на три категории по наличию или относительному количеству самородной меди в них и пригодности месторождений для разработки в древности. На эту же карту нанесены границы древнейших металлоносных культур Балкан и Подунавья — Винчи, Бояна, а также Триполья.

Геологические и геохимические данные, сконцентрированные в ряде источников, позволили наметить вероятный район выплавки металла одной из основных групп меди раннего триполья: медные и полиметаллические месторождения Баната, занятые племенами культуры Винча. Поскольку винчанское население с трипольцами непосредственно не граничило, то Н. В. Рындина предполагает вероятных посредников обмена — племена культуры тисаполгар. Такой источник металла и путь его распространения вероятен, хотя и потребует более весомых доказательств, в том числе и будущих полевых исследований в области банатских месторождений.

Уже после выхода в свет рецензируемой книги в болгарской Фракии был открыт совершенно новый и, видимо, один из древнейших в Европе горнорудный район. Несколько медных рудников содержали в своих отвалах керамику и другие находки, отчетливо датируемые временем культур гумельница (Караново VI) и, возможно,

Марица (Караново V). Располагались эти рудники в основном в пределах Старозагорского и Сливенского округов. Вблизи них сейчас стало известно шесть поселений этих же культур, в которых найдено большое число образцов медной чисто отобранной окисленной руды, происходящей из гигантских разработок энеолитического времени на руднике Ай бунар близ Старой Загоры [2]. Результаты спектрального анализа сотен рудных образцов из рудника и поселений, а также множества медных предметов из этих же селищ и многих других энеолитических памятников с территории Болгарии позволяют как будто сопоставлять их с высокосвинцовистой медью раннетрипольских памятников. Контакты населения типа гумельницы с трипольцами были тесными и непосредственными. Все это заставляет обратить особое внимание на металлургический очаг гумельницкой культуры в пределах болгарской Фракии, который мог быть основным поставщиком меди трипольским племенам.

Н. В. Рындина пользуется терминологией румынских археологов и, в частности, Е. Комши. Так культура Боян на ее карте (рис. 20) охватывает огромную территорию от Южных Карпат до Родоп (стадия Петру Рареш). По более распространенной и справедливой, на наш взгляд, точке зрения, культура Боян не заходит южнее Старой Планины (Балкана). Во Фракии же в это время господствует культура типа Марицы (Караново V). Позднее на всей этой территории и, без сомнения, на основе двух названных культур возникает гумельницкая культура (Караново VI), синхронная стадиям Триполья А и В [3].

Следует также учесть, что памятники винчанского типа не проникают так далеко на восток. Во всяком случае на территории Болгарии их нет. Упомянем также и одну из самых ранних металлических находок на Балканах, происходящую из пос. Градешница с северо-запада Болгарии,— памятника типа ранней сэлкуцы, синхронного по крайней мере Каранову V. Культура типа сэлкуцы вплотную подходит и к банатским медным месторождениям [4], что также следует учесть при анализе многократно здесь упоминавшейся интересной карты Н. В. Рындиной.

Четвертый раздел книги посвящен металлообработке в эпоху расцвета трипольской культуры (этап В по Т. С. Пассек). Наиболее важным открытием здесь, как установила Н. В. Рындина, была отливка изделий и, в частности, одной из самых важных категорий — топоров-молотов и топоров-тесел. Вместе с тем полностью сохраняется весь арсенал прежних кузнечных приемов, употреблявшихся раннетрипольскими кузнецами.

Автор внимательно восстанавливает и способ изготовления топора-молота с поселка у Березовской ГЭС. Основой отливки была восковая модель, по которой лепилась разъемная глиняная литейная форма. Втулка уже формовалась стержнем, что следует подчеркнуть как очень существенную технологическую деталь. После отливки топор слегка проковывался. Важно и то, что степень проковки лезвия была невелика. Н. В. Рындина приходит к мысли, что и на этапе В местные кузнецы отковывали преобладающее число вещей. Топоры-молоты трипольцы получали от гумельницких литейщиков.

На этапе В II наиболее важным достижением, подмеченным исследовательницей, явилось открытие литья меди в двусторонние литейные формы. Вместе с этим увеличивается число привозных вещей с запада и юго-запада (крестообразные топоры-тесла). Но, по всей вероятности, чрезмерное значение придает автор единственной находке тигельного выплеска из Незвиски. Последняя послужила основанием для утверждения об импорте в эти районы чистоотобранной окисленной медной руды и местном металлургическом производстве (стр. 134). Это же заключение в

---

[2] Е. Черных, А. Радунчева. Стари медни рудници около гр. Стара Загора. Археология, 1, 1972.

[3] G. Georgiev. Kulturgruppen der Jungstein und der Kupferzeit in der Ebene von Thrazien (Südbulgarien). Actes du Symposium consacré aux problèmes du Néolithique européen. Praha. 1961, S. 73—86; Х. Т. Симеонова. Късноенеолитният некропол край град Девня — Варненско. Известия на народния музей — Варна, VII (XXII), 1971, стр. 22—23.

[4] H. T. Simeonova. Die vorgeschichtlichen Funde von Sadovec (Nordbulgarien). JRGZM, 1968, S. 46—51, Abb. 14.

еще более развернутом и общем виде нашло место и в основных выводах книги (стр. 138).

Последний раздел книги подводит краткие и основные итоги исследования. Н. В. Рындина обоснованно подразделяет историю трипольской металлообработки на четыре последовательных периода. Динамика развития этого важнейшего производства древности предстает перед читателем еще более выпукло.

Особо хотелось бы сказать по поводу последнего, четвертого периода, синхронного этапу С и γ (по Т. С. Пассек). Позднетрипольский металл не стал предметом специального исследования Н. В. Рындиной. Однако именно на этом этапе трипольскую культуру, ее металл, металлические формы и технологию металлообработки ожидали наиболее существенные перемены. Эти перемены не были изолированными. Они были связаны с финалом и исчезновением ярких энеолитических культур Балкано-Карпат и возникновением раннебронзовых культур типа Эзеро (Караново VII), Чернавода и др. В это время на обширных пространствах от Кавказа до Балкан образуется обширная металлургическая провинция с целым рядом только ей присущих форм изделий и металлургических рецептов. В нее же оказалась втянутой и металлообработка усатовского типа в Северном Причерноморье. Думается, что будущие металлографические исследования Н. В. Рындиной откроют много нового в истории металлургии и металлообработки этого важного периода.

Очень интересная и ценная книга Н. В. Рындиной, бесспорно, привлечет пристальное внимание как советских, так и зарубежных археологов и историков техники. Труд Н. В. Рындиной не только открывает новые страницы в изучении древнейшей металлургии, но и способствует пониманию сложных взаимоотношений энеолитических культур от Балкан до Западной Украины.

Е. Н. Черных

В. Б. Виноградов. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время (VII—IV вв. до н. э.). Грозный, 1972, 389 стр.

Рецензируемая книга — первая после монографии Е. И. Крупнова [1] претендует на «безотлагательное изучение и новое обобщение» (стр. 6) материалов скифского (а по тексту и доскифского) времени на Северном Кавказе. Автор специально подчеркнул во введении, что фундаментом для его основных выводов служат археологические источники.

Первая глава посвящена анализу древнейших письменных источников, которые, по мнению автора, свидетельствуют о пребывании ираноязычных кочевников на территории Северного Кавказа. Они, как полагает В. Б. Виноградов, позволяют не только реконструировать маршруты скифских походов, но достаточно убедительно представить этноплеменной состав завоевателей. Раздел написан интересно, с остроумными находками в области толкования тех или иных фактов, сообщаемых «отцами истории». Однако принципиально новой постановки вопроса мы здесь не находим. В главном вопросе о путях продвижения скифских орд в Закавказье В. Б. Виноградов остается на традиционной точке зрения (стр. 11), предложенной Е. И. Крупновым. Но в отличие от последнего, автор рецензируемой книги менее осторожен в своих высказываниях, особенно касающихся таких социальных категорий, как этноплеменной состав скифского объединения.

В какой мере известные археологические источники согласуются с выводами, вытекающими из анализа письменных источников, можно судить по содержанию второй и третьей глав книги. Здесь рассматриваются памятники скифо-савроматского круга в Предкавказье. Специальное изучение скифо-сарматских элементов в местной культуре — совершенно новая грань в кавказоведении раннего железного века. Однако внимание заострено на материалах погребального обряда. Бытовые памятники (поселения, городища) не привлекаются, что является, безусловно, минусом в работе. Тем более, что делаются ответственные выводы и предположения относи-

[1] Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960.

тельно этнической принадлежности кочевнических памятников, первых контактов со степняками, последствий участия в скифских походах местных племен и т. д.

Все эти вопросы затрагивались в трудах Е. И. Крупнова неоднократно, но в весьма осторожной форме. Такая осторожность не случайна. Е. И. Крупнов как серьезный исследователь реально учитывал отрывочный, разрозненный характер северокавказских материалов скифо-савроматского круга. Количество и качество подобного рода памятников с момента выхода «Древней истории Северного Кавказа» изменилось мало. Новых памятников не более 8—10. За исключением скрупулезно раскопанных В. И. Марковиным курганов у с. Гойты (Чечено-Ингушетия), все это одиночные погребения, далеко не безупречные по полноте информации, а также отдельные предметы из разрушенных погребений.

Однако В. Б. Виноградов, нисколько не смущаясь этим обстоятельством, применяет к этим источникам метод взаимовстречаемости и сочетания признаков, который, как известно, лишь тогда приводит к объективным выводам, когда он использован в отношении массовых и равноценных по полноте информации материалов. Автор выделяет шесть отличительных признаков, взаимовстречаемость которых способствует выявлению этнической дифференциации. Для вывода, по его мнению, достаточно «скромного сочетания двух или трех из выделенных признаков» (стр. 33). На деле же имеются памятники, где даже сочетание более чем двух признаков не убеждает в их кочевнической принадлежности. Например, Зольский курган (отчет В. И. Горемыкиной), Константиновский курган № 3 (раскопки А. П. Рунича, 1957 г.), Нижне-Куркужинский, Кармовский, Слепцовский курганы. «Общестепной характер» некоторых памятников (Нальчикские и Волноаульские курганы) вынужден признать сам автор (стр. 58). Отнесение к степным таких памятников, как разрушенные погребения Моздокского кургана № 2 вообще не выдерживает критики. Все материалы, обнаруженные здесь (браслет, кольцо со спиральными завитками, обломки ножа, керамика и т. д.), полностью тождественны неразрушенному погребению в раскопе № 1, которое относилось и по обряду и по инвентарю к местной культуре [2]. Однако все это включено в «общее число», на котором в значительной мере базируются доказательства автора.

Приведем общие данные по всему Северному Кавказу. В Ставрополье — из шести пунктов только у двух имеются сочетания двух признаков из шести; в Кабардино-Пятигорье — в трех из восьми пунктов сочетаются 2—3 признака; на Чеченской равнине — из шести пунктов в пяти сочетаются 2—5 признаков; в Терско-Кумском междуречье из пяти только в одном отмечено сочетание трех признаков. Совершенно ясно, что метод взаимовстречаемости и сочетания признаков в книге В. Б. Виноградовав выглядит весьма ненадежно, а все изложенное страдает очевидной несоразмерностью привлеченных автором фактов и сделанных на их основе выводов. И как бы ни хотелось В. Б. Виноградову доказать большую определенность степных элементов, вряд ли к ним можно применить иной термин, чем тот, который был введен ранее Е. И. Крупновым, а именно «скифоидный» или «сарматоидный». Ибо даже самые благополучные (с точки зрения этнической принадлежности) комплексы остаются во многом спорными, поскольку кроме степных черт в погребальном обряде, инвентаре и особенно в керамике почти всегда можно разглядеть черты местной культуры.

Указывая на недостатки аргументации В. Б. Виноградова, я не собираюсь отрицать очевидного факта появления в Предкавказье степняков. Скорее всего, часть тех памятников, которые выделил В. Б. Виноградов, действительно им принадлежала, но решать вопросы их этнической принадлежности и политической истории едва ли сейчас возможно. Это особенно ясно, когда обращаешься к третьей главе работы (кстати, наиболее значительной и удачной в книге), посвященной характеру и направлению контактов аборигенов Северного Кавказа со степняками. Прослеженные В. Б. Виноградовым «скифоидные» и «сарматоидные» элементы в погребальном обряде и инвентаре (оружие, доспех, конская сбруя) аборигенов столь очевидны, что такие могилы иногда почти невозможно отличить от степных (Урус-Мартановский, Луговой, Нестеровский могильники).

[2] Б. Б. Пиотровский, А. А. Иессен. Моздокский могильник. Л., 1940, стр. 15, табл. 1, 2.

Итак, деление памятников на степные и аборигенные все же остается условным, а следовательно, красочные живописания о каких-то контингентах степняков, «диктующих свою волю и власть обливающимся кровью и слезами» (стр. 75) «устрашенным аборигенам-кавказцам» (стр. 42), остаются не более как литературными ви́дениями автора. Но если автор все же рискнул выделить памятники именно степняков, то мы вправе были ожидать серьезного и скрупулезного пересмотра и анализа не только скифской «триады» и наиболее выразительных предметов степного типа, но и керамики. Однако керамика — важнейший показатель этноса, вообще осталась в стороне.

Ошибочным представляется нам утверждение В. Б. Виноградова, что увеличение количества поселений в середине I тысячелетия до н. э. на труднодоступных естественных вершинах есть следствие походов ираноязычных степняков (стр. 85—86). Топография Сержень-Юртовского и Змейского поселений начала I тысячелетия до н. э. свидетельствует о древности этой традиции. Представление же об относительно большем числе поздних поселений по сравнению с ранними скорее всего объясняется слабой их изученностью.

Во второй и третьей главах имеются и несомненно удачные страницы (анализ и доказательства савроматской принадлежности Гойтинских курганов; выводы автора о принадлежности кургана № 4 в Гойтах женщине-жрице, реконструкция гойтинского гребня с зооморфным сюжетом, выделение группы каменных и глиняных изображений «скифо-степняков»). Представляется безупречным анализ степных элементов в погребальном обряде и инвентаре аборигенов, а также содержательный и по-настоящему глубокий этюд о предкавказском локальном варианте «звериного» стиля.

Можно также полностью согласиться с автором в его оценке процесса проникновения ираноязычных племен на Кавказ как военного вторжения в VII в. до н. э. и как диффузии в более позднее время (VI—V вв. до н. э.). Однако и здесь мы считаем необходимым указать автору на отход от строгой оценки фактов. В свое время Е. И. Крупновым была высказана мысль, что находки на Сержень-Юртовском поселении десятка наконечников стрел скифского типа VII—V вв. до н. э. скорее всего связаны с походами скифов и, вероятно, в результате их нашествия погибло убежище. В книге В. Б. Виноградова находки стрел уже м а с с о в ы е, тут и «яростный штурм» и «утерянные в панике предметы» и т. д. и т. п. (стр. 76) — гиперболы, понятные в популярной брошюре «Тайны минувших времен», но совершенно неуместные в серьезном исследовании.

Неправильно утверждение автора о том, что после VII в. до н. э. Сержень-Юртовский могильник служил «лишь для единичных захоронений» (стр. 77). Раскопки последних лет свидетельствуют о том, что могильное поле продолжало функционировать и в VI—V, а может быть и IV вв. до н. э. Мы не стали бы об этом упоминать, если бы торопливо и произвольно истолкованный факт не привлекался В. Б. Виноградовым в качестве доказательства запустения жизни на Сержень-Юртовском поселении. Этот аргумент неудачен.

В целом нам представляется правильным вывод автора о том, что проникновение черт степной культуры в среду кавказцев не ликвидировало исконных традиций, как в погребальном обряде, так и в инвентаре, а также не привело к значительной этнокультурной ассимиляции кавказцев. Однако, думается, что «возможно полного раскрытия содержания и характера «скифо»-предкавказских связей» (стр. 6) у автора не получилось. Весьма гипотетично решение вопроса об этнокультурной принадлежности «степных» материалов.

Четвертая глава, посвященная материалам местной культуры VII—IV вв. до н. э., занимает добрую половину исследования. Уже это само по себе, а также название монографии отводит ей наиболее ответственную роль. Ответственность усугубляется и тем, что В. Б. Виноградов предлагает взамен традиционной, предложенной Е. И. Крупновым, карты локальных вариантов кобанской культуры свою собственную, правда, с оговоркой, что она относится только к скифскому времени. Новая схема оказалась, на наш взгляд, во многих своих пунктах крайне неудачной и дискуссионной.

Чтобы понять суть заблуждений В. Б. Виноградова, необходимо возвратиться к

основным выводам Е. И. Крупнова по этой проблеме [3]. Более чем тридцатилетнее изучение кобанских древностей позволило Е. И. Крупнову достаточно фундаментально обосновать вывод о том, что носители кобанской культуры являлись общностью этнически родственного населения. Однако материальная культура этой общности не была однообразной. Это позволило Е. И. Крупнову усмотреть в ней три локальных варианта: западный (или кабардино-пятигорский); центральный (или северо-осетинский) и восточный (или чечено-ингушский). Основанием для выделения указанных групп послужило (при общем сходстве типов поселений, черт погребального обряда, украшений и оружия) видимое различие в формах погребальных сооружений, в керамике и украшениях. Так, для центрального варианта на первом этапе Е. И. Крупнов считал характерными прямоугольные каменные ящики и сосуды малых форм, украшенные нарезным орнаментом и каннелюрами. Для западного варианта, по его мнению, в начале I тысячелетия до н. э. были характерны каменные ящики, близкие к квадрату, и сосуды, украшенные нарезным и семечковидным орнаментом. Погребальные сооружения начала I тысячелетия до н. э. на востоке были неизвестны, но на основе материалов VII—IV вв. до н. э. (могильники) и начала I тысячелетия до н. э. (поселения), он предполагал, что для этого района скорее всего были характерны грунтовые погребения и сосуды с преобладанием налепного и щипкового орнамента. По Е. И. Крупнову, кобанская культура развилась в горных районах центральной (северо-осетинской) подгруппы, где-то на рубеже II—I тысячелетия до н. э., а может быть в XII—XI вв. до н. э. В IX—VII вв. до н. э. она начала распространяться в предгорные районы центральной подгруппы, а также на запад и восток. Вследствие этого периодизация культуры для центрального локального варианта определялась тремя этапами (1-й этап — XII—IX вв. до н. э.; 2-й этап — IX—VII вв. до н. э.; 3-й этап VII—IV вв. до н. э.), а для западного и восточного лишь двумя последними.

Особо подчеркивал Е. И. Крупнов смешанный характер культуры всех трех вариантов на последнем этапе (VII—IV вв. до н. э.), законно связывая появление ряда несвойственных Кобани элементов (булыжная обкладка могил, вытянутые погребения, западная ориентация, скифская «триада») с мощным скифо-савроматским импульсом [4]. Глубоко убежденный в автохтонности кобанской культуры, Е. И. Крупнов всегда подчеркивал последовательность, непрерывность ее развития от этапа к этапу. Даже появление в Предкавказье ираноязычных элементов не нарушило, по его мнению, структуру древнекобанского общества. Таким образом, для Е. И. Крупнова характерен взгляд на развитие кобанской культуры как на последовательный эволюционный процесс, лишь в отдельные времена подверженный влиянию событий политического характера. Локальный вариант, по Е. И. Крупнову,— это отражение в культуре племенных этнографических отличий отдельных родственных групп. Он предполагал, как само собой разумеющееся, несомненное сходство памятников внутри ареала локального варианта. В могильниках — сходство погребальных сооружений; в инвентаре — тождество форм и орнаментации посуды. Последней отводилась особая роль, как решающему этнографическому признаку. Между памятниками гор и плоскости внутри одного варианта, по его мнению, наблюдалось безусловное сходство. Основные предпосылки и выводы Е. И. Крупнова представляются нам абсолютно верными, как верна и аргументация, основанная, в первую очередь, на анализе наиболее изученных памятников. На наш взгляд, В. Б. Виноградов допускает ошибку, утверждая, что построения Е. И. Крупнова базировались на суммарной оценке памятников и на детальном анализе лишь эталонных объектов в ущерб рядовым (стр. 186). В книге Е. И. Крупнова действительно много места уделено памятникам, наиболее полно отражающим признаки того или иного локального варианта (Березовский, Верхнерутхинский, Нестеровский могильники). Но это отнюдь не озна-

---

[3] Основные положения изложены в «Древней истории Северного Кавказа», а также в последних трудах Е. И. Крупнова: Е. И. Крупнов. Раннежелезный век Северного Кавказа. Уч. зап. Даг.ИИЯЛ, XIV. Махачкала, 1965; Об уточненной датировке и периодизации кобанской культуры. СА, 1969, 1; Проблема происхождения осетин по археологическим данным. Сб. «Происхождение осетинского народа». Орджоникидзе, 1967.

[4] Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа..., стр. 388—389.

чало, что все остальные материалы оставались вне поля зрения исследователя. Метод этот выбран не «в ущерб рядовым памятникам», как представляется В. Б. Виноградову, а лишь для того, чтобы эти так называемые «рядовые» (а на самом деле не обладающие всей суммой фактических данных) памятники нашли бы на фоне хорошо изученных объектов свое законное место.

Та же методика применена в нашей неопубликованной монографии «Кобанская культура на территории Чечено-Ингушетии», неоднократно упоминаемая В. Б. Виноградовым в основном в полемических целях (рассуждения о якобы допущенной мной «абсолютизации» материалов Сержень-Юртовского поселения и могильника (стр. 242), об отнесении глиняных штампов-пинтадер, антропоморфной и зооморфной пластики, а также миниатюрных сосудиков (!) только к восточному варианту (стр. 244), о якобы противоречивости моих рассуждений в оценке таких памятников, как Зандакский могильник и т. д.). Задачей нашей работы в первую очередь было выявление существа восточного варианта, намеченного Е. И. Крупновым лишь схематически, а не исправление условной границы ареала. Особенно это касалось первого этапа (IX—VII вв. до н. э.), поскольку широко и полно изученные объекты его выявились уже после выхода в свет фундаментального труда Е. И. Крупнова. В результате проведенного анализа более чем 80 категорий предметов, представленных не единицами, а целыми сериями, из которых В. Б. Виноградов произвольно выбрал только три, мы сделали по меньшей мере четыре, на наш взгляд, важнейших вывода. Эти выводы не только подтвердили правильность принципов схемы Е. И. Крупнова, но и существенно дополнили ее. Выводы эти таковы.

1. Формирование восточного варианта следует относить не к IX в. до н. э., как предполагал Е. И. Крупнов, а к X в. до н. э. Не отрицая правильности общей позиции Е. И. Крупнова, мы на основе неопровержимого свидетельства археологических источников были вынуждены отодвигать все события на Северном Кавказе, предшествовавшие экспансии кобанцев в восточную сторону, по крайней мере на столетие. Тем самым и процесс формирования локальных вариантов отодвигался в большую древность.

2. Признаки восточного варианта, сформулированные Е. И. Крупновым для скифского периода VI—IV вв. до н. э., в большинстве своем справедливы и для памятников начала I тысячелетия до н. э. (преобладание грунтовых могил, специфика украшений и особенно керамики). Подтверждалась тем самым правильность вывода не только о правомерности выделения этой группы, но и о непрерывности традиции в ее материальной культуре.

3. Специфика восточного варианта, в отличие от центрального, состоит не в смешанности его культуры только в скифское время, как полагал Е. И. Крупнов. «Скифоидная» окраска — явление вторичное, более позднее. Специфика восточного варианта на первом этапе его существования состоит в смешанности более ранних элементов культуры в этом районе. «Истоки ее, видимо, следует искать в тех общих элементах более ранней подосновы, на которой сформировалась каякентско-харачоевская культура и восточный вариант кобанской культуры. Именно этот органический сплав слабоощутимых элементов близких, но не идентичных каякентско-харачоевской культуре и преобладающих элементов, характерных для так называемой классической Кобани, и составляет суть своеобразия восточного варианта на первом этапе его развития. Позднее, к середине I тысячелетия до н. э., это своеобразие усугубилось и за счет наслоения в широком смысле скифоидных элементов» [5].

4. На востоке и на юге носители восточного варианта кобанской культуры соприкасались с носителями каякентско-харачоевской культуры. «В зоне стыка между двумя культурами в начале I тысячелетия до н. э. имелась группа смешанных памятников типа Зандакского могильника и Курчалоевского зольника, в материальной культуре которых органически сплелись кобанские и харачоевские черты» [6].

Трудно допустить, чтобы все это прошло мимо внимания В. Б. Виноградова. Удовлетворимся тем, что наши взгляды иногда обнаруживают бесспорную близость, хотя автор об этом умалчивает. Например, его высказывания на стр. 234 относи-

[5] В. И. Козенкова. Кобанская культура на территории Чечено-Ингушетии. Рукопись канд. дисс. М., 1969, Архив ИА СССР, Р — 2, № 2035, стр. 436.

[6] Там же, стр. 435, 436.

тельно истоков своеобразия восточных памятников, вывод о наличии «весьма тесного соседства, прямой близости, и, если так можно выразиться, перемещенности и переплетения кобанцев и харачоевцев в зоне стыка их культур накануне скифской эпохи» (стр. 254). Такие совпадения имелись и по частным вопросам, касающимся восточной группы памятников, однако общая характеристика их, принципиальная расстановка акцентов существенно отличается от нашей. Конечный же вывод вообще диаметрально противоположен нашему, ибо В. Б. Виноградов расчленил памятники восточной группы между двумя разными локальными вариантами своей схемы.

Но сначала о самой схеме в целом. По мнению В. Б. Виноградова, в VII в. до н.э. под влиянием политических событий происходит изменение границ и некоторых существенных признаков кобанской культуры, характерных для начала I тысячелетия до н. э. (стр. 187). Как полагает автор, на Северном Кавказе происходит перегруппировка племен, в результате чего выделяются четыре локальных варианта. Три из них связаны с кобанской культурой раннего этапа: пятигорский (пятигорско-балкарская группа), центрально-кавказский горный (иронская, дигорская, юго-осетинская и аргуно-сунженская группы), предкавказский «плоскостной» (западная и восточная группы). Четвертый, ичкеринский вариант (памятники юго-восточной Чечни) стоит особо и больше тяготеет к памятникам раннего железного века Дагестана. Такое нарушение старых границ вольно или невольно предполагает существенное нарушение структуры старого общества кобанцев, т. е. представляет качественно новое историческое явление. Однако В. Б. Виноградов в конце третьей главы специально подчеркивает, что «взаимосвязи со степняками... не привели к нивелировке особенностей материальной и духовной культуры аборигенов» (стр. 180), что «проникновение... черт степного похоронного ритуала... никогда полностью не ликвидировало исконных погребальных традиций», что «археологический материал... не дает оснований для провозглашения сколько-нибудь значительной этнической и культурной ассимиляции кавказцев со стороны степняков» (стр. 181). При таких противоречивых предпосылках сразу же возникает сомнение в реальности исторических построений.

В двух случаях ареалы локальных вариантов включают разные ландшафтные зоны (пятигорский и ичкеринский), в двух других — принято строго ландшафтное деление (горный и плоскостной). На наш взгляд, уже сам этот принцип деления не позволяет нам сравнивать между собой новые ареалы.

Как бы то ни было, но на основе археологических источников автор выделяет определенные регионы, отличающиеся рядом признаков. Признаки эти таковы, что позволяют исследователю, как он полагает, более основательно, чем его предшественникам, очертить дробные подразделения внутри кобанской культуры. Таковы исходные данные новой карты.

Однако на поверку оказывается, что В. Б. Виноградов оперирует все теми же признаками, а вернее особенностями, которые рассматривались Е. И. Крупновым при характеристике своих локальных вариантов. Но только в отличие от Е. И. Крупнова анализ их у В. Б. Виноградова менее последователен, менее обстоятелен. Так, материалы поселений и городищ не привлекаются вовсе; внимание сосредоточено только на погребальных памятниках, что в значительной степени снижает доказательность предложенного деления. Мало того, исчерпывающего сравнительного анализа погребальных памятников даже по схеме, избранной самим автором, в тексте не получилось, поскольку в основу характеристики каждого в отдельности варианта были положены разнохарактерные и разные по значимости признаки.

Для доказательства локальных групп скифского времени постоянно привлекаются материалы из памятников X—VIII вв. до н. э. (Сержень-Юрт, Кескем, Заюково, Каменномостное и т. д.), что уж совсем недопустимо, если вспомнить основную предпосылку («...в соответствии с политической обстановкой VII—IV вв. до н. э. ...локальные варианты кобанской культуры ...изменяют свои границы и некоторые существенные признаки», стр. 187). В то же время материалы IV в. до н. э. освещены совсем слабо. Из довольно путаного и сложного для восприятия изложения все же можно понять, что сравнение ведется по следующим пунктам: 1) форма погребального сооружения; 2) индивидуальность или коллективность захоронений; 3) скор-

ченность или вытянутость позы; 4) соблюдение или несоблюдение полового признака при положении покойника на тот или иной бок; 5) ориентировка; 6) отсутствие или наличие в могиле жертвенной пищи; 7) расположение сосудов в могиле; 8) расположение в могиле оружия и, в частности, наконечников копий; 9) характер керамики; 10) наличие или отсутствие бронзовой скульптуры; 11) наличие или отсутствие характерных украшений. Хотя автор неоднократно подчеркивает главенствующую роль погребального обряда, при характеристике на первое место фактически выходит погребальный инвентарь. Рассмотрим, в какой мере перечисленные выше особенности отличают предложенные для VII—IV вв. до н. э. локальные варианты кобанской культуры.

Для пятигорского варианта, по В. Б. Виноградову, характерны в этот период следующие погребальные сооружения: 1) подквадратные ящики из плит ракушечника или известняка, иногда лишенные одной боковой плиты; 2) грунтовые ямы со стенками, обложенными булыжником; 3) простые грунтовые ямы. Особенность погребальных сооружений центральнокавказского горного варианта составляли: 1) каменные «колодцы» (точнее грунтовые ямы со стенками, обложенными булыжником); 2) простые грунтовые ямы; 3) каменные ящики прямоугольной формы.

Для предкавказского плоскостного варианта, по мнению В. Б. Виноградова, «безусловно господствующим типом захоронения является захоронение в простой... грунтовой яме», ему «почти полностью чужда традиция каменного оформления могилы» (стр. 236). Другими словами, в плоскостном варианте, по В. Б. Виноградову, представлены два типа могил: 1) простая грунтовая яма; 2) грунтовая яма с обкладкой по краю булыжником, а иногда с каменной наброской сверху.

Достаточно простого сравнения, чтобы понять, что для VII—IV вв. до н. э. типы погребальных сооружений всех трех вариантов в подавляющих случаях однообразны, а следовательно, не могут быть существенным отличительным признаком. Кроме того, конкретные памятники, отнесенные В. Б. Виноградовым к разным локальным вариантам, обнаруживают столь разительное сходство в типе могил, что помещение их в разные варианты оказывается чисто условным. Так, грунтовые могилы с обкладкой булыжником стенок у колонии Карасс (пятигорский вариант) вне всякого сомнения похожи на могилы — «колодцы» Верхнего Кобана (горный центральнокавказский вариант). Грунтовые могилы с булыжной обкладкой или засыпкой булыжником Лугового и Нестеровского могильников (горный центральнокавказский вариант) чрезвычайно близки конструкциям могил у с. Кескем и Пседахе (плоскостной предкавказский вариант) и, несомненно, составляют нечто единое с некоторыми могилами Алероевского I могильника (восточная группа плоскостного варианта). И если сходство конструкций могил Нестеровского и Кескемского могильников еще можно как-то объяснить территориальной близостью и ссылкой на миграции (стр. 235), то для объяснения сходства сооружений могил Алероевского и Лугового могильников аргументация очевидно несостоятельна. Попытка выдать могильные сооружения Лугового, с одной стороны, и Стырфазского и Тлийского могильников — с другой, за тождественные явления (стр. 226) представляет также очевидную натяжку. Таким образом, если говорить об отличиях в конструкциях могил, то они проявляются только там, где сохранилась традиционная форма каменных ящиков.

Отвлечемся от всяких схем и представим, исходя из археологических материалов, картину распределения как раннекобанских, так и позднекобанских погребальных конструкций в зависимости от ландшафта. Горная зона: в Пятигорье — памятники отсутствуют; в Кабардино-Балкарии — каменные ящики (ранние), в Северной Осетии каменные ящики (ранние), могилы — «колодцы» (поздние), грунтовые могилы (поздние); в Чечено-Ингушетии — грунтовые могилы (поздние); грунтовые могилы с обкладкой по краю и засыпкой булыжником (поздние), каменные ящики и склепы на границе с Дагестаном (ранние и поздние). Предгорная зона: в Пятигорье — каменные ящики (ранние), грунтовые могилы (поздние), грунтовые могилы с обкладкой стенок булыжником (поздние); курганы (поздние); в Кабардино-Балкарии — каменные ящики (ранние и поздние); курганы (поздние); в Чечено-Ингушетии — грунтовые могилы (ранние и поздние); курганы (поздние); каменные ящики и склепы на границе с Дагестаном (ранние и поздние). Плоскостная зона: в Пятигорье — каменные ящики (ранние и поздние), курганы (поздние), в Кабардино-

Балкарии — памятников нет; в Северной Осетии — грунтовые могилы (поздние); курганы (поздние).

Для раннего периода, таким образом, получается картина, независимо от ландшафта подтверждающая правоту Е. И. Крупнова, а не В. Б. Виноградова. Для запада Северного Кавказа характерны каменные ящики; для центральной части — каменные ящики и грунтовые могилы, для восточных районов — грунтовые могилы. Со скифского времени отмечена общая для всех районов тенденция — внедрение грунтовых могил. Там, где этот признак наслоился на традиционные, но непохожие конструкции, он выступал более выпукло (сочетание каменных ящиков и грунтовых могил); там, где этот признак совпадал со сходными конструкциями, он менее бросается в глаза. Однако под этим новым признаком все же прощупывается первоначальное распределение типов погребальных сооружений. Границы вариантов не меняются, а как бы смазываются. Мы остановились подробно на этом признаке, поскольку В. Б. Виноградов неоднократно подчеркивает первенствующую его роль при выделении локальных подгрупп. Но при всем желании признать, что выделение по этому признаку у В. Б. Виноградова получилось более четкое, чем у Е. И. Крупнова, невозможно.

Не могут служить отличительными признаками и два следующие, а именно — скорченность на боку и индивидуальность или коллективность захоронений. Первый, как отмечал Е. И. Крупнов, является общим для всей культуры, а второй не соблюдается неукоснительно. Хотя В. Б. Виноградов и полагает, что для пятигорского и предкавказского плоскостного вариантов характерны индивидуальные захоронения, а для горного центральнокавказского — коллективные; на деле это не совсем так. Например, в Хабазском могильнике даже при малых объемах раскопок в каменных ящиках встречены коллективные захоронения (пятигорский вариант), а в таком хорошо изученном памятнике, как Луговой (горный центральнокавказский) во всех 160 могилах были исключительно индивидуальные захоронения. Парное захоронение имело место в Сержень-Юртовском могильнике (плоскостной предкавказский), коллективные захоронения занимают заметное место в Алероевском и Урусмартановском могильниках (плоскостной вариант).

Весьма ненадежны для установления отличий между вариантами данные о соблюдении полового признака при положении покойника на правый или левый бок. Е. И. Крупнов указывал, что для восточной группы, а вернее для Нестеровского могильника, отмечено преобладание мужских захоронений на правом боку, а женских на левом. Автор рецензируемой монографии, справедливо отмечая в этом вопросе слабость позиции Е. И. Крупнова и моей, сам не удержался от преувеличения значимости этого признака. Скорее всего, отличительной закономерности здесь не существовало. Видимо, общей особенностью для всей кобанской культуры является соблюдение только в пределах одного могильника определенной ориентации покойника.

Отличительным признаком погребального обряда пятигорского варианта В. Б. Виноградов считает отсутствие жертвенной пищи (кости животных). Для горного центральнокавказского варианта, по его мнению, этот обычай характерен. О плоскостном варианте автор умалчивает. На самом деле, в Кабардино-Пятигорье, там, где в памятниках полностью сохранился обряд, неоднократно находились кости животных в могилах (Каменномостский — кости барана; Кисловодский — кости коровы). На территории «плоскостного» варианта кости коровы, овцы, свиньи постоянно встречались в погребениях у сел. Сержень-Юрт, у г. Моздока, у с. Исти-Су, Алерой, Старые Атаги, в Ани-Ирзо и Бойси-Ирзо (Урус-Мартан). Таким образом, и эта особенность вряд ли может отличать выделенные варианты, как не могут быть решающими сведения о расположении сосудов и оружия в погребениях. Видимо, автор и сам это понимал, так как в разделах, посвященных центральнокавказскому горному и предкавказскому плоскостному вариантам, об этом упоминается бегло.

От серьезного анализа такого признака, как керамика автор отказался, хотя именно он мог быть отличительным и решающим при выделении локальных групп. В разделе отсутствует четкая характеристика сосудов. В главе нет сравнительных таблиц ни по типологии, ни по формам, ни по орнаментации посуды. Выборочные данные о керамике сами по себе не лишены интереса (например, экскурс о смысловом значении орнамента пятигорских мисок), но не меняют дела. В целом следует

признать, что характеристика керамики поверхностна. Если бы В. Б. Виноградов более обстоятельно занялся анализом керамики и просмотрел имеющиеся кобанские материалы с точки зрения возможного выделения керамических групп, то по многим пунктам своей карты ему пришлось бы внести существенные коррективы. Но тогда бы он избежал и такого положения, при котором абсолютно одинаковые комплексы, явно принадлежащие к одной узкокультурной группе, оказались в разных вариантах. Именно так и случилось с могильниками типа Исти-Су и Луговым, с Кобанским и Верхнерутхинским, с одной стороны, и Змейским поселением и Моздокским могильником — с другой. Автор не пришел бы к таким очевидно несостоятельным выводам, что керамика Змейского поселения имеет «зримые черты» сходства с керамикой восточного варианта (стр. 243) и что «образцы посуды из Ассинского ущелья... выявляют неоспоримые черты сходства... с керамическим инвентарем древнекобанских погребений горной Осетии» (стр. 215). Если же отвлечься от умозрительных построений и посмотреть на кобанскую керамику в целом, то только предвзято мыслящий человек может не увидеть в ней при общих сходных моментах, обусловленных единством культуры, три большие группы. Независимо от ландшафта выделяется западная группа с преобладанием керамики с нарезным и семечковидным орнаментом, центральная — с преобладанием нарезного геометрического орнамента, иногда со следами белой пасты, а также часто с косыми и вертикальными каннелюрами на поверхности («гальштатоидная») и восточная — с подавляющим преобладанием налепного орнамента. Именно эти отличительные особенности в керамике уловил Е. И. Крупнов при разработке своей схемы локальных вариантов. Нам они представляются жизненными и до настоящего времени. Собственно, В. Б. Виноградов не решается всерьез оспаривать правильность характеристики керамики, данной Е. И. Крупновым и мной (стр. 193, 215, 255), что может свидетельствовать лишь о непоследовательности автора, ибо наши характеристики послужили для выводов, далеко не всегда совпадающих с выводами В. Б. Виноградова.

Следующий признак, на котором В. Б. Виноградов остановился при характеристике локальных групп — бронзовая зооморфная пластика. Ее он считает характерной только для центральнокавказского горного варианта. Однако этот признак неправомочен для VII—IV вв. до н. э., так как для этого периода бронзовая скульптура кобанского типа вообще не характерна. В раннекобанских же памятниках с поздней гранью VIII—VII вв. до н. э. бронзовая скульптура имела место не только в горной зоне, но и в плоскостной (Заюково, Гунделен, Воздвиженская). Имела она место и в пятигорском варианте (Каменномостское).

Последний признак, на котором останавливается В. Б. Виноградов при характеристике своих вариантов,— бронзовые украшения (пряжки, булавки, бляхи и т. д.). Сравнение по этому признаку проведено весьма непоследовательно. Пятигорский вариант вообще не затронут. Подробнее всего автор остановился на специфических особенностях украшений памятников горной зоны. Остановился он и на украшениях, которые он считает специфически плоскостными. Несмотря на беглость сравнений, этот поиск в книге В. Б. Виноградова нам представляется весьма перспективным. Специфика украшений позволила бы выделить локальные группы еще более мелкие, чем те, что предлагал автор. Неверна, на наш взгляд, только локализация некоторых украшений и, в частности, птицеобразных пряжек. В. Б. Виноградов считает их локальным украшением правобережной восточной группы плоскостного варианта (стр. 261). Однако известно, что из 10 предметов один неизвестного происхождения, четыре найдены в ареале, по В. Б. Виноградову, горного варианта и пять — на территории плоскостного. Картографирование выявило, что они сосредоточены в бассейне рек Аргуна и Хулхулау, т. е. в сердцевине восточного варианта (по Е. И. Крупнову). Все находки, как горные, так и плоскостные, составляют компактную, а не рассеянную группу. Эта компактность, возможно, служит доказательством существования восточного варианта, территориально занимавшего как горы, так и плоскость. Найденные недавно М. Х. Багевым в самом сердце гор, в Аргунском ущелье, средневековые пряжки такого типа служат доказательством того, что бассейн Аргуна скорее всего и был местом их возникновения.

Итак, те признаки, которые и могли бы послужить отличительными (керамика, украшения), разработаны в схеме В. Б. Виноградова слабее всего. Отсюда умозри-

тельность и надуманность некоторых построений, например при выделении плоскостного варианта. Это особенно ясно, когда автор касается вопроса происхождения своих локальных вариантов. Если для пятигорского и горного центральнокавказского он еще находит корни в более ранней культуре, то в вопросе о происхождении плоскостного варианта он заходит в тупик, считая эту задачу невыполнимой (стр. 241). Думаю, что задача эта так и останется невыполненной. И дело здесь не в отсутствии памятников, как полагает В. Б. Виноградов, а в том, что этот вариант создан искусственно из культурных элементов разных вариантов и являет собой, как выразился сам В. Б. Виноградов, «пример органического переплетения элементов культуры соседних областей и вариантов, в котором лишь с трудом улавливаются некоторые специфические черты» (стр. 249).

Неправилен метод обращения автора с цифровыми данными. Цифровые выкладки, подтверждающие выводы касательно эпохи VII—IV вв. до н. э., сплошь и рядом состоят из смешения числовых данных поздних и ранних памятников (стр. 188—189, 236—237, 240). Итак, локальные варианты В. Б. Виноградова уязвимы, недостаточно обоснованы и не обеспечены материалами. Это только поиски подхода к вопросу.

Научные изыскания и проверка выводов предшественников — естественны для творческого процесса. Естественны они и в подходе к вопросу о локальных группах внутри большой археологической культуры. Сведения античных источников середины I тысячелетия до н. э. достаточно ясно говорят о многоэтничности и разноязычности древнего населения Северного Кавказа. Пестрота археологического материала подтверждает существование этнографических различий. Отсюда вполне понятно стремление исследователей не останавливаться на достигнутом, продвинуть на новую ступень решение проблемы. Но в то же время на каждого из них оно накладывает определенную ответственность за интерпретацию фактов, за высказанное публично мнение по тому или иному аспекту проблемы.

Как можно понять из всего сказанного выше, постановка и решение проблемы локальных вариантов в кобанской культуре у В. Б. Виноградова во многом лишены ясности и точности. Чувствуя слабость и шаткость своих позиций, автор вынужден неоднократно оставлять для себя пути к отступлению. Эти постоянные отступления создают впечатление общей непоследовательности. По всей книге, и в особенности в четвертой главе, встречаются положения, когда автор с категоричностью, не допускающей иного мнения, предлагает какую-либо гипотезу или делает вывод, а затем столь же убедительно извещает читателя о «недостаточности реальной источниковедческой базы» (ср. стр. 6 и 9; 32 и 38—39; ср. подзаголовок на стр. 39 и вывод на стр. 181—182; ср. стр. 225—226 и 231 и т. д.).

Особое место занимает в четвертой главе раздел, посвященный памятникам скифского времени юго-восточной Чечни (Ичкерии). В целом он не лишен интереса. Можно согласиться с автором, что это особая группа, находящаяся на стыке двух больших культур: каякентско-харачоевской и кобанской. Особенность ее в смешанности черт материальной культуры памятников этого района. Именно поэтому удивляет несколько неожиданное стремление В. Б. Виноградова придать этой пограничной полосе некий самостоятельный характер.

Заключение работы посвящено сугубо теоретическим вопросам этногенеза местных народов в эпоху скифских походов. Не будучи специалистом в лингвистике и антропологии, я не считаю себя вправе высказываться по этим вопросам. Однако в принципе вывод автора о том, что «аборигенное население, создавшее кобанскую культуру, приобретает все права этнической общности, пребывающей на стадии закономерного дробления и расхождения этнографических групп» (стр. 309), не вызывает возражения.

Оценивая значения труда В. Б. Виноградова в целом, следует сказать, что он представляет определенный вклад в науку. В нем имеются интересные мысли, интересные теоретические обобщения. Но наряду с этим в книге слишком изобилуют скороспелые, дискуссионные положения и концепции, много в ней пренебрежения к археологическим «мелочам». В методике, в оценке фактов, в основательности и продуманности выводов монография В. Б. Виноградова значительно уступает фундаментальному труду Е. И. Крупнова.

В. И. Козенкова

Les méthodes mathématiques de l'Archéologie. Paris, 1972, 265 стр.

Рецензируемый том представляет собой ротапринтное издание докладов семинара по математическим методам в археологии, проведенного Центром анализа археологических источников национального центра научных исследований Франции [1] в Марселе 4—8 октября 1971 г. Этот семинар развивает тематику I Международного коллоквиума, проведенного тем же Центром и там же в 1969 г. [2]. Участниками его были археологи, этнографы, искусствоведы, а также математики (занимающиеся применением математики в археологии, биологии, медицине и т. д.), но если в 1969 г. 48 участников представляли 16 стран, то в 1971 г. 62 участника — только пять стран.

В указанных двух томах [3] мы не найдем докладов, где основной целью является показ преимущества статистических методов перед ручной обработкой (это ясно всем участникам и не нуждается в доказательствах), но авторы не упускают случая подчеркнуть экономичность и эффективность вычислительной техники. Докладчики предлагают новые математические методы или развивают апробированные старые — в направлении их большей строгости, математической обоснованности (без потери строгости) и простоты в вычислениях. Во всех случаях мы имеем дело с докладами, где археологический материал приводится в качестве примера, наглядно иллюстрирующего положения автора. К сожалению, в отличие от первого тома в рецензируемой работе не опубликованы дискуссии по докладам, за исключением нескольких комментариев.

В опубликованных докладах обоих томов представлены две основные большие темы: археологическая классификация (ей посвящена большая часть докладов первого тома и несколько докладов второго) и хронологическое определение находок на основании анализа массового материала — так называемая сериация. Ко второй теме относится большая часть статей рецензируемой работы, и ей мы отведем основное место. Положение облегчается тем, что недавно был дан разбор одного из приемов сериации [4] — метода Брейнерда-Робинсона, его аксиоматики и применения; поэтому многое из того, что уже было сказано, можно будет не повторять.

Интересным введением к этой теме является статья В. Ф. Де Ла Вега (стр. 118—127), дающая обзор техники сериации в связи с исследованием Р. Даннела «Методы сериации и их оценка». Повторив определение сериации, данное еще Р. И. Русом, как процесса, «который хронологически упорядочивает различные археологические памятники одной культурной традиции на основании их культурных черт» (стр. 118), В. Ф. Де Ла Вега выделяет три типа сериации: 1) сериация на основании матрицы присутствия — отсутствия (ниже мы рассмотрим пример и преимущества таковой по статье В. фон Хаген-Бордац и Ж. Бордаца); 2) сериация по частотам (или же по процентам, например, метод Брейнерда-Робинсона); 3) «динамическая» сериация, процесс нахождения места для памятников в уже упорядоченном ряду.

Де Ла Вега подчеркивает, что основной проблемой сериации является правильный выбор характерных признаков, которые будут положены в основу сравнения комплексов, и перечисляет те условия, которыми должен руководствоваться археолог, применяя сериацию. Сравниваемые археологические комплексы должны иметь примерно одинаковую длительность существования, принадлежать к одной культурной традиции и быть территориально близкими.

Р. Даннел, исследования которого разбираются в докладе Де Ла Вега, предлагает свою методику сериации — упорядочивать комплексы таким образом, чтобы распределение вероятностей каждого характерного признака было одномодальным (т. е. имело бы одну вершину). Методика Р. Даннела предъявляет более строгие требования к материалу, хотя на первый взгляд кажется более ограниченной, по-

[1] В. Б. Ковалевская. Центр анализа археологических источников во Франции. Сб. «Статистико-комбинаторные методы в археологии». М., 1970, стр. 211—217.

[2] Archéologie et calculateurs. Problèmes sémiologiques et mathématiques. Paris, 1970.

[3] Несмотря на то, что им не приданы номера, мы для удобства позволим себе называть сборник 1970 г. первым томом, а сборник 1972 г.— вторым.

[4] В. Б. Ковалевская, И. Б. Погожев, А. П. Погожева (Кусургашева). Количественные методы оценки степени близости памятников по процентному содержанию массового материала. СА, 1970, 3.

скольку методика Брейнерда-Робинсона за последние 20 лет получила широкое распространение, продуктивным будет объединение этих двух методик. В. Ф. Де Ла Вега предлагает исследователям сначала упорядочить материалы, используя модель Брейнерда-Робинсона (тем более, что существует алгоритм и для этой модели), а затем уж исследовать, основываясь на этом порядке, распределение вероятностей, выраженных процентами.

Еще в 1969 г. в докладе В. фон Хаген-Бордац и Ж. Бордаца (Канада), опубликованном в первом томе, был предложен новый программированный метод сериации, опирающийся на теорию информации. Как и в методике Брейнерда-Робинсона, здесь происходит сравнение двух комплексов по типичному массовому археологическому материалу, но если в первом случае сравнивается процентное содержание типов, то здесь отмечается их присутствие и отсутствие. В отношении времени подсчета этот метод является, безусловно, более экономичным. Но дело не только в этом. Авторы справедливо отмечали, что когда вариации численностей черепков в сравниваемых комплексах велики, а сами численности небольшие, случайное добавление нескольких черепков в небольшой комплекс существенно меняет процент, что делает трудным сравнение, поскольку метод Брайнерда-Робинсона очень чувствителен к этому типу вариации. С другой стороны, часто встречающиеся типы, которые дают очень мало информации о хронологии, приобретают большой вес, а редко встречающиеся типы, наиболее разнящиеся, часто исчезают, когда мы используем проценты. Поэтому исследователи, с одной стороны, шли по пути нахождения математической поправки (например, поправка Лэмера), а с другой, по пути создания новых приемов.

Замена процентов фактом наличия или отсутствия не приводит к существенным различиям. В отличие от Брейнерда и Робинсона, использовавших коэффициент сходства, здесь используют функции расстояния Танимото [5]. Авторы приводят пример хронологического упорядочения 90 комплексов поселения из Мексики по наличию керамики, разбитой на 69 комбинаций признаков, причем программа располагает возможностью анализировать 500 комплексов по 124 комбинациям признаков. Интересно, что сначала подсчеты были проведены ручным способом на 27 комбинациях признаков, что дало удовлетворительный результат, тогда как уменьшение числа комбинаций признаков до 18 резко ухудшило результаты.

Ряд статей, посвященных проблеме археологической сериации, написан математиками на высоком профессиональном уровне и слишком специален, чтобы подробно их здесь разбирать. Так, в статье И. Лермана исследуется процедура упорядочения по диагонали матрицы типа турнирной таблицы, где по методике Бордацев отмечено наличие или отсутствие признаков. И. Лерман разбирает графическую, близкую к интуитивному уровню, методику Ж. Бертэна группировки строчек и колонок визуально. Затем критикует методику Д. Дж. Кенделла, опирающегося на алгоритм Крускала, у которого, по мнению И. Лермана, нет достаточно ясного математического основания и, наконец, приводит свою аналитическую часть, где на примерах, приняв ряд условий и лемм, выводит теоремы математического выражения упорядочения матрицы по диагонали как в алгебраической, так и в геометрической форме.

Интересная программа и алгоритм сериации (с опорой на вышеразобранную методику Р. Даннела) приводится С. Ренье (стр. 157—166). Им ставится задача хронологического определения различных участков многослойного поселения по наличию определенных типов вещей. Интересно, что разбираемый в статье пример (упорядочение 58 раскопов с 5 слоями по 60 типам вещей) был подсчитан ручным способом. Затем была составлена программа на Фортране и алгоритм, и этот же пример был подсчитан на машинах за две минуты. Результат очень близок к тому, который был получен ручным способом.

На столь же высоком математическом уровне дана статья В. Ф. Де Ла Вега «Два алгоритма сериации» (стр. 157—166). Автор рассматривает те же матрицы признаков и предметов типа турнирной таблицы и с успехом использует очень простой алгоритм Тонелье упорядочения матрицы, опирающийся на элементарные положения о том, что: 1) объекты, имеющие наибольшее количество общих признаков, находятся (или должны находиться) рядом; 2) признаки, которыми обладает один

[5] Rogers David J. and A. T. Tanimoto. A Computer Program for classifying Plants. Science, 1960, 132, № 3434. Washington, p. 1115—1118.

объект, находятся рядом. Отсюда алгоритм Тонелье основывается на «центре тяжести» колонок и строчек и предлагает формулу расстояния *D*. Если же идет речь об упорядочении матрицы коэффициентов сходства Брейнерда-Робинсона, когда влево и вправо от центральной диагонали коэффициенты должны уменьшаться, то необходимо измерить общее количество возможных отклонений и то количество, которое мы наблюдаем на практике. Предложенный В. Ф. Де Ла Вега алгоритм на Фортане V дал следующий разультат: на вычислительной машине типа Univac 1106 за 30 сек. было упорядочено 46 комплексов, за 90 сек.— 76 (включая и расчет матрицы).

В очень интересной и написанной на высоком теоретическом уровне статье Дж. Дорана, касающейся оценки и автоматического порождения интерпретирующих гипотез в археологии (стр. 200—211), автор рассматривает археологический пример хронологической сериации. На ЭВМ программа Solcem (аналогичная эвристической программе Dendral) должна выбрать часть материала латено-гальштатских погребений из исходной совокупности, дать выводы о типологии находок, хронологии могильника и погребальном обряде, т. е. решить те вопросы, которые ставятся в любом археологическом исследовании и решаются традиционными способами, с использованием потенциальных интуитивных знаний исследователя.

Остальные статьи рецензируемого тома относятся к двум основным темам лишь частично и очень отличаются друг от друга поставленными вопросами, по характеру, уровню математического профессионализма и т. д. Поэтому рассмотрим их так, как они помещены в сборнике. В первую главу, носящую название «Введение в статистику и анализ множественной вариации», выделены два доклада гостей семинара П. Има из Марбурга (ФРГ) и Р. Сибсона из Кембриджа.

Статья П. Има, крупного статистика, занимающегося применением математики в медицине и биологии, отличается от других работ отсутствием каких-либо оригинальных построений или методик и более популярным характером изложения. В ней дается краткое перечисление различных математических приемов, позволяющих применять вычислительные машины, причем автор справедливо подчеркивает, что «сложность вычислительных работ не всегда прямо связана со сложностью поставленных проблем» (стр. 3). П. Им разбирает вопросы, связанные с «расстоянием» (сходством) между различными сравниваемыми объектами, характером выборки, генеральной совокупности и распределения вероятностей. В свое время среди археологов вызвало дискуссию положение автора рецензии о том, что в археологии большинство распределений численностей мы можем выражать с помощью нормального распределения [6]. Интересные высказывания на эту тему мы видим у П. Има. Он говорит, что, например, распределение размеров керамики является нормальным, так же, как и ряд качественных признаков, причем если на практике наблюдается ненормальность распределения, в частности многовершинность, то на основании этого мы можем судить о том, что оказались смешанными несколько типов. «Мы часто принуждены работать с методами, опирающимися на нормальность распределения, не будучи уверенными, что оно наличествует в нашем материале... Результаты справедливы, даже если мы не уверены» (стр. 18). Подчеркивая, что непараметрические методы имеют большое значение для археологии, П. Им отмечает, что в последнее время предложены простые методы для определения доверительных интервалов для медианы, к сожалению, не излагая их, а только ссылаясь на Р. Кэмпбелла [7]. В этой, наиболее объемной статье сборника нашли место и вопросы типологии, методы скалирования по одному и многим признакам, связи между признаками. Особенно интересны примеры (текстовые и иллюстративные), позволяющие располагать предметы в n-мерном пространстве в определенном порядке, зависящем от их близости по ряду параметров (подчеркнем еще раз, что методика сериации Брейнерда-Робинсона дает этот порядок на основании только пары признаков).

Последнему вопросу посвящена специальная статья Р. Сибсона (стр. 43—73). Она написана на высоком научном уровне. Здесь предложено изящное алгебраическое решение определения расстояния двух точек в эвклидовом пространстве, разобраны критерии Кенделла и Крускала. Приводится пример и сравниваются

[6] В. Б. Ковалевская (Деопик). Применение статистических методов к изучению массового археологического материала. Сб. «Археология и естественные науки». М., 1965, стр. 291—292.

[7] R. C. Campbell. Statistics for Biologist. Cambridge, 1967.

между собой результаты, полученные традиционными методами и с помощью машин.

Несколько особняком стоят доклады Л. Бурели (стр. 186—199) и Е. Шураки (стр. 212—228). Первый посвящен описанию очень сложной и дорогостоящей процедуры моделирования, так называемой «симуляции», которая только начинает применяться в психологии, социологии и антропологии. Сущность этой процедуры заключается в оценке особенностей изучаемой системы с помощью вспомогательной системы, которая не аналогична данной, а только соответствует по структуре и ряду свойств. Подсчеты очень велики, но проводятся на машинах, причем, если программа составлена не на Фортране и Алголе, а на Симскрипте, то время для программирования может быть сокращено.

Доклад Е. Шураки разбирает этапы археологического исследования от анализа материала (описания, индексации) через процесс исследования (организация карточек, научная обработка) к созданию гипотез. Особое внимание он обращает на тему распознавания образов — определение организации различных частей и их описание. Целое рассматривается как система элементарных знаков. На этой статье подробно останавливаться нет смысла, поскольку в настоящее время существует большая отечественная литература и по семиотике, и по распознаванию образов. Закончить данный обзор можно статьями К. Моберга, помещенными в обоих томах [8], в которых археологический материал используется как база, основание, а не только как иллюстрация различных математических приемов, и ставится вопрос о тех ограничениях, которые должны накладываться на математические процедуры.

В первой статье, подчиняясь тем основным проблемам классификации, которые были поставлены во главу угла работ международного коллоквиума 1969 г., К. Моберг обращает особое внимание на описание и анализ вещей, что он выделяет в качестве археографии. Автор разбирает критерии сравнения между собой вещей — комбинаций признаков, отмечая, что в археологии в качестве аксиомы принимается положение о том, что если есть сходство между двумя явлениями, то, возможно, между ними существовали прямые или косвенные связи. В статье разбираются типологический метод О. Монтелиуса, значение открытых и закрытых комплексов и математические методы изучения близости между собой памятников по инвентарю (методика Борда, «мера тенденций» по Кларку, факторный анализ Бинфордов и т. д.). Далее К. Моберг останавливается на том, какая потеря информации допустима при применении различных математических моделей, приносящих большой выигрыш в виде расширения возможностей и большей эффективности исследований. Именно в определении меры потерь и выигрышей состоит особенность применения математических методов в археологии и роль в этом археолога.

Во второй работе К. Моберг приводит пример исследования на стадии археологической интерпретации. За основу взяты археологические памятники Скандинавии середины I тысячелетия до н. э., которые сопоставляются между собой по наличию археологического инвентаря. Под социологической археологией понимается просто «изучение человеческих отношений в обществах» (стр. 231), т. е. решение исторических, в частности демографических вопросов, силами археологов.

К. Моберг рассматривает сезонные стоянки охотников и рыболовов Скандинавии, и по распределению специализированных каменных орудий и костей пытается создать их типологию для объединения стоянок, занимающих определенное место в цикле (т. е. опять-таки задачи археологический сериации). К. Моберг применяет непараметрические методы, в частности критерий рангов или методы теории информации, и подчеркивает необходимость тесного контакта с биологией, экологией, географией. Вместе с тем, коль скоро археологи обращаются к вопросам, связанным с автоматической классификацией, необходимо, по его мнению, выработать методологию оценки и выбора характерных признаков, сулящую успех вышеназванной проблематике. Интересно, что доклад К. Моберга в 1969 г. вызвал наиболее интересную дискуссию, поскольку затронул самый животрепещущий вопрос — характер отно-

[8] C. A. Moberg. Remarques pragmatiques sur quelques problèmes théoriques dans l'archéologie de la Scandinavie occiedentale aux environs de 1300 av. J. C. Archéologie et calculateurs..., p. 27—43; C. A. Moberg. Questions sur l'outillage mathématique d'une archéologie sociologique. Les methodes..., p. 230—248.

шений между археологами и математиками. В процессе дискуссий определялись назревшие вопросы, необходимые направления и для математиков, и для археологов. Недаром часть докладов семинара в 1971 г. явилась ответом на вопросы, поставленные на дискуссии 1969 г.

Еще раз вернемся к особенностям состава участников коллоквиума и семинара. В Европе и США археологи очень четко делятся на две группы — полевых археологов и теоретиков. Большинство совещаний собиралось из этих двух групп (всегда при значительном численном превосходстве первой) и носило характер популяризации опыта внедрения математики в археологию с упором на примеры, подчеркивающие большую объективность, простоту и эффективность математических приемов, которые можно использовать, когда материал слишком сложен и велик для обычного исследования.

В данном же случае собрались только археологи-теоретики, давно занимающиеся внедрением математики в археологию, и математики, специально занимающиеся развитием этих методов. Поэтому основной проблемой, поставленной директором Центра Ж. К. Гардэном и его заместителем М. Борилло, устроителями этих совещаний, был характер сотрудничества этих двух групп исследователей в настоящее время и перспективы его на будущее. Основная мысль заключалась в том, что стимул теоретической археологии должен заключаться в ней самой; отталкиваясь от археологических материалов, археологи обязаны ставить математикам задачи на которые последние должны искать ответ. Многие археологи говорили о недостаточном знакомстве математиков со спецификой археологии. Как подчеркивала математик В. фон Хаген-Бордац, только при максимальном уважении математика к археологическому материалу у него не будет склонности втискивать его в прокрустово ложе красивой математической теории.

Д. Ф. Эстабрук (США) говорил о необходимости создания математики, специально приспособленной к проблемам, поставленным археологией и созданной на ее базе. Правда, как подчеркивали К. Моберг и Ж. К. Гардэн, предварительно должна быть создана теория археологии, система понятий, выявлены закономерности (в форме аксиом и гипотез), правила перехода от одного уровня исследований к следующему и т. д. «Дело археологии сформулировать свою теоретическую базу, для чего надо изучить археологические конструкции, которые подтверждены фактами, и на основании анализа этих конструкций увидеть, каковы те различительные операции, которые применялись авторами. Если тогда придется обратиться к лингвистическим моделям или математическим, то во всяком случае будет уверенность, что мы шли от чисто археологических конструкций и к ним вернулись»,— говорит Ж. К. Гардэн [9].

Если коротко подытожить значение этих двух совещаний, выраженных в двух томах общим объемом более 600 страниц, то прежде всего надо подчеркнуть оперативность этих изданий и их высокое качество (как с точки зрения науки, так и с точки зрения полиграфии). Изданием этих двух томов сделан огромный шаг по пути создания общего языка археологии, понятного для всех.

К сожалению, разрыв между археологами и математиками сохраняется, наглядным примером чему является разный профессиональный уровень, на котором написаны работы математиков и нематематиков. Упрек, который можно обратить к математикам, заключается в том, что ряд разделов математики (такие, как математическая логика, алгебра, теория информации) разрабатываются еще очень слабо, хотя их преимущество в легкости вычислительных работ безусловно. Это можно объяснить только тем, что в распоряжении математиков находятся ЭВМ, и это излишнее увлечение машинами накладывает отпечаток на их теоретические исследования. С другой стороны, хочется лишний раз сказать археологам, стоящим на пороге применения математики к археологии, что боязнь потери независимости напрасна. Конечно, каждое моделирование уносит какую-то долю информации, но ведь не отказываемся же мы от речи на том основании, что она в определенной степени искажает нашу мысль.

В. Б. Ковалевская

---

[9] Archéologie et calculateurs..., p. 42.

ЛИТЕРАТУРА ПО АРХЕОЛОГИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА В 1971 ГОДУ

В 1971 г. продолжался выпуск традиционных изданий, содержащих сведения о новых раскопках и изысканиях. Вслед за Таджикистаном сборники по материальной культуре своей республики начали публиковать археологи Туркмении. Особенно важно появление монографических публикаций, в которых наряду с полным изданием материала ставятся достаточно широко вопросы его интерпретации и истолкования. Таковы книги В. М. Массона, Г. А. Пугаченковой, Ю. А. Раппопорта, Л. М. Левиной, И. Ахарова и Л. И. Ремпеля. Приятно отметить и появление сводных работ, ставящих общие вопросы большого хронологического диапазона. Изучение развития производства в сфере земледелия и ремесла (коллективная монография «Очерки истории земледелия и аграрных отношений в Туркмении» и книга Э. В. Сайко «К истории гончарного круга и развития форм керамики») имеет принципиальное историческое значение. Неравномерность изданий по республикам, к сожалению, продолжала сохраняться. Несколько снизили темпы археологи Узбекистана и Казахстана. По-прежнему не выходят археологические книги в Киргизии.

Материальная культура Таджикистана, вып. 2. Душанбе, 1971 г., 200 стр.

Очередной выпуск сборника, издаваемого археологами Таджикистана, включает в свой состав статьи широкого хронологического диапазона от каменного века до позднего средневековья. Он открывается статьей В. А. Ранова «Галечные орудия и их место в палеолите Средней Азии» (стр. 5—35), носящей обзорно-исторический характер. В работе приводится обзор среднеазиатских местонахождений галечных орудий, включая разнообразные материалы, добытые самим автором. Касаясь вопросов типологической классификации конкретных комплексов, В. А. Ранов называет наиболее удобной систему Л. Раменде с подразделением подтипов на основании комбинации признаков (стр. 25). Можно лишь пожалеть, что автор не проделал подобный опыт на обширных материалах Кара-буры, ограничившись самыми общими категориями орудий, в основном уже выделявшихся им в первоначальной публикации [1]. Едва ли оправдан и скептицизм автора в отношении того, что имеющиеся публикации не дают представления о месте галечных орудий в позднепалеолитических памятниках Сибири (стр. 16). Представляется, что работы З. А. Абрамовой, С. Н. Астахова и других авторов отнюдь не заслуживают подобного скептицизма.

Хронология и классификация среднеазиатских зеркал древнего периода обстоятельно рассмотрены в статье Б. А. Литвинского (стр. 34—67). Здесь дается публикация 24 зеркал (как целых, так и фрагментированных) из раскопок автора в западной Фергане и далее следует подробный обзор среднеазиатских находок соответствующих изделий с привлечением широкого круга аналогий. Известное зеркало с ручкой в виде женской фигуры из Карабулакского могильника Б. А. Литвинский предлагает датировать не III—IV вв. н. э., как это было сделано авторами первой публикации, а II—III вв. н. э. (стр. 58).

К числу археологических работ, связанных с изучением древнего периода Вахшской долины, относится статья Т. И. Зеймаль «Древнеземледельческое поселение Болдай-тепе» (стр. 90—101), где рассматривается материал из нижних слоев. Его общая датировка V—III вв. до н. э. (стр. 98) при настоящем уровне знаний достаточно убедительна. Весьма интересно нахождение в комплексе Нижний Болдай II фрагментов керамики с росписью, что, возможно, отражает какие-то связи с более южными областями (Нади-Али II). Ценность статьи снижают отсутствие разреза стратиграфического раскопа и суммарная публикация материала, который, судя по тексту, различается не только по двум комплексам, выделяемым Т. И. Зеймаль, но и по строительным горизонтам (стр. 94). Автор останавливается в заключение на вопросе о культурном единстве Парфии, Маргианы, Согда, Бактрии и Хорезма, отмечаемом для середины I тысячелетия до н. э., придавая особое значение распространению в это время во всех указанных областях техники изготовления керамики на гончарном круге [2]. В настоящее время памятники с посудой этого типа стали известны в бухарском (курганы у Хазера) и кашка-дарьинском (около городища Чимкурган) Согде. Все это дает зону сплошного распространения единой культурной общности, возможно, соответствующей областям обитания восточноиранских племен, перешедших к оседлой жизни и городской культуре. Правда, из этого комплексного единства выпадают такие восточноиранские области, как Аракосия и Дрангиана, где керамика, судя по раскопкам Р. Гиршмана на Нади-Али и Ж. М. Касаля на Мундигаке, была другого характера.

Статья И. В. Пьянкова «Список восточных сатрапий державы Ахеменидов у Ктесия» примыкает к аналогичным штудиям этого автора, посвященным древней истории Средней Азии, и сделана с приятной обстоятельностью. И. В. Пьянков полагает что Ктесий при описании завоеваний Нина дает список стран, являвшихся сатрапиями в современном ему ахеменидском Иране, и тем самым восстанавливает авторитет Ктесия как исторического источника. Правда, при намечаемой реконструкции

[1] В. А. Ранов. Каменный век Таджикистана. Душанбе, 1965, стр. 76.

[2] См. об этом также: Э. В. Сайко. К истории гончарного круга и развития форм керамики. Душанбе, 1971, стр. 106—109.

приходится предполагать целый ряд вставок и изменений в порядке перечисления, что не позволяет считать эту реконструкцию окончательной.

Вторая половина выпуска посвящена уже памятникам средневековой эпохи. В статье А. Д. Бабаева «Керамика из погребений Западного Памира» (стр. 102—119) дана общая характеристика керамической коллекции из погребений Западного Памира, отличающейся ручной лепкой и широким распространением расписной орнаментации. Судя по наличию ряда специфических форм, ее эпохальное определение IV—VIII вв. н. э. (стр. 114) в целом справедливо, однако, к сожалению, материал подается обобщенно, вне комплексов, без характеристики по могилам, что легко могло быть сделано в виде сводной таблицы. Это крайне затрудняет уточнение хронологического заключения. Само по себе обнаружение раннесредневековой расписной керамики, видимо, домашнего производства на Западном Памире представляет особый интерес, учитывая широкое распространение средневековой посуды в средневековом Хуттале (стр 114), хотя генетические связи обеих групп пока не прослежены.

Интересную сводку о бадахшанских рудниках представила М. А. Бубнова (стр. 120—142), опирающаяся помимо литературных свидетельств на полученные геологами данные и на результаты собственных рекогносцировочных поездок. Удачной представляется попытка сопоставления сведений о технике добычи, сообщаемых Бируни, с геологической характеристикой местонахождения (стр. 130—132).

Новый материал, характеризующий городскую культуру X—XII вв., описывается в статье Э. Гулямовой «Штампованная керамика из Хульбука» (стр. 143—155). Эта богатая посуда с геометрической, растительной и зооморфной орнаментацией составляет около 5% в керамической коллекции цитадели Хульбука (стр. 143) и, судя по находкам гончарной печи с остатками штампов-калыбов (стр. 144, 148), в основном производилась здесь же на городище. Э. Гулямова дает подробное описание различных схем, к сожалению не связанное даже с теми скудными иллюстрациями, которые имеются в статье. Нельзя не отметить в известной мере провинциальный облик хульбукской керамики, где в отличие от столичного Мерва совсем не представлены изображения людей [3].

Две статьи содержат публикацию нового нумизматического материала. М. Н. Федоров дает общую характеристику клада, найденного в 1928 г. в г. Ходженте и состоящего из 972 диргемов второго десятилетия XI в. (стр. 156—174). 877 монет принадлежат чекану самого Ходжента, а остальные — другим городам Средней Азии и Восточного Туркестана. М. Н. Федоров предполагает, что одна из монет является чеканом Кани-Мансура (стр. 158), хотя написание этого названия, как отмечает и сам автор (стр. 173, прим. 4), необычное. В статье дается интерпретация клада в связи с политической историей Мавераннахра.

Информация о новых монетных находках и ранее неизвестных монетных типах приводится в статье Е. А. Давидович «Заметки по нумизматике Средней Азии» (стр. 175—188). Здесь сообщается о двух кладах караханидских монет XII в. из Ходжента, кладе посеребренных диргемов оттуда же, свидетельствующем о наличии там в середине XIII в. местного чекана, кладе XVII в. из района Бухары и о двух редких серебряных монетах этого же времени из частной коллекции. Как обычно в своих работах, Е. А. Давидович дает интересную историческую и экономическую интерпретацию данных нумизматики. Так, на основании находок монет караханида Насра б. Хусейна в Фергане она полагает, что удел этого правителя находился именно здесь, а не в Самарканде (стр. 177—178). Обращает внимание различное написание имени одного и того же города — Узгенд в статье М. Н. Федорова (стр. 163) и Узджент у Е. А. Давидович (стр. 181). Нет особых оснований пересматривать традиционное написание Узгенд, которого, кстати, придерживалась и сама Е. А. Давидович до выхода в 1964 г. ее автореферата докторской диссертации.

Заключительной работой рассматриваемого сборника является статья Х. Ю. Мухитдинова «Разведка в Пархарском районе в 1964 г.» (стр. 189—198). Здесь описывается ряд памятников и найденный на них материал, в основном средневековой эпохи. На городище Шахр-тепе был заложен шурф, не доведенный, однако, до материка (см. описание на стр. 194 и рис. 1 на стр. 195).

В целом следует признать, что сборник содержит новые интересные материалы по древней и средневековой археологии Таджикистана. Однако именно публикационная сторона вызывает замечания. В ряде случаев на таблицах отсутствует масштаб (иллюстрации в статьях Б. А. Литвинского, А. Д. Бабаева, Э. Гулямовой, Х. Ю. Мухитдинова). Масштаб рисунков делает их практически не доступными для исследователя. В первую очередь это касается статей Т. И. Зеймаль и Э. Гулямовой. Даже низкий уровень полиграфии при небольшом уменьшении штриховых клише не препятствуют пользованию иллюстративным материалом, как, например, в статье В. А. Ранова. Учитывая издательский голод в среднеазиатской археологии, следует добиваться для редких публикаций книг максимально информационного характера. Вспомним, что даже в Таджикистане, ранее отличавшемся интенсивной публикационной деятельностью, рецензируемому сборнику предшествовал двухлетний перерыв.

В. М. Массон

[3] Ср. разнообразные изображения: С. Б. Лунина. «Гончарное производство в Мерве X — начала XIII вв.». Тр. ЮТАКЭ, XI. Ашхабад, 1962, рис. 65—70.

Материальная культура Туркменистана. Ашхабад, 1971, г., 178 стр.

Сборник посвящен памятникам неолита и средневековья, исследовавшимся в 1959—1966 гг. Он начинается обзорной статьей О. Бердыева «Некоторые результаты археологических работ Института истории имени Ш. Батырова АН Туркменской ССР (1959—1966 гг.)».

За 1959—1966 гг. сотрудниками сектора археологии было исследовано около 10 раннеэнеолитических поселений времени Анау I — Б (Намазга I). Получены разнообразные материалы, характеризующие эпоху энеолита (раскопки на холме Эрк-кала, Кашли-баги и Каравантки-токай). Большие работы проведены на поселении бронзового века Алтын-депе, а на поселении Сунча-депе в слое эпохи бронзы найдены богатые по инвентарю погребения времени Намазга IV. Меньше внимания было уделено памятникам ахеменидского и античного времени.

В обширной работе Г. Е. Маркова «Материалы по каменному веку Прибалханья» дано подробное перечисление и описание неолитических памятников Прибалханья. В северном Прибалханье открыто около 10 новых местонахождений, неравноценных по количеству и качеству находок. Среди них выделяется Оюклинский археологический комплекс, датируемый IV тысячелетием до н. э. и занимающий особое место среди культур Прикаспия. В восточном Прибалханье на правом и левом берегах Узбоя открыто 13 местонахождений; кроме того, несколько стоянок обнаружено к северу от урочища Команкул на верхней узбойской террасе.

В южном Прибалханье памятники приурочены к берегам Келькера. В северной части находки состояли преимущественно из округлых бомбовидных сосудов с плоским дном и слегка изогнутым венчиком. На отдельных экземплярах заметны следы заглаживания или лощения. Каменный инвентарь представлен выразительной коллекцией наконечников, в основном листовидной формы, с черешком, с двусторонней и односторонней обработкой.

В южной части преобладают находки лепной керамики, лощеной, окрашенной в красный цвет. Наконечников мало; обработаны они в основном небрежно. Много скребков, грубо изготовленных пластин и бесформенных отщепов с ретушью. Г. Е. Марков отмечает большое сходство между келькерскими находками и джебелским материалом. Наиболее древними среди описанных памятников автор считает местонахождения, в инвентаре которых наиболее сильно проявились мезолитические черты и где отсутствует керамика (стоянки в Дашарвате и Караилеме и, возможно, кремневые изделия из Сенграаджи I).

Г. Е. Марков затрагивает вопрос о существовании «верхнеузбойской» и «нижнеузбойской» неолитических культур. Он считает, что инвентарь, характерный для Верхнего Узбоя, встречается в памятниках всего Узбоя и Прибалханья, а наличие отдельных изделий, различающих памятники, является доказательством существования в неолите «различных культурных типов» (стр. 57). Вопрос здесь только поставлен, а решен он может быть лишь при конкретном рассмотрении и сопоставлении верхне- и нижнеузбойских памятников. «Различные культурные типы» часто определяют различие памятников. В неолите ведущее место и предпочтение отдают керамике.

Памятники «нижнеузбойской» культуры, считавшиеся неолитическими, Г. Е. Марков на основании сопоставления с другими стоянками относит к эпохе бронзы. В Прибалханье и на Нижнем Узбое в эпоху бронзы, по Г. Е. Маркову, бытовала самостоятельная культура, которую он условно предлагает назвать балханской.

Памятнику другого круга неолитических культур посвящена статья О. Бердыева «Чопан-депе — памятник неолитической джейтунской культуры». Автор подробно останавливается на работах А. А. Марущенко и С. А. Ершова на этом поселении. Памятник дает возможность проследить развитие культуры древнейших земледельцев (отпечатки зерен пшеницы и ячменя) и скотоводов (коза, бык, овца, собака — домашние; джейран и лисица — дикие) Южного Туркменистана в эпоху неолита. Основными видами хозяйства на Чопан-депе были охота, скотоводство, земледелие; наблюдается зарождение ткачества (грузики с отверстием). О. Бердыев датирует слои Чопан-депе VI тысячелетием до н. э.

Вводя в оборот все материалы, полученные при исследовании Чопан-депе, О. Бердыев очень ограничил работу иллюстративным материалом, отсутствуют планы погребений.

К материалам, сообщаемым О. К. Бердыевым, примыкает характеристика каменного инвентаря из Чопан-депе в работе Г. Ф. Коробковой «Бинокулярное исследование орудий труда из Чопан-депе». На поселении собрано более 2000 каменных и костяных орудий, которые составляют 27,05% всего материала. Г. Ф. Коробкова подробно останавливается на характеристике технических приемов обработки орудий и нуклеусов, описывает их по типам. Особенно тщательно исследованы вкладыши. Для нижних слоев Чопан-депе характерны вкладыши джейтунского типа из правильных пластин с одним скошенным ретушью концом; иногда они оформлены противолежащей ретушью. В верхних слоях Чопан-депе найдены зубчатые вкладыши. Изучение кремневого и костяного инвентаря под микроскопом дает наиболее полное представление о хозяйстве обитателей Чопан-депе, где большое значение имели обработка шкур, изготовление одежды, красок, украшений, плотничьи работы. Однако ведущее место занимали земледелие и охота. Г. Ф. Коробкова сопровождает работу хо-

рошими иллюстративными таблицами. Некоторые из таблиц были сняты редакцией, а ссылки в тексте на них остались (например, у автора ссылка на табл. III *1—4*, а в тексте рисунков нет).

Вопросам средневековой археологии в сборнике посвящены три статьи. А. Губаев публикует отчет о раскопках в 1964—1965 гг. замка Ак-депе сасанидской эпохи, расположенного в 3 *км* к северо-западу от ст. Артык [1]. К сожалению, в статье отсутствуют планы раскопанных помещений и разрезов через них. Описания помещений довольно подробные, но не везде даются размеры помещений и не ставится вопрос о характере перекрытий. Помещение № 1 интерпретируется А. Губаевым как «хранилище зерна и других продуктов» на основании найденных здесь «семян ячменя, пшеницы, косточек, видимо, абрикосов». Но количество их не указывается. Если это хранилище, то здесь сохранились бы большие сосуды либо следы от них, или же ямы, в которых хранили зерно. Автор считает помещение № 3 то жилищем, то винодавильней. Описание деталей «винодавильни» и найденных здесь вещей скорее вызывают представление о хранилище.

На вершине холма Ак-депе был заложен стратиграфический шурф. Дается развертка стен этого шурфа и подробное описание наслоений, которые не всегда соответствуют друг другу. В разрезе на северо-западном склоне холма вскрыта сырцовая оборонительная стена с башней, в которой позднее была устроена печь для обжига гончарных изделий. В печи обнаружены камни, служившие подпятниками ручного круга.

Автор считает возможным выделить четыре периода в истории переселения. Датировать третий и четвертый периоды А. Губаев считает возможным V—VII вв., второй период он относит к V в. на основании находок монет Варахрана V и Йездигерда II в нижних слоях помещения № 2 (стр. 120), а при описании помещений (стр. 115) указывается, что монеты найдены на глубине 1,5 *м* от репера, т. е. в верхних слоях. Время основания замка ориентировочно относится к III—IV вв. В данном случае можно быть твердо уверенным только в дате верхнего слоя — V — VII вв., которой не противоречат монеты, керамика и буллы [2]. В иллюстрациях представлена только керамика из поздних комплексов, да и то неполно. Для читателя имела бы интерес публикация керамики из стратирафического шурфа, с указанием из какого яруса она происходит. Наиболее интересен раздел о буллах, но, к сожалению, воспроизведение их ограничивается одним лишь рисунком. Статья А. Губаева вводит и науку новый интересный материал, добытый автором, однако подан он не лучшим образом.

Статья Е. Атагарыева «Городище Шехр-Ислам (результаты работ 1961—1964 гг.)» является подробным, хорошо написанным отчетом об исследованиях на этом городище. Стены шахристана стоят на культурном слое XI—XIII вв. У северной стены раскопана башня, относящаяся к XII — началу XIII в. Работами Е. Атагарыева установлено, что имелось два входа в город — в южной и восточной стенах. Восточный въезд раскопан целиком. На шахристане исследовано 10 жилых помещений, относящихся к концу XII — началу XIII в., и три помещения XIV в. Дается подробное описание этих жилищ и план, но на последнем отсутствует нумерация помещений. На западной цитадели был заложен шурф, доведенный до материка, который выявил три слоя: верхний — XIII — XIV вв., средний — XII — начало XIII в. и нижний — X — XI вв. На восточной цитадели выявлены мощные культурные слои XIII — XIV вв. На рабадах исследовано шесть керамических печей. В статье имеются подробные описания печей и материала из них. Представляются справедливыми выводы автора, сделанные в заключительной части статьи,— о динамике городской территории и особенно о восстановлении жизни в городе после монгольского нашествия.

В статье Т. Ходжаниязова «Новые нумизматические данные к истории караханидского чекана времени правления султана Санджара» рассматриваются 188 монет караханидских правителей из клада в 7000 монет, случайно найденного на территории Тахта-Базарского района вблизи советско-афганской границы. Исследование монет караханидских правителей из этого клада позволяет по-новому осветить некоторые моменты политической истории Средней Азии второй четверти XII в.

Таково содержание первого выпуска «Материальной культуры Туркменистана». Следует отметить, что тираж сборника — 595 экземпляров — явно недостаточен. Соответствующие издания в Узбекистане и Таджикистане выпускаются тиражом 1000 экз.

Г. В. Григорьева, В. И. Распопова

---

[1] Основные результаты работ 1964 г. изложены в статье: А. Губаев. Новый памятник сасанидского времени в Южном Туркменистане. СА, 1969, 1. Здесь имеются иллюстрации, отсутствующие в рецензируемой статье.

[2] В. Г. Луконин. По поводу булл из Ак-депе. ЭВ, XX, Л., 1971, стр. 51.

Очерки истории земледелия и аграрных отношений в Туркмении (с древнейших времен до присоединения к России). Ашхабад, 1971, 342 стр., тираж 800 экз.

Рецензируемая работа — обстоятельный труд коллектива авторов, охватывающий период от эпохи неолита до XIX в. Это, по сути дела, первая попытка рассмотрения в столь широком хронологическом диапазоне истории сельского хозяйства на территории Туркменской ССР. Общеизвестно, что изучение истории земледелия и аграрных отношений имеет исключительно большое значение для правильного понимания всего исторического развития стран Востока, и республик Средней Азии в частности. К тому же в среднеазиатской историографии подобная работа предпринята впервые и опыт ее имеет тем большее значение.

Рецензируемая книга включает небольшое предисловие В. М. Массона и восемь глав-очерков, которые могут быть разделены в зависимости от характера источников на две неравноценные по объему и степени подробности изложения части. Первые три главы, составляющие одну треть текста, построены с широким использованием археологических данных и посвящены периоду от V тысячелетия до н. э. до раннего средневековья (IV—VII вв. н. э.). Остальные главы и большая часть текста охватывают тысячелетие средневековой истории страны, начиная от VIII по XVIII—XIX вв. Авторы их основываются главным образом на сведениях и фактах письменных источников. Наше внимание будет обращено на первые главы книги.

В главе I, посвященной первобытному периоду (стр. 8—32), значительное место занимают уже известные материалы, характеризующие возникновение и начальные этапы развития земледелия и скотоводства. Авторы главы Г. Н. Лисицына и В. И. Сарианиди выделяют несколько этапов и, в частности, правильно подчеркивают, что с внедрением плуга (омача) на рубеже III—II тысячелетий до н. э. начинается новый этап в истории земледелия. Большое внимание авторы уделяют развитию древнейшей ирригации. В трактовке аграрных отношений в эпоху неолита и бронзы Г. Н. Лисицына В. И. Сарианиди, естественно, во многом исходили из общеметодологических положений. При рассмотрении хозяйства использованы некоторые палеоэкономические данные, но явно в недостаточной мере, если сопоставить эти разделы со специальным анализом палеоэкономики джейтунской культуры [1].

В главе II рассматриваются состояние земледелия и аграрные отношения в эпоху рабовладения (стр. 33—78). Автор главы В. М. Массон считает, что в период с VIII—VII вв. до н. э. по IV—V вв. н. э. наблюдаются принципиально новые явления в аграрных отношениях, отличающиеся от первобытного периода. Это прежде всего появление царской собственности на землю, а также вероятно, и храмовой. Вместе с тем получает развитие частное землевладение и сохраняется в большой степени роль общины. Кардинальные социально-экономические изменения в обществе были обусловлены развитием производительных сил, и прежде всего, прогрессом земледелия. Автор скрупулезно собирает все данные письменных и археологических источников о состоянии земледелия. Для изучения социальных отношений эпохи особую ценность представляет публикация перевода одного из авроманских документов.

В. А. Лившиц в III главе (стр. 79—108) анализирует изменения, наступившие в IV—VII вв. н. э., когда складываются и оформляются феодальные отношения в Средней Азии. Много новых данных читатель найдет в IV главе, написанной О. Г. Большаковым (стр. 109—146). В ней содержится обстоятельная сводка о возделываемых культурах, новые данные о средневековой ирригации Мерва, о налогах, интересные факты о реальной стоимости отдельных продуктов, о покупательной способности, о видах феодального землевладения в VIII—X вв. и др.

В числе проблем, по-новому поставленных в книге, интересен вопрос о роли общины в древней истории народов Средней Азии. Многие ученые неоднократно замечали, что на протяжении тысячелетней истории на разных этапах ее наблюдаются процессы разложения общины. Постоянство этого явления, или, как пишет автор «перманентный характер этого явления заставляет предполагать, что одновременно на протяжении многих столетий шел и другой параллельный процесс воссоздания новых общин — и как принудительно-фискальных единиц, удобных для государственной власти, примеры которых видны уже в ахеменидский период, и как формы простой кооперации непосредственных производителей, объединяющей выходцев из различных общин и большесемейных коллективов» (стр. 6).

Эта сторона исторического процесса обычно выпадала из внимания археологов-среднеазиатов, и совершенно прав В. М. Массон, который указывает на значимость изучения процесса воссоздания общин. Кстати, этот процесс более точно следует именовать регенерацией общин. В специальной этнографической литературе эти процессы достаточно хорошо освещены [2].

Авторы «Очерков» правильно отмечают кардинальные изменения в истории земледелия, связанные с основными периодами развития ирригации: в неолите — лиманное земледелие одноразового полива; в энеолите возникают первые ирригационные

[1] В. М. Массон. Поселение Джейтун (Проблема становления производящей экономики). МИА, 180, 1971.

[2] Л. Б. Алаев. Типология индийской общины. «Народы Азии и Африки», 1971, 5, стр. 63—75 и там же см. библиографию вопроса.

системы и делаются попытки регулярного многоразового орошения. Новый этап наступает на рубеже II—I тысячелетий до н. э., когда в двух оазисах, Мургабском и Дахистанском, появляются крупные ирригационные системы и осваиваются равнины крупных рек (стр. 50—51). Если в целом эта периодизация не вызывает каких-либо возражений, то относительно ирригации одного из конкретных оазисов, а именно Дахистана, в литературе высказаны довольно определенные сомнения [3]. С другой стороны, комплексные работы археологов, геоморфологов и почвоведов как будто подтверждают наличие там значительных и весьма ранних ирригационных систем [4]. Следует надеяться, что при обстоятельных публикациях новых данных этот вопрос получит убедительное разрешение.

Можно упрекнуть авторов «Очерков» в недостаточном использовании археологических данных для древнего и особенно для средневекового периодов. Вызывает недоумение полное отсутствие иллюстративного материала. В книге такого большого объема нет ни одной карты и ни одной таблицы.

Рассматривая книгу в целом, можно утверждать, что поставленная авторами задача создания свода материалов по истории земледелия и аграрных отношений древнего населения Туркменистана выполнена довольно удачно и на высоком уровне. Вместе с тем надо отметить, что отдельные главы-очерки слабо связаны между собой, а порой эта связь вообще отсутствует; нет обобщающей главы или заключения, в котором был бы синтезирован и рассмотрен весь материал в совокупности. Следствием этого явилась известная незавершенность книги, которая, надо надеяться, будет выполнена дальнейшими исследованиями по этой тематике.

Ю. А. Заднепровский

В. М. Массон. Поселение Джейтун (Проблема становления производящей экономики). МИА 180, 1971. 208 стр., 42 табл.+ 43 рис. в тексте.

В начале 50-годов наши знания о ранних земледельческих культурах Средней Азии ограничивались материалами Анау, изданными Р. Помпелли еще в начале нашего века. За истекшие годы благодаря планомерным работам ЮТАКЭ исследован целый ряд поселений древних земледельцев и создана периодизация их культур. В 1955 г. В. М. Массоном были начаты систематические раскопки на бугре Чакмакдаш-Бейик, где было обнаружено ставшее хрестоматийным для среднеазиатской археологии поселение Джейтун. Оно характеризует начальный этап развития земледелия в Средней Азии и дало название своеобразной культуре, памятники которой сейчас успешно изучаются на копетдагской предгорной равнине.

Рецензируемой монографии предшествовал ряд публикаций, познакомивших широкие круги читателей с проблемами возникновения и развития джейтунской культуры, однако выход новой книги В. М. Массона, где в первой части дан полный свод всех накопленных за 1955—1963 гг. материалов, позволяет познакомиться с поселением Джейтун более детально и критически. В первой части приводятся данные о стратиграфии Джейтуна и архитектуре двух его верхних строительных горизонтов. Подробно, с большим количеством иллюстраций, публикуются находки из второго слоя поселения: дается характеристика керамической посуды, украшений и мелкой пластики, а также рассматриваются на основе функциональной типологии орудия труда. Отдельная глава посвящена обзору других южнотуркменских памятников джейтунского типа и сопоставлению джейтунской культуры в целом с культурными комплексами Ирака, Ирана, Турции и Палестины. После обсуждения проблем хронологии В. М. Массон переходит к вопросу о происхождении джейтунской культуры. Дав критическую оценку гипотез, предполагающих автохтонное, на основе мезолитических культур Копетдага (И. Н. Хлопин, В. И. Сарианиди, Г. Н. Лисицына, О. К. Бердыев и сам В. М. Массон в предшествующих работах) или Прикаспия (Г. Ф. Коробкова), возникновение земледелия на предгорной равнине Копетдага, автор монографии излагает новую точку зрения на культуру Джейтуна как на возникшую на периферии обширного ареала раннеземледельческих культурных общностей Ближнего Востока под воздействием юго-западных влияний, проникших в Южную Туркмению через посредство племенных групп Загроса.

Подзаголовок книги раскрывает содержание ее второй части, в которой после тщательного анализа построек Джейтуна и материалов, дающих представление о хозяйственной деятельности его обитателей, реконструируется модель хозяйства джейтунской культуры, рассматриваемая на ярком фоне переднеазиатских раннеземледельческих аналогов. Особый интерес вызывает теоретическое обоснование понятия «неолитическая революция» и выявление трех (переднеазиатского, мезоамериканского и перуанского) вариантов становления и развития земледельческих хозяйств в странах Старого и Нового Света. Важное место в книге занимают воп-

[3] Э. М. Мурзаев. Рец.: Земли древнего орошения и перспективы их сельскохозяйственного использования. СЭ, 1970, 6, стр. 159; Б. А. Корнилов, В. А. Тимошкина. Рельеф и древние мелиоративные сооружения в юго-западной Туркмении, ИАН СССР, сер. геогр., 1971, 4, стр. 105—113.

[4] А. С. Кесь, Г. Н. Лисицына, Л. В. Прищепенко. Древние орошаемые земли средневекового Дахистана. ККД, IV. Ашхабад, 1972.

росы экономики и социологии джейтунского общества, логичное и обстоятельное решение которых рисует реальную картину быта ранних земледельцев, столь отличную от жизни их мезолитических предков, сухим, но точным языком цифр.

Обильно насыщенное фактическими данными и теоретическими рассуждениями историко-культурного и социологического плана новое исследование В. М. Массона несомненно возбудит интерес к дальнейшей разработке решаемых в ней проблем. Во многом содержание книги требует более обстоятельного рассмотрения, чем это возможно в данной, небольшой по объему, рецензии. Я попытаюсь обсудить только некоторые ее проблемы.

Полностью соглашаясь с выдвинутой в книге концепцией возникновения джейтунской культуры, я считаю, что следует в большей мере уделять внимание фактору культурного влияния со стороны первоначальных переднеазиатских центров возникновения земледелия как основному толчку, преобразовавшему присваивающую экономику населения Средней Азии в производящую. Культурные достижения племен, населявших Северный Ирак, Палестину и Малую Азию (в данном случае культуры типа Джармо, Иерихона и Хаджилара рассматриваются совокупно, вне зависимости от их «приоритета»), проникли в Южную Туркмению преобразованными под воздействием культур промежуточных территорий и наложились на местную мезолитическую культуру прикаспийского типа, чем и было вызвано некоторое своеобразие кремневого инвентаря джейтунских памятников. Заметим, что подобное явление трансформации наблюдается также при проникновении культурных влияний из южных районов в евразийское Заполярье. Таким культурно-ассимиляционным процессом объясняется то, что культура Джейтуна в своих основных чертах совпадает с культурами Ближнего Востока, особенно Месопотамии, а не представляет нечто резко отличное. В этом отношении интересна повторяемость в Джейтуне месопотамских форм терракотовых и каменных поделок, трактуемых В. М. Массоном как фишки для игры. Касаясь их назначения, я должен указать на поразительное совпадение форм и размеров этих изделий с лабретками, употребляющимися народами севера тихоокеанского побережья в качестве украшений для лица. Это позволяет считать, что указанные поделки использовались подобным же образом. Сравнительно недавно при раскопках в Хузистане (Ирак) в могиле № 10 тепе Али-Кош, датируемой первой половиной VI тысячелетия до н. э., аналогичная поделка из битума была найдена in situ около рта погребенного, что позволило исследователям этого памятника твердо причислить эти изделия к лабреткам [1].

Следует остановиться еще на реконструкции общественного строя обитателей Джейтуна, проводимой на основе жилых построек. Сразу укажем, что в книге не приводятся размеры всех раскопанных жилищ и даже отсутствует ссылка на опубликованную ранее сводку площадей домов, исследованных до 1963 г. [2]. Гистограмма распределения жилых домов по площадям (рис. 26 на стр. 104) не дает представления о каждом доме в отдельности. Это снижает ценность источниковедческой части монографии, хотя и не вызывает сомнения в выводе о принадлежности джейтунских домов парным семьям. Сведения, приводимые В. М. Массоном, о том, что черная или красная окраска полов в жилищах не корректируется с орнаментировкой очагов, а была делом вкуса их обитателей, заставит сторонников гипотезы о дуальном делении джейтунского общества, использовавших в качестве доказательств различия в окраске домов, искать для нее новые, более веские подтверждения. Очень интерес вывод В. М. Массона о наличии на Джейтуне домов, объединенных общими хозяйственными постройками не менее чем в 5 групп (стр. 107). Выделение некоторых групп требует уточнений. Так, например, в группе, состоящей из домов № 30, 32 и 58, последний, по-видимому, уже не функционировал в бытность дома № 32, а дом № 30 можно с большим основанием объединить в комплекс с домом № 31. Образование группировок домов можно объяснить процессом разрастания семей и выделением из них молодых парных семей, сохраняющих хозяйственные связи со старыми. Примечательно, что аналогичное явление прослеживается до сих пор у туркмен Копетдага. Строительный горизонт тепе — это ряд снимков, сделанных на одной пленке: в течение 50—60-летнего формирования II строительного горизонта Джейтуна непрочные саманные строения должны были и обновляться и забрасываться; воздвигались и новые жилища. Неизвестно пока, в какой степени унаследовал свою планировку этот горизонт от нижележащих слоев, но в ней можно отметить, что центральную часть поселка занимают большие (29—37 $м^2$) дома с выходами, обращенными на восток. Дома меньшего размера (13—21 $м^2$) располагаются по периферии. Их выходы обращены на юг. Одним из возможных объяснений такой зависимости является связь отмеченного расположения домов с процессом выделения молодых семей, селившихся большей частью на окраинах тепе, где не

---

[1] F. Hole, K. V. Flannery, J. O. Neely. Prehistory and Human Ecology of the Deh Luran Plain. An Early Village Sequence from Khuzistan Iran. «Memoirs of Museum of Anthropology». University of Michigan, I, Ann Arbor, 1969, p. 235—237, рис. 109.

[2] В. М. Массон. Средняя Азия и Древний Восток. М.—Л., 1964, стр. 31, табл. 4.

было места для больших строений. В таком случае, изменение ориентировки домов Джейтуна — явление хронологического характера.

Важное в теоретическом осмыслении исторического процесса выделение В. М. Массоном трех моделей перехода к производящей экономике базируется на примерах развития обществ с тремя разными хозяйственными укладами: охотническо-собирательским, собирательским и оседлым рыболовческо-охотничьим. Кажется, что намечается и четвертая модель перехода, которая характеризуется сложением обществ скотоводов-кочевников на основе охотничьих коллективов, кочевавших следом за объектами своей охоты. Вероятно, таким способом возникли северное тундровое оленеводство и в какой-то мере скотоводство азиатских степей.

В итоге хочется отметить, что выход книги В. М. Массона «Поселение Джейтун» имеет исключительно важное значение не только для дальнейшего развития археологии Средней Азии, но и для совершенствования теоретических разработок проблем становления производящей экономики, для развития палеосоциологических исследований.

Л. П. Хлобыстин

Э. В. Сайко. К истории гончарного круга и развития форм керамики (По археологическим материалам Средней Азии). Душанбе, 1971, 171 стр., 31 рис.

Палеоэкономические реконструкции с привлечением широкого круга источников все больше находят признание советских [1] и зарубежных [2] ученых. Особенно большие успехи, базирующиеся на экспериментальных и технологических исследованиях, достигнуты в изучении экономического базиса древних обществ Средней Азии. Наряду с разработкой основных теоретических и методологических положений [3] в последние годы появились работы, посвященные конкретным компонентам социально-экономических систем древности: земледелию, орудиям труда, металлургическому и гончарному производству.

К последней серии работ относится и рецензируемая монография Э. В. Сайко. Автор провела специальные эксперименты на ножном гончарном круге в керамической мастерской художественного фонда Таджикской ССР, в мастерских Карагата, Пенджикента, Канибадама и Самарканда. Изучение технических приемов формовки производилось путем тщательной фиксации всех процессов с помощью кино- и фотосъемки. Условия формовки исследовались также при помощи рентгеновских снимков, причем к исследуемому материалу был специально подобран определенный спектральный диапазон измеряемых излучений, диапазон измерений мощностей и т. д. Микроскопический анализ (использовался поляризационный микроскоп МИН-8) применялся для изучения массового материала керамики по прозрачным шлифам. Автором были изучены также керамические коллекции из этнографических фондов Института истории АН Таджикской ССР и большая коллекция керамики из Южной Туркмении.

Работа состоит из двух больших частей. Первая — «Технические принципы формовки на гончарном круге и основные тенденции в его развитии» — подразделена на пять разделов. В первом разделе (стр. 5—13), «К вопросу введения гончарного круга как орудия труда (инструмента формовки) в производство», автор с позиций диалектического материализма рассматривает теоретические вопросы общественного производства, в котором введение гончарного круга явилось, по мнению автора, скачком в развитии керамического производства. Причем это был не только скачок технического порядка, но и результат развития общественного производства, способствующий дальнейшему разделению труда, выделению ремесла как самостоятельной отрасли производства.

Во втором разделе (стр. 13—24), «Технические предпосылки введения гончарного круга в производство и принципы (действия) его работы», исследуется сложный и многогранный процесс истории развития гончарного круга. Совершенствование гончарного круга осуществлялось с определенной целью: создать условия для наибольшего разнообразия форм, причем более качественных и при наименьшей затрате сил и времени. Таким образом, рабочие возможности гончарного круга являются показателями технического прогресса конкретного производства и определяют характер его продукта в плане особенностей и возможных вариантов форм

---

[1] С. Н. Бибиков. Хозяйственно-экономический комплекс развитого Триполья. СА, 1965, 1; его же. Опыт палеоэкономического моделирования в археологии. Тезисы докладов всесоюзной сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований. 1966, Кишинев, 1967, стр. 12—15; В. М. Массон. Экономические предпосылки сложения раннеклассового общества. Сб. «Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма». М., 1969.

[2] R. Mc. Adams. The Evolution of Urban Society. Chicago, 1966.

[3] В. М. Массон. Метод палеоэкономического анализа в археологии, КСИА АН СССР, 127, 1971; его же. Поселение Джейтун. (Проблема становления производящей экономики), МИА, 180, 1971; С. А. Семенов. Экспериментальный метод изучения первобытной техники. МИА, 129, 1965.

в тот или иной период, в тех или иных областях. Изучение этих возможностей позволяет выделить этапы в развитии самого орудия производства.

В третьем разделе (стр. 24—44), «К истории гончарного круга по археологическим данным», дается тщательная характеристика и разбор основных источников, используемых автором при изучении истории гончарного круга: 1) археологические памятники, имеющие отношение к истории гончарного круга, отдельные его детали; 2) изображения древних гончарных кругов; 3) керамика; 4) данные этнографии. Особый интерес представляет таблица на стр. 26—32 («Археологические находки, связанные с деталями древних гончарных кругов»), в которой впервые собраны воедино и подробно описаны находки, обнаруженные в Месопотамии, на Крите, на Кавказе и в Средней Азии. Эту таблицу можно дополнить двумя находками из Южной Туркмении. В 1967 г. на поселении эпохи бронзы Тайчанак-депе (ранняя Намазга V, 2100—1900 гг. до н. э.) в одном из сосудов для хранения припасов был обнаружен фрагмент глиняного диска с выступающей втулкой [4]. В 1971 г. на «Вышке» Намазга-депе, в стратиграфическом раскопе (слой времени Намазга VI, середина II тысячелетия до н. э.), в одном из помещений найден целый экземпляр глиняного диска несколько иного типа, чем тайчанакский предмет, но имеющий поразительное сходство с керамическим диском из Самаркандского музея и гончарными кругами по А. А. Бобринскому (рис. 1 по рецензируемому изданию).

В четвертом разделе (стр. 44—52) автор рассматривает основные тенденции в развитии гончарного круга под углом зрения «коэффициента полезного действия» этого инструмента. Э. В. Сайко считает, что основные принципы, положительное решение которых предусматривало выигрыш в полезной работе гончарного круга, были связаны с такими техническими характеристиками, как скорость вращения, длительность вращения, ровность, длительная ровность. Отсюда вполне закономерен вывод автора (основанный на общей формуле вращения А. И. Августиника), что развитие гончарного круга, независимо от его модификаций (ручной, ножной, одно- или двухдисковый), времени появления и условий развития, подчинялось общим принципам, выражающим сущность инструмента формовки, определенным объединяющим параметрам, определенной формуле, выражающей объективно теоретические основные работы гончарного круга.

В пятом разделе (стр. 52—66) обсуждаются сугубо технологические аспекты формующих возможностей гончарного круга. Это наиболее ценная и оригинальная часть работы, поскольку она основана на экспериментах автора. Э. В. Сайко предлагает схему эволюции гончарного круга: вращающийся диск, увеличение диаметра или массы диска, появление двухдисковых конструкций — и все это сопровождается постоянным поиском регулирования скорости и увеличения длительности движения. Важен и другой вывод этой части работы, что особенности путей эволюции и форм развития круга при сохранении общей тенденции этого развития определяли на раннем этапе истории керамического производства наряду с другими факторами линии развития керамических форм.

Вторая часть работы, «Техника формовки и история развития керамических форм в Средней Азии», состоит из четырех разделов. В первом (стр. 67—72), написанном в форме предисловия к последующему тексту, излагаются системы классификации форм керамики (по Г. Д. Биркхоффу, Ф. С. Мейеру и А. Шепарду) и определяются основные задачи, которые автор решает в этой части монографии: 1) проследить путь эволюции форм, изготовленных на круге; 2) выявить закономерности изменения форм; 3) установить зависимость формы от рабочих возможностей круга по материалам специальных экспериментов и этнографических данных; 4) выявить возможность использования древних керамических изделий как непосредственного источника при изучении истории развития гончарного круга.

Во втором разделе (стр. 72—84), «Некоторые технические особенности и приемы изготовления форм», Э. В. Сайко успешно справляется с задачами, декларированными ею в трех первых пунктах предшествующего раздела. Исходя из принципов формовки на круге, закономерностей совершенствования гончарного круга, автор предполагает зависимость форм от рабочих возможностей гончарного круга. Результаты, полученные при исследовании технических особенностей формовки различных форм по этнографическим материалам и данным экспериментальных работ, позволили выявить некоторые стороны взаимосвязи характера форм и движения круга.

Два последних раздела, «К истории развития техники формовки и форм керамики Средней Азии в эпоху бронзы (III — II тысячелетия до н. э.)» (стр. 84—103) и «Техника формовки и формы керамики в Средней Азии в эпоху раннего железа (I тысячелетие до н. э.)» (стр. 103—120), посвящены археологическим обоснованиям технологических концепций автора в основном по материалам Средней Азии в широком временном диапазоне (от III тысячелетия до н. э. до VII—IX вв. н. э.). Новый подход к интерпретации археологического материала позволил Э. В. Сайко предположить интересные аспекты исторической трактовки ряда явлений, как, например, вопроса о смене форм среднеазиатской керамики в III—II вв. до н. э.

---

[4] А. Я. Шетенко. Раскопки Тайчанак-депе и Намазга-депе. АО — 1968, М., 1969, стр. 438.

Основным недостатком рецензируемой книги следует считать структурную рыхлость и аморфность изложения. Разделы с описанием экспериментов и те части работы, где даются технологические характеристики, перемежаются либо разбавляются общими теоретическими положениями, социально-экономическим определениями, краткими экскурсами в историографию того или иного вопроса. Характеристика источников и фактологической базы исследования разбросана по всей книге. Отсутствие строгого плана приводит к ненужным повторениям, особенно в общих местах, подобно вопросу о влиянии гончарного круга на общественное производство.

Несмотря на эти недостатки, ничуть не умаляющие научную ценность данного труда, в целом следует присоединиться к мнению редактора книги В. М. Массона о важности и перспективности новой методики исследования гончарного производства, предложенной Э. В. Сайко. Отрадно отметить и то, что рецензируемая работа издана в Душанбе, что свидетельствует о новых успехах среднеазиатской археологии и о все большем проникновении в эту науку современных научных методов.

А. Я. Щетенко

Г. А. Пугаченкова. Скульптура Халчаяна. М., 1971.

Данная работа является естественным продолжением более ранней монографии того же автора [1]. В ней Г. А. Пугаченкова рассматривала Халчаян главным образом как объект археологического изучения. В новой работе поле исследования сужено — в центре внимания автора находится только скульптура, обнаруженная при раскопках халчаянского дворца.

Книга состоит из короткого введения и трех глав основной части: «Халчаян — античный город и дворец», «Скульптура» и «Пути бактрийского ваяния и скульптура Халчаяна как явление стиля». Текстовая часть дополнена большим количеством хороших по качеству иллюстраций (фотографии в тексте и в виде таблиц в конце книги, часть из которых выполнена в цвете).

Каждый, кто прочтет эту книгу, согласится, что рецензировать ее очень трудно. Дело заключается не только в том, что автором вводится в научный обиход огромный по количеству и по значению материал, который зачастую не с чем сравнивать. Есть трудности и другого характера. Первая из них заключается в том, что можно назвать «многоэтажностью» построений и выводов автора. Конкретно это проявляется следующим образом: Г. А. Пугаченкова начинает исследование (мы имеем в виду две последние главы) с анализа каждой из скульптур, найденных при раскопках,— это первый этаж; затем идет анализ сцен, на которые разбиваются скульптурные циклы отдельных помещений. Далее идет исследование скульптуры по помещениям. Венчает все анализ скульптуры дворца в целом как своеобразное производное всех предыдущих анализов. Еще одна трудность заключается в том, что книга Г. А. Пугаченковой очень широка по охвату материала; автор постоянно стремится рассматривать бактрийскую скульптуру как одно из проявлений искусства эллинизма вообще, для чего ею привлекается обширный сравнительный материал, от Галлии до Восточного Туркестана.

Многие выводы Г. А. Пугаченковой представляются убедительными и хорошо обоснованными. В частности, безусловно справедлив ее основной вывод — об историческом месте халчаянской скульптуры. Конечно, здесь мы не говорим об узкой хронологической дате — в этом отношении могут быть высказаны некоторые сомнения, но они должны относиться к предыдущей книге, где автор на основании наблюдений археологического порядка обосновывал свою датировку памятника. Мы имеем в виду в данном случае историческое место, этап в развитии искусства. Г. А. Пугаченкова права в основном: скульптура Халчаяна — это один из наиболее ярких примеров синтеза греческих и местных начал в искусстве, что следует считать проявлением важнейшей закономерности эллинистической эпохи. Но в то же время для восточного эллинизма (как мы это видим и на примере Парфии) период наиболее активно проходящего синтеза — это время уже после падения политической власти греков.

Халчаян — настоящий символ этой переходной эпохи, когда уже уничтожена политическая власть греков, но греческий элемент еще достаточно силен и может активно влиять, видоизменяя или даже ломая традиционные формы местного искусства. Но в то же время это еще не эпоха Кушанского царства, в рамках которого искусство типа Халчаяна (если оно бы там существовало) может представлять только слабую ветвь, а магистральную линию развития искусства характеризуют явления совсем иного характера.

Естественно, что в работе, в которой впервые полностью издается столь новый и интересный памятник искусства, как скульптурный комплекс халчаянского дворца, есть ряд спорных положений. Мы не считаем это недостатком. Во-первых, это совершенно неизбежно, а во-вторых, помимо нового фактического материала в работе имеется целый ряд новых идей относительно характера и причин эволюции искусст-

[1] Г. А. Пугаченкова. «Халчаян». К проблеме художественной культуры Северной Бактрии. Ташкент, 1966.

ва Средней Азии, что явно вызовет дискуссию и послужит дальнейшей разработке многих неясных и спорных проблем истории искусства Средней Азии.

Мы считаем возможным в данной рецензии откликнуться на некоторые из мыслей, высказанных Г. А. Пугаченковой. Во введении она коротко обрисовывает свою концепцию и дает общую характеристику скульптуры Халчаяна. С точки зрения Г. А. Пугаченковой, генезис искусства Халчаяна — это синтез кушанского (в данном случае, видимо, имеется в виду среднеазиатско-кочевой) и греко-бактрийского искусств. Но при этом каждый из этих элементов в свою очередь является синтетическим, где в нерасчленимом единстве слились греческие и местные начала, причем здесь можно говорить не о борьбе этих начал, а только об их полном слиянии. Но можно ли согласиться с такой интерпретацией? Нам кажется, что вряд ли. Прежде всего трудно допустить (да и весь имеющийся материал противоречит этому), чтобы эллинистические элементы могли бы сколько-нибудь глубоко проникнуть в среду среднеазиатских кочевников.

Кроме того, нам представляется, что и в более общем плане подобная постановка вопроса не может быть справедливой. Эллинистическая эпоха действительно характеризуется в первую очередь синтезом греческих и восточных начал во всех сферах жизни, однако вряд ли можно полагать, что этот синтез означает мирное гармоническое слияние их. Наоборот, он сопровождался борьбой этих начал, так как объединение предполагает и противостояние, противопоставление одно другому. Процесс синтеза восточного и эллинистических элементов был процессом бурным. Особенно хорошо это заметно в сфере идеологии [2], но, безусловно, конфликты идей имели место и в искусстве. Во всяком случае, нельзя просто постулировать наличие единства; то или иное решение этого вопроса должно быть обосновано, чего нет в данной работе. Отметим, кстати, что сама логика исследования заставляет Г. А. Пугаченкову в дальнейшем от этого постулата, выдвинутого в вводной части, практически отказаться. В заключительной части (стр. 99) для конца II в. до н. э.— I в. н. э. отмечается ослабление греческого и активное нарастание чисто местного начала. На стр. 110 Г. А. Пугаченкова очень ярко показывает резкие отличия творческих почерков двух скульпторов, создававших однотипные композиции, но трактовавших их различно, один — в духе эллинистических традиций, другой — акцентируя все, идущее от местной художественной школы. Разве не свидетельствует это о борьбе двух начал в процессе возникновения греко-бактрийского художественного синтеза?

Раскопки Ай-Ханум и целый ряд других открытий последних лет позволяют с доверием отнестись к античной традиции относительно греческого градостроительства на Востоке. Можно полагать, что греческое население на Востоке, в частности в Бактрии, концентрируется в полисах, что обеспечивает определенную устойчивость его социальных и культурных традиций. Поэтому нуждается в пересмотре один из постоянно подчеркиваемых в работе пунктов — относительно места в жизни и соответственно в искусстве Греко-Бактрии собственно греческого элемента. Не узкий круг придворной знати, а широкие массы граждан греческих городов выступали в роли носителей греческого искусства, что и давало ему возможность существовать именно как греческому искусству.

Г. А. Пугаченкова называет «сако-юеджийский» этап искусства Бактрии героическим реализмом, сопровождающимся нарастающей идеализацией образов. Халчаян представляет собой ярчайший памятник истинно династийного искусства, но в каком соотношении с ним находится народное искусство? Идет ли оно послушно путем, указанным Халчаяном, или противостоит ему? Можно ли определить систему в целом, зная только один из составляющих ее компонентов?

Наконец, несколько мелких замечаний. В предложенной Г. А. Пугаченковой реставрации дворца в Халчаяне нам кажутся наиболее уместными не капители в духе народной архитектуры («праиоиика»), которые восстанавливает автор, а те деревянные резные ионийские капители, которые были обнаружены при раскопках Ай-Ханум [3]. Вызывает недоумение принцип реконструкции некоторых скульптурных панно. Г. А. Пугаченкова в тексте отмечает гораздо большее число фигур и большее их разнообразие, чем появляется в графической реконструкции. Иногда это сильно упрощает картину, а иногда, видимо, и искажает (на рис на стр. 61 в реконструкции отсутствуют сфинкс и какая-то коленопреклоненная фигура, упомянутые в тексте). На стр. 54 говорится о Родогуне, ставшей женой Деметрия, царя покоренной Митридатом Сирии. В действительности во времена упомянутого здесь селевкидского царя Деметрия II Никатора Сирия отнюдь не была покорена парфянами.

В заключение же можно сказать, что монография Г. А. Пугаченковой вводит в научный оборот новый чрезвычайно интересный материал и дает истолкование его. Основные выводы автора кажутся убедительными, а то, что является спорным, видимо, породит весьма плодотворную дискуссию.

Г. А. Кошеленко

---

[2] S. K. Eddy. The King is Dead. Studies in the Near Eastern Resistan — ce to Hellinism. 334—31 B. C. Lincoln, 1961.

[3] P. Bernard. Quatrieme campagne de foulilles à Ai-Khanum (Bactriane). CRAY, 1969, des. 24—25.

Ю. А. Раппопорт. Из истории религии древнего Хорезма (Оссуарии). М., 1971.

Оссуарии, как известно, являются достопримечательностью среднеазиатской археологии. Они исследуются с различных точек зрения не менее трех четвертей века, и им посвящена огромная литература. Рецензируемая книга состоит из введения, трех глав и заключения. Наиболее ценной является третья глава, «Хорезмийские оссуарии», включающая разделы «Древнейшие погребальные сосуды и постройки», «Статуарные оссуарии» и «Ящичные оссуарии. Некрополи».

Хорезм является районом, где удалось археологически проследить эволюцию оссуарного способа захоронения. Особо большое значение имеет открытие здесь различных надмогильных сооружений типа усыпальниц или мавзолеев (Кой-Крылган-Кала, Тагискен, Чирик-рабат, Бабиш-Мулла, Баланды). Автор убедительно реконструирует такого рода сооружения и по формам оссуариев. На основании наблюдений, сделанных в Хорезме, до появления оссуариев в качестве костехранилищ пользовались различными сосудами, в целом сходными с бытовыми. Наиболее ранней формой собственно оссуариев были «керамические статуарные сосуды», известные в Средней Азии только по находкам в Хорезме. Ю. А. Раппопорт датирует их IV—III вв. до н. э. То обстоятельство, что в Хорезме найдены и керамические маски, приводит автора к выводу, что статуарные сосуды генетически связаны с обычаем изготовления масок. Одновременно автор указывает на вероятную связь статуарных сосудов с лицевыми урнами и саркофагами эллинистического мира. Наиболее массовыми в Средней Азии являются ящичные оссуарии, появившиеся в Хорезме во II в. до н. э. и представленные здесь как по материалу, так и по форме рядом разновидностей. Они просуществовали до VIII—IX вв. н. э.

Замечательным открытием последнего времени является обнаружение оссуариев с расписными лицевыми стенками и с надписями на хорезмийском языке, включающие и даты захоронения (Ток-Кала, Маздахкан).

Во введении автор отмечает, что изучение оссуариев хотя не может дать ответа на вопрос о возникновении зороастризма, однако имеет определенное значение для истории зороастризма (стр. 4). В чем заключается это «значение», автор пытается установить в первых двух главах своей книги.

Первая глава, «Обзор работ, связанных с изучением оссуариев», носит историографический характер. Автор полагает, что широко распространенное мнение о связи захоронений костей в оссуариях с зороастрийским обрядом «подтверждается зороастрийскими по своему характеру надписями на поздних хорезмийских костехранилищах». На этом последнем доводе следует остановиться. Речь идет об одном термине, который фигурирует в подписях на оссуариях из Ток-Калы, в которых помимо имени захороненного и даты приводится формула, означающая «да будет раем его местопребывание». Издатели этих надписей считают, что термин для обозначения рая «Гарадаман» является зороастрийским, и на этом основании определяют и весь обряд. Между тем для такого вывода нет достаточного основания. Необходимо прежде всего учесть позднюю дату надписей (VIII—IX вв. н. э.). Термин этот не обязательно отражает собственно зороастрийскую религию. Более вероятно, что он в этот поздний период вошел в обиход, как и другие зороастрийские термины, через посредство еретических по отношению к зороастризму учений, таких, как манихейское или маздакистское. Хорошо известно, что во время гонений в Иране на последователей этих учений они находили убежище в Средней Азии. И не только убежище, но и сторонников среди местного населения. Достаточно напомнить о народном движении так называемых «людей в белых одеждах», вспыхнувшем в Средней Азии как раз во второй половине VIII в., с маздакистско-манихейской программой.

Основной интерес этой главы заключается в том, что Ю. А. Раппопорт, анализируя первоисточники, на основании которых в литературе установился взгляд на оссуарный способ захоронения как зороастрийский, впервые приводит в очень широком объеме чрезвычайно интересные материалы из общей и среднеазиатской этнографии. Один из главных выводов автора выражен следующей фразой: «Итак, похоже, что объяснение обычаю сохранять кости в оссуариях следует искать не в зороастрийском богословии, а в каких-то ранних верованиях восточно-иранских племен» (стр. 35). На первый взгляд, этот вывод противоречит вышеприведенному мнению автора о зороастрийском характере надписей на оссуариях Ток-Калы (мнение это им повторено в еще более категорической форме на стр. 122). Однако это не совсем так. В неясной формулировке о «каких-то ранних верованиях восточно-иранских племен» имеется в виду «особый среднеазиатский вариант зороастризма» (стр. 122), отличный от религии, отраженной «в зороастрийском богословии». Совершенно очевидно, что речь идет о «варианте зороастризма», называемом «маздеизмом». Термин этот при ближайшем рассмотрении, однако, представляется весьма произвольным. Достаточно указать, что именно в сасанидском Иране, в котором зороастрийская церковь достигла высшего своего могущества и где собственно и оформилось «зороастрийское богословие», маздеизм стал официальным термином именно для правоверного зороастризма. Поклонниками Мазды (mzdysn) неизменно и официально провозглашают себя сасанидские шахиншахи Ирана, например в надписях на скальных рельефах и на легендах монет.

В связи со сказанным едва ли может быть принято в целом общее заключение, которым автор заканчивает свое исследование. Позволю себе привести его полностью:

«Поэтому, если понимать под зороастризмом не только церковное вероучение сасанидского Ирана, а весь комплекс верований, отраженный в Авесте, оссуарии можно рассматривать как археологическое свидетельство распространения этой религии в домусульманской Средней Азии. Являясь археологической особенностью этой области, оссуарии позволяют говорить об особом варианте зороастризма, сохранившем ряд архаических черт и уходящем своими корнями в местные первобытные верования» (стр. 122).

Бесспорно, аспекты такого заключения вполне приемлемы, но все то, что говорится о зороастризме, является не больше как данью традиции о связи оссуарных захоронений с зороастризмом. На заре археологических исследований в Средней Азии обращение за объяснением среднеазиатских древностей почти исключительно к иранскому материалу вполне объяснимо. Сейчас, когда археологическими исследованиями открыта значительная древняя цивилизация народов Средней Азии — цивилизация оригинальная и связанная многими путями со всеми окружающими близкими и далекими странами, в том числе, конечно, и с Ираном,— обращение только к последнему для поисков объяснения отдельных категорий памятников древности не может быть признано оправданным. Среднеазиатский оссуарный материал, и особенно хорезмийский, говорит об этом с особой наглядностью. Так, на упомянутых лицевых оссуариях Ток-Калы и Миздахкана в живописном выполнении представлены сцены оплакивания покойника. Такие же сцены в виде глиняных налепов имеются и на согдийских оссуариях. Едва ли можно сомневаться, что художники и мастера, изготовлявшие налепы, передали реально существовавший обряд. Близкие по содержанию сцены представлены в монументальном буддийском искусстве Северной Индии (Гандхары) и восточного Туркестана. Но ничего подобного мы не знаем в иранском искусстве, а авестийские тексты категорически это запрещают. Все это, разумеется, известно, автору, но очень мало отразилось на его общем выводе.

В заключение следует подчеркнуть, что несогласие рецензента с культовой атрибуцией оссуариев не может повлиять на общую высокую оценку данной книги.

А. М. Беленицкий

Л. М. Левина. Керамика нижней и средней Сырдарьи в I тыс. н. э. Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, т. VII, М., 1971 г.

Рецензируемая работа посвящена исключительно интересному, но до недавнего времени слабо изученному району бассейна Сырдарьи. В течение ряда лет Л. М. Левина сама вела работы на ряде памятников нижней и средней Сырдарьи, что уже нашло отражение в печати в работах автора. Используя материалы своих раскопок и привлекая данные, полученные другими археологами, Л. М. Левина разработала детальную классификацию керамики трех крупных районов: нижнего течения Сырдарьи (джеты-асарская культура), среднего течения Сырдарьи (каунчинская культура) и территории междуречья Сырдарьи — Таласса (отрарско-каратауская культура). Не ограничиваясь классификацией керамики, автор рассматривает в своей работе и ряд важных историко-культурных проблем.

Первая часть книги посвящена анализу керамики джеты-асарской культуры, открытой еще в 1946 г. и изучавшейся с перерывами вплоть до 1966 г. Автор выделяет три этапа ее развития: Джеты-асар I (рубеж или последние века до н. э. — IV или конец III в. н. э.), Джеты-асар II (IV—VII вв; возможно, конец III — начало VIII вв.) и Джеты-асар III (начало VIII—IX вв.). Абсолютная хронология еще потребует, как нам кажется, дальнейших уточнений.

Интересны и убедительны выводы автора о распространении джеты-асарской керамики на III этапе за пределы первоначального ее сосредоточения. Это связано, по мнению Л. М. Левиной, с постепенным передвижением носителей джеты-асарской культуры в новые районы. Очень жаль, что в характеристике керамики по этапам отсутствуют данные о количестве и процентном соотношении тех или иных типов. Сводная таблица керамики джеты-асарской культуры, пожалуй, несколько перегружена рисунками, не всегда достаточно четкими, что затрудняет ее восприятие. Неясно, почему в тексте не отмечено появление на втором этапе фляг, тогда как на таблице они имеются.

Второй раздел книги посвящен исследованию каунчинской культуры, открытой еще в 1934 г. Г. В. Григорьевым. Подробно, по комплексам, разобраны материалы одного из наиболее исследованных могильников, Шаушукумского, в котором выделены различные по времени погребения. Огромная работа, проделанная автором, впервые дает нам возможность судить о культуре Куанчи в целом. Автор предлагает новую, уточненную хронологию этапов каунчинской культуры: Каунчи I (рубеж н. э.— III в. или начало IV в.), Каунчи II (IV в. или конец III в. — V в.) и Каунчи III (VI — начало VIII вв.). Весьма возможно, что абсолютные даты и здесь потребуют уточнений. На этапе Каунчи II отмечается (прежде всего в керамике) явное влияние джеты-асарской культуры и разнобой в погребальном обряде. Последнее Л. М. Левина связывает с этническим смешением и притоком нового населения.

В северо-восточный ареал каунчинской культуры Л. М. Левина включает территорию Чаткала, верхнего Таласа и Кетмень-Тюбе, отмечая, однако, неполную

идентичность культуры этих районов культуре Каунчи. Можно предположить, что эта группа в какой-то мере связана своим происхождением с так называемыми «усуньскими» памятниками. В то же время истоки самой культуры Каунчи пока не совсем ясны. В предшествующей ей, пока слабо изученной бурбулюкской культуре можно лишь отметить истоки для некоторых форм керамики Каунчи I.

Третья культура, рассматриваемая автором отрарско-каратауская, выделена еще А. Н. Бернштамом. Л. М. Левина, опираясь на уточненные датировки и новые материалы, относит I этап этой культуры ко времени не ранее I в до н. э. и не позже III—IV вв. н. э.; II этап — середина I тысячелетия н. э.; III этап — около VI—VIII вв. Л. М. Левина отмечает также, что отрарско-каратауская керамика, имея своеобразный облик, тесно связана как с каунчинской, так и (в меньшей степени) с джеты-асарской культурой.

В заключении автор выделяет общие черты во всех трех культурах, которые объясняются, видимо, сходными формами земледельческо-скотоводческого хозяйства с использованием примитивной ирригации. Интересно, что на I этапе отмечается большее влияние каунчинской и отрарско-каратауской культур на джеты-асарскую, тогда как на II этапе наблюдается обратная картина. На II этапе в джеты-асарской культуре появляются явно гуннские черты, что автор связывает с приходом сюда каких-то племен с востока. Это и могло послужить причиной движения носителей джеты-асарской культуры вверх по Сырдарье. Автор отмечает не только взаимовлияние всех трех культур на II этапе, но и влияние их (главным образом каунчинской) на культуру сопредельных районов (в первую очередь, Усрушаны и западной Ферганы). На III этапе в культурах бассейна Сырдарьи появляются новые черты, связываемые автором с движением согдийцев и историей кенгересов и будского племенного союза.

Книга имеет один существенный недостаток. Не всегда оправдано излишне подробно повторяющееся описание керамики. Читатель тонет в этом описании, что затрудняет четкое представление об изменениях в керамике. По-видимому, в каждой из культур достаточно было бы однажды описать типы посуды, а затем уже отмечать только существенные изменения, не повторяя описания одних и тех же форм при характеристике каждого поселения и каждого этапа. Это значительно облегчило бы чтение книги и дало бы возможность более четко представить все характерные моменты, связанные как с изменениями керамики внутри культур, так и с их взаимовлиянием.

Выход в свет книги Л. М. Левиной можно считать крупным событием в истории археологических знаний о народах Средней Азии.

Н. Г. Горбунова

Б. И. Маршак. Согдийское серебро. Очерки по восточной торевтике. М., 1971. Главная редакция восточной литературы. «Наука». Серия «Культура народов Востока. Материалы и исследования».

Рецензируемая работа представляет собой небольшую, но компактную книгу в 90 страниц текста. Она снабжена сводной таблицей, уместившей свыше 50 сосудов восточного серебра, где они скомпонованы по трем группам (А, В, С,) и периодам (VII, VIII, IX вв.), а также альбомной частью из 35 фотографий и обстоятельным резюме по отдельным главам на английском языке. Автор ставит проблему изучения, строит систему классификации материала и на основе этой системы дает последовательно определенные решения.

Такая взаимосвязь метода, системы и результатов анализа составляет несомненное преимущество данной работы перед трудами тех авторов, которые обращались к согдийскому серебру попутно. Однако при таком подходе в случае неверного результата, показанного хотя бы по одному или группе слагаемых, ставится под удар вся система построений автора. К сожалению, многие исследователи, увлекаясь собственными построениями, крайне ревнивы по отношению к предмету своего исследования, когда дело касается других подходов. Метод Б. И. Маршака таков, что держит предмет в фокусе собственного зрения и все, что лежит дальше или ближе рассматриваемого плана, будучи в фокусе внимания других авторов, кажется ему неверным. В центре внимания Б. И. Маршака стоит вопрос о том, какие вещи можно с уверенностью отнести к Ирану и какие к Средней Азии. «Именно этот вопрос,— предупреждает он,— и будет разобран в работе» (стр. 6.)

Первая глава, «Школы торевтов», содержит постановку вопроса о соотношении керамики с металлической посудой, об атрибуции произведений торевтики и пояснения к сводной таблице с ее школами А, В и С, по этапам и в сравнении между собой. Угол собственного зрения для Б. И. Маршака на первый взгляд ясен: «Работы разных школ и мастеров удается различать главным образом по приемам исполнения, а не по сюжетам», т. е. решает не что́ изображено, а как это сделано. В основу определения школы кладутся им не иконография образов, не стиль изображений, а приемы исполнения, «специфика ремесленной традиции». Нельзя не согласиться с автором в том, что при таком подходе «мы попадаем в весьма сложную ситуацию: различные направления поиска могут привести к разным выводам». (стр. 16). Правомочность изучения способов начертания линий и разделки поверхностей метал-

лических сосудов несомненна. Но при изолированном рассмотрении она так же неполноценна, как и изолированное рассмотрение сюжета, иконографии, стиля произведения. Впрочем, иронизируя над сравнением предметов по художественному стилю, Б. И. Маршак во всех затруднительных случаях пользуется той же пресловутой ссылкой на «похожее» и «непохожее» в общем облике или на детали, как это делают и другие авторы. В собственных устах аргумент «похожести» кажется более правомочным и надежным. Настораживает последовательно развитая мысль о том, что определение признаков согдийского серебра еще не гарантия того, что предмет относится к Согду. Здесь мы вступаем на зыбкую почву оговорок, при которых всякое утверждение таит в себе отрицание, в должный момент превращающееся вновь в аргумент утверждения. «Сравнение с керамикой позволило выделить признаки формы и орнамента, которые были популярны в Согде, но это **не все** согдийские признаки, а лишь наиболее удобные для гончаров; кроме того, они не **всегда исключительно** согдийские. Мы реконструировали признаки согдийского серебра, но не узнали, что̀ из серебра, хранящегося в музее, относится к Согду» (стр. 15).

Далее автор излагает последовательность этапов школы А следующим образом. Типологический ряд строится на основе какого-либо незначительного приема (например, «линии с точкой») независимо от сходства или различия образов (стр. 22—23). Признаки школы В устанавливаются также априорно: тонкостенность, розетки, полоски с завитком, кружочки определенного типа и еще — «основное растение над спиной, а не впереди изображенного животного» (даются ссылки на номера). Однако на каком основании выделены именно эти признаки для школы и что позволило расставить их по пяти этапам? «Те признаки, изменение которых видно по сосудам других школ, послужили критерием уже при сравнении рядов». И далее: «Интуитивно ощущается, что темп эволюции от 3-го и 5-го этапов школы В примерно такой же, как между этапами школы А» (стр. 26). Но ссылка на интуицию никак не выполняет данного ранее обещания доказать последовательность этапов школы А на основании признаков школы В.

На очереди группа С. Здесь «легко выделяется группа сосудов с гравированным орнаментом, в которых изображение оставлено резервом на покрытом кружками фоне, а рельефные детали литые». Разделение группы на этапы осуществляется уже испытанными (но верным ли?) способом: «В группе граненых чарок ВС 114 (Т 26) типологически моложе ВС 115 (Т 14), поскольку цветок лотоса, из которого как бы вырастает кружка ВС 115, в кружке ВС 114 распался на отдельные трилистники» (стр. 27). Удивительно, как быстро сделанное вначале допущение хода эволюции формы превращается в безоговорочный аргумент!

Дальнейшее сравнение рядов школы А, В и С протекает у Б. И. Маршака по канве предшествующих построений: «...трехлепестковый цветок с отходящими от него побегами, ранние варианты которого представлены на ВС 112, 113, а более поздний на ВС 291, в еще более сухой однообразной трактовке появляются на ковре, изображенном на блюде ВС 64 (Т 31), т. е. на 5-м этапе школы А, где уже не часть лепестков, а все они имеют фестончатый край и просвет с матовым фоном в середине». Вывод набран курсивом: «Итак, А4 не раньше, чем ВС 291 (Т 48), который моложе, чем ВС 112 (Т 47), 113 (Т 46), соответствующие А3—4» (стр. 33).

Дело не в громоздкости этого анализа, а в том, что вся система «малозаметных признаков» построена с самого начала на априорном их отборе, на допущениях в отнесении их к тому или иному этапу безымянных школ с помощью «интуитивных ощущений», послуживших, как признает автор, критерием при сравнении рядов. Но такой метод (мы бы его назвали ученым формализмом) мешает Б. И. Маршаку постичь круг доступных мастеру художественных идей (под которыми Б. И. Маршак напрасно подразумевает только сюжет и иконографию, тоже отодвинутые им, впрочем, на второй план). Наконец, нельзя согласиться с автором рецензируемой книги в его понимании сущности художественной школы вообще. Ведь если речь идет о художественной школе, то отличительным признаком ее будет не ремесленная традиция, присущая вещам массовой выделки, а то, что ставит труд художника над ремеслом: способность приспосабливать и видоизменять сюжеты, мотивы, формы, воспринятые извне, и образовывать на их основе целостный устойчивый сплав, близкий, понятный данному обществу, отражающий дух и характер его культуры. Между тем Б. И. Маршак стремится почему-то оторвать школу от культуры, частью которой школа все-таки была и оставалась, пока не исчезала вместе с породившей ее культурой.

Нам трудно согласиться с тем, что вещи, далекие по стилю и месту изготовления, могут представлять одну школу только в силу общности второстепенных деталей.

Так что же такое, на наш взгляд согдийское серебро, если на него взглянуть, отправляясь от таблицы Б. И. Маршака? Это прежде всего собственно согдийская школа, представленная группой В, насчитывающей примерно 15 предметов. Из них пять ложчатых сосудов датируются VI в., продолжая по формам древнюю ахеменидо-бактрийскую традицию (я бы сказал, скорее древневосточную). Далее, в VII в., ложчатые формы переходят в розетки тонкостенных чаш с животным на донце (Т-9, Т-10, Т-16, Т-21) и в грушевидные кувшины (Т-11). Принцип чаши в форме розетки сохраняется и в VIII в., когда лепестки розетки переходят в более уплощенную плетенку с вписанной птицей (Т-40а); к концу VIII в. полости чаши теряют ложчатые

формы окончательно (Т-37), а радиальные дольки, образуя фестоны, мотивируются сюжетно как садовый павильон-ротонда с оленем посредине; изящество сосуда оттеняют поддерживающие его фигурные ножки. IX в. дает увядание мотивов: дольки чаши трактуются как уплощенные узором лепестки вокруг кружка из перлов с птицей посредине и иссушаются в освобожденных от сюжета отвлеченных фестонах и чешуйках (Т-38, Т-51).

Все остальное, что фигурирует в таблице Б. И. Маршака как нечто связанное с Согдом, может рассматриваться как влияние Согда на другие школы, равно как и влияние других школ на Согд. Если сосуды, вошедшие на таблице в В, олицетворяют Согд (а с этим можно в основном согласиться), то, во-первых, согдийская ремесленная традиция скрывает за собой относительно узкий круг образов. И во-вторых, школы А и С являются смешанными и отражают не «согдийское серебро», а взаимосвязи Согда с Индией, Ираном, Византией, танским Китаем и степным тюркским металлом в прямом или обратном направлении.

С нашей точки зрения, сосуды Т-40, Т-43, Т-46, Т-47 — это степной тюркский металл; он имел большое влияние на торевтику не только Согда, простираясь на весь тюрко-степной мир раннего средневековья, вплоть до юга России и болгарского Придунавья, где он впитывал в себя многие мотивы византийского декора. Сосуды Т-14, Т-25, Т-26 — это вообще не Согд, а опять же тюркский металл, столкнувшийся с искусством сунского и танского Китая и впитавший в себя его формы и мотивы. Чаша с волком (Т-6) не Согд, а, видимо, Иран; чаша с сенмурвом тоже Иран, хотя и обнаруживает точки сходства с бухарским (?) Согдом. Чаши со всадником и двумя львами (Т-30) и правитель на престоле со львами, слугами и музыкантами (Т-41) остаются спорными (едва ли они относятся специально к Согду). Кувшин с женщинами в кругах никак не завершение развития школы А (по таблице, он появляется после чаш со всадником (Т-30) и тронной сцены (Т-41). Короче говоря, «согдийское» серебро трактуется Б. И. Маршаком и слишком широко (школы А и С расплываются далеко за пределы Согда) и слишком узко (не охвачены, например, Аниковское блюдо с осадой замка; сцена единоборства двух воинов, как и вообще серебро хорезмское и ферганское; блюдце с изображением царя и двух слуг, стоящее, по Маршаку, «на границе между традициями школы А, буидскими и газневидскими образцами придворного искусства») (стр. 69). Вся школа В стоит и хронологически, и территориально на границе между сасанидским Ираном и Халифатом. И не случайно школа В (собственно согдийская) выглядит на сводной таблице Маршака ступенчатой пирамидой, все более сужающейся кверху под воздействием школ Запада и Востока, поглотивших Согд в пору халифата уже целиком.

Метод анализа восточного серебра, разработанный Б. И. Маршаком, позволяет сделать ряд любопытных и полезных наблюдений над составом мотивов и форм, созданных ремесленной традицией. Но он не оправдывает себя относительно художественных школ и этапов их развития. Здесь Б. И. Маршак остается в плену формальных схем.

Глава вторая посвящена сравнению сосудов школ А, В и С с формами и декором в искусстве Азии. В анализе сюжетно-композиционных мотивов она интересна в той мере, в какой автор оперирует мотивами и образцами, действительно отражающими разнородные связи. Хороший и всесторонний анализ дан известному бронзовому кувшину, отлитому и орнаментированному, согласно надписи на нем, в Басре, что доставило автору много хлопот, ибо, по классификации Б. И. Маршака, кувшины этого типа связаны со школами А и С. Но подходящий выход был найден: «Как и в случаях с копенским золотым кувшином или с газневидским блюдцем, то, что похоже на школу А или на школу С, вошло в совсем другую систему» (стр. 69). Подобные вынужденные объяснения только подрывают надежность принятой Б. И. Маршаком схемы.

Глава третья, заключительная, посвящена исторической интерпретации: она призвана, видимо, разрубить гордиев узел. В ней снова находим много интересных мыслей, касающихся связей и взаимодействия «торевтов Согда» с «пятью великими цивилизациями», высказано много любопытных догадок относительно тюркского прикладного искусства и его связей с Согдом и т. д. Но не хотелось бы потерять руководящую нить, следуя за рассуждениями автора относительно школ А, В, С и их локализации. Из предыдущего изложения следовало, что школа В отвечает Согду, школа С — восточной части Средней Азии или Восточному Туркестану и лишь школа А остается «среднеазиатско-иранской дилеммой». Но так как «привязка» вещей к этим школам не всегда удается, то на помощь автору приходит оригинальное решение, подготовленное с самого начала упором на технику трассировки линий и поверхностей: не вещи смещаются применительно к школам, а школы начинают, подобно льдинам, дрейфовать, сдвигаясь на разных этапах с одной территории на другую.

Если школа В могла иметь отношение к Самарканду, то школа А — сперва к Бухаре, потом, «в новых центрах: в Мерве и других городах Хорасана» (стр. 86), проникала и дальше, в форме влияний, в глубь Ирана. «Потеря сюжета была той ценой, которую заплатила среднеазиатская торевтика за широчайшее распространение мотивов ее орнаментов в Азии и в Восточной Европе VIII—X вв... При этом оказывается, что единицей сравнения наряду со страной становится **художественная школа, которая переходит из страны в страну,** сохраняя свою традицию, хотя и видо-

изменясь в местных условиях» (стр. 90) (подчеркнуто нами. — Л. Р.). Здесь автор подводит нас к конечному выводу своего труда: «Даже в конце работы не стоит заменять условные А, В, С конкретными названиями областей и называть школы: бухарско-хорасанская, самаркандско-усрушанская, семиреченско-турфанская и т. п.» (стр. 90), потому что «локализация зависит от исторической интерпретации», или, как говорилось устами автора ранее, «различные направления поиска могут привести к разным результатам» (стр. 16).

В заключение нашего обзора интересной, содержательной, но во многом неубедительной и спорной книги Б. И. Маршака мы должны указать на определенный парадокс. Начав книгу с острых упреков в адрес ташкентских исследователей, особенно одного из авторов «Истории искусств Узбекистана с древнейших времен до середины XIX в.», за слишком широкое, без четких границ обобщение черт восточной торевтики V—X вв., Б. И. Маршак, переворошив огромный материал и показав высокую эрудицию, пришел к выводу, что приближенное деление выявленного материала на условные школы А, В, С — это максимум того, что можно пока сделать. Наше возражение против двух оценок роли сасанидского металла, когда «одни видят в нем преимущественно иранское начало, другие стремятся подчеркнуть его местные корни, расчленить его на ряд хотя и сходных в какой-то мере, но в общем самостоятельных явлений»[1], вызвавшее резкое несогласие Б. И. Маршака (стр. 6), обернулось для него повторением того же тезиса в отношении согдийской торевтики и ее школ. Истины есть истины, и у нас нет оснований выбора между ними, даже если они открываются вновь. Важно, что в изучении согдийской торевтики сделан новый и не последний шаг и что между согдийским и так называемым «сасанидским» серебром действительно китайских стен не оказалось.

Л. И. Ремпель

И. Ахраров, Л. Ремпель. Резной штук Афрасиаба. Издательство литературы и искусства им. Гафура Гуляма. Ташкент, 1971, 158 стр., 106 рис.

Долгое время о результатах раскопок на Афрасиабе приходилось судить по предварительным отчетам и сообщениям, которые не позволяли понять, сколько принципиально новых сведений дают эти раскопки. Но теперь все чаще появляются развернутые публикации материалов и монографические исследования, показывающие, что Афрасиаб скоро заставит нас пересмотреть многие устоявшиеся представления. К числу таких публикаций относится рассматриваемая нами книга, плод сотрудничества археолога и искусствоведа, наиболее солидная из всех монографий, посвященных афрасиабскому материалу. Она состоит из двух больших частей: «Раскопки на Афрасиабе 1965—1968 гг. (Археологический отчет о раскопках на объекте III)», написанной И. А. Ахраровым (стр. 13—28), и «Резной штук Афрасиаба», написанной Л. И. Ремпелем (стр. 29—147).

Первая часть знакомит нас с археологической ситуацией на участке, где было раскрыто купольное помещение, декорированное резным штуком, явившееся основным объектом исследования. Результаты работ публикуются впервые, если не считать маленькой заметки раскопщика об одной из находок (СА, 1967, № 4, стр. 29). На участке площадью около 320 $м^2$ вскрыта часть здания, пережившего четыре строительных периода: VII — начало VIII в.; IX в.; первая половина X в.; вторая половина X в. Постройки первого периода намечены только по верху стен, поэтому планировка здания на этом этапе не совсем ясна; датировка в дальнейшем, вероятно, также подвергнется некоторым уточнениям. Неуверенность в датировке этого комплекса видна в том, что Л. И. Ремпель приводит несколько иные даты (стр. 62).

Раскопки на этом объекте, расположенном вне третьей стены Афрасиаба, т. е. вне шахристана домусульманского Самарканда, лишний раз свидетельствуют против мнения некоторых исследователей, будто площадь к югу от шахристана (VII — начало VIII в.) не была застроена. Постройки I и II периода состоят из двух отдельных зданий, которые в III периоде слились в одно. Купольный зал, украшенный резным штуком, появился во II периоде, а наиболее интересный этап декоровки относится к IV периоду. Стратиграфия объекта, основания датировок и описание здания в разные периоды его основания изложены с достаточной ясностью. Находкам уделено очень немного места, но в данном случае это не вызывает возражения, поскольку материал нужен только для иллюстрации оснований датировок. Монетные данные не расходятся с датировками, которые можно было бы предложить на основании керамики. Отрадно, что И. А. Ахраров в начале своей части не преминул сказать несколько слов о методике раскопок и фиксации, применявшейся на объекте (стр. 14).

Однако автору первой части можно предъявить несколько упреков именно методического характера. Судя по описанию методики раскопок, археологические разрезы не практиковались, а это самый надежный метод выявления археологической и архитектурной стратиграфии. Разрезы на стр. 28 (рис. 10), названные археологическими, представляют собой архитектурные разрезы, на которых совершенно

[1] Л. И. Ремпель. Искусство V—X веков. В кн.: Г. А. Пугаченкова, Л. И. Ремпель. История искусств Узбекистана. М., 1965, стр. 145.

не видна слойность или последовательность частей построек, к тому же эти разрезы не привязаны к планам. Специальный раздел «Стратиграфия слоев и разрезы» (стр. 27—28) не может восполнить этот пробел. В результате остается неясным, почему под полом III периода идет слой VII—VIII вв., а не II периода (стр. 27). На планах отсутствуют некоторые обозначения. Так, на рис. 4 нет номеров помещений, не все номера проставлены в плане на рис. 5. Будем надеяться, что в дальнейших публикациях И. А. Ахраров строже подойдет к графическому материалу и в большей степени учтет интересы читателей.

Резному штуку Афрасиаба долго не везло. Панели, найденные в 1912 г., казалось, погибли бесследно, а рисунков и фотографий не осталось; погибли и панели, открытые в 1925 г. (правда, сохранились их фотографии), и только штуковый декор части того же здания, раскопанного М. Е. Массоном в 1919 г., позволял представить, какого прекрасного памятника декоративного искусства мы лишились с утратой материалов В. Л. Вяткина. Л. И. Ремпель, рассмотрев все имеющиеся сведения о раскопках здания со штуком, убедительно реконструировал облик зала, раскопанного в 1912 и 1919 гг. Определив место каждого из сохранившихся кусков, он смог выяснить, что одна из панелей Самаркандского музея (Б, по нумерации автора) происходит из раскопок 1912 г. Собранные воедино, давно известные вещи предстали в новом свете. Впервые мы получили возможность судить об архитектурном убранстве большого парадного зала конца IX — начала X в. Правда, мы не считаем доказанным, что это здание непременно дворец Саманидов и как таковое должно датироваться 70—80-ми годами IX в. Афрасиаб еще не настолько изучен, чтобы утверждать, что перед нами здание, исключительное по величине и архитектурному убранству. Прямых же данных для датировки пока не имеется.

Здесь и дальше Л. И. Ремпель много внимания уделяет архитектурному пропорционированию. В случае с рассматриваемым залом, отношение длины которого к ширине не выражается в целых числах и на первый взгляд может показаться произвольным, он показывает (стр. 40—42), что пропорции определены отношением стороны квадрата и его диагонали (сторона квадрата — ширина, а длина — полторы диагонали). Правильность этого подтверждается совершенно иным, независимым способом. Если основой расчетов являлась ширина зала, то она должна быть выражена в целых единицах измерения, в данном случае в локтях. Конечно, локоть очень непостоянная единица, но наиболее распространенные варианты колеблются около 0.5 *м* (канонический локоть — 49,9 *см*, «черный локоть» — 54 *см*). Исходя из этого, ширину зала (6,29 *м*) можно понимать как 12 локтей, что составит локоть примерно в 52 *см* (возможен вариант — 6 больших локтей, но это не меняет существа дела).

Гвоздем исследования является реконструкция купольного зала объекта III (стр. 55—95). Вдумчивое исследование фрагментов его штуковой облицовки, сохранившейся лишь на 10—20%, позволило полностью восстановить декор помещения от пола до верха купола. Более того, детали этого декора, зафиксировавшие архитектурные формы, помогли восстановить конструкцию купола, интерьер здания и его внешний вид. Автор детально излагает ход мыслей, приведших к локализации каждого типа штукового орнамента. Архитектурная реконструкция представляется убедительной (рис. 57, 62, 65, 77), хотя некоторые детали могут в дальнейшем подвергнуться уточнению.

Нам, в частности, кажется несколько сомнительной реконструкция спаренных окон над дверьми в обрамлении сводчатой арки (рис. 95). Ссылка на фрагмент терракотовой плитки с изображением спаренных окон (стр. 133, 135, рис. 104) неосновательна, так как там они заключены в прямоугольную рамку; в стрельчатой же арке нужна иная компоновка, какой-то элемент, заполняющий пространство между окнами и замком арки,— третье оконце или декоративная деталь. Кстати, спаренные ниши в Ухайдире, на которые ссылается Л. И. Ремпель, именно так и оформлены: в одном случае между ними находится крупное ложное оконце, в другом (северный фасад двора) над спаренными арками имеется третья арка такой же величины.

В завершение автор показывает, что архитектурные формы, мотивы и приемы архитектурной орнаментики Афрасиаба «имеют много общего с архитектурой Среднего и Переднего Востока» (стр. 135). К сожалению, доказательство сводится к перечислению ряда памятников VIII—XIII вв. на обширном пространстве от Средней Азии до Туниса, из которого не всегда ясно, где мы имеем дело с проявлением параллельного развития какого-то приема или формы, восходящего к одному источнику, а где речь идет о заимствовании. Формулировки здесь иногда настолько не продуманны, что можно прийти к ложным заключениям. Так, на стр. 137 мы читаем: «Купольные залы Дамаска XII—XIII вв... кажутся прямым продолжением архитектурных идей, заложенных в Купольном зале Афрасиаба». Можно подумать, что автор усматривает в этом влияние Афрасиаба на Дамаск, хотя, по-видимому, речь идет о параллельной разработке одного и того же приема. В другом месте (стр. 140) автор говорит о влиянии строительного опыта мастеров восточных областей Халифата на строительную технику мечети Ибн-Тулуна. Опять-таки можно подумать, что редь идет о Средней Азии, хотя подразумеваются памятники Ирана, послужившие прообразом той же мечети.

Заключительные разделы вообще вызывают много возражений. Начнем хотя бы с такой мелочи, как названия памятников и местностей. Мы встретим здесь *Укхейдир* вместо *Ухейдир* (стр. 130, 135), *Кусаир-Амра* вместо *Кусайр-Амра* (стр. 135), *Бет аль-Калифак* вместо *Бейт аль-Халифа* (стр. 140), *Кадисийах* вместо *Кадисийа* (стр. 140). Загадочный халиф Мутагибилла (подразумевается ал-Мутасим) оказывается основателем Самарры (стр. 142). Конечно, специалисту по истории архитектуры Средней Азии не обязательно разбираться в особенностях западноевропейской транскрипции арабских названий, но достаточно справиться во «Всеобщей истории искусств», чтобы не допускать таких ошибок, тем более что благодаря авторитету автора неверные написания могут перекочевать в работы молодых авторов. Зато совершенно недопустимо для историка архитектуры перемещать Куббат ас-сахру из Иерусалима в Каир (стр. 129). Странно звучит утверждение: «Колонные портики VI—X вв. изучены слабо. Между тем они — прямые предшественники сводчатых порталов» (стр. 132). Как можно из портика с колоннами вывести сводчатый портал, остается загадкой, тем более что у этих порталов были такие очевидные предшественники, как открытые сводчатые залы Хатры и Таки-Кесры. Единственное сходство между портиком и сводчатым порталом в том, что они одинаково называются айванами.

Не будем останавливаться на мелких неточностях в характеристике исторических явлений IX—X вв. Отметим только, что всюду, где автор отходит от исследования конкретного материала, которым он прекрасно владеет, и переходит к обобщениям, он начинает грешить велеречием, порой граничащим с бессмыслицей: «Листва на Афрасиабских панелях взывает к резному дереву из Джума-мечети в Хиве» (стр. 110, подчеркнуто нами.— *О. Б.*); «В эволюции его форм (вьюнка.— *О. Б.*) много драматических моментов» (стр. 122); «Выказывая полную покорность багдадским халифам и увещевая их подарками они (Саманиды.— *О. Б.*) из Нишапура стучались уже в двери Рея» (стр. 138). Отчасти эти красоты стиля объясняются стремлением придать книге популярный вид, особенно заметным во введении («Этот развалившийся мир») и заключительных разделах.

Это тем более досадно, что в целом книга И. А. Ахрарова и Л. И. Ремпеля сделана серьезно и добросовестно. Историки архитектуры, искусствоведы и археологи благодаря ей получили в свое распоряжение богатый и надежный материал. Можно только пожелать, чтобы последующие публикации афрасиабского материала не спускались с этого уровня.

О. Г. Большаков

«Страны и народы Востока», вып. X. Средняя и Центральная Азия. География, этнография, история. М., 1971, 292 стр.

Очередной 10-й сборник «Страны и народы Востока», посвященный 2500-летию Самарканда, весьма разнообразен по составу включенных в него статей и охватывает время от палеолита до современности. Открывается он статьей С. А. Несмеянова и В. А. Ранова «К палеогеографии мустьерских стоянок в горах Средней Азии» (стр. 6—21), в которой авторы дают обзор расположения всех известных горных палеолитических памятников и восстанавливают природную обстановку горных районов Средней Азии в плейстоцене. Несмотря на то что статья представляет значительный интерес, кажется несколько неоправданным включение ее в рецензируемый сборник, так как она не вполне укладывается в его тематику.

Большинство статей посвящено довольно компактному отрезку времени: от последних веков до н. э. до I тысячелетия н. э. Прежде чем перейти к археологическим статьям, следует отметить небольшую, но интересную заметку Е. А. Мончадской «Эсхил о Средней Азии» (стр. 22—26). Автор показывает, что в трагедии Эсхила «Персы» содержится упоминание о бактрийцах, вождях по имени Артаб и Тенагон, павших при Саламине; эти люди могли реально существовать, поскольку Эсхил был не только современником, но и непосредственным участником греко-персидских войн. Поэтому трагедия Эсхила может быть, по мнению автора, приравнена к важным историческим источникам.

Ю. А. Заднепровский в статье «Об этнической принадлежности памятников кочевников Семиречья усуньского периода II в. до н. э.— V в н. э.» (стр. 27—36) ставит вопрос о пересмотре этнических отождествлений погребальных памятников одного из районов Средней Азии. Как итог довольно обстоятельных рассуждений автора, является мысль о том, что на территории Семиречья в усуньский период выделяются две основные этнические группы, одну из которых составляло местное сакское население, а вторую — пришлые племена (стр. 33); в последних автор предлагает видеть усуней и юечжей, но рассматривает свое предложение в качестве гипотезы, «требующей дальнейшего обоснования и доказательства» (стр. 34).

Обстоятельная статья Т. И. Зеймаль «Древние и средневековые каналы Вахшской долины» (стр. 37—57) построена на полевых работах автора. В ней рассматриваются материалы обследования трех систем орошения в долине Вахша: первым был сооружен канал Болдай, который функционировал дважды — в IV—III вв. до н. э. и во II—III вв. н. э.; позднее был прорыт канал Джуйбар — во II—III вв. н. э.; причем его расширение продолжалось и позднее; в VII в. была сооружена ороситель-

ная система канала Кафыр. Заброс каналов и их частей происходил в разное время, но в основном в XII—XIII вв. Исторические выводы из конкретного полевого материала, по мнению автора, заставляют пересмотреть многие теоретические положения, введенные в научный оборот по материалам древнего Хорезма.

Статья Б. И. Маршака «К вопросу о восточных противниках Ирана в V в.» (стр. 58—66) построена не на археологическом материале, а на логическом анализе письменных источников. Сравнительно небольшие эпизоды из войн Ирана с восточными противниками приобретают особое значение после того, как автор устанавливает различие между двумя Чолами и двумя Таликанами, которые были перепутаны еще в древности. По его мнению, восточный Закаспий нельзя теперь считать областью военных столкновений Ирана с кидаритами и эфталитами, а что касается восточного театра военных действий, то там речь идет не о хорасанском Таликане, а о тохаристанском.

Три следующие статьи посвящены выяснению материальной культуры Согда предарабского времени. В. И. Распопова в статье «Один из базаров Пенджикента VII—VIII вв.» (стр. 67—75) вводит в научный оборот новый тип археологического памятника а именно небольшой базар, который сочетался с группой мастерских по изготовлению металлических предметов. А. Исаков («Дворец правителя древнего Пенджикента», стр. 76—82) также публикует один из объектов, который рассматривается автором в качестве остатков дворца. Однако окончательно судить о функции раскопанных помещений нельзя, так как раскопки там еще не завершены. Л. И. Альбаум свое сообщение посвятил новым росписям, открытым на городище древнего Самарканда Афрасиабе («Новые росписи Афрасиаба», стр. 83—89). Автор предлагает в расчищенной композиции видеть сюжет провозглашения Вархумана правителем Согда. Статья О. И. Смирновой «Места домусульманских культов в Средней Азии (по материалам топонимики)» (стр. 90—108) является началом большого исследования. Автор показывает, что преимущественно в Согде сохранились топонимы, составной частью которых являются согдийские слова «храм» и «бог». Места домусульманского культа, по мнению автора, можно подразделить на две категории: храмы с идолами божеств и большие изваяния божеств под открытым небом. По сведениям письменных источников, приводимым автором, постройки обоих типов существовали в домусульманском и раннемусульманском Согде.

Е. В. Зеймаль в статье «Сино-кхароштийские монеты» (стр. 109—120) публикует небольшую коллекцию этих монет, хранящихся в Государственном Эрмитаже. Принятую в науке расплывчатую датировку (II в. до н. э.— VI в. н. э.) автор сужает до конца II—III вв. н. э. Попутно Е. В. Зеймаль касается проблемы начальной даты Каниш ки и считает, что предлагаемая им дата монет хотанского двуязычного чекана монет может служить подтверждением позднему варианту кушанской хронологии.

С. Г. Кляшторный и В. А. Лившиц вводят в научный оборот согдийскую надпись, найденную в МНР в 10 *км* к западу от Бугута («Согдийская надпись из Бугута», стр. 121—146). Этот новый памятник согдийской письменности, сохранившийся, к сожалению, не полностью, датируется последней четвертью VI в. Но по мнению авторов, эта надпись свидетельствует уже о развитых контактах между согдийцами и тюрками, которые существовали уже в III—V вв. Проблеме взаимоотношений согдийцев с населением Центральной Азии посвящена статья Л. И. Чугуевского «Новые материалы к истории согдийской колонии в районе Дуньхуана» (стр. 147—156). Автор показывает процесс ассимиляции местным населением выходцев из согдийских городов, занятия этих выходцев и их статус на новом месте жительства. Заметка Е. И. Кычанова «Тангуты и Запад» (стр. 157—162) обращает внимание исследователей на то, что тангуты имели тесное общение не только с китайцами на востоке, но также с уйгурами на северо-западе и с восточно-тибетскими племенами на юго-западе. Однако влияние Запада на тангутскую культуру, по мнению автора, раскрыто еще недостаточно.

Небольшая статья А. М. Мандельштама «К данным ал-Бируни о Закаспии» (стр. 163—169) очень насыщена новым материалом, который содержится в Масудовом «Своде» по географии Южной и Западной Туркмении. Там названы Мангышлак, Балхан и Ферава, определены их координаты; анализ этих сведений показывает, что ал-Бируни имел в виду реальные местности, соответствующие их современной локализации.

Статья О. Г. Большакова «Два вакфа Ибрахима Тамгач-хана в Самарканде» (стр. 170—178) интерпретирует два редких документа XI в. Они позволяют установить, в каких местах Самарканда находился госпиталь (богадельня) и ханифитское медресе, какие средства были определены для содержания обоих учреждений, характер застройки городских кварталов, имущественные права женщин и, наконец, курс диргема по отношению к золотому динару. Интересно, что полтора динара считались месячным прожиточным минимумом в XI в. Весьма обстоятельный историко-этнографический очерк С. Г. Агаджанова «Огузские племена Средней Азии IX—XIII вв.» (стр. 179—193) содержит множество сведений о самых разных сторонах жизни и быта предков современных туркмен, извлеченных из средневековых источников, написанных на арабском, иранских и тюркских языках.

Статья Б. Е. Кумекова «Страна кимаков по карте ал-Идриси» (стр. 194—198)

имеет историко-географический характер. Анализируя сведения XII в. о кимаках и старинные карты, автор пытается разместить все эти сведения на современной географический карте и весьма успешно это осуществляет. Искомый район находится в нынешнем Восточном Казахстане (от озера Иссык-куль на юге до Семипалатинска на севере, от озера Балхаш на западе до Джунгарского Алатау на востоке). Небольшая заметка А. А. Иванова «Печать Гаухар-Шад» (стр. 199—201) публикует очень интересный памятник культуры и камнерезного искусства первой половины XV в., принадлежавший известному историческому лицу — жене сына Тимура Шахруха и матери Улугбека.

В заметке И. М. Оранского «О термине «мазанг» в Средней Азии» (стр. 202—207) автор приходит к выводу, что этот термин не приложим к среднеазиатским цыганам, которых называют люли и джуги; это особая этнографические группа, зафиксированная не только в Средней Азии, но и около Кермана, и в районе Кабула. А. З. Розенфельд, в течение долгих лет собиравшая дарвазский фольклор, рассматривает в статье «Дарвазский фольклор» (стр. 208—217) наиболее популярные его жанры: сказки и рубаи. Две статьи — В. А. Вальская «Яков Владимирович Ханыков (1818—1862)» (стр. 218—240) и Т. И. Султанов «С. К. Ибрагимов и его историко-востоковедческие исследования» (стр. 241—248) — посвящены характеристике жизни и научной деятельности двух крупных исследователей Средней Азии XIX и XX вв.

Три последние статьи сборника — В. А. Ромодин «Последние годы домусульманской истории кафиров Гиндукуша и политика Абдурахман-хана» (стр. 249—263), А. Л. Грюнберг «Нуристан. Этнографические и лингвистические заметки» (стр. 264—287) и А. Л. Грюнберг «Опыт лингвистической карты Нуристана» (стр. 288—289) — посвящены кафирам Гиндукуша.

Говоря о сборнике в целом, хочется отметить его многогранность и разнохарактерность, что делает его интересным для исследователей Средней и Центральной Азии различного профиля. Быстрое исчезновение сборника с полок книжных магазинов указывает на его популярность у читателей.

И. Н. Хлопин

«Эпиграфика Востока», вып. XX. Л., 1971, 122 стр.

Настоящий выпуск рецензируемого сборника, как и все предшествующие, характеризуется разнообразием публикуемых материалов, охватывающих большой хронологический диапазон. Составляющие его 17 статей характеризуют памятники от III тысячелетия до н. э. до XV в. н. э.; более половины их посвящено среднеазиатской тематике или связано с ней.

Для археологов значительный интерес представляет статья М. В. Воробьева «К вопросу определения древних китайских монет «5 шу» (ушуцянь)», в которой рассмотрен один из важных, но сложных вопросов китайской нумизматики. Автор дает в ней сводку имеющихся сейчас данных относительно времени выпуска различных групп медных монет этой категории с приложением таблиц прорисовок. Практическое значение статьи вполне очевидно: она поможет более точно определить некоторые медные монеты с квадратным отверстием, встречающиеся в археологических памятниках восточной части Средней Азии. Особое внимание, очевидно, должно быть обращено на соответствующие находки из погребений, до сих пор относимых лишь весьма приблизительно к последним векам до нашей эры и первым векам нашей эры. Именно определение монет здесь может дать необходимую основу для более точной датировки, без которой крайне затруднена историческая интерпретация значительной группы памятников.

Важной монетной находке на территории Северного Афганистана (исторически являвшейся северной частью древней Бактрии) посвящена статья В. М. Массона «Кундузский клад и некоторые вопросы греко-бактрийской нумизматики». Автор высказывает в ней ряд интересных соображений относительно времени составления клада и возможностей использования его для уточнения существующих реконструкций истории греко-бактрийских царей и локальных греческих династов. По первому вопросу он склоняется к более поздней дате, чем предлагаемая другими исследователями, относящими клад примерно к 100 г. до н. э. Основным доводом является наличие в составе его «варваризированных» тетрадрахм Гелиокла с монограммой М, не представленной на бактрийском чекане этого царя, но известной на медных подражаниях его монетам. В качестве момента, определяющего terminus ante quem, указывается отсутствие монет Герая. Однако следует обратить внимание на наличие тут монеты Гермея, что позволяет предположить еще более позднюю дату. Не исключено, что клад был зарыт в начальный период экспансии кушанского государства, при Кадфизе I.

По второму вопросу В. М. Массон придерживается осторожной точки зрения, справедливо указывая на многочисленные трудности и, в частности, на ненадежность заключений по облику лиц правителей на монетах. Более важным при современном состоянии греко-бактрийской нумизматики он считает тщательный учет весового стандарта монет разных правителей, однако и это не дает еще достаточных оснований для категорических выводов о подвластной им территории.

Следует отметить, что в целом Кундузский клад подтвердил правильность существующих представлений о хронологии и территориальном распределении известных сейчас царей Бактрии и соседних областей. Вместе с тем он показывает, что какие-либо заключения и уточнения здесь можно ожидать, по всей видимости, только от находок монет в планомерно исследуемых археологических памятниках, прежде всего на поселениях с четкой стратиграфией.

Новые материалы, безусловно важные для понимания экономической истории юга Средней Азии в раннем средневековье, рассматриваются в двух дополняющих друг друга статьях: А. Губаев «Сасанидские буллы из замка Ак-депе (предварительная публикация)» и В. Г. Луконин «По поводу булл из Ак-депе». В первой дается описание всех раскопанных помещений замка, хотя следовало бы, пожалуй, сосредоточить внимание на том, где найдены буллы. В следующем затем описании булл приведены чтения отдельных надписей, принадлежащие В. Г. Луконину. Для читателя все же остается недостаточно ясным фактический облик булл; удивление вызывает также отсутствие каких-либо иллюстраций, что трудно оправдать предварительным характером публикаций.

В статье В. Г. Луконина дан первичный анализ находок из Ак-депе, весьма квалифицированный, с привлечением аналогичных материалов из Ирана. Избрав стиль научного комментария, автор, по-видимому, сознательно исключил из рассмотрения некоторые вопросы интерпретации. Это, например, оценка новых материалов как источника для суждений относительно организации торговли в южных областях Средней Азии в начале раннего средневековья. Очевидно, специального рассмотрения заслуживает надпись на булле I, 1; часть ее, расположенная на краю, сразу же вызывает ассоциации с хорошо известными географическими названиями (Серахс и Апаварктика). Надо надеяться, что более детальное и всестороннее исследование булл из Ак-депе со всеми необходимыми иллюстрациями последует в ближайшем будущем.

Новому подразделу раннесредневековой нумизматики Средней Азии посвящена статья О. И. Смирновой «Первые монеты из Усрушаны». В ней дается суммарное описание и анализ небольшой группы медных монет, место выпуска которых до сих пор не было известно; поскольку теперь они обнаружены при раскопках на городище Кахкаха, автор с уверенностью относит их к чекану усрушанских правителей. Таким образом, выявлен новый и, несомненно, важный источник для исследования прошлого этой области, культурно-историческое значение которой все более отчетливо вырисовывается благодаря систематическим исследованиям археологических памятников.

При несомненных достоинствах в рассматриваемой статье имеются и моменты, вызывающие определенные сомнения. Малочисленность известных сейчас монет заставляет относиться с осторожностью к убежденности автора, что предлагаемые им чтения легенд не требуют уточнения: ведь они пока еще не проверены на дополнительных находках. Кроме того, настораживает то, что из трех прочитанных имен два трактуются как передача санскритских терминов буддийской иерархии. Не вполне ясно, исчерпаны ли все возможности найти удовлетворительную их этимологию на иранской основе; сближение гу'пс и гу'nt связано с очевидными трудностями. Далее следует учитывать, что в письменных источниках нет сведений о распространенности в Усрушане буддизма; нет соответствующих свидетельств и в археологических материалах. Очевидно, здесь позволительны также суждения по аналогии с Согдом: в последнем буддизм имел определенное распространение, но все достоверно известные имена правителей не содержат следов воздействия этой религии.

Выделение на основе чтения легенд монет пяти правителей Усрушаны (из которых четыре носят два повторяющихся имени) можно принять лишь как предположение. Различия в знаках на реверсах, взятые здесь за основу, сейчас еще трудно истолковать. Вряд ли получат признание толкования названия городища Кахкаха, как тюркское «кахалга» — ворота (?) (конкретный язык, к сожалению, не указан), и наименования Усрушана как передачи санскритского Sudarsana. В первом случае перед нами хорошо известный персонаж таджикских народных преданий, с которым связывается ряд археологических памятников и в других областях Таджикистана. Во втором весьма трудно допустить, чтобы одно из редко встречающихся имен буддийского пантеона могло стать наименованием среднеазиатской области.

Памятникам развитого средневековья в сборнике посвящены четыре статьи. А. А. Быков в заметке «Редкий саманидский фельс» издает хранящуюся в фондах Эрмитажа монету Исхака б. Ахмада, чеканенную в 892 г. в Ахсикете. Она проливает дополнительный свет на историю ранних Саманидов, в частности подтверждает относительно независимое положение правителя Ферганы после событий 888 г.

Особый интерес представляет статья М. Е. Массона «Фрагменты надписи Караханидского мавзолея с городища Афрасиаб». Автор проделал сложную, но очень интересную работу по подбору фрагментов надписи, найденных еще при раскопках В. В. Бартольда и В. Л. Вяткина на предполагаемом месте соборной мечети средневекового Самарканда. Когда удалось собрать несколько обломков, дающих возможность восстановить отдельные части текста, выяснилось, что надпись принадле-

жит мавзолею. Характер титулатуры, специфика написания букв и учет общеисторических данных позволили М. Е. Массону убедительно аргументировать вероятную принадлежность данного сооружения караханиду Ибрахиму б. ал-Хусейну.

Помимо ценности данной работы в плане реконструкции определенных моментов политической истории необходимо отметить ее важность как образца методики в области исследования фрагментарных эпиграфических памятников. Хотелось бы также отметить, что автор безусловно прав, говоря о необходимости продолжить раскопки на избранном еще В. В. Бартольдом участке Афрасиаба.

С проблематикой средневековой истории Средней Азии связана также статья М. Н. Федорова «Об одной группе караханидских монет 380—404 гг.». Автор объединяет в одну группу четыре монеты, чеканенные в Илаке (388 г.), Урду (398 г.), Исфиджабе (399 г.) и Согде (404 г.), по наличию на них имени, читаемого им как Салих. Далее дается интересная попытка проследить политическую карьеру данного лица, рассматриваемого в качестве одного из представителей локальной династии правителей Илака. Но единичность упомянутых монет создает здесь трудности. Само имя Салих более или менее уверенно читается лишь на трех монетах; на монете, чеканенной в Исфиджабе, наличие его сомнительно. Если считать Салиха представителем илакской династии, то очень странно отсутствие обычного для других ее членов указания имени отца и, кроме того, наличие титула «тегин», не встречающегося у других. Существенное значение тут имеет и чтение двух неясных букв перед именем. Видимо, на основе этих же монет можно было бы аргументировать и принадлежность Салиха к числу тюркских по происхождению наместников караханидов. Решение здесь смогут дать только новые материалы.

Караханидский период в истории Средней Азии до сих пор остается слабо изученным. Очевидно, уже назрела необходимость составления полного свода имеющихся монет этого времени, на основе которого будет возможно проконтролировать и дополнить как известия письменных источников, так и существующие реконструкции истории этого времени.

А. М. Мандельштам

Хроника

СОВЕЩАНИЕ ПО КАМЕННОМУ ВЕКУ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА

20—26 октября 1972 г. в Самарканде проходило совещание по каменному веку Средней Азии и Казахстана, организованное Научным советом по проблемам археологии Средней Азии и Казахстана (Институт археологии АН СССР) и Институтом археологии АН Узбекской ССР. В работе совещания приняло участие более 100 человек, представлявших научные коллективы археологов и этнографов Самарканда, Ташкента, Ленинграда, Москвы, Душанбе, Алма-Аты, Фрунзе, Ашхабада, Тбилиси, Баку, Еревана, Новосибирска, Иркутска, Киева. На совещании заслушан и обсужден 31 доклад [1].

Совещание открыл академик АН Узбекской ССР Я. Г. Гулямов, подчеркнувший важность и актуальность совещания для решения проблем каменного века. Доклад В. М. Массона был посвящен определению понятия культура в археологической систематике. Докладчик подчеркнул, что культура — это «фундаментальное понятие археологической систематики на собственно археологическом уровне исследований». «Культура представляет понятие, следующее за признаком и типом» На методике и принципах выделения локальных различий в палеолите остановился в своем докладе Г. П. Григорьев. О локальных культурах, их вариантах и областях в неолите доложили Н. Н. Гурина и Л. Я. Крижевская.

Большинство докладов были отчетами о состоянии изученности памятников каменного века на определенных территориях нашей страны. Успехи узбекских археологов были отмечены в докладе директора Института археологии АН Узбекской ССР А. А. Аскарова. Участники совещания высоко оценили работу Р. Х. Сулейманова по количественному анализу комплексов индустрий эпохи палеолита. Подробная характеристика мустьерских стоянок Узбекистана дана в докладах Н. Х. Ташкенбаева и М. Р. Касымова, причем по вопросу о характере залегания культурных остатков на этих памятниках развернулась оживленная дискуссия. В. А. Ранов и С. А. Несмеянов считают, что Кутурбулак и Кульбулак являются переотложенными памятниками. Большинство же специалистов по палеолиту пришло к выводу (в большей степени это касается Кульбулака, ибо участники совещания посетили этот памятник), что мустьерские находки здесь если и претерпели местами какой-то размыв, то очень незначительный. Сомнение вызвало отнесение к ашелю находок из нижней геологической пачки Кульбулака; скорее всего, это мустье. При уточнении стратиграфии Кульбулака предложено принять за основу классификации материала по геологическим подразделениям, внутри которых полезно выделять горизонты взятия, но последние нельзя отождествлять с культурными слоями.

Интересные результаты были получены в процессе раскопок Самаркандской палеолитической стоянки, которые ведутся под руководством Е. Н. Амарцевой и М. Д. Джуракулова. Подробное сообщение об исследованиях Самаркандской стоянки за последние два года сделал М. Джуракулов. Говоря о геологической характеристике этого памятника, С. А. Несмеянов отметил, что «нижняя» терраса в районе стоянки четко соответствует позднеголодностепской террасе р. Зеравшан. Корреляция «верхней» террасы требует дополнительных исследований. Материал, полученный из раскопа 1972 г. на «нижней» террасе, был признан всеми палеолитчиками мустьерским. Относительно датировки остального археологического материала мнения археологов разошлись.

В докладе Г. Ф. Коробковой было показано, какое важное значение для выделения культур и локальных вариантов имеет изучение каменной индустрии. Для мезолитических комплексов Средней Азии выделяются следующие типы индустрии: прибалханский, зарзийский и ферганский, где прослеживается два варианта (равнинные и пещерные комплексы). Для неолита характерны джейтунский, кельтеминарский, карабогазский, балханский, ферганский, гиссарский типы каменной индустрии. Характеристике различных территориальных групп мезолитической эпохи (ферганской, ташкентской и сурхандарьинской) посвятил свой доклад У. Исламов. Неолит Узбекистана характеризуют две культуры — кельтеминарская с ее локальными вариантами и центральноферганская.

[1] Каменный век Средней Азии и Казахстана. Тезисы докладов совещания. Ташкент, 1972 г.

Исследования палеолита в Таджикистане освещены в докладе В. А. Ранова «К проблемам выделения локальных палеолитических культур в Средней Азии». Он различает в палеолите Средней Азии а) леваллуа-мустьерскую группировку с техническими индустриями леваллуазской и леваллуа-мустьерской; б) мустьерскую (горное мустье) и в) мустьеро-соанскую. Для верхнего палеолита В. А. Ранов выделяет каракамарский, ходжагорский и самаркандский варианты. Объясняя существование локальных вариантов в палеолите, В. А. Ранов сводит их к следующим причинам: а) индустриальным; б) экологическим; в) социальным.

А. Юсупов, докладывая результаты изучения Сай-Саеда — многослойного памятника гиссарской культуры, высказал предположение, что поселение было оставлено племенами горных скотоводов и охотников и, возможно, является базовым поселением многократного обитания. Подробная характеристика важного мустьерского памятника Георгиевский бугор была дана в докладе М. Б. Юнусалиева. Состояние изученности каменного века Казахстана отражено в выступлении А. Г. Медоева. Выделению локальных, хронологических и территориальных групп в каменном веке Казахстана и Западного Туркменистана были посвящены доклады С. С. Черникова и Г. Е. Маркова.

Вопрос о локальных различиях в нижнем палеолите на конкретных материалах Кавказа был поднят в докладе В. П. Любина. Докладчик рассматривает локальные различия как сложный синтез взаимодействия разных факторов: социального, природного и производственного. Наряду с понятиями «культура», «путь развития» В. П. Любин ввел еще понятие «линия развития». Подробная характеристика памятников нижнего палеолита и выделенных среди них локальных групп была дана в докладе Д. М. Тушабрамишвили «Палеолит Грузии и его особенности». В настоящее время в Грузии открыто около 250 нижнепалеолитических памятников, но, несмотря на это, выделение локальных культур и вариантов пока еще, по мнению докладчика, невозможно. Комплексы верхнего ашеля на Армянском нагорье представлены тремя различными культурами: сатанидарской, джраберской и арзнийской. Мустьерские индустрии соответствуют подразделениям более низкого ранга, чем культура, отметил в своем докладе Б. Г. Ерицян. Древнепалеолитическим памятникам Западного Азербайджана был посвящен доклад М. М. Мансурова. Докладчик подробно характеризует две группы памятников — шихминскую и качаскурскую.

Территориальная близость Средней Азии и Сибири дает возможность ожидать в палеолите Сибири элементов, представленных в Средней Азии. Этой тематике были посвящены доклады А. П. Окладникова «Проблемы древнейших культурных и этнических связей Средней Азии и Сибири (леваллуазская проблема)» и З. А. Абрамовой «Локальные культуры палеолита Сибири». З. А. Абрамова по общему количеству признаков объединяет афонтовскую, кокоревскую, сросткинскую и ошурковскую группы памятников в единую южносибирскую культурную область. Мальтинская, санномысская, дюктайская культуры с их специфическими особенностями остаются вне пределов этой области. Раннепалеолитические пункты на юге Восточной Сибири были рассмотрены в докладе Г. И. Медведева. Сейчас в Верхнем Приангарье насчитывается 27 местонахождений этой эпохи.

Накапливая новые материалы по каменному веку, необходимо их классифицировать по единой системе. Об этом шла речь в докладе Г. Н. Матюшина. Докладчик предложил схему общей классификации археологического материала. Выявлению закономерностей высотных расположений памятников каменного века был посвящен доклад А. А. Никонова. Он составил график для бассейнов верхней Амударьи и Пянджа с нанесением относительных высот и возраста документированных находок и памятников. Такие же графики составлены им для Средней Азии, Казахстана и Русской равнины.

Узбекистан — один из первых очагов в развитии скотоводства в Средней Азии. К этому выводу пришел Г. В. Шацкий, изучая петроглифы. Фауна четвертичного периода Юго-Западного и ископаемые млекопитающие Восточного Узбекистана подробно охарактеризованы в докладах Б. Х. Батырова и Т. Х. Худайбердиева. В совместном докладе А. В. Виноградова и Э. Д. Мамедова было показано, что изучение морфологии и физико-химических свойств древних почв позволяет судить о ландшафтно-климатических условиях пустынных районов Средней Азии. О. М. Ростовцев убедительно доказал, что палеогеновые известняки могут служить поисковым признаком для нахождения палеолитических и неолитических мастерских.

Во время работы совещания развернулись интересные и оживленные дискуссии по общим вопросам выделения культур и локальных вариантов; определению понятий культура, путь развития, линия развития, а также по конкретным памятникам. Участники совещания совершили экскурсии на Кульбулак, Учтут и Самаркандскую стоянку. В музее была устроена выставка материалов основных палеолитических, мезолитических и неолитических памятников Узбекистана и Таджикистана. В целом совещание прошло на высоком научном уровне. Была принята развернутая резолюция по очередным практическим и теоретическим вопросам изучения каменного века Средней Азии и Казахстана. Приводим ее часть, посвященную разработке варианта понятийной сетки.

«В области каменного века накоплен огромный фактический материал, позволяющий воссоздать историю путем конкретно-исторического анализа. При этом устанавливается реально существующее и широко распространенное наличие локальных различий, появление которых объясняется воздействием ряда причин,— природными, хозяйственными и социальными факторами, воздействующими через посредство общественной практики и закрепляемых первобытным традиционализмом. Для строгого изучения этих явлений на уровне археологического исследования как исходной базы всех последующих реконструкций необходимо применение методов логической формализации с фиксируемым значением исходных понятий. При исследовании археологического материала с целью выявления локальной вариабельности совещание рекомендует следующую таксономическую систему: тип, компаунд, культура, вариант, общность.

Тип — совокупность предметов или сооружений, имеющих устойчивое сочетание основных элементарных признаков. Компаунд (культурный комплекс) — совокупность типов предметов или сооружений, объединяемых по материалу (кремневый, керамический, бронзовый и т. д.) или назначению (погребальный, жилище и т. д.). **Археологическая культура,**— это объективная совокупность остатков материальной культуры, представленных типами и находящихся в прочной взаимосвязи и определенным образом ограниченных во времени и в пространстве. В историческом отношении археологическая культура может соответствовать определенным объединениям с устойчивыми внутренними связями социального и этнического характера. Археологическая культура представляет собой явление территориальное, хронологическое и генетическое. Археологическая культура — это проявление подлинной исторической деятельности, материальное выражение особенностей отдельных обособленных групп древнего населения. **Локальный вариант** — это составная часть археологической культуры, находящаяся в пределах тех же технико-типологических характеристик, как и вся культура, но имевшая некоторые специфические особенности. **Локальные варианты** — явление синхронное, и не должны быть смешаны с хронологическими этапами развития одной культуры. Культурная область (общность, единство) — это совокупность археологических культур, которые коррелируются между собой по составляющим их комплексам (компаундам).

Желателен поиск количественных показателей, характеризующих отличия указанных выше понятий. При исторической интерпретации наблюдаемых случаев локальной вариабельности могут быть использованы следующие понятия. **Путь развития** (линия развития) — совокупность территориально разобщенных памятников или культур, обладающих одинаковыми устойчивыми сочетаниями (сопряженным набором) некоторых типов. Причины сходства соответствующих наборов могут быть объяснены как общими генетическими корнями, так и объективными закономерностями конвергентного характера. **Зона** — территория преобладания культур определенных путей развития.

Совещание отметило важные заслуги археологов Средней Азии и Казахстана в изучении каменного века.

Г. В. Григорьева, У. И. Исламов

ОТВЕТ А. Х. ХАЛИКОВУ, П. Н. СТАРОСТИНУ, Е. А. ХАЛИКОВОЙ, А. Г. ПЕТРЕНКО и др.

Вопрос об этногенезе тюркоязычных народов Среднего Поволжья был поставлен еще в конце XVIII в. Сначала этой проблемой занимались лингвисты, и лишь с конца прошлого столетия в связи с накоплением археологического материала в эту работу включились археологи. В 1971 г. Институт языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова АН СССР опубликовал сборник статей, в котором затронуты вопросы происхождения тюркоязычных народов Среднего Поволжья и дана историческая интерпретация некоторых археологических памятников [1].

В 1972 г. вышли рецензии на этот сборник, подготовленные Г. Е. Корниловым и А. П. Смирновым [2]. Рецензенты отметили, что статьи сборника, посвященные проблеме этногенеза, оставили незатронутыми ряд важных вопросов. Некоторые из них вызвали серьезные замечания. Авторы сборника выступили с ответом [3], в котором А. Х. Халиков справедливо отмечает необходимость организации специальной научной сессии, где в деловой обстановке следовало бы обсудить вопросы происхождения тюркоязычных народов Поволжья и Приуралья.

Ответ авторов сборника касается в основном положений, высказанных в моей рецензии. Так, А. Х. Халиков указывает на противоречие у А. П. Смирнова, который на стр. 483 пишет: «Движение гуннов отразилось на этнической карте огромной

[1] Сб. «Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья». Казань, 1971.

[2] Сб. «История и культура Чувашской АССР», I. Чебоксары, 1972, стр. 481—517.

[3] СА, 1974, 1.

территории», а ниже, на стр. 484, отмечает: «Пришельцы не оказали большого влияния на местное аборигенное население и, по-видимому, растворились в нем». Эти места рецензии касаются двух разных вопросов: первый — движения гуннов, второй — прихода угров на Верхнюю Каму, где они оставили курганы типа «Качка».

А. Х. Халиков обратил внимание на допущенную рецензентом неточность: в статье А. Х. Халикова говорится, что памятники нового типа появились в Прикамье не позже II или рубежа II—III вв. н. э., в рецензии же сказано, что он датирует их III—IV вв. Имеются разные точки зрения относительно верхней хронологической границы пьяноборской и кара-абызской культур, а также о времени существования таких памятников, как Андреевский курган и Кошибеевский могильник, для которых характерны яркие черты пьяноборской и древнемордовской культур, что признается всеми исследователями.

А. Х. Халиков не согласен с рецензентом, что Писеральские курганы оставлены потомками абашевского населения. По его мнению, обычай сооружения общих насыпей над десятками и сотнями могил имел широкое распространение. Однако это не так. Сходство абашевских и писеральских курганов заключается в том, что насыпь сооружали спустя некоторое время после захоронения. Этот срок был довольно значителен, и такой обряд не имел широкого распространения. Обычно при захоронении небольшие могильные холмики сливались один с другим, и постепенно вырастал большой курган, т. е. насыпь складывалась постепенно. Так было в Сибири, на Южном Урале и в других районах, на которые в подтверждение своей точки зрения ссылается А. Х. Халиков [4]. Недоразумением можно объяснить привлечение могильника на Иволгинском городище, который не принадлежит к числу курганных памятников.

А. Х. Халиков считает неубедительной попытку А. П. Смирнова усмотреть в Писеральских курганах традиции абашевских племен, живших по крайней мере на полторы тысячи лет раньше писеральского населения и ничего общего с ним, кроме курганных насыпей, не имеющих. Мой уважаемый оппонент не прав. Имеет значение не курганная насыпь вообще, а прежде всего единовременное ее создание по прошествии какого-то времени. Эта черта редко встречается на территории Евразии. Во всяком случае «факты», приведенные А. Х. Халиковым в пользу широкого распространения такого обряда, не подтвердились.

Второй важный вопрос — о генетической преемственности культур при разрыве в несколько столетий. В. А. Городцов установил общность элементов и преемственность между дако-сарматским и русским народным искусством конца XIX в. [5] П. Д. Либеров убедительно связал катакомбную, срубную и абашевскую культуры Подонья с культурой будинов раннего железного века при разрыве около 500 лет [6]. Установлена преемственность между скифским звериным стилем и средневековой манерой изображения зверей, хотя их разделяет полторы тысячи лет [7]. Полагаю, что своеобразие в создании курганной насыпи у абашевцев и писеральцев — явление крайне редкое и позволяет говорить о генетической связи, несмотря на большой хронологический разрыв.

Я не разделяю точку зрения А. Х. Халикова о начале больших этнических изменений в первые века нашей эры, которые будто бы были вызваны внедрением прикамских племен, сармат и, может быть, будинов. Судя по археологическим данным, эти события датируются более ранним временем. Как было установлено еще трудами В. В. Гольмстен, прикамские племена продвигаются до Самарской луки и даже до саратовского течения Волги уже в раннем железном веке. Сарматы появляются на территории Башкирии и доходят до Камы еще в конце савроматской эпохи [8]; это внедрение продолжается непрерывно до средневековья. С эпохи бронзы и особенно в железном веке усиливаются связи с Сибирью. Наблюдается проникновение на запад ананьинско-пьяноборского населения [9]. В III—IV вв. н. э. внедрение иноплеменников усилилось.

Ссылка на А. П. Смирнова, якобы отметившего серьезные изменения в расселении пьяноборских и кара-абызских племен, неверна. Не точна и ссылка на мнение А. Х. Пшеничнюка, который пишет «Нет полной ясности в отношении конечной даты кара-абызских памятников. Определить ее на основании поселений не представляется возможным, поскольку вещевой материал, обнаруженный в этих памятниках, очень ограничен и невыразителен... Поэтому условно хронологическую гра-

---

[4] История Сибири, I. Л., 1968, стр. 256; К. Ф. Смирнов. Савроматы. М., 1964, стр. 82; М. Г. Мошкова, В. Ф. Генинг. Абатские курганы и их место среди лесостепных культур Зауралья и Западной Сибири. МИА, 153, 1972, стр. 98.

[5] В. А. Городцов. Дако-сарматские религиозные элементы в русском народном творчестве. Тр. ГИМ, I, 1926, стр. 171.

[6] П. Д. Либеров. Древняя история населения Подонья. Автореф. докт. дис. М., 1971, стр. 50.

[7] Тезисы докладов III Всесоюзной конференции по вопросам скифо-сарматской археологии. М., 1972, стр. 56, 62, 67.

[8] М. Х. Садыкова. Сарматские памятники Башкирии. МИА, 115, 1962, стр. 242.

[9] А. В. Збруева. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. МИА, 30, 1952, стр. 187.

ницу кара-абызских памятников мы доводим до I—II вв. н. э.»[10]. А. Х. Халиков определяет конец пьяноборского времени не позже рубежа II—III вв. н. э. и, в частности, ссылается на А. П. Смирнова, который никогда не высказывал такой точки зрения. С. М. Васюткин склонен относить конец пьяноборской эпохи к рубежу II—III вв., причем считает эту дату условной[11].

А. Х. Халиков прав, отмечая уникальный характер Тураевской курганной группы. В погребальном обряде этого памятника он видит курганные насыпи с кольцевыми канавками, глубокие ямы с каменными закладками, стены ям со ступеньками или боковыми подбоями, следы ритуальных кострищ. А. Х. Халиков предполагает, что «с этих племен мы должны начинать период тюркизации Приуралья»[12]. Это заключение нельзя считать обоснованным. В Тураевском могильнике представлен один из вариантов сарматского погребального обряда: земляная курганная насыпь с кострищами, прямоугольные могилы (простые и с подбоями), засыпь камнем, положение покойника в вытянутом состоянии. Вызывает сомнения ровик, который, как считает А. Х. Халиков, необычен для сармат. Однако ровики в отдельных случаях зафиксированы и у сармат[13]. Разумеется, нельзя ожидать в Тураевском могильнике наличие всех черт сарматского погребального ритуала, тем более что некоторые из них не всегда встречаются даже в классических сарматских могильниках например, меловая подсыпка.

В подтверждение ранней тюркизации Приуралья А. Х. Халиков ссылается на К. А. Акишева и Г. А. Кушаева, которые исследовали в Казахстане курганы с каменными кольцами, но без ровиков. Следует отметить, однако, что они принадлежат не тюркам, а ираноязычным усуням. Далеко не все предметы погребального инвентаря можно привлекать для решения этнических вопросов. Нельзя считать этническими признаками орудия труда, конские удила, оружие, обычно распространенные на широкой территории, а также различные пряжки середины I тысячелетия н. э., восходящие к сарматским прототипам. Никаких тюркских черт в курганах, исследованных К. А. Акишевым и Г. А. Кушаевым, нет.

А. Х. Халиков прав, отмечая отсутствие в Прикамье диагональных захоронений. Но ведь погребальный обряд сармат очень разнообразен и не ограничивается катакомбами и диагональными захоронениями. Часто встречаются и другие типы могил. Так, М. Г. Мошкова, описывая прохоровские погребения, отмечает их разнотипность — узкие грунтовые ямы, подбои, погребения в насыпи, широкие грунтовые могилы и др.[14] Отсутствие диагональных захоронений еще не дает оснований считать этот памятник тюркским. Разнообразие могильных сооружений у сармат отмечает и К. Ф. Смирнов[15].

Кто же оставил эти памятники? К. Ф. Смирнов, на которого ссылается А. Х. Халиков, пишет: «...до этого времени (т. е. до IV—V вв.— *А. С.*) просуществовала в степях Восточной Европы позднесарматская культура, носителями которой были кочевые племена. Их основу еще составляли ираноязычные (сарматские) кочевники, но среди них надо предполагать уже значительную примесь из Сибири, Казахстана и Средней Азии, в том числе и ранних тюрок, входящих в состав грозного и мощного гуннского союза»[16]. В трактовке А. Х. Халикова предположение К. Ф. Смирнова превратилось в безусловное решение вопроса о присутствии тюркоязычных гуннов в сарматской среде. А. Х. Халиков отмечает появление в это время некоторых не свойственных сарматам черт погребального обряда, в том числе трупосожжения, северной ориентировки. Указывается также на обычай деформации черепа. Однако все эти признаки не являются новыми. Трупосожжение известно на этой территории с эпохи бронзы. Северная ориентировка встречается в савроматскую эпоху[17], а в конце сарматского времени становится господствующей. Деформация черепов зафиксирована в Предкавказье еще в эпоху бронзы. Этот обычай был известен и населению прохоровской культуры. Однако в Забайкалье, в землях гуннов, деформированные черепа не встречены. Нет об этом упоминания и в китайских источниках. К. Ф. Смирнов прав, считая, что деформация головы не этнический признак, а скорее всего показатель социального положения[18].

---

[10] А. Х. Пшеничнюк. О периодизации кара-абызских памятников. Уч. зап. ПГУ, 148, Пермь, 1967, стр. 136.

[11] С. М. Васюткин. О периодизации этнической истории Башкирии. АЭБ, IV, УФА, 1971, стр. 136.

[12] А. Х. Халиков. Истоки формирования тюркоязычных народов Поволжья и Приуралья. В сб. «Вопросы этногенеза...», стр. 13.

[13] И. В. Синицын. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья. Уч. зап. СГУ, XVII, Саратов, 1947, стр. 73, 87.

[14] М. Г. Мошкова. Памятники прохоровской культуры. САИ Д1-10, М., 1963; стр. 21.

[15] К. Ф. Смирнов. Сарматские племена Северного Прикаспия. КСИИМК, XXXIV, 1950, стр. 106 и сл.

[16] К. Ф. Смирнов, С. А. Попов. Савромато-сарматские курганы у с. Липовка Оренбургской обл. МИА, 153, стр. 26.

[17] К. Ф. Смирнов. Савроматы, стр. 91.

[18] К. Ф. Смирнов. Ранние кочевники Южного Урала. В сб. «Археология и этнография Башкирии», IV. Уфа, 1971, стр. 76.

В своем ответе А. Х. Халиков вновь поставил вопрос о трупосожжениях Рождественского могильника. Напомню в этой связи, что в Волынцевском могильнике кремированные остатки найдены не только в урнах, но и в ямах, что сближает эти два памятника. К этому следует добавить трупосожжения Дмитриевского могильника и Новотроицкого городища. В последнем остатки сожжения лежали в земле [19]. Все эти материалы должны быть привлечены к решению вопроса об этнической принадлежности Рождественского могильника. Едва ли правильно сравнение грунтовых могильников (типа Рождественского), содержащих трупосожжения, с курганными сожжениями Саратовского Поволжья.

Сопоставляя погребальные памятники, необходимо учитывать количественный показатель типов захоронений. Нельзя сопоставлять отдельные, частные случаи кремации с погребениями могильников, где кремация является основным или единственным обрядом захоронения. Рождественский могильник содержал только сожжения и поэтому хорошо сближается с Волынцевским, а также многими могильниками Центральной Европы. В Сибири и Средней Азии первой половины I тысячелетия н. э. захоронения кремированных трупов встречаются спорадически. Нам неизвестны здесь могильники, которые давали бы исключительно кремацию. Привлекать могильники таштыкской культуры нельзя, так как они резко отличаются по устройству могил и деталям погребального обряда.

Многие исследователи считают, что Волынцевский могильник принадлежал северянам. Это соответствует византийским источникам, которые помещали славян-антов к северу от булгар. Существует обоснованное мнение, что булгары еще до разделения были славянизированы. Представляется вполне вероятным, что Рождественский могильник принадлежит славянам, ушедшим на север, может быть немного раньше булгар.

Вопрос о древнем тюркском пласте у чувашей требует специального разбора. В настоящее время трудно выделить в чувашском костюме тюркские и более ранние финно-угорские элементы. Однако можно заметить, что женские нагрудники и передники известны не только в Азелинском могильнике, но также у древних удмуртов (могильник Чемшай под Глазовом) и марийцев X—XI вв. (могильник Бигер-шай). Полусферическая шапочка встречена в могильниках Чем-шай и Бигер-шай. Азелинская шапочка с украшениями по бокам [20] близка чемшайской. Тухья чувашей имеет нащечники [21], отсутствующие на азелинской шапочке. Возможно, чувашская тухья восходит к прототипам финно-угорских головных уборов.

Нельзя согласиться с оценкой А. Х. Халиковым работы В. Ф. Каховского, построения которого хорошо аргументированы. Кроме В. Ф. Каховского, савиров помещает на Северном Кавказе и в Прикаспии М. И. Артамонов [22]. Сходство керамики гуннов Забайкалья прежде всего ее орнаментации с посудой Дагестана и Волжской Булгарии косвенно подтверждает это положение.

Трудно согласиться с использованием А. Х. Халиковым для этнических построений восточного серебра и оружия. Ссылка на авторитет В. Ф. Лещенко не убеждает. Большинство исследователей считает присутствие восточного серебра в Прикамье и Западной Сибири показателем оживленных торговых связей с Ираном и Средней Азией. За ценные меха население Прикамья получало серебряную утварь, которая использовалась в культовых целях. Эти связи начались еще до нашей эры, когда ни о каком тюркском населении в Средней Азии не могло быть и речи. А. Х. Халиков связывает появление восточного серебра в Прикамье с волной тюркского переселения. Аналогично трактует он и находки восточного оружия. Встав на эту точку зрения, мы обнаружим скифское население в Прикамье в I тысячелетии до н. э.— ведь находки скифского оружия в пределах ананьинской культуры достаточно многочисленны. В равной мере можно говорить об едином этносе в Европе на основе находок однотипного оружия второй половины I тысячелетия н. э.

В. А. Оборин прав, отмечая чрезмерное преувеличение роли угорского и тюркского населения в Прикамье в работах В. Ф. Генинга и А. Х. Халикова [23]. Материал, которым мы располагаем, позволяет считать, что тюрки начинают активно проникать на север только с эпохи Хазарского каганата и Волжской Булгарии, что нашло свое отражение в письменных источниках, а также в украшениях и керамике, не говоря уже об оружии — мечах и стрелах. Эти внедрения оказали существенное влияние на состав местного населения, о чем мы можем судить по антропологическим данным.

---

[19] И. И. Ляпушкин. Городище Новотроицкое. МИА, 74, 1956, стр. 157.

[20] А. П. Смирнов. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. МИА, 28, 1952, рис. 52, *5;* В. Ф. Генинг. Азелинская культура. ВАУ, 5, Ижевск, 1963, рис. 23.

[21] Чуваши, I. Чебоксары, 1956, стр. 307.

[22] М. И. Артамонов. История хазар. Л., 1962, стр. 70, 71.

[23] В. А. Оборин. Некоторые вопросы этногенеза коми-пермяков. В сб. «Вопросы марксистско-ленинской теории нации и национальных отношений». Пермь, 1972, стр. 135.

Решение вопросов этнической истории Западного Приуралья в настоящее время упирается в слабые источниковедческие данные. Это обусловило различные точки зрения на содержание археологических культур и их этническое определение. Необходимо уточнить характерные признаки археологических культур Прикамья, их датировку, выявить наиболее важные памятники и определить по возможности их племенную принадлежность. Это позволит решать и проблемы исторического характера. В настоящее время мы не располагаем данными, позволяющими говорить о ранней тюркизации населения Западного Приуралья.

Тюркские элементы, которые можно выявить в Забайкалье, на территории Тувы, Средней Азии, появляются на Средней Волге только в булгарскую эпоху. У нас нет оснований говорить об этом для более раннего времени. Другое дело — VI—VII вв., когда сложился западно-тюркский каганат, а позднее Хазарская держава, которые оказали большое влияние на культурную и политическую обстановку в Восточной Европе. Этого никто никогда не отрицал.

Статья П. Н. Старостина «Этнокультурные общности предбулгарского времени в Нижнем Прикамье»[24] в значительной мере повторяет его ранее вышедшую работу[25]. Нельзя не признать, что племена именьковской культуры земледельческие. П. Н. Старостин подчеркивает роль финно-угорского населения в сложении именьковской культуры, что совершенно бесспорно. Неясен вопрос о тюркском компоненте. Сторонники тюркской принадлежности именьковской культуры опирались на общеисторические соображения. П. Н. Старостин отмечал: «Известно, что проникшие в Восточную Европу тюркоязычные племена утратили многие черты далеких предков и во многом восприняли позднесарматскую культуру. Поэтому выделять чисто тюркские комплексы в данном регионе весьма затруднительно. Но если учесть общую политическую обстановку, сложившуюся в Прикамье в I тысячелетии н. э., то проникновение тюркских элементов весьма вероятно»[26]. Все же эта правильная оговорка не дает оснований считать именьковскую культуру тюркоязычной, особенно если учесть общность многих элементов в городецкой и именьковской культурах.

В последние годы под руководством Е. А. Халиковой были проведены большие и трудоемкие работы по исследованию Танкеевского могильника. Этот памятник давно привлекает внимание ученых. Его этническая интерпретация вызывает горячие споры. В результате раскопок, проведенных на высоком методическом уровне, получен огромный материал. В обстоятельной статье Е. А. Халиковой[27] приведено много интересных данных, в том числе статистического характера. Однако полного представления о памятнике читатель не получает, так как в статье не сопоставлены формы могильных ям с положением покойников, их ориентировкой, положением рук, поворотом головы, характерным инвентарем. Статью следовало бы сопроводить подробной корреляционной таблицей. Е. А. Халикова в своем ответе на рецензию сообщает, что в ее статье «проведена подобная корреляция и для ям сложной конструкции с заплечиками». Однако она сделана неполно, не для всех видов погребений. Полные, подробные корреляционные таблицы совершенно необходимы, учитывая, что Е. А. Халикова выступила с обоснованием важных положений по этнической интерпретации памятника.

Серьезным недостатком статьи Е. П. Казакова является отсутствие перечня могильных комплексов или хотя бы неразграбленных погребений[28], без чего невозможна историческая интерпретация памятника. Недостаток статьи А. Г. Петренко[29] заключается в том, что она сравнивает остеологические остатки именьковской культуры с материалами слишком отдаленных территорий. Для понимания специфики развития хозяйства именьковского населения было бы правильнее обратиться к более ранним материалам с той же самой территории, т. е. к памятникам городецкой и пьяноборской культур. Проследив изменения в составе и породе скота, можно делать и исторические выводы. Следовало бы проанализировать и материал бронзовой эпохи, когда на этой территории расселились племена срубной культуры со степными породами скота. Они, по-видимому, и обусловили изменения в составе местного стада. Это видно по материалу Танавского, Чердымского и Городецкого городищ. Близость танавской и именьковской лошадей отмечает и сама А. Г. Петренко. Ей следовало бы строже отнестись к отбору комплексов и, конечно, не привлекать Ножа-вар, Пичке-сорче, Таутовское, Хула-сючь — памятники

---

[24] См. сб. «Вопросы этногенеза...», стр. 37—54.

[25] П. Н. Старостин. Памятники именьковской культуры. САИ Д1-32, М., 1967.

[26] А. Х. Халиков, П. Н. Старостин, Е. А. Халикова и А. Г. Петренко. Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья (по поводу рецензии А. П. Смирнова). СА, 1974, 1.

[27] Е. А. Халикова. Погребальный обряд Танкеевского могильника. В сб. «Вопросы этногенеза...», стр. 64—93.

[28] Е. П. Казаков. Погребальный инвентарь Танкеевского могильника. В сб. «Вопросы этногенеза...», стр. 94—155.

[29] А. Г. Петренко. Некоторые особенности развития животноводства I тысячелетия н. э. у пришлых племен Волжско-Камского края. В сб. «Вопросы этногенеза...», стр. 55—63.

смешанного характера. Они изданы, и можно было легко проверить неправомерность их привлечения для решения поставленной задачи. Хула-сючь — памятник рубежа бронзовой и железной эпох. Этот культурный комплекс был выделен П. Д. Степановым. Он встречен на большинстве поселений городецкого времени. Таутовское поселение и могильник относятся к фатьяновской, финно-угорской (V—VI вв. н. э.) и булгарской культурам. Пичке-сорче тоже содержит материал типа Хула-сючь. Отсутствие строгого отбора находок — серьезный недостаток статьи А. Г. Петренко.

Примечательно, что сборник «Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья» вышел с эмблемой в виде фигуры всадницы, характерной для религии и прикладного искусства финно-угорских народов севера Восточной Европы и не встречаемой вне земель финно-угров. Все материалы, которыми на сегодняшний день располагает археология (вещи, погребальный обряд, могильные сооружения), свидетельствуют о финно-угорском субстрате, прослеживаемом на огромных пространствах края. Население, оставившее курганы типа Харинских и Качка, не сыграло большой роли в изменении этнического состава Прикамья. Обычай хоронить в грунтовых могилах, характерный для ананьинской эпохи, в III—IV вв., после небольшого перерыва снова возрождается в Среднем Прикамье и существует до нового времени.

Несомненно, внедрение угорского и сарматского, а позднее тюркского элементов наложило некоторый отпечаток на культуру местного населения, но не внесло заметного изменения в его этнический состав. В этом отношении правильна позиция В. А. Оборина [30]. В Волжской Булгарии во всех частях государства мы встречаем финно-угорский компонент. Он прослеживается в Танкеевском и Больше-Тарханском могильниках, а также представлен в городищах Биляр, Сувар, Булгар, Алексеевское и др. Известен он на городищах Самарской луки, в Пензенской области и в Чувашии, причем особенно выражен в западных районах.

Изучению проблемы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья должны предшествовать источниковедческая работа, точный вещеведческий анализ, выявление всех культурных компонентов с количественным их учетом. Только после этого можно приступать к историческим обобщениям.

А. П. Смирнов

---

[30] В. А. Оборин. Ук. соч., стр. 135.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИКСП — Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья, Ленинград, 1968
АИУ — Археологические исследования на Украине, Киев
АП — Археологічні пам'ятки, Київ
АЭБ — Археология и этнография Башкирии, Уфа
АЭС — Археолого-этнографический сборник
БАС — Башкирский археологический сборник
БГУ — Башкирский гос. университет
ВАУ — Вопросы археологии Урала, Свердловск
ВГОМ — Владимирский гос. областной музей
ВДИ — Вестник древней истории, Москва
ВИА — Всеобщая история архитектуры в 12 томах, Москва
ВИУ — Вопросы истории Урала, Свердловск
ВЯ — Вопросы языкознания
ГИМ — Гос. исторический музей, Москва
Даг.ИИЯЛ — Дагестанский Институт истории, языка и литературы
ГИН — Геологический институт АН СССР
ЕКМ — Евпаторийский краеведческий музей
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей, Одесса
ИАА — История архитектуры Азербайджана
ИАК — Известия Императорской археологической комиссии
ИАН — Известия Академии наук СССР
ИГАИМК — Известия Гос. академии истории материальной культуры
Изд. Инг. НИИ — Издательство Ингушского научно-исследовательского института краеведения
ИОРЯС ИАН — Известия Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук
ИРИ — История русского искусства, АН СССР
ККД — Кара-кумские древности
КСИА АН СССР — Краткие сообщения (о докладах и полевых исследованиях) Института археологии АН СССР, Москва
КСИА АН УССР — Краткие сообщения Института археологии АН УССР, Киев
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР
КС ОГАМ — Краткие сообщения Одесского гос. археологического музея, Одесса
ЛГУ — Ленинградский гос. университет
МАД — Материалы по археологии Дагестана
МАР — Материалы по археологии России
МАЭ — Музей антропологии и этнографии АН СССР, Ленинград
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МУ — Молотовский гос. университет
НМЭСК — Новые материалы по арабской эпиграфике на Северном Кавказе
НС — Нумизматика и сфрагистика
ОАК — Отчеты Императорской археологической комиссии
ОИС — Очерки по истории Ставрополья
ПАК — Працы Археалёгічнай Камісіі. Запіскі Аддзелу гуманітарных навук...
ПГУ — Пермский гос. университет
ПДЛ — Памятники древнерусской литературы СССР
ПК — Памятники культуры. Исследование и реставрация
РГО — Русское географическое общество
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
СБК — Средневековые башни и склепы Балкарии и Карачая
СГАИМК — Сообщения Гос. академии истории материальной культуры
Сб.МОИЗО — Сборник материалов, относящихся к исследованию Золотой Орды
СОМК — Саратовский областной музей краеведения
СРС — Слов'яно-руські старожитності, Київ, 1969
СЭ — Советская этнография
ТОВЭ — Труды Отдела Востока Гос. Эрмитажа
ТОДРА — Труды Отдела древнерусской литературы
ЧИНИИЯЛ — Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы
ЦПО — Центральная промышленная область
ЭВ — Эпиграфика Востока
AA — Acta Archaeologica, København
BMMA — Metropolitan Museum of Art, Bulletin, New York
ESA — Eurasia Septentrionalis Antiqua, Helsinki
IOSPE, I^2 — Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini. Vol. I, edit. 2, Petropoli, 1916
JNES — Journal of Near Eastern Studies, Chicago
JRAS — Journal of the Royal Asiatic Society, London
SMYA — Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. Finska Fornminnesföreningens Tidskrift. Helsinki

SOMMAIRE

A. A. Formozov. (Moscou). Archéologie en Académie des Sciences 3
E. V. Antonova (Moscou). Figurines anthropomorphes de la civilisation halafienne 14
A. L. Nikitine (Moscou). La culture «volossovienne» existait-elle bien? . . . 27
G. N. Kourotchkine (Léningrad). A propos de l'interprétation de certaines figurations de l'âge de fer initial provenant du territoire de l'Iran septentrional . 34
I. A. Babaev (Bakou). Tuile antique de l'Albanie caucasienne 48
B. You. Mikhline (Donetsk). Amphores de terre «brune» provenant de la Crimée Nord-Ouest 60
V. A. Moguilnikov (Moscou). Sur la différentiation de la communauté éthnique des Ougres obiens dans le premier millénaire de n. è. 68
P. N. Trétiakov (Léningrad). Quelques données sur les relations sociales dans le milieu des Slaves orientaux au I millénaire de n. è. 73
M. A. Sabourova (Moscou). Coiffe féminine chez les Slaves 85
E. V. Vorobieva, A. A. Tits (Kharkov). Sur la datation de la cathédrale Saints-Boris-et-Glèbe et celle de l'Assomption à Tchernigov 98
V. I. Fedorov (Moscou). Cathédrale de l'Annonciation de Kremlin de Moscou à la lumière des recherches de 1960—1972 112
R. G. Fakhroutdinov (Kazan). Sur la capitale de la Bulgarie prémongole . . . 131

Publications

V. I. Néprina, A. S. Béliaev (Kiev). Village et nécropole d'une nouvelle culture néolithique au nord de l'Ukraine 144
I. G. Rosenfeldt (Moscou). Campement près du village de Négotino dans la région de Briansk 157
N. N. Térékhova (Moscou). Traitement du métal dans le village énéolithique de Géoksur 167
S. G. Dévedjian (Érévan). Nécropol de Lori-Berd 180
M. P. Abramova (Moscou). Sépultures de l'époque scythe dans la Précaucasie centrale 195
V. P. Darkévitch, B. I. Marchak (Moscou, Léningrad). Sur le soi-disant «plat syrien» provenant de la région de Perm. 213
R. A. Dautova, Kh. M. Mamaev (Grozny). Sites archéologiques moyenâgeux près du village Ali-Yourt 223
T. B. Palimpsestova, A. P. Rounitch (Essentouki). Sur les mausolées d'Essentouki et le quartier général d'Ouzbek-Khan 229
R. B. Akhmérov (Oufa). Trouvailles archéologiques en Bachkirie 240

Notes

A. A. Formozov (Moscou). A propos de la figuration sur la petite hache en os provenant de Doudarkov 249
A. A. Moroujenko (Donetsk). Epée scythe de la collection du musée archéologique de l'Université National du Donetsk 252
K. K. Martchenko (Léningrad). Fortifications de l'agglomération fortifiée d'Elissavétovskaïa sur le Don 253
Kh. M. Mamaev, V. A. Petrenko (Grozny). Récipient en verre provenant des environs de l'agglomération fortifiée d'Alkhan-Kalane 257
You. F. Bouriakov M. G. Kramarovski (Samarkand). Ceinture en plaques provenant de Samarkand 258
F. G. Mamédov (Bakou). Monument inconnu de l'architecture de l'Azerbaïdjan moyenâgeux 263

Critique et Bibliographie

D. I. Téléguine (Kiev). R. K. Rimanténé. Le paléolithique et le mésolithique 269
A. V. Vinogradov, C. A. Olénitch (Moscou). Gandj-Dareh — nouveau site néolithique dans l'Iran occidental (revue des publications) 271
E. N. Tchernykh (Moscou). Avis sur le livre de N. V. Ryndina «La plus ancienne industrie du traitement de métal en Europe Est» 276
V. I. Kozenkova (Moscou). Avis sur le livre de V. V. Vinogradov «Caucase central et ses régions nord-est à l'époque scythe». Grozny, 1972 290
V. B. Kovalevskaïa (Moscou). Les méthodes mathématiques de l'Archéologie. Paris, 1972 290
Littérature sur l'archéologie de l'Asie Centrale et de Kazakhstan en 1971 295

Chronique

G. V. Grigorieva, Ou. I. Islamov (Léningrad, Samarkand). Conférence de 1972 sur l'âge de pierre de l'Asie Centrale et du Kazakhstan 318
A. P. Smirnov (Moscou). Sur le problème de l'éthnogénèse des peuples turcs du bassin moyen de Volga (Réponse à A. Kh. Khalikov, P. N. Starostine, E. A. Khalikova, A. G. Petrenko et autres) 320

Технический редактор *Т. А. Аверкиева*

Сдано в набор 17/I—1974 г. Т-06506 Подписано к печати 26/III—1974 г. Тираж 3330 экз.
Зак. 69 Формат бумаги 70×108¹/₁₆ Усл. печ. л. 28,7 Бум. л. 10¼ Уч.-изд. л. 32,1

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10